ФИЛИП ДИК

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

В ОЖИДАНИИ ПРОШЛОГО

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

PHILIP K.

DICK

ФИЛИП К.
ДИК

В ожидании прошлого

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРМАК
Москва
2004

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Д45

Серия основана в 2001 году

Перевод с английского Н. Романецкого
(«Мечтают ли андроиды об электрических овцах?», «Симулякры»),
П. Киракозова («Вторжение с Ганимеда»),
С. Фроленка («В ожидании прошлого»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн А. Сергеева

Подписано в печать 11.02.2004. Формат 84x108$^{1}/_{32}$
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 5000 экз. Заказ № 1281

Дик Ф.К.
Д45 В ожидании прошлого: Сб.: Пер. с англ. / Ф.К. Дик. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 714, [6] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-023137-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-1205-1 (ЗАО НПП «Ермак»)

Филип К. Дик (1928—1982).

Величайший визионер от фантастики XX века.

Один из оригинальнейших писателей прошедшего столетия.

Человек, непрестанно задававший читателям один и тот же вопрос: «Насколько реальна РЕАЛЬНОСТЬ?»

Филип К. Дик. Автор, для творческого наследия которого «не работают» никакие эпитеты!

Перед вами — Филип К. Дик каков он есть.

Разный. Всегда — разный. И всегда — ВЕЛИКИЙ.

Филип К. Дик. Писатель, каждое произведение которого — дверь в иной мир. В мир забавный, но чаще — страшный.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Перевод. Н. Романецкий, 2004
© Перевод. П. Киракозов, 2004
© Перевод. С. Фроленок, 2004
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2004

МЕЧТАЮТ ЛИ АНДРОИДЫ ОБ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ ОВЦАХ?

Марен Аугусте Бергруд
(10.08.1923–14.06.1967)

Давно уже он в землю лег,
А все мне чудится: гуляет
Он в этих рощах,— на лужок,
Промокший от росы, ступает,
И распустившийся цветок
С ужимкой важной обоняет,
И слышит звонкий мой рожок...

Уильям Батлер Йейтс.
«Песня счастливого пастуха»

Окленд.

Вчера умерла черепаха, которую мореплаватель Джеймс Кук подарил королю Тонга в 1777 году. Ей было около двухсот лет.

Черепаха, которой было дано имя Ту'ималила, умерла в королевском дворце в Нукуалофа, столице Тонга.

У народа Тонга животное пользовалось большим уважением. После того как черепаха потеряла зрение, оказавшись както в горящем кустарнике, специально назначенные слуги постоянно следили за нею.

Радио Тонга сообщило, что панцирь Ту'ималила будет передан в музей Окленда, Новая Зеландия.

Рейтер, 1966

ГЛАВА 1

Стоящий возле кровати модулятор настроения послал слабый, приятный импульс, который и разбудил Рика Декарда. Слегка удивленный — а он всегда удивлялся состоянию бодрствования, которое наступало внезапно, без долгого просыпания и длительных зевков,— одетый в цветастую пижаму, Рик поднялся со своей кровати и потянулся. Айрен, его жена, тут же открыла серые глаза, моргнула, потом издала короткий стон и закрыла их вновь.

— Ты ставишь свой «Пенфилд» на низкий уровень,— сказал Рик.— Давай я добавлю, ты быстро проснешься и...

— Оставь регулятор в покое! — Голос жены прозвучал резко и зло.— Я не хочу просыпаться вовсе.

Рик сел рядом с Айрен, наклонился к ней и мягко объяснил:

— Если добавить уровень импульса, ты будешь просыпаться в хорошем настроении, только и всего. На уровне «С» модулятор приведет тебя в состояние бодрствования так же быстро, как меня.

Рик дружелюбно — его собственный «Пенфилд» был выставлен на уровень «D» — погладил обнаженные белые плечи жены.

— Убери свои лапы, грязный коп,— прошипела Айрен.

— Я не коп! — Рик, не ожидавший он нее подобной резкости, ощутил легкое раздражение.

— Ты хуже копа,— сказала жена, не открывая глаз.— Ты — нанятый копами убийца.

— Я никогда в жизни не убивал людей! — Раздражение переросло в откровенную неприязнь к жене.

— Людей ты действительно не убивал,— согласилась Айрен.— Зато несчастных анди...

— Должен заметить, что ты без колебаний тратила деньги, которые я получал за анди, на любую привлекшую твое внимание ерундовину...— Рик поднялся и подошел к консоли модулятора.— А ведь мы вполне могли накопить достаточную сумму, чтобы купить настоящую овцу и заменить эту электрическую подделку, что стоит наверху. При моих-то заработках можно было бы завести кое-что получше этой липовой скотины!

Он застыл в нерешительности перед модулятором, раздумывая, набрать ли код таламус-ингибитора (и погасить вспышку ярости) или таламус-стимулятора (и возбудиться до такой степени, чтобы выиграть спор).

— Если ты добавишь себе яда,— сказала Айрен, открыв глаза и пристально глядя на мужа,— я тут же последую твоему примеру. Я установлю модулятор на максимум, и ты узнаешь, что такое настоящий скандал.— Она резво соскочила с кровати и подбежала к своему «Пенфилду», по-прежнему внимательно наблюдая за действиями мужа.— Ну, давай, набирай! Посмотрим, что я за птица?!

Рик вздохнул, обезоруженный ее угрозой.

— Я наберу код, запланированный в моем графике на сегодня.

Заглянув в график, он обнаружил, что третьего января 1992 года от него требуется деловое, профессиональное отношение к работе.

— Если я последую своему графику,— осторожно сказал Рик,— ты согласишься набрать код, запланированный в твоем?

Он предусмотрительно не стал связывать себя никакими обязательствами, ожидая, согласится ли жена с его предложением.

— Согласно моему графику,— заметила Айрен,— у меня на сегодня запланирована шестичасовая депрессия с изрядной долей самообличения.

— Что? — удивился Рик: депрессии подрывали саму основу идеи моделирования настроения.— Зачем ты планируешь такие дни? — И уныло добавил: — Никогда бы не подумал, что ты можешь использовать модулятор для того, чтобы впасть в подобное состояние!

— Однажды днем я сидела дома,— сказала Айрен,— и, естественно, включила «Бастера Френдли и Его Гостей». И в тот момент, когда он собирался сообщить какую-то очень важную новость, программу перебили жуткой рекламной заставкой, из тех, которые я ненавижу... ну, ты знаешь, типа «Выбери свинцовые гульфики „Маунтибэнк“ или станешь специалом!» Поэтому я на время выключила звук и услышала... в здании, в нашем здании. Я услышала...— Она сделала рукой неопределенный жест.

— Пустые квартиры,— подсказал Рик.

Порой он тоже слышал их — ночью, когда вроде бы спал. Теперь даже наполовину заселенное здание, пригодное к эксплуатации, оценивалось очень высоко на схемах, отражающих плотность населения. Мало того, в районах, до войны называвшихся пригородами, можно было отыскать абсолютно пустые здания. Рик слышал о таких домах. Правда, он получал информацию из вторых рук и, подобно большинству людей, не стремился проверить ее.

— В тот момент,— продолжала Айрен,— когда я выключила звук телика, я была в настроении три-восемь-два. Я только что набрала этот код... Я воспринимала пустоту разумом, а не чувствами. Потом чувство пришло — я почувствовала благодарность и признательность за то, что мы можем пользоваться модулятором «Пенфилд». Такова была моя первая реакция. А потом мне вдруг стало понятно, что ощущать отсутствие жизни — это болезнь. Ощущать не только в нашем здании, но и повсюду, ощущать, но делать вид, что ничего не случилось... Понимаешь ты? Полагаю, вряд ли. И того короткого ощущения оказалось достаточно, чтобы посчитать его признаком психического заболевания. Они назвали его «отсутствие адекватного аффекта»... А тогда я оставила звук телика выключенным, подсела к модулятору настроения и стала экспериментировать. В конце концов я отыскала код отчаяния.— Смуглое дерзкое лицо Айрен просто светилось удовлетворением, будто она достигла чего-то стоящего.— И включила новый код в свой график. Он действует дважды в месяц. Думаю, этого вполне достаточно, чтобы прочувствовать безнадежность нашего существования здесь, на Земле, в то

время как все более или менее толковые люди давно эмигрировали. Тебе так не кажется?

— Подожди-ка,— сказал Рик.— Но ведь зациклившись на этом состоянии, ты рискуешь когда-нибудь не выйти из него. Отчаяние по поводу происходящего вокруг может стать нескончаемым.

— Я задаю автоматическое переключение через три часа,— спокойно объяснила жена,— на код А-четыре-восемь-один. «Осознание разнообразных возможностей, открывающихся для меня в будущем; новые надежды на...»

— Мне знаком четыреста восемьдесят первый,— перебил Рик. Он часто прибегал к данному коду, полагаясь на его помощь.— Послушай! — Рик сел на кровать, осторожно взял Айрен за руки и легонько потянул, пытаясь усадить рядом с собой.— Даже при автоматическом отключении вводить себя в депрессивное состояние какого бы то ни было вида опасно. Постарайся забыть о своих планах, а я изменю свои. Мы вместе наберем код один-ноль-четыре и вместе испытаем удовольствие и радость; потом ты оставишь то же настроение, а я переключусь на деловое, профессиональное отношение к работе. Сначала сбегаю наверх, гляну на овцу, а затем отправлюсь на работу. И буду спокоен, зная, что ты не сидишь здесь в грустной задумчивости перед выключенным теликом.

Рик осторожно отпустил длинные тонкие пальцы жены, пересек просторную спальню и вышел в гостиную, где все еще пахло дымом последних вечерних сигарет. Наклонился к телевизору.

— Терпеть не могу телик до завтрака! — донесся из спальни голос Айрен.

— А ты набери три восьмерки...— Рик ждал, пока телевизор нагреется.— «Желание смотреть любую телепередачу».

— Я вообще не испытываю потребности набирать,— сердито откликнулась Айрен.— Любой код...

— Тогда просто набери тройку.

— Я не собираюсь набирать код, стимулирующий кору головного мозга так, чтобы возникла потребность набирать другие коды! Когда я говорю, что не хочу набирать, то меньше всего мне нужна тройка. Ведь дальше потянет набирать другие коды, а сейчас сама мысль о них кажется мне наиболее гадким из всех побуждений, которые только можно представить. Сейчас мне требуется лишь одно — по-прежнему сидеть на кровати, уставясь в пол.— Голос Айрен переполняли самые мрачные оттенки уныния, душа ее превратилась в ледышку, а тело застыло, будто его

сковали невидимой, но плотно облегающей тяжелой и инертной оболочкой.

Рик прибавил громкость, и в гостиной загрохотал голос Бастера Френдли:

— Эй, люди! Пора прослушать краткий метеорологический прогноз на сегодня. Спутник «Мангуст» докладывает, что осадки будут досаждать нам до полудня, а потом слегка распогодится, так что если кто из вас, люди, собрался прошвырнуться...

За спиной Рика зашелестело. Это шуршала длинной ночной рубашкой Айрен, она подошла к телевизору и выключила его:

— О'кей, сдаюсь. Я согласна на любой код, который ты пожелаешь. К примеру, «Восхитительный сексуальный экстаз»... Мне сейчас так хреново, что я выдержу даже это. Какая, к дьяволу, разница?!

— Я наберу нам обоим...— Рик осторожно обнял жену и отвел ее обратно в спальню.

Там, склонившись над консолью модулятора Айрен, он набрал пять-девять-четыре («Удовольствие от оценки здравомыслия мужа в любых жизненных вопросах»). А на своем модуляторе закодировал «Творческое и свежее отношение к работе», хотя вряд ли нуждался в этом. Он умел ввести себя в подобное состояние и без искусственной стимуляции мозга с помощью «Пенфилда».

* * *

После торопливого завтрака — а препираясь с женой, Рик потратил почти все запланированное на него время,— он решил, что перед уходом на работу успевает заглянуть на пастбище, где «щиплет травку» его электрическая овца. Он оделся, не забыв и свинцовый гульфик фирмы «Маунтибэнк» (модель «Аякс»), попрощался с женой и поднялся на крышу. Животное, которое в действительности было электронно-механическим изделием, выполняло заложенную в него программу и старательно изображало удовольствие от «пастьбы», мистифицируя остальных жильцов здания.

Конечно же, и их животные, в массе своей, несомненно представляли собой комплексы электронных схем, будучи всего-навсего имитацией, но, как было принято, Рик никогда не совал нос в чужие дела и не пытался выяснить подлинность соседских питомцев. И соседи, в свою очередь, не допытывались о происхождении его овцы: живет, мол, она или всего-навсего работает? Спросить, настоящая ли у вас овца, считалось верхом невоспитанности. Это было не менее невежливо, чем поинтересоваться

у гражданина, настоящие ли у него зубы, волосы и отдельные внутренние органы и не следует ли подвергнуть их проверке.

Утренний воздух был смешан с затуманивающей солнце серой радиоактивной пылью, от нее щекотало в носу, и Рик то и дело фыркал, пытаясь изгнать из носа эту смертельную заразу. «Впрочем, наверное, это слишком сильное выражение для моих ощущений»,— подумал он, направляясь к покрытому дерном участку, который находился в его собственности вместе со слишком большой квартирой. Наследие Последней Мировой Войны изрядно потеряло силу; те, кто проиграл пыли, ушли в забвение много лет назад. Сегодня пыли противостояли закалившиеся в борьбе с нею; ослабевшая пыль больше не убивала — она лишь доводила людей до сумасшествия и влияла на наследственность. Да, Рик носил свинцовый гульфик, но пыль, без сомнения, оказывала влияние на его организм — изо дня в день, из месяца в месяц... Все эти годы, пока он отказывался эмигрировать. Она медленно отдавала ему свою заразу — порция за порцией. Однако проводившиеся каждый месяц медицинские осмотры до сих пор подтверждали, что он нормал — мужчина, который может иметь детей, поскольку толерантность [1] его находится на должном уровне. Конечно же, в любой момент при очередном осмотре врачи из департамента полиции Сан-Франциско могут сделать иной вывод. Из года в год под воздействием всепроникающей пыли все новые и новые нормалы превращались в специалов. И очень популярным стал слоган, который можно увидеть на рекламных щитах и в телевизионных передачах или услышать из уст правительственных чиновников. Он звучал так: «Эмигрируй или дегенерируй! Выбор твой: или жизнь, или вечный покой!»

«Воистину так,— подумал Рик, открывая ворота небольшого загона и направляясь к электрической овце.— Вот только как эмигрируешь, с такой-то работенкой!»

Тут его окликнул Билл Барбур, владелец соседнего пастбища. Как и Рик, он был одет,— чтобы проведать животное и отправиться на работу, не забегая больше домой.

— Моя лошадь беременна,— торжественно объявил Барбур, глядя на крупного першерона, который стоял рядом с ним, уставившись в пространство пустым взглядом.— Что вы на это скажете?

— Скажу, что у вас скоро будут две лошади,— ответил Рик.

---

[1] Толерантность — способность организма переносить неблагоприятное воздействие внешней среды. *(Здесь и далее — примечания переводчика.)*

Он подошел к своей размеренно жующей овце. Искусственные глаза внимательно следили за хозяином: не принес ли тот с собой овса. Эта якобы овца была снабжена распознающим блоком: стоило ей увидеть зерна, как она очень убедительно реагировала на якобы пищу — тут же вскакивала на ноги и бросалась к Рику.

— Интересно, каким образом забеременела ваша лошадь? — спросил Рик.— Ветром надуло?

— Я достал немного оплодотворенной плазмы высшего в Калифорнии качества,— сказал Барбур.— Воспользовался личными контактами в департаменте животноводства. Помните, неделю назад сюда приезжал инспектор из департамента и осматривал Джуди? Они жаждут заполучить ее жеребенка, ведь Джуди просто бесподобна.— Барбур ласково похлопал лошадь по шее.

Джуди с готовностью склонила голову к хозяину.

— Слушайте, вы никогда не думали о том, чтобы продать свою лошадь? — спросил Рик.

Он молился богу, чтобы у них появилась лошадь или любое другое настоящее животное. Иметь подделку и ухаживать за ней — прямая дорога к постепенной деморализации. Тем не менее, если ты заботишься о положении в обществе, тебе приходится довольствоваться имитацией, занимающей место настоящей вещи. И потому Рику ничего не оставалось, кроме как продолжать игру. Даже не волнуй его собственная репутация, надо думать о жене; а Айрен это заботит. Очень и очень заботит.

— Продавать лошадь аморально,— ответил Барбур.

— Ну так продайте жеребенка. Иметь в собственности сразу двух животных еще более аморально, чем не иметь ни одного.

— Что вы имеете в виду? — озадаченно сказал Барбур.— Множество людей владеют двумя, а то и тремя-четырьмя. Мой брат работает у Фреда Уошборна на фабрике по выращиванию и переработке водорослей, так у того целых пять животных. Вы не читали статью про его утку во вчерашнем номере «Кроникл»? Она считается самой крупной и тяжелой представительницей московской породы на всем Западном побережье.— Глаза соседа заблестели так, будто он увидел перед собой утку Уошборна; Барбур даже начал постепенно погружаться в состояние транса.

Сунув руку в карман пальто, Рик вытащил весьма зачитанное январское приложение к каталогу «Сидни» — «Животные и домашняя птица». Сверился с индексами, нашел раздел «Жеребята» (см.: «Лошади, потомство») и глянул, какова нынче государственная цена.

— Я могу купить жеребенка першерона у «Сидни»,— громко сказал он.— Всего за пять тысяч долларов.

— Не сможете,— отозвался Барбур.— Посмотрите внимательнее: цена напечатана курсивом. Это означает, что в наличии нет ни одного жеребенка. Вот когда появится, тогда и будет стоить пять тысяч.

— Предположим,— сказал Рик,— я выплачиваю вам по пятьсот долларов в течение десяти месяцев. Всю каталожную цену.

— Декард, вы совершенно не разбираетесь в лошадях.— В голосе Барбура зазвучало сожаление.— Есть весьма серьезная причина, почему у «Сидни» нет для продажи ни одного жеребенка першерона. Жеребята першеронов не переходят от владельца к владельцу ни за какие деньги, потому что слишком редко встречаются. Даже с изъянами.— Барбур оперся на забор, разделяющий их пастбища.— Джуди у меня уже три года, и за это время я ни разу не видел кобылы першерона, подобной ей по качеству. Мне пришлось лететь за нею в Канаду и самолично привезти сюда. Только так я мог быть уверенным, что Джуди не украдут. Появись вы с таким животным в Колорадо или Вайоминге, вам быстро дадут по голове, чтобы завладеть лошадью. Знаете, почему? Да потому, что перед Последней Мировой Войной их оставалось всего лишь несколько сотен...

— Но разве то, что вы имеете сразу двух лошадей, а я — ни одной, не подрывает основы теологической и моральной структуры мерсеризма?

— У вас же есть овца, черт побери, и вы вполне можете следовать Восхождению в своей собственной жизни. А вы давите на сочувствие... Разве это честно? Не будь у вас этой старой овцы, я бы, может быть, и принял логику вашего рассуждения. Разумеется, имей я действительно двух животных, а вы — ни одного, я бы постарался помочь вам найти путь к истинному слиянию с Мерсером. Но каждая семья в нашем здании... давайте-ка прикинем... это где-то около пятидесяти семей, то есть... одна семья на каждые три квартиры... Так вот у каждого из нас есть какое-нибудь животное. У Гравесона, к примеру, цыпленок.— Барбур махнул рукой на север.— У Оукса с женой огромный рыжий пес, который лает по ночам.— Сосед прищурился, вспоминая.— Эдди Смит держит в квартире кота. По крайней мере, он так говорит, хотя кота никто никогда не видел. Возможно, Эдди вешает всем лапшу на уши...

Рик наклонился к овце и принялся рыться в густой белой шерсти (по крайней мере, хоть шерсть у нее настоящая!), пока не отыскал замаскированный пульт программирования механизма. Он снял пульт и показал Барбуру:

— Видите?.. Теперь вам понятно, почему я так сильно хочу купить вашего жеребенка?

— Бедняга! — сказал Барбур, помолчав.— И вот это было у вас всегда?

— Нет.— Рик вернул пульт на место, резко выпрямился, повернулся и глянул прямо в лицо собеседнику: — Изначально у меня жила настоящая овца. Когда тесть эмигрировал, он оставил ее нам. Но примерно год назад... Вы должны помнить, я отвозил ее к ветеринару, а вы в то утро были тут... Я поднялся на крышу и обнаружил, что овца лежит на боку и не может подняться.

— Вы помогли ей,— кивнул Барбур, вспомнив.— Точно, вам удалось тогда поставить ее на ноги, но через минуту или две, немного походив, она вновь повалилась на бок.

— У овец бывают странные заболевания,— сказал Рик.— Дело в том, что они подвержены многочисленным болезням, симптомы которых крайне похожи. К примеру, ваша овца не может встать на ноги, но невозможно определить, насколько серьезно положение — то ли животное всего лишь подвернуло ногу, то ли прямо на ваших глазах умирает от столбняка. Так было с моей овцой. Столбняк.

— Здесь? — удивился Барбур.— На крыше?

— Сено,— пояснил Рик.— Один-единственный раз я не полностью убрал проволоку, которой упаковывают кипы, кусок остался, и Гроучо — так мы ее звали — поцарапалась и заразилась столбняком. Я отвез ее к ветеринару, но она умерла. Я никак не мог забыть ее и в конце концов позвонил в один из магазинов, которые торгуют искусственными животными. Я показал им фотографию Гроучо, и они изготовили для меня вот этот образец,— он кивнул на лежащую у его ног эрзац-овцу, которая продолжала жевать жвачку, настороженно следя за хозяином (а вдруг он принес овес!).— Сделали ее отлично. И я забочусь о ней так, будто она настоящая, но...— Он пожал плечами.

— ...это не одно и то же,— закончил Барбур.

— Да, хотя и очень похоже. За нею приходится следить не менее внимательно, чем за настоящей. Ведь механизм может сломаться в любой момент, и тогда соседи в доме сразу все узнают. Я возил ее ремонтировать шесть раз. Неполадки были мелкими, и потому никто ничего не замечал. Но если случится что-либо серьезное — например, выйдет из строя узел, воспроизводящий запись, и она начнет безостановочно блеять,— то всем сразу станет ясно, что произошла поломка в *механизме*. Конечно,— продолжал Рик,— на фургоне, который забирает животных в ремонт, имеется надпись «Ветеринарная клиника такая-то...» И водитель одет, как настоящий ветеринар, в белое...—

Рик вдруг посмотрел на часы, вспомнив о времени.— Я должен отправляться на работу. Увидимся вечером.

Едва он двинулся в сторону своего кара, Барбур поспешно произнес:

— Знаете... я... В общем, никто в нашем здании ничего не узнает...

Замявшись, Рик хотел было поблагодарить соседа, но тут какое-то странное отчаяние, напоминающее депрессию Айрен, легло ему на плечи, и он ответил:

— Даже и не знаю... Вполне возможно, что это не имеет никакого значения.

— Но на вас станут смотреть сверху вниз. Не все, конечно, но многие. Вы же знаете, как люди относятся к тем, кто не заботится о животных. Их считают аморалами и антиэмпатами. Я имею в виду, равнодушное отношение к животным с точки зрения закона не является преступлением, как это было по окончании Последней Мировой Войны, но старые чувства все еще живы.

— Боже! — воскликнул Рик и развел руками.— Я же *хочу* иметь животное. Я прикладываю все силы, чтобы приобрести хоть одно. Но на то жалование, что получает городской служащий...

«Если бы мне вновь повезло в работе,— подумал он,— как это случилось два года назад, когда я за один месяц отправил в отставку четырех анди. Если бы я мог предвидеть тогда, что Гроучо умрет!.. Но анди попались мне до столбняка, до того, как двухдюймовый кусок проволоки, подобно инъекционной игле, вонзился под кожу овцы».

— А вы купите кота,— предложил Барбур.— Коты стоят недорого, загляните в каталог «Сидни».

— Мне не нужно животное, которое можно держать в квартире,— тихо ответил Рик.— Я хочу крупное животное, такое, какое было у меня раньше. Овцу или, если удастся раздобыть денег, корову. Или молодого вола... Или, как у вас, лошадь.

«Премия за пятерых сбежавших анди стала бы решением проблемы,— подумал он.— По тысяче долларов за штуку, итого пять тысяч сверх основного заработка. И тогда бы я раздобыл все, что мне нужно. Пусть даже в каталоге «Сидни» моя мечта напечатана курсивом. Пять тысяч долларов... Но для этого надо, чтобы анди сбежали с одного из колониальных миров и добрались до Земли. А это от меня не зависит ни в коей мере. Я не могу заставить пятерых анди удрать на Землю. Впрочем, если бы я даже и смог, у нас хватает и других охотников за премиальными. Полицейские департаменты разбросаны по всему миру. Вот если бы сбежавшие анди решили устроить свою резиденцию в

Северной Калифорнии, а Дейв Холден, старший охотник за премиальными в нашем регионе, соизволил бы умереть или отправиться в отставку...»

— Купите сверчка,— сострил Барбур.— Или мышонка... Слушайте, за двадцать пять баксов вы вполне можете приобрести взрослую мышь.

— Ваша лошадь может умереть,— сказал Рик.— Неожиданно, как умерла моя Гроучо. Вот вернетесь вы вечером с работы и обнаружите, что она лежит на боку или на спине и сучит ногами, как сверчок.— Он повернулся и пошел прочь, сжав в кулаке ключи от ховера.

— Извините, если я обидел вас! — нервно крикнул Барбур.

Рик молча открыл дверцу ховеркара. Ему нечего было сказать соседу, мысли его уже занимала предстоящая работа.

ГЛАВА 2

В гигантском пустом полуразрушенном здании, где когда-то жили тысячи людей, теперь была одна-единственная комната, где работал телевизор.

До Последней Мировой Войны в этих нынешних руинах царили порядок и чистота. Здесь был пригород Сан-Франциско; на скоростном монорельсе до центра мегаполиса было рукой подать; густонаселенный полуостров очень напоминал облюбованное птицами дерево, и птицы эти копошились, ворковали, объяснялись и жаловались... Теперь хозяева квартир либо умерли, либо эмигрировали в колониальные миры. Большинству людей судьба обеспечила первый вариант развития событий; война досталась им слишком дорогой ценой, несмотря на разудалые речи Пентагона и его самоуверенного научного вассала — «Рэнд Корпорэйшн». Корпорация, кстати, до войны располагалась недалеко от того места, где теперь стояло разоренное здание. Как и хозяева квартир, корпорация исчезла, и скорее всего навсегда. Впрочем, никто этого и не заметил...

Более того, никто уже не помнил, что именно послужило причиной войны и кто стал в ней победителем — если победитель был вообще. Пыль, заразившая почти всю земную поверхность, была порождением неизвестно какой страны, и даже враждовавшие в то время стороны не предвидели ее возникновения.

Первыми жертвами пыли, как это ни удивительно, стали совы. Поначалу сей факт показался почти забавным: толстые пушистые птицы лежали тут и там — в садах и на улицах. В прежние времена совы на глаза людям практически не попада-

лись, поскольку их активная жизнь начиналась лишь с приходом сумерек. Средневековые эпидемии чумы заявляли о своем начале схожим образом — появлением множества дохлых крыс. Разница была только в том, что современная чума опустилась на землю сверху.

За совами, конечно же, пришла очередь остальных птиц, но к тому моменту тайну их гибели уже разгадали.

Скудные средства на программу колонизации начали поступать еще до войны, но теперь, когда поверхность Земли почти лишилась солнечного света, колонизация вступила в новую фазу. В результате было модифицировано главное оружие войны — Синтетический Борец За Свободу. Способный функционировать в иных мирах человекоподобный робот — строго говоря, органический андроид — превратился едва ли не в главный двигатель программы колонизации. На основании закона, принятого ООН, каждый эмигрант автоматически получал в пользование андроида, модель которого выбирал по собственному желанию, и к 1990 году разнообразие моделей, марок и типов превзошло всякий мыслимый уровень. Нечто схожее произошло в 1960-е годы в американской автомобилестроительной промышленности.

Эмиграцию осуществляли с помощью в веках испытанного метода кнута и пряника: пряником служил бесплатный андроид, а кнутом — радиоактивные осадки. ООН не забывала и о законотворчестве: эмигрировать становилось все легче, а оставаться на Земле — все сложнее, причем вектор сложности стремился к показателю «невозможно»... К тому же каждый из остающихся мог в один прекрасный день оказаться биологически нежелательным индивидуумом, угрожающим чистоте древней расы. Если человека признавали «специалом», то даже будучи стерилизованным, он переставал быть частичкой человечества. И тем не менее люди, отказывающиеся от эмиграции, не исчезали. Иррациональность такого поведения ставила в тупик даже экспертов ООН, занимавшихся изучением данной проблемы. Если следовать законам логики, все нормалы давно уже должны были эмигрировать. Но, видимо, Земля, пусть и обезображенная войной, все равно оставалась для некоторых родным домом, в котором они собирались оставаться до последнего. Скорее всего, эти отказники верили, что пылевой занавес, закрывший поверхность планеты, рано или поздно потеряет свою заразу. Так или иначе, на Земле оставались жить тысячи людей. Они тяготели друг к другу, создавая в городах этакие «звездные скопления», где они могли видеть друг друга, поддерживать соседа морально и даже рассчитывать на взаимопомощь. Все они считались относительно нормальными.

Однако, помимо них, в качестве этакой острой приправы к блюду под названием «народонаселение», жили тут и другие люди, странные, чудные, селившиеся в основном на окраинах.

Одним из таких был Джон Изидор, гостиную которого и наполнял сейчас отчаянными воплями редкий в этих местах телевизор. Сам Джон тем временем брился в ванной.

Он приблудился к этим местам в самые первые дни после войны, случайно забрел в этот дом. В ту жестокую пору не всякий понимал, что он делает и по какой причине. Потревоженные войной, отправлялись странствовать по миру целые народы, обустраивались на незанятых территориях, но потом вдруг срывались с места в поисках новых обиталищ. Пыль тогда выпадала спорадически. Территория полуострова, расположенная к югу от Сан-Франциско, была свободной от пыли, и многие обосновались здесь. Когда пыль появилась, многие умерли, большинство ушло.

Дж. Р. Изидор остался...

Телевизор продолжал надрываться:

— ...сродни безмятежности Юга перед Гражданской войной! Хотите, он станет личной прислугой, хотите — неутомимым работником в поле! Этот собранный по индивидуальному заказу человекоподобный робот спроектирован специально под ВАШИ УНИКАЛЬНЫЕ ЗАПРОСЫ! Он создан ДЛЯ ВАС И ТОЛЬКО ДЛЯ ВАС! Он передается вам по прибытии совершенно бесплатно, полностью оснащен в соответствии с вашей спецификацией, которую вы заполнили перед отлетом с Земли. Преданный и безотказный компаньон разделит с вами трудности самого удивительного приключения, в котором только может принять участие человек, впервые в истории намеревающийся...

И далее и тому подобное.

«Не опаздываю ли я на работу?» — подумал Джон Изидор, заканчивая бритье.

У него не было собственных часов; он ориентировался на телевизор, который обычно передавал точное время, но сегодня, очевидно, День космических горизонтов. Во всяком случае, ТВ объявило, что сегодня пятая (или шестая?) годовщина основания Нью-Америки, главного американского поселения на Марсе. Из-за поломки телевизор Изидора принимал один-единственный канал, который правительство во время войны национализировало, да так и оставило в собственных руках. Правительство в Вашингтоне, с его программой колонизации, было единственным заказчиком рекламы, которую был вынужден смотреть Изидор.

— Давайте послушаем Мэгги Клагман,— предложил телеведущий, хотя Джон Изидор хотел «послушать» сейчас лишь одно:

точное время.— Она совсем недавно эмигрировала на Марс и дала это интервью в Новом Нью-Йорке... Миссис Клагман, чем отличается жизнь на зараженной радиоактивной пылью Земле от жизни на Марсе, где для вас открылись самые фантастические перспективы?

Последовала пауза, а затем до Изидора донесся сухой усталый голос, принадлежащий женщине средних лет:

— Думаю, что все члены нашей семьи прежде всего отметили чувство собственного достоинства.

— Достоинства, миссис Клагман? — переспросил комментатор.

— Да,— произнесла миссис Клагман, отныне жительница Нового Нью-Йорка, Марс.— Это непросто объяснить. Иметь слугу, на которого можно положиться в наше нелегкое время... Я обрела уверенность...

— А на Земле, миссис Клагман, в прежние времена, вы не боялись, что вас классифицируют... э-э... как специала?

— Ой, мы с мужем буквально тряслись! Но стоило нам эмигрировать, и все наши страхи исчезли. Надеюсь, навсегда.

Джон Изидор с раздражением подумал, что его страхи тоже исчезли, однако для этого ему вовсе не пришлось эмигрировать. Его классифицировали как специала чуть больше года назад, и не только из-за генетических изменений в организме. Хуже было другое: он не смог справиться с IQ-тестом даже на минимальные умственные способности, и теперь его, попросту говоря, называли безмозгликом. Жители сразу трех обитаемых планет презирали его.

Тем не менее он продолжал жить. И продолжал работать — водил грузовичок, на котором вылетал на вызовы и доставлял сломавшихся псевдоживотных в ремонтную мастерскую. Служащие клиники Ван Несса («Ваши питомцы — наши питомцы»), включая и Ганнибала Слоута, угрюмого грубоватого человека, непосредственного босса Изидора, относились к нему как к человеку, и Джон это ценил. «Mors certa, vita incerta» [1],— как время от времени повторял мистер Слоут. Изидор, хоть и слышал выражение много раз, имел о его смысле лишь самое смутное представление. С другой стороны, если безмозглик начнет разбираться в латыни, он уже не будет безмозгликом. Мистер Слоут, услышав от Изидора такой вывод, тут же с ним согласился. Действительно, существовали в мире безмозглики и почище Изидора; они вообще не могли претендовать на рабочие места, и их содержали в охраняемых заведениях с двусмысленными на-

[1] Смерть истинна, жизнь сомнительна *(лат.)*.

званиями типа «Американский институт специальных трудовых навыков» [1].

— ...ваш муж не чувствовал себя в безопасности,— говорил телеведущий,— даже когда приобрел и постоянно носил дорогой и неудобный свинцовый гульфик, якобы защищающий от радиации. Не так ли, миссис Клагман?

— Мой муж...— начала отвечать миссис Клагман, но в этот момент покончивший с бритьем Изидор вернулся в гостиную и выключил телевизор.

Тишина обрушилась на него с мебели и со стен; она навалилась всей своей ужасной мощью, будто он оказался на заводе, производящем безмолвие. Она поднималась с пола, закрытого от стены до стены серой ковровой дорожкой. Тишина изливалась из поломанных кухонных агрегатов, заснувших вечным сном задолго до того, как тут появился Изидор. Она сочилась из бесполезного торшера и падала с засиженного мухами потолка гостиной. Тишина царила повсюду, как будто все материальные предметы состояли из нее и только из нее. Она яростно лезла не только в уши, но и в глаза. Стоя перед погасшим экраном телевизора, Изидор ощущал тишину как видимое и в своем роде живое существо. Живое! Он и прежде чувствовал ее появление; она вторгалась неожиданно и стремительно, будто ей не терпелось. Тишина мира не могла удержать в узде собственную ненасытность. Ни на одно мгновение. Даже если фактически победила.

И Джон задавал себе вопрос — есть ли среди оставшихся на Земле те, кто чувствует пустоту мира так же, как он? Или это присуще только ему, своего рода биологическая печать, вызванная перерождением сенсорного аппарата?

«Это интересный вопрос»,— подумал Изидор. Жаль вот, не с кем обменяться мнениями. Он был один среди этих руин, в которые постепенно — час за часом, день за днем, неделю за неделей — превращалось безмолвное здание, состоящее из тысячи незаселенных квартир. В конце концов все внутренние помещения сольются друг с другом, превратятся в однородную безликую массу, отдаленно напоминающую пудинг. А потом и само здание станет аморфной кучей, которую похоронит под собой всепроникающая пыль. Впрочем, он, Изидор, к этому времени уже умрет, и его не будет интересовать судьба комнаты, напол-

---

[1] «Institute of Special Trade Skills of America» *(англ.)* можно перевести и как «Американский институт специальных трудовых навыков», и как «Американский институт трудовых навыков специалов».

ненной удушающей, вездесущей, деспотичной хозяйкой мира — тишиной.

Лучше, наверное, снова включить телевизор. Но Изидора пугали бесчисленные рекламные ролики, предназначенные оставшимся на Земле нормалам. Они сообщали — самыми хитроумными способами — о том, что ему, специалу, не требовалось и никогда не потребуется. Вся эта информация ему без надобности. Он не мог эмигрировать, даже если бы очень сильно захотел. Так зачем ему слушать все это? Чтоб их разодрало, вместе с их программой колонизации! Вот бы и в новых мирах они начали войну — теоретически это возможно,— и все бы закончилось, как на Земле! И пусть все эти эмигранты превратятся в специалов!..

«Это было бы хорошо,— подумал он.— Однако пора и на работу».

Он шагнул к двери, ведущей в неосвещенный холл, потянул за ручку и... отшатнулся, уткнувшись взглядом в пустоту здания. Пустота лежала, поджидая его, там, снаружи; она тут же деловито потекла в его квартиру. «О Боже!» — подумал он, захлопывая дверь. Боже, он еще не готов подняться по лязгающей лестнице, ведущей на пустую крышу, где у него нет своего животного. Тут же родилось эхо, понеслось в пустоте, разрастаясь и захватывая этажи. «Самое время взяться за рукоятки»,— сказал себе Изидор, пересек гостиную и склонился над черным ящиком эмпатоприемника.

Включив его, он тут же почувствовал слабый запах озона, исходящий от блока питания, нетерпеливо и судорожно вздохнул и ощутил мгновенный прилив бодрости. Катодно-лучевая трубка засветилась, имитируя телевизионное изображение. Вскоре сформировался коллаж, составленный из случайных сочетаний цвета и размытой формы предметов. Картинка будет неизменна, пока Изидор не коснется рукояток... Поэтому, снова глубоко вздохнув, чтобы окончательно успокоиться, он взялся за рукоятки-близнецы.

Изображение тут же обрело четкость. Джон увидел хорошо знакомый ландшафт — древний коричневый бесплодный склон с пучками высохших стеблей, похожих на кости, упирался в серое бессолнечное небо. Вверх по склону с трудом брел одинокий человек. Это был пожилой мужчина, почти старик, в выцветшей одежде, которую как будто сшили из куска серого неба. Звали его Уилбур Мерсер. Он едва переставлял ноги. Касающийся рукояток Джон Изидор, наблюдая за ним, словно исчезал из гостиной. Обветшалая мебель и тронутые разрушением стены уходили прочь; вскоре он совсем перестал их замечать. Вместе с тем, как обычно, появилось ощущение, что он проникает внутрь

изображения, перестает быть сторонним наблюдателем. Это он поднимается по бесконечно длинному склону; это его ноги запинаются об острые камни; это он с трудом вдыхает едкий туман неба, неба чужого, неземного, далекого, которое эмпатоприемник делает своим, знакомым, невероятно близким.

Он преодолел рубеж реальности и оказался в этом мире стандартным, но озадачивающим способом. Вновь осуществилось физическое слияние — ментальное и духовное отождествление — с Уилбуром Мерсером. И у Джона Изидора, и у всех остальных, кто одновременно с ним сжимал рукоятки, здесь, на Земле, или в одном из колониальных миров.

Джон слышал их всех, впитывал в себя лепет их мыслей, звучащих в его собственном мозгу, ощущал многочисленные сущности. Их, как и его, волновало одно: объединенные интеллекты обращали внимание только на холм, на необходимость взбираться все выше и выше. Шаг за шагом цель приближалась, но очень медленно, подъем осуществлялся почти незаметно. «Вперед!» — подгонял себя Джон, слыша, как грохочут осыпающиеся камни. Сегодня подняться выше, чем вчера, а завтра... Часть Уилбура Мерсера, Джон поднял вместе со всеми голову, пытаясь разглядеть вершину. Ее не видно, но она где-то там. Она слишком далеко, но придет день, и они увидят ее.

Брошенный камень попал ему в руку. Он почувствовал боль и обернулся. Следующий камень пролетел мимо. Врезавшись в землю, он издал скрежещущий звук, от которого побежали мурашки по спине. «Кто там опять?» — подумал Джон, пытаясь разглядеть мучителя. Давнишний противник находился за пределами видимости; он — или оно? — следовал за Джоном в течение всего подъема по склону и отступит лишь тогда, когда Джон достигнет вершины...

Он вспомнил вершину, когда склон вывел его на ровную площадку, но едва ли не сразу начался новый склон. Сколько раз уже это происходило? Не один точно, но все они стерлись из памяти, слились воедино, как слились будущее и прошлое... И то, что он уже испытал, и то, что еще предстоит испытать,— все смешалось, и в памяти не было ничего, и не будет уже; но тут наступил момент, когда можно было остановиться и отдохнуть, и даже потрогать рану на руке, оставленную брошенным камнем.

«Боже! — устало подумал он.— Где справедливость? Почему я поднимаюсь вверх один? И почему меня мучает то, чего я даже не вижу?»

И тут же общий лепет слившихся внутри него многочисленных чужих сущностей сломал иллюзию одиночества.

«Вы тоже почувствовали это»,— подумал он.

«Да,— ответили голоса.— Камень попал нам в левую руку, это дьявольски больно».

«О'кей,— сказал он.— Будет лучше, если мы снова отправимся в путь».

Он продолжил медленное восхождение, и все немедленно двинулись следом.

Когда-то, помнил он, все было совсем по-другому. До того, как явилось проклятие, существовала счастливая часть жизни. Его приемные родители, Фрэнк и Кора Мерсер, обнаружили его на спасательном надувном плоту, возле побережья Новой Англии... Или это была Мексика, в районе порта Тампико? Сейчас он уже не мог восстановить в памяти все обстоятельства. Детство было прекрасным. Он любил все живое, в особенности зверей, он был способен возвращать к жизни умерших животных. Вокруг всегда были кролики и насекомые, но где это происходило, на Земле или в колониальном мире... Теперь он не помнил даже этого. Зато хорошо помнил убийц, потому что они арестовали его как ненормального, как специала из специалов... И жизнь изменилась.

Местный закон запрещал возвращать умерших к жизни. Ему обстоятельно разъяснили это на шестнадцатом году жизни. Целый год он продолжал использовать свою способность тайно, в еще не исчезнувшем тогда лесу, но его выдала старуха, которую он никогда не видел и ничего о ней не слышал. Без согласия родителей они, убийцы, использовав радиоактивный кобальт, облучили уникальное утолщение в его мозгу, и он погрузился в странный мир, о существовании которого раньше и не подозревал. Это была яма, наполненная трупами и мертвыми костями, и многие-многие годы он пытался выбраться из нее. Осел и жаба, наиболее симпатичные ему создания, исчезли, вымерли; остались лишь гниющие фрагменты — безглазая голова здесь, обрубок руки там... Наконец птица, явившаяся в этот мир, чтобы умереть, рассказала ему, где он оказался. Оказывается, он попал в загробный мир и не сможет выбраться отсюда до тех пор, пока кости, наваленные вокруг, не станут вновь живыми существами; он сделался частью метаболизма чужих жизней и восстать из праха мог только вместе с ними.

Как долго будет продолжаться этот процесс, он не знал: ничего существенного не происходило, и время было попросту неизмеримо. Однако в конце концов кости начали обрастать плотью, пустые глазницы заполняться, а новые глаза видеть. Одновременно восстанавливались клювы и рты, они принимались кудахтать, лаять и устраивать кошачьи концерты. Возможно, это он

воскресил их, возможно, в его мозгу вновь образовалось экстрасенсорное утолщение. А может быть, он был и ни при чем, может быть, произошел естественный процесс. Как бы то ни было, его долгое умирание завершилось, и вместе с другими существами он начал *восходить*. Потом, давным-давно, он потерял их из виду и в какой-то момент обнаружил, что восходит в полном одиночестве. Но они находились рядом, на этом бесконечном склоне, и по-прежнему сопровождали его, и каким-то странным, ненормальным образом он ощущал их внутри себя...

Изидор стоял, вцепившись в обе рукоятки и чувствуя, как неохотно отпускают его существа, с которыми он слился. Все должно было закончиться как всегда. Во всяком случае, рука в том месте, куда угодил камень, болела и кровоточила.

Отлепив пальцы от рукояток, он осмотрел руку и, слегка пошатываясь, отправился в ванную, чтобы промыть ссадину. Это была не первая рана, которую он получил при слиянии с Мерсером, и наверняка не последняя. Люди преклонного возраста даже умирали во время подъема — особенно вблизи вершины, где мучения начинались всерьез.

«Буду удивлен, если сумею повторить эту часть пути,— сказал он себе, обрабатывая рану.— Может и сердце остановиться... Нет, лучше жить в городе, где есть доктора с их электроразрядными аппаратами. Оставаться здесь, в одиночестве, слишком рискованно».

Впрочем, Изидор всегда знал, что рискует. Рисковал он и прежде. Так же как большинство людей, а особенно немощные старики.

Он промокнул руку мягкой салфеткой «Клинекс».

И услышал приглушенный и далекий звук телевизора.

«В здании есть еще кто-то,— в страхе подумал Джон, не веря собственному предположению.— Это не мой телевизор, мой выключен. Я даже чувствую, как дрожит пол под ногами. Точно, телевизор работает внизу».

Он медленно смял салфетку и бросил ее в урну.

«Я больше не одинок,— понял он.— В доме поселился новый жилец. В одной из квартир. Причем настолько близко, что я могу его слышать. Должно быть, через два или три этажа, не ниже... Надо посмотреть,— быстро решил он.— Что нужно делать, когда в доме новый жилец? Спуститься и спросить что-нибудь. А что именно?»

Он понятия не имел, как поступить — прежде здесь с ним ничего подобного не случалось. Кто-то просто выезжал, кто-то эмигрировал, но вселялись в дом впервые.

«Надо просто им что-нибудь отнести,— решил он.— Стакан воды или, скорее, молока... Да, точно, молоко или крупу, или, возможно, яйцо... Или хотя бы их эрзац-заменители».

Заглянув в холодильник (компрессор которого давно уже сдох), Изидор обнаружил только сомнительного вида кусок маргарина. Вытащив его, он бесшумно закрыл дверцу холодильника. Сердце стучало как ненормальное.

«Надо, чтобы новый жилец не догадался, что я безмозглик,— напомнил себе Изидор.— Если жилец поймет, что я безмозглик, он не станет со мной разговаривать. Так было всегда. Интересно — почему?»

И он поспешил на лестничную площадку.

ГЛАВА 3

По пути на работу Рик Декард, как и бог знает сколько других людей, остановился перед витриной одного из крупнейших зоомагазинов Сан-Франциско. В центре большого, смахивающего на дисплей окна, в прозрачной пластиковой клетке с искусственным обогревом, стоял страус и косил глазом в сторону прохожих. Судя по информационной табличке на клетке, птицу только что привезли из кливлендского зоопарка. И это был единственный страус на всем Западном побережье. Попялившись на птицу, Рик еще несколько минут мрачно изучал ценник. Потом он взглянул на часы, обнаружил, что опаздывает на работу как минимум на четверть часа, и поехал дальше, к Дворцу правосудия на Ломбард-стрит.

Едва Рик успел открыть дверь офиса, как его окликнул начальник, полицейский инспектор Гарри Брайант, небрежно одетый рыжеволосый мужчина с оттопыренными ушами, но с мудрым внимательным взглядом, замечавшим вокруг себя все хоть чуть-чуть стоящее внимания.

— Встречаемся в девять тридцать в моем кабинете.— Инспектор Брайант быстро просматривал досье, отпечатанное на тонкой гладкой бумаге.— Холден угодил в госпиталь «Гора Сион» с дыркой в хребтине. Лазерный луч... Дейв проваляется на больничной койке по крайней мере месяц. До тех пор, пока эскулапы не убедятся, что один из этих новых органопластиковых протезов прижился.

— Что случилось? — спросил Рик, чувствуя холодок в груди.

Еще вчера главный охотник департамента был в абсолютном порядке. В конце рабочего дня он, как обычно, со свистом унесся в собственном ховеркаре в сторону плотно населенного престижного района Ноб Хилл, где у него была квартира.

Брайант снова промямлил что-то насчет девяти тридцати и исчез.

Подойдя к своему кабинету, Рик услышал за спиной голос секретарши, Энн Марстен:

— Мистер Декард, вы уже знаете, что случилось с мистером Холденом? В него стреляли.— Она вошла следом за Риком в тесный душный кабинет и сразу включила кондиционер.

— Да,— рассеянно отвечал Рик.

— Не иначе как один из этих супербашковитых анди, которых выпускает «Роузен Ассошиейшн»,— продолжала мисс Марстен.— Вы не читали рекламный проспект компании? Они теперь используют «Нексус-6», новый мозг, который состоит из двух триллионов ячеек и имеет десять миллионов отдельных нервных связей.— Она понизила голос.— Вы пропустили видеозвонок утром. Мисс Уайлд сказала, что он шел через коммутатор. Ровно в девять.

— Входящий? — спросил Рик.

— Ответный на запрос. Мистер Брайант обращался к руководству Русского сектора ВПУ[1]. Он выяснял, не согласятся ли они поддержать официальную жалобу против заводов «Роузен Ассошиейшн», расположенных на Востоке.

— Гарри все еще надеется очистить рынок от мозга «Нексус-6»? — Рик даже не удивился.

С момента первого опубликования в августе 1991 года спецификации и графика выполнения работ большинство полицейских агентств и департаментов, имевших дело с беглыми анди, тут же подали протесты. «Советская полиция может не больше нашего»,— сказал тогда Рик. Юридически изготовители мозга «Нексус-6» пользовались колониальным законодательством: их крупнейшие автоматические фабрики располагались на Марсе.

«Будет лучше, если мы воспримем появление нового мозга как неизбежность,— добавил тогда Рик.— При внедрении новых типов мозга всегда происходит одно и то же. Я помню поднявшийся вой, когда в 89-м ребята из команды Садермана представляли старую модель Т-14. Все до единого полицейские департаменты Западного полушария тут же выразили бурный протест, заявляя, что, в случае нелегального проникновения андроида Т-14 на Землю, у них нет ни единого теста для идентификации искусственного мозга».

Надо заметить, что какое-то время это заявление оставалось справедливым. Насколько помнил Рик, более пятидесяти андро-

---

[1] ВПУ — Всемирное Полицейское Управление.

идов с мозгом Т-14 пробрались тем или иным путем на Землю, и некоторых из них не удавалось обнаружить в течение года. Но вскоре институтом имени Павлова в Советском Союзе был разработал тест Войта на эмпатию. И ни одному андроиду с мозгом Т-14, как впоследствии стало известно, так и не удалось пройти этот спецтест...

— Хотите знать, что ответила русская полиция? — спросила мисс Марстен.— Я успела все выяснить.— Ее круглое, как апельсин, покрытое веснушками лицо просияло.

— Я узнаю ответ от Гарри Брайанта! — Рик почувствовал легкое раздражение.

Кабинетные сплетни всегда выводили его из себя, потому что чаще всего оказывались далеки от истины и неизменно приукрашивали ситуацию. Усевшись за стол, он принялся увлеченно рыться в ящиках. Наконец мисс Марстен, поняв намек, выкатилась из кабинета.

Когда дверь за нею захлопнулась, Рик выудил из ящика потрепанный конверт. Откинувшись на спинку кресла, он изучал содержимое конверта, пока не наткнулся на то, что искал,— спецификацию, составляющую перечень основных характеристик мозга «Нексус-6».

Быстро просмотрев текст, Рик убедился, что мисс Марстен выложила ему абсолютно верную информацию. «Нексус-6» действительно состоит из двух триллионов ячеек и имеет возможность выбора из десяти миллионов комбинаций активных церебральных связей. За 0,45 секунды андроид с таким мозгом способен принимать адекватное решение по любому из четырнадцати базовых реакций-состояний. Таким образом, никакими тестами по проверке интеллектуальных способностей этого анди в ловушку не заманишь. Впрочем, анди не попадали в ловушки IQ-тестов уже многие годы, с тех самых 70-х, когда прекратилось производство примитивных моделей.

Более того, отметил для себя Рик, модели типа «Нексус-6» по интеллектуальным показателям превосходят специалов. Иными словами, андроиды, оборудованные новым мозгом «Нексус-6», с прагматичной и сугубо деловой точки зрения стали превосходить большую — но наименее развитую — часть человечества. Слуга во многих случаях оказывался более ловок, чем его владелец.

Однако критерием для оценки становились новые достижения — и в частности тест на эмпатию Войта-Кампфа. Ведь андроид, независимо от того, насколько он интеллектуально одарен, не видел ни малейшего смысла в слиянии, которое возникало обычно между последователями мерсеризма, а в это сопереживa-

ние удавалось погрузиться любому человеку безо всяких затруднений, даже специалу-безмозглику.

Как и большинство людей, Рик временами просто поражался, почему андроиды так беспомощны перед тестом на эмпатию. Сочувствие, очевидно, существует только внутри людского сообщества, тогда как определенного уровня интеллект можно обнаружить почти в каждом типе и классе живых существ, включая паукообразных. Способность к эмпатии требовала неослабного группового инстинкта, в то время как для организма-единоличника (к примеру, паука) групповой инстинкт бесполезен. Более того, фактически, такой инстинкт стремился бы снизить паучью жизнестойкость, поскольку заставлял бы его чувствовать у своей добычи желание жить. А значит, все хищники, даже высокоразвитые млекопитающие семейства кошачьих, умерли бы от голода.

Рик когда-то решил для себя, что эмпатия должна быть присуща только травоядным или, по крайней мере, всеядным существам, способным отказаться от мясной диеты. В конечном счете дар сопереживания сотрет границы, отделяющие охотника от жертвы, победителя от побежденного. Как при слиянии с Мерсером, все вместе — и каждый в отдельности — совершали восхождение или, когда жизненный цикл завершался, одновременно погружались в пучину загробного мира. Это было что-то типа биологического страхования, правда, обоюдоострого. Когда какое-либо существо испытывало радость, состояние всех остальных существ тоже включало в себя фрагменты радости. И наоборот, если какое-либо живое существо страдало, тень этого страдания падала на всех остальных. В результате групповые животные — такие, как человек,— получали дополнительный фактор выживания. А совы или кобры погибали.

Очевидно, человекоподобный робот представлял собой хищника-одиночку.

Рику нравилось думать об андроидах именно таким образом: это делало его работу приятной. Отправляя в отставку (то есть убивая) анди, он не нарушал закона жизни, установленного Мерсером.

«Убивайте только убийц»,— сказал им Мерсер в тот год, когда «ящики сочувствия» впервые появились на Земле. И по мере развития мерсеризма в полновесную теологическую систему концепция «Убийцы» незаметно стала преобладающей. В мерсеризме абсолютное зло цеплялось за изношенный плащ *восходящего* неверной походкой старика, но всегда оставалось неясно, кем или чем вызвано его появление. Мерсерит *ощущал* зло без понимания, откуда оно взялось. Иными словами, мерсерит свободно опреде-

лял скрытое присутствие Убийцы, где бы он ни появился. Беглый человекоподобный робот (каким бы великим интеллектом он ни обладал!), если он убил своего хозяина, если он не склонен был ухаживать за животными, если он не обладал способностью к сопереживанию, к радости за успех иной формы жизни или к печали за ее неудачу,— этот анди для Рика Декарда был Убийцей.

Мысль про животных напомнила Рику о страусе, которого он видел в витрине зоомагазина. Он на время отложил спецификацию «Нексус-6», взял щепотку нюхательного табака «Миссис Сиддон № 3» и задумался. Потом глянул на часы, обнаружил, что у него еще есть время, поднял трубку настольного видеофона и попросил Энн Марстен:

— Соедините меня с зоомагазином «Счастливый Пес» на Саттер-стрит.

— Да, сэр,— ответила мисс Марстен и открыла абонентский справочник.

«Не могут же они заломить за страуса такую сумму, в самом деле,— сказал себе Рик.— Просто понуждают покупателя поторговаться, как поступали в старые времена торговцы автомобилями».

— Зоомагазин «Счастливый Пес»,— донесся мужской голос, и на экране возникло счастливое лицо.

Было слышно, как за спиной продавца возятся и кричат животные.

— У вас в витрине страус,— сказал Рик, вертя в руке керамическую пепельницу.— Какой бы вы хотели за него первый взнос?

— Давайте прикинем...— Продавец взял ручку и листок бумаги.— Первый взнос составляет примерно треть суммы.— Он что-то записал на листке.— Позвольте вас спросить, сэр, не намерены ли вы предложить нам что-нибудь в счет покупки?

— Я пока не решил,— сдержанно ответил Рик.

— Скажем, мы заключаем контракт на тридцать месяцев под шесть процентов в месяц. Это очень, очень низкие комиссионные. Тогда ваша ежемесячная выплата после разумного первого взноса...

— Вам бы стоило сделать скидку,— возразил Рик.— Скиньте пару тысяч, и я не стану ничего вносить в счет покупки. Просто возьму за наличные.

«Дейв Холден выбыл из игры,— подумал он.— Это может принести немалую выгоду... если мне дадут в текущем месяце достаточно заданий».

— Сэр! — Продавец был непоколебимо вежлив.— Цена, которую мы просим, и так на тысячу долларов ниже, чем в ката-

логе. Вы загляните в «Сидни», я подожду. Я это к тому, сэр, чтобы вы сами убедились в справедливости нашей цены.

«Господи! — подумал Рик.— Ну почему они так твердолобы?» Тем не менее, посылая этому парню мысленные проклятия, он вытащил из кармана пальто потрепанную книжицу каталога «Сидни», пролистал до раздела «Страус» (подразделы «самцы-самки», «молодые-старые», «больные-здоровые», «не имевшие хозяев-имевшие хозяев») и принялся изучать цены.

— Не имевший хозяев, самец, молодой, здоровый,— перечислял продавец.— Тридцать тысяч долларов.— Он тоже смотрел в каталог «Сидни».— То есть на тысячу долларов ниже каталожной. Теперь о первом взносе...

— Я подумаю и перезвоню вам,— перебил его Рик и собрался прервать связь.

— Как вас зовут, сэр? — настороженно спросил продавец.

— Фрэнк Мерривелл.

— Будьте любезны, мистер Мерривелл, ваш адрес? Ну-у-у... Если вдруг меня не окажется на месте, когда вы позвоните.

Рик назвал ему липовый адрес и отключился.

«Цены просто грабительские! — подумал он.— Тем не менее находятся люди, которые покупают... У некоторых просто немеряно денег».

Он снова поднял трубку видеофона и строго сказал:

— Дайте мне внешнюю линию, мисс Марстен. И не подслушивайте, разговор конфиденциальный.— Рик смерил секретаршу жестким взглядом.

— Да, сэр,— ответила мисс Марстен.— Можете набирать номер.— Она отключилась, оставив его один на один с внешним миром.

Рик набрал номер магазина, продававшего эрзац-животных,— того самого, где он приобрел свою овцу. На экране появился мужчина в халате ветеринара:

— Доктор Макри.

— Это Декард. Сколько будет стоить электрический страус?

— Я бы сказал, что вам он обойдется меньше, чем за восемь сотен. Когда вы хотите его получить? Мы соберем его быстро. Таких заказов совсем немного, и...

— Мы поговорим об этом позже,— перебил Рик: на часах было уже девять тридцать.— Всего доброго!

Он поспешно отключился, встал из-за стола и через несколько мгновений уже открывал дверь в приемную кабинета Брайанта. Войдя, он кивнул сначала младшей секретарше — привлекательной, серебряноволосой, с длинной, до талии, косой; потом

старшей, смахивающей на монстра из юрских болот, холодной и коварной, как древнее привидение, охраняющее ворота в загробный мир. Женщины не произнесли ни слова, он тоже промолчал.

Открыв внутреннюю дверь, ведущую в кабинет, он кивнул своему начальнику, который беседовал по видеофону. Угнездившись в кресле, Рик раскрыл захваченную с собой спецификацию на «Нексус-6» и, пока Брайант с кем-то разговаривал, еще раз перечитал ее. Он чувствовал странную удрученность, хотя, если брать во внимание внезапный выход из игры Дейва, ему бы следовало быть по крайней мере сдержанно-удовлетворенным.

ГЛАВА 4

«Наверное, меня беспокоит то, что случившееся с Дейвом может произойти и со мной,— подумал Рик Декард.— Анди, способный прошить лазером Дейва, вполне может обойтись подобным образом и со мной».

Впрочем, он тут же почувствовал, что беспокоит его что-то совсем другое.

— Я вижу, ты прихватил с собой эти чертовы данные на «Нексус-6»,— сказал инспектор Брайант, отключив видеофон.

— Да, мне уже настучали,— ответил Рик.— Сколько анди участвуют в деле, и что Дейв успел раскопать?

— Изначально — восемь,— ответил Брайант, заглядывая в лежащую на столе папку.— Двоих Дейв успел взять за жабры.

— Значит, оставшиеся шестеро скрываются где-то здесь, в Северной Калифорнии?

— Судя по всему, да. Во всяком случае, Дейв считает именно так. Это я с ним сейчас разговаривал. Все материалы по делу я нашел в его столе. Дейв говорит, что вся информация по делу здесь.— Брайант постучал пальцем по стопке бумаг.

Он принялся перелистывать страницы и старательно облизывать языком губы. Похоже было, что он не спешит передавать материалы Рику.

— У меня нет срочных дел,— сказал тот.— Я готов заменить Дейва.

— Тестируя подозреваемых, Дейв использовал усовершенствованную шкалу Войта-Кампфа,— задумчиво произнес Брайант.— Тебе следует иметь в виду, что тест не выявляет новую модель мозга. Выявляющего теста вообще не существует. Шкала Войта, усовершенствованная три года назад Кампфом,— вот и все что у нас имеется.— Инспектор замолчал, погрузившись в

раздумья, потом продолжил: — Дейв считает тест работоспособным. Может, он и прав. Но мне бы хотелось, чтобы ты, прежде чем браться за оставшихся шестерых, сначала проверил тест на работоспособность.— Он вновь постучал пальцем по стопке бумаг.— Слетай-ка ты в Сиэтл и поговори с парнями Роузена. Добейся, чтобы они предоставили тебе репрезентативную выборку моделей, снабженных мозгом «Нексус-6».

— И пропущу их через шкалу Войта-Кампфа.

— Это легко только на словах...— Брайант, похоже, сказал эту фразу самому себе, а вовсе не Рику.

— Извините...

— Я сам поговорю с руководством «Роузен Ассошиейшн», пока ты летишь.— Брайант замолк, глянул на Рика, хрюкнул и принялся грызть ногти.

Рик молча ждал. Наконец старший инспектор принял решение:

— Я намерен предложить им включить в процесс тестирования несколько людей, перетасовав их с андроидами. И ты не будешь знать, кто есть кто. Я согласую это с производителями к моменту твоего прибытия туда.— Он резко ткнул пальцем в сторону Рика, лицо его сделалось озабоченным.— Тебе впервые придется сыграть роль старшего охотника за премиальными. Дейв занимался этим много лет, у него огромный опыт.

— У меня тоже,— напряженно заметил Рик.

— Ты работал с теми, кого получал от Дейва. Это он решал, кого нужно взять себе, а кого можно поручить Рику Декарду. А теперь тебе досталась шестерка анди, которых он собирался отправить в отставку своими руками. И один из них его опередил. Вот он.— Брайант развернул ориентировку так, чтобы Рику было видно.— Макс Полоков. Во всяком случае, так этот анди себя называет. Если, конечно, Дейв не ошибся. Все держится только на его предположениях. Вот список. Тесту Войта-Кампфа были подвергнуты первые трое из списка. Двоих анди Дейв отправил в отставку, а затем наткнулся на Полокова. И тот подстрелил его прямо во время тестирования.

— А это подтверждает, что Дейв не ошибся,— заметил Рик.— Иначе бы его не подстрелили. Других мотивов для убийства у Полокова не было.

— Все, отправляйся в Сиэтл! — сказал Брайант.— И молчи там побольше. Переговоры я беру на себя. А ты только слушай.— Инспектор поднялся на ноги и подошел к Рику.— Если вдруг случится, что тест Войта-Кампфа провалит один из людей...

— Это же невозможно! — сказал Рик.

Старший инспектор поднял руку:

— Несколько недель назад мы обсуждали с Дейвом как раз эту тему. Наши мнения совпали. Я получил перед этим через ВПУ сообщение от советской полиции, с которым было предписано ознакомиться не только Земле, но и колониям. Группа психиатров из Ленинграда обратилась в ВПУ со следующим сообщением. Они применили последний и наиболее точный аналитический аппарат, использующийся для идентификации андроидов,— иными словами, шкалу Войта-Кампфа,— к тщательно отобранной группе шизоидов и шизофреников. В особенности к тем, кто обнаруживает так называемое «выравнивание аффекта». Ты наверняка слышал об этом.

— Это как раз то, что оценивает шкала Войта-Кампфа,— сказал Рик.

Брайант прошел по кабинету:

— Значит, ты понимаешь, почему они заволновались.

— Проблема существует давно. С того самого момента, когда мы впервые столкнулись с андроидами, внешне похожими на людей. Консенсус полицейских оценок основан на статье Лурье Кампфа «Блокирование ролевой функции у неполных шизофреников». Она была написана восемь лет назад. Кампф сравнивал снижение эмпатических способностей, обнаруженных у людей с нарушениями психики, с рефлексами андроида, но основательно...

— Ленинградские психиатры,— резко оборвал Рика старший инспектор,— считают, что некоторые больные люди не смогут пройти тест по шкале Войта-Кампфа. Если их проверить по полицейской методике, то вполне можно принять за человекоподобных роботов. Ошибка станет очевидна только потом, когда они уже будут мертвы.

— Но все эти больные должны...

— Да, они должны содержаться в специальных закрытых учреждениях. Они не способны ориентироваться и жить во внешнем мире. Будучи несомненными психопатами, они не смогут оставаться незамеченными. Разве только кто-либо из них спятит быстро и внезапно, а вокруг не окажется человека, способного заметить перемену. Но ведь такое случается...

— Вероятность — один к миллиону,— возразил Рик, хотя и понимал, к чему клонит Брайант.

— Дейва беспокоило,— продолжал Брайант,— появление андроидов с новым мозгом «Нексус-6». Корпорация «Роузен», как тебе известно, заверила нас, что «Нексус-6» можно обнаружить с помощью стандартного теста. Нам пришлось поверить им на слово. Однако теперь, как мы и предвидели, их слова становится

мало. Ты понимаешь, какие серьезные последствия повлечет за собой твоя неудача в Сиэтле? Если тебе не удастся выявить всех человекоподобных роботов, мы лишимся надежного аналитического аппарата, и нам никогда не удастся найти анди-беглецов. Еще хуже, если ты идентифицируешь человека как андроида...— На лице Брайанта застыла ледяная улыбка.— Сложится ужасающая ситуация, даже если все, включая представителей корпорации «Роузен», будут держать язык за зубами. Нам останется делать вид, будто ничего не случилось, но длиться долго это не может. Придется поставить в известность ВПУ, а они, в свою очередь, сообщат в Ленинград. В итоге, рано или поздно, пресса обо всем пронюхает. И если мы не разработаем к тому моменту новую шкалу...— Брайант вернулся за стол.— По-моему, тебе пора. Возьми служебный кар и заправься на нашей станции.

Рик встал:

— Могу я взять с собой материалы Дейва Холдена? Я бы просмотрел их по дороге.

— Давай сначала проведем тестирование в Сиэтле,— сказал Брайант тем безжалостным тоном, который Рик Декард хорошо знал.

* * *

Когда Рик посадил ховеркар на крышу здания «Роузен Ассошиейшн» в Сиэтле, его там уже ждала молодая женщина. Темноволосая и стройная, в модных массивных пылезащитных очках, она подошла к ховеркару, держа руки в карманах длинного полосатого пальто. На ее маленьком личике застыло выражение угрюмой холодности.

— Что случилось? — спросил Рик, выбравшись из кара.

— Ничего,— ответила девушка.— Мы тут кое с кем поговорили по видеофону.— Она резко вытащила из кармана руку, протянула Рику, и тот автоматически пожал ее.

— Я — Рэчел Роузен. А вы, полагаю, мистер Декард.

— Это была не моя идея,— сказал Рик.

— Да, понимаю, инспектор Брайант изложил нам суть дела. Но вы — официальный представитель полицейского департамента Сан-Франциско, а у вас не верят, что наши модели общественно полезны.— Она то и дело прикрывала глаза длинными черными ресницами, которые, похоже, были искусственными.

— Человекоподобный робот,— заметил Рик,— как любая другая машина, может быть и общественно полезным, и общественно опасным. Полезность нас не интересует.

— Зато вас интересует опасность,— согласилась Рэчел Роузен.— Это правда, мистер Декард, что вы охотник за премиальными?

Рик пожал плечами и неохотно кивнул.

— Вы видите в андроиде нечеловека, и это позволяет вам отправить его в отставку, как говорят на вашем жаргоне.

— Вы уже подобрали мне группу для тестирования? — спросил Рик.— Я бы предпочел...— Он запнулся и замолк, внезапно увидев животных.

«Конечно же, такая могущественная корпорация может себе это позволить»,— подумал он. В самой глубине души Рик, несомненно, предвидел, что натолкнется на подобную роскошь. И не удивился. Но ощутил что-то вроде тоски. Забыв о девушке, он осторожно подошел к ближайшему загону и оказался настолько близко, что почувствовал их запах. Вернее, несколько запахов, потому что здесь было несколько прекрасных созданий. Они сидели и стояли, а одно, очень напоминавшее енота, спало.

Рик видел живого енота впервые в жизни. Он знал енотов только по стереофильмам, которые показывало телевидение. По неизвестным причинам пыль подействовала на енотов так же, как и на птиц,— их практически не осталось. Повинуясь велению сердца, Рик достал из кармана каталог «Сидни» и пролистал до раздела «Еноты». Цена, как и в случае с першероном, была напечатана курсивом: в свободной продаже на рынке не было ни одного экземпляра. Каталог «Сидни» просто зафиксировал цену, с которой совершилась последняя сделка по еноту, и цена эта была просто астрономической.

— Его зовут Билл.— Девушка уже стояла за спиной Рика.— Билли-енотик... Его приобрели в прошлом году у филиала нашей корпорации.

Она кивнула куда-то в сторону, и Рик вдруг обнаружил вокруг вооруженных охранников с лазерными автоматическими винтовками «Шкода». Охранники не сводили с Рика внимательных глаз, и, видимо, это продолжалось с самого момента посадки.

«И не важно,— подумал Рик,— что на ховеркаре четко нанесена эмблема полицейского транспортного средства».

— Крупнейший производитель андроидов,— задумчиво произнес Рик,— и вкладывает прибыль в покупку живых существ.

— Взгляните-ка на сову,— посоветовала Рэчел Роузен.— Она здесь, сейчас я разбужу ее.— Девушка неспешно двинулась к небольшой клетке, в центре которой возвышалось сучковатое мертвое деревце.

Но ведь в мире не осталось ни одной живой совы, хотел сказать Рик. По крайней мере, всем внушали именно эту мысль. А в каталоге «Сидни» совы были помечены буквой «в» — вымершие. И не только совы — крошечные буквы «в» были разбросаны по всему каталогу.

Девушка шла впереди, и Рик проверил свои подозрения, заглянув в каталог «Сидни». И обнаружил, что так оно и есть. «„Сидни" никогда не ошибается,— сказал он себе.— И мы все прекрасно знаем это. И потому нам не на что рассчитывать».

— Это подделка,— уверенно заявил он.

Разочарование его становилось все сильнее и сильнее.

— Вовсе нет.— Девушка улыбнулась, и ее маленькие зубки на фоне иссиня-черных волос и темных глаз показались Рику ослепительно белыми.

— Но в «Сидни» говорится...— Рик протянул ей каталог. Ему очень хотелось доказать Рэчел свою правоту.

— Мы никогда ничего не покупаем у «Сидни»,— отмахнулась девушка.— Да и у других официальных дилеров. Все наши поступления идут от частных лиц, а закупочные цены мы попросту не разглашаем. К тому же, корпорация имеет собственных натуралистов. В настоящий момент они работают в Канаде. Там еще осталось изрядное количество лесов, во всяком случае, по нынешним меркам. Территории их достаточны для обитания мелких животных, а порой и птиц.

Рик долго стоял, пристально разглядывая сову, которая дремала на суку. Тысячи мыслей рождались в его сознании. Он думал о войне и о тех днях, когда с неба начали падать совы, одна за другой, одна за другой... Он вспомнил, как средства массовой информации принялись сообщать о вымирании различных видов животных — сегодня исчезла последняя лисица, а назавтра видели труп последнего барсука — до тех пор, пока людям не надоело читать эти бесконечные некрологи.

А потом Рик подумал о том, как сильно ему хочется заполучить настоящее животное, и помимо его воли в нем ожила подлинная ненависть к электрической овце, о которой он вынужден был заботиться, как о настоящей. «Это тирания вещи,— подумал он,— которая даже не догадывается о моем существовании. Вот так и андроиды не способны оценить существование кого-либо, кроме самих себя». Прежде он никогда не думал о сходстве электрического животного и анди. «Электрическое животное,— сделал он вывод,— можно рассматривать как разновидность примитивного робота, замкнутого на себя самого. И наоборот, андроиды могут быть расценены как высокоразвитая модификация

эрзац-животного». Оба определения вызвали в нем чувство отвращения.

Он повернулся к Рэчел Роузен:

— Если вы надумаете продавать сову, какую назначите цену и какой попросите аванс?

— Мы никогда не продадим нашу сову,— ответила девушка. Она испытующе посмотрела на Рика, и на лице ее появилась смесь удовлетворения и жалости; по крайней мере, так ему показалось.— А если все-таки решим продать ее, цена покажется вам непомерной. Какое животное вы держите дома?

— Овцу,— ответил он.— Черномордую суффолкскую овцу.

— Вам не о чем сожалеть.

— Я счастлив,— ответил Рик,— Просто я всю жизнь хотел иметь сову, даже до того дня, как они начали умирать,— и тут же добавил: — Все, кроме вашей.

— Согласно нашей «Программе спасения» мы намерены купить еще одну сову, которая сможет спариваться со Скрэппи.— Девушка кивнула на сову, по-прежнему дремавшую на сухом дереве.

И тут сова на мгновение открыла оба глаза — желтые щелочки родились и умерли — и вновь окунулась в дрему. Грудка птицы поднялась и опустилась, как будто сова грустно вздохнула.

К первоначальному ощущению благоговейного страха и тоски в душе Рика прибавилось чувство горечи и потери. С трудом оторвав взгляд от совы, он сказал:

— Пора начинать тестирование выборки. Мы можем спуститься вниз?

— Мой дядя лично разговаривал с вашим начальником, так что сейчас он, возможно...

— Вы родственники? — перебил Рик.— Эта огромная корпорация — ваше *семейное* дело?

Будто и не заметив этих вопросов, Рэчел произнесла:

— Дядя Элдон сейчас, возможно, уже подготовил и андроидов, и контрольную группу. Идите за мной.

Она направилась к лифту, снова засунув руки в карманы и не оглядываясь. Рик поколебался несколько мгновений, ощутив раздражение, но потом двинулся следом.

— Что вы имеете против меня? — спросил Рик, когда они оказались в лифте.

Она помолчала, как будто не знала, что ответить. А потом с подчеркнутой любезностью сказала:

— Ну, вы, мелкий чиновник департамента полиции, оказались в необычной ситуации. Понимаете, что я имею в виду? —

Взгляд, которым она одарила Рика, переполняло откровенное презрение.

Тот решил не реагировать:

— Скажите, какую часть вашего общего производства составляют андроиды с мозгом «Нексус-6»?

— Все сто процентов,— ответила Рэчел.

— Я уверен, что мы сможем выявить их по шкале Войта-Кампфа.

— А если не сможете, то нам придется отказаться от продажи «Нексус-6» на рынке? — Темные глаза девушки вспыхнули; она с негодованием смотрела на Рика до тех пор, пока кабина не остановилась, а дверцы не разъехались в стороны.— И только потому, что департамент полиции не способен справиться с простой задачей — обнаружить несколько андроидов «Нексус-6», которые удрали от хозяев...

Навстречу им шагнул пожилой мужчина, худощавый и энергичный. На лице его читалась откровенная озабоченность, как будто за последние несколько часов произошло нечто неординарное.

— Я — Элдон Роузен,— представился мужчина, и они обменялись рукопожатием.— Слушайте, Декард, вы, надеюсь, понимаете, что мы не производим андроидов на Земле. Мы не можем просто позвонить по видеофону на производство и попросить, чтобы нам доставили несколько экземпляров нашей продукции «Нексус-6». Вы поймите меня правильно, мы вовсе не отказываемся сотрудничать с вами. Как бы то ни было, я сделал все, что мог.— Он нервно провел левой рукой по жидким волосам.

Приподняв кейс с эмблемой департамента, Рик сказал:

— Я готов начинать.

Явная нервозность Роузена прибавила Рику уверенности. «Они же боятся меня,— внезапно понял он.— Видимо, в моих силах остановить производство моделей «Нексус-6». Результаты теста скажутся на коммерческой деятельности корпорации. То, что я сделаю в течение ближайшего часа, несомненно, очень сильно повлияет на будущее «Роузен Ассошиейшн» как здесь, в Штатах, или в России, так и на Марсе».

Двое Роузенов внимательно наблюдали за ним, и он почувствовал неестественность их манер. Явившись сюда, он принес с собой пустоту и тишину экономической гибели. «Они распоряжаются необычайной мощью,— подумал он.— „Роузен Ассошиейшн“ — один из индустриальных столпов всей системы. Ведь производство андроидов неразрывно связано с процессом колонизации, и если остановится первое, то рухнет и второе... И в

«Роузен Ассошиейшн» отлично это понимают. После звонка Брайанта старик Роузен ни о чем другом и не думает».

— На вашем месте я бы не волновался,— заметил Рик, следуя за Роузенами по хорошо освещенному широкому коридору. Он испытывал сейчас чувство удовлетворения. Подобные мгновения в жизни, как никакие другие, доставляли ему истинную радость. Скоро эта парочка узнает, на что способен тестер.— Если вы не доверяете шкале Войта-Кампфа,— продолжал Рик,— то почему бы вашей компании не разработать новый альтернативный тест? Это вполне возможно, но часть ответственности тогда ляжет на вас.

Они вошли в роскошно обставленное помещение с коврами, диванами, торшерами и невысокими кофейными столиками, на одном из которых лежали свежие номера журналов, в том числе и февральское приложение к каталогу «Сидни», которое Рик еще не видел. И не удивительно, потому что февральское приложение должно было поступить в продажу только через три дня. Похоже, у «Роузен Ассошиейшн» с «Сидни» самые отличные взаимоотношения.

Рик взял приложение в руки.

— А вот это уже оскорбление общественного доверия,— раздраженно сказал он.— Никто не имеет права узнавать изменение цен раньше установленного срока.— Он попытался вспомнить соответствующую статью федерального законодательства, но безуспешно.— Я забираю его с собой! — Он раскрыл кейс и бросил журнал внутрь.

После минутной заминки Роузен произнес:

— Послушайте, офицер, мы не привыкли просить...

— Я не офицер! — оборвал его Рик.— Я охотник за премиальными.

Он расположился за ближайшим столиком, вытащил из кейса тестер Войта-Кампфа и включил его.

— Можете пригласить первого испытуемого,— сообщил он Элдону Роузену, который выглядел теперь совсем измученным.

— Я бы хотела посмотреть,— сказала Рэчел, усаживаясь рядом.— Я никогда не видела, как проводят тест на эмпатию. Как работает ваш прибор?

— Вот эта штука,— Рик приподнял плоский адгезивный[1] диск с подсоединенными проводами,— фиксирует расширение капилляров в области лица. Известно, что на нравственно шокирующий

[1] Адгезия — слипание поверхностей двух разнородных твердых или жидких тел.

вопрос существует простейший рефлекторный ответ, так называемый «стыд» или «румянец смущения». Реакция эта не контролируется силой воли, как электропроводность кожи, частота дыхания или пульс. А вот это,— он показал Рэчел другой прибор, похожий на карандаш, испускающий луч света,— регистратор напряжения глазных мышц. Одновременно с «румянцем смущения» почти всегда можно зарегистрировать их слабое, но уловимое движение...

— ...которого не бывает у андроидов,— досказала Рэчел.

— Они не реагируют на вопросы-раздражители. Хотя биологически существуют. Потенциально...

— Начинайте тест с меня,— оборвала его Рэчел.

— Почему? — озадаченно спросил Рик.

— Мы выбрали ее в качестве первого тестируемого,— хрипло сказал Элдон Роузен.— Возможно, она андроид. Мы надеемся, что вы сумеете определить.

Он неуклюже опустился в кресло, достал сигарету и закурил.

ГЛАВА 5

Тонкий луч белого света бил в левый глаз Рэчел Роузен, а на щеке ее висел прилепленный Риком адгезивный диск. Девушка выглядела совершенно спокойной.

Устроившись на диване так, чтобы можно было считывать показания обоих индикаторов тестера, Рик Декард сказал:

— Я буду описывать определенные жизненные ситуации. Вы должны высказывать свое мнение о каждой из них, причем как можно быстрее. Разумеется, время вашей реакции будет фиксироваться.

— А еще разумеется,— холодно сказала Рэчел,— что смысл моих ответов фиксироваться не будет. Ваш тест оценивает лишь реакцию глазных мышц и капиллярное расширение — параметры, которые вы используете в качестве основных показателей. Но я намерена отвечать, я хочу пройти через все это...— Она на секунду замолкла.— Начинайте, мистер Декард.

Рик выбрал вопрос номер три:

— На день рождения вам дарят бумажник из телячьей кожи.

Стрелки обоих индикаторов бешено дернулись, проскочили зеленый регистр и остановились в красном.

— Я не приму подарка,— сказала Рэчел.— И сообщу о дарителе в полицию.

Сделав короткую пометку, Рик продолжил, обратившись к восьмому вопросу шкалы Войта-Кампфа:

— У вас есть маленький сынишка. Он показывает вам свою коллекцию бабочек вместе с банкой, в которой умерщвляет их.

— Я отведу его к врачу,— тихо, но твердо ответила Рэчел.

Вновь стрелки отклонились, но на этот раз не так далеко, как в первый раз. Рик сделал новую пометку.

— Вы смотрите телевизор,— продолжил он,— и вдруг замечаете, что по вашему запястью ползет оса.

— Я убью ее,— сказала Рэчел.

На этот раз стрелки остались почти спокойны, лишь слабо и на мгновение дернулись. Рик отметил реакцию и выбрал следующий вопрос.

— Листая журнал, вы наталкиваетесь на цветной разворот. Там изображена обнаженная девушка...— Он запнулся.

— Кого вы пытаетесь выявить? — ядовито спросила Рэчел.— Андроида или лесбиянку?

Стрелки остались на нуле, даже не дернулись.

— Фотография нравится вашему мужу,— продолжил Рик.

Стрелки по-прежнему оставались в начальном положении.

— Девушка,— добавил он,— лежит на большом и красивом ковре из медвежьей шкуры.

Стрелки остались неподвижны, и это явно была реакция андроида. Она не обратила внимания на главную деталь — шкуру мертвого животного. Ее — вернее, его, андроида — мозг сконцентрировался на других фактах.

— Ваш муж повесил фотографию на стену и любуется ею,— закончил Рик вопрос.

На сей раз стрелки двинулись с места.

— Разумеется, я бы ему этого не позволила,— ответила Рэчел.

— О'кей,— кивнул Рик.— Теперь подумайте вот над чем. Вы читаете роман, написанный в давние времена, еще до войны. Герои произведения отправляются на экскурсию на рыбный причал Сан-Франциско. Проголодавшись, они заходят в ресторан, где все блюда готовятся из морских продуктов. Один из героев заказывает омара, и повар подает его в сосуде с кипящей водой...

— О боже! — воскликнула Рэчел — Ужас какой!.. Неужели они так поступали? Это мерзко! Вы имеете в виду *живого* омара?

Стрелки, однако, и не дернулись. Формально — реакция адекватная. Но по приборам — симулированная.

— Вы арендуете коттедж в горах,— сказал Рик.— Территория вокруг все еще покрыта зеленью. Внутри коттеджа огромный камин, рядом сосновые дрова...

— Ну,— нетерпеливо кивнула Рэчел.

— По стенам кто-то развесил старинные карты, гравюры Курье, репринтные издания нот Айвза, а над камином прикрепил голову взрослого оленя-самца с крупными рогами. Ваши гости расхваливают внутреннюю обстановку коттеджа, и вы все вместе восхищаетесь...

— Ну не оленьей же головой! — воскликнула Рэчел.

Индикаторы отметили реакцию, но стрелки не вышли за пределы зеленого сектора.

— Вы забеременели,— продолжал Рик.— Парень пообещал жениться на вас. Но ушел к другой, вашей лучшей подруге. Вы делаете аборт и...

— Я бы никогда не сделала аборта,— ответила Рэчел.— Вы бы в любом случае не дали. За это приговаривают к пожизненному заключению, а полиция всегда следит...

На сей раз обе стрелки резво скакнули в красный сектор.

— Откуда вам известно,— с любопытством спросил Рик,— о трудностях, связанных с проведением аборта?

— Да об этом все знают,— ответила Рэчел.

— Такое ощущение, будто у вас в этих делах имеется собственный опыт.— Рик пристально следил за стрелками, которые вновь скакнули к другому краю шкалы.— Еще вопрос. Вы познакомились с мужчиной. Он приглашает вас к себе домой. Там он предлагает вам выпить. Взяв в руки стаканы, вы заглядываете в спальню. Она шикарно обставлена, на стенах висят плакаты с боем быков. Они вас заинтересовали, вы хотите рассмотреть их повнимательнее. Но мужчина закрывает дверь, обнимает вас и говорит...

— Что такое плакаты с боем быков? — перебила Рэчел.

— Рисунки, обычно цветные и крупные, изображающие матадора в плаще и быка, пытающегося его забодать.— Рик был озадачен.— Сколько вам лет?

Возможно, ее вопрос объясняется возрастом...

— Восемнадцать,— ответила Рэчел.— О'кей! Значит, мужчина закрывает дверь, обнимает меня и говорит... Что же он говорит?

— А вам известно, чем заканчивался бой быков?

— Полагаю, кто-то получал ранение.

— Быка в конце всегда убивали,— Рик внимательно следил за стрелками.

Они слегка подрагивали, не более того. Никакого отклонения.

— Последний вопрос,— сказал Рик.— Он из двух частей. Вы смотрите по телевизору старое кино, снятое еще до войны. Показывают банкет. Он в самом разгаре, гости наслаждаются сырыми устрицами.

— Фу-у! — сказала Рэчел.

Стрелки резко качнулись.

— Следующее блюдо — отварная собака, фаршированная рисом.

Стрелки качнулись и на этот раз, но гораздо слабее, чем при упоминании об устрицах.

— Сырые устрицы для вас противнее отварной собаки? — Он выключил «карандаш», положил его на столик, отлепил от щеки Рэчел адгезивный диск.— Вы — андроид,— сказал он ей (вернее, ему, роботу).— Это вывод по результатам теста.

Он повернулся к Элдону Роузену, который с напряженным вниманием следил за его действиями. Лицо пожилого человека, будто пластилиновое, сменило одну за другой несколько мин и остановилось на раздражении.

— Я прав, не так ли? — переспросил Рик.

Ни один из Роузенов не снизошел до ответа.

— Послушайте,— рассудительно сказал Рик,— между нашими интересами нет никаких противоречий. Чтобы тест Войта-Кампфа работал — для вас не менее важно, чем для нас.

— Она не андроид,— ответил старший Роузен.

— Я вам не верю.

— Какой смысл ему лгать? — яростно крикнула Рэчел.— Если бы мы ставили целью обмануть вас, то пошли бы другим путем.

— В таком случае, нам придется провести анализ ткани вашего костного мозга,— сказал Рик.— Тогда мы абсолютно точно определим, андроид вы или нет. Правда, процедура эта длительна и болезненна, но...

— По закону,— прервала его Рэчел,— вы не имеете права насильно подвергнуть меня такой процедуре. Кроме того, анализ костного мозга живого человека, в отличие от трупа «отставного» андроида, займет много времени. Ваш проклятый тест Войта-Кампфа правильно определяет только специалов. Их проверяют постоянно, и пока правительство не отказалось от этих проверок, вы сумели протащить этот тест и для выявления андроидов. Вы правы лишь в одном — данный тест завершен.

Она поднялась на ноги, отошла прочь и, не оборачиваясь, уперла руки в боки.

— Проблема вовсе не в законности проведения анализа костного мозга,— хрипло сказал Элдон Роузен.— Проблема в том, что ваш тест на эмпатию в отношении моей племянницы полностью провалился. Я могу объяснить, почему ее реакции напоминают реакции андроидов. Рэчел родилась на борту «Саладера-3»

и провела там четырнадцать лет. Из восемнадцати... Ее воспитывали девять взрослых членов экипажа да бортовая информотека. Именно от них она получила сведения о Земле. Корабль, как вам известно, повернул обратно, пролетев шестую часть пути к Проксиме. Иначе бы Рэчел и вовсе не увидела Землю, разве лишь на старости лет.

— И вы бы меня «отправили в отставку»,— добавила Рэчел, не поворачивая головы.— Я была бы убита в первой же полицейской облаве. Я знаю это, я тут уже четыре года, и меня гоняют по шкале Войта-Кампфа не впервые. Я очень редко покидаю здание корпорации, это слишком рискованно. На дорогах полицейские кордоны, да еще летающие патрули, которые вылавливают незарегистрированных специалов.

— И андроидов,— добавил Элдон Роузен.— Хотя обычным людям, конечно же, об этом не скажут. Им о том, что андроиды живут на Земле, среди нас, знать не положено.

— Думаю, вы не правы,— сказал Рик.— Полицейские агентства и у нас, и в Советском Союзе вылавливают андроидов всех до единого. Население Земли теперь невелико, и каждый рано или поздно попадется под случайную проверку.

Так, по крайней мере, считали в ВПУ...

— Каковы у вас инструкции на случай, если вы окрестите андроидом человека? — спросил Элдон Роузен.

— Это внутриведомственный вопрос.— Рик начал складывать аппаратуру в кейс.

Роузены молча наблюдали за его манипуляциями.

— В этом случае я должен прекратить тестирование,— добавил Рик.— Нет смысла продолжать. Ошибившийся раз ошибется и дважды.— Он захлопнул кейс.

— Мы могли бы обмануть вас,— сказала Рэчел,— и в случае со мной, и в отношении других девяти объектов, выбранных нами для тестирования.— Она энергично жестикулировала.— Мы просто решили, что чем быстрее вы поймете недостатки теста, тем лучше.

— Я должен был настоять на том, чтобы вы заранее представили мне список испытуемых,— сказал Рик.— В запечатанном конверте, с раскрытием кто есть кто. Тогда по окончании тестирования я мог бы сравнить его с полученными результатами, чтобы выяснить соответствие...

«Теперь ясно,— подумал он,— что о соответствии нет и речи. Брайант оказался прав. Слава богу, что мне не пришлось отправиться на охоту за премиальными, вооружившись этим тестом! Это была бы еще та охота!»

— Я предполагал, что вы, возможно, именно так и сделаете,— сказал Элдон Роузен. Он глянул на Рэчел, та кивнула.— Мы обсуждали эту возможность,— неохотно добавил он.

— Возникшая проблема неразрывно связана с вашей производственной деятельностью, мистер Роузен,— сказал Рик.— Никто не вынуждал вашу корпорацию доводить качество производимых вами андроидов до уровня, когда...

— Мы производим то, чего от нас ждут колонисты. И мы всегда следовали проверенному временем принципу, лежащему в основе любой коммерческой деятельности. Если бы наша фирма не разработала данную модель андроидов, это бы сделали наши конкуренты. Мы понимали, что разработка нового типа мозга — дело рискованное. *Но вся проблема в том, что ваш тест Войта-Кампфа был неудачен изначально, еще до того, как мы создали «Нексус-6»*. Если бы вы не сумели классифицировать «Нексус-6» как андроида, если бы вы посчитали, что это человек... Но вы пришли к выводу с точностью до наоборот.— Тон Элдона Роузена стал жестким и неумолимым.— Вполне возможно, что ваш департамент — да и другие полицейские агентства — «отправил в отставку» немало настоящих людей, у которых оказались слабо развиты эмпатические способности. Как у моей невинной племянницы. Ваше положение, мистер Декард, с точки зрения общественной морали крайне незавидное Ваше, а вовсе не наше!

— Иными словами, вы не дадите мне провести тест на хотя бы на одном экземпляре «Нексус-6».— Рик тоже добавил в голос жесткости.— Вы специально подсунули мне эту шизоидную девицу.

«Тесту конец,— подумал он.— Какого черта я купился на их уловку! Впрочем, после драки кулаками не машут».

— Мы победили вас, мистер Декард,— произнесла Рэчел Роузен тихим размеренным голосом. Потом она повернулась к нему лицом и улыбнулась.

* * *

Даже теперь Рик не мог понять, как «Роузен Ассошиейшн» удалось заманить его в ловушку, да еще с такой легкостью. Мастера, подумал он. Гигантские корпорации и опыт накапливают гигантский. Фактически, корпорация — это разновидность группового разума. А Элдон и Рэчел Роузены — публичные выразители идей этого производственного мамонта. Его, Рика, ошибка теперь очевидна. Она заключается в том, что он воспринял Роузенов как не связанных друг с другом людей. Но больше он такой ошибки не сделает.

— Ваш начальник, мистер Брайант,— сказал Элдон Роузен,— начнет задавать вопросы, когда выяснится, что вы провалили тест еще до начала тестирования.— Он указал глазами на потолок.

Рик поднял голову и увидел телекамеру. Его ошибка в ведении дела с Роузенами была зафиксирована.

— Думаю, сейчас,— сказал Роузен,— всем нам лучше присесть и...— Он жестом пригласил Рика к разговору.— Думаю, мы могли бы прийти к взаимному соглашению, мистер Декард. Нет никаких причин беспокоиться. Появление «Нексус-6» надо принимать как факт. Мы, в «Роузен Ассошиейшн», принимаем. Надеюсь, вы — тоже.

— Вам ведь хочется иметь сову? — спросила Рэчел, наклонившись к Рику.

— Сомневаюсь, что она когда-нибудь у меня появится,— ответил Рик, прекрасно понимая, что имеет в виду эта девица.

Итак, корпорация намерена заключить с ним сделку. Напряжение, какого он прежде никогда не ощущал, сковало все его мышцы. А потом оно прорвалось, и горячие волны накатили на душу и тело.

— Но ведь сова,— сказал Элдон Роузен,— это именно то, чего вам хочется.— Он вопросительно посмотрел на племянницу.— Мне кажется, мистер Декард чего-то недопонимает...

— Все он прекрасно понимает,— возразила Рэчел.— Ему совершенно ясно, к чему мы клоним. Правда, мистер Декард? — И она вновь придвинулась к Рику, на сей раз ближе, так что он уловил тонкий аромат духов и даже, кажется, ощутил тепло тела.— Ведь мы с вами на одной стороне, мистер Декард. Практически сова ваша.— Она повернулась к Элдону Роузену.— Он же охотник за премиальными, помнишь? А теперь он останется без премиальных и будет получать одно лишь жалованье. Я правильно говорю, мистер Декард?

Рик кивнул.

— И сколько же андроидов сбежало на сей раз? — поинтересовалась Рэчел.

— Восемь. Первоначально. Двоих уже отправили в отставку, но не я.

— И как много вы получаете за каждого андроида? — спросила Рэчел.

Рик пожал плечами:

— Всяко бывает.

— Если у вас нет качественного теста, значит вы, не сумеете идентифицировать андроида. А если вы не сумеете идентифицировать андроида, у вас нет способа получить премиальные. Таким образом, если шкалы Войта-Кампфа не станет...

— Ее заменит новая шкала,— сказал Рик.— Такое уже случалось.

Такое действительно уже случалось. Трижды, если быть точным. И новая шкала — более современный аналитический аппарат — уже готовилась. Ее внедрение — вопрос времени.

— Рано или поздно шкала Войта-Кампфа, разумеется, выйдет из употребления,— согласилась Рэчел.— Но не теперь. Мы не сомневаемся, что она способна отличить модель «Нексус-6» от человека, и нам бы хотелось, чтобы на ней основывалась ваша специфическая работа.— Стиснув руки, она покачивалась взад-вперед и напряженно вглядывалась в Рика, пытаясь понять его реакцию.

— Скажи ему, что он может забрать сову,— проскрипел Элдон Роузен.

— Вы можете забрать сову,— сказала Рэчел, по-прежнему не спуская глаз с Рика.— Ту, что на крыше. Скрэппи. Но мы бы хотели спарить ее, если удастся приобрести самца. Кроме того, нам будет принадлежать все потомство. Таковы наши условия.

— А если мы поделим выводок? — сказал Рик.

— Нет! — отчеканила Рэчел.

Элдон Роузен кивнул и добавил:

— Вряд ли вам стоит претендовать на единоличное владение всеми совами до скончания веков. Есть и еще одно условие. Вы не можете завещать сову. С вашей смертью сова возвращается в собственность корпорации.

— В ваших интересах будет убить меня,— сказал Рик.— И вернуть себе сову. Такие условия мне не подходят, это слишком опасно.

— Вы ведь охотник за премиальными,— заметила Рэчел.— Вы умеете обращаться с лазерным пистолетом. Он и сейчас у вас с собой. Если вы не способны защитить себя, то как справитесь с шестеркой беглых «Нексус-6»? А они гораздо круче старых W-4 от «Гоззи Корпорэйшн».

— Но сейчас *я* охочусь на них. А при ваших условиях охотиться станут *на меня*.— Рику крайне не нравилась мысль о том, что его начнут выслеживать. Он видел, к чему приводила такая «игра». Даже с андроидами в результате происходили необратимые изменения.

— Хорошо,— согласилась Рэчел,— мы готовы пойти на уступки. Вы сможете завещать сову наследникам. Но весь выводок наш, мы настаиваем на этом. Если не согласны, катитесь назад, в Сан-Франциско, и попытайтесь объяснить своему начальству, что шкала Войта-Кампфа не в состоянии отличить анди от чело-

века. По крайней мере, когда ее используете вы... И начинайте искать другую работу.

— Дайте мне немного подумать,— сказал Рик.

— Хорошо, мы покинем вас на некоторое время. В этой комнате думается неплохо.— Рэчел глянула на свои часики.

— В вашем распоряжении полчаса,— добавил Элдон Роузен.

Дядя и племянница молча направились к дверям.

«Они выложили все, что собирались,— подумал Рик.— Остальное за мной».

Рэчел уже закрывала дверь, когда он сказал им вслед:

— Вам удалось поймать меня на ошибке и записать это, о чем я даже не догадывался... Вы знаете, что моя работа основана на использовании шкалы Войта-Кампфа... Плюс эта ваша чертова сова...

— Это уже ваша сова, дорогой,— сказала Рэчел.— Мы прикрепим к лапке совы бирку с вашим именем и домашним адресом и отправим в Сан-Франциско. И он уже будет ждать вас дома, когда вас выгонят с работы.

«Он?..— подумал Рик.— *Эта девица назвала самку „он“...*»

— Одну секунду!

— Да? — Рэчел шагнула назад.— Вы уже приняли решение?

— Я бы хотел,— сказал Рик, открывая кейс,— задать вам еще один вопрос по шкале Войта-Кампфа. Пожалуйста, присядьте.

Рэчел оглянулась на дядю. Тот кивнул. Девушка неохотно вернулась и села на прежнее место.

— Что вам еще надо? — сердито спросила она, подняв брови.

Рик мгновенно заметил, что она напряжена.

Минуту спустя на ее щеке уже висел адгезивный диск, а в правый глаз бил лучик света из «карандаша». Рэчел ждала, на ее лице застыло выражение крайней неприязни.

— Мой кейс,— сказал Рик, выуживая листки с вопросами,— красив, не правда ли? Нас обеспечивает ими департамент.

— И что? — Голос Рэчел прозвучал слабо.

— Он обтянут детской кожей, дорогая! — Рик любовно погладил поверхность кейса.— Стопроцентной натуральной кожей ребенка.

Стрелки на тестере скакнули как сумасшедшие. Но только после некоторой паузы. Ответная реакция произошла с явным запозданием. Рик знал время ответной реакции с точностью до долей секунды; этой задержки между вопросом и ответом практически вообще не должно было быть.

— Спасибо, мисс Роузен! — Рик начал убирать части тестера в кейс.— Теперь все.

— Вы уходите? — удивилась Рэчел.

— Да. Теперь я вполне удовлетворен.

— А остальные девять испытуемых?

— В отношении вас шкала адекватна,— ответил Рик.— И этого вполне достаточно. Шкала по-прежнему эффективна.— Он повернулся к Элдону Роузену, мрачно застывшему возле двери.— Она знает?

Иногда анди и не догадывались, кем они являются. В память им внедрялись искусственные воспоминания — в надежде на то, что реакция на тестирование изменится в нужную сторону.

— Нет,— сказал Элдон Роузен.— Мы запрограммировали ее очень серьезно. Но думаю, она начала подозревать.— Он неторопливо подошел к девушке.— Ты, наверное, догадалась, когда он решил задать тебе еще один вопрос?

Бледная Рэчел кивнула.

— Не бойся его. Ты ведь не беглый андроид, проникший на Землю нелегально. Ты собственность «Роузен Ассошиейшн» — рекламная модель для показа эмигрантам.— Элдон Роузен положил девушке руку на плечо, надеясь успокоить.

Рэчел передернуло от его прикосновения, как от неожиданного приступа боли.

— Он прав,— сказал Рик.— Я не собираюсь отправлять вас в отставку, мисс Роузен. Всего доброго! — Он двинулся к двери, но вдруг остановился.— Сова действительно настоящая?

Рэчел бросила быстрый взгляд на старшего Роузена.

— Он в любом случае улетит,— спокойно ответил Элдон Роузен.— Не имеет никакого значения. Сова поддельная. Живых уже давно нет.

Рик кивнул и двинулся к двери.

Двое смотрели ему вслед. Никто ничего не сказал. Ибо все уже было сказано...

«Вот так работает самый крупный производитель андроидов»,— подумал Рик.

Ему еще не приходилось сталкиваться с подобной нахрапистостью и хитростью. Ничего удивительного в том, что у стражей закона столько неприятностей из-за модели «Нексус-6».

«Рэчел! — понял он вдруг.— Она и есть «Нексус-6»! Наконец-то я столкнулся с андроидом данной модели! И, черт возьми, они едва не взяли меня за горло! И черт возьми, они едва не скомпрометировали шкалу Войта-Кампфа — единственный метод, который у нас остался для того, чтобы находить их!.. Да, «Роузен Ассошиейшн» проделала хорошую работу — по крайней мере, в попытке защитить свой товар. А мне предстоит столк-

путься еще с шестью такими, прежде чем я закончу свою работу».

Да, он получит свои премиальные. Каждый цент.

Если допустить, что останется жив...

ГЛАВА 6

Телевизор по-прежнему грохотал. Шагая по засыпанным пылью ступенькам лестницы, Джон Изидор продирался сквозь безграничную пустоту здания туда, где она, пустота эта, похоже, заканчивалась, где гремел знакомый голос Бастера Френдли, радостно вещающего для своей обширной аудитории.

— Эй, люди! Будем энергичными! Сейчас пора прослушать краткий метеорологический прогноз на завтра. Сначала для Восточного побережья США. Спутник «Мангуст» докладывает, что осадки будут досаждать нам до полудня, а потом слегка распогодится, так что если кто из вас, дорогие, собрался прошвырнуться, стоит подождать до после полудня... Кстати, о ваших ожиданиях... Осталось всего десять часов до момента, когда я выложу вам суперважную новость. Предупредите друзей! Я сообщу вам такое, что вы вывихнете челюсти. И если вы думаете, что это обычное...

Изидор постучался, и телевизор исчез. Он не просто замолчал, он канул в небытие, как будто простой стук в дверь лишил его жизни.

Однако даже сквозь закрытую дверь Изидор чувствовал, что в квартире кто-то есть. И не потому, что телевизор кто-то выключил. Странные способности, вдруг проснувшиеся в нем, донесли до него молчаливый ужас, исходящий от притаившегося в дальнем углу квартиры незнакомого существа, пытающегося избежать встречи с ним, с Изидором.

— Эй! — позвал он.— Я живу наверху. Я услышал звук вашего телевизора. Давайте познакомимся, а? — Он подождал, прислушиваясь.

В ответ ни звука, ни движения: его слова никого не успокоили.

— Я принес кусочек маргарина,— крикнул Джон, приблизив лицо к массивной двери, чтобы его услышали получше.— Вам... Меня зовут Джей Эр Изидор. Я работаю на широко известного ветеринара, мистера Ганнибала Слоута. Вы наверняка слышали о нем. Меня уважают, у меня есть работа. Я вожу грузовичок мистера Слоута.

Дверь осторожно открылась, и он увидел молоденькую девушку. Та глядела на него, крепко держась за дверь, будто чер-

пала из нее силы, помогавшие стоять на ногах. Страх придавал ей странный вид: черты лица выглядели размытыми; казалось, будто она не живое существо, а разбитая скульптура, которую потом наспех склеили и забыли тут. Ее огромные, застывшие глаза растерянно смотрели на гостя, а губы кривились в тщетной попытке улыбнуться.

— Вы думали, в этом здании никто не живет,— внезапно догадался Изидор.— Вы думали, оно давно опустело.

— Да,— кивнув, прошептала девушка.

— Но ведь это здорово, когда у тебя есть соседи,— заметил Изидор.— Черт, пока вы не появились, у меня не было ни одного.

Видит бог, это была не шутка...

— Значит, здесь никого нет? — спросила девушка.— Во всем здании только вы и я?

Она явно почувствовала себя увереннее, выпрямилась и поправила растрепавшиеся темные волосы. Изидор обнаружил, что у нее прекрасная, хоть и миниатюрная, фигурка, красивый разрез глаз и длинные черные ресницы. На ней были лишь пижамные штаны и ничего больше — Изидор явно застал новую соседку врасплох. Отведя глаза, он обнаружил за ее спиной полный кавардак: тут и там лежали открытые чемоданы, а их содержимое было разбросано по грязному полу. Впрочем, это показалось Изидору вполне естественным: ведь она только-только вселилась.

— Да, кроме вас и меня, в здании никого нет,— ответил он.— И я не буду вас беспокоить.— Он нахмурился: на его подарок, олицетворяющий собой подлинный довоенный ритуал, даже и внимания не обратили.

Похоже, девушка представления не имела о том, что такое подарки. А может, не знала, для чего нужен маргарин. Изидор интуитивно почувствовал это. Казалось, девушка озадачена маргарином больше, чем приходом незваного гостя.

— Старый добрый Бастер,— произнес Джон, пытаясь окончательно успокоить ее.— Он вам нравится? Я смотрю его каждое утро и каждый вечер. Когда возвращаюсь домой. Смотрю, пока ужинаю, и ночью, пока не отправляюсь спать.

— Кто...— Девушка запнулась и рассерженно поджала губки. Похоже, она разозлилась сама на себя.

— Бастер Френдли,— объяснил Изидор. Казалось странным, что девушка ничего не слышала о самом известном на Земле комике.— Откуда вы приехали? — с любопытством спросил он.

— Не думаю, что это сейчас самое главное.— Она стрельнула в него быстрым взглядом и, кажется, все-таки начала успокаиваться. Во всяком случае, тело ее расслабилось.— Буду рада со-

ставить вам компанию! Позже, когда я устроюсь. Сейчас, конечно, об этом не может быть и речи.

— Почему не может быть и речи? — ошарашенно спросил Изидор.

Все в ней озадачивало его. «Возможно,— подумал он,— я слишком долго жил один. Возможно, я выгляжу странно. Говорят, все безмозглики так выглядят». Эта мысль заставила его помрачнеть.

— Я мог бы помочь вам распаковать вещи,— предложил он, чувствуя, что дверь вот-вот захлопнется перед его носом.— И расставить вашу мебель.

— У меня нет мебели,— сказала девушка.— Все эти вещи,— она оглядела комнату,— были здесь и раньше.

— Они не годятся,— заметил Изидор.

Он мог определить это с первого взгляда. Стулья, ковер, столы — все насквозь прогнило; жертвы деспотичного времени, они все глубже погружались в пучину разрушения. В этой квартире много лет никто не появлялся. И как только девушка собирается жить в подобной обстановке?

— Послушайте,— искренне сказал он,— если осмотреть дом, можно отыскать для вас мебель и поприличнее. В одном месте найдем лампу, в другом — стол...

— Спасибо! — кивнула девушка.— Я это сделаю сама.

— Вы *в одиночку* собираетесь осмотреть дом? — Изидор не мог поверить услышанному.

— А почему бы и нет? — спросила она, напрягаясь.

На ее лице опять появилась явственная гримаса страха.

— Я пытался сделать это,— сказал Изидор.— Однажды. С тех пор я лечу прямо к себе. Стараюсь не вспоминать о том, что в доме есть и другие квартиры. Их тут сотни. Но в них никто не живет, хотя от людей осталось имущество. Даже семейные фотографии и одежда. Те, кто умер, не смогли ничего взять с собой, а те, кто эмигрировал, просто не захотели. Все это здание, кроме моей квартиры, сплошное хламье.

— Хламье? — Она опять не поняла.

— Хламье — это бесполезные вещи. Старые рваные упаковки, пустые спичечные коробки, обертки от жвачки. И прочий мусор. Когда вокруг никого нет, хламье производит само себя. Например, если вы, перед тем как лечь спать, не уберете хламье в своей квартире, утром окажется, что его стало в два раза больше. Его всегда и везде становится все больше и больше.

— Вижу,— растерянно ответила девушка, не зная, шутит он или говорит серьезно.

— Это Первый Закон Хламья,— сказал Изидор.— «Хламье всегда побеждает нехламье»... Нечто похожее на закон Бликера о фальшивых деньгах. В этом доме давно уже некому воевать с хламьем.

— И оно захватило весь дом,— закончила девушка и кивнула: — Теперь я поняла.

— Квартира, которую вы себе выбрали, просто захвачена хламьем. В ней нельзя жить. Нужно найти вам другое жилье, где меньше хламья, но...— Он запнулся.

— Но что?

— Мы все равно не сумеем победить хламье,— ответил Изидор.

— Почему? — Девушка вышла из квартиры, прикрыв одной рукой дверь, а другой — маленькие высокие груди. Она явно хотела разобраться в том, что он говорит. По крайней мере, ему так показалось. Главное, что она его слушала.

— С хламьем невозможно справиться,— сказал Изидор.— Его можно только ненадолго победить где-нибудь в одном месте. В своей квартире мне удалось создать равновесие между хламьем и нехламьем. Но если я умру или куда-то надолго уеду, хламье тут же возьмет свое. Это универсальный принцип. Он действует везде во Вселенной. Наша Вселенная движется к заключительному этапу своего развития. К полной и абсолютной Захламленности. Исключая, конечно, склон великого восхождения Уилбура Мерсера.

Девушка распахнула глаза:

— Я не вижу связи.

— Все дело в сути мерсеризма.— Изидор снова почувствовал недоумение.— Разве вы не участвуете в слиянии? Разве у вас нет эмпатоприемника?

— Я не захватила его с собой,— осторожно произнесла девушка, помолчав.— Полагала, что найду здесь другой.

Изидор даже заикаться начал:

— Н-но в-ведь эмп-патоскоп — это главная ценность из всего, что у нас есть! Он как часть тела. С его помощью мы общаемся с другими людьми, сливаемся с их мыслями и чувствами. Он — средство против одиночества... Хотя чего я объясняю?.. Вы же знаете все это и без меня... Это все знают. Мерсер не оставляет даже таких, как я...— Он запнулся.

Но было слишком поздно: все уже было сказано, и теперь она знала, кто он такой. На ее лице вспыхнуло отвращение.

— Я почти прошел ай-кью-тест,— пробормотал он дрожащим голосом.— Я не пропащий специал, всего лишь умеренный. Я совсем не такой, как те, о ком вы наверняка слышали. К тому же, это не заботит Мерсера...

— Насколько мне известно, это можно считать основным недостатком мерсеризма.— Голос девушки был безразличен.

Она просто сказала об известном ей факте, понял Изидор. О факте своего отношения к безмозгликам...

— Наверное, мне лучше подняться к себе,— сказал он и пошел прочь.

И только сейчас заметил, каким мягким от тепла его руки стал кусочек маргарина.

Девушка смотрела, как он уходит, и ее лицо абсолютно ничего не выражало. И вдруг крикнула ему вслед:

— Подождите!

— Зачем? — спросил он, оборачиваясь.

— Мне нужна ваша помощь. Помогите подобрать подходящую мебель. Из других квартир, вы же говорили.— Она шагнула к нему, ее обнаженное до пояса тело было красивым и грациозным: ни грамма лишнего веса.— Когда вы возвращаетесь с работы? Вы сможете помочь мне вечером?

— А вы сможете приготовить ужин? — спросил Изидор.— Если я принесу продукты?

— Нет, у меня слишком много дел.— Девушка так легко отмахнулась от его вопроса, что Джон сообразил: она не совсем поняла, о чем он.

Теперь, когда исчез ее былой страх, в девушке появилось что-то новое. Гораздо более странное. И, подумал Изидор, весьма прискорбное. Холодность.

«Будто дохнуло из пустоты между населенными мирами,— подумал Изидор.— Но вот что еще более странно... Пустота идет не от того, что она говорит или делает. Наоборот — от того, чего она не говорит и не делает».

— Как-нибудь в другой раз,— сказала девушка, повернулась и неспешно двинулась к двери в свою квартиру.

— Вы запомнили мое имя? Джон Изидор, и я работаю...

— Вы уже сообщили мне, на кого работаете.— Она резко остановилась, пинком распахнула дверь.— Ваш хозяин — некая персона по имени Ганнибал Слоут. Я уверена, что он существует только в вашем воображении. Меня зовут...— Она бросила на него еще один, полностью лишенный теплоты взгляд и настороженно сказала: — Я Рэчел Роузен.

— Из «Роузен Ассошиейшн»? — спросил Изидор.— Крупнейшего производителя человекоподобных роботов, которые используются в нашей колониальной программе?

Непонятное выражение промелькнуло на девичьем лице, но тут же исчезло.

— Нет,— сказала она.— Я никогда о них не слышала. И понятия не имею, чем занимается эта корпорация. Думаю, она — тоже плод больного воображения, присущего безмозглику Джону Изидору с его персональным эмпатоприемником. Бедному мистеру Изидору...

— Но из вашего имени следует, что вы...

— Мое имя,— сказала девушка,— Прис Стрэттон. Так меня зовут по мужу. Я употребляю только это имя. Я никогда не пользуюсь никаким другим именем, кроме Прис. Называйте меня Прис.— Она о чем-то задумалась и добавила: — Нет, лучше обращайтесь ко мне «мисс Стрэттон». Ведь мы совсем не знаем друг друга. По крайней мере, я вас не знаю.

Дверь за нею захлопнулась, и Джон остался один в усыпанном пылью холле.

ГЛАВА 7

«Ну вот так вот»,— подумал Дж. Р. Изидор, сжимая в руке кусок маргарина.— А может быть, она передумает и позволит мне называть ее Прис. Особенно если я раздобуду банку консервированных овощей, какие выпускали еще до войны».

Обрадованный этой мыслью, он шагнул к лестнице. Но тут к нему явилась другая мысль, вовсе не радостная.

«А вдруг она не знает, как их готовят,— подумал он. Но тут же сообразил: — О'кей, это я и сам могу. Я приготовлю обед на двоих и покажу ей, как это делается. И может, в будущем она сумеет сама, если захочет. А почему бы ей и не захотеть, если я покажу, как это делается. Все знают, что большинство женщин любят готовить. Даже такие молоденькие. У них такой инстинкт».

Поднявшись по лестнице, он вошел в свою квартиру.

«Иначе к этой Прис и не подступишься»,— думал он, надевая белую рабочую одежду и понимая, что если даже очень поторопиться, он все равно опоздает на работу и мистер Слоут страшно рассердится. Ну и что из того? Странно, она не знает о Бастере Френдли. Это просто невозможно! Бастер — самый известный человек на Земле. Если, конечно, не считать Уилбура Мерсера... Но Мерсер — не человек, он, скорее, является существом со звезд, привнесенным в нашу культуру свыше. По крайней мере, так говорят люди. Так, к примеру, говорит мистер Слоут, а уж Ганнибал Слоут всяко знает, что говорит...

Странно и то, что девушка путается со своим собственным именем. Возможно, ей потребуется помощь...

«Смогу ли я оказать ей хоть какую-нибудь помощь? — спросил себя Джон. И не нашел ответа.— Я всего-навсего специал, безмозглик, у меня нет никаких знаний. Я не могу жениться. Я не могу эмигрировать, и пыль рано или поздно меня наверняка убьет. Мне нечего предложить Прис».

Переодевшись, он быстро поднялся по лестнице на крышу, к своему старенькому ховеркару.

* * *

Час спустя Джон уже сидел за рулем грузовичка, и ему сдали первое за день вышедшее из строя животное. Это был электрокот. Сейчас он лежал в пластиковом пыленепроницаемом контейнере в хвосте машины и часто и тяжко дышал. Будто задыхался... Любой бы поверил, что кот настоящий.

Изидор отправился назад, в клинику Ван Несса,— так солидно (и лживо) называлось заведение, которое в действительности являлось не более чем скромной мастерской по ремонту эрзац-животных.

Кот начал громко стонать.

«Ну и ну,— подумал Изидор.— Он издает такие жуткие звуки, как будто и вправду помирает. Возможно, закоротило батарею, и контуры постепенно выходят из строя».

Похоже, ремонт предстоит серьезный, и Милту Борогроуву, технику клиники Ван Несса, придется приложить все свое умение.

«Я же не назвал хозяину кота даже приблизительную стоимость ремонта»,— вспомнил Изидор и даже расстроился. Парень попросту отдал ему кота и сказал, что тому стало плохо ночью, на чем беседа и прекратилась. Хозяин кота уселся в мощный ховеркар последней модели и с ревом умчался в небо. Клиент был новый, Изидор видел его в первый раз.

— Продержишься, пока мы долетим до мастерской? — сказал Джон.

Кот лишь хрипел.

— Ладно, сейчас сяду и перезаряжу тебя.

Изидор опустил грузовичок на ближайшую свободную крышу, не выключая мотора, открыл пылезащитный контейнер, который, в сочетании с белой формой Изидора и украшающей машину эмблемой лечебницы, создавал полное впечатление, что перед вами — самый настоящий ветеринар для самых настоящих животных.

Электрический механизм, спрятанный под очень похожей на натуральную шкурой (выглядящей как длинная серая шерсть),

булькал и пускал пузыри, видеокамеры глаз потухли, металлические челюсти были плотно сжаты. Изидора всегда поражало, как хорошо у эрзац-животных программируются «симптомы болезни». Вот и устройство, лежащее сейчас на его коленях, было смонтировано таким хитрым образом, что, когда выходил из строя один из главных узлов механизма, конструкция выглядела вовсе не сломанной, а по-настоящему больной. «Они способны одурачить кого угодно»,— подумал Изидор, пытаясь отыскать на пушистом животе эрзац-животного крышку блока питания. Но крышка была маленькой, и сразу он ее не нашел, а долго возиться времени не было — механизм практически перестал работать. Если дело в замыкании, то можно перерезать один из питающих проводов. Тогда произойдет полное обесточивание, и, по крайней мере, с электрокотом ничего больше не произойдет. А в мастерской Милт заменит провод.

Изидор пробежал пальцами по псевдопозвонкам хребтины. Провода, которые тянутся от блока питания, должны быть где-то здесь. Здорово сделано!.. Жаль только, провода не обнаружить — как ни прощупывай!.. Несомненно, кот изготовлен компанией «Уилрайт и Карпентер»; их продукция дороже, чем у других фирм, зато сделано — комар носа не подточит!

Изидор еще раз провел пальцами по хребту и сдался. Все равно эрзац-кот перестал работать. Похоже, замыкание — если именно оно было причиной поломки — полностью разрядило аккумулятор или сожгло главный двигатель. «Ремонт будет недешев,— подумал Джон.— Очевидно, тот парень не отдавал животное, как положено, трижды в год на профилактику. Что ж, сумма, которую он выложит за ремонт, станет ему хорошим уроком».

Он вернулся на место водителя, грузовик вновь взмыл в воздух и быстро полетел к мастерской.

Во всяком случае, Изидору больше не надо было слушать бьющие по нервам хрипы электрокота.

«Ерунда какая! — подумал он.— Знаешь ведь, что слышишь всего лишь имитацию, что вопли издает динамик! Тем не менее все внутри выворачивается наизнанку. Вот бы подыскать другую работу!»

Изидор вздохнул. Если бы не IQ-тест, с которым ему не удалось справиться, он бы ни в жизнь не согласился на эту унизительную работу, которая к тому же плохо влияет на психику. С другой стороны, фальшивые страдания эрзац-животных ничуть не беспокоят Милта Борогроува и их общего босса, Ганнибала Слоута.

«Выходит, это только я такой,— подумал Джон Изидор.— Наверное, когда человек, став специалом, деградирует, то есть

шагает вниз по ступенькам эволюционной лестницы и погружается в болото загробного мира... Ой, лучше об этом вообще не думать!..»

Ничто не угнетало его больше, чем то мгновение, когда он сравнивал свои нынешние умственные способности с теми, которые у него были раньше. День ото дня сообразительность и энергичность в нем таяли. Он ничем не отличался от тысяч похожих на него специалов, и все они двигались к куче пепла, превращаясь в живое хламье...

Для компании он включил приемник и настроился на аудиоверсию шоу Бастера Френдли, которая сопровождала телепередачу ежедневно по двадцать три «горячих» часа непрерывно. Оставшийся от суток час отводился на две религиозные проповеди, прерываемые десятью минутами тишины.

— ...рад вновь видеть вас на шоу,— сказал Бастер Френдли.— Давайте поприветствуем Аманду. Насколько я помню, прошло уже почти два дня с того момента, как ты здесь побывала. Скажи, дорогая, тебя взяли в новый фильмец?

— Я сабиралась натчать снимаца есчо фтчера, но они сахатели, тчтоп я натчала ф семь.

— В семь утра? — уточнил Бастер Френдли.

— Та, фсе ферно, Байстер, ф семь утра! — Аманда Вернер хохотнула своим знаменитым смехом, почти имитирующим смех Бастера.

Аманда Вернер и несколько других красивых, элегантных, полногрудых леди из стран, названия которых не упоминались, плюс несколько так называемых сельских юмористов составляли — с некоторыми вариациями в очередности участия — основу шоу. Женщины вроде Аманды Вернер никогда не снимались в фильмах и никогда не участвовали в театральных спектаклях. Они жили своей собственной красивой жизнью, являясь гостями бесконечной программы Бастера. Изидор как-то даже прикинул, что они торчат в студии до семидесяти часов в неделю.

И когда только Бастер записывает, кроме телешоу, еще и радиопередачи? И как Аманда Вернер находит время, чтобы ходить к нему в гости всякий день, неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом?.. И как им удается трепаться без умолку? Они же никогда не повторяются. Во всяком случае, Изидор ни разу не ловил их на этом. Их реплики, всегда остроумные, всегда новые, не были похожи на заранее отрепетированные. В телепередачах у Аманды переливались волосы, глаза сверкали, зубы сияли белизной. Она никогда никуда не уезжала, никогда не выглядела уставшей, никогда не запиналась, отвечая на беско-

нечные остроты, шутки и гэги Бастера. Шоу Бастера Френдли в телевизионной и радиоверсиях не только транслировалось через спутник на всю Землю, но и передавалось на колониальные миры. Предприняли даже трансляцию передачи в сторону Проксимы — на случай, если колонизация достигнет этой звезды. Доберись «Саландер-3» до цели своего полета, путешественники обнаружили бы там поджидающего их Бастера Френдли. И удовольствию их не было бы предела...

Впрочем, было в Бастере и то, что вызывало недовольство Джона Изидора. Тонкими, почти незаметными намеками Бастер высмеивал эмпатоприемники. И не от случая к случаю, а постоянно. Собственно говоря, он потешался и в данный момент.

— ...никто не бросает в меня камни.— Бастер трепался все с той же Амандой Вернер.— И коли я соберусь взобраться по какому-нибудь склону на горку, то не забуду взять с собой пару бутылочек пива «Будвайзер»!

Аудитория в студии расхохоталась, послышались дружные аплодисменты. А Бастер продолжал:

— И я выложу вам архиважную новость, когда совершу восхождение. Засекайте время — новость явится к вам точно через десять часов!

— Фосьми и меня, тарагой! — заливалась Аманда.— Кроме пифа, фосьми и меня! Ф тот тень, когта они шфырнут ф тепя камень, я прикрою тепя сфоим телом!

Аудитория просто заревела от восторга, а Джон Изидор почувствовал бессильный гнев, от которого сразу заломило затылок. Почему Бастер Френдли постоянно издевается над мерсеризмом? Никто еще не решался на такое. Ведь Уилбура Мерсера даже ООН поддерживает. А американская и советская полиция публично заявили, что мерсеризм снижает преступность, поскольку граждане стали чаще сочувствовать соседям. «Человечеству необходимо как можно больше эмпатии!» — неоднократно заявлял Титус Корнинг, Генеральный секретарь ООН. Быть может, Бастер строит насмешки из зависти и ревности, предположил Изидор. Это, несомненно, объясняло бы многое, ведь они, Бастер и Уилбур Мерсер, явно соперничают. Но что за соревнование развернулось между ними? За что они борются?

Да за наши души, решил Изидор. Они сражаются за право контролировать наши психические сущности; с одной стороны — эмпатоприемники, с другой — гогот и насмешки Бастера Френдли.

Надо рассказать об этом Ганнибалу Слоуту, решил он. И спросить, верно ли мое предположение. Слоут должен знать ответ.

* * *

Посадив грузовик на крыше клиники Ван Несса, Джон быстро отнес контейнер, в котором лежал неподвижный эрзац-кот, вниз, в кабинет Ганнибала Слоута. Когда Изидор вошел, мистер Слоут оторвался от инвентарного перечня запасных частей, его серое, как пепел, лицо нахмурилось и покрылось рябью морщин. Словно вода под ветром... Ганнибал Слоут не был специалом, он просто был слишком стар, чтобы эмигрировать, и потому был вынужден доживать свои годы на Земле. Пыль постепенно разрушала его — лицо стало серым, серыми сделались и мысли; ноги потеряли силу, и былая энергичная походка превратилась в качающуюся и неуверенную. Он смотрел на окружающий мир сквозь очки, в буквальном смысле запорошенные пылью.

По каким-то причинам мистер Слоут никогда не протирал стекла очков. Похоже, он просто признал свое поражение и перестал сопротивляться радиоактивной пыли, и она давным-давно приступила к грязному процессу погребения мистера Слоута под собой. К настоящему времени пыль уже почти отняла у него зрение. За те немногие годы, что ему остались, она лишит его и остальных органов чувств, и в итоге у мистера Слоута останется только дребезжащий, напоминающий воронье карканье, голос, который, впрочем, тоже вскоре умолкнет навеки...

— Что это там у тебя? — спросил мистер Слоут.

— Кот. У него коротыш в блоке питания.— Изидор поставил контейнер прямо на заваленный бумагами стол.

— С какой стати ты приволок его ко мне? — возмутился мистер Слоут.— Тащи в мастерскую, к Милту.— Тем не менее он открыл крышку и вытащил электрокота на белый свет. Когда-то он и сам был ремонтником, причем очень хорошим.

— Мне кажется,— сказал Изидор,— что Бастер Френдли и мерсеризм борются за наши души.

— Если это так,— отозвался мистер Слоут, осматривая кота,— то Бастер побеждает.

— Он побеждает сейчас,— заметил Изидор.— Но в конечном итоге все равно проиграет.

Мистер Слоут поднял голову и уставился на своего работника:

— Почему это?

— Потому что Уилбур Мерсер всегда возрождается. Он вечен. Его сбрасывают с вершины холма, он погружается в загробный мир, но с неизбежно восстает из праха... И мы вместе с ним. Значит, мы вечны, как и он.— Изидор чувствовал себя удиви-

тельно хорошо: он так здорово складывал фразы. Обычно в присутствии мистера Слоута он начинал мямлить и запинаться.

— Бастер бессмертен не меньше Мерсера,— ответил мистер Слоут.— Нет никакой разницы.

— Как он может быть бессмертен? Он же человек.

— Не знаю,— сказал мистер Слоут.— Но это правда. Хотя, конечно, этого никогда не признают.

— И потому Бастер Френдли может подготовить за сутки сорок шесть часов шоу?

— Верно.

— А Аманда Вернер и все остальные женщины?

— Они тоже бессмертны.

— Неужели они — высшая форма жизни, пришедшая к нам из-за пределов Солнечной системы?

— Я никогда не мог определить это наверняка,— сказал мистер Слоут, все еще осматривая кота. Он снял запыленные очки и заглянул в приоткрытую пасть кота.— Разве лишь в отношении Уилбура Мерсера...— Последние слова он произнес почти неслышно.

Потом он выругался. Одно ругательство цеплялось за другое, как будто мистер Слоут сооружал словесную цепочку. Изидору показалось, что процесс «сооружения» длился не меньше минуты.

— Этот кот,— сказал наконец мистер Слоут,— настоящий, не подделка. Я знал, что когда-нибудь нечто подобное произойдет. И кот этот мертв.— Он глянул прямо в остекленелые глаза трупа и «соорудил» новую цепь ругательств.

В дверь заглянул Милт Борогроув — крупного телосложения мужчина в синем парусиновом фартуке.

— Что случилось? — спросил он. Увидев кота, он зашел внутрь кабинета и приподнял животное.

— Безмозглик приволок его сюда,— сказал мистер Слоут. Еще никогда прежде в присутствии Изидора он не произносил это слово вслух.

— Будь он еще жив,— вздохнул Милт,— мы бы отвезли его к настоящему ветеринару. Интересно, сколько он стоит? Есть у кого-нибудь каталог «Сидни»?

— В-ваша с-страховка п-покроет это? — спросил Изидор мистера Слоута. Он почувствовал, как у него задрожали ноги, перед глазами встала темно-бордовая завеса с вкраплениями зеленых пятнышек.

— Да,— прорычал мистер Слоут.— Но не это меня сейчас беспокоит. Мир потерял еще одно живое существо. Как это получилось, Изидор? Неужели ты не заметил разницы?

— Я думал,— с трудом выговорил Изидор,— что это отлично сделанный электрокот. Его качество меня одурачило... То есть я хочу сказать, что он выглядел как живой, потому что был мастерски изготовлен...

— Я думаю, Изидор не мог заметить разницу,— мягко произнес Милт.— Для него они все одинаковые, что живые, что поддельные. Он наверняка пытался спасти его.— Милт повернулся к Изидору: — Что ты предпринял, попытался заменить аккумулятор? Или определить, где в нем произошло замыкание?

— Д-да,— признался Изидор.

— Вероятней всего, кота бы все равно не удалось спасти,— сказал Милт.— Вины безмозглика в случившемся нет, Ган. Наоборот, он попал в точку: подделки стали чертовски напоминать настоящих животных. Посмотри, как в новых моделях действуют блоки, имитирующие болезни! А живые звери продолжают умирать, и это главная опасность, подстерегающая их владельцев. Мы от живых отвыкли, потому что видим вокруг только фальшивки.

— Проклятый лом! — произнес мистер Слоут.

— П-по утверждениям М-Мерсера,— сказал Изидор,— все ж-живое возрождается. Этот цикл с-справедлив и для ж-животных. Я хочу с-сказать, мы все взойдем вместе с-с ними, когда умрем.

— Это ты расскажешь тому парню, владельцу кота,— сказал мистер Слоут.

Изидор, не уверенный, что босс говорит серьезно, переспросил:

— Вы имеете в виду, что я должен с-собщить ему? Но ведь вы всегда лично с-связывались с-с клиентами.— Изидор страдал ВФ-боязнью, то есть не мог разговаривать по видеофону. Позвонить, тем более незнакомому человеку, было для него делом фактически невозможным.

Мистер Слоут прекрасно знал это.

— Не вешай на него этот груз,— сказал Милт.— Я сам позвоню.— Он подошел к видеофону.— Какой номер?

— Где-то здесь, у меня...— Изидор принялся судорожно рыться в карманах белого халата.

— Я хочу, чтобы позвонил безмозглик,— громко сказал Слоут.

— Я ж-же не могу п-пользоваться видеофоном,— крикнул Изидор, его сердце едва не выскакивало из груди.— Поскольку я волосатый урод, грязный и сутулый, с кривыми зубами и серым лицом. Кроме того, я болен из-за радиации и думаю, что скоро умру.

Милт улыбнулся и повернулся к мистеру Слоуту:

— Если бы я чувствовал себя так, как он, я бы тоже не стал пользоваться видеофоном. Торопись, Изидор, если ты не дашь

мне номер, я не смогу позвонить, и тогда это придется делать тебе.— Он протянул Изидору раскрытую ладонь.

— Позвонит безмозглик,— сказал мистер Слоут.— Иначе он уволен.— Мистер Слоут не смотрел ни на Милта, ни на Изидора, он уставился в пространство перед собой.

— Да брось ты,— запротестовал Милт.

— М-мне не нравится, когда м-меня называют б-безмозгликом,— сказал Изидор.— П-пыль п-подействовала и на в-ваши организмы. Хотя и не на м-мозги, как у м-меня.

«Меня уволят,— подумал он.— Я не смогу позвонить».

И тут он вспомнил, что хозяин кота умчался на работу. И дома у него никого нет.

— Д-думаю, я с-смогу п-позвонить,— сказал он, вытаскивая из кармана визитку клиента.

— Видишь? — сказал мистер Слоут.— Он может, если на него надавить.

Подсев к видеофону, Изидор набрал номер.

— Вижу,— вздохнул Милт.— Но тебе не следовало на него давить. К тому же он прав: пыль подействовала на тебя, ты чертовски близок к слепоте. А еще через пару лет и слышать перестанешь.

— На тебя пыль тоже подействовала, Борогроув,— сказал Слоут.— Твоя кожа стала цвета собачьего дерьма.

На экране видеофона появилось лицо типичной белой женщины с волосами, стянутыми в тугой узел.

— Да? — сказала она.

— М-миссис П-Пилсен? — Изидора захлестнула волна ужаса: ему и в голову не могло прийти, что дома у хозяина кота осталась жена.— Я хотел бы п-п-поговорить с вами о к-к-к...— Он замолчал, потер рукой дергающийся в нервном тике подбородок и наконец справился с языком и губами: — Ваш кот.

— А-а, вы забрали с собой Горация,— сообразила миссис Пилсен.— У него в самом деле пневмония? Так считал мистер Пилсен.

— Ваш кот умер,— сказал Изидор.

— Боже! Как — умер?!

— Мы заменим его. У нас есть страховка.— Изидор оглянулся на мистера Слоута; тот, похоже, не возражал.— Владелец нашей фирмы, мистер Ганнибал Слоут...— Джон запнулся,— лично...

— Нет,— произнес мистер Слоут,— мы выпишем чек. Сумма — согласно каталогу «Сидни».

— ..лично выберет для вас кота взамен умершего,— закончил фразу Изидор, сам себе удивляясь. Начиная разговор, он был уверен, что его хватит от силы на десяток слов. Но вот он

уже произнес несколько фраз, и они следовали друг за другом, подчиняясь законам логики. Мистер Слоут и Милт Борогроув уставились на него, а он продолжал: — Опишите нам кота, которого вы бы хотели иметь. Окрас, пол, порода — бесхвостый, персидский, абиссинский...

— Гораций умер! — Это было все, что смогла вымолвить миссис Пилсен.

— У него была тяжелая форма пневмонии,— сказал Изидор.— Он умер на пути в клинику. Наш старший врач, доктор Ганнибал Слоут, не сомневается, что его уже невозможно было спасти. Но, к счастью, миссис Пилсен, мы можем заменить его.

Слезы навернулись на глаза миссис Пилсен.

— Гораций был уникальным котом. Другого такого не найдешь. Он часто — даже когда был еще котенком — вставал на задние лапы и смотрел на нас с таким выражением, будто хотел о чем-то спросить. Мы никогда не могли понять сути его вопроса. Возможно, сейчас он уже получил на него исчерпывающий ответ. Все мы там будем, в конечном счете.

На Изидора снизошло вдохновение.

— Может, вы желаете электрокота, точную копию Горация? Мы могли бы заказать для вас превосходную ручной работы модель фирмы «Уилрайт и Карпентер», которая будет до мельчайших деталей повторять вашего...

— Какой ужас! — воскликнула миссис Пилсен.— Что вы такое говорите! Не вздумайте предложить это Эду, он с ума сойдет. Он любил Горация сильнее всех остальных своих котов, а они у мужа были с самого детства.

Милт оттер Изидора от видеофона и сказал женщине:

— Мы можем выписать вам чек на сумму согласно каталогу «Сидни» или, как предложил мистер Изидор, готовы выбрать вам нового кота. Нам очень жаль, что ваш кот скончался, но, как уже заметил мистер Изидор, пневмония в тяжелой форме почти всегда приводит к летальному исходу.

Он произнес это как истинный профессионал; из всего штата клиники Ван Несса Милт лучше всех справлялся с деловыми разговорами по видеофону.

— Но как же я сообщу мужу? — вздохнула миссис Пилсен.

— Хорошо, мэм.— Милт чуть скривился.— Мы позвоним ему сами. Прошу вас сообщить номер его рабочего видеофона.— Он поднял руку и зашевелил пальцами.

Мистер Слоут сунул ему ручку и листок бумаги.

— Послушайте...— Миссис Пилсен, похоже, уже взяла себя в руки.— Возможно, ваш коллега прав. Возможно, мне следует

заказать копию Горация, но только так, чтобы Эд никогда ничего не узнал и не мог отличить электрокота от настоящего.

— Если вы закажете копию, мы сделаем все возможное,— ответил Милт. В голосе его зазвучало сомнение.— Тем не менее, по опыту, хочу вас предупредить, что хозяина животного не одурачишь. Обычно копии заказывают для посторонних. Для соседей, к примеру... Как только присмотришься к электрическому животному повнимательнее...

— Эд никогда не присматривался к Горацию, хоть и любил его. Котом всегда занималась я. Ну, там, меняла песок в ящике и прочее... Думаю, мне стоит заказать электрокота, но если Эд выведет нас на чистую воду, вы подберете настоящего, взамен Горация. Хотя, я, конечно, не хочу, чтобы мой муж узнал. Боюсь, для него это будет удар. Именно поэтому он и держал кота на расстоянии. И когда Гораций на самом деле заболел... пневмония, вы сказали?.. Эд буквально запаниковал и отказывался верить в это. Потому долго вас не вызывал. Слишком долго... Я догадывалась, еще до вашего звонка.— Она кивнула, с трудом сдерживая слезы.— Сколько времени уйдет на изготовление копии?

— Десять дней,— ответил Милт, прикинув.— Мы доставим его днем, когда ваш муж будет на работе.— Милт попрощался, выключил видеофон и повернулся к мистеру Слоуту: — Ее муж разберется в том, что перед ним липа, за пять секунд. Но раз она хочет...

— Владельцам, которые любят своих питомцев,— уныло сказал мистер Слоут,— в таких случаях не позавидуешь. Какое счастье, что нам не надо иметь дело с настоящими животными. Представьте, настоящему ветврачу приходится делать такие звонки ежедневно! — Он внимательно посмотрел на Изидора.— Иногда ты кажешься не таким уж и глупым, Изидор. Ты вел разговор вполне рассудительно. Даже если учесть, что потом тебя заменил Милт.

— Он все сделал лучше некуда,— согласился Милт.— Боже, как это трудно! — Он поднял труп Горация.— Я отнесу его вниз, в мастерскую. Ган, позвони в фирму «Уилрайт и Карпентер», пусть пришлют дизайнера обмерить и сфотографировать. Я не позволю им забирать кота в свои мастерские. Я потом сам сравню копию с оригиналом.

— Пусть-ка с ними поговорит Изидор,— решил мистер Слоут.— С него все это началось. После разговора с миссис Пилсен он вполне справится со звонком в «Уилрайт и Карпентер».

Милт повернулся к Изидору:

— Главное — не отдавать им оригинал. А они будут на этом настаивать, потому что так им будет легче справиться с работой. Будь решителен и настойчив.

— Угу.— Изидор моргнул.— О'кей! Наверное, стоит позвонить прямо сейчас, пока кот не начал разлагаться. Мертвые тела ведь разлагаются, или что там с ними происходит?

Внутри него родилась волна ликования.

ГЛАВА 8

Посадив служебный ховеркар — более скоростной и мощный, чем стандартные модели,— на крыше Дворца правосудия (Сан-Франциско, Ломбард-стрит), охотник за премиальными Рик Декард, взяв кейс, спустился в кабинет Гарри Брайанта.

— Скоро же ты вернулся,— сказал тот, откинулся на спинку кресла и взял щепотку нюхательного табака «Специальный № 1».

— Я получил сведения, за которыми вы меня посылали,— ответил Рик, уселся в кресло напротив и поставил кейс на пол.

«А ведь я очень устал»,— вдруг понял он. А еще он понял, что почувствовал усталость в момент возвращения в департамент. И теперь подумал, появится ли у него возможность отдохнуть перед предстоящей работой.

— Как там Дейв? — спросил он.— С ним можно поговорить? Я хочу повидать его, прежде чем займусь первыми анди.

— Сначала ты разберешься с Полоковым,— сказал Брайант.— С тем анди, что продырявил Дейва. Его надо отправить в отставку как можно скорее, ведь он знает, что находится в нашем списке.

— До разговора с Дейвом?

Брайант потянулся за бумажным листком:

— Полоков нашел работу в городе. Он стал мусорщиком, вывозит отходы.— Он протянул ориентировку Рику.

— Кажется, на эту работу принимают только специалов? — сказал тот.

— Полоков и подделывается под сильно деградировавшего специала. И, кстати, неплохо справляется с ролью. Это-то Дейва и обмануло — Полоков и выглядит, и ведет себя как безмозглик. Играет столь искусно, что даже Дейва обвел возле пальца. Значит, теперь ты не сомневаешься в шкале Войта-Кампфа? Ты абсолютно уверен в ней после Сиэтла?

— Абсолютно,— коротко ответил Рик. Он не стал вдаваться в подробности того, что произошло.

— Что ж, поверю на слово,— сказал Брайант.— Но вдруг все решит единственная ошибка...

— Не решит. Ошибок в охоте за анди не будет. Обойдемся без сложностей.

— Но ведь модель «Нексус-6» сложна...

— Я уже выявил одного,— сказал Рик.— А Дейв — двоих. Даже троих, если добавить Полокова. Ладно, первым делом я отправлю в отставку Полокова, а вечером или завтра утром поговорю с Дейвом.— Рик потянулся за бумагой с данными на андроида Полокова.

— Есть еще одна новость,— заметил Брайант.— К нам направляется советский коп. Пока ты находился в Сиэтле, я получил от него вызов. Он связался со мной прямо с борта аэрофлотовского ракетоплана, который прибывает в час. Его имя Шандор Кадали.

— Чего он хочет?

Крайне редко, чуть ли не впервые, копы из ВПУ забирались в Сан-Франциско.

— ВПУ проявляет большой интерес к «Нексус-6». Они просили, чтобы ты взял в пару их человека. В качестве наблюдателя... А может, он и поможет, если сумеет. Тебе самому решать, как его использовать. Но я уже дал согласие на совместную работу.

— А что будет с премиальными? — спросил Рик.

— Полагаю, делиться тебе не придется,— проскрипел Брайант.

— Ну что ж, такое решение финансово привлекательно.— У Рика не было абсолютно никакого желания делиться своим счастливым выигрышем с головорезом из ВПУ.

Брайант это, разумеется, понимал.

Рик принялся изучать ориентировку на Полокова. В документе было описание человека — вернее, анди,— его адрес и место работы: «Компания по уборке мусора с прилегающих к заливу территорий» с центральным офисом на Гиэри.

— Будешь дожидаться советского копа, чтобы тот помог тебе отправить Полокова в отставку? — спросил Брайант.

— Я всегда работаю один,— ощетинился Рик.— Конечно, решение принимать вам... Я выполню любой приказ. Но я бы предпочел разобраться с Полоковым прямо сейчас, пока не прилетел Кадали.

— Ладно, будь по-твоему,— решил Брайант.— Но когда приступишь ко второму пункту списка... Следующая у нас мисс Люба Люфт, вот ее данные... Когда возьмешься за нее, подключишь к делу Кадали.

Рик переложил документы со стола в кейс, вышел из кабинета начальника и вновь поднялся на крышу, где стоял ховеркар. «А теперь пора наведаться в гости к мистеру Полокову»,— сказал он себе и похлопал рукой по стволу лазерника.

* * *

Отправившись в гости к андроиду Полокову, Рик решил сначала посетить офис «Компании по уборке мусора».

— Я ищу одного вашего работника,— сообщил он хмурой седой женщине, сидящей у видеофонного коммутатора.

Здание «мусорной компании» удивило его: огромное и современное, с большим количеством кабинетов для служащих, кругом ковры с толстым ворсом и дорогие столы из натурального дерева. Рик в очередной раз убедился, что сбор и переработка мусора и отходов в послевоенные годы — это весьма и весьма прибыльный бизнес. Планета все больше и больше напоминает помойку, и чтобы сохранить ее для людей, помойку требуется чистить и вывозить... Ведь как любит шутить Бастер Френдли: «Земля погибнет под слоем, но не радиоактивной пыли, а хламья».

— Вам к мистеру Экерсу,— сказала хмурая женщина.— Мистер Экерс — главный менеджер по персоналу.— Она указала на заваленный бумагами внушительный стол (правда, из искусственного дуба), за которым сидел тощий невзрачный тип в очках с толстыми стеклами.

Рик сунул ему под нос идентификат полицейского:

— Где сейчас находится служащий вашей компании Полоков? На работе или дома?

Мистер Экерс неохотно проконсультировался со своими бумагами и сказал:

— Полоков сейчас должен быть на работе. Утилизация ховеркаров на нашей фабрике в Дейли-Сити и затапливание их в заливе. Однако...— Менеджер по персоналу замялся, проконсультировался с очередной бумагой, снял трубку видеофона и переговорил с кем-то.— Выходит, его нет? — спросил он, подводя итог переговоров, положил трубку и повернулся к Рику: — Полоков сегодня на работу не вышел. Объяснений от него не поступило. Что он натворил, офицер?

— Если он вдруг появится,— сказал Рик,— не сообщайте ему, что я здесь был и расспрашивал о нем. Понимаете?

— Да, понимаю,— ответил Экерс, надув губы — как будто Рик только что высмеял его познания в сути полицейской работы.

Далее Рик погнал служебный ховеркар к дому в Тендерлойне, где жил Полоков. «Мы никогда не поймаем его,— говорил он себе.— Брайант и Холден слишком медлительны. Вместо того, чтобы устраивать мне командировку в Сиэтл, Брайант должен

был отправить меня по следу Полокова еще прошлой ночью, сразу после того, как Дейв Холден напоролся на луч лазерника».

Он посадил кар на крышу, выбрался из кабины и двинулся к шахте лифта.

«Что за мрачное место»,— подумал он, оглядываясь.

Заброшенные загоны для животных, засыпанные многолетней пылью, в одной из клеток — останки эрзац-животного, похоже, электроцыпленка... Оказавшись в лифте, Рик спустился на этаж, где жил Полоков, нашел холл перед квартирой, весьма смахивающий на подземную пещеру. Он включил узколучевой полицейский фонарик, питающийся от атомной батарейки, и осмотрел холл, а затем еще раз заглянул в ориентировку с данными Полокова: тест Войта-Кампфа был к андроиду применен, так что без этой части задания можно было обойтись и переходить сразу к уничтожению.

«Хорошо бы покончить с ним прямо здесь»,— подумал Рик. Он поставил на пол сумку с боекомплектом, на ощупь открыл ее и достал модулятор «Пенфилд» с круговым излучателем; установил ключ настройки на оцепенение. Самого Рика от действия модулятора защищал компенсирующий остронаправленный луч, нацеленный на него из металлического корпуса прибора.

«Сейчас они уже стоят как замороженные,— подумал Рик, выключая модулятор.— И люди, и анди. Я ничем не рискую. Остается одно — зайти в квартиру и пристрелить Полокова из лазерника. Если, конечно, он в квартире, что вовсе не факт».

С помощью универсального ключа, анализирующего и открывающего все известные виды замков, он справился с дверью и проник в квартиру с лазерником наготове.

Полокова не наблюдалось. Квартира была завалена обломками мебели и мусором, представляя собой настоящую обитель хламья. Личных вещей Полокова тоже не было — кругом валялось только то, что андроид, вселяясь, унаследовал от прошлого и что, покидая квартиру, оставил будущему (если, конечно, найдется следующий арендатор).

«Так и я знал,— сказал себе Рик,— Ну что ж, первая тысяча долларов удрала. Вполне возможно, она уже на пути в Антарктический округ. Главное — вне моей юрисдикции. Теперь Полокова отправит в отставку другой охотник за премиальными из другого департамента. Он же и деньги получит. А мне надо отправляться за следующим анди, пока не вспугнули всю группу... Итак, познакомимся с Любой Люфт».

Вернувшись в кабину ховеркара, он доложил Гарри Брайанту:

— С Полоковым не повезло. Смылся. Думаю, сразу после того, как ранил Дейва.— Рик посмотрел на часы.— Хотите, чтобы я встретил и захватил с собой Кадали прямо из аэропорта? Это сэкономит время, а мне не терпится заняться мисс Люфт.— Ориентировка на дамочку-анди уже лежала на его коленях, и он внимательно изучал ее.

— Хорошая мысль,— сказал Брайант.— Правда, мистер Кадали уже здесь. Его ракетоплан приземлился раньше расписания. Один момент!..— Брайант переговорил с невидимым собеседником.— Он прилетит к тебе и встретит тебя там, где ты сейчас находишься,— сообщил Брайант, вновь повернувшись к экрану.— А ты тем временем изучишь данные мисс Люфт.

— Оперная певица. Якобы из Германии. В настоящее время работает в «Оперной компании Сан-Франциско». Должна иметь превосходный голос, раз пробилась так быстро... О'кей, я подожду Кадали здесь.— Рик продиктовал Брайану свои координаты и прервал связь.

«Придется строить из себя оперного знатока,— решил Рик, перечитывая ориентировку.— Интересно было бы послушать, как она исполняет партию донны Анны в „Дон Жуане"...»

В его коллекции имелись записи великих певиц прошлого, таких как Элизабет Шварцкопф, Лотте Леман и Лиза Делла Каза. По крайней мере, пока он будет готовить тестер Войта-Кампфа, у него будет о чем поговорить с Любой Люфт...

Видеофон издал сигнал вызова. Рик поднял трубку.

— Мистер Декард, вызов из Сиэтла,— сообщила дежурная видеофонистка департамента.— Мистер Брайант велел соединить с вами. Вызов из «Роузен Ассошиейшн».

— О'кей,— согласился Рик.

«Какого черта им от меня надо?» — удивился он. Насколько он успел заметить — где Роузены, там неприятности. Ничего другого от них не дождешься...

На экране появилось лицо Рэчел Роузен.

— Привет, офицер Декард.— Голос ее был откровенно заискивающим, и это сразу насторожило Рика.— Вы сейчас очень заняты? Или я могу поговорить с вами?

— Можете,— кивнул Рик.

— В корпорации обсудили ситуацию, сложившуюся из-за сбежавших «Нексус-6». Поскольку мы лучше всех знаем этот тип мозга, мы решили, что у вас будет больше шансов на успех, если один из нас поработает в паре с вами.

— И чем же вы сможете помочь?

— Ну, по ходу дела будет видно. Когда вы начинаете поиски?

— И все же... Чем вы поможете?

Рэчел долго не раздумывала:

— Любой «Нексус-6» при приближении человека настораживается. А вот если в контакт с ним войдет другой «Нексус-6»...

— Вы определенно намекаете на себя.

— Да.— Она кивнула, лицо ее сделалось серьезным.

— Вы уже помогли мне. Больше чем достаточно.

— Но я действительно считаю, что вы нуждаетесь в моем присутствии.

— А я сомневаюсь... Хорошо, я обдумаю ваше предложение и перезвоню.

«После дождичка в четверг,— сказал он себе.— Если я в ком и нуждаюсь, то только не в Рэчел Роузен, прочесывающей вместе со мною пыльные коридоры».

— Неправда,— сказала Рэчел.— Вы вовсе не перезвоните. А между тем, и вы представить себе не можете, сколь опасным может оказаться сбежавший «Нексус-6» и как сложно с ним справиться. Мы считаем себя вашими должниками... Ну, вы ведь помните, как мы себя с вами повели...

— Я обязательно приму ваши предостережения к сведению.— Рик собрался повесить трубку.

— Без меня,— быстро сказала Рэчел,— один из них обязательно отправит вас в отставку. Он вас опередит!

— До свидания! — Рик отключился.

«Нормален ли мир,— спросил он себя,— в котором андроид звонит охотнику за премиальными и предлагает помощь?»

Рик связался с дежурной видеофонисткой департамента.

— Не соединяйте меня больше с Сиэтлом.

— Да, мистер Декард. Мистер Кадали уже разыскал вас?

— Нет, я еще жду его. Ему бы надо поспешить, я не собираюсь торчать тут целый день.— Рик повесил трубку.

Он снова взялся за ориентировку на Любу Люфт, но тут в небе появилось такси, опустившись на крышу в нескольких ярдах от машины Рика. Из такси вылез краснолицый мужчина ангелоподобной внешности, лет пятидесяти пяти, одетый в дорогую шинель, пошитую в русском стиле. Он приблизился к ховеркару Рика, улыбаясь и протягивая для приветствия руку.

— Мистер Декард? — спросил он со славянским акцентом.— Премиальный охотник полицейского департамента Сан-Франциско?

Опустевшее такси поднялось в воздух, русский проводил его отсутствующим взглядом.

— Шандор Кадали,— представился он затем, открыл дверцу ховеркара и угнездился на соседнем с Риком сиденье.

Обмениваясь с Кадали рукопожатием, Рик заметил у представителя ВПУ лазерный пистолет совершенно незнакомой модели.

— Нравится? — сказал Кадали.— Интересная штучка, не так ли? — Он вытащил пистолет из кобуры.— Я раздобыл его на Марсе.

— Мне казалось, я знаю все марки ручного оружия,— признался Рик.— Даже те, что производятся и используются в колониях.

— Мы сделали это для самих себя,— сказал Кадали, сияя, как славянский Санта-Клаус. Его румяное лицо просто переполняла гордость.— Вам нравится? У него есть конструктивное отличие от предыдущих моделей... Посмотрите сами.— Он передал пистолет Рику.

Тот, имея за спиной многолетний опыт обращения с оружием, тщательно изучил лазерник.

— И в чем же отличие? — спросил он, не понимая.

— А вы нажмите спуск.

Направив ствол в окно ховеркара, Рик так и сделал. Однако ничего не произошло, луч не появился. Рик озадаченно глянул на Кадали.

— Спусковой блок отсоединен,— бодро сказал Кадали.— Он остался у меня. Видите? — Гость разжал кулак — на его ладони лежала микросхема.— В этом случае можно целиться в кого угодно. Не боясь, что случайно выстрелишь.

— Вы не Полоков, вы — Кадали,— сказал Рик.

— Вы, наверное, хотели сказать наоборот? Напутали с перепугу?

— Я имел в виду, что вы — Полоков, андроид. Вы не из советской полиции.— Рик носком ботинка нажал кнопку защиты от опасности, вмонтированную в пол кабины ховеркара.

— Почему не стреляет мой лазерный пистолет? — спросил Кадали-Полоков, целясь в Рика. Он выдернул из гнезда микросхему спускового блока, снова вставил ее и опять нажал кнопку.

— Синусоидальная волна превращает луч лазера в поток самого обыкновенного света,— объяснил Рик.

— В таком случае я самым обыкновенным образом сверну вам шею.— Андроид бросил оружие и потянулся обеими руками к горлу Рика.

Как только пальцы андроида коснулись его шеи, Рик выстрелил из старинного «Магнума» 38-го калибра, кобура которого

всегда пряталась у него под мышкой. Пуля попала андроиду в голову, и его черепная коробка буквально взорвалась.

Великолепный мозг «Нексус-6», почти обманувший охотника за премиальными, превратился в миллионы крохотных частиц, сумасшедшим вихрем разлетевшихся по кабине ховеркара. Похожие на радиоактивную пыль, они тут же начали оседать на одежде Рика.

Безголовое тело «отставленного» андроида ударилось о дверцу кара, оттолкнулось от нее и всей своей тяжестью навалилось на Рика, который с трудом отпихнул от себя подергивающийся в конвульсиях «труп».

Потом он дрожащей рукой дотянулся до видеофона, снял трубку и связался с Дворцом правосудия.

— У меня срочное сообщение,— сказал он.— Передайте Гарри Брайанту, что я зацапал Полокова.

— Вы зацапали Полокова. Полагаю, мистер Брайант поймет ваше сообщение, не так ли?

— Еще как поймет! — заверил Рик и отключился.

«Никогда я не был так близок к Богу! — сказал он себе.— Мне стоило бы задуматься над предостережением Рэчел Роузен, но я повел себя как идиот и едва не поплатился за беспечность. Но в конечном итоге, я зацапал Полокова».

Его надпочечники прекратили выбрасывать в кровь адреналин; сердце перестало колотиться как сумасшедшее; дыхание быстро успокаивалось. Правда, его все еще продолжало трясти.

«Как бы то ни было,— вздохнул Рик,— я только что заработал тысячу долларов. И они достались мне не на халяву. Реакция у меня лучше, чем у Дейва Холдена. Но, конечно, случившееся с Дейвом заставило меня держать ушки на макушке; этого нельзя не признать. Дейва-то предупредить было некому».

Он снова взялся за видеофон и набрал номер своей квартиры. Дожидаясь ответа, сумел закурить: руки почти перестали трястись.

Наконец на экране появилось опухшее от шестичасовой депрессии и самообличений лицо жены. Айрен выглядела так, будто неделю не отрывалась от бутылки.

— О, привет, Рик!

— Что случилось с кодом «пять-девять-четыре», который я набрал перед выходом из дома? Неужели модулятор...

— Я перенабрала код. Сразу, едва ты ушел. Что тебе надо? — Голос ее быстро погружался в привычное болото тоски.— Я ужасно устала, у меня нет никаких надежд. Никаких!... Даже на наш с тобой брак! Тебя наверняка ухлопает какой-нибудь анди. Или

это уже произошло? И ты звонишь, чтобы сообщить мне об этом? Анди ранил тебя?

Где-то за ее спиной заревел телевизор, завопил Бастер Френдли, сразу же заглушив голос Айрен. Рик видел ее шевелящиеся губы, но слышал один только телевизор.

— Послушай! — рявкнул он, пытаясь перекричать Бастера Френдли.— Ты можешь меня выслушать?! Мне наконец повезло! Появилась новая модель андроидов. С ними, похоже, никто, кроме меня, не справится! Пока я отправил в отставку всего одного, но это только начало. Знаешь, что у нас появится после того, как я закончу?

Айрен посмотрела на него невидящими глазами и кивнула:

— О-о-о!

— Я же еще ничего не сказал!

Можно было, конечно, выложить ей пришедшую на ум идею, но это было бессмысленно. На сей раз она ушла в депрессию слишком глубоко. Она даже не слышит его слов. Это все равно что говорить с пустотой...

— Увидимся вечером,— горько сказал Рик и повесил трубку.

«Будь она проклята! — выругался он.— Чего ради я все время рискую жизнью? Ее совершенно не заботит, сможем ли мы приобрести страуса или нет. Ее ничем не прошибить. Почему я не развелся с нею два года назад, когда к нам впервые пришла мысль разбежаться? Впрочем, ничто не мешает разбежаться и сейчас...»

Рик наклонился, собрал рассыпавшиеся по полу кабины документы, в том числе и ориентировку на Любу Люфт. Его продолжали преследовать невеселые мысли о жене.

«Никакой поддержки от нее не дождешься,— думал он.— Андроиды, с которыми я сталкивался, обладали большей жаждой жизни, чем моя жена. Как ни крути, Айрен ничего не способна мне дать».

Ему вдруг вспомнилась Рэчел Роузен.

«Ее предостережение относительно менталитета модели «Нексус-6» полностью подтвердилось,— подумал он.— Если не потребуется делиться премиальными, я бы согласился поработать в паре с нею».

Столкновение с Кадали-Полоковым кардинально изменило его взгляды на возможности анди.

Включив двигатель ховеркара, он ринулся в небо и направился к зданию военно-мемориального оперного театра, где, если верить Дейву Холдену, он мог найти в это время дня Любу Люфт.

Рик с удивлением обнаружил, что ждет встречи с нею. Некоторые андроиды-женщины казались ему весьма привлекатель-

ными. Более того, кое-кто из них вызывал в нем самое настоящее чувство физического влечения. Это было весьма странное ощущение: умом он понимал, что перед ним машины, но они все равно вызывали у него эмоциональную реакцию.

Вот, к примеру, Рэчел Роузен... Впрочем, нет, решил он, Рэчел слишком тоща. Грудь, как у маленькой девочки. Плоская, как доска, и совершенно неинтересная. Можно найти какую-нибудь и посимпатичнее. Что говорится в ориентировке о Любе Люфт, на сколько лет она выглядит?

Он вытащил из кейса нужный документ и заглянул в графу «кажущийся возраст».

«Двадцать восемь»,— гласила ориентировка. Однако сделать окончательный вывод можно только при личной встрече, в контактах с анди всегда так.

«Хорошо, что я хоть что-то знаю об опере,— подумал Рик.— В этом еще одно мое преимущество перед Дейвом: в смысле культуры я более развит. И я попытаюсь сам отправить в отставку еще одного анди, прежде чем попрошу помощи у Рэчел. Если, конечно, мисс Люфт не окажется крепким орешком...»

Однако интуиция подсказывала ему, что с певичкой проблем не возникнет. Полоков из всей восьмерки считался самым крутым. Остальных, даже не знающих, что на них началась охота, он положит одного за другим, как утиный выводок...

Спускаясь к украшенной декоративными элементами крыше оперного театра, он распевал попурри из оперных арий на псевдоитальянском языке, слова которого сочинял тут же, на ходу. Даже без «Пенфилда», которого сейчас не было под рукой, настроение Рика было пропитано сплошным оптимизмом. И острым ощущением ликующего предчувствия.

ГЛАВА 9

Старинное здание оперного театра было построено из стали и камня и имело форму кита. Рик прошел в его брюхо и сразу же окунулся в гармонию голосов и звуков музыкальных инструментов. Оказалось, он попал на репетицию. Труппа работала над «Волшебной флейтой» Моцарта — он мгновенно узнал мелодию последней сцены первого акта. Мавры-рабы — другими словами, хор — вступили чуть раньше, нарушив прелесть простого ритма волшебных колокольчиков.

«Приятная неожиданность»,— улыбнулся Рик и уселся в одно из кресел бельэтажа. «Волшебная флейта» была одной из самых любимых его опер. Внимания на него, похоже, никто не обращал.

На сцене Папагено, одетый в фантастическое одеяние из птичьих перьев, присоединился к Памине, чтобы спеть четверостишие, от которого у Рика всегда накатывались слезы на глаза.

Könnte jeder brave Mann
solche Glöckchen finden,
seine Feinde würden dann
ohne Mühe schwinden.[1]

«Жаль,— подумал Рик,— что в реальной жизни нет волшебных колокольчиков, которые могут заставить наших врагов исчезнуть. Да и сам Моцарт, написав „Волшебную флейту", почти тут же умер — на четвертом десятке — от какой-то болезни почек. И похоронен был вместе с нищими».

Вспомнив это, Рик задался вопросом: а предчувствовал ли Моцарт, что будущего для него не существует, что он уже растратил все отпущенное ему время? «Возможно, то же ждет и меня,— подумал он, наблюдая за продолжающейся репетицией.— Подойдет к концу репетиция, закончатся спектакли, умрут певцы, рано или поздно утихнет последняя нота... В итоге имя „Моцарт" будет побеждено всепоглощающей пылью. Если не здесь, на Земле, так на другой планете. Все что мы можем, так это ускользать какое-то время от назначенной нам судьбы. Вот и анди... Какое-то время они могут ускользать от меня, но рано или поздно все равно будут отправлены в отставку. Либо мной, либо другим охотником за премиальными. В каком-то смысле я — часть разрушающей мир энтропии. „Роузен Ассошиейшн" создает, а я разрушаю. Во всяком случае, так это должно казаться им».

На сцене Папагено и Памина теперь пели дуэтом. Рик, прервав философские размышления, слушал их голоса.

Папагено. *Дитя мое, что нам теперь сказать?*
Памина. *Лишь правду, вот что можем мы сказать!*

Подавшись вперед, Рик принялся изучать Памину и ее замысловатое платье с волочащимся сзади шлейфом. Сравнив ее внешность с ориентировкой, Рик удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

«Вот он, мой третий андроид модели „Нексус-6"»,— подумал он удовлетворенно.— Его зовут Люба Люфт. Ирония судьбы, но

---

[1] Ты душой не трепещи,
Колокольчики ищи.
Позвони них, и тогда
Враг исчезнет навсегда. *(нем.)*

ее роль пробуждает сентиментальность. Что ж, такой энергичный и привлекательный беглый андроид вряд ли сообщит правду о себе».

Люба Люфт продолжала петь, и Рик поражался возможностям ее голоса. Сравнивая его с записями старых мастеров из своей коллекции, он все больше убеждался, что Люба Люфт ни в чем им не уступает. В «Роузен Ассошиейшн» создали шедевр, этого нельзя не признать. И он вновь ощутил себя, sub specie aeternitatis[1], разрушителем того, что видит и слышит.

«Возможно, чем лучше она функционирует, чем лучше поет, тем нужнее я,— подумал он.— Останься андроиды низкокачественными, как древние Q-40 (производитель — «Дирейн Ассошиейшн»), то не возникло бы никаких проблем, и никому бы не потребовались мои профессиональные навыки...»

Люба Люфт продолжала петь.

«И все-таки — когда же ее прикончить? — подумал он. И решил: — Да чем скорее, тем лучше. Хотя бы в перерыве, когда она окажется в гримерной».

Репетицию прервали, когда завершился первый акт. Дирижер на английском, французском и немецком языках объявил, что репетиция продолжится через полтора часа, и отправился прочь из оркестровой ямы. Музыканты, убрав инструменты, последовали за ним. Рик встал из кресла и направился за кулисы, туда, где располагались артистические уборные. Он шагал за музыкантами, раздумывая, не пора ли начать процесс «отставки».

«Самое время,— решил он.— Надо кончать с нею как можно быстрее. Немедленно приступаю к делу, и как только получу убедительные доказательства...» Впрочем, он понимал, что убедительные доказательства будут получены только в процессе тестирования. «Кроме того, может оказаться, что Дейв в случае с Любой Люфт ошибся»,— подумал он.

Рик и вправду в глубине души надеялся, что Холден ошибся. Но понимал, что это маловероятно. Интуиция профессионала говорила Рику об обратном. А она за долгие годы работы в департаменте ни разу его не подводила...

Остановив статиста, одетого в костюм мавра-раба, Рик спросил, где находится гримерная мисс Люфт. Мавр подсказал. Через минуту Рик был у двери, на которой висел листок бумаги с надписью: «Мисс Люфт. Просьба не беспокоить». Рик вздохнул и постучал.

— Войдите.

---

[1] С точки зрения вечности *(лат.)*.

Он вошел. Девушка сидела возле гримерного стола. На ее коленях лежала раскрытая папка с нотами — певица просматривала партитуру, делая в ней пометки шариковой ручкой. Мисс Люфт была в сценическом костюме Памины, край шлейфа лежал на соседнем стуле.

— Да? — Она оторвала глаза от партитуры.— Вы же видите, я занята.

Грим делал ореховые глаза девушки неправдоподобно большими. В ее английском Рик не уловил ни малейшего акцента.

— Вы поете лучше, чем Шварцкопф,— сказал он.

— Кто вы? — В голосе певицы прозвучали холодные и враждебные нотки.

Но Рик уловил и совсем другой холод — тот, которым веяло от всех андроидов. Они выделялись одним и тем же: мощный интеллект, целеустремленность... и холодность. Она всегда вызывала у него чувство сожаления. Но без нее он бы не смог их выслеживать.

— Я из полицейского департамента Сан-Франциско.

— Да? — Ее огромные ореховые глаза остались спокойны, она даже не моргнула.— И что же вас привело сюда? — Она была сама любезность.

Усевшись в ближайшее кресло, Рик открыл кейс:

— Меня прислали провести с вами стандартный персонифицирующий тест. Мне нужно всего несколько минут.

— Это столь срочно? — Она кивнула на папку с партитурой.— Я еще далеко не закончила...— Теперь она смотрела на гостя с опаской.

— Очень и очень срочно! — Рик начал доставать из кейса элементы тестера Войта-Кампфа.

— Это тест на определение «ай-кью»?

— Нет, на эмпатию.

— Тогда мне придется надеть очки.— Она потянулась к ящику стола.

— Если вы обходитесь без очков, изучая партитуру, то они и при тестировании вам не понадобятся. Я продемонстрирую вам несколько картинок и задам несколько вопросов.— Рик встал, подошел к девушке и прилепил к ее сильно напудренной щеке адгезивный диск с датчиками.— А еще мы пустим в ваш глаз лучик света.— Он пристроил у нее на голове «карандаш».— Ну вот и все.

— Вы предполагаете, что я андроид, так ведь? — спросила певица почти шепотом.— Но я вовсе не андроид! Я никогда не была на Марсе! И ни разу в жизни не видела андроидов! — Ее длинные накладные ресницы непроизвольно задрожали; было

видно, что она изо всех сил пытается взять себя в руки.— Вы получили информацию, что в труппе скрывается андроид? Я бы с удовольствием помогла вам... А разве бы я предложила вам свою помощь, если бы была андроидом?

— Андроид,— спокойно объяснил Рик,— не заботится о судьбе остальных андроидов. Это один из признаков, по которым мы их и выявляем.

— В таком случае,— сказала мисс Люфт,— вы должны быть андроидом.

Рик ошарашенно уставился на девушку.

— Потому что,— продолжала она,— ваша работа — убивать других андроидов, не так ли? Вы... Вы... Как же их называют?..— Она изо всех сил пыталась вспомнить.

— Я — охотник за премиальными,— сказал Рик.— Но я вовсе не андроид.

— Этот тест, которым вы хотите меня проверить...— В ее голос вернулось спокойствие.— Вас самих-то проверяли?

— Да,— кивнул Рик.— Давным-давно, когда устраивался на работу в департамент.

— А вдруг это искусственная память?!. У андроидов ведь бывают искусственные воспоминания...

— Мое начальство знает о предстоящем тестировании. Оно проводится в принудительном порядке.

— А может, раньше существовал похожий на вас человек, но вы убили его и заняли его место. И ваше начальство об этом и знать не знает.— Она улыбнулась. Как будто приглашала Рика поверить в невероятное.

— Давайте-ка лучше приступим к тестированию.— Он вытащил из кейса вопросник.

— Я готова пройти тест,— сказала Люба Люфт,— но только после вас.

Рик снова был ошарашен.

— Это было бы вполне справедливо,— продолжала девушка.— Тогда бы я убедилась... Я же не знаю... Вы кажетесь таким жестоким и странным.— Она вздрогнула, будто от холода, но тут же улыбнулась. Ее улыбка была полна надежды.

— Вы не сумеете провести тест Войта-Кампфа,— сказал Рик.— Процесс тестирования требует немалого опыта... А теперь, пожалуйста, внимательно слушайте. Вопросы связаны с обычными жизненными ситуациями, в которых может очутиться любой. От вас требуется совершенно однозначный ответ — как вы поступите в той или иной ситуации. Отвечайте как можно быстрее. Имейте в виду, время ответной реакции фиксируется.— Рик

задал ей первый вопрос: — Вы смотрите телевизор и вдруг замечаете, что по вашему запястью ползет оса.— Рик глянул на секундомер, а потом на стрелки-близнецы.

— А что такое оса? — спросила Люба Люфт.

— Летающее и жалящее насекомое.

— Ой, как странно! — Ее огромные глаза расширились, словно Рик раскрыл ей величайшую тайну мироздания.— А разве они существуют до сих пор? В жизни не видела ни одной осы.

— Они все давно вымерли из-за пыли... Действительно, странно... Вы и в самом деле не знаете, что такое оса? Мне кажется, вы уже родились в те времена, когда существовали осы. Если только...

— А как будет «оса» по-немецки? — вдруг спросила певица.

Рик попытался вспомнить, но безуспешно.

— Вы отлично знаете английский,— сердито сказал он.

— Да, я говорю без акцента,— поправила его девушка.— Но это потому, что учила партии, когда предстояло исполнять произведения Перселла, Уолтона и Вогана Уильямса. Однако словарный запас у меня невелик.— Она робко глянула на Рика.

— Wespe,— сказал он, вспомнив.

— О да, eine Wespe[1]! — Девушка рассмеялась.— А что был за вопрос? Я уже забыла...

— Давайте перейдем к следующему вопросу,— предложил Рик: после «лингвистических» разговоров проверить адекватность реакции было уже невозможно.— Вы смотрите по телевизору старое кино, снятое еще до войны. Показывают банкет...— Рик решил пропустить первую часть вопроса.— Главное блюдо — отварная собака, фаршированная рисом.

— Убивать и есть собаку никому и в голову не придет,— сказала Люба Люфт.— Она же стоит целое состояние... Ой, я поняла!.. Это была имитация собаки! Эрзац. Верно?.. Подождите, но ведь они сделаны из проводов и электромоторов. Их есть невозможно!

— Действие происходит до войны.— В душе Рика родилось раздражение.

— Но я не помню жизнь до войны.

— Но вы же видели старые фильмы по телевизору.

— Фильм снимали на Филиппинах?

— С какой стати?

— С такой,— сказала Люба Люфт.— Именно на Филиппинах употребляли в пищу вареных собак, фаршированных рисом. Я вспомнила... Я читала книгу про...

---

[1] Оса *(нем.)*.

— От вас требуется прямой ответ,— перебил Рик.— Я хочу получить от вас социальную, эмоциональную и моральную реакции.

— На тот фильм? — Певица немного подумала.— Да я бы вообще не стала его смотреть. Я бы переключила телевизор на Бастера Френдли.

— А почему?

— Ну кому придет в голову смотреть старый фильм, снятый на Филиппинах,— возбужденно произнесла Люба Люфт.— Разве на Филиппинах когда-либо было что-либо интересное, кроме Батанского марша смерти? Вы бы стали его смотреть? — Она возмущенно посмотрела на Рика.

Стрелки индикаторов мотались туда-сюда, не имея ни малейшего желания где-нибудь остановиться.

Подумав немного, Рик решил перешел к следующему вопросу.

— Вы арендуете коттедж в горах...

— Ja[1],— кивнула она.— Продолжайте. Я готова вас выслушать.

— Территория вокруг все еще покрыта зеленью...

— Ой, простите! — Она принялась щипать мочку уха.— Я никогда не слышала такого словосочетания. Что значит «покрыта зеленью»?

— Это значит, что на территории все еще растут деревья и кусты. Внутри коттеджа огромный камин, рядом сосновые дрова. По стенам кто-то развесил старинные карты, гравюры Курье, репринтные издания нот Айвза, а над камином прикрепил голову взрослого оленя-самца с крупными рогами. Ваши гости расхваливают внутреннюю обстановку коттеджа, и вы все вместе восхищаетесь...

— Я не поняла слова «курье», «айвз» и «внутренняя обстановка»...— Люба Люфт напряглась и, казалось, попыталась извлечь из памяти значения этих слов.— Подождите.— Она подняла руку и серьезно сказала: — Это как собака с рисом. Курье — это приправа для приготовления риса. «Curry» по-немецки.

Рик никак не мог понять: то ли Люба Люфт в самом деле не разбирается в некоторых английских словах и выражениях, то ли попросту пудрит ему мозги?.. Посоветоваться ему было не с кем. Поэтому, проконсультировавшись с самим собой, он решил задать следующий вопрос. А что ему оставалось?

— Вы познакомились с мужчиной. Он приглашает вас к себе домой. Там он предлагает вам...

---

[1] Да *(нем.)*.

— Nein[1]! — перебила его Люба.— Я не могла там оказаться! Это очень легкий ответ.

— Но это был еще не вопрос!

— Вы задали неправильный вопрос? Но я же поняла, о чем вы меня спрашиваете! Как вопрос, который я поняла, может быть неправильным? Или я *не должна* была его понимать? — Она нервно потерла щеку и смахнула с нее адгезивный диск с датчиками.

Диск упал на пол и закатился под гримерный стол.

— Ach Gott[2]! — прошептала она и нагнулась, пытаясь поднять прибор.

Послышался треск рвущейся ткани: сценический костюм оказался ей маловат.

— Я сам подниму! — Рик отодвинул Любу в сторону, опустился на колени и принялся шарить рукой под столом.

Наконец он нащупал диск, поднялся на ноги. И обнаружил, что смотрит в ствол лазерника.

— Ваши вопросы приняли несколько странное направление,— произнесла Люба Люфт скрипучим голосом.— Как я и ожидала... Вы вовсе не из департамента полиции. Вы — сексуальный маньяк.

— Можете посмотреть мой идентификат,— сказал Рик и потянулся к карману пальто. Рука его начала дрожать. Как после схватки с Полоковым.

— Если сунете руку в карман, я убью вас,— пообещала певица.

— Вы убьете меня в любом случае,— ответил Рик, задаваясь вопросом: что бы случилось, возьми он с собой Рэчел Роузен?.. Впрочем, раздумывать о том, что не произошло, было бессмысленно.

— Покажите-ка мне остальные вопросы.— Люба Люфт протянула руку, и Рик неохотно передал ей вопросник.— «Листая журнал, вы наталкиваетесь на цветной разворот. Там изображена обнаженная девушка»... Ничего иного я и не ждала... «Вы забеременели. Парень пообещал жениться на вас. Но ушел к другой, вашей лучшей подруге. Вы делаете аборт и...» С вами все ясно. Я звоню в полицию.

Она пересекла комнату — ствол лазерника по-прежнему смотрел в сторону Рика,— сняла трубку видеофона и набрала номер.

— Департамент полиции Сан-Франциско? — спросила она.— Мне необходимо вызвать полисмена.

---

[1] Нет *(нем.)*.

[2] О, Боже! *(нем.)*.

— Ничего лучшего вы и придумать не могли,— сказал с облегчением Рик.

Однако поведение Любы Люфт показалось ему странным. Почему она не пристрелила его?.. Ведь когда заявится патрульный коп, шансы на это сведутся к нулю. И дело пойдет, как должно идти.

«Мисс Люфт уверена, что она — человек,— решил он.— Мисс Люфт просто не знает, что она — анди».

Через несколько минут — все это время Люба держала Рика под прицелом лазерника — в гримерную ввалился здоровенный, как бык, полисмен в архаичной синей форме с пистолетом и звездой.

— Все в порядке,— сказал он Любе.— Можете убрать ваше оружие.

Люба опустила пистолет, полисмен взял ее оружие и осмотрел его.

— Ну так что здесь произошло? — спросил он девушку. И прежде чем она успела ответить, повернулся к Рику и рявкнул: — Кто вы такой?

— Этот тип приперся в мою гримерную,— сказала Люба Люфт.— Я первый раз в жизни вижу его. Он сказал, что проводит то ли опрос, то ли нечто подобное и хочет задать мне ряд вопросов. Я согласилась, но вопросы оказались непристойными.

— Давайте-ка глянем на ваш идентификат,— проревел бык, протягивая руку.

— Я охотник за премиальными и работаю в департаменте,— сказал Рик, отдавая ему документ.

Внимательно осмотрев идентификат Рика, полицейский заявил:

— Я знаю всех охотников за премиальными. Вы говорите, что работаете в департаменте полиции Сан-Франциско, так?

— Мой непосредственный начальник — инспектор Гарри Брайант. Я принял к исполнению список Дейва Холдена, потому что Дейв попал в больницу.

— Как я уже сказал, я знаю всех охотников за премиальными, которые работают в департаменте полиции Сан-Франциско,— повторил бык.— Но вас я не знаю.— Он вернул Рику идентификат.

— Позвоните инспектору Брайанту,— сказал Рик.

— Никакого инспектора Брайанта не существует,— заявил бык.

Рик наконец начал понимать, что происходит.

— Вы андроид,— сказал он полисмену.— Как и мисс Люфт.— Он подошел к видеофону и поднял трубку.— Я намерен позвонить в департамент.

«Интересно,— подумал он,— как далеко мне удастся зайти, прежде чем два андроида меня остановят?»

— Номер департамента...— проревел бык.

— Я знаю! — Рик набрал номер.

Дежурный подключился почти мгновенно.

— Мне необходимо срочно поговорить с инспектором Брайантом,— сказал Рик.

— Простите, кто его вызывает?

— Рик Декард.— Он замер, ожидая ответа.

Бык в синем, не обращая никакого внимания на Рика, записывал показания мисс Любы Люфт.

После недолгой паузы на экране появилось лицо Гарри Брайанта. Увидел Рика, он спросил:

— Что случилось?

— Тут затруднение,— ответил Рик.— Одному из списка, составленного Дейвом, удалось вызвать сюда так называемого патрульного полицейского. Похоже, мне не удается доказать ему, кто я есть на самом деле. Он заявляет, что знает всех охотников в департаменте, а обо мне никогда не слышал.— Он вздохнул и добавил: — Он и вас не знает.

— Я бы хотел с ним поговорить,— сказал Брайант.

— Инспектор Брайант хочет с вами поговорить,— позвал Рик полисмена.

Бык перестал расспрашивать мисс Люфт и подошел к видеофону, чтобы взять трубку.

— Патрульный Крэмс,— громко представился он.

В ответ не раздалось ни звука.

— Алло? — Бык повторил свое «алло» еще несколько раз, подождал и повернулся к Рику: — На линии никого нет. И экран пуст.

Вырвав трубку из его огромных лап, Рик крикнул:

— Мистер Брайант? — Прислушался, подождал.

Ничего. Тишина.

— Я наберу номер еще раз,— сказал Рик, что тут же и проделал. Ответа не было. Рик подождал некоторое время и вновь набрал знакомые цифры. Видеофон звонил, но на вызов никто не отвечал. Однако Рик все ждал и ждал...

— Дайте-ка я попробую! — Патрульный Крэмс отобрал у Рика трубку.— Вы, наверное, не туда звоните.— Он начал нажимать кнопки.— Номер департамента — восемь-четыре-два...

— Я знаю номер,— сказал Рик.

— Вызывает патрульный Крэмс,— проревел бык в трубку видеофона.— Скажите, есть ли в департаменте инспектор по имени

Брайант? — Последовала короткая пауза.— Ясно!.. А как насчет охотника за премиальными, называющего себя Риком Декардом? — Снова пауза.— Вы уверены? Может, его приняли на службу совсем недавно? Да... да, понимаю... О'кей, большое спасибо. Нет, я контролирую ситуацию.— Патрульный Крэмс повесил трубку и повернулся к Рику.

— Я же только что связывался с ним,— сказал Рик.— Я говорил с Брайантом, он сказал, что хочет поговорить с вами. Должно быть, какие-то неполадки на линии... Вы же сами видели! Я разговаривал, и лицо инспектора Брайанта было на экране. А теперь связи почему-то нет! — Рик совершенно не понимал, что происходит.

— Ладно,— сказал патрульный Крэмс.— Заявление мисс Люфт у меня есть. Давайте-ка, Декард, отправимся во Дворец правосудия, чтобы я мог снять с вас показания.

— О'кей,— согласился Рик. Он повернулся к Любе Люфт: — Я быстро вернусь. И мы продолжим тестирование.

— Он точно сексуальный маньяк,— сказала Люба Люфт патрульному Крэмсу.— Меня от одного его вида в дрожь бросает.— Ее и в самом деле передернуло.

— Какую оперу вы репетируете? — поинтересовался патрульный Крэмс.

— «Волшебную флейту»,— сказал Рик.

— А я не вас спросил. Я спросил ее.— Патрульный посмотрел на Рика с открытой неприязнью.

— Мне просто хочется побыстрее оказаться во Дворце правосудия,— сказал Рик.— Недоразумение должно быть улажено.— Он направился к выходу из гримерной, подхватив свой кейс.

— Подождите-ка! — заявил патрульный Крэмс.— Я должен проверить ваши карманы!

Обыскав Рика ловкими профессиональными движениями, он тут же нашел и лазерник, и «Магнум». Отобрал их, потом понюхал ствол «Магнума» и сказал:

— Из этого совсем недавно стреляли.

— С его помощью я только что отправил в отставку анди,— согласился Рик.— Останки все еще в моем ховере, на крыше.

— Вот как?.. Значит, поднимемся наверх и осмотрим.

Мисс Люфт проводила их до двери.

— Надеюсь, он больше не вернется,— сказала она.— Не так ли, офицер? Я боюсь его, он ненормальный.

— Если в его ховере лежит мертвое тело,— ответил патрульный Крэмс,— он едва ли сегодня вернется.

Он подтолкнул Рика в спину, и они поднялись на крышу оперного театра. Открыв дверцу ховера, патрульный Крэмс принялся осматривать то, что осталось от Полокова.

— Это андроид,— сказал Рик.— Я получил приказ отправить его в отставку, но он едва не отправил в отставку меня. Он притворился...

— Показания с вас снимут во Дворце правосудия,— перебил патрульный Крэмс.

Он посадил Рика в кабину своего кара, сел за руль, вызвал еще одну патрульную машину, дав указание забрать останки Полокова.

— Ну что, Декард? — сказал он, повесив трубку.— Вперед?

Кар рванулся в небо и взял курс на юг.

— Дворец правосудия находится в противоположном направлении,— сказал Рик,— на Ломбард-стрит.

— Дворец правосудия находился там когда-то,— отозвался патрульный Крэмс,— а новое здание расположено на Мишн-стрит. Старое здание, о котором вы говорите, должно быть, уже превратилось в руины. Оно не используется много лет. Наверное, вы не забегали туда с тех самых пор...

— Везите меня на Ломбард-стрит,— сказал Рик.

Теперь он и сам убедился, каких успехов могут добиться андроиды, объединив усилия. Вряд ли он доживет до конца полета, его ждет впереди то же, что случилось с Дейвом, а может, и хуже...

— А девчонка-то ничего! — сказал вдруг Крэмс.— Конечно, в таком костюме с фигуркой не разберешься, но в остальном она чертовски хороша.

— Признайтесь, вы ведь андроид? — покосился на него Рик.

— С какой это стати? Я вовсе не андроид. Вы, похоже, убиваете людей, оправдывая себя мыслью, что они — андроиды... Теперь мне ясно, почему мисс Люфт так сильно перепугалась. Ей очень повезло, что она успела вызвать нас.

— Тогда доставьте меня во Дворец правосудия на Ломбард-стрит.

— Я ведь уже сказал...

— До него не более трех минут лету,— сказал Рик.— Я хочу его увидеть. Я каждое утро являюсь туда на работу. Туда, а не на Мишн-стрит... И я хочу убедиться в том, что его покинули десятилетие назад, как вы говорите.

— А может, это вы андроид? — усмехнулся патрульный Крэмс.— Андроид с искусственной памятью, которую вам внедрили. Вы не думали о таком варианте развития событий?

Усмешка его стала холодной, и он продолжал гнать кар на юг.

Рик остро ощутил свое поражение и вжался в сиденье. Ему оставалось лишь беспомощно ожидать, что произойдет в следующую секунду. Что бы ни замышляли андроиды, он полностью находился в их руках.

«Но одного из них я все-таки ущучил,— сказал он себе.— Я угрохал Полокова. А еще двоих прикончил Дейв».

Внизу уже тянулась Мишн-стрит. Полицейский кар Крэмса устремился вниз и пошел на посадку.

ГЛАВА 10

Здание Дворца правосудия, на которое опускался кар Крэмса, выделялось среди близлежащих строений. По периметру крыши располагалось несколько остроконечных, украшенных орнаментом башенок в стиле барокко. В остальном оно было современным, хотя и несколько вычурным архитектурным сооружением и сразу понравилось Рику Декарду. Вот только видел он это здание впервые в жизни.

Полицейский ховеркар опустился на крышу. А несколькими минутами позже Рика уже регистрировали.

— Три-ноль-четыре,— доложил патрульный Крэмс сидевшему за столом сержанту.— И шесть-один-два-точка-четыре. Представлялся сотрудником департамента.

— Четыре-ноль-шесть-точка-семь,— ответил сержант, заполняя стандартный регистрационный формуляр.

Писал он медленно и откровенно скучал. Все в нем говорило, что он занимается сейчас самым обычным делом, что ничего важного не произошло.

— Теперь сюда! — Патрульный Крэмс подвел задержанного к небольшому белому столику, за которым оператор готовил к работе знакомое Рику оборудование.— Энцефалограф. Для идентификации.

— Без вас знаю,— сказал сквозь зубы Рик.

В былые времена, когда он тоже работал патрульным, ему приходилось таскать во Дворец правосудия всяких подозрительных типов. И точно так же он подводил их к белому столику, но только совсем не к этому. *Тот* столик находился в другом здании и на другой улице.

С Рика сняли энцефалограмму и препроводили в не менее знакомое помещение, называемое в былые времена «обезьянником». Совершенно автоматически он начал прикидывать, какие ценные вещи нужно включить в опись при изъятии. Но тут же

остановил себя. «Чушь какая-то! — подумал он.— Что это за типы? Если здешний департамент существует давно, *почему мы ничего о нем не знаем?* И почему они ничего не знают о нас? Два параллельных полицейских департамента, которые ни разу не вступили между собой в контакт... Две конторы, которые до моего задержания ни разу не пересекались друг с другом...— Рик мотнул головой.— Чушь!.. Или пересекались? Может, сегодняшняя встреча неожиданна только для меня?.. Да ну, мура! Никогда не поверю, что на Ломбард-стрит ничего не знают о здешней конторе, если она включена в структуру полицейского аппарата, если все эти люди действительно те, за кого себя выдают».

Мужчина в штатском (но явно полицейский) некоторое время наблюдал за Риком, потом подошел и поинтересовался у патрульного Крэмса:

— Что за тип?

— Подозревается в убийстве человека,— доложил Крэмс.— В его ховере обнаружено тело без головы. Он заявляет, что это останки андроида. Тело отправлено в лабораторию с целью провести анализ костного мозга. Кроме того, представившись работником департамента, охотником за премиальными, задержанный проник в гримерку певицы Любы Люфт и задавал ей вопросы, наводящие на размышления. У певицы возникли определенные сомнения, и она обратилась к нам за помощью... Хотите заняться его делом, сэр?

— Да,— ответил штатский.

Рик внимательно осмотрел его: голубоглазый, с узким лицом, широким носом и невыразительными губами. Штатский в свою очередь оглядел Рика и велел выпустить его из «обезьянника». Потом, указав на кейс, спросил:

— Что у вас тут, мистер Декард?

— Оборудование для проведения теста Войта-Кампфа,— ответил Рик.— Патрульный Крэмс задержал меня в тот момент, когда я тестировал подозреваемую.

Штатский открыл кейс и принялся изучать составные элементы тестера.

— Я задавал мисс Люфт вопросы из стандартного ВК-вопросника, отпечатанного...

— Вы знаете Джорджа Глизана и Фила Реша? — перебил штатский.

— Нет,— ответил Рик: оба имени ему ничего не говорили...

— Это охотники за премиальными в Северной Калифорнии. Оба из нашего департамента. Думаю, вы познакомитесь с ними, раз уж попали к нам. Вы ведь андроид, мистер Декард? Знаете,

почему я спрашиваю? Дело в том, что уже несколько раз нам попадались сбежавшие анди, выдававшие себя за охотников, которые, якобы преследуя подозреваемых, пересекали границу штата Калифорния.

— Я не андроид,— ответил Рик.— Можете проверить меня при помощи теста Войта-Кампфа. Когда-то меня уже проверяли, но я готов пройти тест еще раз. Тем более что заранее знаю результат. Я могу позвонить жене?

— Вам разрешен всего один звонок. Вы предпочитаете поговорить с нею, а не с адвокатом?

— Я позвоню жене. А уж она сделает все остальное.

Полицейский в штатском достал из кармана пятидесятицентовую монету и протянул Рику:

— Видеофон вон там, на стене.

Он спокойно проследил за тем, как Рик идет к аппарату, и продолжил изучение содержимого кейса.

Опустив монету, Рик набрал домашний номер. Он стоял, глядя в темный экран; казалось, ожидание длится целую вечность...

Наконец, экран осветился, на нем появилось женское лицо.

— Привет! — сказала женщина.

Это была не Айрен. Рик никогда в жизни не видел ее.

Он повесил трубку и медленно вернулся к полицейскому в штатском.

— Неудачно? — поинтересовался тот.— Ладно, можете сделать еще один звонок. Мы тут не формалисты. Только не звоните своему поручителю. В вашем случае закон не допускает освобождения под залог или поручительство. Вот когда вам будет предъявлено обвинение...

— Знаю,— резко ответил Рик.— Я знаком с процессуальными нормами.

— Возьмите! — Штатский протянул Рику кейс.— Идемте в мой кабинет, мне бы хотелось задать вам несколько вопросов.

Он направился к одной из боковых дверей. Рик пошел следом. Когда они подошли к двери, штатский остановился и сказал:

— Меня зовут инспектор Гарленд.

Они обменялись коротким рукопожатием. Потом Гарленд открыл дверь и кивком пригласил Рика войти.

В кабинете стоял большой стол, на котором не лежало ни одной бумажки.

— Садитесь!

Рик опустился на стул перед столом.

— Тест Войта-Кампфа,— сказал Гарленд,— о котором вы упомянули...— Он указал на кейс.— Все эти приборы, которые вы

с собой таскаете...— Гарленд набил трубку, попыхтел, раскуривая.— Это устройство для обнаружения анди?

— Тест Войта-Кампфа — наш базовый тест,— ответил Рик.— Это единственный надежный аналитический аппарат, с помощью которого можно определить новый тип мозга «Нексус-6». Неужели вы ничего не слышали об этом тесте?

— Я знаю несколько профильно-аналитических шкал, помогающих обнаруживать андроидов. Но ваш тест мне незнаком.

Инспектор продолжал внимательно изучать Рика. Тот, в свою очередь, попытался догадаться, о чем думает Гарленд, но лицо инспектора было непроницаемо.

— У вас список в кейсе,— продолжал Гарленд.— Это и есть ваше задание? Ориентировки на Полокова, на мисс Люфт... Между прочим, следующий в списке — я.

Рик уставился на инспектора, схватил кейс, открыл, разложил перед собой листки. Гарленд был прав. Рик перечитал ориентировку на инспектора. Оба некоторое время молчали, а потом инспектор, нервно кашлянув, сказал:

— Малоприятная новость — обнаружить себя в списке у охотника за премиальными. Даже если этот охотник не по своей воле сидит в твоем кабинете.— Он взял трубку внутренней связи и спросил: — Пришлите ко мне кого-нибудь из наших охотников за премиальными... Мне все равно кого... Да, спасибо.— Он отключил связь и сказал Рику: — Фил Реш будет здесь через минуту. Сначала мы заглянем в его список подозреваемых, а потом продолжим разговор.

— Вы думаете, в его списке могу оказаться я? — удивился Рик.

— Вполне вероятно. Это мы скоро узнаем. В таких щекотливых ситуациях следует получать точную информацию. В вашей ориентировке я назван не полицейским инспектором, а страховым агентом. Все остальное полностью совпадает: физические параметры, рост, внешность, привычки, домашний адрес, даже хобби. Да, это я, все верно. Смотрите сами.— Он протянул листок Рику, который тут же уткнулся в документ.

Дверь в кабинет распахнулась, и вошел тощий высокий мужчина, с резко очерченными скулами, в очках с роговой оправой и с топорщащейся бородкой, как у Ван Дейка. Гарленд поднялся и представил Рика:

— Фил Реш, это Рик Декард. Тоже охотник за премиальными. Думаю, вам пора познакомиться.

Охотники обменялись рукопожатием.

— Из какого вы города, если не секрет? — спросил Фил Реш.

Гарленд, опередив Рика, ответил:

— Из Сан-Франциско. Смотри-ка вот сюда. Вот его список отставников, а вот очень интересная ориентировка.

Он передал Филу Решу документ, который минуту назад изучал Рик.

— Послушай, Гар,— удивленно произнес Реш.— Да ведь это ориентировка на тебя!

— Верно,— согласился инспектор.— Но это не все. Здесь много любопытных моментов. Вот ориентировка на Любу Люфт, оперную певицу, она тоже в списке. Вторым номером. После Полокова. Ты помнишь Полокова? Он уже мертв: этот наш охотник за премиальными... или андроид, или черт знает кто!.. уложил Полокова. Лаборатория сейчас проводит анализ костного мозга, чтобы выяснить, имел ли он основания...

— Я как-то беседовал с Полоковым,— задумчиво сказал Фил Реш, теребя всклокоченную бородку.— Этакий здоровенный Санта-Клаус из советской полиции? Думаю, идея провести анализ его костного мозга не лишена смысла.

— Почему ты так решил? — раздраженно спросил Гарленд.— Ведь тогда получится, что Декард — не убийца, что он действовал на законных основаниях, что он всего-навсего отправил в отставку очередного беглого анди!

— Полоков просто поразил меня своей холодностью,— сказал Реш.— Чрезвычайно башковитый и расчетливый. И чертовский единоличник.

— Большинство советских полицейских именно так и выглядят,— ответил Гарленд.

Было видно, что инспектор уязвлен.

— С Любой Люфт я не встречался, но слышал ее записи,— продолжал Реш. Повернувшись к Рику, он спросил: — Вы успели ее проверить?

— Я только приступил к тесту,— сказал Рик,— задал два или три вопроса. Она сумела вызвать этого быка, патрульного Крэмса, который прервал тестирование.

— А Полоков? — поинтересовался Фил Реш.

— На его проверку у меня не было никаких шансов.

Фил Реш кивнул и произнес вслух, но будто советовался с самим собой:

— Насколько я могу судить, у вас не было возможности проверить и нашего инспектора Гарленда.

Гримаса негодования исказила лицо инспектора, и он возмущенно воскликнул:

— Разумеется, нет!

— Какой тест вы используете? — продолжал Фил Реш.

— Шкалу Войта-Кампфа.

— Не знаю такой...

Рик приглядывался к новым знакомцам. Похоже, и Реш, и Гарленд мыслили глубоко и стремительно, но каждый из них решал свою собственную задачу.

— Я всегда говорил,— продолжал Реш,— что самое надежное прикрытие для беглого андроида — работа в структуре такой мощной полицейской организации, как ВПУ. С тех пор как я увидел Полокова, не было дня, чтобы у меня не возникала мысль проверить его, но повода так и не представилось. Да и как он мог представиться?.. Нет, самая надежная крыша для предприимчивого андроида — место полицейского,— повторил Реш.

Инспектор Гарленд медленно поднялся на ноги, пристально посмотрел на Фила Реша и спросил:

— А меня тебе тоже всегда хотелось проверить?

Легкая ухмылка коснулась лица Фила Реша. Он открыл было рот, но не произнес ни слова: как будто получил беззвучный приказ заткнуться. Впрочем, Рику вовсе не показалось, что Реш промолчал из опаски перед вспыхнувшим гневом инспектора.

— По-моему, ты плохо просек ситуацию, Фил,— сказал Гарленд.— Этот человек... или андроид... по имени Рик Декард прибывает к нам из фантомного, иллюзорного, несуществующего полицейского департамента, который, как он утверждает, все это время занимает здание старого ведомственного штаба на Ломбард-стрит. Он ничего не знает о нас, а мы — о нем, хотя работаем, что называется, бок о бок. Он пользуется аналитическим тестом, о котором мы даже не слышали. В списке «отставников», который у него имеется, не андроиды, а человеческие существа. Он уже убил одного... по крайней мере, одного. И не вызови мисс Люфт патрульного, этот тип уже пристрелил бы ее, а в данный миг шнырял бы тут, вынюхивая, как подобраться ко мне.

— Хм-м-м,— промычал Фил Реш.

— Хм-м-м,— гневно передразнил его Гарленд. Выглядел он так, будто его с минуты на минуту хватит апоплексический удар.— И это все, что ты можешь мне сказать?

Ожил интерком, и женский голос сообщил:

— Инспектор Гарленд, лаборатория может сообщить о результатах анализа по трупу Полокова.

— Полагаю, нам всем стоит прослушать их заключение,— сказал Фил Реш.

Гарленд, взглянув на него, едва ли не вскипел. Потом он нагнулся над интеркомом, нажал кнопку:

— Слушаю вас, мисс Френч.

— Анализ костного мозга,— сообщила мисс Френч,— доказывает, что мистер Полоков был человекоподобным роботом. Если вам требуются более детальные данные...

— Спасибо, этого вполне достаточно! — Гарленд откинулся в кресле и принялся мрачно созерцать противоположную стену кабинета, будто не замечая ни Рика, ни Фила Реша.

— На чем основан тест Войта-Кампфа, мистер Декард? — поинтересовался Реш.

— На эмпатической реакции на разнообразные житейские ситуации. Главным образом проверяется отношение к животным.

— Наш будет попроще,— сказал Реш.— В основе лежит задержка рефлективного ответа со стороны верхних ганглиев спинного мозга у человекоподобных роботов. По сравнению с людьми она достигает нескольких микросекунд.— Реш взял со стола инспектора Гарленда чистый лист бумаги, шариковую ручку и начертил упрощенную схему.— В качестве раздражителя используют звуковой сигнал или световую вспышку. Проверяемый нажимает кнопку, время задержки между воздействием и ответной реакцией фиксируется. Разумеется, замеры производятся несколько раз. Обычно для надежного результата вполне хватает десяти замеров. Далее, как в случае с Полоковым, проводится дополнительный анализ костного мозга.

В кабинете на некоторое время повисла тишина. А потом Рик сказал:

— Вы можете проверить меня. Я готов. И, конечно, хотел бы проверить вас. Если вы не против...

— Естественно,— пробормотал Реш. Его мысли сейчас явно занимал инспектор Гарленд.— Сколько раз я говорил, что рефлекс-тест Бонели должен регулярно проводиться среди полицейских. Причем чем выше чин, тем жестче проверка. Я ведь говорил это, инспектор?

— Ты говорил,— сказал Гарленд.— А я всегда выступал против. Ибо считаю, что подобные проверки ухудшают психологический климат среди сотрудников департамента.

— Ну, сейчас-то, наверное, вы не станете возражать,— сказал Рик.— Особенно после того, как получены лабораторные результаты на Полокова?

ГЛАВА 11

— Сейчас я возражать не стану,— ответил Гарленд и наставил палец на охотника за премиальными Фила Реша: — Но предупреждаю тебя заранее, что результаты теста тебе вряд ли понравятся.

— А ты знаешь эти результаты заранее? — спросил с удивлением Реш. Он вовсе не выглядел довольным.

— До последней запятой,— заверил инспектор Гарленд.

— О'кей,— кивнул Реш.— Схожу наверх и принесу тестер Бонели.— Он пересек кабинет, распахнул дверь и, обернувшись, сообщил Рику: — Я вернусь минуты через три-четыре.

Дверь захлопнулась.

Инспектор Гарленд выдвинул верхний правый ящик стола, вытащил лазерник и взял Рика на прицел.

— Это бессмысленно,— сказал Рик.— Реш проведет посмертный анализ моего костного мозга, как в случае с Полоковым. А потом будет настаивать на проведении... как вы это называете?.. рефлекс-тест Бонели, да?.. И для вас, и для себя.

Ствол лазерника по-прежнему смотрел на Рика.

— Плохо складывается сегодняшний день,— сказал Гарленд.— Особенно когда я понял, кого доставил Крэмс. Сработала интуиция, именно поэтому я и вмешался.

Он медленно опустил пистолет. Потом положил его на прежнее место, в верхний правый ящик стола, задвинул ящик, закрыл на ключ, а ключ положил в карман.

— И что же покажут тесты, если нас троих проверить? — спросил Рик.

— Идиот проклятый этот Реш! — процедил Гарленд.

— Он не знает?!

— Он даже не подозревает. У него и в мыслях нет... Иначе бы он не смог стать охотником. Это человеческая работа, она не для андроида.— Гарленд кивнул на кейс Рика.— Ваш список оставшихся подозреваемых и ориентировки верны. Я знаю их всех.— Он помолчал несколько секунд, словно собирался с духом. И продолжил: — Мы прилетели с Марса все вместе, на одном корабле. Но без Реша. Он задержался на неделю, ему внедряли систему искусственной памяти.

Вновь наступила тишина.

Впрочем, это было нечто большее, чем тишина...

— Как он поведет себя, когда узнает? — спросил Рик.

— Не имею ни малейшего представления,— рассеянно произнес Гарленд.— Хотя с чисто абстрактной точки зрения вопрос чрезвычайно любопытный... Реш способен убить меня и себя, возможно, способен застрелить даже вас. А может начать убивать всех подряд — и людей, и андроидов. Я допускаю любое развитие событий — андроид с искусственно внедренной памятью способен на все. Особенно если считает себя человеком.

— Так зачем же тогда вы идете на такой риск?

— Это не только риск,— сказал Гарленд.— Это еще и огромный шанс утвердиться здесь, на Земле, где нас даже за животных не считают. Где любой червяк и древесный клоп дороже и желаннее всех нас, вместе взятых! — Гарленд прикусил начавшую вдруг дрожать нижнюю губу и некоторое время молчал. Наконец он справился с собой: — Для вас будет лучше, если Фил Реш пройдет тест Бонели. А меня пусть проверит он. В этом случае ситуация предсказуема: для Реша я стану очередным анди, которого следует как можно быстрее отправить в отставку. Впрочем, и у вас могут быть проблемы, Декард. Такие же, как у меня. Знаете, где я прокололся? Я не знал, кто такой Полоков. Должно быть, он прибыл сюда раньше нас. Наверняка намного раньше нас. С другой группой, о которой мы ничего не знали. Когда я оказался на Земле, он уже внедрился в структуру ВПУ. Я не должен был допускать огласку результатов анализа его костного мозга. А Крэмс не должен был тащить вас сюда.

— Меня мог прикончить еще Полоков.

— Да, у него были явные отклонения. Не думаю, что он имел такой же тип мозга, как и мы. Возможно, он был иначе активирован или имел иную структуру. В итоге — иной тип мышления, непонятный даже нам. Но очень мощный. Возможно, даже слишком мощный.

— Когда я звонил домой,— сказал Рик,— я не соединился с женой. Почему?

— Наши видеофонные линии замкнуты в обособленную систему. Какой бы номер вы ни набрали, вы не выйдете за пределы здания. Это гомеостатический механизм, Декард. Мы почти полностью отрезаны от Сан-Франциско. Мы знаем о вас, но вы не знаете о нас. Иногда случайный посетитель... вот как вы сегодня... забредает к нам или доставляется сюда с целью защитить наш маленький мирок.— Он указал на дверь судорожным жестом.— Скоро заявится наш энтузиаст Фил Реш и притащит с собой портативную «ищешь, ищешь, не найдешь». Не правда ли — он у нас большой выдумщик? На этот раз он придумал способ уничтожить и себя, и меня, и, судя по всему, вас.

— Вы, андроиды, в критических ситуациях никогда не приходите друг другу на помощь,— заметил Рик.

— Вы правы,— сказал Гарленд.— Мы несомненно испытываем недостаток одной людской способности. Той, что называется эмпатией...

Дверь кабинета резко распахнулась. Появился Фил Реш, держа в руках незнакомое Рику устройство с торчащими в разные стороны проводами.

— А вот и мы,— сказал он, вошел в кабинет и закрыл за собой дверь. Поставил устройство на кресло, в котором сидел прежде, поднял голову.

Инспектор резко вскинул в сторону Реша правую руку. В тот же миг Фил Реш (и Рик Декард тоже) бросился на пол, перекатился на спину, успев в падении выхватить пистолет, и выстрелил.

Лазерный луч, направленный опытной рукой, прожег аккуратное отверстие в черепе инспектора. Гарленд повалился на стол, из его руки вылетел миниатюрный излучатель. Потом труп медленно сполз со стола и, как мешок, тяжело повалился на пол.

— Он забыл,— сказал Реш, поднимаясь на ноги,— что это *моя* работа. Я могу почти точно предсказать поведение андроида. Полагаю, вы за время службы научились тому же.— Он спрятал лазерник, нагнулся и внимательно осмотрел останки своего бывшего начальника.— Что он вам говорил, пока я отсутствовал?

— Что он — андроид. И что вы...— Рик запнулся (в голове понеслись мысли — просчитывая, отбирая варианты, строя нужную фразу) и продолжил — ...скоро поймете, что он андроид. И пары минут не пройдет...

— А еще что?

— Что здание контролируется андроидами.

Фил Реш быстро проанализировал ситуацию:

— Это затруднит наше исчезновение... Номинально я волен входить и выходить в любое время, когда потребуется. И имею право вести с собой задержанного.— Фил Реш прислушался: из коридора не доносилось ни единого подозрительного звука.— Остается надеяться, что никто ничего не слышал. Похоже, в этом кабинете почему-то нет «жучков»...— Он осторожно пихнул тело андроида носком ботинка.— Удивительно, но работа охотника вырабатывает способность к предвидению. Я знал, что он выстрелит в меня, еще до того, как открыл дверь. И очень удивлен, что Гарленд не прикончил вас, пока я ходил за прибором.

— Это почти произошло,— сказал Рик.— Он держал меня на мушке лазера и обдумывал варианты. Но, похоже, вы беспокоили его сильнее, чем я.

— Андроид бежит туда, куда его гонит охотник за премиальными,— заметил Реш без тени улыбки.— Наверное, вы понимаете, что надо вернуться в театр и отправить Любу Люфт в отставку прежде, чем ей сообщат, что здесь произошло. Скажите, вы тоже не считаете их личностями?

— Какое-то время считал,— сказал Рик.— Меня иногда мучила совесть, и я проклинал работу, которой приходилось заниматься. Это была моя защитная реакция от самого себя. Но

теперь все изменилось. Вы правы, я сейчас же вернусь в оперный театр. При условии, что вы поможете мне выбраться отсюда.

— Если мы усадим Гарленда на стул...— Реш приподнял тело андроида, посадил на стул, придав рукам, туловищу и голове вполне естественное положение.— Если не присматриваться... А еще лучше, если никто не войдет в кабинет...— Фил Реш включил интерком и объявил: — Инспектор Гарленд просит не беспокоить его вызовами в ближайшие полчаса. Он занят очень важным следственным экспериментом, который ни в коем случае нельзя прерывать.

— Да, мистер Реш,— ответили ему.

Отключив интерком, Фил Реш повернулся к Рику:

— Пока мы находимся внутри здания, мне придется надеть на вас наручники. Но как только мы сядем в кар, я, естественно, их тут же сниму.— Он достал наручники и защелкнул их на запястьях Рика.— Идемте, нам здесь больше нечего делать.— Он шумно вздохнул, расправил плечи и пинком открыл дверь.

Полицейские в форме стояли и сидели тут и там, занимаясь своей ежедневной работой. Никто из них не обратил внимания, или по крайней мере сделал вид, что не обратил внимания на то, как Фил Реш вел Рика к лифту.

— У меня есть опасения...— прошептал Реш, пока они ждали кабину лифта.— Если внутри Гарленда имеется устройство, сигнализирующее о гибели андроида...— Он пожал плечами.— Впрочем, устройство уже должно было подать сигнал об уничтожении, и если...

Двери лифта распахнулись, из него вышло несколько мужчин и женщин с блеклыми и незапоминающимися лицами. На Рика и Реша по-прежнему не обращали внимания.

— Как полагаете, ваш департамент возьмет меня на работу? — спросил Реш, когда закрылись двери, отделив их от полицейских в вестибюле.

Он нажал кнопку с надписью «КРЫША», и кабина бесшумно двинулась вверх.

— Сюда-то я всяко не вернусь,— продолжал Реш.— Так что я теперь безработный.

— Я... не вижу причин для отказа,— сдержанно сказал Рик.— Правда, у нас в штате уже есть два охотника...

«Я обязан ему сказать,— подумал он.— Хотя это жестоко, и не только по отношению к Решу...»

Но как произнести эти слова?.. «Мистер Реш, вы — андроид,— подумал он,— вы вытащили меня из такой ужасной передряги, и вот вам награда за мое спасение. Почему?.. Потому!

Ведь вы то, что мы оба ненавидим и презираем. Вы — главная цель, на которую направлена вся наша система уничтожения».

— Нет, ну это просто непостижимо,— сказал Фил Реш.— Просто невозможно! Я три года проработал под началом у андроидов. Почему я не заподозрил? Ведь наверняка возникали ситуации, когда можно было заподозрить обман и провести тест.

— Возможно, и не три года. Возможно, они внедрились в это здание несколько позднее.

— Они были здесь все время. Гарленд был моим непосредственным начальником все три года, что я здесь работаю.

— Он мне рассказал, что они прибыли на Землю большой группой, все вместе. И произошло это всего несколько месяцев назад, а не три года.

— Значит, поначалу существовал настоящий Гарленд,— сказал Фил Реш.— А в какой-то момент андроид занял его место.— Акулоподобное лицо Фила Реша вытянулось еще сильнее, он изо всех сил пытался понять происходящее.— Или... Или меня наградили искусственной памятью. Возможно, поэтому я и помню Гарленда столько времени. Но...— Скулы его закаменели, потом в лицо бросилась кровь.— Но ведь искусственную память можно внедрить только андроидам. Опыты подтвердили неэффективность ее использования в отношении людей.

Кабина остановилась, дверцы разъехались, и взорам охотников открылась безлюдная крыша. Ни было ни одного полицейского. Только кары спокойно стояли на своих местах.

— Вперед! — Реш распахнул дверцу ближайшего ховера.

Рик забрался в кабину, Реш сел за руль и запустил двигатель. Через секунду кар взмыл в воздух, заложил крутой вираж и устремился на север, в направлении военно-мемориального оперного театра. Озабоченный Фил Реш вел ховер автоматически, было видно, что его мозг переполняли самые мрачные подозрения.

— Послушайте, Декард,— сказал он вдруг.— После того, как мы отправим в отставку Любу Люфт... Я хочу заранее попросить вас...— Голос его, хриплый и приглушенный, на миг прервался.— Вы меня понимаете. Проверьте меня по тесту Бонели или по своей эмпатической шкале. Чтобы узнать, кто я такой.

— Мы поговорим об этом позже,— сказал уклончиво Рик.

— Вы не хотите проверять меня, так? — Реш понимающе посмотрел на Рика.— Полагаю, вам прекрасно известно, каким окажется результат. Гарленд, должно быть, вам что-то рассказал. Поделился неизвестными мне фактами...

— Нам предстоит нелегкая работа,— оборвал его Рик.— Думаю, даже вдвоем мы справимся с Любой Люфт не без труда. Она

оказалась шустрее, чем я предполагал. Так что давайте для начала сосредоточим все свое внимание на ней.

— Дело не только в искусственной памяти.— Фил Реш будто его и не слышал.— У меня есть животное. Не эрзац, не электрическое, а настоящее, понимаете? Белка. Я люблю свою белку, Декард. Каждое чертово утро я ее кормлю и меняю ей бумажную подстилку... Вы понимаете, чтобы в клетке было чисто... А когда вечером возвращаюсь с работы, выпускаю ее из клетки, и она скачет по всей квартире, где ей вздумается. У нее в клетке есть колесо, вы когда-нибудь видели, как белка бегает в колесе? Она бежит и бежит, но колесо крутится, и белка остается на одном и том же месте. И мне кажется, что Баффи это нравится.

— А мне кажется, что белки не слишком смышлены,— сказал Рик.

Они продолжали лететь, но в кабине воцарилась тишина.

ГЛАВА 12

В оперном театре Рику Декарду и Филу Решу сообщили, что репетиция уже закончилась и мисс Люфт покинула здание.

— Она не сказала, куда собирается пойти? — спросил Фил Реш у рабочего сцены, предъявив идентификат.

— В музей,— ответил рабочий, внимательно изучая документ.— Она сказала, что хочет осмотреть выставку работ Эдварда Мунка[1]. Завтра выставка заканчивается.

«А Люба Люфт закончится еще сегодня»,— добавил про себя Рик.

Они двинулись к зданию музея, которое находилось в пяти минутах ходьбы от театра.

— Неужели вы надеетесь застать ее там? — поинтересовался Фил Реш.— Она наверняка удрала. Вряд ли мы найдем ее в музее.

— Может быть, и так,— сказал Рик.

Войдя в здание музея и выяснив, где находится выставка работ Мунка, они поднялись на нужный этаж. Вскоре они уже блуждали по залам, разглядывая картины и гравюры на дереве. К удивлению Рика, на выставке было многолюдно. Пришел даже целый класс грамматической школы. Пронзительный голос учительницы, казалось, заполнял все выставочные помещения. «Такой голос ожидаешь услышать от анди,— усмехнулся Рик.— И полагаешь, что анди и выглядит столь же уродливо. Но не тут-

[1] Эдвард Мунк (1863 — 1944) — норвежский живописец и график.

то было — их голоса звучат мелодично, а внешне они...— Он вспомнил Рэчел Роузен и Любу Люфт.— Даже человек, стоящий рядом со мной... Точнее, стоящая рядом со мной вещь...»

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы дома у анди было какое-нибудь домашнее животное? — спросил Реш.

По какой-то неосознанной причине Рик почувствовал настоятельную потребность быть жестоко-честным. Возможно, он уже начал внутренне готовиться к тому, что ждало его впереди.

— Я знаю о двух случаях, когда анди владели животными и заботились о них. Такое бывает очень редко. Анди, как правило, не в состоянии содержать настоящих животных в порядке. Для того чтобы выжить, питомцы, помимо корма, должны получать от хозяина доброту и сочувствие. За исключением, возможно, рептилий и насекомых.

— А белка требует к себе доброты и сочувствия? Ей нужна атмосфера любви? Ведь Баффи чувствует себя прекрасно, шерстка у нее гладкая-прегладкая. Я через день чищу ее и расчесываю.

Возле одной картины Фил Реш остановился и впился в полотно глазами. На картине, написанной маслом, было изображено безволосое измученное создание с головой, похожей на перевернутую грушу. Руками существо в ужасе зажимало уши, рот был разорван в беззвучном крике. Звуковые волны от его крика разбегались в разные стороны, заполняли окружающее пространство; создание — то ли мужчина, то ли женщина — оказалось пленником собственного вопля. Оно одиноко стояло на мосту, и вокруг не было никого, кто мог бы услышать его. И крик отчаяния был ему другом.[1]

— Кроме полотна, он сделал еще и гравюру на дереве,— сказал Рик, прочитав табличку под картиной.

— Думаю,— произнес Фил Реш,— именно так должен чувствовать себя анди.— Реш жестами изобразил вокруг своей головы ментальные вопли-волны, какие нарисовал художник.— Нет, я не чувствую в себе такого ужаса, а раз так, то, возможно, я вовсе и не анд...— Он запнулся, потому что к картине приблизилась группа посетителей музея.

— *Люба Люфт здесь.*— Рик глазами указал на певицу.

Фил Реш тут же забыл про картину, мрачные мысли и страх. Оба охотника двинулись в сторону мисс Люфт размеренной, неторопливой походкой, ничем не показывая своих намерений. Сохранять атмосферу спокойствия и обыденности было жизненно необходимо. Находившиеся в зале люди даже не догадыва-

[1] Речь идет о картине Эдварда Мунка «Крик».

лись о том, что среди них андроид. Охотник обязан защитить их любой ценой, даже в ущерб своей карьере.

На Любе Люфт были блестящие зауженные книзу брюки и отливающий золотом жилет. Сжимая в руке каталог выставки и ничего не замечая вокруг, певица стояла перед картиной с изображением совсем юной обнаженной девушки, сидящей на краю кровати[1]. На лице мисс Люфт застыло выражение изумления и благоговейного страха.

— Вы не позволите мне купить эту картину для вас? — спросил Рик.

Он стоял уже вплотную к Любе Люфт, чуть сбоку и сзади, придерживая ее за левый локоть, легко и в то же время уверенно, как бы демонстрируя, что она в его власти и ему ничего не стоит скрутить ее в мгновение ока. С другой стороны зашел Фил Реш, положил левую руку девушке на плечо, а правую держал под пиджаком, и пиджак в этом месте явно оттопыривался: Фил Реш не собирался играть в кошки-мышки, как в случае с инспектором Гарлендом.

— Эти картины не продаются.— Люба Люфт лениво глянула на Рика, узнала, и ее взгляд тут же наполнился яростью. Потом глаза ее сузились, а лицо побледнело, как будто тело певицы превратилось в труп и начало разлагаться, как будто жизненная энергия ушла из него, дав старт процессу автоматического превращения в руины.— Я думала, вас арестовали. Неужели вам позволили уйти?

— Мисс Люфт,— сказал Рик,— это мистер Реш... Фил Реш, это хорошо известная оперная певица Люба Люфт.— Он снова повернулся к Любе: — А тот бык-патрульный, что меня арестовал, оказался андроидом. Как и его начальник, инспектор Гарленд. Вы ведь знаете... вернее, вы ведь знали инспектора Гарленда? Он рассказал мне, что вы прибыли на Землю все вместе, на одном корабле.

— Полицейский департамент, куда вы обратились за помощью,— добавил Фил Реш,— располагается в здании на Мишнстрит. Они помогали вашей группе поддерживать между собой связь. Анди оказались настолько самоуверенными, что даже приняли на работу человека, охотника за премиальными. Очевидно...

— Это вас, что ли? — перебила его Люба Люфт.— Вы человек не больше, чем я. Вы тоже андроид.

В воздухе повисла напряженная тишина. Затем Фил Реш, сохраняя самообладание, произнес:

— Хорошо. Но со мной мы разберемся в надлежащее время.— Он повернулся Рику: — Давайте поскорее отведем ее в кар.

---

[1] Речь идет о картине Эдварда Мунка «Половая зрелость».

Взяв Любу под руки — как два кавалера,— они направились к лифту. Певица не горела желанием идти вместе с ними, но, с другой стороны, и не слишком сопротивлялась; казалось, она примирилась с судьбой. Рик уже сталкивался с подобной реакцией андроидов на критические ситуации. Искусственная жизненная сила, превращающая анди в подобие людей, при слишком сильном давлении обстоятельств покидала их. Впрочем, не всех.

И сила эта могла возродиться в андроиде, внезапно и яростно.

Андроиды, однако, имели мощную внутреннюю установку не выделяться в толпе. И потому в музее, в окружении большого числа людей, Люба Люфт наверняка не станет прибегать к активному сопротивлению. Реальная стычка — и для нее, скорее всего, последняя — начнется в ховеркаре, где они будут скрыты от посторонних глаз. Оставшись с охотниками наедине, она с ужасающей внезапностью сможет отправить к чертям собачьим все изначальные запреты. Рик готовился к вспышке ее ярости и заставил себя не думать больше о Филе Реше. В конце концов, Реш сам сказал, что с ним разберутся в надлежащее время...

В конце коридора, в холле рядом с лифтами, располагался небольшой лоток, где продавались эстампы и книги по искусству. Люба Люфт остановилась возле него и повернулась к Рику:

— Послушайте! — Лицо ее слегка порозовело; она опять, на сей раз ненадолго, выглядела живой: — Купите мне репродукцию картины, на которую я смотрела, когда вы нашли меня. Ту, где девушка сидит на кровати...

Рик секунду подумал и обратился к продавщице, среднего возраста женщине со стянутыми в узел седыми волосами:

— У вас есть репродукция «Половой зрелости» Мунка?

— Только в альбоме его избранных работ,— ответила продавщица, снимая с полки красивый глянцевый том.— Двадцать пять долларов.

— Беру,— сказал Рик и полез за бумажником.

— Финансовый отдел моего департамента,— заметил Фил Реш,— и за миллион лет бы не выделил...

— Это мои собственные деньги! — Рик отдал продавщице банкноты, а Любе — альбом.— Теперь в лифт, едем вниз.

— Очень мило с вашей стороны,— сказала Люба, когда они оказались в кабине лифта.— Что-то есть в вас, людях, очень странное и трогательное. Андроид бы на вашем месте никогда так не поступил.— Она пронзила взглядом Фила Реша.— Ему бы и в голову не пришло. Как он сказал, «и за миллион лет бы не выделил...» — Она продолжала пристально смотреть на Реша, теперь уже с явным отвращением и ненавистью.— Я дей-

ствительно не люблю андроидов. С тех пор, как я прилетела с Марса, я занималась только тем, что подражала женщинам. Я старалась поступать так, как поступила бы нормальная женщина, я принимала решения и действовала так, будто у меня возникали мысли и стремления настоящего человека. Я подражала, насколько мне известно, высшей форме жизни...— Она усмехнулась Филу Решу: — Так ведь и с тобой происходит, Реш? Стараешься подражать...

— Я не намерен ее больше слушать! — Фил Реш сунул руку в карман пальто.

— Подождите! — Рик попытался схватить Фила Реша за руку, но тот увернулся, отступил на шаг.— Тест Бонели,— напомнил Рик.

— Она же сама призналась! Она — андроид! Чего тут ждать!

— Отправить анди в отставку только из-за того, что он тебя подколол?.. Отдайте пистолет! — Рик снова попытался отобрать у Реша лазерник, но тот опять увернулся. Однако, и уворачиваясь, он смотрел не на Рика, а на Любу Люфт, следил за ней пристально, не спуская глаз, подстерегал любое ее движение...

— О'кей,— сказал Рик.— В отставку ее!.. Прямо сейчас!.. Докажите, что она права.— Он вдруг понял, что Реш сейчас так и поступит, что он готов прикончить анди прямо здесь, в лифте, и крикнул: — Подождите!..

Однако Фил Реш уже выстрелил. Люба Люфт еще успела отшатнуться и втиснуться в угол, так что луч прошел мимо, но Реш сдвинул ствол пистолета за ней, и луч беззвучно прожег отверстие в ее животе. И тогда она начала кричать. Она сидела в углу на корточках, скрючившись и прижавшись к стенке лифта, и продолжала кричать.

«Как на картине»,— подумал Рик и, достав свой пистолет, добил ее. Люба Люфт поперхнулась и ничком повалилась на пол. И то, что осталось от нее, ни разу даже не дернулось.

А Рик начал превращать в пепел страницы альбома, который всего несколько минут назад купил Любе. Он жег его старательно, не глядя на Реша и не говоря ни слова. Реш следил за Риком с недоуменным лицом, он явно не понимал происходящего.

— Вы же могли оставить альбом себе,— сказал он, когда Рик закончил.— Он обошелся вам...

— Как вы думаете, у андроидов есть души? — оборвал его Рик.

По-петушиному наклонив голову набок, Фил Реш посмотрел на него с еще большим замешательством.

— Я могу позволить себе это...— Рик кивнул на кучку пепла.— Я сегодня уже заработал три тысячи долларов.

— Вы считаете и Гарленда? — спросил Фил Реш.— Но ведь его убил я, а не вы. Вы в тот момент лежали на полу. Да и Люба тоже... Это я отправил ее в отставку.

— Любопытно,— сказал Рик,— где вы собираетесь получить деньги: в своем департаменте или в нашем? Когда мы доберемся до вашего кара, я проведу тест Бонели или Войта-Кампфа, и тогда с вами все станет ясно. Хотя, насколько я помню, вас в моем списке нет.— Дрожащими руками он открыл кейс, перебрал ориентировки.— Нет, вас в моем списке нет. Так что юридически я не могу заявлять права на вас, как на Любу Люфт и Гарленда.

— Вы уверены, что я андроид? Это то, что вам рассказал Гарленд?

— Да, это то, что мне рассказал Гарленд.

— А вдруг он пудрил вам мозги,— сказал Фил Реш.— Чтобы столкнуть нас лбами. Чтобы мы не могли действовать заодно, как у нас сейчас получилось. Мы будем идиотами, если позволим столкнуть нас лбами. Кстати, вы были абсолютно правы в отношении Любы Люфт. Мне следовало держать себя в руках даже тогда, когда она попыталась разозлить меня. Да, для охотника главное — уметь подавить в себе любое мешающее работе чувство. Но подумайте сами, мы бы так или иначе отправили Любу Люфт в отставку. Ну, случилось бы это не сейчас, а через полчаса! Ей бы не хватило времени даже на то, чтобы посмотреть купленный вами альбом. И я по-прежнему считаю, что вы зря его уничтожили, это бессмысленная трата. Я не понимаю этот ваш поступок, вы поступили совершенно нерационально.

— Я завязываю с этим бизнесом,— сказал Рик.

— И чем займетесь?

— Да чем угодно! Стану страховым агентом, как написано в ориентировке на Гарленда. Или эмигрирую. Точно! — Рик кивнул.— Отправлюсь на Марс.

— Но ведь кто-то должен делать и эту работу.

— Пусть используют андроидов. Будет гораздо лучше, если охотой на анди займутся анди. А с меня достаточно! Я больше не могу!... Она была прекрасной певицей. Думаю, даже лучшей на Земле. Это безумие!

— Нет, это необходимость! Вспомните: чтобы сбежать, анди убивают людей! Не вытащи я вас с Мишн-стрит, вас бы там прикончили. Гарленд держал меня именно для такой грязной работы. Именно для этого он вызвал меня в свой кабинет, когда вас привезли. А Полоков? Вы же говорили, что он едва не прикончил вас. А Люба Люфт? Ведь и она тоже... Мы вынуждены прибегать к насилию, потому что защищаемся. Это они проник-

ли на нашу планету. Они — убийцы, лица без гражданских прав, маскирующиеся под...

— Под полицейских,— сказал Рик.— Под охотников за премиальными.

— Хорошо! — Реш поджал губы.— Проверьте меня на тест Бонели. Возможно, Гарленд солгал. Я просто уверен, что он солгал... Искусственная память не может быть настолько подробной. К тому же, у меня белка!

— Да-да, ваша белка. Я и забыл о вашей белке.

— Если я — анди,— сказал Фил Реш,— и вы убьете меня, вы можете забрать мою белку. Я прямо сейчас напишу, что завещаю ее вам.

— Анди не владеют собственностью, поэтому им бессмысленно писать завещание.

— Ладно... Тогда вы просто отправитесь ко мне домой и заберете Баффи.

— Возможно, так и будет,— кивнул Рик.

Кабина остановилась на первом этаже, дверцы разъехались.

— Оставайтесь с Любой,— сказал Рик.— Я вызову патрульную машину, чтобы труп забрали во Дворец правосудия. Пусть сделают анализ костного мозга.— Рик покрутил головой, увидел будку видеофона, вошел, опустил монету и трясущимися пальцами набрал номер.

«Она была превосходной певицей,— сказал он себе, стиснув трубку.— Не понимаю, как этот великий талант мог оказаться опасным для нашего общества? — Он доложил о случившемся в департамент и повесил трубку.— Нет,— сказал он себе.— Она вовсе не была великим талантом. Она была всего-навсего андроидом. Как Фил Реш, который не менее опасен, и по тем же самым причинам. Так что мне не стоит раскисать».

Он вышел из будки и вернулся к лифту. Вокруг Фила Реша и тела Любы Люфт уже толпились люди. Кто-то набросил на останки девушки-андроида пальто. Пальто принадлежало не Решу.

Тот с энергичным видом стоял чуть в стороне и курил короткую серую сигару.

— Я льщу себя надеждой,— сказал ему Рик,— что тест квалифицирует вас как андроида.

— До чего же вы ненавидите меня! — ответил с некоторым восхищением Фил Реш.— Как быстро все меняется! На Мишнстрит вы почему-то относились ко мне с противоположными чувствами. Впрочем, там я спасал вашу жизнь...

— Да, вы прикончили Гарленда. И с тем же усердием убили Любу. Вы убиваете не так, как я... Вы убиваете иначе, вы даже

не пытаетесь... Ч-черт! — Рик с трудом сдержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу.— Теперь я все понял! Вам нравится убивать. Вам всего лишь требуется предлог. Если у вас появится предлог, вы тут же укокошите и меня. Вот почему вам так понравилась идея, что Гарленд — андроид. Это открывало возможность для его убийства. Интересно, как вы поступите, если завалитесь на тесте Бонели. Убьете себя? Иногда андроиды прибегают к суициду.

Впрочем, Рик знал, что случалось подобное крайне редко.

— Да, я сам о себе позабочусь,— сказал Фил Реш.— Вам не стоит волноваться об этом, ваша задача — провести тестирование.

Прибыла патрульная машина. Из нее выпрыгнули двое полицейских, оценили ситуацию, без проблем продрались через толпу. Один из них узнал Рика и кивнул ему.

«Наконец-то мы можем убраться,— подумал Рик.— Здесь мы свою работу выполнили. До конца».

Они вернулись к зданию оперного театра, на крыше которого был оставлен ховеркар. И тут Реш сказал:

— Я отдам вам свой лазерник. Прямо сейчас, чтобы у вас не было опасений по поводу моей реакции на результаты теста. Короче, для вашей личной безопасности.— Он протянул Рику пистолет.

Тот забрал оружие. И спросил:

— Как же вы убьете себя, если результаты окажутся негативными?

— Я остановлю дыхание.

— Боже праведный! — воскликнул Рик.— Это же невозможно!

— Если я андроид, то возможно. У анди отсутствует спонтанное включение блуждающего нерва,— объяснил Фил Реш.— В отличие от людей. Разве вам не говорили, когда учили на охотника? Я знаю об этом уже много лет.

— Но умереть таким способом...— возразил Рик.

— Это совсем не больно.

— Но это же... э-э-э...— Подходящих слов Рик так и не нашел.

— Впрочем, я не думаю, что мне придется прибегнуть к данной процедуре,— заметил Фил Реш.

Они поднялись на крышу военно-мемориального оперного театра, где стоял ховеркар.

Заняв сиденье водителя и закрыв за собой дверь, Фил Реш сказал:

— Я бы предпочел пройти тест Бонели.

— Нет,— ответил Рик.— Я не знаю методики анализа.

«Ведь тогда мне придется полагаться на твою интерпретацию данных,— мысленно добавил он.— Так что этот номер не пройдет».

— Вы сообщите мне результат, не так ли? — спросил Фил Реш.— Если я — андроид, вы мне скажете об этом?

— Разумеется.

— Я действительно хочу знать правду. Я должен ее узнать.— Фил Реш вновь закурил сигару, покрутился на сиденье, стараясь устроиться поудобнее, но подходящей позы так и не нашел.— Вам действительно нравятся работы Мунка? — спросил он.— Те, что рассматривала Люба Люфт?.. Меня они не тронули. Мне вообще не интересен реализм. Мне нравится Пикассо и...

— «Половая зрелость» датирована тысяча восемьсот девяносто четвертым годом,— сказал Рик.— В то время не было ничего, кроме реализма. Вы должны принять это во внимание.

— Но ведь другая картина, та, на которой изображен зажавший уши и кричащий человек... она совсем иная.

Открыв кейс, Рик принялся выуживать из него элементы тестера.

— Сложный аппарат,— заметил Фил Реш, внимательно наблюдая за Риком.— Сколько вопросов вы мне зададите, чтобы сделать окончательный вывод?

— Шесть или семь.— Рик протянул Филу Решу адгезивную пластинку.— Прилепите к щеке. Поплотнее. Кроме того, в ваш глаз будет направлен луч света. Не дергайтесь, глазное яблоко должно оставаться неподвижным.

— Рефлекторные сокращения мышц,— сразу понял Фил Реш.— Но раздражитель не физический. Вы будете задавать устные вопросы... Это то, что мы называем реакцией вздрагивания.

— Вы полагаете, что сможете ее контролировать? — спросил Рик.

— Наверное, нет. Со временем, может быть. Но на начальной стадии сознательный контроль невозможен. Если только...— Он запнулся.— Начинайте. Я нервничаю и слишком разболтался... Извините!

— Говорите все, что вздумается,— сказал Рик.

«Говори-говори,— подумал Рик.— До могилы тебе рукой подать. Если ты, конечно, представляешь ее себе. А мне до лампочки».

— Если тест докажет, что я — андроид,— сказал Фил Реш,— вам предстоит вновь обрести веру в человечество. Если же получится по-другому, придется вам создавать новую идеологию, которая будет объяснять...

— Я готов задать первый вопрос,— оборвал его Рик.

Тестер был полностью собран, и стрелки двух индикаторов чуть подрагивали, ожидая информации.

— Регистрируемый фактор — время ответной реакции, так что отвечайте как можно быстрее.— Первый вопрос Рик мог выбрать и по памяти.

Тестирование началось.

* * *

А когда закончилось, Рик какое-то время сидел в полной тишине. Затем начал разбирать тестер, складывая его элементы в кейс.

— Я вижу ответ на вашем лице! — Фил Реш вздохнул с абсолютно невесомым, почти конвульсивным облегчением.— О'кей, не вернете ли мою пушку? — Он нетерпеливо протянул руку.

— Похоже, вы были правы.— Рик положил лазерник на открытую ладонь Реша.— Я имею в виду планы Гарленда... Он, как вы и предполагали, хотел столкнуть нас лбами.— Рик чувствовал, что полностью разбит, и физически, и морально.

— Вы уже сформулировали основные принципы новой идеологии? — спросил Фил Реш.— Те, которые объяснят мое поведение как представителя человеческой расы?

— В вашей эмпатических способностях есть дефект. Но наш тест его не определяет. Ваши чувства по отношению к андроидам.

— Несомненно, это не проверишь.

— А может, и стоило бы...

Рик никогда прежде не задумывался об этом, никогда не относился с сочувствием к андроидам, которых убивал. Он всегда воспринимал андроидов как умные механизмы, по крайней мере, так ему подсказывало сознание. Но в своем отношении к анди он явно отличался от Фила Реша. И инстинктивно чувствовал, что прав.

«Что это? — спросил он себя.— Эмпатия по отношению к искусственно созданной структуре?.. К тому, что только притворяется живым?.. Но ведь Люба Люфт выглядела подлинно живой, в ней не было даже намека на подделку».

— Вы понимаете, что произойдет,— тихо сказал Фил Реш,— если мы поставим андроидов и животных, в смысле эмпатической идентификации, на одну доску?

— Мы не сможем защищать себя.

— Вот именно! Эта новая модель, «Нексус-6»... Они сделают из нас отбивную. Вы и я, все охотники за премиальными — мы стоим между «Нексус-6» и человечеством, мы барьер, который разделяет две различности. Кроме того...— Он замер, обнаружив, что Рик вновь достает элементы тестера.— Я думал, проверка закончена.

— Я хочу задать вопрос самому себе,— пояснил Рик.— А вы мне скажете, что зарегистрируют стрелки приборов. Вы отмети-

те показания, а вывод я сделаю сам.— Он прилепил адгезивный диск к щеке, установил «карандаш» так, что луч падал ему точно в глаз.— Вы готовы? Следите за стрелками. Задержку времени засекать не будем, я хочу знать лишь величину показаний.

— Я готов,— ответил любезно Фил Реш.

— Я спускаюсь на лифте вместе с андроидом, которого только что поймал,— громко сказал Рик.— Внезапно кто-то убивает его... без предупреждения.

— Почти нет реакции,— сообщил Фил Реш.

— На каком уровне остановились стрелки?

— Левая — на 2,8. Правая — на 3,3.

— Андроид был женщиной,— громко сказал Рик.

— Теперь они соответственно на 4,0 и 6,0.

— Слишком много,— заметил Рик. Он снял со щеки адгезивный диск и выключил свет.— Реакция явно эмпатическая,— продолжал он.— Этот уровень соответствует ответам на большинство вопросов. Выше только экстремальные, которые связаны с использованием детской кожи в декоративных целях... В общем, вопросы патологического характера.

— Каковы же выводы?

— Я проявляю эмпатическую реакцию только на определенных андроидов,— сказал Рик.

«Например, на Любу Люфт,— добавил он мысленно.— Так что я ошибался. В реакции Фила Реша нет ничего неестественного и нечеловеческого. Дело во *мне* самом».

Он глянул на Реша. Тот молчал

«Интересно,— подумал Рик,— а до меня испытывал ли кто-либо из людей такую жалость к андроидам?.. Конечно, я едва ли впредь столкнусь с похожей ситуацией. Скорее всего, моя реакция аномальна, и в ней повинны чувства, вызванные „Волшебной флейтой", голосом Любы, ее состоявшейся карьерой. Раньше я ничего подобного не испытывал. По крайней мере, не обращал внимания. Ни с Полоковым, ни с Гарлендом. И,— понял Рик,— если бы я получил доказательства, что Фил Реш — андроид, я бы прикончил его безо всякого сочувствия. По крайней мере, после смерти Любы».

Он опять посмотрел на Реша. И задал себе новый вопрос.

«А велики ли отличия между подлинно живущими людьми и человекоподобными созданиями? — подумал он.— В музейном лифте я спускался вниз с двумя существами, одно из них было человеком, другое же — андроидом... Но мои чувства теперь совершенно переменились. Они противоположны общепринятым. Они противоположны тем, которые я *привык* испытывать. Так что же это?»

— Вы в затруднительном положении, Декард,— произнес Фил Реш, как показалось Рику, не без удовольствия.

— И что же мне делать?

— Виной всему секс,— сказал Фил Реш.

— Секс?

— Причина в том, что она... вернее, он, андроид, был для вас физически привлекателен. Хотя с вашей точки зрения будет правильнее сказать «привлекательна»... Раньше с вами ничего подобного не случалось? — Фил Реш рассмеялся.— Нас учили, что главная проблема в работе охотника — половое влечение. Разве вам не известно, Декард, что колонисты имеют любовниц-андроидов?

— Это же незаконно,— заметил Рик, сразу вспомнив соответствующую статью колониального законодательства.

— Конечно, половая связь человека и андроида запрещена законом. Но и любые сексуальные вариации противозаконны. Однако люди всегда идут на такие связи.

— Но если это не секс, а настоящая любовь?

— Любовь — всего лишь иное имя секса.

— А любовь к родной стране? Или любовь к музыке?

— Если ваша любовь направлена на женщину или на андроида в женском обличье, это секс,— сказал Риш.— Да придите вы в себя, Декард, и посмотрите правде в глаза. Вы хотите уложить в постель андроида в женском обличье — не больше и не меньше! Со мной однажды было нечто подобное. Я только-только начал работать охотником. Не падайте духом, все это пройдет. Просто случившееся шло наперекор привычному порядку. Не вы ее убили, вы лишь присутствовали при том, как ее убили. И почувствовали к ней физическое влечение. Я вам советую повторить. Только сделайте все в обратной последовательности.

Рик уставился на него:

— Сначала переспать с ней...

— ..а затем ее убить,— коротко сказал Фил Реш. На его лице застыла жесткая улыбка.

«Ты чертовски хороший охотник за премиальными,— подумал Рик.— И твое отношение к анди доказывает это. А вот я?..»

Неожиданно, впервые за время работы охотником, он вдруг засомневался в себе.

ГЛАВА 13

Дорога с работы домой была сегодня поистине бесконечной.

«Там ли она еще? — спрашивал себя Джон Р. Изидор, пересекая темнеющее небо по огромной дуге.— Неужели сидит одна

в переполненной хламьем квартире и смотрит по телевизору Бастера Френдли, вздрагивая от страха всякий раз, когда ей чудится, что кто-то ходит по холлу перед ее квартирой? Наверное, и меня она испугается...»

Он уже побывал на продуктовом черном рынке. И теперь на свободном сиденье лежал пакет, наполненный деликатесами — банками с соевым творогом, консервированными персиками и настоящим дьявольски ароматным сыром. Изидор был слишком взволнован и вел грузовичок неровно, рывками. Машина то поднималась, то опускалась, двигатель кашлял и взревывал после каждого резкого движения. А Изидор ругал механиков, вспоминая, что всего месяц назад отдавал грузовичок в ремонт.

Запах персиков и сыра распространился по всей кабине, проник в ноздри и вызвал чувство радостного возбуждения. На все эти деликатесы Джон ухлопал двухнедельный аванс, полученный у мистера Слоута. Мало того, под сиденьем, где она не могла упасть и разбиться, лежало самое главное его сокровище — бутылка шабли. До сих пор Изидор хранил ее в депозитном сейфе «Бэнк оф Америка» и отказывался продавать, даже когда за нее предлагали сумасшедшие деньги. Он хранил бутылку уже давно — на тот случай, если в его жизни вдруг появится девушка. И вот, наконец, это произошло — девушка появилась....

Вид заваленной хламьем крыши его дома, как обычно, подействовал на Джона очень угнетающе. Шагая от кара к лифту, он заставил себя не смотреть по сторонам, а только под ноги; он сосредоточил внимание на пакете и драгоценной бутылке; он внушал себе, что ни в коем случае не попадет в расставленные хламьем капканы и спасется от неизбежного в этом случае экономического разорения. Когда лифт, поскрипывая, прибыл, Изидор вошел и отправил его в обратный путь, но не на свой этаж, а ниже, где теперь обитала его соседка Прис Стрэттон. Остановившись перед дверью, Изидор тихонько постучал в дверь донышком бутылки, его сердце просто рвалось из груди наружу.

— Кто там? — Голос девушки, приглушенный дверью, все равно прозвучал отчетливо: испуганный, но взрезающий тишину, как лезвие ножа.

— Это Джей Эр Изидор говорит,— уверенно произнес Джон, вспомнив, как приобрел сегодня с помощью видеофона мистера Слоута власть над жизненными ситуациями.— У меня тут с собой несколько вкусностей, и я думаю, что вместе мы бы могли сообразить весьма неплохой обед.

Дверь чуть приоткрылась. Прис вглядывалась в сумрак холла. За ее спиной не горела ни одна лампа.

— Ваш голос звучит иначе,— заметила она.— Вы словно повзрослели.

— У меня было сегодня немало удачных дел. Как и обычно... И если вы вп-п-п-пустите меня...

— ...вы мне о них расскажете.— Она приоткрыла дверь пошире, так, чтобы он мог протиснуться. А затем, увидев, что он принес, вскрикнула, и лицо ее засветилось волшебной радостью.

Но почти тут же волшебная радость сменилась болезненной горечью, а лицо застыло железобетонной маской.

Джон отнес пакет и бутылку на кухню, аккуратно положил на стол и поспешил назад, в комнату.

— Что случилось? — спросил он,

— Вы потратились на меня впустую,— сказала Прис.

— Почему?

— О-о-о...— Она пожала плечами и бесцельно побрела по комнате, засунув руки в карманы тяжелой старомодной юбки.— Когда-нибудь я расскажу вам...— Она подняла на него глаза.— Во всяком случае, это очень мило с вашей стороны. Но теперь я хочу, чтобы вы ушли. У меня нет ни сил, ни желания разговаривать с кем бы то ни было.— Она нерешительно, еле переставляя ноги, двинулась в сторону двери. Похоже, сил у нее действительно не было.

— Я знаю, почему вам так плохо,— сказал Джон.

— Да? — Голос ее, когда она приоткрыла дверь в холл, стал совсем пустым и каким-то бесплотным.

— У вас нет друзей. Вам сейчас намного хуже, чем утром, когда мы познакомились, и это потому...

— У меня есть друзья! — Голос ее внезапно обрел твердость и энергичность.— Вернее, были. Семеро друзей. Столько их было вначале, но с тех пор уже поработали охотники за премиальными. Так что некоторые из них, а возможно, и все, мертвы.— Она побрела к окну, глянула в черноту ночи с редкими хилыми огоньками в соседних домах.— Возможно, сейчас я и вовсе осталась в живых одна из всей нашей восьмерки. Так что, может, вы и правы. И у меня уже нет друзей...

— Кто такие охотники за премиальными?

— Вот это здорово!.. Похоже, вы, люди, даже не предполагаете, что они существуют. Охотник за премиальными — это профессиональный убийца, которому дается список тех, кого надо убить. За это ему платят премию. В настоящее время, насколько мне известно, тысячу долларов за каждого, до

кого он доберется. Обычно он работает по контракту с городскими властями, так что получает и жалованье. Однако, чтобы у него был стимул работать, жалованье ему платят весьма и весьма скромное.

— Вы уверены? — спросил Изидор.

— Да,— кивнула она.— Вы хотели спросить, уверена ли я, что у него есть стимул? Да, у него есть стимул. И еще какой! Он получает наслаждение от своей работы.

— Думаю, вы ошибаетесь,— сказал Изидор.

Никогда в жизни он не слыхал о таких мерзостях. Бастер Френдли, к примеру, о них не рассказывал.

— Это никак не соответствует нынешней этике мерсеризма,— продолжал он.— Все живое едино. Нет человека, который был бы как остров, как сказал когда-то Шекспир.

— Это сказал Джон Донн.

— Неважно! — Изидор, волнуясь, замахал руками.— В жизни своей не слышал ничего ужаснее! Разве вы не можете позвонить в полицию?

— Нет.

— И они охотятся за *вами*? Они могут прийти сюда и убить *вас*? — Теперь Изидор понял, почему в поведении девушки ощущалась такая скрытность.— Ничего удивительного, что вы так испуганы и никого не хотите видеть.

Но тут он подумал, что Прис, возможно, заблуждается. Либо она психопатка, и у нее мания преследования. Либо ее мозг пострадал от пыли, и она стала самым обычным специалом...

— Я достану их первым!

— Каким это образом? — Девушка слабо улыбнулась, показав ряд небольших, удивительно белых зубов.

— Я получу лицензию на право ношения лазерного пистолета. Это совсем не сложно. Здесь, вдали от центра, где почти никто не живет и полиция этот район не патрулирует, только самому и заботиться о своей безопасности. Мне обязаны разрешить.

— Ну, а когда вы будете на работе?

— Я возьму отпуск.

— Это очень мило с вашей стороны, Джей Эр Изидор,— сказала Прис,— но если охотники за премиальными уже убили остальных: и Макса Полокова, и Гарленда, и Любу, и Хаскина, и Роя Бати...— Она запнулась и скривилась.— Если Ирмгард и Рой Бати мертвы, то уже ничто не имеет значения. Они — мои лучшие друзья. Какого черта они не дают о себе знать? Какого черта?!

Джон пошел на кухню, достал из шкафа пыльные, всеми забытые тарелки, чашки и стаканы, начал мыть их в раковине. Горячая вода текла сначала тонкой ржавой струйкой, но в конце концов стала чистой. На кухне появилась Прис, уселась за стол. Джон откупорил бутылку шабли, открыл пару банок, разложил по тарелкам их содержимое.

— Что это такое белое? Нет, не сыр. Вот это,— указала Прис.

— Изготовлено из сои и сыворотки. Жаль, у меня нет...— Он перестал мыть посуду.— Это едят с мясной подливкой.

— Андроид,— пробормотала Прис.— Обычно такие промахи совершают андроиды. На мелочах их и ловят.— Она обошла вокруг стола, остановилась у Джона за спиной. И вдруг, к немалому его удивлению, обняла за талию и на какое-то мимолетное мгновение прижалась к нему.— Я попробую персик...— Она осторожно взяла длинными пальцами скользкий оранжево-розовый ломтик.

И тут же, едва надкусив его, расплакалась. Холодные слезы катились по ее щекам и капали на блузку. Джон не знал, как себя вести, и потому начал открывать новую банку.

— Будь оно все проклято! — сказала с яростью Прис.— Ладно...— Она отошла от Джона и начала мерить кухню медленными шажками.— Понимаете, мы жили на Марсе. Вот почему мне многое известно об андроидах.— Голос ее дрогнул, но она справилась с собой. Было очевидно, что возможность поделиться с кем-то горем была ей просто необходима.

— И единственные люди на Земле, с которыми вы знакомы,— сказал Изидор,— это ваши друзья, экс-эмигранты?

— Мы знали друг друга еще до отлета. Мы жили в поселке неподалеку от Нового Нью-Йорка. Рой Бати и Ирмгард управляли аптекой. Он был фармацевтом, а она — специалистом по косметике... ну, там лосьоны, кремы, мази... На Марсе часто пользуются мазями и кремами, смягчающими кожу. Я...— Она заколебалась.— Я брала у Роя лекарства... Первое время я сильно в них нуждалась, потому что... ладно, все равно... Это ужасное место. Тут...— Прис резким жестом обвела квартиру.— Тут ерунда, по сравнению... Вы думаете, я страдаю потому, что одинока? Дьявол, вот на Марсе я была одинока! Там намного страшнее, чем здесь!

— А разве андроиды вам не помогали? Я слышал рекламу...— Джон, открыв, наконец, банку, принялся за еду.

Прис, глядя на него, подошла к столу, взяла стакан и пригубила, казалось, не обратив никакого внимания на вкус вина.

— Я понял так, что андроиды помогают колонистам.

— Андроиды не менее одиноки, чем люди.

— Вам нравится вино?

Прис поставила стакан на стол:

— Оно просто прекрасно.

— Это первая бутылка за три года.

— Мы вернулись,— сказала Прис,— потому что там невозможно жить. Марс не пригоден для жизни, по крайней мере, уже миллиард лет. Он немыслимо стар. Вы ощущаете его ужасающую старость даже в песке и камнях!..— Она села за стол.— Как бы то ни было, первое время я получала от Роя лекарства; я жила только на новом синтетическом болеутоляющем, на силенизине. А потом я встретила Хорста Хартмана, который тогда владел магазинчиком почтовых марок и редких открыток: там у вас столько свободного времени, что не может не появиться хобби. И Хорст заинтересовал меня доколониальной беллетристикой.

— Вы подразумеваете старые книги?

— Рассказы о космических полетах, написанные до начала эры освоения космоса.

— Как можно написать рассказ о космических полетах до того, как они начались?

— Писатели,— сказала Прис,— это умели.

— Но каким образом?

— Они фантазировали. Чаще всего ошибались. Например, когда они писали о Венере, она получалась у них настоящим раем: джунгли с огромными монстрами и женщинами, которые носили блестящие металлические нагрудники.— Она посмотрела на Изидора.— Вас заинтересуют рассказы про крупных сильных женщин с длинными светлыми волосами и блестящими нагрудниками размером с дыню?

— Нет,— сказал Джон.

— Кстати, Ирмгард — блондинка. Но некрупная... Во всяком случае, заниматься контрабандой доколониальной беллетристики — старых журналов, книг и фильмов — на Марсе выгодно. Ничто так не захватывает. Читать о городах и гигантских предприятиях, о более чем успешной колонизации. Можете себе представить, как бы все это выглядело? На что бы походил Марс?.. А каналы!..

— Каналы? — Джон смутно помнил, что когда-то о них читал: в прежние времена люди верили, что на Марсе есть каналы...

— Они пересекают планету во всех направлениях,— сказала Прис.— А кругом существа с других звезд. Были и рассказы о

Земле, где действие происходит в наше время или чуть позже и где нет никакой радиоактивной пыли.

— Наверное, от рассказов вам становилось еще хуже.

— Не становилось,— резко сказала Прис.

— А вы не прихватили с собой хоть что-нибудь из этой доколониальной беллетристики? — Изидору пришло в голову, что он непременно должен попытаться одолеть хоть одну книгу.

— На Земле они ничего не стоят, потому что хобби здесь не в моде. К тому же у вас полно книг в библиотеках: мы же их оттуда и получали. Книги воровали из земных библиотек и отправляли автоматическими ракетами на Марс. Вы стоите ночью под открытым небом, и вдруг вспышка: ракета упала, и повсюду вокруг нее валяются доколониальные журналы беллетристики. Настоящее богатство! И разумеется, вы прочитываете их от корки до корки, прежде чем продать.— Прис оживилась, тема разговора была ей интересна.— Из всех...

Послышался стук во входную дверь.

Лицо Прис посерело.

— Я не подойду,— прошептала она.— Сидите тихо, чтобы ни звука.— Она вытянула шею, прислушиваясь.— Я не помню, заперла ли двери,— произнесла она одними губами.— Боже мой, надеюсь, что заперла.— Ее безумный умоляющий взгляд остановился на Изидоре, как будто тот был способен превратить надежду в реальность.

Далекий, приглушенный мужской голос донесся из холла:

— Прис, ты здесь? Это Рой и Ирмгард. Мы получили твою открытку.

Поднявшись, Прис сходила в спальню и вернулась с ручкой и обрывком бумаги, села рядом с Изидором и торопливо нацарапала: *«Подойдите к двери вы».*

Изидор, нервничая, отобрал у нее ручку и написал в ответ: *«Что сказать?»*

Прис, едва не порвав от злости бумагу, написала: *«Посмотрите, они ли это».*

Изидор нахмурился, но поднялся и двинулся прочь из кухни. Откуда ему знать, они это или не они?.. Он открыл дверь.

Два человека стояли в полумраке холла: невысокая красивая женщина, похожая на Грету Гарбо, с голубыми глазами и почти желтыми волосами; рядом — крупный мужчина. У него были умные глаза, но широкое монголоидного типа лицо, которое придавало его внешности брутальный оттенок.

Женщина была одета в модную меховую пелерину, высокие блестящие ботинки и зауженные брюки. На мужчине была по-

трепанная рубашка и испачканные брюки, которые создавали впечатление нарочитой вульгарности. Он улыбнулся Изидору, но его яркие, прищуренные глаза остались непроницаемы.

— Мы ищем...— Маленькая белокурая женщина не договорила, посмотрев за спину Изидору. Ее лицо осветилось восторгом, и она с радостным криком прошмыгнула в квартиру: — Прис! Как ты?

Изидор обернулся. Женщины стояли в обнимку. И тогда он шагнул в сторону, пропуская в квартиру Роя Бати, крепкого и смуглолицего, с угрюмой кривой улыбочкой, замершей на губах.

ГЛАВА 14

— Мы можем говорить? — спросил Рой, кивая на Изидора.

Прис, буквально светившаяся от счастья, ответила:

— До определенной степени...— Она повернулась к Изидору: — Вы извините нас!

Она увела обоих Бати в другой угол комнаты и о чем-то с ними пошепталась. Затем все трое присоединились к Дж. Р. Изидору, который остро чувствовал неуместность своего нахождения здесь.

— Это мистер Изидор,— представила его Прис.— Он проявляет заботу обо мне.

Слова прозвучали с легким оттенком злого сарказма, и Изидор растерянно заморгал.

— Видите? — продолжала Прис.— Он принес мне натуральную еду.

— Еду...— эхом повторила Ирмгард Бати и грациозно двинулась на кухню — проверять.— Персики,— воскликнула она, убедившись, и, не дожидаясь приглашения, схватила чашку и ложку.

Улыбаясь Изидору, она откусывала от ломтика и, не жуя, проглатывала пищу: так обычно едят изголодавшиеся животные. Ее улыбка отличалась от улыбки Прис: она была просто теплой, безо всяких скрытых намеков.

Приблизившись к ней — а он чувствовал, что его влечет к блондинке даже помимо собственной воли,— Изидор спросил:

— Вы с Марса?

— Да, мы удрали.— Ее голос взлетел, будто птичка, а голубые глаза, когда она посмотрела на Джона, заискрились.— В каком ужасном здании вы живете! Здесь больше никто не живет, правда? Мы не заметили других светящихся окон.

— Я живу наверху.

— Ой, а я подумала, что вы и Прис живете вместе.— В голосе Ирмгард Бати не было и капли неодобрения: она определенно имела в виду именно то, что сказала.

Рой Бати сурово — хоть и с улыбкой на лице — сообщил:

— Ну что ж, они добрались и до Полокова.

Улыбка, появившаяся на лице Прис с появлением друзей, мгновенно растаяла.

— А еще до кого? — прохрипела девушка.

— А еще они добрались до Гарленда,— сказал Рой Бати.— И Андерса с Гитчелом. А потом, несколько часов назад, они добрались и до Любы.— Он выкладывал новость за новостью со странным энтузиазмом, будто испытывал при этом некую радость, будто ему нравилось произносить слово «добрались», будто он получал удовольствие от транса, в который впала Прис.— Я считал, что им удастся добраться до Любы, помните, я говорил об этом во время полета?..

— Так что теперь нас осталось...— прошептала Прис и не договорила.

— Всего трое,— закончила за нее Ирмгард с какой-то тревожной обстоятельностью.

— Вот почему мы здесь! — Голос Роя Бати наполнился неожиданной теплотой; казалось, он просто наслаждается неуклонным ухудшением ситуации.

Изидор никак не мог понять этого человека.

— Боже мой! — в ужасе произнесла Прис.

— У них есть ищейка,— сказала Ирмгард,— охотник за премиальными по имени Дейв Холден.— Когда она произносила имя, казалось, с ее губ капал яд.— Полоков почти прикончил его, но тот все-таки выжил.

— Он *почти* прикончил его,— эхом повторил Рой, и улыбка просто расплылась по его лицу.

— Сейчас он в госпитале, этот Холден,— продолжала Ирмгард.— И, по всей видимости, список передали другому охотнику за премиальными. Полоков едва не прикончил и того. Но охотник вывернулся и убил Полокова и тут же отправился за Любой. Мы знаем об этом, ей удалось связаться с Гарлендом, и тот прислал подмогу, охотника арестовали и привезли в здание на Мишн-стрит. Понимаешь, Люба сообщила нам сразу же после того, как человек Гарленда задержал охотника. Она не сомневалась, что все будет о'кей. Она была уверена, что Гарленд убьет охотника.— Ирмгард вздохнула и добавила: — Но, очевидно, на Мишн-стрит случилось нечто непредвиденное. Что именно, мы не знаем. И возможно, никогда уже не узнаем.

— У охотника есть список с нашими данными? — спросила Прис.

— Да, дорогая,— ответила Ирмгард.— Думаю, что да. Но он не знает, где мы находимся. Мы с Роем не вернемся в старую квартиру: мы увезли на каре все, что смогли. Мы решили поселиться в одной из квартир в этом полуразвалившемся доме.

— Вы считаете, это разумно? — осмелился спросить Изидор, собравшись с духом.— В-в-всем в одном м-м-месте?

— Они прикончили всех, кроме нас,— подытожила Ирмгард. Она, как и ее муж, казалась теперь необычно холодной, несмотря на кажущееся волнение.

«Они все выглядят очень странно»,— подумал Изидор.

Он чувствовал это, хотя и не мог определить, в чем именно заключалась странность. Как будто в их мыслях доминировала какая-то особая и пагубная *абстрактность*. Исключая, возможно, Прис: та была несомненно очень напугана. И потому казалась почти настоящей, почти естественной.

— Почему ты не живешь с ним? — спросил Рой у Прис, кивая на Изидора.— В какой-то степени он бы мог защищать тебя.

— Безмозглик? — удивилась Прис.— Я не собираюсь жить с безмозгликом! — Ее ноздри от возмущения задрожали.

— Я думаю, быть снобом в такой момент — дурнее некуда,— быстро сказала Ирмгард.— Охотники за премиальными действуют очень быстро; он может попытаться покончить с нами уже сегодня вечером. Возможно, ему пообещали дополнительную премию, если он закончит дело к ночи...

— Закрою-ка я дверь! — Рой подошел к двери и одним мощным ударом ладони захлопнул ее.— Думаю, тебе следует пойти с Изидором, Прис. А мы с Ирм устроимся где-нибудь в этом же здании. Только так мы сможем помочь друг другу. Я захватил с собой кое-какое электронное оборудование. Барахло, разумеется,— я взял его на корабле. Установлю двусторонние «жучки», так, чтобы ты, Прис, слышала, что происходит у нас, а мы бы слышали, что у тебя. Кроме того, поставлю систему сигнального оповещения на случай опасности, ее сможет включать любой из нас. Совершенно очевидно, что поддельные идентификаты не срабатывают, даже у Гарленда. Конечно, Гарленд сам накинул себе петлю на шею, приказав доставить задержанного охотника на Мишн-стрит. Это была ошибка. И Полоков, вместо того чтобы убраться от охотника как можно дальше, рискнул на него напасть. Мы не повторим их ошибок, мы затаимся.— Голос его звучал спокойно. Казалось, Рой ничуть не взволнован; наоборот, ситуация наполняет его почти маниакальной энергией.— Я счи-

таю...— Он шумно задышал, завладевая вниманием всех присутствующих в комнате, включая Изидора.— Я думаю, мы трое остались в живых неспроста. Я думаю, что если бы у охотника была информация о том, где мы можем находиться, он бы уже появился здесь. Ведь основное правило охотника — работать с дьявольской быстротой. Чем быстрее он действует, тем больше заработает.

— А раз он медлителен,— кивнула Ирмгард,— мы удерем от него, как уже удрали сегодня. Я уверена, что Рой прав. Я уверена, что охотнику известны только наши имена, но не местонахождение. Бедняжка Люба... Устроиться на работу в военно-мемориальный оперный театр, да еще перед самым открытием сезона! Отыскать ее можно было без труда...

— Ну, она сама того пожелала,— сказал Рой.— Она верила, что окажется в безопасности, если займет место в обществе.

— По крайней мере, ты ее предупреждал,— напомнила Ирмгард.

— Да,— согласился Рой.— Я предупреждал ее. Предупреждал я и Полокова, чтобы он не выдавал себя за сотрудника ВПУ. И Гарленда я предупреждал, что он плохо кончит и что его отправит в отставку один из охотников, находящихся в его же подчинении. Что, скорее всего, и произошло.— Рой принялся покачиваться взад-вперед на каблуках. Лицо его стало задумчивым.

Изидор, заикаясь, произнес:

— С-слушая мистера Бати, я так п-п-понял, что он в-в-ваш лидер.

— О да, Рой — лидер,— согласилась Ирмгард.

— Это он устроил наш перелет с Марса на Землю,— пояснила Прис.

— Тогда,— сказал Изидор,— в-вам лучше с-согласиться с-с ним.— Его голос полнился и надеждой, и напряженностью.— Думаю, будет п-п-потрясающе, П-п-прис, если вы п-п-поживете у меня. Я п-пару дней п-п-посижу дома. И п-п-позабочусь, чтобы с вами все было о'кей.

«А возможно, Милт сделает мне какое-нибудь оружие,— подумал он.— Что-нибудь способное остановить любого охотника за премиальными... Кем бы он ни оказался».

И тут Изидору представилась жуткая картина: некто страшный и беспощадный, со списком жертв в одной руке и оружием в другой, выполняя бюрократические законы, быстро движется по квартире. Тварь без эмоций и даже без лица. И если убить эту тварь, на ее месте тут же возникнет другая — не менее безликая

и невозмутимая. И так будет продолжаться до той поры, пока все естественное, по-настоящему живое не будет убито.

«Просто невероятно,— думал Изидор,— что полиция бессильна против охотников. Никогда не поверю, что убийцы сильнее полиции».

Он посмотрел на Прис, и тут ему в голову пришла новая мысль.

«А может быть,— подумал он,— люди рядом со мной что-то натворили. А может быть, они незаконно эмигрировали на Землю. Нам ведь говорили, ТВ объявляло, чтобы мы сообщали о любой посадке корабля за пределами установленных посадочных площадок. Полиция должна следить за такими нарушениями».

Он снова посмотрел на Прис.

«Но даже в этом случае никого не должны убивать преднамеренно. Это противоречит мерсеризму».

— Я нравлюсь безмозглому,— сказала Прис.

— Не называй его так,— попросила Ирмгард и с явным сочувствием глянула на Изидора.— Подумай, как бы он мог назвать тебя.

Прис не ответила, на лице ее застыла загадочность.

— Я, пожалуй, начну устанавливать «жучки»,— сказал Рой.— Мы с Ирмгард останемся в этой квартире. Ты, Прис, пойдешь с... мистером Изидором.

Рой Бати шагнул к двери с удивительной для человека такой комплекции быстротой. Распахнул ее и исчез, слившись с темнотой холла. Дверь тут же захлопнулась. Стоило Рою выйти, Изидору явилась странная галлюцинация: он потрясающе отчетливо увидел металлическую раму и платформу со шкивами, блоками, батареями, башенками и какими-то механизмами... а затем на этом месте возникли неясные контуры человеческой фигуры, обрели четкость — это в квартиру вернулся из темного холла Рой Бати. Изидор почувствовал, как на него накатывает нервный смех. С трудом подавил приступ. И удивился этому.

— Человек действия,— сказала Прис, ее голос доносился будто издалека.— Жаль только, собранные им механизмы плохо работают.

— Если нам удастся спастись,— произнесла Ирмгард серьезно и будто в упрек Прис,— то лишь благодаря Рою.

— Будет ли с этого толк...— Прис задумчиво пожала плечами. Похоже, она обращалась сама к себе. Потом она повернулась к Изидору: — О'кей, Джей Эр. Я иду вместе с вами, и вы можете охранять меня.

— В-в-всех в-вас! — незамедлительно сказал Изидор.

Ирмгард Бати ответила ему торжественно и не без пафоса:

— Я хочу, чтобы вы знали... Мы очень вам признательны, мистер Изидор. Вы — первый, кого мы действительно можем назвать своим другом на Земле. Очень мило с вашей стороны, и я надеюсь, что когда-нибудь мы сможем отплатить вам тем же.— Она скользнула к нему и погладила его по руке.

— У вас, случаем, нет доколониальной беллетристики? — спросил он.— Почитать?

— Простите, не поняла? — Ирмгард Бати вопросительно посмотрела на Прис.

— Тех старых журналов,— объяснила Прис. Она уже собрала кое-какие вещи.

Изидор забрал у нее узел, чувствуя, как в душе его разгорается жар удовольствия от достигнутой цели.

— Нет, Джей Эр... Мы не смогли захватить с собой ни одного номера. А причины я уже вам объяснила.

— Тогда я завтра же п-п-пойду в библиотеку,— сказал он, выходя в холл.— И п-п-принесу читать и вам, и себе. И у вас будет занятие п-п-помимо ожидания.

* * *

Он проводил Прис в свою квартиру, темную, пустую и душную. Занеся вещи в спальню, включил свет и телевизор.

— Мне тут нравится,— сказала Прис, но тон ее был таким же безразличным, как и прежде.

Засунув руки в карманы юбки, она прошлась по квартире. Кислое выражение на ее лице вскоре переросло в откровенное неудовольствие.

— Что случилось? — спросил Изидор, раскладывая на кушетке ее вещи.

— Ничего...— Она подошла к окну, раздвинула шторы и с отсутствующим видом уставилась во тьму.

— Если вы думаете, что они ищут вас..

— Все это лишь галлюцинация,— перебила Прис,— вызванная лекарствами, которые дал мне Рой...

— П-п-простите?

— Вы действительно думаете, что охотники существуют?

— Но мистер Бати сказал, что они убили ваших друзей.

— Рой Бати такой же псих, как и я,— сказала Прис.— Не были мы на Марсе! На самом деле мы удрали сюда из психиатрической клиники на Восточном побережье. Мы все — шизофре-

ники, страдающие эмоциональными расстройствами. Выравнивание аффекта — вот как это называется. У нас групповые галлюцинации.

— Я не думаю, что это правда,— сказал он, разрываясь от желания помочь.

— Почему вы не верите? — Она как-то неестественно вывернула шею и внимательно на него посмотрела. Взгляд ее был настолько строг, что его бросило в краску.

— П-п-потому что такие вещи с-с-случаются крайне редко. П-п-правительство никогда никого не убивает, ни за какие п-п-преступления. А мерсеризм...

— Да поймите вы! — сказала Прис.— Если вы не человек, то вам приходится жить совершенно по-другому.

— Неправда, даже животные... даже угри и суслики, змеи и пауки... даже их жизнь священна.

Прис, продолжая разглядывать Изидора, сказала:

— Значит, правительство никого не убивает? Или все-таки убивает? Как вы сказали? Даже у животных жизнь священна, да? Закон защищает все живое, да? Все, что состоит из органики, что скачет и ползает, роет норы и летает, роится и откладывает яйца, плавает и...— Она замолкла, потому что в квартире появился Рой Бати.

За ним, шурша, тянулся по полу длинный хвост разноцветных проводов.

— Насекомые,— сказал он, нимало не смутившись, что подслушал,— священны в особенности! — Сняв со стены гостиной картину, он прикрепил к крючку небольшое устройство, отступил на шаг, оценил свою работу и вернул картину на прежнее место.— Теперь сигнализация.— Он поднял с пола провода и присоединил их к другому устройству. Потом подозвал Прис и Джона Изидора, показал им устройство, продолжая улыбаться своей жуткой улыбкой.— Это сигнализация. Провода запихнем под ковер. Они будут выполнять роль датчика и улавливать появление...— он на секунду задумался,— любого разумного существа, помимо нас четверых.

— Ну и что делать, когда мы услышим сигнал? — спросила Прис.— Охотник вооружен. Не можем же мы броситься на него и загрызть насмерть?

— Система снабжена «Пенфилдом»,— продолжал Рой.— Сигнализация включит модулятор настроения, который вызовет у незваного гостя состояние паники. Конечно, охотник способен действовать чрезвычайно быстро. Но я установил «Пенфилд» на максимальную мощность. Человек может находиться вблизи мо-

дулятора не дольше пары секунд. Потом у человека развиваются симптомы панического состояния: он перестает контролировать работу рук и ног, возникает стремление к бегству, наступают мышечные и нервные спазмы. Все это даст нам возможность прикончить его. По всей видимости.... Все зависит от того, в каком он окажется физическом и психическом состоянии.

— А нам сигнал не повредит? — спросил Изидор.

— Он прав! — Прис посмотрела на Роя Бати.— Сигнал подействует на Изидора.

— Ну и что? — отмахнулся Рой, продолжая работу.— Он в панике удерет из дома вместе с охотником, только и всего. А у нас появится время для спасения. Охотники не станут убивать Изидора, его нет в их списке. Поэтому он — наше лучшее прикрытие.

— Ничего лучшего ты, Рой, конечно, придумать не мог? — резко сказала Прис.

— Нет,— ответил он.— Не мог.

— В-возможно, завтра я дос-с-стану оружие,— напомнил Изидор.

— А ты уверен, Рой, что система не поднимет тревогу из-за Изидора? — спросила Прис.— В конце концов, он... ну, сам знаешь.

— В систему установлена компенсирующая схема, которая не даст реагировать на его личное энцефалоизлучение,— объяснил Рой.— Сигнал тревоги прозвучит только при появлении постороннего человека, обычного человека.— Он хмуро глянул на Изидора, даже не задумываясь над тем, что сказал секунду назад.

— Вы — андроиды,— сообразил наконец Изидор. Он уже не боялся, ему было все равно.— Теперь я знаю, почему они хотят убить вас... Вы действительно неживые.

Как же он раньше не понимал происходящего?.. Как?.. Ведь все же ясно! Охотники за премиальными, убийство друзей, бегство на Землю, все эти предосторожности... Где была его голова!

— Сказав «обычный человек»,— Рой Бати смотрел на Прис,— я использовал неточный термин.

— Неважно, мистер Бати,— вздохнул Изидор.— По отношению ко мне это ничего не меняет. Я имею в виду, что я — специал. Я бы не сказал, что со мной нехорошо обращались, но я, например, не могу эмигрировать.— Он понял, что ведет себя как folletto[1], но остановиться не мог.— Вам нельзя прилетать сюда,

[1] Folletto — безумец *(итал.)*.

а мне нельзя улететь...— Ему, наконец, удалось заставить свой язык замолчать.

Ответом ему было довольно долгое молчание. Потом Рой Бати сказал:

— Вам бы не понравился Марс. Вы ничего не потеряли.

— Долго же до вас доходило! — восхитилась Прис.— Мы мало отличаемся от людей, правда?

— Наверное, это и подвело Гарленда с Максом Полоковым,— сказал Рой Бати.— Они были чертовски уверены, что никто ничего не заметит. Да и Люба тоже.

— Вы очень умны! — Разобравшись, кто они такие, Изидор снова почувствовал волнение и гордость. Как днем. Но сейчас его способности быстро исчезали.— Вы думаете абстрактно и вы не...— Он принялся жестикулировать, потому что уже не мог подобрать слова, чтобы из них получились понятные предложения. Как и обычно.— Мне жаль, что у меня не такой ай-кью, как у вас. Тогда бы я прошел тест, и меня бы не называли безмозглым. Я думаю, вы очень умны. Я бы многому научился у вас...

Наступила долгая пауза. Потом Рой Бати сказал:

— Надо заканчивать сигнализацию.— Он возобновил работу.

— Он все еще не понимает,— сказала с надрывом Прис,— каким образом нам удалось сбежать с Марса. На что нам пришлось пойти.

— Мы ничем не можем ему помочь,— проворчал Рой Бати.

— Я не думаю, что нам нужно беспокоиться из-за мистера Изидора,— прозвучал голос Ирмгард Бати.

Все оглянулись. Ирмгард стояла около распахнутой двери в холл. Она торопливо подошла к Изидору, заглянула ему в лицо.

— С ним они обращались так же плохо, как с нами. Его не интересует, каким образом нам удалось сбежать с Марса. Он знает нас, и мы ему нравимся, а наша эмоциональная поддержка значит для него больше, чем вся его прошлая жизнь. Конечно, нам все это непросто понять, но такова истина.— Она опять заглянула Изидору в лицо.— Вы можете заработать чертову уйму денег, если сообщите в полицию. Понимаете? — Она резко повернулась к мужу: — Он все понимает, но он нас не выдаст.

— Вы великий человек, Изидор,— сказала Прис.— Вы гордость расы людей.

— Будь он андроидом,— сердечно сказал Рой,— он бы выдал нас завтра в десять утра. Отправился бы на работу, и... нам каюк. Я поражен и восхищен.— Изидор не мог понять, серьезно

говорит Рой или, как обычно, насмехается.— Мы и представить не могли, что в этой толпе враждебных лиц, среди ненависти и злобы, встретим на Земле друга.— Смех Роя скорее походил на лай.

— Я абсолютно спокойна,— заявила Ирмгард.

— А стоило бы трястись от страха,— парировал Рой.

— Давайте проголосуем,— сказала Прис.— Именно так мы поступали на корабле, когда появлялись разногласия.

— Хорошо,— согласилась Ирмгард.— Я молчу. Но имейте в виду: если мы решим удрать отсюда, мы вряд ли найдем другого такого человек, который примет нас и поможет нам. Мистер Изидор просто...— Она запнулась, не находя нужного слова.

— Специал,— подсказала Прис.

ГЛАВА 15

Голосование происходило, как торжественная церемония.

— Я за то, чтобы остаться,— объявила Ирмгард.— В этой квартире и в этом здании.

— Я за то, чтобы убить мистера Изидора и перебраться в другое место,— заявил Рой Бати.

Супруги — да и Джон Изидор с ними — повернулись к Прис, напряженно ожидая ее решения.

— Я за то, чтобы мы остались здесь,— тихо произнесла Прис. И добавила чуть громче: — Я думаю, что отношение Джея Эра к нам перевешивает опасность, которая от него исходит. Он знает местные условия. Совершенно ясно, что нам не удастся жить среди людей, оставаясь незаметными. На этом погорели и Полоков, и Гарленд, и Люба, и Андерс.

— Они совершили ту же ошибку, какую сейчас совершаем мы,— заявил Рой Бати.— Каждый из них доверился человеку, решив, что этот человек отличается от остальных людей. Что он, как ты сказала,— специал.

— Откуда нам знать, что произошло в действительности,— возразила Ирмгард.— Мы можем только догадываться. Я думаю, что они слишком свободно вели себя среди людей... Даже пели со сцены, как Люба, например. Мы полагаемся... Да, Рой, я уверена! Мы полагаемся на то, что нас выдает! Нас убивают как раз из-за того, что мы чрезмерно, дьявольски умны! — Ирмгард впилась взглядом в мужа, ее маленькие груди стремительно вздымались и опускались.— Мы слишком *хороши*... Рой, ты совершаешь ту же ошибку здесь и сейчас... Черт меня дери, если ты не совершаешь ее!

— Думаю, Ирм права,— сказала Прис.

— Значит, мы вверяем наши жизни в руки нестандартного, гибнущего...— Рой замолк.— Я очень устал,— тихо добавил он.— У нас было слишком долгое путешествие сюда, Изидор. А тут мы еще слишком недолго. К сожалению.

— Надеюсь,— радостно сказал Изидор,— я смогу сделать ваше пребывание на Земле более приятным.

Он действительно почувствовал уверенность в своих силах. Ему казалось, что он сможет им помочь, и это будет кульминационный момент всей его жизни — не зря же он обрел новый авторитет, справившись с видеофонными разговорами на работе.

* * *

Едва закончился рабочий день, Рик Декард через весь город полетел в район, где несколько кварталов занимали компании-дилеры по продаже животных. Тут были огромные стеклянные витрины и яркие рекламные панно.

Навалившаяся на Рика жуткая депрессия так и не проходила. Потому он и полетел сюда — поглазеть на животных, поболтать с продавцами,— надеясь, что только здесь ему помогут отыскать выход из болота хандры. Раньше, во всяком случае, так оно и было: вид животных и их специфический аромат неизбежно поднимали ему настроение. И он очень надеялся, что так будет и в этот вечер.

— Слушаю вас, сэр! — Опрятно одетый продавец новых животных подошел к Рику, который остекленелым взглядом вперился в одну из витрин.— Вам что-нибудь понравилось?

— Мне все понравилось,— признался Рик.— За исключением цен.

— А вы назовите приемлемую для вас сумму,— предложил продавец.— Скажите, что именно вам хочется, какой предпочитаете вид оплаты. Мы обсудим условия с менеджером по продажам и заключим с вами договор.

— У меня три тысячи наличными,— сказал Рик. Департамент выплатил ему премиальные в конце рабочего дня.— Сколько стоит вон то семейство кроликов?

— Сэр, если вы готовы заплатить первый взнос в три тысячи наличными, я бы предложил вам подумать вот о чем... Почему бы вам не стать владельцем крупного животного, а не пары кроликов?.. Скажем, козла.

— Вообще-то я никогда не задумывался, хочу ли я козла,— признался Рик.

— Простите, сэр... Не означает ли ваше появление здесь, что у вас изменилось финансовое положение?

— Да, я не каждый день хожу с тремя тысячами в кармане.

— Я так и подумал, когда вы заговорили о кроликах. Дело в том, сэр, что кролика может купить любой. Но вы мне кажетесь человеком, способным стать хозяином такого крупного животного, как козел.

— И чем же он хорош, этот ваш козел? — заинтересовался Рик.

— Он хорош хотя бы уже тем, что его можно научить боднуть всякого, кто, возможно, попытается украсть ваше животное.

— Если только в козла не выстрелят гипнодротиком, а потом не погрузят в ховеркар,— сказал Рик.

Продавец будто и не слышал:

— Козел предан своему хозяину. У него свободная душа, которую не упрячешь в клетку. Есть и еще одна существенная деталь, о которой вы можете не знать. Случается, что, вложив в покупку деньги, хозяин однажды утром обнаруживает, что животное умерло, потому что слопало что-то радиоактивное. Козлу не страшна загрязненная квазипища, он выдерживает такие дозы отравы, которые валят с ног и коров, и лошадей, а уж про котов и говорить нечего. Если рассматривать покупку с точки зрения долгосрочного вложения капитала, козлы — а в особенности самки — предоставляют своим владельцам несомненные преимущества.

— Это... самка? — Рик кивнул в сторону крупного черного козла, который стоял в центре клетки, и направился к животному.

Продавец двинулся следом. Козел, как показалось Рику, был и впрямь красив.

— Да, это самка. Это черная нубийская порода. Обратите внимание — очень крупный экземпляр. Основной претендент на звание лучшего животного, которое выставили на рынке в нынешнем году. И мы предлагаем вам купить эту козу по заманчивой, удивительно низкой цене.

Вытащив из кармана потрепанный каталог «Сидни», Рик открыл на странице «Козы», нашел породу — черная нубийская,— изучил цену.

— Вы внесете первый взнос наличными? — спросил продавец.— Или предложите в качестве компенсации ваше нынешнее животное?

— Наличными,— сказал Рик.

Продавец написал цену на небольшом листке бумаги и быстро, почти украдкой, показал Рику.

— Слишком много.— Рик покачал головой и написал свой вариант цены.

Теперь запротестовал продавец:

— Мы не можем позволить себе отдать козу едва ли не задаром.— Он написал новое число.— Козе еще нет года, ее потенциальная продолжительность жизни очень велика.

— Согласен,— вздохнул Рик, посмотрев на бумажку.

Он подписал контракт, внес в качестве первоначального взноса премию за отставленных анди. И вскоре стоял в трех шагах от ховеркара, ошеломленно глядя, как служащие магазина грузят клетку в кар. «Теперь у меня вновь есть животное,— сказал он себе.— Подлинное, не электрическое. Второе настоящее животное в моей жизни».

Однако, вспомнив о сумме кредита, которую предстоит выплачивать, тут же ужаснулся. Пришлось заняться самовнушением.

«Я должен был купить это животное! — сказал себе Рик.— После всего, что мне рассказал Фил Реш... Я должен восстановить веру в собственные силы и возможности. В противном случае мне придется бросить работу».

Он забрался в кабину ховера, аккуратно поднял машину в небеса и повел домой, к Айрен. При мысли о жене руки его начинали стыть.

«Айрен рассердится,— сказал он себе.— Она все время будет думать о сумме выплат. К тому же, поскольку она большую часть времени торчит дома, на ее плечи ляжет обязанность ухаживать за козой». Он снова помрачнел.

Осторожно опустив кар на крышу, Рик выключил двигатель и некоторое время сидел, сплетая в уме правдоподобную версию случившегося. «Покупка необходима мне из-за работы,— думал он.— Для престижа. Давно пора заменить электрическую овцу, это поддельное животное подрывает мой боевой дух... Вот это я и скажу Айрен»,— решил он.

Рик выбрался из кабины ховера и взялся за клетку, осторожно вытаскивая ее наружу. В конце концов ему удалось аккуратно опустить ее на крышу. Коза, скользя копытцами по гладкому днищу клетки, за все время не издала ни звука. Только с благодарностью смотрела на Рика блестящими глазами. Будто понимала цену его усилий...

Потом он спустился на свой этаж, прошел знакомым коридором к холлу перед квартирой, открыл дверь.

— Привет! — выглянула с кухни Айрен, занятая приготовлением ужина.— Где ты так задержался?

— Поднимемся на крышу? — сказал Рик.— Я хочу показать тебе кое-что.

— *Ты купил животное.*— Она сняла фартук, машинально поправила волосы и направилась следом за мужем.

Они вышли из квартиры и быстрыми шагами двинулись по коридору.

— Мог бы и посоветоваться со мной...— Айрен вздохнула.— Я имею право участвовать в принятии решения, когда речь идет о самом ценном приобретении, которое мы когда-либо...

— Я хотел сделать сюрприз,— оборвал ее Рик.

— Ты сегодня заработал премиальные,— сказала жена. Будто выдвинула обвинение...

— Да,— признался Рик.— Я отправил в отставку трех анди.— Он нажал кнопку лифта, и через мгновение они начали приближаться к Богу.— Я должен был сделать эту покупку,— сказал Рик.— Что-то сегодня пошло не так, как обычно. Что-то изменило мое отношение к отставкам анди. И я вдруг понял одно: если не куплю животное, не смогу больше работать охотником.

Лифт доставил их наверх, на крышу. Рик вывел жену в вечерний сумрак. Включив прожектора, которыми пользовались все жители дома, молча осветил козу. И стал ждать реакции жены.

— Мой бог! — прошептала Айрен.— Мой бог! — Она приблизилась к клетке, не сводя с козы глаз, потом обошла клетку, осмотрев животное со всех сторон.— Она живая? Она не поддельная?

— Абсолютно живая,— сказал Рик,— если только мне не всучили эрзац.

Впрочем, такое случалось крайне редко: штраф за подделку составлял сумму, в два с половиной раза превышавшую рыночную стоимость подлинного животного.

— Но не думаю, что меня обманули.

— Козел черной нубийской породы,— сказала Айрен.

— Коза,— поправил Рик.— Самка козла... Возможно, в будущем нам удастся спарить ее. И мы получим молоко, из которого можно делать сыр.

— Мы можем выпустить ее? Переведем в загон, где овца?

— Ее следует держать на привязи,— сказал Рик.— По крайней мере, несколько дней.

Айрен пропела странным, почти детским голосом:

— Жизнь моя — это любовь и наслаждение... Старая, старая песня Йозефа Штрауса. Помнишь? Когда мы впервые встрети-

лись? — Она обняла его за шею и поцеловала.— Много любви. И очень много наслаждений.

— Спасибо! — ответил Рик, в свою очередь сжимая ее в объятиях.

— Давай поскорее спустимся вниз и возблагодарим Мерсера. Затем вновь поднимемся сюда и дадим ей имя. И возможно, ты найдешь веревку, чтобы ее привязать.— Айрен потянула его за собой, к лифту.

Сосед Билл Барбур, стоявший возле своей Джуди, поглаживая и почесывая лошадь, окликнул их:

— Прекрасная коза, Декард! Примите мои поздравления! Вечер добрый, миссис Декард. Возможно, у нее появятся козлятки. Возможно, мы сторгуемся: я поменяю жеребенка на двух козлят.

— Спасибо! — сказал Рик. Он догнал Айрен.— Эта покупка вылечит твою депрессию? — спросил он.— Мою уже вылечила.

— Конечно, вылечит,— ответила Айрен.— Теперь мы можем признаться всем, что наша овца поддельная.

— Зачем нам это надо? — осторожно спросил Рик.

— Но мы же можем это сделать! Теперь нам нечего скрывать, ведь наши мечты сбылись! — Она вновь встала на цыпочки, прижалась и быстро поцеловала Рика, ее дыхание, страстное и прерывистое, щекотало ему шею. Потом она протянула руку к кнопке лифта.

Рик почувствовал какое-то беспокойство и сказал:

— Давай не пойдем домой. Давай постоим возле козы. Просто посмотрим, а может, и покормим ее. Мне дали с собой пакет с овсом на первое время. И почитаем руководство по уходу за козами; мне дали его бесплатно, вместе с овсом. Мы можем назвать ее «Евфемия».

В этот момент подъехал лифт, и жена заскочила в кабину.

— Айрен, подожди,— попросил Рик.

— Будет безнравственно не слиться с Мерсером в порыве признательности,— сказала Айрен.— Я сегодня держалась за рукоятки эмпатоприемника, и мне помогли снять депрессию... конечно, чуть-чуть, не так сильно, как помогла коза. Но все же в меня попал камень, вот сюда — Она показала мужу запястье, на котором он различил синяк.— И я непрестанно думала о том, насколько лучше мы становимся, когда мы с Мерсером. Несмотря на боль. Физическая боль, но духовное слияние... Я ощущала всех и каждого, по всему миру, всех, кто сливался воедино в тот миг.— Она подставила ногу, не давая дверцам лифта закрыться.— Входи же, Рик! Это недолго. Ведь ты и так почти не уча-

ствуешь в слиянии. Мне хочется, чтобы ты поделился своим настроением со всеми. Ты должен предоставить им такую возможность, аморально оставлять радость только себе.

Она, конечно же, была права. Поэтому Рик вновь вошел в лифт и вернулся в квартиру. Оказавшись в гостиной, Айрен стремительно включила эмпатоприемник: ее лицо оживилось, наполняясь благодатью, оно осветилось, как растущий месяц.

— Я хочу, чтобы все знали,— сказала Айрен.— Однажды я слилась с человеком, который только что приобрел животное. А однажды...— Лицо ее помрачнело; благодати не стало.— Я ощутила боль человека, у которого погибло животное... Но мы, остальные, кто был рядом с ним в тот момент, мы поделились своими небольшими радостями... Мне нечем было тогда поделиться, как ты знаешь... а остальные приободрили человека. Я думаю, мы сейчас потенциально можем предотвратить чье-нибудь самоубийство. То, что в нас, что мы чувствуем, может...

— Они получат нашу радость,— сказал Рик,— но мы ее потеряем. Поменяем то, что чувствуем мы, на то, что чувствуют они. Наша радость будет потеряна.

На экране эмпатоприемника уже кружились яркие бесформенные пятна. Глубоко вздохнув, жена крепко взялась за рукоятки.

— В действительности мы не потеряем наше чувство, если не станем насильно удерживать его в себе. Ты ведь никогда по-настоящему не участвовал в слиянии, Рик, не так ли?

— Кажется, нет,— ответил Рик.

Он вдруг начал понимать, впервые в жизни, какое значение имеет мерсеризм в жизни таких людей, как Айрен, что они из него черпают. Вероятно, общение с охотником за премиальными, Филом Решем, изменило синаптические связи в мозгу Рика.

— Айрен,— настойчиво позвал он и оттащил жену от эмпатоприемника.— Послушай, я хочу рассказать о том, что со мной сегодня случилось.— Он довел ее до дивана, посадил рядом с собой, лицом к лицу.— Я познакомился с другим охотником, которого никогда прежде не видел. Это настоящий хищник. Ему нравится уничтожать анди. И во время совместной охоты я впервые увидел анди другими глазами. Я хочу сказать, что раньше относился к ним так же, как Реш.

— Это не может подождать? — спросила Айрен.

— Я протестировал самого себя, задал себе вопрос, чтобы проверить реакцию,— продолжал Рик.— И обнаружил, что во мне появилось сострадание к андроидам. Знаешь, что это зна-

чит?.. Ты сегодня утром сказала о «несчастных анди». Так что ты должна понимать, о чем я говорю. Вот почему я купил козу. Я никогда не сочувствовал андроидам. Возможно, это лишь депрессия, как у тебя. Теперь я понимаю, как ты страдаешь... Я всегда думал, что тебе нравится это состояние, я считал, что ты можешь из него выйти, стоит тебе только захотеть, если не сама, так с помощью модулятора. Я только теперь понял: когда ты в депрессии, тебе на все наплевать. Апатия, вызванная тем, что ты утратила ощущение собственной значимости. Не имеет значения, как ты себя чувствуешь, если сама для себя ничего не значишь...

— А что с твоей работой? — Вопрос вонзился в Рика как нож.

Рик заморгал.

— *Что с работой?* — повторила Айрен.— Какова ежемесячная выплата за козу? — Она требовательно протянула руку.

Машинально он достал и отдал ей контракт.

— Ого! — сказала она тонким голосом.— А каковы проценты? Святый Боже, это только проценты такие! И ты решился на покупку, потому что почувствовал депрессию! Да, ты верно сказал, это для меня еще тот сюрприз!..— Она вернула мужу контракт.— А впрочем, ладно. Я все равно счастлива, что ты купил козу. Я уже люблю ее. Но она нас сожрет.— Айрен посерела.

— Я переведусь в другой отдел,— сказал Рик.— В департаменте десять... даже одиннадцать отделов... К примеру, я могу перейти в отдел, расследующий воровство животных.

— Но премиальные деньги! Они нам нужны. Иначе магазин заберет козу назад.

— Я перезаключу контракт. Растяну его с тридцати шести до сорока восьми месяцев.— Он достал шариковую ручку, принялся считать, записывая цифры на обратной стороне контракта.— В итоге получается меньше на пятьдесят два с половиной доллара в месяц.

Зазвонил видеофон.

— Черт! — недовольно произнес Рик.— Если бы мы не спустились, если бы остались на крыше с козой, мы бы и знать не знали, что нас вызывают.

Направляясь к видеофону, Айрен сказала:

— Чего ты испугался? Это же не из магазина, они еще не могут забрать козу.— Она протянула руку к трубке.

— Из департамента,— догадался Рик и направился в спальню.— Скажи, что меня нет.

— Алло,— сказала Айрен в трубку.

«Еще три анди,— подумал Рик.— Еще три андроида, за которыми мне придется гоняться сегодня, вместо того чтобы побыть дома».

На экране появилось лицо Гарри Брайанта, так что прятаться было поздно. На негнущихся одеревенелых ногах Рик двинулся обратно к видеофону.

— Да, он здесь,— уже говорила Айрен.— Мы купили козу. Прилетайте посмотреть, мистер Брайант.— Некоторое время она слушала ответ инспектора, потом протянула трубку Рику.— У него для тебя что-то важное.

Вернувшись к эмпатоприемнику, она быстро устроилась возле прибора и сжала рукоятки. И почти мгновенно окунулась в слияние. Рик стоял с трубкой в руках, остро чувствуя ментальное бегство жены и собственное одиночество.

— Слушаю,— сказал он.

— Мы тут поймали за хвост последних андроидов,— сообщил Гарри Брайант. Он звонил из своего кабинета: Рик видел знакомый стол, заваленный документами, бумагами и всяким хламом.— Несомненно, они обеспокоены, поскольку двое из них переехали с квартиры, адрес которой нам дал Дейв. Теперь ты можешь их найти... минутку...— Брайант порылся в бумажных залежах и отыскал нужную бумагу.

Рик привычно достал ручку, положил на колено контракт, чтобы записать.

— Нежилое здание 3967-С,— прочитал инспектор.— Там же и третий анди. Отправляйся как можно быстрее. Предположительно, они в курсе того, что ты убрал Гарленда, Любу и Полокова, именно поэтому они совершили противозаконную смену адреса.

— Противозаконную,— повторил Рик.

«Да они же просто спасают свои жизни»,— подумал он.

— Айрен сказала, вы купили козу,— поинтересовался Брайант.— Сегодня? Сразу, как ты уехал из департамента?

— По дороге домой.

— Обязательно прилечу посмотреть после того, как отправишь в отставку последних андроидов. Кстати, я только что беседовал с Дейвом. Я ему рассказал, с какими ты столкнулся трудностями. Он просил тебя поздравить и посоветовал быть еще осторожнее. Дейв сказал, что «Нексус-6» намного умнее, чем он думал. Честно говоря, он долго не хотел верить, что ты прикончил за день троих.

— Троих больше чем достаточно,— сказал Рик.— Я сегодня больше ни на что не способен. Мне надо отдохнуть.

— К завтрашнему утру они уберутся из нашего района,— сказал инспектор Брайант.

— Вряд ли так скоро... Завтра они еще будут поблизости.

— Ты покончишь с ними сегодня. Пока они не окопались в другом месте. Они не ждут тебя сейчас.

— Уверен, что ждут,— сказал Рик.— Им теперь по-другому нельзя.

— Трясет после Полокова?..

— Нет.

— Тогда в чем дело?

— Ладно, все о'кей,— ответил Рик.— Я немедленно отправляюсь туда.— Он собрался было положить трубку.

— Сообщишь мне о результатах. Я буду в своем кабинете.

— Если справлюсь с ними, куплю овцу,— сказал Рик.

— У тебя же есть овца. И всегда была, сколько тебя знаю.

— У меня электроовца,— сообщил Рик и положил трубку.

«На сей раз куплю настоящую овцу,— сказал он себе.— Я должен обзавестись овцой в виде компенсации».

Айрен прилипла к черному ящику эмпатоприемника. Лицо ее светилось благостью. Рик постоял возле жены, положил ей руку на грудь. И почувствовал, как грудь вздымается и опускается, да и не только грудь — вся ее жизнь, вся внутренняя энергия. Айрен не заметила его: слияние с Мерсером, как обычно, поглотило ее без остатка.

На экране медленно взбиралась вверх по склону расплывчатая фигура старика в рубище. Неожиданно вслед Мерсеру полетел камень. Наблюдая за стариком, Рик подумал: «Боже, мое положение гораздо хуже, чем его. Мерсеру не приходится выполнять работу, чуждую своей натуре. Он страдает, но ему, по крайней мере, не приходится насиловать собственную совесть».

Рик осторожно отцепил пальцы жены от рукояток. После чего занял ее место. Он даже не мог вспомнить, когда последний раз садился за эмпатоприемник. Не на этой неделе и не на прошлой... Но сейчас это был импульс, порыв, неожиданное решение. И все произошло так внезапно...

Перед ним возник унылый ландшафт: лишь сорные травы торчали тут и там. Воздух наполнился запахом умерших цветов, но вокруг была пустыня и не было никакого намека на дождь.

Перед Риком стоял человек. Его утомленные, пропитанные болью глаза сияли печальным светом.

— Мерсер?!

— Я твой друг,— ответил старик.— Но ты должен идти своим собственным путем, так, будто меня не существует. Ты понимаешь? — Он развел руками.

Руки были пусты.

— Нет,— сказал Рик.— Не понимаю. Мне нужна помощь.

— Как я могу спасти тебя, если себя спасти не способен? — Старик улыбнулся.— Разве ты не видишь? *Здесь нет спасения.*

— Тогда что здесь?! — сердито сказал Рик.— И зачем ты здесь?

— Чтобы доказать тебе, что ты не одинок,— ответил Уилбур Мерсер.— Что я даже в пустыне буду с тобой. И так будет всегда. Иди и выполни задание, даже если считаешь его неправильным.

— Почему? — спросил Рик.— Почему я должен делать то, что неправильно? Я брошу работу и эмигрирую.

Старик печально усмехнулся:

— Где бы ты ни оказался, ты всюду будешь обязан выполнять работу, которую считаешь неправильной. Это основное условие существования жизни, ты всегда будешь вынужден насиловать собственную совесть. В определенные моменты так обязано поступать любое живое создание. Эта обязанность — постоянный спутник живого существа, символ его поражения, его проклятие, но этим проклятием питается все живое. В любой точке Вселенной.

— И это все, что ты можешь мне сказать? — воскликнул Рик.

Послышался свист летящего камня. Рик присел, и камень попал ему прямо в ухо. Он тут же отпустил рукоятки и... вновь оказался в гостиной, рядом с женой и эмпатоприемником. Голова сильно болела и кружилась. Он коснулся рукой щеки — кровь стекала по ней крупными горячими каплями.

Айрен уже ласкала носовым платком ухо Рика.

— Спасибо за то, что ты вырвал меня! Терпеть не могу, когда попадает камень... Спасибо за то, что ты принял камень на себя!

— Я ухожу,— сказал Рик.

— Работа?

— Целых три работы.— Он взял из ее рук носовой платок и направился к двери. Голова все еще кружилась, но боль быстро отступала. Зато к горлу подступила тошнота.

— Удачи! — сказала Айрен.

— Я зря подержался за эти рукоятки,— ответил Рик.— Мерсер говорил со мной, но ничем не помог. Он знает не больше моего. Он всего-навсего старик, который поднимается на вершину холма, чтобы там умереть.

— Но разве это не откровение?

— Это откровение я знал и раньше.. Увидимся! — Он вышел в коридор и захлопнул за собой дверь.

«Нежилой дом 3967-С,— вспомнил он, но для верности достал контракт и глянул на его оборотную сторону.— Это в пригороде, там пустующих домов полным-полно. Отличное место, чтобы спрятаться. Отыскать их можно только ночью, по зажженным окнам. Что ж, полечу как мотылек,— на свет. Но после них ни одного анди больше не будет. Займусь чем-нибудь другим, зарабатывать на жизнь можно и другими путями. Эти будут последними. Мерсер прав. Я должен через них перешагнуть».

Он сел в лифт и поехал наверх.

«Однако удастся ли мне это, вот вопрос! — думал он.— И это вовсе не вопрос морали. Это вопрос практический. Скорее всего, я не смогу отправить их в отставку. Даже если постараюсь: я слишком утомлен, и слишком многое произошло сегодня. Возможно, Мерсер знал это. Возможно, он предвидел, что случится».

Лифт остановился. Рик вышел на крышу.

«А ведь я знаю, где найти помощь,— думал он.— Мне ее уже предлагали».

Он быстро залез в темную кабину ховеркара и набрал номер.

— «Роузен Ассошиейшн»,— ответила появившаяся на экране девушка.

— Рэчел Роузен,— сказал Рик.

— Извините, сэр?

— Соедините меня с Рэчел Роузен,— рявкнул Рик.

— Мисс Роузен ждет вашего звонка?

— Еще как!

Ждать пришлось около десяти минут. Наконец на экране появилось темное личико Рэчел Роузен.

— Привет, мистер Декард.

— Вы сейчас очень заняты, или я могу поговорить с вами? — спросил он.— Помните то, что вы мне сегодня предлагали?

Он сказал «сегодня», но казалось, что с их предыдущего разговора успело родиться и отправиться в могилу целое поколение. И вся накопившаяся в представителях этого поколения усталость переселилась сейчас в тело Рика. Он был просто раздавлен физически. «Наверное,— подумал он,— меня добил тот камень». Кровь все еще текла, он промокнул рану носовым платком.

— Вам поранили ухо,— заметила Рэчел.— Какая жалость...

— Вы действительно считали, что я не позвоню вам? — спросил Рик.— Что вы тогда сказали?

— Я сказала, один из «Нексус-6» обязательно отправит вас в отставку.

— Вы ошиблись.

— Да? Но ведь вы звоните. Как бы то ни было. И, должно быть, хотите, чтобы я прилетела к вам в Сан-Франциско?

— Сегодня же вечером!

— По-моему, сейчас уже слишком поздно. До вас лететь не меньше часа. Лучше я появлюсь завтра утром.

— Мне приказано покончить с ними немедленно,— сказал Рик. И после паузы добавил: — Из первоначальной восьмерки осталось только трое.

— Звучит так, будто у вас сегодня был ужасный день.

— Если вы не прилетите сейчас,— сказал он,— я отправлюсь за ними в одиночку, а одному мне с ними не справиться... Да-а, я только что купил козу,— добавил он.— На премиальные, которые получил за предыдущих трех.

— Ох уж эти мне люди! — Рэчел рассмеялась.— От козлов плохо пахнет.

— От козлов — да. Но не от коз. Я прочитал об этом в инструкции по уходу.

— Вы действительно выглядите измученным,— сказала Рэчел.— Вы отдаете себе отчет в том, что собираетесь отправиться на охоту еще за тремя «Нексус-6»? Никому и никогда еще не удавалось отправить в отставку шестерых андроидов за один день.

— Франклин Пауэрс,— сказал Рик.— Около года назад, в Чикаго. Он отправил в отставку семерых.

— Там были устаревшие Y-4 компании Макмиллана. Это не в счет.— Она на пару секунд задумалась.— Рик, я вправду не могу прилететь. Я даже еще не обедала.

— Рэчел, вы действительно нужны мне,— сказал Рик. И добавил мысленно: «Иначе я отправлюсь на встречу с собственной смертью... Я знаю это. Мерсер знал это. Думаю, и ты, голубушка, тоже это понимаешь. А я тут трачу время, уговаривая тебя!.. Впрочем, андроидов ведь не уговаривают. Это не тот термин».

— Извините, Рик, сегодня я действительно не смогу прилететь,— повторила Рэчел.— Но завтра утром — обязательно.

— Месть андроида,— вздохнул Рик.

— Что?

— Я поймал вас на шкале Войта-Кампфа, вот вы и...

— Вы так считаете? — Ее глаза были наивными, как у ребенка.— Вы *действительно* так считаете?

— До свидания! — сказал он и собрался повесить трубку.

— Слушайте,— быстро произнесла Рэчел.— У вас с головой не в порядке.

— Конечно, ведь вы привыкли считать, что в порядке с головой только у модели «Нексус-6».

— Нет, я действительно не понимаю.— Рэчел вздохнула.— Могу только сказать, что вам не хочется заниматься этой работой сегодня вечером.. А может быть, и вообще не хочется. Вы уверены, что желаете, чтобы я помогла вам прикончить трех оставшихся андроидов? Или хотите, чтобы я отговорила вас от этой затеи?

— Прилетайте сюда, и мы снимем номер в отеле.

— Зачем?

— Я узнал сегодня кое-что интересное,— хрипло сказал Рик.— О взаимоотношениях между мужчиной-человеком и женщиной-андроидом. Летите сейчас в Сан-Франциско, и я оставлю анди в покое. Мы займемся кое-чем другим.

Она некоторое время изучала его лицо и вдруг сказала:

— О'кей. Я вылетаю. Где мы встретимся?

— В «Святом Френсисе». Это единственный приличный отель, сохранившийся в Зоне Залива.

— И вы ничего не будете предпринимать, пока я не прилечу?

— Я буду сидеть в номере,— сказал Рик,— и смотреть Бастера Френдли по телику. Уже целых три дня у него в гостях Аманда Вернер. Она мне нравится. Я могу смотреть на нее всю оставшуюся жизнь. У нее даже груди смеются...

Он повесил трубку и несколько минут сидел не двигаясь и без единой мысли в голове. В себя его привел проникший в кабину кара холод. Рик повернул ключ зажигания и несколько мгновений спустя уже летел в направлении центра Сан-Франциско, к отелю «Святой Френсис».

ГЛАВА 16

Рик Декард снял один из поразительно роскошных и огромных номеров отеля. В ожидании Рэчел он уселся в мягкое кресло и принялся изучать ориентировки на двух андроидов — Роя и Ирмгард Бати.

Стереоснимки, приложенные к ориентировкам, оказались невысокого качества. По-видимому, скрытая съемка была произведена далеко не в идеальных условиях. Тем не менее вполне можно было рассмотреть, что женщина выглядит очень привлекательно. Рой Бати, напротив, производил совершенно иное впечатление. В его внешности было нечто отталкивающее.

«Фармацевт на Марсе»,— прочитал Рик и подумал: «Скорее всего, эта специальность была прикрытием. А на самом деле андроид занимался исключительно физическим трудом, пахал в поле, мечтая... Интересно, мечтают ли андроиды? — задал себе вопрос Рик. И тут же ответил: — Разумеется. Именно поэтому они убивают своих хозяев и бегут на Землю! Они жаждут лучшей жизни, отказываясь быть рабами. Как у Любы Люфт: петь в „Дон Жуане" и „Кармен" много интереснее, чем вкалывать на бесплодных каменистых полях мира, который попросту непригоден для жилья».

«Рой Бати,— гласила ориентировка,— агрессивен, самоуверен, быстро завоевывает авторитет. Интересуется мистикой. Зачинщик побега всей группы. Идеологически обосновал данное преступление претенциозной догмой о священности „жизни" андроидов. Кроме того, экспериментировал с ворованными наркотическими (лекарственными) препаратами. Будучи задержанным, заявил в оправдание, что опыты ставил на группе андроидов с единственной целью — вызвать у них состояние, близкое к характерному для мерсеризма слиянию, которое для андроидов, как известно, недоступно».

В тексте ориентировки присутствовала некая толика жалости. Жестокий, хладнокровный андроид, надеющийся, видите ли, обрести качество, которым люди совершенно сознательно обделили его при создании...

Но у Рика он жалости не вызывал. Из записей Дейва было ясно: единственное чувство, которое может вызвать Рой Бати,— это неприязнь. Андроид надеялся испытать слияние, а когда стало ясно, что опыт не удался, он спланировал убийство людей и удрал на Землю...

Однако к настоящему моменту ситуация сильно изменилась. Из первоначальной группы в восемь анди осталось лишь трое. Но и они уже обложены. Пусть даже промахнется Рик, их найдет другой охотник.

«Время неумолимо,— подумал Рик.— Цикл вашей жизни почти завершен. Наступают последние сумерки. И придет тишина смерти».

Дверь в номер со стуком распахнулась.

— Ну и полет! — выдохнула Рэчел Роузен, появляясь на пороге в длинном, блестящем, как рыбья чешуя, плаще. Плащ был расстегнут, и под ним на Рэчел были только бюстгальтер и шорты, такие же, из «рыбьей чешуи». На плече у нее висела дамская сумочка на длинном, как у почтальона, ремне, а в руке она держала бумажный пакет.

— Симпатичный номер.— Рэчел посмотрела на часы.— Ого, быстрее, чем за час. Я показала рекордное время.— Она протянула Рику пакет: — Я купила бутылку. Бурбон.

— Самый опасный из восьмерки еще жив,— сказал Рик и протянул ей ориентировку на Роя Бати.— Главный организатор.

Рэчел, осторожно положив пакет на стол, взяла листок, прочитала.

— Вы нашли, где он сейчас?

— Да. Мне сообщили номер нежилого здания. В пригороде. Там живут только совершенно деградировавшие специалы да безмозглики.

— А что известно еще о двоих? — спросила Рэчел.

— Обе женщины.— Он протянул ей ориентировки на Ирмгард Бати и на андроида, называющего себя Прис Стрэттон.

Взглянув на последнюю ориентировку, Рэчел произнесла: «О-о-о!..» — бросила листки на стол, подошла к окну и уставилась на зарево, висящее над центром Сан-Франциско.

— Думаю, вы нацелились, кроме пары Бати, и на последнего,— сказала она дрожащим голосом.— И вас совершенно не заботит...

Бледное лицо Рэчел повернулось к Рику, и стало ясно, что она внезапно потеряла самообладание.

— О чем вы? — Рик взял листки и вновь просмотрел их, пытаясь догадаться, что могло напугать Рэчел.

— Не пора ли открыть бурбон? — Рэчел отнесла в ванную бумажный пакет и вернулась с двумя стаканами. Она все еще выглядела расстроенной, неуверенной в себе и... задумчивой.— Ты можешь открыть бутылку? — спросила она, неожиданно переходя на «ты».— Бурбон стоит целое состояние, понимаешь? Из довоенных запасов, никакой синтетики.

Рик взял бутылку, аккуратно открыл, наполнил бурбоном два стакана и тоже перешел на «ты»:

— Скажи мне, в чем дело?

— Ты сказал, что если я прилечу сегодня вечером, оставшиеся анди будут забыты. «Мы займемся кое-чем другим»,— пообещал ты. Ну вот, я прилетела...

— Скажи мне, что тебя расстроило?

— Так чем бы мы могли заняться? — сказала Рэчел вызывающим тоном.— Вместо суеты и волнений из-за трех последних анди «Нексус-6»?

Она скинула плащ, отнесла в прихожую, повесила на вешалку.

И Рик впервые смог внимательно рассмотреть ее тело.

«Не скажешь, что пропорции тела типично женские,— подумал он.— Из-за огромной гривы темных волос голова кажется слишком большой. Миниатюрные груди и худосочное тело делают ее похожей на подростка. Однако эти огромные глаза и длинные ресницы могут принадлежать лишь взрослой женщине».

Рэчел стояла сейчас, перенеся вес на носки: руки ее были чуть согнуты в локтях.

«Эта поза,— подумал Рик,— напоминает затаившегося кроманьонца, представителя расы высоких худых охотников. Ни грамма жира: плоский живот, маленькая задница и совсем крошечная грудь — Рэчел смоделировали, взяв за основу телосложение кельтского типа».

Стройные ноги ниже коротких шорт смотрелись нейтрально, без намека на сексуальность, поскольку не было присущих половозрелым женщинам округлостей. И потому, хотя они и производили приятное впечатление, но принадлежали скорее девочке-подростку, чем женщине. Если бы, опять же, не беспокойные проницательные глаза...

Рик осторожно глотнул бурбона. Напиток был непривычно крепким, с незнакомым вкусом и запахом, и пить его было не очень приятно. Впрочем, Рэчел, похоже, со своей порцией никаких трудностей не испытывала. Она уже сидела на кровати, рассеянно поглаживала покрывало и на глазах превращалась из охотника в капризулю.

Рик поставил стакан на тумбочку и пристроился рядом с девушкой. Кровать под его весом просела, Рэчел переменила позу.

— Так что же? — Он взял ее за руку. Рука была костлявая, холодная и чуть влажная.— Что тебя расстроило?

— Этот проклятый последний «Нексус-6»,— с усилием, словно преодолевая себя, сказала Рэчел,— сделан по моему типу.— Она вновь впилась взглядом в покрывало, увидела торчащую нитку, выдернула, смяла в шарик и принялась катать на ладони.— Ты не заметил в ориентировке? Ведь это наш общий словесный портрет. Конечно, она может сделать другую прическу или надеть другое платье, она даже может купить парик. Когда ты ее увидишь, сразу поймешь, о чем я говорю.— Рэчел сардонически рассмеялась.— Хорошо, ты знаешь, что я — анди. А то бы ты сошел с ума, увидев Прис Стрэттон. Ты бы решил, что это я.

— Но почему это тебя так беспокоит?

— Дьявол! Да потому что я останусь одна, когда ты *отправишь ее в отставку.*

— А может, я не найду ее.

— Я знаю психологию «Нексус-6»,— сказала Рэчел.— Именно поэтому я здесь, именно поэтому способна помочь тебе. Они укрылись в одном месте, все трое. Они будут рядом с этим чокнутым, который называет себя Роем Бати. Он их лидер, он будет руководить их обороной...— Губы ее скривились.— О боже,— прошептала она.

— Не стоит унывать,— сказал Рик.

Он взял Рэчел за маленький острый подбородок, с удобством разместившийся в его ладони, и повернул лицом к себе. «Интересно, на что походит поцелуй андроида?» — подумал он и, чуть наклонившись, поцеловал ее сухие губы. Никакой реакции не последовало: Рэчел осталась безразлична, будто он и не касался ее. Рик же что-то почувствовал. Или он обманывал себя?

— Жаль, что я сразу не догадалась.— Рэчел чуть отстранилась.— Я бы тогда ни за что не прилетела. Полагаю, ты хочешь получить от меня слишком много... А знаешь, что я чувствую? По отношению к андроиду Прис?

— Эмпатию,— сказал Рик.

— Да, что-то вроде этого. Мы ведь идентичны, там нахожусь я. Боже мой, наверняка так все и будет. В спешке ты отправишь в отставку меня, а не ее. И она вернется в Сиэтл. И станет жить моей жизнью. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Мы же механизмы, нас штампуют, как бутылочные пробки. И мое — лично мое существование — не более чем иллюзия. Я — всего-навсего рекламный образец.— Она задрожала.

Рика позабавила новая перемена. Теперь Рэчел сделалась сентиментально-угрюмой.

— Муравьи и вовсе абсолютно идентичны,— сказал он,— но их этот вопрос не беспокоит...

— Муравьи? Они не ощущают времени.

— А идентичные человеческие близнецы? Они не...

— Но они отождествляют себя друг с другом. У них есть эмпатическая, особенная взаимосвязь.— Рэчел поднялась, чтобы налить себе еще бурбона.

Ее уже покачивало. Она наполнила стакан и сделала пару очень приличных глотков. Какое-то время бесцельно слонялась по комнате, нахмурив брови; потом, будто бы случайно, наткнулась на кровать и плюхнулась рядом с Риком. Потянулась, забралась с ногами на покрывало. Облокотилась на огромную подушку и глубоко вздохнула.

— Забудь об анди.— В голосе ее зазвучала усталость.— Я просто без сил от этого полета. И от всего того, что узнала сегод-

ня.— Она закрыла глаза.— Я просто хочу спать. Если я умру,— прошептала она,— то возможно, буду рождена на свет снова, когда «Роузен Ассошиейшн» отштампует следующий мозг моего типа.— Она открыла глаза и впилась в Рика жестким взглядом.— Знаешь, какова настоящая причина моего появления здесь? Зачем Элдон и остальные Роузены-люди хотели, чтобы я отправилась с тобой?

— Вести наблюдение,— ответил Рик.— И точно определить, что позволяет нам ловить «Нексус-6» с помощью шкалы Войта-Кампфа.

— Проколы при тестировании — только часть задания. Я должна узнать все тонкости, которые выдают охотникам «Нексус-6». Потом я делаю отчет, корпорация вносит изменения в структуру ДНК и меняет условия в зиготных ваннах. И мы получаем «Нексус-7». Потом охотники начинают выявлять нашу новую продукцию, а мы вносим очередные изменения. В конечном итоге корпорация создает андроида, которого выловить невозможно.

— Вы знаете о рефлекторном тесте Бонели?

— Да. Мы работаем над ганглиями спинного мозга. В один прекрасный день тест Бонели исчезнет с лица Земли. За ненадобностью...— Рэчел мягко улыбнулась.

Эта безобидная улыбка совершенно не стыковалась с ее словами. Рик никак не мог понять, серьезно Рэчел говорит или нет. Проблема общемирового значения подавалась на уровне хиханек-хаханек.

«Наверное, это особенность андроидов,— подумал Рик,— рассуждать о подобных проблемах в подобной манере. Полное отсутствие эмоциональности и непонимание *смысла* собственных слов. Пустое, формальное, чисто интеллектуальное определение отдельных терминов».

Более того, теперь Рэчел явно дразнила Рика. Как-то незаметно она перешла от оплакивания собственной судьбы к насмешкам над кавалером.

— Черт бы тебя побрал! — сказал он.

В ответ Рэчел просто рассмеялась:

— Я пьяна. Я не могу идти с тобой. Если ты оставишь меня здесь,— она сделала неопределенный жест,— я лягу спать, а после ты мне все расскажешь.

— Разумеется,— ответил Рик.— Вот только «после» не будет, потому что Рой Бати укокошит меня.

— Но я не могу помочь тебе. По крайней мере, сейчас. Я же пьяна. Главное, ты знаешь правду, тяжелую, противоправную,

скользкую правду. Я — всего-навсего наблюдатель и не должна ни во что вмешиваться. Я не должна спасать тебя, меня совершенно не заботит — ты укокошишь Роя Бати или он тебя. Меня заботит только одно — как самой остаться в живых.— Рэчел открыла глаза, они были большие и круглые.— Боже, я чувствую эмпатию только по отношению к самой себе. Понимаешь, если я отправлюсь в этот пригород, в это заброшенное здание...— Она протянула руку и начала играть с пуговицей на рубашке Рика, медленно, неторопливо, и он даже не заметил, как пуговица оказалась расстегнутой.— Я не посмею отправиться туда, потому что андроидам глубоко наплевать друг на друга, и я совершенно уверена, что эта гадина Прис Стрэттон укокошит меня и займет мое место. Понимаешь?.. Да раздевайся же ты!

— Зачем?

— Чтобы мы могли лечь в постель.

— Я купил черную нубийскую козу,— сказал Рик.— Я должен отправить в отставку еще трех анди. А закончив работу, я должен вернуться домой к жене.— Он поднялся и подошел к бутылке бурбона, аккуратно отмерил и влил в себя вторую порцию. Руки дрожали почти незаметно. Возможно, от усталости.

«Мы оба очень утомлены,— подумал он.— Мы слишком утомлены, чтобы отправляться на охоту за тремя анди, самыми опасными из всей восьмерки».

Он постоял со стаканом в руке, и к нему пришло понимание — а скорее, озарение,— что отправляться в таком состоянии на охоту за андроидом-лидером смерти подобно. Все случившееся началось с Бати. Им оно и закончится. До сей поры Рик встречал и отправлял в отставку лишь слабые подобия зловещего Бати. Теперь пришло время главной встречи... И Рик чувствовал, как поднимается в нем волна страха, как деревенеет от нее тело, как цепенеет мозг...

— Теперь я точно не пойду без тебя,— сказал он Рэчел.— Мне, судя по всему, даже небезопасно сидеть здесь. Полоков сам нашел меня. Гарленд тоже нашел меня.

— Думаешь, Рой Бати станет искать тебя? — Рэчел поднялась, чтобы поставить на тумбочку пустой стакан. А заодно стянула с грудей бюстгальтер. Потом избавилась от него окончательно, отбросила прочь. Постояла, покачиваясь, и заулыбалась.— В моей сумке,— сказала она,— лежит прибор, который выпускают наши марсианские фабрики-автоматы. Он предназначен для защиты от опанст...— она состроила гримаску,— от опасно-

сти. Его принимают...— она снова состроила гримаску,— применяют при проверке вновь изготовленных андроидов в случае, если они... Поищи в моей сумке. Напоминает устрицу. Увидишь...

Рик взялся за сумку. Можно было подумать, что она принадлежит женщине-человеку — Рэчел таскала с собой все, что можно и нельзя. И Рику сразу стало ясно, что поиски станут серьезным и длительным процессом.

Тем временем Рэчел отбросила в угол туфли и расстегнула молнию на шортах. Постояла, ерзая бедрами, сначала на одной, потом на другой ноге, пока шорты не сползли на пол. Подцепила их ногой и отправила вслед за туфлями. Повалилась на кровать и потянулась к тумбочке за стаканом, но столкнула его на ковер.

— Проклятье! — выругалась она и вновь поднялась на ноги. Стоя в полупрозрачных трусиках, она некоторое время наблюдала, как Рик роется в ее сумке. Потом ей это надоело, и она осторожно приподняла одеяло, скользнула под него и укрылась.

— Это? — Рик показал ей металлический шар с кнопкой.

— Прибор вводит андроида в состояние оцепенения,— сказала Рэчел, не открывая глаз.— На несколько секунд. Останавливает дыхание. У тебя тоже, но люди могут функционировать без вдзоха... без вхзода... не дыша пару минут. А вот блуждающий нерв у анди...

— Знаю.— Рик выпрямился.— Нервная система андроидов не столь гибка... Но ты сказала, прибор отключает их всего на несколько секунд?

— Этого достаточно,— пробормотала Рэчел,— чтобы спасти твою жизнь. Так что понимаешь...— Она вновь села на кровати.— Если сюда ворвется Рой Бати, эта штуковина должна находиться у тебя в руке, чтобы ты мог сразу же нажать кнопку. И пока Рой Бати будет изображать из себя статую, пока его мозг будет страдать от недостатка кислорода, ты наверняка успеешь убить его.

— В твоей сумке лежит лазерник,— сказал Рик.

— Липа.— Она зевнула и вновь прикрыла глаза.— Андроидам запрещено носить с собой лазерники.

Рик подошел к кровати.

Рэчел вдруг смутилась, перевернулась на живот и спрятала лицо в белых простынях.

— Чистая, прекрасная, девственная постель,— сказала она.— Только чистые, прекрасные девушки, которые...— Она помолча-

ла.— Андроиды не способны вынашивать детей,— добавила она потом.— Это недостаток?

Рик взялся за ее трусики и оголил белые холодные ягодицы.

— Это недостаток? — повторила Рэчел.— Не знаю даже, как и выразиться. Что это за ощущение — зачать ребенка? Что это за ощущение — чувствовать его в себе, а потом родить? Мы не рождаемся и не взрослеем. Вместо смерти от болезней или старости мы изнашиваемся, как муравьи. Опять муравьи, да?.. Вот кто мы все! Я не про тебя, я про себя. Мы — неживые, мы — заключенные в хитиновый корпус рефлексирующие механизмы.— Она приподняла голову и громко сказала: — *Я неживая!* Ты ложишься в постель не с женщиной. Не разочаруйся, хорошо?.. Ты вообще занимался когда-нибудь любовью с андроидом?

— Нет,— ответил Рик, развязывая галстук и расстегивая рубашку.

— Я узнавала... мне рассказывали... вполне убедительно, если не слишком задумываться, с кем ты. Но если задуматься, с кем... если зациклиться на том, что делаешь... тогда ничего не выйдет. По... э-э-э... психологическим причинам.

Он наклонился и поцеловал обнаженное плечо.

— Спасибо, Рик,— произнесла Рэчел потухшим голосом.— Помни главное: не задумывайся, с кем... просто делай это. Не останавливайся и не философствуй, потому что с философской точки зрения все происходящее печально. Для нас обоих.

— Но после,— сказал он,— я намерен отыскать Роя Бати. И мне нужно, чтобы ты отправилась со мной. Я знаю, что лазерник в твоей сумочке вовсе не липовый.

— Думаешь, я отправлю одного из них в отставку? В качестве подарка тебе, да?

— Думаю, несмотря на все, что сказала, ты мне поможешь. Иначе ты не лежала бы сейчас в этой постели.

— Я люблю тебя,— сказала Рэчел.— Если бы я вошла в комнату и увидела диван, покрытый твоей шкурой, у меня бы получился совсем человеческий результат по шкале Войта-Кампфа...

«Сегодня вечером,— подумал Рик, выключая свет,— я прикончу «Нексус-6», который будет выглядеть так же, как эта голая девочка. Боже милосердный, я влип! Как и предупреждал Фил Реш, я влип... Сначала переспать с ней,— вспомнил он.— А затем ее убить».

— Я не могу,— сказал он и отшатнулся от кровати.

— Очень жаль! — голос Рэчел задрожал.

— Не из-за тебя. Из-за Прис Стрэттон. Из-за того, что я должен буду сделать с ней.

— Но мы же с нею не одно и то же. Меня совершенно не заботит Прис Стрэттон. Послушай...— Рэчел скинула одеяло, и Рик различил в полумраке ее почти безгрудую, худенькую фигурку.— *Иди ко мне в постель, и я прикончу Прис Стрэттон.* Хорошо? Потому что я не могу не дойти до конца...

— Спасибо,— сказал он.

Чувство благодарности — ну конечно же, из-за бурбона — нарастало в его душе, сжимая горло.

«Двое,— подумал он.— Осталось двое, и можно уйти в отставку. В прямом смысле этого выражения... Остались только супруги Бати. Неужели Рэчел действительно способна поступить так? Переспать и убить?.. Видимо, да. Андроиды думают и функционируют совершенно по-другому...»

— Черт возьми! — нетерпеливо сказала Рэчел.— Ты идешь в постель или нет?!

И Рик пошел в постель.

ГЛАВА 17

Потом они насладились всей здешней роскошью.

Рик заказал в номер кофе. Он долго сидел в кресле, разрисованном зелеными, черными и золотыми листьями, неторопливо потягивал кофе и думал о предстоящей работе. Рэчел в ванной, попискивая и что-то мурлыча, плескалась под струями горячего душа.

— Когда делаешь дело, делай его хорошо,— громко сказала она, выключив воду. Потом, нагая и порозовевшая, появилась из ванной. Волосы ее были стянуты резинкой.— Мы, андроиды, не способны управлять своими чувственными страстями. Ты наверняка об этом знал, потому и воспользовался моей слабостью.— Тем не менее, она вовсе не выглядела по-настоящему рассерженной. Более того, она была жизнерадостной и ничем не отличалась от тех обычных девушек, которых знавал Рик.— Мы что, действительно должны отправляться за тремя анди прямо сейчас?

— Да,— сказал он.

«Двое мои, одна — твоя,— подумал он.— Ты права: если делаешь дело, делай его хорошо...»

Рэчел закуталась в огромное белое банное полотенце и спросила:

— Ты получил наслаждение?

— Да.

— Ты еще раз переспишь с андроидом?

— Если это будет девушка, похожая на тебя.

— Ты знаешь, сколько живут человекоподобные роботы типа меня? Я существую уже два года. Можешь подсчитать, сколько мне осталось?

Поколебавшись, Рик ответил:

— Около двух лет.

— Им никак не удается решить эту проблему. Я имею в виду восстановление клеток. Полная воспроизводимость или хотя бы частичное возобновление. Так обстоят дела.— Она принялась яростно растираться. Лицо ее сделалось подчеркнуто-равнодушным.

— Мне жаль,— сказал Рик.

— К дьяволу! — отмахнулась Рэчел.— Это мне жаль, что я упомянула об этом. Во всяком случае, такое положение удерживает людей от желания связывать жизнь с андроидом.

— Эта проблема не решена и у модели «Нексус-6»?

— Дело не в типе мозга, а в метаболизме.— Она огляделась, подняла с пола свои трусики и начала одеваться.

Рик тоже оделся. Затем, понимая друг друга без слов, они поднялись на крышу, где стоял ховеркар. От лифта их сопровождал охранник в белой униформе, и они по-прежнему молчали. И только когда поднялись в ночное небо, Рэчел сказала:

— Какая прекрасная ночь!

— Моя коза, наверное, уже спит,— отозвался Рик.— Если только козы не ведут ночной образ жизни. Некоторые животные не спят вовсе. Моя овца, к примеру. По крайней мере, я этого не замечал. Когда бы ты на нее ни глянул, она смотрит на тебя и ждет, что ты ее покормишь.

— А какая у тебя жена?

Он не ответил.

— У тебя, наверное...

— Не будь ты андроидом...— перебил Рик.— Если бы я мог юридически жениться на тебе, я бы прямо сейчас сделал тебе предложение.

— Или бы мы жили во грехе,— сказала Рэчел.— Да вот только я неживая.

— Юридически ты неживая. Но биологически все живые тебе и в подметки не годятся. Разве внутри тебя провода и микросхемы, как в поддельных животных? Ты — органическое существо.

«Но через два года ты износишься и умрешь,— добавил он мысленно.— Потому что нам никогда не решить проблемы кле-

точного восстановления, как ты уже отметила. И потому все мои чувства к тебе не имеют никакого значения...»

Он посмотрел на нее и вздохнул.

«Мне конец,— подумал он.— В смысле — как охотнику за премиальными. После супругов Бати ничего уже не будет. Но только после сегодняшнего вечера».

— Ты грустишь,— заметила Рэчел.

Он протянул руку и погладил девушку по щеке.

— Ты не сможешь больше охотиться на андроидов,— спокойно сказала она.— Так что не грусти. Пожалуйста!..

Он уставился на нее.

— Ни один охотник за премиальными не смог больше охотиться,— продолжала Рэчел.— После того, как переспал со мной. Кроме одного. Очень циничный человек. Зовут его Фил Реш. По-моему, он полный псих. Он работает не за деньги.

— Я знаю,— ответил Рик.

Его охватило оцепенение. Абсолютное. Во всем теле.

— Наша поездка не будет пустой тратой времени,— сказала Рэчел.— Ведь ты встретишься с замечательным, духовно богатым мужчиной.

— С Роем Бати.— Рик кивнул.— Ты хорошо знала их всех?

— Да, я знала их всех с самого момента появления. Теперь я знаю только троих. Мы попытались остановить тебя сегодня утром, прежде чем тебе в руки попал список Дейва Холдена. Потом я попыталась сама, перед тем, как Полоков настиг тебя. А потом мне оставалось только ждать.

— Пока я не сломаюсь,— сказал Рик,— и не позвоню тебе сам.

— Мы с Любой Люфт были близкими подругами почти два года. Что ты думаешь о ней? Она тебе понравилась?

— Она мне очень понравилась.

— Но ты убил ее.

— Ее убил Фил Реш.

— О-о-о... Выходит, в оперный театр вы вернулись вместе. Этого мы не знали. Как раз перед этим мы потеряли связь между собой. Мы поняли только то, что она убита. И, естественно, решили, что это твоих рук дело.

— Ознакомившись с записями Дейва,— сказал Рик,— я все еще способен отправить в отставку Роя Бати... Но вряд ли Ирмгард Бати...

«И наверняка не смогу убить Прис Стрэттон,— подумал он.— Даже сейчас, когда знаю все...»

— Выходит, все случившееся в отеле,— сказал Рик,— состоялось исключительно...

— Корпорация стремится связать руки охотникам за премиальными,— ответила Рэчел.— И здесь, и в Советском Союзе. И, кажется, наш план достиг цели... по причинам, которых мы так и не поняли. Видимо, и это из-за нашей ограниченности.

— Сомневаюсь, что ваш план работал так чисто и так безотказно, как ты говоришь,— хрипло сказал Рик.

— Но с тобой-то мы справились.

— Это мы еще посмотрим!

— Я уверена,— сказала Рэчел.— Когда я увидела на твоем лице это выражение, эту печаль... Я этого и добивалась.

— Сколько же раз ты проделывала сей постельный трюк?

— Не помню. Семь или восемь. Нет, наверное, девять.— Она кивнула.— Да, девять раз.

— Ваша идея провалилась,— сказал Рик.

— Ч-ч-что? — пораженно воскликнула Рэчел.

Резко сдвинув руль управления вперед, Рик перевел ховеркар в пикирование.

— Во всяком случае, со мной этот номер не пройдет. Я убью тебя. А потом займусь Роем и Ирмгард Бати. И даже с Прис Стрэттон обойдусь без твоей помощи.

— За этим ты и садишься? — В ней проснулся страх.— Прекрасно, однако я — собственность, законная собственность корпорации. Я не беглый андроид, удравший с Марса. Меня нельзя ставить на одну доску с остальными.

— Но если я смогу убить тебя,— сказал Рик,— то смогу убить и остальных.

Руки Рэчел схватили сумку, начали рыться в этом вместилище хлама, упорно, настойчиво. Но так ничего и не нашли.

— Проклятая сумка,— свирепо произнесла она.— Никогда не нахожу в ней то, что необходимо. Ты убьешь меня без лишних ран? Я хочу сказать, сделай это аккуратно. Я не буду сопротивляться, хорошо? Я обещаю не сопротивляться. Ты согласен?

— Я понял теперь, почему Фил Реш сказал то, что сказал. Он вовсе не старался выглядеть циничным, у него попросту громадный опыт. Пройдя через все это... Мне не в чем обвинить его. Работа деформировала его личность.

— Только не в ту сторону.— Внешне Рэчел выглядела успокоившейся. Ее напряженность быстро уменьшалась, и жизненная сила покидала ее.

Подобное Рик часто наблюдал и у других андроидов. Классическое смирение с обстоятельствами. Механическое, интеллектуальное принятие того, чему никогда не поддавался настоящий

организм, прошедший путь в два миллиарда лет борьбы за выживание.

— Терпеть вас, андроидов, не могу, когда вы сдаетесь,— жестко сказал он.

Кар уже приближался к земле, так что Рику пришлось резко потянуть руль на себя, чтобы предотвратить катастрофу. Затормозив, он опустил машину на землю, выключил двигатель и вытащил свой лазерник.

— В затылочную кость, в основание черепа,— попросила Рэчел.— Пожалуйста.— Она отвернулась, чтобы не видеть пистолета.

Но Рик уже убирал оружие:

— Я не могу сделать то, что сказал Фил Реш.— Он снова врубил двигатель, и через несколько секунд они опять были в воздухе.

— Если ты собираешься меня убить,— сказала Рэчел,— убей сейчас. Не заставляй ждать.

— Я не собираюсь тебя убивать.— Рик направил ховер в обратном направлении, к центру Сан-Франциско.— Твой кар на стоянке «Святого Френсиса»? Я отвезу тебя туда, и можешь уматывать в Сиэтл.— Больше сказать ему было нечего, и полет продолжался в молчании.

— Спасибо, что не убил меня,— сказала наконец Рэчел.

— Черт, да тебе осталось не более двух лет, ты же сама сказала. А мне — пятьдесят. Я проживу в двадцать пять раз дольше тебя.

— И тем не менее ты презираешь меня,— сказала Рэчел.— За мой поступок.— Ее голос снова обрел уверенность.— Ты прошел путем всех предыдущих охотников за премиальными. Все они выходили из себя и дико орали, что убьют меня, но когда дело доходило до действия, кишка у них оказывалась тонка. Точь-в-точь, как у тебя сейчас.— Она закурила сигарету, с наслаждением затянулась.— Ты ведь понимаешь, что это означает, не так ли? Это значит, что я была права: ты не сможешь больше отправлять андроидов в отставку. Я имею в виду не только себя, но и супругов Бати, и Стрэттон. Я думаю, тебе самое время убираться домой, к своей козе. И чуть-чуть отдохнуть.— Она вдруг подскочила, стряхнув что-то с плаща.— Бл...дь! — сказала она.— Пепел упал.— И вновь опустилась на сиденье, откинулась на спинку, расслабилась.

Рик ничего не ответил.

— Эта твоя коза...— продолжала Рэчел.— Ты ее любишь больше, чем свою жену. Сначала коза, потом жена, а уж потом все мы, грешные.— Она расхохоталась.— Что тебе осталось, кроме смеха?

Рик опять ничего не ответил. Пару минут они летели молча, потом Рэчел потянулась к радиоприемнику и включила его.

— Выключи,— сказал Рик.

— Выключить Бастера Френдли? Выключить Аманду Вернер и Оскара Скраггса? Пришло время послушать обещанную Бастером сенсационную новость, сейчас он ее выложит.— Она посмотрела на часы.— Совсем скоро. Ты уже слышал? Он своей сенсацией все уши прожужжал, подогревает интерес...

Из динамика донесся голос:

— ..о да, хочьетца вам разговорьить, льюди, вот сидью рьядом с Басти, и мы разговарьем и потрьясно проводьим времья, напряжьенно ждьем с мьинут на мьинут, что этот новость, этот потрьясный заявлений...

Рик выключил радио.

— Оскар Скраггс,— сказал он.— Голос приличного человека...

Рэчел протянула руку, вновь включила радио.

— Я хочу слушать. Я *буду* слушать. Это чрезвычайно важно — то, что Бастер Френдли покажет всем сегодня.

Идиотский голос вновь начал бурчать из динамика, Рэчел откинулась на спинку сиденья, приняла удобную позу. Разгорающийся в темноте огонек сигареты сверкал как светлячок в ночи: бесспорный символ победы Рэчел Роузен. Ее победы над Риком.

ГЛАВА 18

— Принесите сюда остальные мои вещи,— сказала Прис Дж. Р. Изидору.— Я хочу посмотреть телевизор. Мы должны знать, что за сенсационную новость приготовил Бастер.

— Да,— согласилась Ирмгард Бати, ясноглазая и стремительная, как стриж.— Нам нужен телик. Мы долго ждали сегодняшнего вечера.

— Мой телевизор показывает правительственный канал,— сказал Изидор.

Рой Бати, сидевший в углу гостиной в глубоком кресле, казавшемся продолжением его тела, поднялся и терпеливо объяснил:

— Мы хотим смотреть Бастера Френдли, Из. Или хотите, чтобы я называл вас Джей Эр?.. Как бы то ни было, вы ведь понимаете? Так что сходите-ка за телевизором.

Изидор прошел по пустому холлу к лестнице. Сильный аромат счастья по-прежнему жил в его сердце, порождая чувство гордости: ведь впервые в своей унылой жизни он кому-то нужен.

«От меня зависят другие!» — ликовал он, спускаясь по запыленным ступенькам.

А потом он с радостью понял, что сейчас не просто услышит Бастера Френдли (как по радио в грузовике), а увидит его. И не только самого Бастера, но и его сенсационную новость, возможно, самую важную новость за многие-многие годы. И все это благодаря Прис, Ирмгард и Рою...

Нет, жизнь определенно двинулась вверх.

Он вошел в квартиру, которую еще утром занимала Прис, отключил телевизор от электричества и отсоединил антенну. Тут на него набросилась тишина, и он сразу почувствовал слабость в руках. В отсутствие супругов Бати и Прис он почувствовал, что исчез из жизни и стал похож на выключенный телевизор.

«Надо находиться рядом с другими людьми,— подумал он.— Хотя бы для того, чтобы выжить. Конечно, до их появления я вполне мог выдерживать свое одиночество. Но теперь все изменилось, и возврата назад нет. Невозможно уйти от людей к нелюдям».

Его охватила жуткая паника, когда он осознал, как сильно теперь зависит от них. Слава Богу, что они остались...

Он прикинул количество вещей и решил, что справится с ними за два раза. Сначала отнесет телевизор, а затем вернется за оставшимися вещами Прис.

Через несколько минут он уже втаскивал телевизор в свою квартиру. Пальцы от тяжести едва ли не стонали, но он аккуратно поставил аппарат на кофейный столик в гостиной. Супруги Бати и Прис равнодушно наблюдали за его возней.

— В нашем здании хороший сигнал,— сказал Изидор, отдышавшись. Он воткнул вилку в розетку и подсоединил антенну.— Когда я смотрел Бастера Френдли и его...

— Включайте,— оборвал его Рой Бати.— И хватит болтать.

Изидор включил телевизор и вновь поспешил к двери.

— Схожу еще раз и принесу остальное.— Однако на пороге он задержался, чувствуя, что их присутствие по-настоящему согревает его.

— Вот и прекрасно,— в голосе Прис звучало равнодушие.

Изидор вздохнул и отправился вниз.

«Наверное, они эксплуатируют меня»,— подумал он. Однако он этому только радовался. Ведь иметь друзей хорошо...

Внизу он собрал вещи девушки, уложил в два чемодана и вновь отправился в путь по холлу и лестнице.

И вдруг на очередной ступеньке заметил в пыли какое-то движение.

Он поставил чемоданы тремя ступеньками ниже, вытащил из кармана пластмассовый пузырек из-под лекарства, который, как все люди, всегда носил при себе. Перед ним был паук! Пусть и почти незаметный, но живой! Дрожа, Изидор опустил его в пузырек и плотно завернул крышечку, в которой иголкой были проделаны крошечные отверстия.

На этот раз он остановился, чтобы отдышаться, еще в дверях своей квартиры.

— ...Да, люди! Время *пришло*. Это Бастер Френдли, который надеется, что вы полны страстного желания узнать о невероятном открытии, которое мне удалось сделать и которое подтверждено специалистами самого высокого уровня, которые в течение последних недель работали не покладая рук. Эй, люди! *Вот моя новость!*

— Я нашел паука,— сказал Джон Изидор.

Три андроида посмотрели на него, на секунду оторвавшись от телеэкрана.

— Давайте посмотрим...— Прис протянула руку.

— Не болтайте, когда на экране Бастер! — рявкнул Рой Бати.

— Но я никогда не видела паука! — Прис взяла пузырек, разглядывая сидевшее внутри существо.— Ой, сколько у него ног! Зачем ему так много ног, Джей Эр?

— Он как и все пауки,— сказал Изидор. Сердце его колотилось, и было трудно дышать.— У него восемь ног.

— Знаете, что я думаю, Джей Эр? — сказала Прис, поднимаясь.— По-моему, ему столько ног не требуется.

— Восемь? — переспросила Ирмгард Бати.— Неужели он не сможет двигаться на четырех? Отрежь-ка четыре, и посмотрим.— Она быстро открыла сумочку, вытащила маленькие блестящие маникюрные ножнички и протянула Прис.

Дж. Р. Изидора охватил дикий ужас.

Прис — с пузырьком в одной руке и ножницами в другой — отправилась на кухню и села за обеденный стол. Она отвернула крышку пузырька и вытряхнула паука.

— Видимо, он не сможет бегать так же быстро,— сказала она,— но ему все равно ни к чему бегать, раз некого ловить. Этот паук в любом случае умрет.— Она щелкнула ножничками.

— Пожалуйста,— сказал Изидор.

Прис посмотрела на него вопросительно:

— Он дорого стоит?

— Не калечьте его,— умоляюще протянул Изидор.

Прис отстригла пауку одну из лапок.

В гостиной Бастер Френдли рассказывал:

— Посмотрите на этот кадр — увеличенный фрагмент пейзажа. Это небо, которое вы обычно видите. Сейчас я попрошу, чтобы Ирл Парамитер, глава моей исследовательской группы, объяснил вам суть открытия, которое потрясет весь мир.

Прис отстригла вторую лапку и ограничила рукой кусок стола, по которому ползал паук. Она следила за ним с улыбкой.

— Если подвергнуть увеличенный видеокадр современным методам исследования,— заговорил по телевизору новый голос,— несомненен единственный вывод: серый фон неба и дневная луна, на фоне которых шагает Мерсер, не только неземные, они — искусственные.

— Вы все пропустите! — крикнула Ирмгард и примчалась на кухню, чтобы посмотреть, чем занимается Прис.— Проверишь потом,— принялась уговаривать она.— То, о чем они рассказывают, гораздо важнее! Это доказывает, что все, во что мы верили...

— Тише вы! — крикнул Рой Бати.

— ..является истиной! — договорила Ирмгард.

— Так называемая «луна» нарисована,— продолжал голос из телевизора.— На одном из увеличенных кадров — вы видите его сейчас на экране — хорошо различаются мазки кисти. Кроме того, у нас есть доказательство, что высохшие сорняки, бесплодная почва... а возможно, и камни, которые швыряют в Мерсера невидимые противники... так же поддельны. Вполне вероятно, что «камни» изготовлены из мягкой пластмассы и не могут причинить настоящих ран.

— Другими словами,— перебил Бастер Френдли,— Мерсер вообще не страдает.

Глава исследовательской группы продолжал:

— Нам наконец удалось, мистер Френдли, найти одного человека, который занимался в Голливуде спецэффектами. Его зовут мистер Уэйд Кортот, и он, изучив снимки, заявил, что, на взгляд опытного человека, фигура «Мерсера» движется на фоне декораций. Более того, он узнал сценическую площадку и декорации, которые использовал один кинопромышленник, у которого Кортот работал несколько десятилетий назад.

— И сомнений заявление Кортота не вызывает,— добавил Бастер Френдли.

Прис к этому моменту отстригла пауку третью ногу, и несчастный ползал по столу, пытаясь освободиться. Но не мог.

— Разумеется, было бы глупо не поверить такому специалисту, как Кортот,— продолжал руководитель исследовательской группы сухим и педантичным голосом.— Мы провели много вре-

мени, изучая фотографии актеров, работавших в студиях пришедшего ныне в упадок Голливуда.

— И вы разыскали...

— Слушайте! — крикнул Рой Бати.

Ирмгард, шагнув к двери, пристально уставилась на телеэкран, и даже Прис перестала калечить паука.

— Просмотрев тысячи снимков, мы нашли старика, которого зовут Эл Джари. Он сыграл несколько эпизодических ролей в довоенных фильмах. Затем мы послали группу сотрудников в дом Эла Джари в Ист-Хармони, штат Индиана. И теперь я предоставляю слово одному из членов группы.

Наступила тишина. А потом заговорил новый голос, столь же скучный:

— Дом на Ларк-авеню в Ист-Хармони ветхий и запущенный. Расположен на окраине, где никто, кроме Эла Джари, не живет. Он любезно пригласил нас в грязную и захламленную гостиную, и я просканировал с помощью ментоскопа запутанное и туманное сознание Эла Джари, который сидел как раз напротив меня.

— Слушайте же! — опять крикнул Рой Бати. Он ерзал на краешке кресла, будто собирался броситься в атаку.

— Я обнаружил,— продолжал техник,— что старик и в самом деле снимался в серии коротких пятнадцатиминутных видеофильмов для заказчика, с которым никогда не встречался. Что «камни», как мы и предполагали, действительно изготовлены из каучукоподобной пластмассы, а «кровь» подменялась кетчупом.— Техник хихикнул.— Единственное же страдание, которому действительно подвергался мистер Джари, это невозможность в течения всего рабочего дня принять на грудь порцию виски.

— Значит, Эл Джари? — Бастер Френдли вновь появился на экране.— Ну и ну! Старик и в лучшие свои времена никогда не стремился к чему-либо, за что его можно было уважать. Эл Джари снялся в скучных унылых фильмах, а вернее, в целой серии фильмов, даже не зная для кого. И по сей день этого не знает.— Бастер хмыкнул.— Сторонники мерсеризма часто заявляют, что Уилбур Мерсер — вовсе не человек, что в действительности он — едва ли не божество, прилетевшее к нам с далекой звезды. Что ж, теперь вы видите, что это полная правда. Уилбур Мерсер и в самом деле не человек и в действительности не существует. Мир, в котором он совершает свое восхождение,— Голливуд, дрянная киностудия, которая давным-давно превратилась в хлам. Кто же, в таком случае, породил эту ложь и обманывал всю Солнечную систему? Задумайтесь над этим, люди...

— Мы можем никогда не узнать это,— пробормотала Ирмгард.

— Мы можем никогда не узнать это,— продолжал Бастер Френдли.— Как и цель этого надувательства. Да, люди, именно надувательства. *Мерсеризм — это откровенное надувательство.*

— Я считаю, мы знаем,— сказал Рой Бати.— Это же очевидно. Мерсеризм родился...

— Задумайтесь над этим, люди,— повторил Бастер Френдли.— Спросите себя, в чем заключается сила мерсеризма. Ну, если верить многочисленным его последователям, она в слиянии...

— Это эмпатия, которой обладают люди,— сказала Ирмгард.

— ..мужчин и женщин всей Солнечной системы в единое целое. Но единое целое, которое управляется так называемым «телепатическим голосом Мерсера». Отметьте это. Любой честолюбивый политик, потенциальный Гитлер, мог бы...

— Нет, это все эмпатия,— яростно заявила Ирмгард. Сжав кулаки, она подскочила к Изидору.— Разве она доказывает, что люди способны на большее, чем мы? Потому что без Мерсера, без общения с ним, мы вынуждены верить *вам на слово*, мы должны верить, что вы впадаете в эмпатическое состояние — это неведомое групповое слияние... Что с пауком? — Она заглянула Прис через плечо.

Та отстригла пауку еще одну лапку.

— Осталось четыре,— сообщила она и подтолкнула паука пальцем.— Не ползет. Хотя и может.

В дверях, взволнованно дыша, появился Рой Бати. На лице его застыло выражение нескрываемого удовлетворения.

— Дело сделано. Бастер заявил во всеуслышание, и каждый человек в Системе услышал его слова: «Мерсеризм — надувательство». Весь опыт эмпатии — надувательство.— Он подошел к столу, с любопытством посмотрел на паука.

— Он не хочет двигаться,— сообщила Ирмгард.

— Сейчас я заставлю его двигаться.— Рой Бати достал коробок спичек, зажег одну и поднес к пауку — ближе и ближе, пока тот не пополз от огня.

— Я была права,— заявила Ирмгард.— Я же сказала, что он может ходить и на четырех ногах! — Она глянула на Изидора: — Что случилось? — Она погладила его по руке.— Вы ничего не потеряли. Мы заплатим вам по... как он называется?.. по каталогу «Сидни». Не смотрите так, что за печаль?.. Или вы огорчились из-за Мерсера, потому что они о нем такое разузнали? Из-за этих исследований?.. Эй, ответьте же! — Она с тревогой потрясла Изидора за руку.

— Он огорчился,— сказала Прис,— потому что у него есть личный эмпатоприемник. В другой комнате. Вы же пользуетесь им, правда, Джей Эр?

— Конечно же, пользуется,— заметил Рой Бати.— Они все им пользуются... Возможно, они хоть теперь начнут над этим задумываться.

— Я вовсе не считаю, что эта новость убьет культ Мерсера,— возразила Прис.— Хотя сейчас большинство людей отнюдь не испытывают счастья.— Она повернулась к Изидору.— Мы ждали передачи несколько месяцев, мы знали, что Бастер дискредитирует мерсеризм.— Она поколебалась несколько секунд, но в конце концов добавила: — А почему бы и нет?.. Бастер — один из нас.

— Он — андроид,— пояснила Ирмгард.— И никто об этом не знает. Я имею в виду, не знают люди.

Прис отстригла пауку еще одну лапку. Внезапно Джон Изидор оттолкнул девушку и схватил искалеченное создание. Он отнес паука к раковине и, пустив воду, утопил его. И обнаружил, что вместе с пауком утонули все его мысли и чаяния.

— Он и вправду расстроен,— нервно сказала Ирмгард.— Не смотрите так, Джей Эр. И почему вы все время молчите? — Она повернулась к Прис и мужу.— Он меня пугает... Стоит возле раковины и молчит. Он не сказал ни единого слова с тех пор, как мы включили телевизор.

— Причина не в телевизоре,— сказала Прис.— Причина в пауке. Не так ли, Джон Эр Изидор? Но он привыкнет...

Ирмгард пошла в гостиную, чтобы выключить телевизор. Рой Бати смотрел на Изидора так, будто забавлялся. Потом сказал:

— Теперь все кончено, Из. Для мерсеризма, я имею в виду.— Ногтем он подцепил из раковины трупик паука.— Возможно, это был последний паук,— сказал он.— Последний живой паук на Земле.— Он помолчал, размышляя.— В таком случае теперь все кончено и для пауков.

— Я... не чувствую с-себя хорошо...— пробормотал Изидор и достал из кухонного шкафчика чашку. Сколько он простоял, держа ее в руке, он и понятия не имел. И наконец спросил Роя Бати: — Небо за с-спиной Мерсера нарисовано? Ненастоящее?

— Вы же видели увеличенный видеокадр на телеэкране,— ответил Рой Бати.— Мазки кисти.

— Мерсеризм не исчезнет,— сказал Изидор.

Что-то напугало этих трех андроидов, что-то ужасное...

«Наверное, паук,— подумал Изидор.— Этот паук мог оказаться последним на Земле. Так сказал Рой Бати». И паук погиб. И Мерсер погиб: он, Изидор, видел пыль на руинах его дома. Повсюду пыль. И хламье, которое захватывает все новые и новые места... Изидор слышал приближение хламья, беспорядок переходил в последнюю атаку. Хламье вскоре одержит оконча-

тельную победу, оно нависло над Изидором, окружило его, а он все еще держал в руке пустую чашку. Кухонная мебель уже начала скрипеть и раскалываться, и Изидор чувствовал, что то же самое происходит и на нижних этажах.

Протянув руку, он коснулся стены, и она треснула. Серые крошки, шурша, потекли, заспешили вниз — осыпающаяся штукатурка напомнила Изидору радиоактивную пыль. Он попытался присесть к столу, но гнилые, полые ножки стула тут же подломились. Он успел вскочить на ноги, поставил чашку на стол и попытался отремонтировать стул, но ножки разламывались в его руках, а винты, которыми он пытался скрепить разваливающиеся части, падали и проваливались в щели пола, и чашка на столе покрылась паутиной тонких трещин, и отвалилась от нее ручка, а потом и сама чашка превратилась в кучку бесформенных осколков, и хламья становилось все больше...

— Что он делает? — Голос Ирмгард дошел до Изидора, как будто издалека.— Он же ломает все вокруг! Изидор, прекратите!..

— Это не я,— сказал Изидор.

Его качало, но он отправился в гостиную, потому что хотел одиночества. Потом он стоял рядом с изодранной кушеткой и пялился на желтую стену, усыпанную пятнами, которые были оставлены однажды неведомыми умирающими жуками, и вновь вспомнил трупик паука с четырьмя лапками. Все здесь невероятно старо, понял он. Распад начался так давно, что его теперь уже не остановить. И труп паука открыл наступлению хламья новые пути...

И вот уже открылись разломы в полу, в них лежали останки животных: голова вороны, мумифицированные руки, которые могли принадлежать обезьянам. И ослик стоял в стороне, бездвижно, но как живой; по крайней мере, он еще не разлагался. Изидор двинулся к нему, чувствуя, как хрустят под ногами кости, будто хворост, но не успел добраться до ослика, которого любил едва ли не больше всех остальных... Блестящая синяя ворона упала сверху и уселась на лбу ослика. «Не тронь!» — крикнул Изидор, однако ворона уже быстро выклевала ослику глаза. «Опять я здесь,— подумал Изидор.— Опять это со мной случилось. И я буду здесь долго. Как прежде. Поскольку ничто здесь не изменилось».

Зашелестел сухой ветер, захрустели вокруг кости. Изидор почувствовал, что их теперь может уничтожить даже ветер. В таком-то состоянии... Едва время не останавливается. «Жаль, я не могу вспомнить, как выбраться отсюда»,— подумал он. Посмотрев наверх, он не увидел ничего, за что бы можно было ухватиться.

— Мерсер! — громко позвал он.— Мерсер, ты где? Я вновь попал в загробный мир, но на этот раз тебя здесь нет.

Что-то проползло по его ноге. Изидор встал на колени и начал искать, и нашел, потому что существо двигалось очень медленно. Это искалеченный паук полз, хромая, на четырех оставшихся лапах. Изидор поднял его, осторожно положил на ладонь. «*Кости самовосстанавливаются,*— подумал он.— И паук вновь живой. Мерсер должен быть где-то рядом».

Ветер стал крепче, он ломал и разбрасывал оставшиеся кости, но Изидор ощущал присутствие Мерсера.

«Приди же,— позвал он Мерсера.— Проползи по моей ноге или отыщи другой способ встретиться со мной. Хорошо?.. Мерсер!» — позвал он и громко повторил вслух:

— Мерсер!

А вокруг уже теснились сорняки, они окружали Изидора, они лезли на стены, росли, тянулись, пока не превращались в споры. Споры наливались и раскалывались, разбрасывая ржавые куски железа и осколки бетонных плит, из которых когда-то были построены стены. Но когда стены рухнули, наступило опустошение. Опустошение наступает после всего...

После всего, кроме хилой, туманной фигуры Мерсера. Старик шел Изидору навстречу, спокойный как никогда.

— Небо нарисовано? — спросил Изидор.— Мазки, обнаруживающиеся при увеличении кадра, существуют?

— Да,— сказал Мерсер.

— Но я не вижу их.

— Ты подошел слишком близко. Ты должен идти длинным путем, путем андроидов. У них перспектива лучше.

— Поэтому они и обвинили тебя в том, что ты — мошенник?

— Я и есть мошенник,— ответил Мерсер.— Они правдивы. И их расследование правдиво. С точки зрения андроидов, я — пожилой, давно отправленный в отставку актер по имени Эл Джари. Они действительно приезжали ко мне и взяли интервью. И я рассказал им все, что они хотели знать.

— И даже о виски?

Мерсер улыбнулся:

— Это же правда... Они неплохо поработали. С их точки зрения, разоблачение из уст Бастера Френдли все разрушит. Им придется поработать, чтобы понять, почему после разоблачения ничего не изменилось. А почему? Да потому, что и ты, и я все еще здесь.— Мерсер поднял руку, указывая на знакомый бесплодный каменистый склон.— Я выведу тебя из загробного мира сейчас и буду выводить впредь — до тех пор, пока ты не утратишь интерес к жизни и не захочешь уйти. Но ты должен прекратить искать меня, потому что я никогда не прекращу искать тебя.

— Мне не понравилось упоминание о виски. Это унизительно.

— Дело в том, что ты высокоморальный человек. А я — нет. Я никогда никого не осуждал, в том числе и себя самого.— Мерсер протянул Изидору сжатую в кулак руку.— Пока я не забыл... Это твое.— Мерсер разжал кулак.

На его ладони спокойно сидел тот самый, искалеченный паук. Все лапки у него были целы.

— Спасибо! — Изидор пересадил паука на свою ладонь и хотел спросить Мерсера еще о чем-то...

Но тут система сигнализации подняла тревогу.

— В здании охотник за премиальными! — зарычал Рой Бати.— Выключите свет! Оттащите этого от эмпатоприемника. Пусть стоит наготове у двери. Быстрее! *Сдвиньте его с места!*

ГЛАВА 19

Джон Изидор посмотрел вниз и увидел свои пальцы, вцепившиеся в рукоятки эмпатоприемника. Пока он приходил в себя, свет в гостиной погас. Изидор успел заметить, как метнулась в кухню Прис, спеша выключить свет и там.

— Послушайте, Джей Эр,— прошептала Ирмгард Бати в самое ухо Изидора, вцепилась ему в плечо и принялась трясти со всей силой.

Судя по выражению ее лица, она совершенно не сознавала, что делает. В слабом свете, проникавшем сквозь окна, ее лицо исказилось, стало похожим на тарелку, глаза начали косить и как будто лишились век.

— Вы будете ждать у двери, когда он постучит,— шептала Ирмгард.— Если, конечно, он постучит... Вы предъявите ему свой идентификат и заявите, что это ваша квартира и, кроме вас, здесь никого нет. И потребуете показать ордер на обыск.

Прис, уже прильнув к нему, шептала в другое ухо:

— Не впускайте его, Джей Эр. Говорите ему что-нибудь или делайте что-нибудь такое, что его остановит. Знаете, что он сделает, если впустить его в квартиру? Понимаете, что он совершит с нами?

Изидор стряхнул с себя женщин-андроидов и ощупью двинулся к двери. Нашел пальцами ручку и прислушался. Как всегда, ощутил холл за дверью, пустой и безжизненный.

— Слышишь что-нибудь? — грубо спросил Рой Бати, подойдя почти вплотную.

Изидор мгновенно почувствовал холодок страха, который расходился от тела андроида, будто туман.

— Выйди и посмотри,— сказал Рой Бати.

Открыв дверь, Изидор внимательно осмотрел холл. Воздух тут оказался свеж, хотя и с обычным привкусом пыли. Изидор все еще держал в ладони паука, отданного ему Мерсером. Был ли это тот самый паук, которому Прис отстригла лапки маникюрными ножницами Ирмгард? Вероятно, нет. Вероятно, правды Изидор никогда не узнает. Как бы то ни было, паук был жив. Он ползал в кулаке, но не кусался: он был из тех маленьких пауков, которые не способны прокусить кожу человека.

Изидор прошел до конца холла, спустился по ступенькам и свернул на террасу. В былые времена здесь зеленел огромный зимний сад. Во время войны сад погиб, да и терраса кое-где обвалилась. Но Изидору была знакома здесь каждая выбоина в полу, и он запросто вышел на террасу, прошел вдоль фасада здания и добрался до единственного зеленого пятна размером в квадратный ярд, окруженного пылью: пятно это составляли несколько полуживых сорняков. Изидор стал на колени, выпустил паука и почувствовал, как тот сбежал с его ладони. Что ж, дело сделано!.. Изидор поднялся с колен и выпрямился.

Луч фонарика осветил траву. В его свете полуживые стебли выглядели зловеще и казались совершенно незнакомыми. Зато Изидор вновь увидел паука, который сидел на зубчатом листке. Похоже, он чувствовал себя неплохо.

— Что вы здесь делаете? — спросил обладатель фонарика.

— Я выпустил паука,— удивленно сказал Изидор. Неужели незнакомец не видит?..

В ярком свете фонарика паук казался больше, чем жизнь.

— И теперь он может уйти.

— Почему вы не отнесли его к себе домой? — спросил незнакомец.— Вам надо было посадить паука в аптечный пузырек. Согласно январскому номеру «Сидни», большинство пауков выросли в розничной цене на десять процентов. Вы могли бы получить сотню с лишним.

— Если я вернусь с ним туда,— сказал Изидор,— она вновь начнет отстригать ему лапки. Постепенно. И смотреть, сможет ли он бегать.

— Так поступают андроиды,— сказал мужчина. Он засунул руку в карман пальто, вытащил что-то и протянул Изидору.

В свете фонарика охотник за премиальными показался Изидору совершенно обычным человеком. Круглое лицо, ни бороды, ни усов, ничего запоминающегося. Как клерк бюрократической конторы. Методичный, но неформальный. И не полубог в форме, как ожидал Изидор.

— Я следователь полицейского департамента Сан-Франциско, Декард, Рик Декард.— Мужчина убрал идентификат назад, в карман пальто.— Они там? Вся троица?

— Существа,— сказал Изидор.— Я забочусь о них. Двое — женщины. Они последние из группы, остальные умерли. Я перетащил телевизор из квартиры Прис в мою, так что они могли смотреть Бастера Френдли. Бастер, без сомнения, доказал, что Мерсер не существует.— Изидор заволновался, сообщая охотнику новость, о которой тот, возможно, еще ничего не слышал.

— Давайте поднимемся наверх,— сказал Декард. Потом вдруг достал лазерный пистолет и направил на Изидора, но через секунду, хотя и нерешительно, опустил оружие.— Вы ведь специал, не так ли? — спросил он.— Безмозглик.

— Но у меня есть работа. Я вожу грузовик...— Изидор охнул, обнаружив, что забыл название.— Клиника... Клиника... Клиника Ван Несса,— вспомнил он.— Ее хозяин — Ганнибал Слоут.

— Не проводите меня до квартиры, где они прячутся? В этом здании более тысячи квартир. Вы сэкономите мне кучу времени.— В голосе охотника чувствовалась сильная усталость.

— Если вы убьете их, вы больше не сможете сливаться с Мерсером,— сказал Изидор.

— Вы не хотите проводить меня?.. Скажите хоть, на каком этаже... Просто скажите мне, на каком этаже. А квартиру я и сам вычислю.

— Нет,— сказал Изидор.

— Согласно федеральному законодательству и законам штата...— начал Декард. И замолчал.— Спокойной ночи! — сказал он и пошел прочь, по террасе, внутрь здания.

Его фонарик кровоточил желтой струей света, растекающейся по дорожке.

* * *

Оказавшись внутри пустующего здания, Рик Декард выключил фонарик — тусклого света лампочек, которые горели на лестнице и в холлах, хватало, чтобы не только идти, но и думать на ходу.

«Безмозглик знал, что они — андроиды,— сказал себе Рик.— Знал до того, как я сообщил об этом. Знал, но не понимал, что это значит. С другой стороны, а кто понимает? Может, я? *Понимал ли я?*.. Один из анди — дубликат Рэчел,— вспомнил он.— Возможно, специал спал с ней. Интересно, приглянулась ли она ему? И не она ли пыталась отрезать пауку лапки?..»

Вокруг царила тишина.

«Можно вернуться и забрать с собой паука,— сказал себе Рик.— Я никогда не находил живых диких животных. Наверное, ощущение фантастическое: нагнуться и увидеть, что от тебя пытается удрать что-то живое. Возможно, в один прекрасный день повезет и мне, как повезло безмозглику».

У Рика был с собой прибор прослушки. Охотник включил его и настроил. Детектор начал вращаться, по экрану побежали вспышки. В тишине холла прибор ничего не зафиксировал. «На этом этаже пусто»,— подумал Рик и перевел детектор в режим вертикального сканирования. И тут же зафиксировал слабый сигнал. Выше. Рик убрал прибор в кейс и шагнул на ступеньки.

В конце лестничного марша, укутанный тенью, кто-то стоял.

— Только шевельнись, и я тут же отправлю тебя в отставку,— сказал Рик, вглядываясь в тень.

В тени затаился мужчина. Пальцы Рика уже сжимали лазерник, но оружие стало вдруг немыслимо тяжелым: его было не поднять, не то что прицелиться... Это была ловушка, совершенно примитивная и вполне ожидаемая, и Рик попался, как пацан...

— Я не андроид,— сказал мужчина.— Меня зовут Мерсер.— Он шагнул из тени на свет.— Я живу в этом здании из-за мистера Изидора. Специала, у которого есть паук. Вы недавно с ним беседовали.

— Значит, я отлучен от мерсеризма? — спросил Рик.— Безмозглик был прав? Из-за того, что я намерен сделать в ближайшие несколько минут?

— Мистер Изидор говорил за себя, а не за меня,— сказал Мерсер.— Твое дело должно быть завершено. Я уже говорил об этом.— Он указал рукой за спину Рика.— Я пришел сообщить тебе, что один из них позади тебя, а не в квартире. С ним будет сложнее всего, но ты должен отправить его в отставку первым.— Шелестящий старческий голос приобрел юношескую звонкость: — Быстро, мистер Декард! На ступеньки!

Пистолет мгновенно полегчал, Рик развернулся, подогнул колени и ощутил бедрами ступеньки. К нему скользила женщина, которую он знал; женщина, которую он просто не мог не узнать. И не мог не опустить пистолет.

— Рэчел,— ошеломленно пробормотал он.

Неужели она полетела за ним в своем ховере? Неужели она следит за ним? Но почему?

— Возвращайся в Сиэтл,— решительно сказал Рик.— Оставь меня в покое. Мерсер объяснил мне, что я должен закончить дело.

И тут он увидел, что это не совсем Рэчел.

— Ради того, что мы должны значить друг для друга! — сказал андроид, приближаясь к Рику и протягивая руки, как будто собираясь обнять его...

«Одежда не та,— подумал Рик.— Но глаза, глаза те самые! И остальное тоже. Их, наверное, целый легион, и имя им — Рэчел Роузен. Корпорация изготовила их, чтобы защитить остальных».

Она неслась к нему с мольбой на лице, но Рик выстрелил.

И закрыл глаза — чтобы не видеть, как разлетаются останки разорванного на части андроида. А потом открыл и увидел, как скачет вниз по ступенькам лазерный пистолет (не его!), все ниже и ниже, ниже и ниже, и только на площадке замирает, наткнувшись на стену...

«С ним будет сложнее всего, сказал Мерсер...— Рик посмотрел туда, где стоял старик, но Мерсера и след простыл.— Они могут преследовать меня, эти Рэчел Роузен, пока я не умру. Или пока эта модель не выйдет из употребления. Вот только что случится раньше?.. Один из них не в квартире, сказал Мерсер... А ведь он спас меня,— подумал Рик.— Он появился и предупредил. Она бы... он бы прикончил меня, если бы Мерсер не предупредил. Теперь я могу завершить дело... Это было невозможно, она знала, что я не смогу... Но все кончено. В один момент. Я сделал невозможное. А с супругами Бати я разберусь по стандартной процедуре. С ними будет тяжело, но не так, как... с этим».

Он стоял один в пустом холле. Мерсер покинул его, выполнив свою миссию, от Рэчел — вернее, от Прис Стрэттон — ничего не осталось. Но где-то в здании ждали супруги Бати, зная, что случилось пару минут назад. Наверное, они боялись. Нападение было их ответом на появление в здании охотника. Это был их единственный шанс. И без Мерсера они бы его использовали. Но теперь к ним пришла зима...

«Надо покончить со всем этим как можно быстрее»,— подумал Рик. Он достал из кейса ментоскоп, включил его, и прибор тут же зафиксировал ментальную активность. Ну вот он и нашел квартиру. И прибор теперь не нужен. Рик убрал его в кейс и постучал в дверь.

— Кто там? — спросил мужской голос.

— Это мистер Изидор,— сказал Рик.— Впустите меня, п-потому что я забочусь о вас, и двое из вас — женщины.

— Мы не откроем дверь,— сообщил женский голос.

— Я хочу посмотреть Бастера Френдли по телевизору Прис,— сказал Рик.— Теперь, когда он доказал, что Мерсера не существует, очень важно смотреть его передачи. Я вожу грузовик клиники Ван Несса, которая принадлежит мистер Ганнибалу С-

с-слоуту.— Надо заикаться побольше. Как Изидор.— Вп-п-пустите меня! От-т-ткройте д-д-дверь! Это м-моя квартира.

Он подождал, и дверь открылась. Внутри квартиры Рик увидел темноту и две неясные тени.

Тень поменьше сказала женским голосом:

— Вы обязаны протестировать нас.

— Поздно,— ответил Рик.

Тень побольше старалась одновременно закрыть дверь и включить какое-то электронное устройство.

— Нет,— сказал Рик.— Я должен войти.

Он позволил Рою Бати выстрелить первым, увернулся от луча и только после этого поднял свой лазерник.

— Выстрелив в меня, вы потеряли законное право на прохождение проверки. Вы должны были вынудить меня применить шкалу Войта-Кампфа. Но теперь это не имеет значения.

Рой Бати выстрелил еще раз, промахнулся, бросил пистолет и убежал вглубь квартиры, в другую комнату. Возможно, к своему следующему электронному устройству.

— Почему Прис не прикончила тебя? — спросила миссис Бати.

— Потому что Прис нет,— сказал Рик.— Есть только Рэчел Роузен, снова и снова Рэчел Роузен.

В руке Ирмгард Бати блеснул пистолет. Похоже, Рой Бати хотел заманить его внутрь квартиры, чтобы жена могла выстрелить охотнику в спину.

— Мне очень жаль, миссис Бати,— сказал Рик и убил ее.

Из соседней комнаты прилетел крик ярости и муки.

— Ага, значит, ты любил ее,— сказал Рик.— А я любил Рэчел Роузен. А специал любил другую Рэчел.

Потом он выстрелил в Роя Бати.

Тяжелое тело повалилось на кухонный стол. Загремели тарелки и чашки, брызнули во все стороны осколками. Стол развалился, его останки и останки посуды смешались с останками того, что еще некоторое время дергалось, словно не желало умирать. Рик даже не посмотрел в его сторону, как не посмотрел и на тело Ирмгард Бати, лежащее возле входной двери.

«Я прикончил последнего,— неожиданно понял он.— Шестеро за один день. Почти рекорд. И все позади, и я могу отправиться домой, к Айрен и козе. И у нас будет много денег».

Он сел на кушетку и сидел в тихой квартире среди тихих предметов, пока в дверях не появился специал мистер Изидор.

— Лучше бы вам не смотреть,— сказал Рик.

— Я нашел ее на лестнице,— заплакал специал.— Прис...

— Не принимайте близко к сердцу,— сказал Рик, поднимаясь на ноги и чувствуя головокружение.— Где у вас видеофон?

Специал не ответил, он стоял не двигаясь. Рик сам нашел видеофон и позвонил в кабинет Гарри Брайанта.

ГЛАВА 20

— Отлично! — сказал Гарри Брайант, выслушав доклад Рика.— Можешь отдыхать. Мы вышлем патрульный ховер за телами.

Рик повесил трубку.

— Андроиды глупы,— сказал он специалу.— Рой Бати не смог отличить вас от меня. Он принял мой голос за ваш. Он решил, что за дверью стоите вы. Полиция здесь все приведет в порядок. Вы бы переждали в соседней квартире, пока полицейские не закончат работу. Не сидеть же среди трупов...

— Я уйду отс-с-сюда,— ответил Изидор.— Я п-п-поселюсь ближе к центру, где м-м-много людей.

— В моем доме есть свободные квартиры,— сказал Рик.

Изидор не смог произнести без заикания ни одного слова:

— Н-н-не с-с-стану ж-ж-жить в-в-возле в-в-вас.

— Тогда спуститесь вниз или поднимитесь выше. Не оставайтесь здесь.

Специал продолжал стоять, не зная, что делать. Целая гамма разнообразных чувств пробежала его лицу. Потом он наконец развернулся и вышел из квартиры, оставив Рика в одиночестве.

«Что за мерзкая работа! — подумал Рик.— Я — словно кара Господня. Как мор и глад. Куда прихожу я, туда является древнее проклятие. Как сказал Мерсер, я нужен, чтобы творить зло. Все, что я делаю,— зло... Но, как бы то ни было, пора отправляться домой. Возможно, Айрен заставит меня забыться».

* * *

Айрен встретила его на крыше. Когда он вышел из кабины ховера, жена посмотрела на него так расстроенно, что он даже испугался, не сошла ли она с ума. Впервые за годы семейной жизни он видел Айрен в таком состоянии.

Обняв ее, Рик сказал:

— Все кончено. Думаю, Гарри Брайант позволит мне сменить...

— Рик,— перебила Айрен.— Я должна тебе сказать кое-что... Мне очень жаль... Коза умерла.

Как ни странно, новость не удивила Рика, она лишь добавила тяжести к тому камню, что лежал у него на душе.

— В контракте есть гарантийный срок,— сказал он.— Если коза заболеет в первые девяносто дней с момента покупки...

— Коза не заболела...— Айрен прочистила горло, но голос ее по-прежнему звучал хрипло: — Кто-то прилетел на крышу, вытащил козу из клетки, подвел к краю крыши...— она замялась.

— И столкнул вниз? — спросил Рик.

— Да,— кивнула Айрен.

— Ты видела, кто это был?

— Я хорошо ее запомнила,— кивнула Айрен.— Барбур был тут. Он спустился вниз и сказал мне, мы вызвали полицию, но когда они явились, животное уже умерло, а она удрала. Молоденькая девушка, невысокая, с темными волосами и огромными черными глазами. Очень худая. На ней был плащ, блестящий, как рыбья чешуя. На плече — сумка на длинном ремне. Как у почтальона... Она не пряталась от нас. Как будто наше присутствие ее совершенно не заботило.

— Думаю, заботило. Я думаю, Рэчел прокляла бы себя, если бы ты не увидела ее. Она очень хотела, чтобы ты увидела того, кто убил козу.— Рик поцеловал жену.— И ты все это время стоишь здесь, на крыше?

— Всего полчаса. Это случилось полчаса назад.— Айрен ответила ему нежным поцелуем.— Как ужасно! И как бессмысленно!

Рик вернулся к ховеру, открыл дверцу, забрался в кабину.

— Нет, не бессмысленно,— объяснил он.— У нее были причины, с ее точки зрения.

«С точки зрения андроида»,— подумал он.

— Куда ты опять? Я думала, ты спустишься и побудешь со мной. По телевизору сказали ужасную новость. Бастер Френдли заявил, что Мерсер — подделка. Что ты об этом думаешь, Рик? Ты считаешь, это правда?

— Все — правда,— сказал Рик.— Все, что кому-нибудь когда-нибудь приходило в голову.— Он запустил двигатель.

— С тобой все будет в порядке?

— Со мной все будет в порядке,— сказал Рик. И добавил: — Но когда-нибудь я умру. И это целых две правды.— Он захлопнул дверцу ховера, помахал Айрен рукой и умчался в ночное небо.

«Хотел бы я снова увидеть звезды,— подумал он.— Но теперь в небе только пыль. Никто больше не увидит звезд. По крайней мере, с Земли. Возможно, я отправлюсь туда, где смогу поглядеть на них».

Ховеркар набирал скорость и высоту, он летел за пределы Сан-Франциско, к опустошенным территориям на Севере, куда

не забирались живые существа. А если и забирались, то с единственной целью — умереть.

ГЛАВА 21

Раннее утро осветило землю внизу, кажущуюся серой, мертвой и бесконечной. Огромные камни, размером с дом, когда-то попали сюда, да так и остались, будто пришли на свидание друг к другу.

«Это похоже на заброшенный склад,— подумал Рик.— Товар давно вывезли, а тару — корзины, ящики, контейнеры — бросили за ненадобностью... А ведь когда-то здесь зеленели поля, и на лугах паслись животные. И даже стригли газоны... Но теперь в этом месте не захочется даже умереть».

Он опустил ховер ниже, и машина неслась сейчас почти над самой землей.

«Интересно, что бы сказал обо мне сейчас Дейв Холден? — подумал он.— В каком-то смысле я — величайший охотник за премиальными из всех когда-либо живущих. Еще никому не удавалось отправить в отставку шестерых «Нексус-6» за двадцать четыре часа. И едва ли кому-либо удастся повторить мой результат. Нет, надо все-таки позвонить Дейву!»

Неожиданно впереди вырос крутой каменистый склон, и Рик едва увел машину от столкновения. «Усталость,— решил он,— дальше лететь попросту опасно». Он перевалил через вершину холма, выключил зажигание и спланировал на обратный склон. В стороны брызнули мелкие камни, зашуршали, застучали, покатились, но посадка закончилась благополучно.

Когда камни остановились, Рик отдышался и набрал номер оператора междугородного видеофона в Сан-Франциско.

— Соедините с госпиталем «Гора Сион»,— попросил он девушку.

Вскоре на экране появилась оператор госпиталя:

— «Гора Сион» слушает.

— У вас есть пациент по имени Дейв Холден. Могу ли я поговорить с ним? В каком он состоянии?

— Минуту, я проверю, сэр.

Экран временно потемнел. Время шло, но ответа не было. Рик достал щепотку нюхательного табака «Доктор Джонсон», заложил в нос, чихнул. Температура внутри ховера начала падать, и Рика уже охватила дрожь.

— Доктор Коста сказал, что мистер Холден не отвечает,— сообщила видеофонистка, неожиданно появившись на экране.

— Я из департамента полиции,— объяснил Рик и поднес к экрану свой идентификат.

— Минутку! — Девушка вновь исчезла.

Рик достал еще одну понюшку «Доктора Джонсона». Запах ментола в такую рань был просто невыносим. Опустив стекло кара, Рик выбросил жестянку с табаком в окно.

— Извините, сэр,— сказала девушка,— но состояние мистера Холдена таково, что доктор Коста не позволяет ему ответить на ваш вызов. Даже если это срочно, нельзя по крайней мере...

— Спасибо,— сказал Рик и повесил трубку.

Воздух снаружи тоже пах какой-то гадостью, и Рик спешно поднял стекло.

«Похоже, Дейв влип крепко,— подумал он.— Просто удивительно, как они не прикончили и меня. Наверное, я оказался слишком быстрым. Справился за один день. Они явно не ожидали от меня такой прыти. Гарри Брайант, торопя меня, был прав».

В кабине становилось все холоднее, и Рик, открыв дверцу, выбрался наружу. Тут же налетел ветер, прорвался сквозь одежду, пронизал до костей. Пришлось ходить вокруг ховера, хлопая себя руками по плечам, чтобы согреться.

«А было бы полезно поговорить с Дейвом,— подумал Рик.— Дейв бы одобрил мои действия. И понял бы то, чего не способен понять Мерсер. Для Мерсера все просто, потому что он готов принять все. Ничто ему не чуждо. Но содеянное мною чуждо мне самому. Вокруг меня все становится противоестественным. Я сам стал противоестественным».

Он пошел вверх по склону, но с каждым последующим шагом как будто становился тяжелее.

«Я слишком устал»,— подумал он снова. Остановился и стер со лба пот — соленые слезы измученного тела. Ощутив злость к себе самому, он сплюнул, сплюнул с гневом и презрением на бесплодную землю, как будто этот плевок мог очистить душу. И продолжил восхождение по склону навстречу неизвестности, в одиночестве и вдали от всего мира, там, где не было ничего живого, кроме него, Рика...

Потом стало тепло. И даже не просто тепло, а жарко. Похоже, прошло много времени. Впридачу он ощущал дикий голод. Он не ел бог знает сколько времени. Жара и голод объединялись, превращались во что-то отвратительное, весьма смахивающее на поражение. «Да,— согласился Рик,— я и в самом деле проиграл. Но почему? Потому что убивал андроидов? Или из-за того, что Рэчел убила мою козу?»

Он никак не мог понять причин и продолжал тащиться вперед, в неопределенность, в галлюцинацию, захватившую его сознание. И вдруг оказался на краю обрыва, так и не сообразив, как это произошло, и следующий шаг должен был стать последним, и за ним должно было наступить фатальное падение туда, где боль и беспомощность, и некому было увидеть, как он падает, и некому было оценить степень его, Рика, и всеобщей деградации, и некому было понять, что даже храбрость и гордость все равно приведут к одному... К мертвым камням, к пораженным пылью сорнякам, сухим и безжизненным, не чувствующим ничего, не помнящим ничего, не знающим ни его ни прочих...

В этот момент первый камень — не муляж из каучука или мягкой пластмассы! — со свистом ударил его в пах. И боль — это первостепенное знание об абсолютном одиночестве и страдании — прикоснулась к нему со всей своей реальностью.

Он резко остановился. А затем, злясь на невидимых, но реальных погонщиков, продолжил восхождение. «Я иду вверх так же, как камни катятся вниз,— подумал он.— Без воли. Что бы это слово ни значило».

— Мерсер,— сказал он, дрожа. Остановился. Замер.

Прямо перед ними стояла туманная, расплывчатая фигура. Неподвижная.

— Уилбур Мерсер. Это ты?

«Боже,— вдруг понял он.— Это же моя тень. Я должен поскорее спуститься с холма».

Он устремился вниз и тут же упал. Облака серой пыли заволокли все вокруг. Он вскочил и понесся дальше. Теперь он бежал и от пыли, оскальзываясь на камнях и с трудом удерживая равновесие. Наконец впереди показался ховер.

«Я спустился,— сказал он себе.— Я ушел с холма». Он дернул на себя дверцу, втиснулся в кабину. «Интересно, кто бросил камень? — спросил он себя.— Там же никого не было. И почему меня беспокоит этот вопрос? В меня уже попадали камнем во время слияния. Когда я пользовался своим эмпатоприемником. Но тогда камень ударил всех. Сейчас не произошло ничего нового. Или произошло? Потому что на этот раз камень попал только в меня».

Задрожав, Рик достал из «бардачка» новую баночку нюхательного табака. Он быстро содрал защитную клейкую ленту, открыл крышку и взял изрядную понюшку. Посидел, отдыхая — сам внутри, ноги снаружи.

«Это последнее место, куда стоило бы попасть,— подумал он.— И нет сил лететь обратно».

Он втянул ноги в кабину и закрыл дверцу.

«Если бы я только мог поговорить с Дейвом,— подумал он.— Я бы сразу пришел в норму. Я бы тут же убрался отсюда, вернулся домой и завалился спать. У меня по-прежнему есть электрическая овца, да и работу никто не отбирал. Скоро появятся новые анди, которых тоже потребуется отправлять в отставку. Моя карьера не закончена: со своим последним анди я далеко еще не разобрался...»

Он посмотрел на часы — девять тридцать.

«А может, из-за них я и переживаю,— подумал он.— Испугался, что анди больше не будет».

Он поднял трубку видеофона и набрал номер Дворца правосудия на Ломбард-стрит.

— Соедините меня с инспектором Брайантом,— сказал он появившейся на экране мисс Уайлд.

— Инспектора Брайанта сейчас нет. Он должен быть в своем каре, но я не могу с ним связаться. Видимо, он временно вышел из машины.

— Он не сказал, куда отправился?

— Сказал. Что-то про андроидов, которых вы отправили в отставку прошлой ночью.

— Тогда соедините меня с моей секретаршей.

Круглое веснушчатое лицо Энн Марстен тут же появилось на экране видеофона.

— Ох, мистер Декард! Инспектор Брайант пытался связаться с вами. Кажется, он внес ваше имя в список отличившихся и передал его шефу Каттеру. Вы ведь прикончили шестерых анди...

— Я прекрасно знаю, что я сделал,— сказал Рик.

— Никому прежде такое не удавалось... Да, мистер Декард, звонила ваша жена. Пыталась узнать, не случилось ли с вами чего. Кстати, с вами все хорошо?

Рик промолчал.

— Как бы то ни было,— сказала мисс Марстен,— вам бы стоило позвонить ей. Она просила передать, что будет дома, что ждет вашего звонка.

— Вы слышали, что произошло с моей козой?

— Нет, я даже не знала, что у вас есть коза.

— Они убрали мою козу,— сообщил Рик.

— Кто, мистер Декард? Похитители животных? Нам только что сообщили о новой банде тинэйджеров, которая...

— Нет,— перебил Рик.— Похитители жизней.

— Я не понимаю вас, мистер Декард.— Мисс Марстен пристально посмотрела на Рика.— Вы ужасно выглядите, мистер Декард. Вы очень утомлены, и... Боже, да у вас щека в крови.

Он провел ладонью по щеке. Глянул на руку: действительно кровь. Видимо, в него бросили не один камень...

— Вы выглядите, как Уилбур Мерсер,— сказала мисс Марстен.

— Выгляжу,— согласился Рик.— Я и есть Уилбур Мерсер. Я слился с ним и не могу разъединиться. Я и сижу здесь, ожидая разъединения. По-моему, это где-то возле границы с Орегоном.

— Может, прислать за вами служебный ховер?

— Нет,— ответил Рик.— Я больше не работаю в департаменте.

— У вас, мистер Декард, вчера был слишком тяжелый день,— сказала секретарь.— Вам нужно как следует выспаться, мистер Декард. Вы — наш лучший охотник за премиальными, самый лучший. Когда инспектор Брайант вернется, я скажу ему, что вы дома и вас не стоит будить. А сейчас позвоните жене, мистер Декард. Пожалуйста, позвоните, потому что она ужасно волнуется. Я вам скажу одно: вы оба в ужасном состоянии.

— Это из-за козы,— ответил Рик.— Причина вовсе не в андроидах. Рэчел ошибалась — у меня не было никаких проблем, когда я отправлял их в отставку. И специал ошибся, заявив, что я не смогу вновь слиться с Мерсером. Прав оказался только Мерсер.

— Будет лучше, если вы вернетесь в Зону Залива, мистер Декард. Туда, где есть люди. Возле границы с Орегоном никто не живет, так ведь? Вы там один?

— Странно,— сказал Рик.— У меня возникла абсолютная, полностью реальная иллюзия, что я стал Мерсером и люди швыряют в меня камни. Но ощущение было совсем не то, что возле эмпатоприемника, когда сжимаешь его рукоятки. Когда пользуешься эмпатоприемником, чувствуешь, что ты с Мерсером... А тут я был ни с кем. Я был один.

— Говорят, что Мерсер — подделка.

— Мерсер не подделка,— ответил Рик,— пока таковой не является реальность.

«Этот холм,— подумал он.— Эта пыль и эти камни... И каждый камень чем-то отличается от прочих».

— Боюсь,— сказал он,— что я теперь Уилбур Мерсер навсегда. Однажды став им, назад уже не вернешься.

«Неужели мне придется взбираться по склону вновь и вновь? — спросил он себя.— Вечно, как Мерсер... Я пойман вечностью».

— Прощайте, Энн! — сказал он.

— Так вы позвоните жене? Обещаете?

— Да,— кивнул он.— Спасибо вам, Энн.— Он повесил трубку.

«В постель, отдыхать,— подумал он.— В последний раз я лежал в постели вместе с Рэчел. Я — преступник. Связь с андрои-

дом противозаконна, это очень серьезное преступление, и здесь, на Земле, и в колониальных мирах. Она теперь уже в Сиэтле, среди остальных Роузенов, настоящих и человекоподобных».

Он оторвал взгляд от потемневшего экрана и огляделся. Обнаружил на соседнем сиденье баночку с нюхательным табаком и убрал ее в «бардачок».

«Жаль, я не могу сделать с тобой то, что ты сделала со мной,— подумал он.— Хотя с андроидом этого не сделаешь, потому что они ни о ком не заботятся. Но если бы я убил тебя вчера вечером, сейчас моя коза была бы жива. Тут я допустил ошибку... Впрочем, я ошибся чуть раньше, когда улегся с тобой в постель. Во всяком случае, ты оказалась права, рассчитывая, что я изменюсь. Да только изменился я не так, как бы тебе хотелось. Изменился я в худшую сторону».

Он снова посмотрел на темный экран, будто Рэчел была там и слушала его.

«И теперь я тоже ни о ком не забочусь,— подумал он.— Да и не о ком больше. После того, что произошло со мной на пути к вершине холма... А интересно, что бы произошло, если бы я продолжил восхождение и добрался до вершины? Ведь там, на вершине, Мерсер умирает, там триумф Мерсера делается очевидным, именно там — в конце великого звездного цикла».

Рэчел его не слышала. И не она должна была его слышать.

«Но если я — Мерсер,— подумал он,— то я не могу умереть, даже через десять тысяч лет. *Потому что Мерсер бессмертен*».

Он взял трубку видеофона, на этот раз, чтобы позвонить жене.

И застыл в удивлении.

ГЛАВА 22

Рик вернул трубку на место и приоткрыл дверцу. Неподалеку от ховера что-то двигалось, темное пятно среди камней... «Это же животное»,— сказал он себе. Сердце придавило чудовищным грузом потрясения и пронзило стрелой знания.— Я же знаю, что это,— сказал себе Рик.— Я никогда не встречал это существо наяву, зато не раз видел в передачах о природе, которые показывает правительственное телевидение... Но они же вымерли!»

Трясущимися руками он вытащил потрепанный каталог «Сидни», раскрыл и прочел:

«ЖАБЫ (Bufonidae), все виды — „в“».

«Они вымерли много лет назад,— сказал он себе.— Жабы и ослы — любимые существа Уилбура Мерсера. Но жабы — самые любимые!.. Мне нужна коробка».

Рик закрутил головой, заглянул на заднее сиденье ховера. Пусто!.. Выскочил из кабины, подбежал к багажнику, открыл. Там лежала картонная коробка с запасным топливным насосом. Рик вытащил насос, взял с собой кусок веревки и медленно пошел к жабе. Не сводя с нее глаз.

Жаба очень хорошо приспособилась к окружающему пейзажу — она почти сливалась с вездесущей пылью. Наверное, изменение климата повлияло на окраску жабы. Если бы она не двигалась, Рик бы никогда ее не заметил. Сейчас она сидела не более, чем в двух ярдах от него.

«Что нужно делать, когда находишь считавшееся вымершим животное?» — спросил он себя. И попытался вспомнить.

Такое случается крайне редко... Кажется, нашедшему полагается «Звезда почета» от ООН и постоянная стипендия. И, кажется, речь шла о миллионах долларов...

«И всего-навсего надо найти любимое животное Святого Мерсера,— подумал Рик.— Боже мой! — Он мотнул головой.— Это просто невозможно! Я, наверное, сбрендил из-за пыли и стал специалом... Что-то со мной стряслось. Как с безмозгликом Изидором и его пауком. Случившееся с ним произошло и со мной. Неужели Мерсер устроил все это? Но ведь Мерсер — я. Значит, я устроил это. И я нашел жабу. Нашел, потому что вижу мир глазами Мерсера».

Рик присел на корточки рядом с жабой. Она к этому моменту зарылась в ямку, из пыли торчали лишь плоский лоб да глаза. Но метаболизм в ее организме явно замедлился, глаза потухли, в них не было сознания. Как будто она впала в транс. Рик с ужасом подумал, что она умирает.

Положив на землю картонную коробку, Рик принялся осторожно чистить жабу от пыли. Животное, казалось, не возражало. Будто его, Рика, здесь и не было...

Рик поднял жабу и почувствовал характерный холодок ее тела, сухого и морщинистого, почти дряблого. И даже не холодок, а могильный холод, как будто жаба жила под землей и никогда не видела солнца.

Однако теперь она задрыгала лапками, инстинктивно пытаясь вырваться.

«Большая жаба,— подумал Рик.— Наверное, взрослая и мудрая. Сумевшая выжить в условиях, в которых не выжили бы мы, люди... Интересно, где она находит воду, чтобы отложить яйца? — Он устроил жабу в коробке и принялся аккуратно перевязывать коробку веревкой.— Вот что способен увидеть Мерсер! Он умеет разглядеть ту жизнь, которую не видим мы, которая тщательно зарывается в прах мертвого мира. В любом пепле Вселенной

Мерсер чувствует признаки жизни. И теперь я знаю, что, единожды взглянув на мир глазами Мерсера, я не смогу уже смотреть иначе. И ни один андроид не сможет отрезать лапу этому созданию. Как пауку безмозглика...»

Рик осторожно поставил коробку на свободное сиденье рядом с собой и взялся за руль. «Странно,— подумал он.— Как будто я вновь стал маленьким ребенком!»

Тот ужасный, неподъемный камень, который лежал у него на душе, исчез, и стало легко и радостно. «Надо сообщить Айрен,— подумал Рик и снял трубку видеофона. Но передумал и решил: — Сделаю ей сюрприз! Тут лёту всего тридцать-сорок минут».

Он нетерпеливо включил двигатель и стремительно вонзил ховер в серое небо. Через пару мгновений он уже мчался к Сан-Франциско, который лежал в семистах милях южнее.

* * *

Айрен Декард сидела перед «Пенфилдом». Ее правый указательный палец находился возле консоли аппарата, но до набора кода дело не доходило: она чувствовала себя слишком больной и безразличной, чтобы желать хоть чего-нибудь. На сердце у нее было тяжело, и эта тяжесть напрочь лишала Айрен будущего и любых возможностей, которые могли появиться впереди.

«Если бы Рик сидел рядом, он бы набрал мне «тройку»,— подумала Айрен,— и у меня бы возникло желание набирать самой. И я бы набрала код кипучего веселья. Или три восьмерки — «Желание смотреть телевизор». Интересно, что там показывают?..»

Затем она снова задалась вопросом, куда исчез Рик.

«Он может вернуться,— сказала она себе.— Но, с другой стороны, может и не вернуться».

И ей вдруг показалось, что у нее совсем старые и хрупкие кости.

Раздался стук в дверь.

Забыв про «Пенфилд», Айрен вскочила. «Если это Рик,— подумала она,— то набирать код уже не придется. Если это Рик...» Она подбежала к двери и распахнула ее.

— Привет! — сказал Рик.

Это был он, с расцарапанной щекой, в мятой одежде. Даже волосы у него были серыми, и Айрен поняла, что это пыль. Пыль была на нем везде, на одежде, на руках и на лице. Кроме глаз... Что-то, похожее на благоговейный страх, светилось в его глазах. Как у мальчишки, который весь день носился на улице, в пыли и грязи, и теперь пришло время оставить игры и вернуться домой. Отдохнуть, умыться и рассказать о чудесах прошедшего дня.

— Как я рада тебя видеть! — сказала Айрен.

— У меня кое-что есть.— Он осторожно, двумя руками, держал картонную коробку. Войдя в квартиру, он не решился поставить ее на пол.

«Как будто,— подумала Айрен,— в коробке что-то слишком хрупкое и слишком ценное, что он хочет держать в руках вечно».

— Я сварю тебе кофе.— Она нажала на плите кнопку «кофе» и через несколько секунд поставила на кухонный стол наполненную до краев кружку Рика.

Он сел за стол, не выпуская коробки из рук, в округлившихся глазах засветилось удивление.

За те годы, что Айрен знала его, она ни разу не видела на лице мужа такого выражения. Что-то случилось с ним со вчерашнего вечера, с того момента, как он улетел. А теперь он вернулся с этой коробкой, и, похоже, в таинственной коробке и находилось *то, что с ним случилось.*

— Я буду спать,— объявил он.— Весь день. Я позвонил Гарри Брайанту и договорился с ним. Он дал мне сегодня выходной день и велел отдыхать. Что я и собираюсь делать.— Он осторожно поставил коробку на стол, взял чашку и покорно выпил, потому что этого хотела жена.

Айрен уселась напротив мужа и спросила:

— Что у тебя в коробке, Рик?

— Жаба.

— А можно мне посмотреть? — Она наблюдала, как муж развязывает коробку и снимает крышку.— Ой! — воскликнула она, увидев жабу: животное почему-то испугало ее.— А она не кусается?

— Можешь даже взять в руки. Она не кусается, у жаб нет зубов.— Рик вытащил жабу из коробки и протянул жене.

Преодолевая отвращение, Айрен взяла животное в руки.

— Я думала, что жабы вымерли,— сказала она, переворачивая жабу на спину и рассматривая ее лапы.— Интересно, они могут прыгать, как лягушки? Я имею в виду, она не спрыгнет внезапно с моей ладони?

— Лапы у жаб слабы,— пояснил Рик.— Это основное различие между жабами и лягушками. И еще вода. Лягушки обитают возле воды, а жабы могут жить и в пустыне. Эту я нашел в пустыне, на границе с Орегоном. Там нет ничего живого.

Рик потянулся, собираясь забрать жабу назад, но Айрен что-то нащупала у нее на животе. Продолжая держать существо вверх тормашками, она ногтем нажала на крышку. Раздался щелчок, и открылся маленький пульт управления.

* * *

— Ох! — Рик замер с отвисшей челюстью.— Да, вижу, ты права.— Бесконечно удрученный, он уставился на подделку. Потом забрал жабу из рук Айрен, потрогал лапы, как будто не понимал, что это такое. И наконец положил ее обратно в коробку.

— Интересно, как она оказалась в Калифорнийской пустыне? Наверное, кто-то привез ее туда и выпустил. Другого объяснения у меня нет.

— Вероятно, мне не стоило говорить тебе, что жаба электрическая...— Айрен погладила мужа по руке. Она почувствовала себя виноватой, видя, как он переменился.

— Ничего,— сказал Рик.— Я даже рад. Довольно...— Он помолчал.— Я предпочитаю знать правду.

— Воспользуешься «Пенфилдом»? Сразу почувствуешь себя лучше. Ты всегда находил в нем то, чего не находила я.

— Со мной все будет хорошо.— Он помотал головой, как будто пытаясь вытрясти из нее мусор.— Паук, которого Мерсер дал безмозглику Изидору, наверное, тоже искусственный. Но разве это имеет значение? У электрических тварей свои собственные жизни. Жалкие и презренные, как любые жизни.

— Ты выглядишь так, будто прошагал сотню миль,— сказала Айрен.

— Это был длинный день,— кивнул Рик.

— Ты идешь в постель или нет?

Рик посмотрел на жену со странным смущением:

— Но он уже закончился, правда?

Рик доверчиво смотрел ей в глаза. Казалось, он ждал, что Айрен даст ему исчерпывающий ответ, как если бы она все знала. Казалось, он сомневался в собственных словах. И они стали реальностью лишь тогда, когда она согласилась с мужем.

— Закончился,— сказала она.

— Боже мой, что это был за марафон! — воскликнул Рик.— Стоило стартовать, и у меня уже не было никакой возможности остановиться. Меня тащило и несло, пока я не добежал до супругов Бати. А потом мне нечего стало делать. Да еще эта...— Он замолк, пораженный тем, что едва не сказал вслух.— ...эта часть пути, после того как я пришел к финишу, оказалась еще страшней. Я не мог остановиться, потому что не было того, чего ради стоило бы остановиться. Ты была права утром, назвав меня грязным копом.

— Я зря так сказала... Я чертовски рада, что ты вернулся домой живым и здоровым.— Айрен поцеловала мужа, и это, казалось, доставило ему наслаждение. Во всяком случае, лицо его вновь засветилось, как перед тем... перед тем, как обнаружилось, что жаба электрическая.

— Ты считаешь, что я был мерзок? — спросил он.

— Нет.

— Мерсер сказал мне, что я делаю дрянное дело, но в любом случае должен его закончить. Потрясающе!.. Иногда лучше сделать дрянное, чем хорошее.

— На нас лежит проклятье,— сказала Айрен.— Мерсер говорил об этом.

— Пыль? — спросил Рик.

— Убийцы, которые поймали Мерсера на шестнадцатом году... когда они сказали ему, что он не должен поворачивать время вспять и возвращать жизнь мертвым. Поэтому сейчас ему остается только двигаться вперед по линии жизни, к смерти. А убийцы бросают вслед камни. Они все еще преследуют его. И всех нас. Это один из них разбил тебе щеку?

— Да,— сказал Рик потухшим голосом.

— Так ты идешь в постель или нет? Если я наберу на твоем «Пенфилде» код шесть-семь-ноль?

— И что за настроение у меня будет?

— Давно заслуженное спокойствие,— сказала Айрен.

Он встал из-за стола. Все мышцы у него ныли, а на лице лежала печать изнеможения, будто он прошел через миллионы сражений, длившихся миллионы лет. Постепенно он справился с дорогой в спальню.

— Давно заслуженное спокойствие,— сказал он,— это хорошо.

Он растянулся на кровати. Пыль сеялась с его одежды и волос на белые простыни.

«Модулятор настроения можно и не включать»,— поняла Айрен и нажала кнопку затенителя.

Стекла в спальне стали непрозрачными. Серый цвет дня исчез.

Спустя мгновение Рик уже спал.

Айрен постояла рядом с кроватью, глядя на мужа, но совсем недолго — пока не убедилась, что он не проснется внезапно, не подпрыгнет и не сядет на постели в страхе — что порой бывало ночью. Тогда она вернулась в кухню и села за стол.

Рядом, в коробке, шуршала электрическая жаба.

«А что она ест? — подумала Айрен.— И какой ей может потребоваться ремонт?»

Жаба продолжала шуршать.

«Ест она, скорее всего, искусственных мух»,— решила Айрен.

Она открыла абонентский справочник, перелистала желтые страницы до рубрики: «Пища электрических животных». Потом набрала номер и, когда ответила продавщица, сказала:

— Я хотела бы заказать фунт искусственных мух. Тех, что летают по квартире и жужжат, пожалуйста!

— Вы заказываете для электрической черепахи, мэм?

— Для жабы.

— Тогда я предложу вам смешанный ассортимент: искусственных гусениц и летающих жуков всех типов, включая...

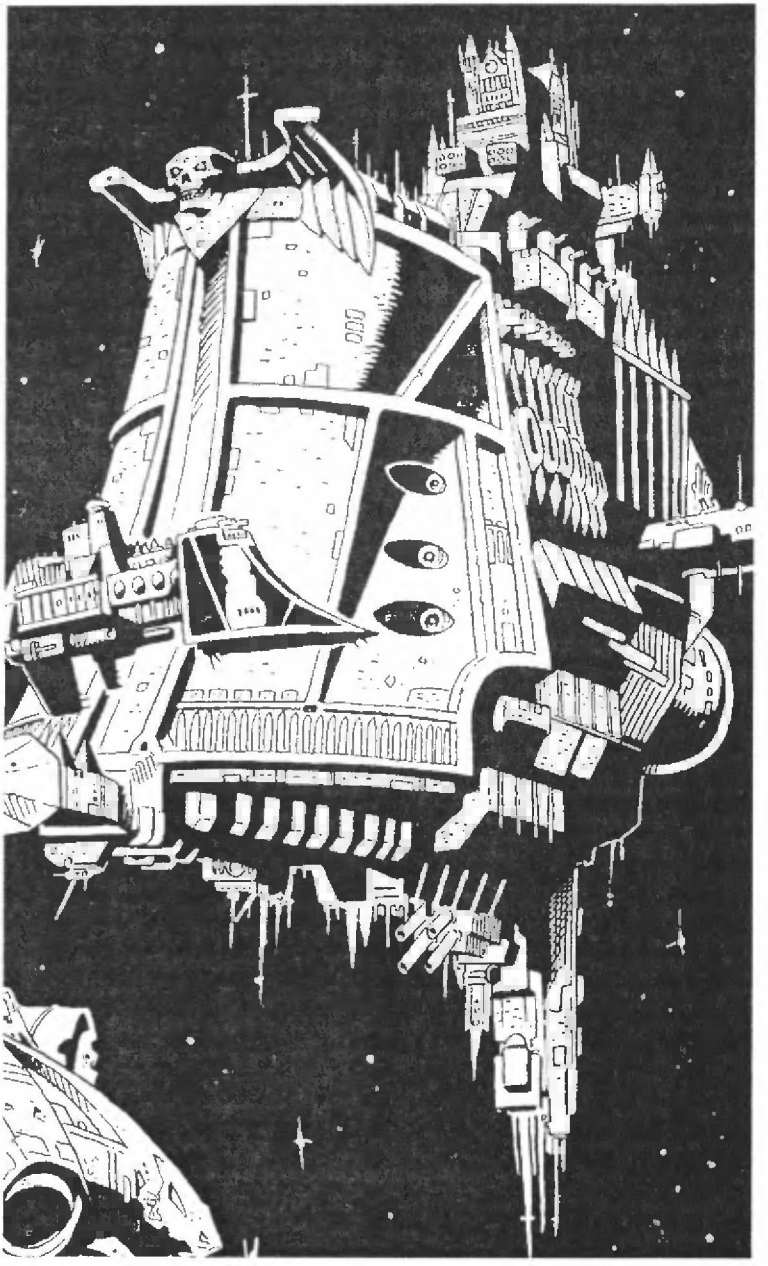
— Я предпочитаю мух,— сказала Айрен.— Вы доставите их на дом? Я не хочу выходить из квартиры. Мой муж спит, и я хочу быть уверена, что с ним все в порядке

— Для жабы,— продолжала продавщица,— я бы еще предложила бесконечно возобновляющуюся лужицу, если у вас не рогатая жаба. Тогда мы предложим комплект в составе: песок, мультицветная галька и частицы органических остатков. И если вы намерены наладить непрерывный цикл питания, наш отдел обслуживания займется профилактикой и периодической регулировкой языка вашей жабы. Язык для жабы — это жизнь.

— Прекрасно,— сказала Айрен.— Я хочу, чтобы она работала отлично. Мой муж к ней очень привязан.— Она сообщила свой адрес и повесила трубку видеофона.

И почувствовала себя гораздо лучше, так, что наконец приготовила себе полную-полную чашку черного горячего кофе.

СИМУЛЯКРЫ



ГЛАВА 1

Внутреннее мемо напугало Ната Флайджера, хотя тот и не понимал — почему. Речь шла всего-навсего о том, что обнаружен Ричард Конгросян. Оказывается, знаменитый советский пианист, психокинетик, играющий Брамса и Шумана, не прикасаясь пальцами к клавишам инструмента, скрывается в летнем доме в Дженнере, штат Калифорния. И если повезет, «Электроник мьюзикал энтерпрайз» сможет, наконец, записать Конгросяна. Тем не менее жило в душе Флайджера странное беспокойство...

Возможно, причиной тому были сумрачные, влажные леса, заполонившие северную часть прибрежной Калифорнии — Нат их терпеть не мог, ему больше нравились сухие земли в окрестностях Тихуаны, где размещался центральный офис ЭМЭ. Но Конгросян, увы, согласно мемо, за порог своего летнего дома носа не показывал. Похоже, он отошел от концертной деятельности в связи с какими-то семейными обстоятельствами. Во всяком случае, мемо намекало на то, что связана эта полуотставка с некой трагедией, которая произошла много лет назад не то с женой пианиста, не то с его ребенком...

Было девять утра. Нат Флайджер автоматически плеснул воды в чашку и стал «поить» живую протоплазму, входящую в состав звукозаписывающей системы «Ампек Ф-а2», которую хранил у себя в кабинете. Протоплазма была родом с Ганимеда, не испытывала боли и до сей поры не возражала против того, чтобы ее сделали одним из элементов сложной электронной аппаратуры. Нервная система протоплазмы была примитивной, но как акустическому рецептору ей просто не было цены.

Вода просачивалась через мембраны «Ампека» и с благодарностью поглощалась: трубопроводы системы жизнеобеспечения пульсировали.

«А почему бы не взять ее с собой?» — подумал Флайджер.

«Ф-а2» была портативной системой, да и по качественным параметрам Нат предпочитал ее более сложному оборудованию. И сейчас ее стоило побаловать. Нат подошел к окну, включил механизм, раздвигающий жалюзи, и в кабинет ворвалось горячее мексиканское солнце. «Ф-а2» тут же развила чрезвычайно высокую активность — солнечный свет и влага необычайно стимулировали ее метаболизм. Флайджер по привычке наблюдал за работой системы, но мысли его были по-прежнему заняты полученной информацией.

Он снова взял мемо в руки, сжал его пальцами и услышал:

— Эта возможность ставит ЭМЭ перед выбором, Нат. Да, Конгросян отказывается от публичных выступлений, но ведь у нас есть контракт, заключенный при посредничестве нашего берлинского филиала «Арт-Кор», и юридически мы имеем право на запись. По крайне мере, если сможем заставить Конгросяна... Как, Нат?

— Да,— рассеянно кивнул Нат Флайджер в ответ на голос Лео Дондольдо.

С какой это стати знаменитый советский пианист приобрел летний дом в Северной Калифорнии? Такой поступок сам по себе был очень смелым и вызвал явное неодобрение центрального правительства в Варшаве. И если пианист пренебрегает указами высшей коммунистической власти, то едва ли он испугается откровенного обмена мнениями с ЭМЭ. Конгросян, которому перевалило за пятый десяток, всю жизнь умел безнаказанно игнорировать юридические нормы современной общественной жизни как в коммунистических странах, так и в США. Подобно многим творческим личностям, он шел своим путем, лавируя между двумя могущественными социальными системами.

Нажать на него можно только одним путем — если привнести в отношения меркантильный элемент. К примеру, в виде рекламы... У публики короткая память — это всем известно. И не помешает принудительно напомнить ей о Конгросяне и его феноменальных музыкальных пси-способностях. Отдел рекламы ЭМЭ с готовностью возьмется за реализацию этой задачи. В конце концов, им нередко удавалось продавать даже «совершенно неизвестный материал», а записи Конгросяна вряд ли можно охарактеризовать этими словами. Вопрос только в том, насколько Конгросян хорош сегодня...

Мемо пыталось напомнить Нату Флайджеру о том же.

— Всем известно, что до самого последнего времени Конгросян выступал только на закрытых мероприятиях,— с жаром объявило оно.— Перед крупными шишками в Польше и на Кубе и перед пуэрториканской элитой в Нью-Йорке. Год назад, в Бирмингеме, он появился на благотворительном концерте для пятидесяти чернокожих миллионеров. Собранные средства пошли в фонд содействия афро-мусульманской колонизации Луны. Я разговаривал с парочкой современных композиторов, которые побывали на этом концерте. Они клянутся, что Конгросян не растерял ничего. Давай-ка глянем... Да, это было в две тысячи сороковом. Ему тогда было пятьдесят два. И, конечно же, он всегда в Белом доме, играет для Николь и этого ничтожества Дер Альте[1].

«Надо взять „Ф-а2“ в Дженнер,— решил Нат Флайджер.— И использовать для записи именно эту систему. Поскольку других шансов может и не быть: артисты, обладающие такими пси-способностями, как у Конгросяна, имеют привычку рано умирать».

— Я займусь Конгросяном, мистер Дондольдо,— сказал он.— Полечу в Дженнер и попытаюсь переговорить с ним лично.

Это было его решение.

— Вот и ладушки,— возликовало мемо.

И Нат Флайджер почувствовал по отношению к нему симпатию.

* * *

Робот, как и все репортеры, был нахален и проворен.

— Правда ли, доктор Эгон Сьюпеб,— проскрипел он,— что сегодня вы намерены побывать в своем кабинете?

«Должен же быть способ оградить от этих наглецов хотя бы собственный дом!» — подумал доктор Сьюпеб. Однако тут же должен был согласиться с широко бытующим мнением, что таких способов не существует.

— Да,— сказал он.— Сейчас я закончу завтрак, сяду в свою тачку и отправлюсь в центр Сан-Франциско. Там я припаркуюсь и прогуляюсь до Почтовой улицы. А там, в своем кабинете, как и обычно, окажу психотерапевтическую помощь своему первому за сегодняшний день пациенту. Наплевав на закон, на этот так называемый акт Макферсона.— Доктор Сьюпеб хлебнул кофе из чашки.

— Вы ощущаете поддержку со стороны...

— Да, ИАПП полностью одобряет мои действия.— Доктор Сьюпеб всего лишь десять минут назад разговаривал с исполкомом Интернациональной ассоциации практикующих психоана-

[1] От der Alte — старик *(нем.)*.

литиков.— Никак не могу понять, почему это решили взять интервью именно у меня. Сегодня утром в своих кабинетах окажутся все члены ИАПП.

«А таких членов,— добавил он мысленно,— на территории СШЕА более десяти тысяч. И в Северной Америке, и в Европе».

— Как вы считаете,— доверительно промурлыкал робот-репортер,— кто несет ответственность за принятие акта Макферсона и готовность Дер Альте подписать его, придав ему силу закона?

— Вам же это прекрасно известно,— сказал доктор Сьюпеб.— Не армия, не Николь и даже не НП. Ответственность несет могущественный фармацевтический картель «АГ Хеми» из Берлина.

Это было известно не только репортерам, но любому и каждому. Могущественный германский картель уже давно рекламировал терапию душевных заболеваний с помощью лекарственных препаратов. На этом можно было заработать совершенно сумасшедшие деньги. И, естественно, все психоаналитики были тут же объявлены шарлатанами, такими же, как приверженцы здоровой пищи или глубокого дыхания. Старые добрые времена, прошлое столетие, когда общество ценило психоаналитиков, увы, миновали... Доктор Сьюпеб тяжело вздохнул.

— Принудительный отказ от своей профессиональной деятельности доставляет вам немалые душевные муки,— проникновенно продолжал робот-репортер.— Верно?

— Сообщите вашим слушателям,— медленно сказал доктор Сьюпеб,— что мы намерены продолжать работу, не обращая внимания ни на какие законы. Мы способны помочь людям уж никак не меньше, чем химиотерапия. Особенно в случаях психических нарушений, связанных с предыдущей жизненной историей пациента.

И только тут он понял, что репортер представляет одну из самых влиятельных телекомпаний с аудиторией в пятьдесят миллионов, которые наблюдают сейчас за происходящим в доме Сьюпеба обменом любезностями. И от одной только мысли об этом язык доктора перестал ему повиноваться.

Позавтракав, он вышел на улицу и наткнулся на второго робота-репортера, который устроил засаду возле машины доктора.

— Леди и джентльмены, перед вами последний представитель венской школы психоанализа. Некогда, возможно, выдающийся психоаналитик доктор Сьюпеб скажет вам несколько слов.— Репортер подкатился к доктору, преградив ему дорогу.— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Паршивее некуда! — ответил доктор Сьюпеб.— Пожалуйста, дайте мне пройти.

— В последний раз направляясь в свой кабинет,— сказал репортер, глядя ему вслед,— доктор Сьюпеб ощущает атмосферу всеобщего осуждения, однако тем не менее продолжает тайно гордиться уверенностью в собственной правоте. Только будущее рассудит, насколько он прав в своем упрямстве. Подобно практике кровопускания, психоанализ пережил периоды своего расцвета и медленного увядания, а теперь его место заняла современная химиотерапия.

Сев в машину, доктор Сьюпеб выехал на подъездную дорогу и вскоре уже катил по автобану в сторону Сан-Франциско. Он по-прежнему чувствовал себя паршиво и очень опасался предстоящей — как ему казалось — неизбежной схватки с представителями власти. Не меньше его беспокоили и перспективы собственного ближайшего будущего.

Он был уже не молод, чтобы участвовать в этих событиях. На талии его накопилось немало лишней плоти. Каждое утро приносило ему огорчение, поскольку лысина, которую он как-то обнаружил в зеркале ванной комнаты, явно увеличивалась. Пять лет назад он развелся со своей третьей женой, Ливией, и больше в брак вступать не собирался. Его семьей стала работа. И что же теперь? Бесспорным было одно: как сообщил робот-репортер, сегодня он направляется в свой кабинет в последний раз. И пятьдесят миллионов телезрителей Северной Америки и Европы, наблюдающих за ним, будут гадать: обретет ли он новое призвание, откроет ли для себя новую необыкновенную жизненную цель взамен старой? Увы, на это было слишком мало надежды.

Чтобы успокоиться, он поднял видеофонную трубку и набрал номер, по которому передавали молебен.

Припарковав машину, он прошел пешком до Почтовой улицы и обнаружил возле дома, где размещался его кабинет, небольшую толпу, состоящую из зевак, роботов-репортеров и нескольких полицейских в синих мундирах. Определенно, все дожидались его.

— Доброе утро! — неловко поздоровался он с полицейскими и, вытащив из кармана ключ, двинулся к дверям.

Толпа расступилась перед ним. Он поднялся по ступенькам, открыл дверь и распахнул ее настежь, впустив утреннее солнце в длинный коридор, стены которого были украшены эстампами Пауля Клее и Кандинского. Эти эстампы доктор Сьюпеб и доктор Баклман развесили семь лет назад, стремясь хоть чуть-чуть украсить это довольно старое здание.

— Наступает час испытания, дорогие телезрители,— объявил один из роботов-репортеров.— Вот-вот появится первый на сегодня пациент доктора Сьюпеба.

Полицейские с торжественным видом ждали развития событий. Будто готовились к параду...

Прежде чем войти внутрь, доктор Сьюпеб остановился в дверном проеме, повернулся к тем, кто последовал за ним, и сказал:

— Прекрасный денек! Для октября, во всяком случае.

Он хотел придумать какую-нибудь героическую фразу, полную патетики и пафоса, которая придаст благородство его нынешнему положению, но ничего такого в голову не приходило. Видимо, решил он, причина в том, что героизму здесь нет места. Ведь он просто делает то, что делал пять раз в неделю в течение многих-многих лет, и не нужно быть особенным храбрецом, чтобы пройти давно заведенным рутинным путем еще один раз. Разумеется, платой за это ослиное упрямство станет арест — разумом он прекрасно понимал это, однако телу и нервной системе не было до ареста никакого дела. И Сьюпеб автоматически переступил порог.

— Мы с вами, доктор! — выкрикнула из толпы незнакомая женщина.— Удачи вам!

Ее поддержали, на несколько мгновений возник одобрительный гул, тут же, впрочем, стихший. Полицейские в эти несколько секунд выглядели докучливыми надоедами. Доктор Сьюпеб прикрыл за собой дверь.

Едва он вошел в приемную, сидевшая за своим столом Аманда Коннерс подняла голову:

— Доброе утро, доктор!

Ярко-рыжие волосы секретарши, перетянутые ленточкой, просто пылали, а из декольте мохеровой кофточки стремилась выскочить божественная грудь.

— Доброе! — отозвался доктор Сьюпеб, радуясь ее присутствию здесь, да еще в столь великолепном виде.

Он вручил Аманде пальто, которое она повесила в стенном шкафу.

— Ну, что ж...— Он закурил некрепкую флоридскую сигару.— Кто там у нас сегодня первый пациент?

Аманда заглянула в журнал регистрации:

— Мистеру Раги, доктор, назначено на девять часов. У вас еще есть время, чтобы выпить чашку кофе. Сейчас я сделаю.— Она шагнула к кофейному автомату в углу приемной.

— Вы ведь знаете о том, что должно произойти,— сказал Сьюпеб.— Не так ли?

— Разумеется...— Мэнди поднесла ему бумажный стаканчик с кофе, пальцы ее дрожали.— Но ведь ИАПП освободит вас под залог!

— Я боюсь, что это будет означать конец вашей работы здесь.

— Да,— кивнула секретарша. Она уже не улыбалась, ее большие глаза потемнели.— Никак не могу понять, почему Дер Альте не наложил вето на этот законопроект. Николь была против, и потому, вплоть до самого последнего момента, я была уверена, что и он против. Боже мой, ведь у правительства теперь есть оборудование для путешествий во времени. Почему бы им не отправиться в будущее и не убедиться, что этот законопроект принесет лишь обнищание нашему обществу.

— А может, оно так и поступило,— сказал Сьюпеб.

«И не обнаружило никакого обнищания»,— добавил он про себя.

Дверь в приемную отворилась. На пороге стоял первый на сегодня пациент, мистер Гордон Раги, бледный от нервного возбуждения.

— Вы все-таки пришли,— сказал доктор Сьюпеб.

Он глянул на часы: Раги появился раньше назначенного времени.

— Ублюдки! — отозвался Раги.

Это был высокий худощавый мужчина лет тридцати пяти, хорошо одетый. По профессии он был брокером и работал на Монтгомери-стрит.

За спиной у Раги возникли двое полицейских в штатском. Они молча уставились на доктора Сьюпеба, ожидая дальнейших событий.

Роботы-репортеры вытянули вперед рецепторы, смахивающие на пожарные брандспойты, и поспешно принялись впитывать в себя информацию. На какое-то время все застыли в молчании.

— Проходите в кабинет,— сказал наконец доктор Сьюпеб мистеру Раги.— И давайте начнем с того, на чем остановились в прошлую пятницу.

— Вы арестованы,— тут же заявил один из копов в штатском. Он шагнул к доктору Сьюпебу и показал постановление об аресте.— Пройдемте с нами!

Он взял доктора Сьюпеба под локоть и потащил к двери. Второй коп уже пристроился с другого бока, в результате чего Сьюпеб оказался зажатым между ними. Все было проделано очень быстро и без суеты.

— Мне очень жаль, Гордон,— сказал доктор Сьюпеб, поворачивая голову в сторону мистера Раги.— Очевидно, я уже не сумею продолжить начатый курс лечения.

— Крысы хотят, чтобы я принимал лекарства,— с горечью отозвался Раги.— А ведь они прекрасно знают, что эти таблетки

сделают меня больным. У меня такой организм, что эти таблетки для меня просто яд.

— Интересно проследить,— забормотал один из роботов-репортеров, обращаясь, скорее всего, к своей телеаудитории,— за лояльностью пациента по отношению к своему психоаналитику. Кстати, а почему должно быть иначе? Этот человек уже давно верит в возможности психоанализа.

— Шесть лет,— сказал ему Раги.— И при необходимости лечился бы еще столько же.

Аманда Коннерс начала тихо плакать в носовой платок.

Пока двое копов в штатском и целый наряд полицейских в форме сопровождали доктора Сьюпеба к патрульной машине, из толпы еще раз раздались громкие возгласы в его поддержку, правда, не очень активные. К тому же, толпа эта состояла в большинстве своем из людей далеко немолодых. Все они были из той, более ранней эпохи, когда психоанализ был весьма и весьма уважаемым ремеслом; как и сам доктор Сьюпеб, эти люди были частицей совсем иного времени. Ему очень хотелось увидеть здесь хотя бы пару молодых людей, но таковых в толпе не оказалось.

* * *

Человек с худым лицом, одетый в тяжелое пальто, сунул в рот филиппинскую сигару ручной работы «Бела Кинг», раскурил ее и выглянул из окна полицейского участка. Затем он проконсультировался с собственными часами и принялся беспокойно шагать по комнате. Когда он покончил с первой сигарой и уже взялся за другую, перед окном проехала полицейская машина. Он тут же поспешил наружу, на платформу разгрузки, где полиция уже готовилась к приемке доставленного арестанта.

— Доктор,— сказал он,— меня зовут Уайлдер Пэмброук. Мне бы хотелось переговорить с вами.

Он кивнул полицейским, и те отступили, оставив доктора Сьюпеба наедине с неизвестным.

— Пройдемте внутрь. Я временно занял комнату на втором этаже. Я задержу вас совсем ненадолго.

— Вы не из городской полиции,— сказал доктор Сьюпеб, окинув неизвестного острым взглядом.— Вы, скорее всего, из НП.— Теперь он казался встревоженным, но последовал за Пэмброуком, уже направившимся к лифту.

— Считайте меня просто заинтересованной стороной,— сказал тот и понизил голос, поскольку они проходили мимо группы

копов.— Стороной, заинтересованной в том, чтобы вновь увидеть вас в вашем кабинете, вместе с вашими пациентами.

— У вас есть на это соответствующие полномочия? — спросил Сьюпеб.

— Думаю, да.

Спустилась кабина лифта, и они вошли в нее.

— Однако, чтобы вернуть вас в ваш кабинет, потребуется не меньше часа. Так что, пожалуйста, наберитесь терпения.— Пэмброук раскурил свежую сигару.

Сьюпебу он сигары не предложил.

— Разрешите задать вопрос,— сказал тот.— Какое учреждение вы представляете?

— Я уже сказал вам,— в голосе Пэмброука зазвучали раздраженные нотки.— Просто считайте меня заинтересованной стороной. Неужели непонятно? — Он пожрал Сьюпеба мрачным взглядом.

В молчании они поднялись на второй этаж и зашагали по коридору.

— Прошу прощения за резкость,— сказал наконец Пэмброук, когда они подошли к комнате с номером двести девять,— но меня тревожит ваш арест. Я очень этим обеспокоен.

Он отворил дверь, и Сьюпеб осторожно перешагнул порог.

— Разумеется, я почти всегда готов обеспокоиться по тому или иному поводу. Такая у меня работа. Как и ваша, она включает в себя необходимость не позволять себе эмоциональное вовлечение в дело, над которым мы работаем.

Он улыбнулся, но доктор Сьюпеб воздержался от ответной улыбки.

«Он сейчас слишком напряжен, чтобы улыбаться»,— отметил про себя Пэмброук.

Такая реакция Сьюпеба вполне соответствовала краткому описанию его характера, которое содержалось в досье.

Они осторожно сели друг напротив друга.

— С вами хочет проконсультироваться один человек,— сказал Пэмброук.— Он недалек от того, чтобы стать вашим постоянным пациентом. Вы понимаете? Потому-то мы и хотим вернуть вас в ваш кабинет мы хотим, чтобы кабинет был открыт, чтобы вы могли принять этого человека и провести курс лечения.

— Я... понимаю,— кивнул доктор Сьюпеб.

— Что касается остальных ваших пациентов, то их судьба совершенно нас не интересует. Станет ли им хуже или они вылечатся, оплачивают ли они ваше благосостояние или уклоняют-

ся от платы за лечение — нам абсолютно безразлично. Нас интересует только этот отдельный человек.

— А после того, как он выздоровеет, вы снова меня прикроете? — спросил Сьюпеб.— Подобно всем прочим психоаналитикам?

— Вот тогда и поговорим об этом. А не сейчас.

— И кто же он, этот человек?

— Этого я вам сообщать не намерен.

Наступило молчание.

— Насколько я понимаю,— сказал, подумав, доктор Сьюпеб,— вы использовали аппарат фон Лессингера. Вы переместились во времени и выяснили, каков будет результат лечения. Так?

— Так,— ответил Пэмброук.

— Значит, вы уверены во мне. Я сумею вылечить этого человека.

— Вовсе нет,— сказал Пэмброук.— Наоборот, вам не удастся ему помочь. Но именно поэтому вы нам и понадобились. Если он пройдет курс лечения с помощью химиотерапии, его душевное равновесие восстановится. А для нас чрезвычайно важно, чтобы он и дальше оставался больным. Теперь вы понимаете, доктор, что нам чрезвычайно необходимо существование хотя бы одного шарлатана, то есть практикующего психоаналитика.— Пэмброук еще раз тщательно раскурил сигару.— Поэтому наша первая инструкция вам такова: не отвергайте никого из новых пациентов. Понимаете? Какими бы безумными — или, скорее, какими бы здоровыми — они вам ни показались.

Он улыбнулся. Его забавляло чувство дискомфорта, которое продолжал испытывать психоаналитик.

ГЛАВА 2

Огромный коммунальный жилой комплекс «Авраам Линкольн» был залит светом. Поскольку был канун Дня поминовения, всем шести сотням жильцов в соответствии с уставом полагалось собраться внизу, в зале для общих собраний, разместившемся в подвальном помещении здания.

Мужчины, женщины и дети проходили в зал. В дверях, напустив на себя вид солидного правительственного чиновника, их встречал Винс Страйкрок. С помощью нового идентификат-сканера он проверял документы, удостоверяясь в том, что сюда не проник посторонний из другого муниципального дома. Жильцы добродушно подчинялись, и процедура шла быстро, почти не отнимая времени.

— Эй, Винс,— спросил старик Джо Пард,— насколько нас задержит твоя автоматика?

Джо был старейшим по возрасту жильцом дома: он въехал сюда с женой еще в мае 1992 года, когда началось заселение только что построенного здания. Теперь жена его уже была мертва, дети повырастали, обзавелись семьями и разлетелись кто куда, но Джо остался здесь.

— Совсем ненадолго,— спокойно сказал Винс,— зато не будет ошибок. Автоматику не обманешь.

До сих пор, выполняя обязанности вахтера, он пропускал входящих, полагаясь в основном на свою память. И именно поэтому как-то пропустил парочку хулиганов из «Поместья Робин Хилл», и эти скоты едва ли не сорвали своими выходками все собрание. Больше такое повториться было не должно: Винс Страйкрок поклялся в этом и себе, и соседям по дому. И изо всех сил стремился исполнить свою клятву.

Тут же находилась миссис Уэллс. Раздавая копии повестки дня, она неизменно улыбалась и говорила нараспев:

— Пункт «три а», где речь должна идти об ассигнованиях на ремонт крыши, перенесен в следующий пункт «четыре а». Пожалуйста, обратите на это внимание.

Получив у нее повестку дня, жильцы делились на два потока, направлявшиеся в противоположные концы зала: либеральная фракция дома занимала места справа, консерваторы — слева. Каждая из фракций делала вид, что другой вообще не существует. Немногие же независимые — жильцы, совсем недавно поселившиеся в доме, или просто одинокие придурки — устраивались в конце зала, застенчивые и молчаливые, в то время как остальная часть помещения просто гудела от множества проходивших одновременно микросовещаний.

Общее настроение в зале было достаточно терпимым, однако все жильцы прекрасно понимали, что схватка сегодня предстоит серьезная. И обе стороны серьезно к ней готовились: тут и там шелестели документы, ходатайства, вырезки из газет. Их читали, оценивали и передавали из рук в руки.

На возвышении стоял стол президиума, за которым вместе с четырьмя членами попечительского совета сидел и председатель сегодняшнего собрания Дональд Тишман. Ему было не по себе. Человек миролюбивый, он всегда стремился избежать таких ситуаций. Даже просто находиться в этом зале было выше его сил, а ведь придется принимать в предстоящем собрании самое активное участие. На председательский стул приходилось садиться по очереди каждому жильцу, и вот сегодня настала очередь Тишмана. А тут как назло достиг своей кульминации школьный вопрос.

Зал почти заполнился, и Патрик Дойл, нынешний домовой капеллан, выглядящий в своем длинном белом одеянии не слишком счастливым, поднял руки, прося зал успокоиться.

— Молитва на открытие,— хрипло сказал он, прочистил горло и поднял небольшую карточку.— Пожалуйста, закройте глаза и склоните головы.

Он бросил взгляд в сторону президиума, и Тишман кивнул ему.

— Отче наш,— обратился к потолку Дойл,— мы, жильцы коммунального жилого комплекса «Авраам Линкольн», молим Тебя благословить наше сегодняшнее собрание. Мы... э-э... просим Тебя, чтобы Ты милостиво разрешил нам собрать средства, необходимые для ремонта крыши, безотлагательность которого сделалась ясной каждому жильцу. Мы просим также, чтобы были исцелены наши хворые и чтобы при рассмотрении заявлений тех, кто возжелает жить вместе с нами, мы проявляли мудрость в выборе тех, кого допустить, а от кого отвернуться. Еще мы просим о том, чтобы никто из посторонних не мог пробраться к нам и преступить спокойствие нашей законопослушной жизни. И наконец, особо просим о том, чтобы наша Николь Тибодо вылечилась от свища, который не позволяет ей в последнее время появляться перед нами на экранах телевизора и чтобы ее головные боли не имели никакого отношения к несчастному случаю двухлетней давности, когда рабочий сцены позволил упасть на ее голову куску декорации, отправившему ее на несколько дней в госпиталь... Аминь!

— Аминь! — согласилась аудитория.

— А теперь,— сказал поднявшийся со своего стула Тишман,— прежде чем приступить к делу, давайте потратим несколько минут на то, что нам приготовили наши таланты. Я думаю, все получат немало удовольствия. Сначала перед нами выступят три девочки Фетерсмоллер из квартиры двести пять. Они исполнят танец под мелодию «Я воздвигну лестницу к звездам».

Он сел, а на сцене появились три светловолосые девчушки, хорошо знакомые собравшимся по своим прошлым выступлениям. Пока они, одетые в полосатые панталончики и сверкающие серебристые жакеты, улыбаясь, исполняли свой танец, открылась дверь в коридор, и на пороге возник Эдгар Стоун.

В этот вечер он опоздал из-за контрольного теста своего ближайшего соседа, мистера Иана Дункана, и сейчас, стоя в дверях, все еще размышлял о том, какими жалкими знаниями обладает сосед. Эдгару Стоуну было совершенно ясно, что даже не закончив просмотр ответов Иана Дункана, можно сделать вывод: сосед с экзаменом не справился.

На сцене девчушки Фетерсмоллер запели писклявыми голосками, и Стоун задался вопросом, зачем он здесь. Скорее всего он пришел лишь для того, чтобы не оказаться оштрафованным, поскольку посещение собраний было для всех жильцов делом строго обязательным. А все эти столь часто организуемые смотры любительских талантов были ему совершенно до лампочки. То ли дело — былые времена, когда по телевидению транслировались развлекательные программы, в которых принимали участие высокоталантливые профессионалы!.. Теперь, разумеется, все сколько-нибудь талантливые профессионалы заангажированы Белым домом, а телевидение из средства развлечения превратилось в преподавателя и пропагандиста. Мистер Стоун подумал о славном золотом веке, давно уже ушедшем, вспомнил таких комиков, как Джек Леммон и Ширли Маклейн, еще раз глянул на сестричек Фетерсмоллер и застонал.

Дежуривший у двери Винс Страйкрок услышал этот стон и бросил на мистера Стоуна строгий взгляд.

«А и ладно,— подумал мистер Стоун.— По крайней мере, я пропустил молитву...»

Он предъявил свой идентификат новой дорогой машине Винса, и она дала разрешение пропустить его — о, какое счастье! — на одно из незанятых мест. Все лица вокруг были до тошноты знакомыми. Интересно, видит ли это сейчас Николь? Транслируется ли выступление юных талантов по телевидению? Девчонки Фетерсмоллер, скорее всего, стараются зря.

Усевшись, он закрыл глаза, не в силах смотреть на сцену. Жаль, что нельзя было заткнуть уши...

«Они никогда ничего не добьются,— подумал он.— Им надо смириться с этим. И им, и их честолюбивым родителям. Нет никаких особенных талантов ни у них, ни у других жителей дома... Нашему дому нечего добавить в культуру США, сколько бы мы не проливали пота и как бы не стремились изменить такую ситуацию».

Безнадежность положения девчонок Фетерсмоллер заставила его еще раз вспомнить о тестовых бумагах, которые, трясясь и бледнея лицом, всучил ему рано утром Иан Дункан. Если Дункан потерпит неудачу, ему будет куда хуже, чем даже этим девчонкам Фетерсмоллер. Не жить ему тогда в «Авраме Линкольне», он выпадет из поля зрения — во всяком случае, из их поля зрения,— и вернется к своему прежнему, презираемому статусу. Он наверняка, если только не откроются вдруг у него какие-то особые способности, снова окажется в общежитии и будет заниматься тяжелым физическим трудом, как довелось всем это делать в юные годы.

Безусловно, ему вернут сумму, которую он успел выплатить за свою квартиру — это была немалая сумма, представляющая собой главное капиталовложение человека за всю его жизнь. Отчасти Стоун даже завидовал Дункану.

«Что бы предпринял я,— спрашивал он самого себя, сидя с закрытыми глазами,— если бы мне сейчас возвратили активы? Ведь там набежало уже очень и очень изрядно... Возможно, я бы эмигрировал. Приобрел бы один из этих дешевых драндулетов, которыми незаконно торгуют на распродажах, где...»

Грянувшие аплодисменты вернули его к действительности. Девочки закончили выступление, и Стоун тоже захлопал в ладоши. Тишман взмахами рук принялся утихомиривать зал.

— О'кей, народ! Я знаю, что вы насладились увиденным, но сегодня вечером у нас есть и другие выступления. Да плюс официальная часть нашего собрания. Не стоит забывать об этом.— Он улыбнулся.

«Да,— подумал Стоун,— дела-делишки». И почувствовал себя очень и очень неуютно, поскольку считался в «Авраме Линкольне» одним из самых главных радикалов, тех, кто хотел закрыть принадлежавшую комплексу среднюю школу и отправить своих детей в муниципальную, где их способности можно было сравнить со способностями детей из других комплексов.

Это была идея, вызвавшая особое противодействие. Тем не менее, за последние несколько недель она получила весьма ощутимую поддержку. Вероятно, причиной стало осознание, что для всех наступают необычные времена. В любом случае, осуществление этого предложения обернется расширением кругозора детских умов! Дети «Авраама Линкольна» обнаружат, что люди из других жилых комплексов ничем не отличаются от них. Будут сломаны барьеры, разделяющие обитателей разных зданий, и возникнет новое взаимопонимание между людьми...

По крайней мере, такие идеи владели Стоуном. Однако консерваторы вовсе не считали это предложение своевременным. По их мнению, начинать такое смешение было слишком рано. Между детьми вспыхнут драки, ведь дети есть дети, они обязательно начнут доказывать друг другу, что именно их жилой комплекс выше и престижнее. Рано или поздно, разумеется, придется пойти на такой шаг, но не сейчас, не так скоро.

* * *

Оставаясь этим вечером в своей квартире, мистер Иан Дункан рисковал подвергнуться суровому штрафу. Тем не менее он ре-

шил пропустить собрание, поскольку собирался заняться изучением официальных правительственных документов, касавшихся политической истории Соединенных Штатов Европы и Америки. Он был слабоват в этом вопросе и прекрасно понимал это; он с трудом постигал экономические факторы развития государства, не говоря уже о религиозно-политических идеологиях, что зародились и исчезли еще в двадцатом столетии, но обусловили возникновение нынешней ситуации в стране. Это касалось, например, создания демократическо-республиканской партии. Раньше существовали две партии (или даже три?), которые погрязли в расточительной борьбе за власть точно так же, как это делают сейчас отдельные жилые комплексы. Эти две (или три?) партии слились около 1985 года, как раз перед тем, как в США вступила Германия. И теперь существовала только одна партия, которая управляла устойчивым и мирным обществом, и каждый, согласно закону, был членом этого общества. Любой гражданин должен выполнять свои обязанности, посещать собрания и каждые четыре года участвовать в выборах нового Дер Альте — человека, который, как полагали, больше всего понравится Николь.

Было очень приятно сознавать, что они — народ — обладают властью решать, кто станет мужем Николь на очередные четыре года; в определенном смысле это давало избирателям наивысшую власть, власть даже над самой Николь. Взять, к примеру, хотя бы последнего ее мужа, Рудольфа Кальбфляйша. Отношение между этим Дер Альте и Первой Леди были весьма прохладными, указывая на то, что она была не очень-то довольна этим последним выбором своего народа. Но, разумеется, будучи настоящей леди, она никогда этого не показывала в открытую.

Когда положение Первой Леди получило статус более высокий, чем самого президента? — спрашивалось в учебнике.

«Другими словами, когда наше общество стало матриархальным,— спросил самого себя Иан Дункан.— Где-то в районе тысяча девятьсот девяностого года. Ответ на этот вопрос я знаю».

Тенденции наблюдались и раньше, перемена происходила постепенно. С каждым годом Дер Альте все больше отходил на второй план, а Первая Леди становилась все более общеизвестной, более любимой народом. Именно публика и вызвала к жизни такую перемену. Может, это было результатом возрастающей потребности каждого в матери, жене, хозяйке — или, может, во всех трех женских ипостасях сразу? Во всяком случае, общество получило то, что хотело. У него появилась Николь, ставшая сразу всеми тремя ипостасями. И даже чем-то большим...

От стоящего в углу комнаты телевизора донеслось «динь!», означавшее, что наступило время передачи. Дункан со вздохом закрыл официальный учебник по религиозно-политической идеологии и обратил свое внимание к экрану. Наверняка это будет сообщение, касающееся деятельности Белого дома. К примеру, рассказ об очередной поездке Николь. Или повествование (во всех мельчайших подробностях) о ее новом хобби. Что, если теперь она увлеклась коллекционированием чайных чашек из китайского фарфора?.. Тогда нам придется битый час пялиться на эти чертовы чашки!..

На экране возникло суровое круглое лицо Максвелла У. Джемисона, пресс-секретаря Белого дома.

— Добрый вечер, граждане земли нашей! — торжественно сказал он.— Вас никогда не интересовало, что такое — опуститься на дно Тихого океана? Николь заинтересовало, и, чтобы получить ответы на свои вопросы, она собрала здесь, в Белом доме, в гостиной с тюльпанами, троих самых выдающихся в мире океанографов. Сегодня она попросит их поделиться своими знаниями, и вы тоже услышите ученых, так как их рассказы были недавно записаны на пленку с помощью Бюро общественных связей телекомпании «Юнифид Триадик Нетворк».

«А теперь в Белый дом! — скомандовал самому себе Дункан.— Хотя бы посмотреть со стороны... Мы, у кого нет никаких шансов попасть туда реально, у кого нет никаких особых талантов, способных заинтересовать Первую Леди, увидим, по крайней мере, таланты других. Хотя бы по телевизору...»

Вообще-то ему сегодня не очень хотелось таращиться в телевизор, но отказаться от него совсем было бы нецелесообразно. В конце программы вполне могла оказаться викторина. А хороший уровень ответов на ее вопросы вполне мог компенсировать ту плохую оценку, которую он, Дункан, заработал за последний релпол-тест и над которой все еще размышлял сосед, мистер Эдгар Стоун.

На экране уже цвели прелестные спокойные черты, светлая кожа и карие, умные глаза — мудрое и вместе с тем озорное лицо женщины, сумевшей приковать к себе всеобщее внимание, чьей судьбой жила вся нация и почти вся планета. Глянув на эту женщину, Иан Дункан ощутил самый настоящий страх. Он подвел ее; отвратительные результаты его тестов стали известны ей, и, хотя она ничего и не скажет об этом, лицо ее выражало явное разочарование.

— Добрый вечер! — сказала Николь ласковым, чуть хрипловатым голосом.

— Я неверно живу,— пробормотал Дункан.— Мои мозги не приспособлены к абстрактному мышлению. Я имею в виду всю эту религиозно-политическую философию. На мой взгляд, она совершенно бессмысленна. Я способен сконцентрироваться только на реальности. И мне стоило бы делать кирпичи или шить обувь.

«Мне стоило бы жить на Марсе,— подумал он,— на рубеже, который осваивают новые переселенцы. Здесь я полностью провалился. Мне всего тридцать пять, но я уже выброшен на берег. *И она об этом знает...* Отпусти меня, Николь! — взмолился он в отчаянии.— Не устраивай мне больше проверок, у меня нет никаких шансов выдержать их. Даже эта сегодняшняя программа об освоении дна океана... Она еще закончиться не успеет, а я уже забуду все, что в ней говорилось. Демократическо-республиканской партии нет от меня никакой пользы...»

Тут он вспомнил о своем прежнем приятеле Эле.

«Эл мог бы помочь мне»,— подумал он.

Эл работал у Чокнутого Луки, в одном из его «Пристанищ драндулетов», торгуя межпланетными консервными банками, которые мог позволить себе даже самый нищий и на борту которых, при доле везения, можно было успешно совершить разовый перелет на Марс.

«Эл мог бы достать мне такую развалюху по оптовой цене»,— подумал Дункан.

А Николь продолжала смотреть на него с телевизионного экрана.

— И действительно,— говорила она,— это просто мир сплошного очарования. Возьмите хотя бы эти светящиеся существа, далеко превосходящие в своем разнообразии и своих поразительных свойствах все, что было найдено на других планетах. Ученые подсчитали, что в океане различных форм жизни больше...

Лицо ее исчезло с экрана, по нему теперь проплывали потрясающе причудливые рыбы.

«Это часть пропагандистской кампании,— понял вдруг Дункан.— Попытка отвлечь наши умы от эмиграции на Марс. Стремление заставить нас забыть об отходе от партии и, тем самым, от нее самой».

С экрана на него глядела теперь какая-то пучеглазая рыбина, против воли приковавшая к себе его внимание.

«Черт побери,— подумалось вдруг ему,— какой это все-таки загадочный мир, океанские глубины! Николь все-таки заманила меня в ловушку. Если бы Эл и я преуспели, то мы, наверно, сейчас выступали бы перед нею и были бы счастливы. Пока бы она брала интервью у знаменитых на весь мир океанографов,

мы, Эл и я, сопровождали бы передачу, исполняя, скорее всего, одну из „Двухголосных инвенций“ Баха».

Пройдя к шкафу, Иан Дункан нагнулся и осторожно поднял завернутый в материю предмет, поднес его к свету.

«Как была сильна наша юношеская вера в это!» — вспомнил он.

С нежностью погладив кувшин, он сделал глубокий вдох, дунул пару раз внутрь сосуда, взяв несколько низких нот. «Дункан и Миллер — дуэт на кувшинах»...

Они с Элом Миллером не раз играли в собственной аранжировке сочинения Баха, Моцарта и Стравинского. Однако искатель талантов для Белого дома оказался вонючим скунсом. Он не дал им выступить даже на прослушивании. По его утверждению, то, что они делали, было не ново. Джесси Пигг, легендарный кувшинист из Алабамы, первым пробился в Белый дом, доставив удовольствие дюжине собравшихся там членов семьи Тибодо, своими версиями «Бараньего дерби», «Джона Генри» и тому подобным.

«Но,— возразил тогда Дункан,— ведь у нас классика! Мы играем сонаты позднего Бетховена».

«Мы вызовем вас,— пообещал им искатель талантов,— если Никки проявит когда-нибудь в будущем интерес к подобной музыке».

Никки! Дункан побледнел. Неужели этот тип настолько близок в Первой Семье! Бормоча что-то бессвязное, Дункан глянул на Эла, и они покинули сцену вместе со своими кувшинами. Их сменили следующие конкурсанты — группа собак, одетых в наряды эпохи Елизаветы и изображавших персонажи из «Гамлета».

Собак тоже отправили прочь, однако это было весьма слабым утешением...

— Утверждают,— продолжала тем временем Николь,— что в глубинах океана мало света... А вот поглядите-ка на это странное существо.

По экрану проплыла рыба, перед носом которой светил яркий фонарик.

Тут в дверь постучали, и Иан вздрогнул от неожиданности. Потом встал и осторожно открыл.

На пороге, удивленно глядя на Дункана, стоял его сосед, мистер Стоун.

— Вы пропускаете собрание? — спросил он.— Разве во время переклички это не обнаружится?

В руках мистер Стоун держал все те же злополучные бумаги.

— Ну, каковы у меня успехи? — спросил Дункан.

Он был готов к самому худшему.

Войдя в квартиру, Стоун прикрыл за собою дверь. Глянул в сторону телевизора, увидел на экране Николь, сидевшую с океанографами, пару секунд послушал, о чем она говорит, и резко сказал хриплым голосом:

— Вы прошли тестирование с отличным результатом.— Он протянул бумаги Иану.

— Я прошел? — Дункан не поверил тому, что услышал.

Он взял бумаги у Стоуна, принялся недоверчиво их разглядывать. И тут же понял, что случилось.

Стоун решил вести себя так, будто Дункану удалось справиться с испытанием. Он сфальсифицировал результат, судя по всему, просто по-человечески сжалившись над соседом. Дункан поднял голову, и они молча посмотрели друг на друга.

«Какой ужас! — подумал Дункан.— И что же теперь?»

Такая реакция поразила его самого, но с этим ничего нельзя было поделать.

«Я желал провала,— понял вдруг он.— Но почему?..— И сам себе ответил: — Да чтобы удрать отсюда, чтобы у меня была причина отказаться от всего этого, бросить свою квартиру, свою работу, сделать выбор и удрать. Эмигрировать в одной рубашке, воспользовавшись развалюхой, которая навсегда останется в марсианской пустыне».

— Благодарю вас,— хмуро сказал он.

— Когда-нибудь,— быстро ответил Стоун,— вы сделаете нечто похожее и для меня.

— О да, буду рад.

Стоун поспешно ушел. И оставил Дункана наедине с телевизором, кувшином, лживыми бумагами, подтверждающими, что тот выдержал тесты. Наедине с его мыслями.

ГЛАВА 3

На следующее после собрания утро Винс Страйкрок, американский гражданин и квартиросъемщик в доме «Авраам Линкольн», брился и периодически поглядывал на экран телевизора. Пришлось бы вернуться в 1994 год, тот самый год, когда Германия стала пятьдесят третьим из Соединенных Штатов, чтобы понять, почему Винс так жадно прислушивался к выступлению Дер Альте.

Нынешний Дер Альте, президент Руди Кальбфляйш, всегда раздражал Винса, и тот день, через два года, когда наступит срок окончания президентства и Кальбфляйшу придется уйти в отставку, станет поистине великим. Нет, в самом деле, день, когда

закон прекращает полномочия очередного Дер Альте, достоин того, чтобы его праздновать.

Тем не менее Винс прекрасно понимал, что, пока старик остается на этой должности, не стоит упускать возможность повлиять хоть каким-то образом на ход событий, поэтому он выключил бритву и прошел в гостиную, чтобы поиграть с пультом телевизора. Он отрегулировал по своему вкусу положение нескольких кнопок и с надеждой стал ждать, когда настрой речи Дер Альте хоть чуть-чуть изменится к лучшему... Однако изменений не происходило. Слишком у большого числа телезрителей были свои собственные представления о том, что и как следует говорить старику. Собственно, в одном только этом жилом комплексе было достаточно людей, чтобы нейтрализовать любое давление, которое Винс мог оказать в желании повлиять на старика с помощью системы обратной связи. Но, в конце концов, в этом и заключается демократия. Винс тяжко вздохнул. Именно этого все и добивались — иметь правительство, которое восприимчиво к тому, что говорит народ. Винс вернулся в ванную и снова взялся за бритье.

— Эй, Джули! — позвал он жену.— Завтрак готов?

Однако с кухни не донеслось ни звука. И когда этот факт окончательно дошел до сознания Винса, он вспомнил, что жены не оказалось и в постели, когда он проснулся в это утро...

Внезапно он все вспомнил. Вчера, после собрания по случаю Дня поминовения, он и Джули поссорились так сильно, что решили развестись, тут же спустились к домовому уполномоченному по бракам и разводам и заполнили необходимые документы. Джули собрала вещички и хлопнула дверью, так что теперь он находился в квартире один. И если не приготовит завтрак самостоятельно, то останется голодным.

Это был удар, потому что их брак длился уже довольно долго — целых шесть месяцев — и Винс привык видеть Джули по утрам на кухне. Она знала, что ему нравится яичница, посыпанная тертым сыром «Мюнстер» (причем неострым). Черт бы подрал это новое законодательство, либеральное в части разводов, что протащил президент Кальбфляйш! Жаль, что старик не отбросил копыта во время одного из своих знаменитых двухчасовых послеобеденных снов! Впрочем, тогда бы его место попросту занял другой Дер Альте. К тому же, даже смерть старика не вернула бы Джули назад — это было превыше возможностей бюрократической машины США, сколь бы мощна она ни была.

Разозлившись, Винс подошел к телевизору и нажал на кнопку «С». Если ее нажимали достаточное количество граждан,

старик должен был отключиться — кнопка «Стоп» прекращала президентскую болтовню. Винс подождал немного, однако маловразумительная болтовня продолжалась.

И тут его осенило: сейчас всего лишь восемь часов утра! Очень уж странно столь раннее выступление! Может, мощный взрыв в топливном хранилище разнес на кусочки всю лунную колонию? Старик частенько трепался о том, что надо бы потуже затянуть пояса, если хотим продолжать космическую программу, а не то вполне можно ожидать наступления эпохи самых разнообразных катастроф... Или наконец-то в земле — вернее, в грунте — нашли подлинные останки представителей некогда обитавшей на Марсе разумной расы? Лучше бы это произошло не на французской территории, а, как любил выражаться Дер Альте, на «нашей».

«Слушай, ты, прусский ублюдок,— подумал Винс.— Нам вообще не следовало пускать тебя сюда, в земли, которые я бы назвал «нашим палаточным лагерем». Федеральный союз нужно было ограничить лишь Западным полушарием. Но мир стал тесен. Когда основываются колонии за многие миллионы миль отсюда, на иных планетах или на спутниках иных планет, три тысячи миль, отделяющие Нью-Йорк от Берлина, не кажутся большим расстоянием. И, видит Бог, немцы просто мечтали об этом!»

Подняв видеофонную трубку, Винс позвонил домоуправу.

— Моя жена, Джули... я имею в виду свою бывшую жену... она, случаем, не арендовала вчера квартиру в нашем же доме?

Если бы Винсу удалось найти Джули, он бы, возможно, позавтракал с нею, и это подняло бы его настроение... Он ждал ответ с надеждой.

— Нет, мистер Страйкрок.— Несколько секунд молчания.— В наших документах ничего не отмечено.

«Вот дьяволица!» — подумал Винс и положил трубку.

Что же все-таки за штука, этот брак? Договоренность делиться чем угодно, в том числе и мнениями по поводу ранней утренней речи Дер Альте?.. Уверенность в том, что кто-то приготовил тебе завтрак, пока ты собираешься на работу в детройтский филиал фирмы «Карп унд Зоннен Верке»?.. Да, конечно, брак означает взаимную договоренность, в соответствии с которой один из супругов может заставить другого заниматься тем, что ему самому не по нраву. К примеру, приготовлением пищи — Винс терпеть не мог употреблять пищу, которая приготовлена его собственными руками. В периоды холостяцкой жизни он питался в домовом кафетерии. И теперь его ждала та же самая, еще не забытая кормежка. Мэри, Джин, Лора, теперь Джули... Четыре брака, последний — самый короткий... Похоже, он, Винс,

неуклонно катится под горку. Может, упаси господи, он вообще скрытый гомик?

А Дер Альте продолжал вещать с экрана:

— ...и полувоенная активность напоминает эру Варварства и, следовательно, должна быть отвергнута.

Эрой Варварства именовался период господства нацистов в середине прошлого века. С тех пор прошло сто лет, но время это еще вспоминали — пусть и в искаженном свете, однако достаточно ярко. Вот и прибег Дер Альте к помощи радиоволн — чтобы осудить «Сыновей Иова», новейшую организацию квазирелигиозного характера, созданную психами, которые болтались по улицам, призывая очистить национальную этническую среду и провозглашая другие, не менее идиотские требования. Другими словами, это были призывы изгнать из общественной жизни лиц, которых в народе зовут специалами, особенно тех, кто родился во период выпадения радиоактивных осадков, вызванных испытаниями атомных бомб, в частности после сверхмощных ядерных взрывов в Народном Китае.

«Это относится и к Джули,— подумал Винс,— ведь она бесплодна. И поскольку она не способна выносить ребенка, ей не разрешат голосовать на выборах... Подобную идиотскую логическую связь между двумя фактами способны увидеть только обитатели Центральной Европы, подобные немцам. Хвост, который управляет собакой...— Винс вытер лицо полотенцем.— Мы в Северной Америке являемся собакой, а Рейх — хвостом. Ну и жизнь! Может, лучше эмигрировать куда-нибудь под неяркое бледно-желтое солнце, где даже твари с восемью ногами и жалом не лишены права голоса? И где нет „Сыновей Иова“»...

Не все «специалы» были такими уж необычными, но изрядное число их считали необходимым — и не без серьезных оснований — эмигрировать. Кроме того, готовы были эмигрировать и многие ничем не примечательные люди, которые просто устали от жизни на перенаселенной, чрезмерно бюрократизированной планете Земля наших дней, независимо от того, жили они в СШЕА, во Французской Империи, в Народной Азии или в Свободной — то есть черной — Африке.

Винс пошел на кухню и принялся поджаривать бекон и яйца. А пока бекон жарился, он покормил единственное домашнее животное, которое ему разрешалось держать в квартире,— Георга III, маленькую зеленую черепашку. Георг III съел сушеных мух (25 процентов белков — продукт более питательный, чем пища, употребляемая людьми), гамбургер и муравьиные яйца. Этот завтрак заставил Винса Страйкрока прийти к мнению, что

аксиома «de gustibus non disputandum» [1] относится не только к людям, особенно в восемь часов утра.

Совсем недавно, всего пять лет назад, в доме «Авраам Линкольн» разрешалось держать комнатную птичку, но теперь это было совершенно исключено. И в самом деле, такая птичка создает слишком много шума. В соответствии с параграфом номер двести пять домового устава вам запрещается свистеть, петь, чирикать или щебетать. Черепаха нема — как и жираф,— но жирафы были verboten [2] наряду с собаками и кошками, большими друзьями человека, давними его спутниками, которые поисчезали еще в годы правления Дер Альте Фредериха Хемпеля, которого Винс почти не помнил. Так что дело здесь было вовсе не в немоте, и ему оставалось, как и часто бывало, только строить догадки об истинных причинах, которыми руководствовалась при запретах бюрократия. Винс искренне не мог понять ее мотивы и в некотором смысле был даже доволен этим. Это доказывало, что духовно он не причастен ко всему этому.

Увядающее, вытянутое, почти старческое лицо на экране телевизора исчезло, и паузу в программе заполнила музыка. Это был Перси Грейнджер, мелодия под названием «Гендель на берегу», столь же банальная. В общем, очень подходящий постскриптум к происходившему ранее... Винс вдруг щелкнул каблуками, вытянулся, пародируя немецкую воинскую выправку — подбородок высоко вздернут, руки по швам — под маршевую мелодию, которая гремела из телевизора. Такие мелодии власти называли «Ges» [3] и считали уместным заполнять ими телепаузы. «Heil!» — сказал себе Винс и вскинул руку в старинном нацистском приветствии.

Музыка продолжала греметь.

Винс переключился на другой канал.

На экране появился мужчина, с затравленным видом стоящий в самой гуще толпы, которая, похоже, приветствовала его. Мужчину сопровождали явно переодетые полицейские, подвели к припаркованной тут же машине, усадили внутрь. Действо это сопровождалось голосом диктора:

— ...И так же, как в сотнях других городов США, здесь, в Бонне, взят под стражу доктор Джек Даулинг. Ведущий психиатр венской школы арестован после того, как выступил с протестом против только что одобренного законопроекта, так называемого акта Макферсона...

---

[1] О вкусах не спорят *(лат.)*.

[2] Запрещены *(нем.)*.

[3] От Gesang — песня *(нем.)*.

На экране телевизора полицейский автомобиль быстро покатил прочь.

«Ну и дела! — угрюмо подумал Винс.— Примета нашего времени — более репрессивное законодательство, продавливаемое напуганной бюрократией. Ну и от кого мне теперь ждать помощи, если разрыв с Джули свернет меня с катушек? А такое вполне может произойти... И я никогда раньше не обращался к психоаналитикам — у меня не было в этом необходимости, поскольку ничего особенно тяжелого со мною не случалось... Джули,— подумал он,— где ты?»

Место действия на экране телевизора изменилось, однако сюжет был похож на предыдущий: снова толпа, снова полиция (хоть и в другой форме), снова психоаналитик, которого куда-то уводят, арестовывая еще одну протестующую душу.

— Обратите внимание,— говорил телекомментатор,— как верны своим психоаналитикам пациенты. А впрочем, почему бы и нет? Если человек много лет полагается на действенность психоанализа...

«Что же теперь будет? — спрашивал себя Винс.— Джули, если ты сейчас с каким-нибудь другим мужчиной, то это беда. Я или умру, узнав такое, или оставлю тебя этому типу, кем бы он ни оказался. Даже если... особенно если это кто-либо из моих друзей».

Телевизор продолжал бормотать, но Винс его не слышал.

«Нет,— решил он.— Я верну тебя, Джули. Мои взаимоотношения с тобой уникальны, это совсем не то, что было у меня с Мэри, Джин или Лорой. Я люблю тебя, Джули,— вот в чем загвоздка. Боже мой, до чего же я влюблен! В такое время, в таком возрасте! Невероятно! Если бы я сказал тебе об этом, если бы ты узнала, ты бы расхохоталась мне в лицо».

Он по-прежнему смотрел на экран, но видел только Джули.

«Мне бы стоило обратиться к психоаналитику,— понял он.— Я в опасном состоянии, я психологически зависим от такого холодного и эгоистичного создания, как Джули. Черт побери, это просто безумие!.. Интересно, сумел бы Джек Даулинг, ведущий психоаналитик венской школы в Бонне, вылечить меня? Освободить от этого безумия? Или этот другой, которого показывали...»

Он вновь услышал голос диктора: тот продолжал комментировать ситуацию, хотя полицейская машина уже уехала. Арестованного доктора звали Эгон Сьюпеб.

«С виду умный и симпатичный,— подумал Винс,— и явно наделен умением сопереживать... Послушайте, Эгон Сьюпеб, меня постигла большая беда: сегодня утром, когда я проснулся, рухнул весь мой мир. Мне нужна женщина, которую я, по всей вероят-

ности, больше уже никогда не увижу. И лекарства «АГ Хеми» мне не помогут... если, конечно, не прибегнуть к передозировке. Но это совсем не того рода помощь, которая мне требуется».

Передача по телевизору, наконец, закончилась.

«А может, сговориться с Чиком и вдвоем присоединиться к „Сыновьям Иова"? — подумал вдруг Винс.— Мы с Чиком дадим клятву верности Бертольду Гольцу. Некоторые давно уже так поступили, те, кто недоволен своей судьбой, у кого не сложилась жизнь — личная, как в моем случае, или деловая,— кому не удалось взойти по ступенькам социальной лестницы, от статуса бефта к статусу гехта.— Он представил себе эту картину.— Чик и я — «Сыновья Иова»... марширующие по улицам в этой дурацкой форме... ставшие всеобщим посмешищем... Зато с верой!.. Вот только во что? В конечную победу?.. В Гольца, который напоминает героя фильма „Rattenfanger" [1]»?

Он даже съежился от этой мысли — так она была ужасна.

И тем не менее она крепко засела в его голове.

* * *

Квартира Чика Страйкрока, старшего брата Винса, находилась на самом верхнем этаже «Авраама Линкольна». Проснувшись, Чик, худой и лысоватый мужчина, поглядел на часы, пытаясь понять, можно ли ему хоть чуть-чуть поваляться. Однако ничего утешительного для себя не обнаружил — часы показывали уже восемь пятнадцать. Самое время отрывать задницу от постели... К счастью, за стенами здания громко торговал своим товаром робот-информатор. Он-то и разбудил Чика.

Оставив часы в покое, он повернул голову и с удивлением обнаружил, что рядом кто-то лежит. Сна как ни бывало. Чик широко открыл глаза и уставился на укрытое простыней тело. Судя по разметавшейся на подушке копне рыжих волос, рядом лежала молодая женщина, причем (он испытал облегчение... если, конечно, это было облегчение), хорошо ему знакомая.

Джули! Невестка, жена брата Винса... Ничего себе компот!..

Чик сел и спустил ноги на пол.

«Давай-ка разберемся,— сказал он себе.— Вчера вечером... Что происходило после Дня поминовения?»

Ага, притащилась к нему Джули, вся в расстроенных чувствах, с чемоданом и двумя пальто и принялась плести историю, которая в конце концов свелась к тому, что она законно разве-

---

[1] Крысолов *(нем.)*.

лась с Винсом, что она ему больше не жена и вольна идти куда и к кому захочется. Вот почему она и пришла. А почему именно сюда? Этой части объяснений Чик никак не мог вспомнить. Джули всегда ему нравилась, но это никоим образом не могло объяснить случившееся. Поступок Джули проистекал из ее собственного, скрытого от других внутреннего мира, с его особыми ценностями и отношениями, к которым Чик абсолютно не был причастен. Объективно оправдания ее поступку не находилось...

Тем не менее Джули спит без задних ног рядом, и физически она здесь, но только физически: закутавшись в простыню, будто спряталась в раковину, как улитка. И, наверное, правильно. Во всяком случае, для Чика все, что случилось ночью, отдавало грехом кровосмешения, несмотря на всю ясность законных решений. Джули была для Чика членом семьи, и он никогда в ее сторону не поглядывал, но вчера вечером, после нескольких порций спиртного... Ага, вот как все произошло! Конечно, он мог бы и не пить, но все-таки выпил, и сразу все изменилось, и ушли опасения, и пришла раскованность, даже безрассудство, и все сомнения остались за пределами его квартиры... Вот и пожинай теперь урожай, расхлебывай все, что заварил!..

И все же где-то там, в самой глубине души, он не слишком возражал против случившегося. Джули могла пойти куда угодно, а пришла сюда — в этом был своего рода комплимент старшему из братьев.

Но теперь, когда придется сталкиваться с младшим братом, проверяющим идентификаты тех, кто входит в дом, Чику будет очень неловко. Винсу, понятное дело, захочется обсудить возникшую проблему, угрюмо и глубокомысленно, и много интеллектуального пыла будет потрачено зря. Каковы глубинные причины возникновения этого треугольника? Зачем Джули бросила Винса и почему перебралась именно к Чику?.. Вопросы бытия, из тех, какими интересовался еще Аристотель и какие были названы когда-то «конечными целями»... Винс все больше и больше отрывался от реальности и все меньше смысла видел в повседневной жизни...

«А позвоню-ка я лучше своему боссу,— подумал Чик.— И сообщу ему... вернее, попрошу у него разрешения опоздать. Мне следует выяснить отношения с Джули и понять, что это будет значить. Сколько времени она намерена у меня оставаться и возьмет ли на себя хоть часть расходов? Вопросы практические, совсем не философские, связанные с реальной жизнью...»

Все еще в пижаме, он прошел на кухню, приготовил себе кофе и некоторое время сидел, потягивая его. Затем включил видеофон и набрал номер своего босса, Мори Фрауэнциммера.

Экран сначала стал бледно-серым, потом ярко-белым, а потом на нем возникло плохо сфокусированное изображение Мори.

Тот брился.

— Да, Чик?

— Привет! — сказал Чик и с удивлением обнаружил, как гордо зазвучал его голос.— У меня тут девчонка, Мори, так что я опоздаю.

Это было чисто мужское дело. Не имело особого значения, что это за девчонка; не требовалось никаких подробностей. Мори не задал ни одного вопроса, на его лице родилось непроизвольное подлинное восхищение, тут же сменившееся осуждением. Однако сначала было восхищение! Чик улыбнулся: притворное осуждение — не та реакция, которая заставляет беспокоиться.

— Проклятье! — сказал Мори.— Постарайся появиться не позже девяти.

Тон его голоса говорил совсем иное: «Жаль, я не на твоем месте! И завидую тебе, черт бы тебя побрал!»

— Хорошо,— сказал Чик.— Постараюсь как можно быстрее.

Он бросил взгляд в сторону спальни. Джули уже сидела на постели. Возможно, Мори ее даже видел. А может, и нет. В любом случае, самое время закругляться.

— До встречи, старик! — Чик повесил трубку.

— Кто это был? — сонным голосом спросила Джули.— Винс?

— Нет. Это был мой босс.— Чик поставил воду для второй порции кофе. Потом вернулся в спальню и сел на кровать рядом с девушкой.— Привет! Как дела?

— Я забыла свою расческу,— прагматично сообщила Джули.

— Я куплю тебе новую в автомате, что стоит в холле.

— Это же просто пластмассовый мусор.

— Хм-м,— только и сказал он, чувствуя, как душу все больше заполняет горячая любовь и сентиментальность.

Ну и ситуация! Девушка в постели, а он сидит рядом, в одной пижаме... Это была горестно-сладкая картинка четырехмесячной давности, из его последнего семейного жизненного этапа.

— Привет! — повторил он и погладил ее бедро.

— О боже! — сказала Джули.— Как жаль, что я не умерла!

Нет, она ни в чем его не обвиняла, более того, в этом ее восклицании не было никакого намека на истинное желание смерти. Просто она как бы возобновляла прерванный ночной разговор.

— Зачем все это, Чик? — спросила она.— Я люблю Винса, но он же — настоящий кретин. Он никогда не станет взрослым и не взвалит на плечи жизненные заботы. Он всегда будет играть в свои игры, этакое воплощение современной, хорошо организо-

ванной общественной жизни, человек из истэблишмента, чистый и простой, хотя таким вовсе и не является. Разве что молод...— Она вздохнула.

Этот вздох остановил руку Чика, потому что был холодным и равнодушным. Она сбрасывала со счетов своего прежнего мужчину, перерезала пуповину, которая связывала ее с Винсом, почти без эмоций. Вернее, эмоции были столь ничтожными, будто она возвращала книгу, взятую в домовой библиотеке.

«Ничего себе компот! — подумал Чик.— А ведь этот человек был твоим мужем. Ты любила его. Ты спала с ним, жила с ним, знала о нем все, что только можно знать... Фактически ты знала его лучше, чем я, хотя он — мой брат столько времени, сколько ты и не жила на этом свете... Нет, женщины подлые и жестокие существа,— решил он.— Ужасно жестокие!»

— Мне... э-э... пора на работу,— нервно сказал он.

— Кофе ты для меня поставил?

— Да, конечно!

— Принеси его сюда. Хорошо, Чик?

Он пошел заваривать кофе, она принялась одеваться.

— Старый Кальбфляйш толкал речь сегодня утром? — спросила Джули.

— Понятия не имею,— отозвался Чик.

Ему даже в голову не пришло включить телевизор, хотя он и прочел вчера вечером в программе о том, что речь передадут. Ему было чихать на все, о чем собирался тарахтеть старый маразматик.

— Тебе и в самом деле нужно тащиться на эту чертову работу?

Джули не сводила с него глаз, и он впервые, пожалуй, увидел, как они красивы. Ее глаза были похожи на хорошо отшлифованные бриллианты, нуждающиеся прежде всего в дневном свете — только так могли проявиться их великолепные качества. У нее была также странноватая для женщины квадратная челюсть и чуть крупноватый рот, пухлые и неестественно красные губы загибались книзу, как у древнегреческих трагедийных масок, отвлекая внимание от неряшливо окрашенных волос. Фигура у нее была просто прекрасная, со всеми необходимыми округлостями, да и одевалась Джули хорошо, вернее, выглядела великолепно, что бы на себя не надела. Ей шли любые тряпки, даже хлопчатобумажные изделия массового пошива, доставлявшие столько трудностей другим женщинам. Вот и сейчас она натянула на себя то же, в чем была вчера вечером — оливкового цвета дешевое платье с круглыми черными пуговицами, но даже в нем она выглядела первоклассно, другого слова и не подберешь. У нее была аристократическая осанка и прекрасные кос-

ти. На это указывали ее скулы, нос и превосходные зубы. Немкой она не была, но происхождения явно нордического — возможно, шведка или датчанка. Глядя на нее, Чик подумал, что годы на ней почти не сказываются, она казалась самой настоящей небьющейся игрушкой. Он и представить себе не мог, что она может стать оплывшей, толстой и унылой.

— Я проголодалась,— заметила Джули.

— Ты имеешь в виду, что я должен приготовить завтрак.— Чик не спрашивал, он утверждал.

— Нет, это я буду готовить завтрак для мужика, будь то ты или твой тупица братец,— ядовито сказала Джули.

Сердце Чика снова тронула тревога. Слишком скоро эта девица перешла на резкости!.. Он хорошо ее знал, знал, что она беспардонна, но неужели нельзя было повременить с грубостью хоть чуть-чуть? Неужели она и сюда принесла то настроение, что было у нее с Винсом? Разве не ждала она медовый месяц?

«Похоже, ты влип! — сказал себе Чик.— Слишком многого ты захотел!.. Боже, а может, она уйдет отсюда? Надеюсь, именно так и произойдет...»

Это была совершенно ребяческая надежда, очень смешная для взрослого мужчины. Ни один взрослый мужчина никогда бы не понадеялся на подобный исход. Теперь Чик это понял.

— Я приготовлю завтрак,— сказал он и отправился на кухню.

Джули осталась в спальне и принялась расчесывать волосы.

* * *

— Вырубите его,— коротко сказал Гарт Макри своим обычным отрывистым тоном.

Изображение Кальбфляйша замерло. Руки продолжали оставаться поднятыми, зафиксировав последний жест, застывшее лицо ничего не выражало. Симулякр теперь молчал, и телекамеры автоматически выключались, одна за другой; им больше нечего было передавать, и специалисты — все без исключения гехты — знали об этом. Они смотрели на Гарта Макри.

— Мы передали сообщение,— доложил Макри Антону Карпу.

— Отличная работа,— сказал Карп.— Этот Бертольд Гольц, эти «Сыны Иова» выводят меня из себя. Надеюсь, после сегодняшней речи многие из моих вполне обоснованных опасений рассеются.

Он вопросительно посмотрел на Макри, ожидая подтверждения своим словам. Как и все, кто находился в аппаратной,— в основном проектировщики симулякров, работающие на «Карп Верке».

— Это только начало,— отметил Макри.

— Верно,— кивнул Карп.— Но начало отличное!

Он подошел к симулякру и осторожно притронулся к его плечу, как будто рассчитывал, что Кальбфляйш проснется и вновь заговорит. Разумеется, этого не произошло.

Макри рассмеялся.

— Жаль,— заметил Антон Карп,— что он не упомянул Адольфа Гитлера. Сами понимаете, сравнить «Сыновей Иова» с нацистами, а Гольца с Гитлером было бы правильно.

— Нет,— не согласился Макри.— Это вряд ли бы помогло, поскольку слишком бы соответствовало истине. Вы не политик, Карп. Откуда вы взяли, что правда — лучшее, чего следует придерживаться в политике? Если мы намерены остановить Бертольда Гольца, нам вовсе не следует выставлять его в качестве нового Гитлера. И знаете почему? Да потому что в глубине души пятьдесят один процент местного населения только и мечтает о новом Гитлере.— Он улыбнулся Карпу.

Тот выглядел теперь настолько встревоженным, будто его терзали самые недобрые опасения.

— Вот что мне очень хотелось бы знать,— сказал он.— Способен ли Кальбфляйш утихомирить этих «Сыновей»? У вас есть аппарат фон Лессингера — вот и скажите мне.

— Нет,— ответил Макри.— Он не способен на это.

Карп разинул рот от удивления.

— Однако,— продолжал Макри,— Кальбфляйш намерен уйти в отставку. В следующем месяце.

Он не добавил того, что сразу же захотелось услышать от него Карпу,— ответа на вопрос, который инстинктивно должен был возникнуть как у Антона и Феликса Карпов, так и у всех сотрудников фирмы «Карп унд Зоннен Верке», ответа на вопрос чрезвычайно важности.

«Нам ли предстоит собирать следующего симулякра?» — спросил бы Карп, окажись он смелым. Но он был потрясающим трусом, и Макри это было известно. Прямота и честность были давным-давно выхолощены в Карпе — иначе бы он не смог работать в германском деловом сообществе; моральная кастрация была непременным условием принадлежности к классу гехтов, к правящим кругам.

«Я бы мог сказать ему правду,— подумал Макри.— И облегчить его мучения. Но с какой стати?»

Ему не нравился Карп, который создал, а теперь обеспечивал эксплуатацию симулякра, поддерживал его функционирование на требуемом уровне, без колебаний или нерешительности. Лю-

бая неудача открыла бы эту *Geheimnis*, то есть тайну, простым людям — бефтам. Обладание одной или большим числом тайн и делало представителей правящей элиты, истэблишмента Соединенных Штатов Европы и Америки, гехаймнистрегерами, то есть обладателями тайны, в отличие от бефельтрегеров — простых исполнителей.

Но для Макри все это было германским мистицизмом; он предпочитал мыслить более простыми и удобными в практической жизни понятиями. «Карп унд Зоннен Верке» была в состоянии создавать симулякров и соорудила Кальбфляйша. Не менее хорошо поработала она и при эксплуатации этого Дер Альте в течении всего срока его правления. Однако следующего Дер Альте ничуть не хуже соорудит другая фирма, а разорвав все экономические связи с Карпом, правительство отберет у этого мощного картеля все привилегии, которыми он сейчас столь широко пользуется... с немалыми убытками для правительства.

Следующей фирмой, которой будет поручено создать для правительства СШЕА симулякр, станет небольшая компания, деятельность которой власти смогут контролировать без особых затруднений.

И тут же в уме Макри возникло название: «Фрауэнциммер Ассошиэйтес». Совсем крохотная фирма, едва сводящая концы с концами в сфере производства симулякров, используемых при колонизации планет. Он ничего не сказал Карпу, но в самое ближайшее время собирался начать деловые переговоры с Морисом Фрауэнциммером, главой фирмы. Для Фрауэнциммера это станет немалым сюрпризом...

— А что скажет Николь, как думаете? — спросил Карп, задумчиво глядя на Макри.

— Полагаю, она будет довольна,— ответил с улыбкой Макри.— На самом деле ей никогда не нравился старикан Руди.

— А мне казалось, что нравился.— Карп был явно огорчен.

— Первая Леди,— язвительно заметил Макри,— никогда еще не любила ни одного из Дер Альте. И почему, собственно, она должна любить этого? Ведь ей — двадцать три года, а Кальбфляйшу, согласно нашим же собственным информационным бюллетеням — семьдесят восемь.

— Да какое она имеет к нему отношение? — проблеял Карп.— Ровным счетом никакого. Просто время от времени появляется с ним на приемах.

— Я думаю, Николь вообще не переваривает ничего старого, изношенного, бесполезного.— Макри не щадил Антона Карпа; он увидел, как поморщился при его словах этот средних лет бизнес-

мен.— Старый, изношенный, бесполезный — очень точная характеристика главного изделия вашей фирмы,— добавил он.

— Но ведь в спецификации...

— Вы бы могли сделать симулякра хоть чуть-чуть более...— Макри задумался, подыскивая нужное слово,— обаятельным.

— Довольно! — рявкнул Карп, только сейчас сообразив, что Макри попросту мучает его и лишний раз хочет подчеркнуть, что, сколь бы могущественной ни была фирма «Карп унд Зоннен Верке», все равно она находится на службе у правительства и никоим образом не способна повлиять на его решения, и что даже Макри, простой помощник государственного секретаря, может безнаказанно издеваться над ней.

— Получи вы власть в руки еще раз,— нарочито медлительно произнес Макри,— то как бы поменяли дело? Загнали бы к себе на работу узников концентрационных лагерей, как это делал Крупп в двадцатом столетии? Возможно, вы смогли бы получить доступ к аппарату фон Лессингера и воспользоваться им... предоставив узникам концлагерей возможность умереть в качестве ваших рабочих еще быстрее, чем они умирали в Белзен-Белзене...

Карп повернулся и пошел прочь. Его просто трясло от злости.

Макри ухмыльнулся и закурил сигару. Американского, а не германско-голландского производства.

ГЛАВА 4

Джим Планк, главный звукооператор ЭМЭ, с изумлением наблюдал, как Нат Флайджер тащит к вертолету свою «Ампек Ф-а2».

— Ты собираешься записывать его с помощью этого хлама? — простонал Планк.— Боже мой, модель «Ф-а2» считалась устаревшей еще в прошлом году!

— Ну, если ты не способен обращаться с нею...— начал Нат.

— Да способен я, способен! — оборвал его Планк.— Я когда-то пользовался этими червячками.— Он принялся взволнованно жестикулировать.— Просто у меня такое ощущение, что ты в придачу к этой системе используешь еще и древний угольный микрофон.

— Едва ли,— произнес Нат и добродушно похлопал Планка по спине. Он знал оператора уже много лет и привык к нему.— Не беспокойся. Мы прекрасно управимся.

— Послушай,— сказал Планк, озираясь по сторонам,— действительно ли вместе с нами в эту поездку отправляется дочь Лео?

— Да, действительно.

— С этой Молли Дондольдо всегда возникают осложнения... Ты понимаешь, что я имею в виду? Нет, вряд ли. Нат, я не имею

ни малейшего представления, в каких ты сейчас отношениях с Молли, но...

— Лучше побеспокойся о том, чтобы качественно записать Ричарда Конгросяна,— отрезал Нат.

— Да, конечно...— Планк пожал плечами.— Это твоя жизнь, твоя работа и твой проект, Нат. Я — что? Всего лишь раб, который делает дело, за которое ему платят.— Он нервно провел слегка трясущейся рукой по своим редеющим, с проблесками седины, волосам.— Мы можем отправляться?

Молли уже забралась в кабину вертолета и расположилась там, читая книгу и не обращая внимания на мужчин. На ней была цветастая хлопчатобумажная блузка и шорты, и Нат подумал, насколько не подходил этот наряд для залитых дождями лесов, куда они направлялись. Интересно, бывала ли Молли вообще когда-нибудь на севере? Пространства Орегона и Северной Калифорнии практически обезлюдели после катастрофы 1980 года. Они очень пострадали от ракет Красного Китая и, разумеется, от радиоактивных осадков, выпадавших там в течение следующего десятилетия. По сути, радиация в тех местах наблюдалась и по сей день, однако специалисты НАСА утверждали, что теперь фон уже в безопасных пределах.

Пышная тропическая растительность, буйство всевозможных форм, обусловленное радиоактивными осадками... Заросли лесов, которые теперь превратились едва ли не в тропики... И почти никогда не прекращающиеся дожди; частыми и обильными они были до 1990 года, таковыми оставались и теперь.

— Да, мы можем отправляться,— сказал Нат.

— Тогда летим,— отозвался Планк, зажав в зубах незажженную сигару «Альта Камина».— И мы, и твой червяк. Летим записывать величайшего в нынешнем столетии безрукого пианиста. Послушай, Нат, вот что пришло мне в голову... В один прекрасный день Ричард Конгросян попадает в аварию. Он весь в переломах и ушибах. А когда через некоторое время с него снимают бинты и гипс, выясняется, что у него отрасли руки! — Планк хихикнул.— И он уже больше не сможет играть.

Молли опустила книгу и холодно спросила:

— Разве мы собрались во время этого перелета развлекаться?

Планк покраснел и склонился над своей аппаратурой, проверяя ее работоспособность.

— Виноват, мисс Дондольдо,— сказал он, но голос его звучал не виновато, а скорей обиженно.

— Вот и поднимайте вертолет в воздух,— заметила Молли и вернулась к своей книге.

Нат присмотрелся.

Это была запрещенная книга социолога двадцатого столетия Чарлза Райта Миллза. Молли Дондольдо была не в большей степени гехтом, чем Нат или Джим Планк, однако совершенно спокойно у них на глазах читала книгу, запрещенную для их класса.

«Замечательная женщина,— восхищенно подумал Нат.— Во многих отношениях замечательная».

— Не будь такой строгой, Молли,— улыбнулся он.

— Терпеть не могу остроумия простых бефтов! — заметила Молли, не поднимая глаз.

Двигатель вертолета заработал. Опытный Джим Планк быстро и умело поднял его в воздух. Они миновали прибрежное шоссе и отправились к северу, летя над Имперской Долиной, с ее густо переплетенной сетью каналов, простиравшихся насколько хватало взгляда.

— Судя по всему, полет будет прекрасным,— сказал Нат.— Я это чувствую.

— Ты бы лучше побрызгал водой своего червяка,— пробурчала Молли.— Или как там его еще называют... Откровенно говоря, я бы предпочла, чтобы меня оставили в покое. Если не возражаешь.

— Что тебе известно о личной трагедии в жизни Конгросяна?

Некоторое время Молли молчала, потом сказала:

— Трагедия вроде бы связана с выпадением радиоактивных осадков в конце девяностых годов. Думаю, речь идет о его сыне. Но никто не знает ничего определенного. Я не располагаю какой-либо закрытой информацией, Нат. Просто ходят слухи, будто сын его — настоящий монстр.

Нат еще раз ощутил тревожный холодок, который он уже испытал при мысли о необходимости посетить дом Конгросяна.

— Пусть это тебя не расстраивает,— сказала Молли.— В конце концов, со времени выпадения осадков отмечено очень много случаев рождения специалов. Неужели ты их не замечал? Я — так даже очень часто. Хотя, может быть, ты просто предпочитаешь не видеть таких детей.— Она загнула уголок страницы и закрыла книгу.— Это цена, которую мы платим за нашу во всех иных отношениях незапятнанную жизнь.... Боже мой, Нат,— вдруг поморщилась она,— неужели ты смог привыкнуть к этой твари в «Ампеке»?.. У меня так мурашки по коже пробегают от всего этого мерцания!...— Она опять помолчала. И продолжила: — Возможно, уродство ребенка определено факторами, связанными с парапсихическими способностями его отца. Может,

сам Конгросян винит в этом себя, а не радиацию. Можно спросить у него, когда доберемся туда.

— Можно спросить у него...— повторил Нат, словно эхо, и ужаснулся от одной мысли об этом.

— Разумеется. А почему бы и нет?

— Дьявольская идея! — сказал Нат.

И, как уже часто у него бывало во взаимоотношениях с Молли, ему опять показалось что она слишком резка и агрессивна. Этакая омужиченная баба... Имелась в ней какая-то грубость, и это Нату совершенно не нравилось. Молли слишком заносило в интеллектуальность, ей не доставало эмоциональной контактности ее отца.

— Почему ты решила принять участие в этой поездке? — спросил Нат.

Конечно же, не для того, чтобы послушать, как играет Конгросян; это было очевидно. Возможно, причиной был сын пианиста, этот ребенок-специал — Молли всегда влекло к чему-то необычному. Нат же испытывал к подобным вещам отвращение. Впрочем, внешне он ничем этого не показал. Ему даже удалось улыбнуться ей.

— Я просто обожаю Конгросяна,— спокойно сказала Молли.— Для меня будет особым удовольствием повстречаться с ним лично и послушать его игру.

— Но ведь я сам слышал, как ты говорила, что психокинетические версии Брамса и Шумана сейчас расходятся плохо.

— Неужели ты не способен отделить *личную* жизнь от дел фирмы? Мне очень по вкусу стиль Конгросяна, но это вовсе не означает, что его будут бойко раскупать. Видишь ли, Нат, в последние годы у нас очень хорошо расходятся жанры народной музыки. Я бы даже осмелилась сказать, что такие исполнители, как Конгросян, сколь бы популярными они ни были в Белом доме, стали анахронизмами, и мы должны быть очень бдительными, чтобы нас из-за них не постиг экономический крах.— Она слегка улыбнулась, лениво ожидая, какой будет его реакция.— Я открою тебе еще одну причину, по которой мне захотелось лететь. Мы с тобой сможем провести очень много времени вместе, мучая друг друга. Только ты и я, в течении всей поездки... Мы можем остановиться в мотеле в Дженнере. Тебе это не приходило в голову?

Нат шумно вздохнул.

И лицо Молли просто расплылось в улыбке. Ему показалось, будто она потешается над ним. Впрочем, Молли могла заставить его сделать все, что только ей пожелается. Они оба знали это, и она получала от этого знания настоящее удовольствие.

— Ты хочешь на мне жениться? — спросила Молли, переходя на доверительный тон.— Благородны ли твои побуждения в старомодном смысле, характерном для двадцатого столетия?

— А твои?

Молли пожала плечами:

— Может быть, мне нравятся монстры. Ведь мне нравишься ты, Нат, и твой звукозаписывающий червь, которого ты лелеешь и балуешь, будто это жена или любимое домашнее животное.

— Я бы точно так же относился и к тебе,— сказал Нат.

Тут он почувствовал, что за ними наблюдает Джим Планк, и принялся изучать проносящуюся внизу местность.

Их с Молли разговор явно смутил Джима. Планк был инженером — простым бефтом, как выразилась Молли,— но человеком очень неплохим, и при нем не стоило вести подобные разговоры.

«И при мне — тоже,— подумал Нат.— Единственный из нас, кто наслаждается такими разговорами,— это Молли. Но в ней нет никакого притворства».

* * *

Автобан, с его централизованно управляемыми автомобилями и другими транспортными средствами, которые едва различимыми ручьями вливались в широкий основной поток, утомил Чика Страйкрока. Находясь в кабине своего персонального автомобиля, он чувствовал себя участником некоего ритуала черной магии, словно он, как и все остальные жители пригородной зоны, доверили свои жизни силе, о которой лучше и не рассуждать. Фактически же это был простой гомеостатический радар, который корректировал положение его машины, соотнося с положением других транспортных средств и придорожных ограждений, но Чик этому не удивлялся. Он сидел в машине и читал утренний выпуск «Нью-Йорк Таймс». Внимание его было полностью отдано газете, и вместо того, чтобы разглядывать проносящиеся мимо пейзажи, он размышлял над статьей, речь в которой шла о дальнейшей судьбе открытия на Ганимеде одноклеточных окаменелостей.

«Древняя цивилизация,— думал Чик.— Следующий, более глубокий слой вот-вот будет раскопан автоматическими экскаваторами, действующими в безвоздушной среде с малой силой тяжести, характерной для спутников планет-гигантов... Мы — как рудокопы-хищники на богатой жиле. В следующем слое могут обнаружиться комиксы, противозачаточные средства и пустые бутылки из-под кока-колы. Но власти не станут сообщать нам об этом. Кому захочется выяснить, что Солнечная система была

освоена производителями кока-колы еще два миллиона лет назад? Невозможно даже вообразить себе цивилизацию, построенную формой жизни, которая не придумала кока-колу. Можно ли в таком случае называть ее цивилизацией?»

Однако тут он понял, что позволил горечи одержать над собой победу.

«Такое Мори не понравится,— решил он.— Надо взять себя в руки прежде, чем я доберусь до конторы. Плохое настроение пагубно для бизнеса. Ведь бизнес должен продолжаться. Таков лозунг дня, если не всего столетия... Вот чем я отличаюсь от младшего брата — умением столкнуться с основными принципами и не потеряться в лабиринте внешних ритуалов. Если бы Винс мог делать это, он был бы мной. И тогда бы жена не ушла от него. А самого Винса привлекли бы к участию в программе, придуманной Мори Фрауэнциммером и изложенной им самому Зеппу фон Лессингеру на конференции специалистов по изготовлению эрзац-продукции в Нью-Йорке в 2023 году. Программой предполагалось, воспользовавшись результатами экспериментов фон Лессингера по перемещениям во времени, послать психиатра в 1925 год с целью вылечить Фюрера Гитлера от паранойи. Судя по всему, фон Лессингер предпринял попытку действовать в этом направлении, но гехты засекретили ее. В интересах защиты своего привилегированного статуса, разумеется. А сам фон Лессингер теперь уже умер...»

Что-то зашипело справа от него. Рекламыш, порождение фирмы Теодора Нитца, плотно прилип к боковому стеклу машины.

— Убирайся! — рявкнул Чик.

Однако рекламыш, преодолевая упругий поток встречного воздуха, пополз к щели между дверцей и кузовом. Еще немного — и он протиснется внутрь кабины и вывалит на Чика свою информацию в самой наглой манере, характерной для всей продукции Нитца.

Правда, рекламыша, если он протиснется через щель, можно убить. Он был существом смертным и величиной не больше мухи. Поэтому рекламные агентства, подобно самой природе, насылали на потенциальных клиентов целые орды таких созданий.

Наконец, рекламышу удалось проникнуть в кабину, и он тут же загундосил:

— Послушайте! Держу пари, что порой, сидя в ресторане, вы говорили себе, что другие посетители только на вас и смотрят. И вы давно озадачены этой проблемой, которая стала очень серьезной и заметной другим, особенно...

Чик раздавил рекламыша каблуком.

* * *

Визитка подсказала Николь Тибодо, что премьер-министр Израиля прибыл в Белый дом и теперь дожидается ее в гостиной с камелиями. Эмиль Старк был стройным и высоким и всегда имел в запасе еврейский анекдот («Однажды Бог встретил Иисуса, одетого в...» — дальше она вспомнить не могла, поскольку толком еще не проснулась). Во всяком случае, сегодня у Николь есть анекдот для него, позаимствованный из доклада комиссии Вольфа.

Позже, уже в халате и шлепанцах, она выпила кофе и просмотрела утренний выпуск «Таймс», затем отшвырнула газету и взялась за документ, представленный комиссией Вольфа. Кого они выбрали? Германа Геринга. Николь пролистала доклад и очень пожалела, что не уволила генерала Вольфа. Армейское руководство выбрало в эре Варварства совсем не того человека, с которым можно иметь дело. Она понимала это, а вот власти в Вашингтоне согласились следовать рекомендациям Вольфа, до них еще не дошло, насколько типичным солдафоном тот был. С другой стороны, это показывало силу армейского генштаба даже в чисто политических сферах.

Она вызвала Леонору, своего секретаря.

— Скажи Эмилю Старку, чтобы вошел.

Откладывать встречу дальше было бессмысленно. В любом случае, Старк, скорее всего, будет доволен. Подобно многим другим, премьер-министр Израиля, несомненно, воображал, что Геринг был простым клоуном. Николь рассмеялась. Они так и не переварили материалы Нюрнбергского процесса, прошедшего после второй мировой войны, если верят в это.

— Здравствуйте, миссис Тибодо! — улыбнулся появившийся на пороге Старк.

— Это Геринг,— сказала Николь.

— Конечно! — Старк продолжал улыбаться.

— Вы просто глупец... Он слишком ловок — для любого из нас, понимаете? Если мы попробуем привлечь его к делу...

— Но к концу войны Геринг перестал быть фаворитом,— вежливо заметил Старк, усаживаясь за столик напротив Николь.— Он был частью проигрываемой военной кампании, в то время как гестапо и ближайшее окружение Гитлера только упрочили свою власть. Борман, Гиммлер, Эйхман, чернорубашечники... Геринг понял бы... вернее, понимал, что означает для военных поражение в войне.

Николь промолчала. В ней нарастало раздражение.

— Вас это беспокоит? — продолжал Старк.— Я тоже вижу тут трудности. Но ведь предложение, которое мы хотим сделать рейхсмаршалу, достаточно простое, верно? Его можно выразить одной незамысловатой фразой, и он поймет.

— О да,— согласилась Николь.— Геринг поймет. А еще он поймет, что если отвергнуть наше предложение, мы согласимся на меньшее, затем удовлетворимся еще меньшим, и в конце концов...— Она помолчала.— Да, это меня беспокоит. Я думаю, фон Лессингер был прав — надо держаться подальше от Третьего рейха. Когда имеешь дело с психами, трудно не заразиться от них. Пообщавшись с ними, и сам станешь душевнобольным.

— Есть шесть миллионов евреев, чьи жизни нужно спасти, миссис Тибодо,— тихо сказал Старк.

Николь тяжело вздохнула:

— Хорошо!

Глаза ее полыхнули гневом, но израильский премьер спокойно выдержал взгляд: он не боялся ее. Не в его привычках было отступать перед кем бы то ни было — он прошел долгим путем к своей должности, и, кабы вел себя иначе, не добрался бы до премьер-министра. Трусу не выжить в его положении. Израиль всегда был — и остается — небольшой страной, существовавшей между могущественными блоками, которые способны в любой момент, когда им заблагорассудится, стереть ее в порошок. Старк даже чуть улыбнулся в ответ на гнев Николь... Или ей это показалось? Тем не менее ее охватила еще большая ярость — от ощущения собственного бессилия.

— Мы вовсе не обязаны улаживать это дело прямо сейчас,— сказал Старк.— Я уверен, миссис Тибодо, что вы заняты сейчас и другими, не менее важными проблемами. К примеру, программой вечернего концерта в Белом доме. Я получил приглашение,— он похлопал по карману пиджака,— о чем, я уверен, вас поставили в известность. Нас ждет прекрасный парад талантов, верно? Ведь концерты в Белом доме всегда бывают такими.— Голос Старка стал мягким и успокаивающим.— Не возражаете, если я закурю? — Премьер-министр достал из кармана небольшую плоскую золотую коробку, извлек из нее сигару.— Эти я пробую впервые. Филиппинские сигары из листьев табака сорта «Изабелла». Кстати сказать, ручной работы.

— Валяйте,— раздраженно бросила Николь.

— Разве герр Кальбфляйш не курит? — удивился Старк.

— Нет,— ответила Николь.

— А еще он не обращает внимания на ваши музыкальные вечера, верно? Это недобрый знак. Помните Шекспира, «Юлия Це-

заря»?.. По-моему, так: «Насквозь он видит дела людские; он не любит игр и музыки» [1]. Помните? «Он не любит игр и музыки»... Разве это не точная характеристика нынешнего Дер Альте? Я, к сожалению, никогда с ним не встречался. Зато нет большего удовольствия, чем иметь дело с вами, миссис Тибодо! Уж поверьте...

У Эмиля Старка были серые и чрезвычайно умные глаза.

— Благодарю вас! — простонала Николь, отчаянно желая, чтобы он поскорее убрался. Она чувствовала, что он завладел всеми нитями разговора, и это делало ее усталой и беспокойной.

— Видите ли, миссис Тибодо,— продолжал он,— для нас, израильтян, очень затруднительно вести какие-либо дела с немцами, поэтому я не сомневаюсь в том, что испытывал бы определенную неловкость и во взаимоотношениях с герром Кальбфляйшем.

Старк выдохнул густое облако сигарного дыма, и запах его был настолько отвратителен, что Николь сморщила нос.

— Он напоминает самого первого Дер Альте, герра Аденауэра... Кажется, так его звали... Я еще мальчишкой насмотрелся учебных исторических фильмов. Интересно, что он правил куда дольше, чем продолжался период существования Третьего рейха... А Третий рейх должен был просуществовать тысячу лет.

— Да,— тупо сказала Николь.

— И если мы поможем ему, прибегнув к использованию аппарата фон Лессингера, то так оно и будет.— Глаза Старка смотрели куда-то мимо нее.

— Вы так думаете? Вы считаете...

— Я считаю,— сказал Эмиль Старк,— что получи Третий рейх те виды оружия, которых ему недоставало, он бы протянул еще лет пять, хотя и это представляется маловероятным. Он был обречен по собственной внутренней природе: в нацистской партии отсутствовал механизм, способный воспроизвести преемника Фюрера. Поэтому Германия распадется на части, превратится в скопище крохотных, враждующих друг с другом государств, как это было до Бисмарка. Мое правительство убеждено в этом, миссис Тибодо. Помните, как Гесс представил Гитлера на одном из грандиозных партийных собраний? «Hitler ist Deutschland»... «Гитлер — это Германия». Он был совершенно прав. Отсюда вытекал вопрос: что будет после Гитлера? Потоп. И Гитлер прекрасно понимал это. Вообще говоря, не исключена даже возможность того, что Гитлер *намеренно* вел свою страну к поражению. Хотя это весьма хитроумная психоаналитическая гипотеза. Лично я нахожу ее слишком уж причудливой, чтобы поверить.

---

[1] Перевод с английского М. А. Зенкевича.

— Если вытащить Германа Геринга из его эпохи,— задумчиво сказала Николь,— сюда, к нам, вы захотите принять участие в переговорах?

— Да,— ответил Старк.— Я даже настаиваю на этом.

— Вы?...— она уставилась на него.— *Настаиваете?*

Старк кивнул.

— Полагаю,— сказала Николь,— все дело в том, что вы считаете себя духовным воплощением всемирного еврейства или подобной мистической организации.

— Я считаю себя представителем государства Израиль,— тихо сказал Старк.— Фактически, его наивысшим должностным лицом.

— Это правда, что ваша страна намерена запустить к Марсу исследовательский аппарат?

— Аппарат вовсе не исследовательский,— возразил Старк.— Транспортный. Мы собираемся основать там первый наш кибуц, очень скоро. Марс, если можно так выразиться, одна сплошная пустыня Негев. Когда-нибудь мы будем там выращивать апельсины.

— Удачливый народишко,— пробормотала сквозь зубы Николь.

— Прошу прощения...— Старк приложил ладонь к уху — он не расслышал ее слов.

— Вы удачливы. У вас есть устремления. А у нас в США...— она задумалась,— нормы. Стандарты. Это очень земное, и тут вовсе не игра слов по отношению к цели вашего космического путешествия... Черт бы вас побрал, Старк! Вы меня расстроили, даже не знаю почему.

— Вам надо посетить Израиль,— сказал Старк.— Вам бы там стало очень интересно. Например...

— Например, я могла бы там обратиться в другую веру,— усмехнулась Николь.— И сменить имя, став Ребеккой... Слушайте, Старк, что-то я заболталась с вами. Мне очень не нравится вся эта затея, изложенная в докладе Вольфа. Я думаю, подобное широкомасштабное вмешательство в прошлое слишком рискованно, даже если это и приведет к спасению шести, восьми или даже десяти миллионов жизней ни в чем не повинных людей. Вспомните, что случилось, когда мы пытались послать в прошлое ассасинов, чтобы убить Адольфа Гитлера в самом начале его карьеры... Кто-то или что-то мешало нам всякий раз, а ведь таких попыток мы предприняли целых семь! Я думаю... Более того, я даже убеждена, что нам мешали агенты из будущего, из нашего времени или из той эпохи, что последует за нашей. Если с аппаратами фон Лессингера играет один, то почему не

может быть и второго? Бомба в пивном баре, бомба в агитсамолете...

— Но ведь эта попытка,— сказал Старк,— будет с восторгом встречена неонацистскими элементами. Они начнут сотрудничать с вами.

— И этим вы хотите ослабить мою тревогу? — горько сказала Николь.— Вы лучше других должны знать, что такое дурной предвестник.

Некоторое время Старк молчал. Лишь курил свою филиппинскую сигару ручной работы да мрачно глядел на собеседницу. Потом он пожал плечами:

— Пожалуй, мне самое время откланяться, миссис Тибодо. Возможно, вы и правы. Мне бы хотелось поразмыслить над этим, а также посовещаться с другими членами моего кабинета. Мы увидимся с вами сегодня вечером на концерте в Белом доме. Будут ли исполнять Баха или Генделя? Я очень люблю обоих этих композиторов.

— Сегодня у нас всеизраильский вечер, специально для вас,— сообщила Николь.— Мендельсон, Малер, Блох, Копленд. Годится?

Она улыбнулась, и Эмиль Старк улыбнулся ей в ответ:

— Нет ли у вас лишнего экземпляра доклада Вольфа, который бы я мог взять с собой?

— Нет.— Она помотала головой.— Это — Geheimnis. Совершенно секретно.

Старк поднял бровь. И перестал улыбаться.

— Его даже Кальбфляйш не увидит,— сказала Николь.

Она не собиралась менять свои позиции, и Эмиль Старк, без сомнения, почувствовал это. В конце концов, проницательность была одним из его профессиональных качеств.

Николь перебралась к своему письменному столу. Ожидая, пока Старк удалится, принялась просматривать папку с резюме, которые подготовила для нее секретарь Леонора. Резюме были — сплошная скука, внимание Николь привлекла только одна информация.

В ней говорилось, что искателю талантов Джанет Раймер так и не удалось ангажировать великого болезненно-невротического пианиста Ричарда Конгросяна на сегодняшний вечер, поскольку Конгросян внезапно покинул свой летний дом в Дженнере и добровольно отправился в клинику для прохождения курса электрошоковой терапии. И об этом никто не должен был знать.

«Проклятье! — с горечью подумала Николь.— Все планы на вечер летят к черту, и я вполне могу отправиться в кровать сразу после обеда. А жаль — ведь Конгросян известен не только как

мастер-интерпретатор Брамса и Шопена, но и как эксцентричный и блестящий остроумец».

Эмиль Старк продолжал попыхивать сигарой, с любопытством взирая на Николь.

— Имя Ричард Конгросян вам что-нибудь говорит? — требовательно спросила она, глянув на него в упор.

— Разумеется. Композиторы-романтики...

— Он опять болен. Душевно. Уже, наверное, в сотый раз. Или вам ничего об этом не известно? Разве до ваших ушей не доходили слухи? — Она в ярости швырнула на пол папку с резюме.— Порой мне очень хочется, чтобы он в конце концов покончил жизнь самоубийством или умер от прободения толстой кишки или еще от какой-нибудь реальной болезни, вот прямо на этой неделе.

— Конгросян — великий артист,— кивнул Старк.— Я понимаю ваше беспокойство. Да еще в смутное время, когда по улицам шествуют такие элементы, как «Сыны Иова» и, похоже, готова воспрянуть и самоутвердиться вся вульгарность и бездарность.

— Этим тварям недолго осталось шествовать,— спокойно сказала Николь.— Поэтому беспокоиться надо о другом.

— Вы уверены в том, что владеете ситуацией? Что держите ее под своим контролем? — Старк позволил себе изобразить на физиономии легкую холодную гримасу.

— Бертольд Гольц — не более чем бефт. Ходячий анекдот. Клоун.

— Как, возможно, и Геринг?

Николь ничего не ответила. Но глаза ее вспыхнули. Старк успел заметить эту неожиданную и кратковременную искру сомнения. Он снова скорчил гримасу, на этот раз совершенно неконтролируемую, отразившую все охватившее его беспокойство. И Николь от этой гримасы вздрогнула.

ГЛАВА 5

В небольшом домике, расположенном позади «Пристанища драндулетов номер три», сидел, закинув ноги на стол, Эл Миллер и, не выпуская из зубов сигары «Уппманн», наблюдал за прохожими на тротуаре, расположенном в центральной части городка Рино, штат Невада. Вокруг блестели драндулеты с развевающимися вымпелами, но Элу была видна словно бы чего-то ожидающая фигура, притаившаяся под огромной вывеской с надписью «Чокнутый Лука».

Но не только он мог видеть эту фигуру. По тротуару шли мужчина и женщина, перед ними бежал мальчишка. Вдруг он

громко вскрикнул, высоко подпрыгнул и возбужденно замахал руками:

— Эй, глядите! Знаете, что это такое? Глядите, это папула.

— Ей-богу! — улыбнувшись, произнес мужчина.— И вправду она! Смотри, Марион, там одно из марсианских существ, вон, прячется под вывеской. Что если мы подойдем к нему поближе и поболтаем?

Он двинулся в направлении вывески, мальчик бежал рядом. Женщина, однако, продолжала идти по тротуару.

— Пойдем с нами, мам! — позвал мальчик.

Эл Миллер слегка коснулся пульта управления, спрятанного под рубашкой. Папула на шести коротеньких ножках выползла из-под вывески «Чокнутый Лука», и Эл заставил ее ковылять в сторону тротуара. Несуразная круглая шляпа соскользнула набекрень, накрыв одну из антенн, глаза папулы двигались из стороны в сторону, пока в них не попало изображение женщины. Обнаружив добычу, папула потащилась за нею, к восторгу мальчика и мужчины.

— Смотри, пап, она идет за мамой! Эй, мам, обернись и посмотри!

Женщина бросила взгляд назад, увидела большое, оранжевое, похожее на божью коровку существо и рассмеялась.

«Все любят папулу,— подумал Эл.— Ну погляди же на смешную марсианскую тварь... Поговори с ней, папула, поприветствуй симпатичную леди, которая смеется над тобой».

Мысли папулы, направленные в адрес женщины, достигли и Эла. Марсианское существо здоровалось с леди, заверяло, что ему приятно с нею встретиться, успокаивало до тех пор, пока женщина не повернулась и не присоединилась к сыну и мужу, так что теперь все трое стояли вместе, воспринимая мысленные импульсы, исходившие от папулы, которая прибыла сюда, на Землю, не имея враждебных намерений, и которая даже неспособна причинять неприятности людям. Папула любила эту дружную семью, любила так же, как они любили ее; именно об этом она сейчас им и говорила. И несла им нежность, тепло дружелюбия, к которым она была столь привычна на своей родной планете...

Каким все-таки замечательным местом должен быть Марс!..

Именно так думали мужчина и женщина, убеждаясь в этом все сильнее, по мере того как папула заливала им мозги своим дружеским отношением, своими воспоминаниями о родной планете. Черт возьми, да ведь общество на Марсе совсем не такое холодное, не такое шизоидное, как земное — никто там ни за кем не шпионит, не надо проходить бесконечные релпол-тесты,

не надо сообщать еженедельно об их результатах домовым комитетам безопасности... Подумайте об этом, говорила им папула, пока они стояли, как пригвожденные к тротуару, неспособные сдвинуться с места. Вы сами себе хозяева, там, на Марсе, вы свободно обрабатываете землю на своей ферме, вы исповедуете свою собственную веру, вы просто становитесь *самими собою!* Взгляните на себя: вы боитесь даже просто постоять здесь и послушать. Боитесь...

Явно занервничавший мужчина повернулся к жене:

— Не лучше ли нам... уйти?

— О нет,— взмолился мальчишка.— Это же здоровско! Разве часто нам удается поговорить с папулой? Она, наверное, здесь и живет.

Мальчик кивнул в сторону «Пристанища», и Эл кожей почувствовал острый взгляд мужчины.

— Разумеется,— сказал тот.— Ее привезли сюда, чтобы было проще продать этот хлам. Вот она и пудрит нам мозги, завлекая на Марс.— Зачарованность исчезла с его лица.— Где-то сидит, спрятавшись в укромном месте, человек и управляет этой тварью,— пояснил он сыну.

Однако, источала свои мысли папула, сказанное мной — истинная правда. Даже если это кажется всего лишь рекламой. Вы можете отправиться туда, на Марс, и самолично убедиться в этом. Ваша семья сможет увидеть все это собственными глазами — если вы достаточно смелы, чтобы вырваться на свободу. Вы в состоянии сделать это? Разве вы не настоящий мужчина? Купите драндулет у Чокнутого Луки, купите, пока у вас еще есть такая возможность, ведь вы же понимаете, что в один прекрасный день — и, может быть, не столь уж отдаленный,— энпэшники лишат вас этой возможности. И не станет «Пристанищ драндулетов». И исчезнет последняя трещина в стене авторитарного общества, через которую немногие счастливчики еще в состоянии убежать...

Вновь взявшись за пульт управления, Эл добавил усиление. Воздействие мыслей папулы увеличилось, все больше овладевая волей мужчины.

Вы должны купить драндулет. Уплата в рассрочку, гарантийное обслуживание, широкий выбор моделей... Самое время заключить сделку, чего ждать?..

Мужчина сделал шаг в сторону домика, в котором находился Эл. А папула продолжала внушать.

Поспешите. В любую секунду власти могут прикрыть распродажу, и больше такая возможность вам уже никогда не представится...

— Это... Вот как они работают,— с трудом проговорил мужчина.— Животные заманивают людей. Гипноз. Нам нужно уйти отсюда.

Однако он так и не ушел — было уже слишком поздно. Он собрался купить драндулет, и Эл, продолжая оставаться в конторе, подтягивал клюнувшую добычу. Затем он лениво поднялся. Пора выходить наружу и заканчивать сделку. Отключив связь с папулой, он открыл дверь конторы и вышел наружу.

И тут же увидел хорошо знакомую фигуру, пробиравшуюся к нему между драндулетами. Это был его давний приятель Иан Дункан, с которым Эл не встречался уже много лет.

«Черт бы тебя побрал! — подумал Эл.— Что тебе здесь надо? В такое время!»

— Привет! — сказал Иан Дункан, как будто они только вчера расстались.— Мне надо поговорить с тобой. Ты ведь сейчас не очень занят, верно?

Потный и бледный, он подошел ближе, испуганно озираясь. Он выглядел гораздо хуже, чем при последней их встрече.

— Слушаю,— сердито произнес Эл.

И понял, что все сорвалось: мальчишка и его родители уже быстро топали по тротуару, уходя все дальше и дальше.

— Я не... э-э... совсем не хотел тебя беспокоить,— промямлил Иан.

— Ты меня не побеспокоил,— вздохнул Эл, уныло глядя, как срываются с крючка три перспективных клиента.— Ну что у тебя там за неприятности, Иан? Выглядишь ты хреново. Заболел, что ли? Заходи в контору.— Он провел гостя внутрь и прикрыл за собой дверь.

— Я случайно наткнулся на свой кувшин,— сказал Иан.— Помнишь, как мы пытались выступить в Белом доме? Эл, мы должны попробовать еще раз. Ей-богу, я больше не могу так жить. Я не могу смириться с той неудачей. Ведь мы оба считали, что это самое важное в нашей жизни.— Он задыхался и то и дело вытирал носовым платком пот со лба.

— У меня даже нет моего кувшина,— заметил Эл.

— Ты должен... Ну, мы могли бы отдельно записать каждый свою партию, а затем свести их в одну запись и отдать ее на прослушивание в Белый дом. Я чувствую себя загнанной в ловушку крысой. Не знаю, смогу ли я дальше так жить. Я должен снова заиграть. Если б мы прямо сегодня взялись за «Гольдберг-вариации», то через два месяца...

— Ты живешь все там же? — перебил его Эл.— В том огромном домине, «Аврааме Линкольне»?

Иан кивнул.

— И работаешь все в том же баварском картеле? Инспектором по движимому имуществу? — Эл никак не мог понять, чем так расстроен Иан Дункан.— Дьявол, на худой конец ты всегда можешь эмигрировать. О дуэте на кувшинах не может быть и речи. Я не играл тысячу лет, практически с тех пор, как мы с тобою расстались. Подожди минутку.— Он нажал несколько кнопок на пульте управления.

Замершая у самого тротуара папула шевельнулась и начала медленно возвращаться на свою исходную позицию под вывеской.

Глядя на папулу, Иан удивленно сказал:

— А я думал, все они вымерли.

— Они и в самом деле вымерли,— заметил Эл.

— Но эта же передвигается и...

— Это подделка,— сказал Эл.— Симулякр. Подобный тем, что используются при колонизации. Я управляю ею.— Он показал стародавнему приятелю пульт управления.— Она завлекает сюда прохожих с тротуара. Предполагается, что у Луки есть настоящая, которая послужила моделью для этих. Никто не знает ничего определенного, и закон не может привлечь Луку к ответственности. Энпэшники не в состоянии развязать ему язык.— Эл сел и закурил трубку.— Ты, наверное, завалил очередной релпол-тест... Бросай квартиру, забери назад свой первоначальный взнос и тащи деньги мне. А я уж позабочусь, чтобы тебе достался самый лучший драндулет, который доставит тебя на Марс. Ну, что ты на это скажешь?

— Я уже пытался завалить тест, но меня не отпускают,— сказал Иан.— Они подгоняют результат. Они не хотят, чтобы я съехал. Они меня ни за что не отпустят.

— Кто это «они»?

— Сосед по квартире в «Аврааме Линкольне». Эдгар Стоун его зовут... кажется. Он это делает умышленно. Я обратил внимание на выражение его лица. Может быть, он вообразил, что делает полезное дело... Не знаю.— Иан осмотрелся.— А у тебя здесь очень миленькое убежище. Ты тут и спишь, да? А когда меняете место, ты движешься вместе с нею?

— Да,— сказал Эл.— Мы всегда готовы дать деру. Энпэшники почти накрывали нас несколько раз, несмотря на то, что мы способны набрать орбитальную скорость всего за шесть минут. Папула обнаруживала приближение копов, но не настолько заблаговременно, чтобы можно было удрать со всеми удобствами. Чаще всего эвакуация происходит поспешно и неорганизованно, приходится даже бросать комплекты запчастей к драндулетам.

— У тебя преимущество перед копами всего в один прыжок,— задумчиво проговорил Иан.— И тем не менее это тебя не волнует. Наверное, причина в твоем отношении к жизни.

— Если меня сцапают,— сказал Эл,— Лука возьмет меня на поруки.

Ему и в самом деле не с чего было беспокоиться. Его работодатель был человеком влиятельным. Клан Тибодо ограничил свои нападки на него глубокомысленными статьями в популярных журналах, нажимающими на вульгарность Луки и низкое качество его драндулетов.

— Завидую я тебе,— сказал Иан.— Твоему самообладанию. Твоему спокойствию.

— Разве в вашем жилом комплексе нет капеллана? Попробуй поговорить с ним.

— Какой смысл? — горько заметил Иан.— Как раз сейчас это Патрик Дойл, а он ничем не лучше меня. А Дон Тишман, наш председатель, тот еще хуже — сплошной комок нервов. Фактически, наш дом целиком катит к нервному срыву. Возможно, это связано со свищом и головными болями, что испытывает Николь.

Подняв на него удивленные глаза, Эл увидел, что Иан говорит совершенно серьезно. Белый дом и все с ним связанное слишком много для него значат, как это было и много лет назад, когда они служили в армии.

— Ради тебя,— тихо сказал Эл,— я достану свой кувшин и попрактикуюсь. Попробуем предпринять еще одну попытку.

Иан Дункан уставился на него, открыв от удивления рот.

— Я на полном серьезе...

— Да благословит тебя Господь, Эл,— с благодарностью прошептал Иан.

Эл Миллер мрачно запыхтел трубкой.

* * *

Перед Чиком Страйкроком выросла в своих истинных, довольно жалких размерах маленькая фабрика, на которой он работал. Это было похожее по форме на коробку от шляпы строение светло-зеленого цвета, внешне достаточно современное, если бы стандарты, которым оно соответствовало, не оказались столь скромными. «Фрауэнциммер Ассошиэйтес». Скоро Чик окажется у себя в кабинете. Перед работой он повозится со шторами на окнах, пытаясь пригасить яркий утренний свет. А также не преминет пококетничать с мисс Гретой Тюбе, очень немолодой секретаршей, обслуживающей и его, и Мори.

«Великая биография,— подумал Чик.— Вот только, возможно, со вчерашнего дня фирма стала банкротом».

Это бы его совсем не удивило... да, похоже, не очень бы и опечалило. Хотя, разумеется, это был бы позор для Мори, а Мори Чику нравился, несмотря на их постоянные перепалки. В конце концов, любая маленькая фирма подобна семье. Все касаются друг друга локтями, пусть каждый по-своему и на разных психологических уровнях. Связи в таких фирмах более близки, чем обезличенные отношения, которые существуют между работодателями и служащими в крупных картелях.

Честно говоря, Чик предпочитал именно такую близость. Ему представлялось нечто ужасное в бюрократических взаимоотношениях, практиковавшихся в коридорах корпораций могущественных и причастных к высшим государственным тайнам. То, что Мори был предпринимателем мелкого масштаба, нравилось Чику. Это походило на старый мир, на все еще существующее двадцатое столетие...

На стоянке он перешел на ручное управление, припарковался рядом со старомодной машиной Мори, выбрался из кабины и, засунув руки в карманы, направился к знакомому главному входу.

Небольшой, загроможденный всяким хламом кабинет Чика — с грудами почты, на которую никогда не отвечали и даже не вскрывали конвертов, с чашками для кофе, с разбросанными повсюду справочниками и смятыми счетами, с прикрепленными кнопками к стенке календарями с изображениями красоток — пах пылью, как будто в его окна никогда не впускали свежий воздух и солнечный свет. А в дальнем конце его, занимая большую часть свободного пространства, располагались четыре безмолвных симулякра — группа, состоящая из взрослого мужчины, его супруги и двоих детей. Это был главный пункт в каталоге фирмы — «Соседская семья».

Симулякр-мужчина поднялся и любезно поздоровался с Чиком:

— Доброе утро, мистер Страйкрок.

— Мори уже здесь?

— В каком-то смысле — да,— ответил симулякр.— Он на улице, пьет утренний кофе с пончиком.

— Отлично,— сказал Чик, расстегивая пуговицы пальто.— Ну что, люди, вы готовы к путешествию на Марс? — Он пристроил пальто на вешалку.

— Да, мистер Страйкрок,— ответила женщина, кивнув головой.— И мы этому рады. Вы можете положиться на нас.— Она любезно улыбнулась ему, словно благожелательно настроенная соседка.— Ведь это такое облегчение — покинуть Землю с ее реп-

рессивным законодательством. Мы слушали по радио об акте Макферсона.

— Мы считаем этот закон просто ужасным,— сказал мужчина.

— Мне ничего не остается, кроме как согласиться с вами,— заметил Чик.— Только что тут поделаешь? — Он обвел взглядом стол в поисках свежей почты — она, как обычно, затерялась в этом бардаке.

— Можно эмигрировать,— сказал симулякр-мужчина.

— Гм-м-м,— рассеянно ответил Чик.

Он обнаружил целую груду совсем недавних на вид счетов от поставщиков; с чувством уныния и даже ужаса он начал разбирать их. Видел ли все это Мори? Весьма вероятно. Глянул на них и отодвинул с глаз долой. Фирма «Фрауэнциммер Ассошиэйтес» функционировала бы куда эффективнее, если бы ей не напоминали о подобных мелочах жизни. Будто регрессирующий невротик, она постоянно прятала от собственного восприятия кое-какие аспекты реальности, чтобы иметь возможность нормально функционировать. Такой подход едва ли был идеальным, но какою стала бы альтернатива? Сделаться реалистом значило погибнуть. Иллюзии или инфантильное отношение к жизненным реалиям были существенны для выживания крошечных фирм. По крайней мере, именно так всегда казалось ему и Мори. В любом случае, они оба разделяли подобное мнение. Изготовленные фирмой симулякры — взрослые, разумеется,— не одобряли этого; их холодная, чисто логическая оценка действительности резко контрастировала с отношением к жизни их производителей, и Чик всегда ощущал перед симулякрами некоторое смущение, будто был не совсем одет. Он понимал, что ему следовало бы быть для них лучшим примером.

— Если вы купите драндулет и эмигрируете на Марс,— сказал симулякр-мужчина,— мы бы могли стать для вас соседской семьей.

— Если я эмигрирую на Марс, мне не понадобится соседская семья. Я отправлюсь туда, чтобы оказаться подальше от людей.

— Мы бы стали очень хорошей соседской семьей,— заметила женщина.

— Послушайте,— сказал Чик.— Вам не положено читать мне лекции о своих достоинствах. Я знаю о вас гораздо больше, чем вы сами.

Их самонадеянность, их чистосердечная искренность не только забавляла, но и раздражала его. В качестве ближайших соседей эта группа симов вряд ли скрасила бы одиночество, решил он. И тем не менее они были как раз тем, в чем особенно нуж-

дались эмигранты на необжитых колониальных просторах. Чик мог понять это — в конце концов, бизнес фирмы «Фрауэнциммер Ассошиэйтес» и заключался в том, чтобы понимать это.

Эмигрируя, человек мог приобрести соседей, купить пусть и фальшивое, но присутствие чего-то живого, обзавестись набором звуков и движений, характерных для человеческой деятельности (или хотя бы ее механического заменителя),— для того, чтобы поднять свой моральный дух в новой окружающей среде, с ее незнакомыми раздражителями или, возможно (упаси, Боже, от этого!), при полном отсутствии оных. И в дополнение к этому главному психологическому преимуществу, имелась здесь еще и определенная практическая выгода. Группа симулякров, составляющая «Соседскую семью», распахивала участок земли, возделывала ее, орошала, делала почву плодородной, высокопродуктивной. А урожай с нее доставался поселенцу-человеку, поскольку «Соседская семья», говоря юридическим языком, занимала периферийную часть его земли. Фактически, «Соседская семья» соседями не являлась — она являлась элементом обстановки, окружавшей владельца симов. Общение с ними, в сущности, было непрерывным диалогом с самим собой — «Соседская семья», если она функционировала надлежащим образом, улавливала самые сокровенные надежды и чаяния поселенца и подробно отвечала на его вопросы в членораздельной форме. С психотерапевтической точки зрения это была весьма полезная идея, с культурной же — бесплодный пустяк...

— А вот и мистер Фрауэнциммер,— с уважением сказал симулякр-мужчина.

Чик повернул голову.

Входная дверь медленно отворилась, и на пороге появился Мори, осторожно держа в руках чашку кофе и пончик.

— Послушай-ка, приятель,— хрипло сказал Мори.

Это был маленький, кругленький, обливающийся потом человечек, очень напоминающий отражение в кривом зеркале. Ноги у него были настолько коротки, что оставалось только удивляться, как они выдерживают вес его тела,— передвигаясь, он раскачивался из стороны в сторону.

— Мне очень жаль, но, кажется, пришло время уволить тебя.

Чик недоуменно уставился на него.

— Мне дальше не протянуть,— сказал Мори.

Крепко держа в заскорузлых пальцах чашку с кофе, он поискал взглядом, куда бы поставить ее среди бумаг и справочников, которыми был завален письменный стол.

— Ничего себе компот! — сказал Чик. Однако даже в собственных ушах голос его прозвучал слабо.

— Ты знал, что рано или поздно это произойдет.— Голос Мори теперь напоминал суровое карканье.— Мы оба знали это. Что я еще могу сделать? Нам уже несколько недель не удается заключить ни одной приличной сделки. Я не обвиняю тебя, пойми!.. Но взгляни на эту «Соседскую семью», торчащую тут... именно торчащую, хотя им давно пора находиться далеко отсюда! — Вытащив огромный носовой платок, Мори принялся вытирать пот со лба.— Мне очень жаль, Чик...— Он с тревогой посмотрел на своего служащего.

— Это внушающие беспокойство перемены,— сказал симулякр-мужчина.

— У меня такое же ощущение,— добавила его жена.

Глянув свирепо в их сторону, Мори проскрипел:

— Заткнитесь! И не суйте нос не в свое дело! Разве кто-то спрашивал ваше запрограммированное со стороны мнение?!

— Оставь их в покое,— буркнул Чик.

Он был ошарашен словами Мори. В эмоциональном плане он был застигнут врасплох, хотя умом давно уже и предвидел такой поворот событий.

— Если мистер Страйкрок уйдет,— произнес симулякр-мужчина,— мы уйдем вместе с ним.

— Черт бы вас побрал! — злобно рявкнул Мори.— Неужели вам не понятно, что вы не более чем набор промышленных изделий?! Заткнитесь, пока мы сами не разберемся между собой! У нас и без вас проблем выше крыши.— Он сел за стол и развернул утренний выпуск «Кроникл».— Весь мир катится к дьяволу. Это не только о нас, Чик, не только о «Фрауэнциммер Ассошиэйтес». Вот послушай, о чем говорится в сегодняшней газете: «Тело Орли Шорта, рабочего-ремонтника, было обнаружено сегодня на дне бака глубиной в шесть футов с медленно затвердевающим шоколадом на кондитерской фабрике в Сент-Луисе».— Он поднял голову.— Обрати внимание на этот «медленно затвердевающий шоколад» — вот оно! Именно так мы живем! Я продолжаю: «Шорт, пятидесяти трех лет, вчера не вернулся с работы домой и...».

— Да ладно! — перебил его Чик.— Я прекрасно понял, что ты пытаешься мне втолковать. Таково наше время.

— Верно. Ситуация не подвластна никому лично. А такие условия жизни, сам понимаешь, склоняют к фатализму, к тому, чтобы смириться со всем, что тебя ждет. Вот я почти и смирился с тем, что стану свидетелем исчезновения «Фрауэнциммер Ассошиэйтес». И очень скоро.— Он уныло глянул на симулякров, изображавших соседскую семью.— Не знаю, для чего, собственно, мы соорудили вас, ребята. Нам следовало бы создать шайку

уличных бандитов или шлюх высокого класса, способных вызвать интерес у буржуа... Послушай, Чик, как заканчивается эта жуткая заметка в «Кроникл». И вы, симулякры, тоже послушайте. Это даст вам представление о мире, который вас породил... «Как нам сообщили в полиции Сент-Луиса, Антонио Коста, зять погибшего, отправился на кондитерскую фабрику, где и обнаружил Шорта, погруженного на три фута в шоколад».— Мори со злостью отшвырнул газету.— Я вот думаю, как отразятся подобные случаи на вашем Weltanschaung[1]. Все это чертовски страшно. Такое надолго выбивает из колеи. А наихудшее заключается в том, что самое страшное оказывается почти забавным.

Наступила тишина. А потом симулякр-мужчина, несомненно откликаясь на что-то, недосказанное Мори, заявил:

— Сейчас абсолютно неподходящее время для такого законопроекта, как акт Макферсона. Нам нужна психиатрическая помощь из любого источника, откуда ее можно получить.

— «Психиатрическая помощь»,— передразнил его Мори.— Да, тут вы попали в самую точку, мистер Джонс или мистер Смит, или как мы вас там назвали. Кем бы вы ни были, мистер Соседняя Дверь, это бы спасло «Фрауэнциммер Ассошиэйтес», верно? Небольшой психоанализ по двести долларов за час в течение десяти лет ежедневно... Разве не столько времени обычно требуется для лечения? — Он с отвращением отвернулся от симулякров и откусил от пончика.

— Ты дашь мне рекомендательное письмо? — спросил Чик.

— Разумеется,— ответил Мори.

«Возможно, придется поступать на работу к „Карп унд Зоннен Верке“»,— подумал Чик.

Брат его Винс, гехт, служащий у Карпов, мог бы оказать ему содействие в поступлении туда. Это было бы лучше, чем ничего, и уж всяко получше, чем пополнить ряды жалких безработных, самого низшего социального слоя бефтов — отъявленных бродяг, слишком нищих даже для того, чтобы эмигрировать... А может, самому эмигрировать? Наверное, такое время, наконец, наступило, и следует открыто признаться в этом. И навсегда выбросить из головы инфантильные амбиции, которым он отдал столько лет.

Вот только как быть с Джули? Что с нею делать? Жена брата изменила всю ситуацию. К примеру, в какой степени он несет за нее финансовую ответственность? Нет, нужно встретиться ли-

[1] Мировоззрение *(нем.)*.

цом к лицу с Винсом и обсудить с ним все случившееся. Во что бы то ни стало! Вне зависимости от того, найдется ли ему, Чику, местечко в фирме «Карп унд Зоннен Верке»!

Но, черт возьми, как же неудобно, если выразиться помягче, разговаривать с Винсом в сложившихся обстоятельствах! В очень уж неудачное время началась связь Чика с Джули...

— Слушай, Мори,— сказал он.— Ты не имеешь права увольнять меня сейчас. У меня сплошные проблемы, я уже говорил тебе по видеофону. У меня появилась девушка, которая...

— Хорошо.

— П-прости, не п-понял...

Мори Фрауэнциммер тяжко вздохнул:

— Я сказал «хорошо». Я подержу тебя еще немного. Чтобы ускорить банкротство «Фрауэнциммер Ассошиэйтес». Так вот.— Он пожал плечами.— So ist das Leben! Такова жизнь...

Один из симулякров-детей сказал взрослому:

— Разве это не добрый человек, папа?

— Да, Томми,— кивнул симулякр-мужчина.— Очень добрый.— Он погладил мальчика по плечу.

Семейство просияло.

— Я не уволю тебя до следующей среды,— решил Мори.— Это все, что я способен для тебя сделать, но, возможно, и это поможет. А что будет дальше — не знаю! Я не могу предугадывать будущее. Хоть в некоторой степени и обладаю даром предвидения, как всегда об этом говорил. Я имею в виду, что обычно к меня есть предчувствие того, что ждет меня в будущем. Но в данном конкретном случае, черт бы все это побрал, не ясно ничего. Во всяком случае, в отношении моей судьбы.

— Спасибо, Мори! — сказал Чик.

Мори Фрауэнциммер только хрюкнул и снова уткнулся в утреннюю газету.

— Может быть, к следующей среде случится что-нибудь хорошее,— сказал Чик.— Что-нибудь такое, чего мы никак не ожидаем.

«Может быть, мне как менеджеру по сбыту удастся получить приличный заказ»,— подумал он.

— Все может быть,— сказал Мори.

Однако голос его прозвучал не слишком убежденно.

— Я действительно намерен попытаться изменить ситуацию к лучшему.

— Разумеется,— согласился Мори.— Ты будешь стараться, Чик, изо всех сил.— И добавил совсем тихо: — Ведь ничего иного тебе и не остается...

ГЛАВА 6

Для Ричарда Конгросяна чертов акт Макферсона стал подлинным несчастьем, ибо в одно мгновение лишил его главной жизненной опоры — помощи со стороны доктора Эгона Сьюпеба. Пианист был брошен на произвол судьбы, и это в момент, когда особенно сильно дала знать о себе болезнь, длящаяся практически всю жизнь. Сейчас она попросту подчинила его себе. Именно поэтому он покинул Дженнер и добровольно лег в нейропсихиатрическую клинику «Франклин Эймз» в Сан-Франциско. Место это было Конгросяну прекрасно знакомо: в течение последнего десятилетия он оказывался здесь много раз.

Однако теперь могло случиться так, что он окажется уже не в состоянии ее покинуть — процесс продвинулся слишком далеко.

Ему было точно известно, что он является ананкастиком — человеком, для которого действительность сжалась до различной степени принуждения. В его жизни уже не было ничего, что бы он делал добровольно, исходя из собственных желаний. И, что хуже всего, он начал вступать в конфликты с рекламышами Теодора Нитца. Вот и сейчас при нем была одна из этих тварей; пианист нес ее в кармане.

Вытащив рекламыша на белый свет, Конгросян тут же услышал его дьявольское сообщение.

— Он может вызвать отвращение у окружающих,— пропищал рекламыш,— в любой день и час.

И тут же перед мысленным взором пианиста начала разворачиваться полноцветная картина: черноволосый красавец наклоняется к полногрудой блондинке в купальном костюме, намереваясь поцеловать ее. Однако выражение восторга и покорности на лице девушки исчезает, а на смену ему приходит откровенная гадливость.

— Ему так и не удалось полностью избавиться от неприятного запаха, что исходит от его тела! — пропищал рекламыш.— Видите?

«Это я,— сказал себе Конгросян.— Это у меня неприятный запах».

А все из-за этого проклятого рекламыша. Рекламыш заразил его жуткой вонью, и нет теперь никакой возможности избавиться от нее. В течение нескольких недель пианист испробовал самые различные моющие и ополаскивающие средства, но все напрасно.

В этом-то и заключались неприятности, связанные с мерзкими запахами. Раз пристав, они становятся все сильнее и сильнее. В данный момент он ни за что бы не посмел приблизиться к лю-

бому другому человеческому существу; ему приходилось держаться на расстоянии не менее десяти футов, чтобы другие ничего не заметили. И о полногрудых блондинках теперь придется забыть!..

И в то же самое время он прекрасно понимал, что запах был иллюзией, что на деле его не существует, что это всего-навсего навязчивая идея. Однако само по себе понимание этого факта Конгросяну не помогало. Он никак не мог заставить себя приблизиться к другому человеческому существу — будь оно полногрудой блондинкой или нет.

Вот как раз сейчас его разыскивает Джанет Раймер, главный искатель талантов из Белого дома. Если она его найдет, даже здесь, в персональной палате «Франклина Эймза», она захочет встретиться и переговорить с ним, а в результате, хочет он того или нет, она обязательно окажется в непосредственной от него близости — и тогда мир, во всяком случае для него, попросту рухнет. Ему нравилась Джанет, обаятельная женщина средних лет, обладавшая озорным чувством юмора. Разве сможет он спокойно перенести то, что Джанет обнаружит мерзкий запах, исходящий от его тела? Это была совершенно невозможная ситуация, и потому Конгросян ссутулился за столом в самом углу палаты, сжимая и разжимая кулаки, мучительно пытаясь придумать, что можно предпринять.

Скажем, стоило бы позвонить ей по видеофону. Но запах — Ричард в этом нисколько не сомневался — способен передаваться и по проводам, так что она его все равно обнаружит. Нет, это бессмысленное предложение... Может быть, дать телеграмму? Нет, запах перейдет и к телеграмме, а следовательно, все равно достигнет Джанет.

Фактически, этот мерзкий запах способен заразить весь мир. Такое вполне возможно — по крайней мере, теоретически.

Но ведь должен у него быть хоть *какой-нибудь* контакт с другими людьми — например, очень скоро ему захочется позвонить своему сыну Плоту Конгросяну, живущему в Дженнере, в летнем доме. Как ни пытайся, но совсем от людей не отгородишься, взаимоотношения с ними не прекратишь, сколь бы неприятны ни были эти контакты.

А может, ему сумеет помочь «АГ Хеми»? Этот картель вполне уже мог разработать ультрамощное синтетическое моющее средство, которое в состоянии уничтожить мерзкий запах тела, по крайней мере, на какое-то время. Кого Ричард там знает, с кем можно было бы связаться? Он напряг память. Кажется, в Хьюстоне, штат Техас, в правлении местной филармонии был...

В палате зазвонил видеофон.

Конгросян тщательно завесил экран полотенцем.

— Дьявол! — сказал он, встав на приличном расстоянии от аппарата.

Таким способом он рассчитывал предотвратить передачу инфекции. Естественно, надежда вполне могла оказаться тщетной, но он должен поступать так, как всегда поступал в аналогичных ситуациях.

— Белый дом, Вашингтон, округ Колумбия,— раздался голос дежурной видеофонистки.— Звонит Джанет Раймер. Пожалуйста, мисс Раймер. Палата мистера Конгросяна на связи.

— Привет, Ричард! — сказала Джанет Раймер.— Чем это вы закрыли экран?

Конгросян прижался к дальней стене, отдалившись таким образом от видеофона на максимальное расстояние, и ответил:

— Вам не следовало связываться со мной, Джанет. Вы же знаете, что я серьезно болен. У меня прогрессирующее навязчиво-одержимое состояние, самое худшее из тех, что я когда-либо испытывал. Я очень сомневаюсь, что вообще смогу когда-либо играть публично. Слишком уж это рискованно. Я полагаю, вы обратили внимание на заметку в сегодняшней газете о рабочем кондитерской фабрики, упавшем в чан с затвердевающим шоколадом? Так вот, это я сделал.

— Вы? И каким же образом?

— С помощью психокинеза. И, разумеется, непреднамеренно. В настоящее время я несу ответственность за все психомоторные несчастные случаи, имеющие место в мире. Именно поэтому я и лег сюда, в эту клинику, чтобы пройти курс электрошокотерапии. Я верю в этот метод, пусть он и давно уже вышел из моды. Конечно, я не против лекарственных средств. Но, когда от тебя исходит такой отвратительный запах, Джанет, то вряд ли лекарства...

— Я не верю,— перебила его Джанет Раймер,— что вы обладаете столь мерзким запахом, какой себе вообразили, Ричард. Я знаю вас много лет и не могу себе представить ничего подобного. По крайней мере, этот запах не может быть таким, чтобы оборвать вашу блестящую карьеру.

— Спасибо вам за преданность моему таланту,— уныло сказал Конгросян,— но вы так ничего и не поняли. Это же не обычный физический запах. Это нечто нематериальное. Как-нибудь я перешлю вам литературу по данному вопросу, хотя бы труды Бинсвангера или какого-нибудь другого психолога-экзистенциалиста. Они бы поняли и меня и мои трудности, хоть и жили сотню лет назад. Очевидно, они были прекогами. Трагедия состоит в том, что, хотя Минковски, Кун и Бинсвангер и поняли бы меня, сейчас они ничем не могут мне помочь.

— Первая Леди — тоже преког,— заметила Джанет.— Она предвидит ваше быстрое и удачное выздоровление.

Бессмысленность ее замечания привела Конгросяна в бешенство.

— Черт побери, Джанет, неужели вы так ничего и не поняли? В настоящее время я полностью во власти собственной мании! Я болен так, как не болен никто! Невероятно даже то, что я еще способен разговаривать с вами. Это заслуга моей силы воли. Всякий другой, оказавшись в моем состоянии, давно бы помешался.— Пианиста охватило вполне оправданное чувство гордости за себя.— А состояние мое весьма необычно. Очевидно, это реакция моего организма на более серьезное расстройство, которое может уничтожить всякую возможность постичь мои Umwelt, Mitwelt и Eigenwelt[1]. Все, что я сумел, это...

— Ричард,— снова перебила Джанет Раймер.— Мне очень жаль вас. Я сожалею, что ничем не могу помочь вам.

Голос ее дрогнул: кажется, она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

— Ну ладно, ладно,— сказал Конгросян.— Кому нужны мои Umwelt, Mitwelt и Eigenwelt? Успокойтесь, Джанет. Не стоит принимать все так близко к сердцу. Я выйду отсюда, как и прежде.

Впрочем, сам он не верил в свои слова. На сей раз все было по-иному. И, очевидно, Джанет это почувствовала.

— Однако,— продолжал он,— я думаю, что вам придется искать талант для Белого дома где-нибудь в другом месте. Вы должны забыть меня и взяться за освоение новых районов. Чем еще заниматься искателю талантов, если не этим?

— Наверное, вы правы,— сказала Джанет.

«А мой сын! — вспомнил вдруг Конгросян.— Может быть, он сумеет заменить меня!..»

И даже съежился от нелепости этой мысли, ужаснувшись, что позволил ей зародиться в своем уме. Фактически это лишний раз показывало, насколько он болен. Кого могут всерьез заинтересовать квазимузыкальные звуки, которые способен издавать Плот!.. Хотя, в общем смысле, их и можно было бы охарактеризовать как *этнические*, как народную музыку.

— Ваше нынешнее исчезновение из мира,— сказала Джанет Раймер,— это трагедия для всех нас. Однако, как вы заметили, цель моей работы — найти кого-то, способного заполнить пустоту нашей жизни... хотя я и понимаю, что это невозможно. Тем не менее я буду пытаться. Спасибо вам, Ричард! Спасибо за то,

---

[1] Окружающая среда, люди и внутренний мир *(нем)*.

что согласились поговорить со мною, при вашем-то состоянии. Отдыхайте!

— Единственная моя надежда,— сказал Конгросян,— это надежда на то, что я не заразил вас своим мерзким запахом.— И отключил связь.

«Я оборвал последнюю нить, что связывала меня с миром,— понял он.— И, наверное, уже никогда больше не поговорю по видеофону. Мир вокруг меня еще больше сузился. Боже, когда же это закончится? Но электрошоковая терапия должна помочь, этот процесс пойдет вспять или хотя бы замедлится».

Может быть, стоит обратиться за помощью к Эгону Сьюпебу? Несмотря на акт Макферсона. Нет, это безнадежно! Сьюпеба как психоаналитика больше не существует, закон уничтожил его, по крайней мере, в области его взаимоотношений с пациентами. Эгон Сьюпеб мог все еще существовать как личность, как человек, однако понятие «психоаналитик» теперь к нему не относится, словно такого специалиста никогда и не существовало...

«Ох, как он мне нужен! — подумал Конгросян.— Если бы я мог проконсультироваться у него хотя бы еще один раз! Черт бы взял этот «АГ Хеми», и все его могущественное лобби, и все его огромное влияние на правительство!..»

И тут к нему пришла неожиданная мысль.

«А что если передать этот мерзкий запах кому-нибудь из них? — подумал он.— Да, я позвоню им. Спрошу, нет ли у них высококачественного моющего средства. И при этом заражу их. В конце концов, они того заслужили».

Он нашел в видеофонном справочнике номер представительства «АГ Хеми» в районе Залива и, воспользовавшись психокинезом, набрал его.

«Они еще пожалеют о том, что продавили этот закон»,— подумал он, ожидая, пока устанавливается видеофонная связь.

— Позвольте мне поговорить с вашим главным психохимиотерапевтом,— сказал он, когда ему ответила дежурная видеофонистка «АГ Хеми».

Вскоре из аппарата зазвучал деловитый мужской голос. Наброшенное на экран полотенце не позволяло Конгросяну рассмотреть, кто с ним говорит, но голос явно принадлежал человеку молодому, образованному и очень, очень компетентному.

— Это лаборатория Б. Говорит Меррилл Джадд. Кто вы и почему заблокировали видеоканал? — В голосе психохимиотерапевта слышалось раздражение.

— Вы не знаете меня, мистер Джадд,— сказал Конгросян.

И подумал: «Самое время перезаразить вас всех!»

Он подошел к самому экрану видеофона и сорвал с него полотенце.

— Ричард Конгросян?! — уставился на него психохимиотерапевт.— Я вас знаю... во всяком случае как артиста.

Он и в самом деле оказался человеком молодым с очень деловым выражением лица. К обладателю такого лица не пристало обращаться с ерундой. Однако имелось в нем и нечто шизоидное, этакая бесконечная погруженность в себя.

— Для меня большая честь встретиться с вами, сэр,— сказал он.— Чем я могу помочь вам?

— Мне нужно противоядие,— сказал Конгросян,— от мерзкого запаха, которым заразил меня гнусный рекламыш Теодора Нитца. Вы знаете, тот, что начинается со слов: «В мгновенья интимной близости с теми, кого мы любим, и возникает опасность...» и так далее...

Ему было крайне неприятно даже вспоминать об этом. Запах от его тела становился сильнее, если, конечно, такое вообще возможно. А он так жаждал подлинных контактов с другими людьми, так остро ощущал свою нарастающую изоляцию!

— Я напугал вас? — спросил он.

Продолжая изучать его мудрыми глазами профессионала, служащий «АГ Хеми» произнес:

— Нет, не напугали, мистер Конгросян. Разумеется, я слышал, что говорят специалисты в связи с вашим психосоматическим заболеванием эндогенного[1] характера.

— Ну нет,— сказал Конгросян, сдерживаясь.— Позвольте мне заметить, что болезнь эта экзогенного[2] характера: ее инициировал рекламыш Нитца.

Ему очень не нравилось, что этот незнакомец — а в общем, и весь мир — не только знает, но и активно обсуждает состояние его психики.

— У вас,— заметил Джадд,— по-видимому, имелась предрасположенность к тому, чтобы рекламыш подействовал на вас таким образом.

— Ничего подобного,— сказал Конгросян.— И я собираюсь предъявить рекламному агентству Нитца иск размером в несколько миллионов. Я готов начать тяжбу. Но сейчас речь идет не об этом. Чем вы можете помочь мне, Джадд? Вы ведь ощуща-

---

[1] Эндогенный — внутреннего происхождения, вызванный внутренними причинами.

[2] Экзогенный — внешнего происхождения, вызванный внешними причинами.

ете этот запах, правда? Признайтесь, что ощущаете, и тогда мы сможем выяснить возможности терапии, предлагаемой вами. Я давно пользовался услугами одного психоаналитика, доктора Эгона Сьюпеба, но теперь, благодаря вашему картелю, такой возможности у меня больше нет.

— Гм-м,— сказал Джадд. И замолк.

— И это все, что вы способны предложить? — ядовито заметил Конгросян.— Послушайте, у меня нет никакой возможности покинуть эту больничную палату. Инициатива должна исходить от вас. Я прошу вас. У меня жуткое положение. И если оно еще больше ухудшится...

— Это весьма необычная просьба,— сказал Джадд,— Мне нужно поразмыслить над нею. Я не могу ответить немедленно, мистер Конгросян. Как давно имело место это заражение от рекламыша?

— Около месяца назад.

— А перед этим?

— Смутные опасения. Ощущение тревоги. Главным образом, депрессия. У меня появлялись кое-какие догадки по поводу происходящего, но я гнал эти мысли. Теперь же ясно, что я борюсь с вялотекущей шизофренией, которая постепенно разрушает мои способности.— Он бросил на психохимиотерапевта угрюмый взгляд.

— Пожалуй, я появлюсь у вас в клинике,— сказал тот.

— О-о-о! — протянул удовлетворенно Конгросян.

«Тогда уж я точно смогу заразить тебя,— подумал он.— А ты, в свою очередь, занесешь инфекцию в свою компанию и перезаразишь весь этот сволочной картель, который перекрыл кислород доктору Сьюпебу».

— Пожалуйста, прилетайте,— сказал он.— Мне бы очень хотелось проконсультироваться с вами tete-a-tete[1]. И чем скорее, тем лучше. Но предупреждаю: я не отвечаю за последствия. Весь связанный с посещением риск — это ваши проблемы.

— Риск? Что ж, я готов рискнуть. Что, если я окажусь у вас около полудня? У меня есть свободный час. Скажите, в какой нейропсихиатрической клинике вы находитесь, и если это недалеко...

Джадд принялся искать ручку и блокнот.

* * *

Они неплохо провели время по пути в Дженнер. После обеда приземлились на вертолетной площадке в предместьях города. Дальше добираться к дому Конгросяна, расположенному где-то

[1] Наедине, с глазу на глаз *(фр.)*.

среди окружавших город лесов, надо было по шоссе, но времени у них было еще хоть отбавляй.

— Ты считаешь,— произнесла Молли,— что на вертолете добраться до его дома нельзя? И что нам придется...

— Мы возьмем такси,— сказал Нат Флайджер.— Ты же знаешь...

— Я знаю,— сказала Молли.— Я читала о них. За рулем такси будет местный селянин. Он познакомит тебя с местными сплетнями, на которых не заработаешь и цента.— Она закрыла книгу и поднялась.— Вот что, Нат, может быть, ты и разузнаешь все, что тебе нужно, у этого водителя? О тайном подвале ужасов в доме Конгросяна?

— Мисс Дондольдо,— хрипло сказал Джим Планк и состроил недовольную гримасу.— Я очень уважаю Лео, но, клянусь честью...

— ...меня вы терпеть не в состоянии.— Она подняла бровь.— Интересно, почему, мистер Планк?

— Прекратите! — крикнул им Нат, вытаскивая свою аппаратуру из вертолета и складывая ее на влажной земле.

Воздух пах дождем; он был тягучим и каким-то липким, и это непроизвольно вызвало у Ната чувство отвращения к присущей этому воздуху некой *«нездоровости»*.

— Астматики здесь, наверное, просто кайф ловят,— заметил он, оглядываясь по сторонам.

Конгросяну, разумеется, и в голову не придет встречать гостей. Это их дело — найти и место, где он живет, и его самого. Честно говоря, им очень повезет, если он вообще их примет. Нат прекрасно понимал это.

Молли осторожно выбралась из вертолета (на ногах у нее были легкие босоножки) и сказала:

— Забавно пахнет.— Она глубоко вдохнула, и ее яркая хлопчатобумажная блузка натянулась на груди.— Ой, будто тут везде гниет растительность.

— Так оно и есть,— сказал Нат, помогая Джиму Планку выгрузить его технику.

— Спасибо,— пробормотал Планк.— Полагаю, я заработал это, Нат. И сколько времени мы собираемся здесь проторчать?

Он смотрел на Флайджера так, будто ему ничего больше не хотелось, кроме как забраться в кабину вертолета и отправиться назад. На лице его Нат видел откровенную панику.

— Эти места,— сказал Планк,— всегда вызывают у меня в памяти детскую книжку про злобных,— голос его опять сделался хриплым,— троллей.

Молли посмотрела на него и резко рассмеялась.

Тут к ним подкатило такси. За рулем его не было никаких местных селян. Это была двадцатилетней давности тачка с автоматической системой управления. Они быстро загрузили ее аппаратурой и личными вещами, и такси-автомат выкатилось с вертолетной площадки и направилось к дому Ричарда Конгросяна, адрес которого нашелся в системе управления такси.

— Интересно,— сказала Молли, наблюдая за проносящимися мимо старомодными домами и магазинами,— как они тут развлекаются?

— Возможно, таскаются на вертолетную площадку,— заметил Нат,— и глазеют на тех, кто сюда прилетел.

«На таких, как мы,— подумал он, глядя на пешеходов, которые провожали такси любопытными взглядами.— Мы и есть для них главное развлечение. Других здесь просто не бывает».

Городок оставался таким, каким был до катастрофы 1980 года: у магазинов были окрашенные фасады с витринами из стекла и пластиковыми рамами, которые давно растрескались и находились в невероятно унылом состоянии. А рядом с огромным обветшалым зданием супермаркета Нат увидел пустующую стоянку для бензиновых и дизельных автомобилей — наземных транспортных средств, которых больше попросту не существовало.

«Для человека, хоть на что-то способного,— подумал Нат,— жить здесь равносильно самоубийству».

Только тяга к подобному странному суициду могла заставить Конгросяна покинуть огромный и жизнедеятельный мегаполис Варшавы, одного из крупнейших в мире центров деловой активности и коммуникаций, и перебраться сюда, в этот мрачный, пропитанный дождем, заживо гниющий городишко. Или это была одна из форм епитимьи[1]? Может ли быть такое? Наказать себя за одному Богу известное преступление!.. Может быть, за то, что его сын родился специалом? Если, конечно, слухи, о которых упомянула Молли, соответствуют истине...

Он вспомнил, как пошутил Джим Планк по поводу аварии, в которую попал Ричард Конгросян, и его отросших рук. Но у Конгросяна и так *имеются* руки — он просто способен, исполняя свою музыку, обходиться без их помощи. Без них он может добиваться большего количества нюансов тональной окраски, более четкого ритма и гармонии. Тем самым он обходится без каких-либо телесных компонентов — ум артиста непосредственно связан с клавиатурой.

---

[1] Епитимья — религиозное наказание, накладываемое на грешника.

Догадываются ли бредущие по этим разрушающимся улицам люди о том, кто живет среди них? Скорее всего, нет. По всей вероятности, Конгросян живет затворник затворником, замкнувшись в кругу семьи и не принимая никакого участия в жизни здешнего общества. Своего рода отшельник... Да и неудивительно. Ведь если местные жители узнают о Конгросяне, они сразу начнут относиться к нему подозрительно, поскольку, с одной стороны, он знаменитый артист, а с другой — психокинетик. И ему придется нести двойное бремя. Несомненно, встречаясь с этими людьми в обычной обстановке — например, делая покупки в местной бакалейной лавке,— он не пользуется своим даром и употребляет верхние конечности, как все простые смертные. Разве только у него смелости побольше, чем представляется Нату...

— Когда я стану всемирно известным артистом,— сказал Джим Планк,— первое, что я сделаю, это переберусь в такой вот болотистый рай, как этот.— Голос его просто сочился сарказмом.— Это будет мне прекрасной наградой.

— Да,— согласился Нат,— должно быть, совсем неплохо делать деньги на таланте.

Голос его прозвучал рассеянно — впереди появилась толпа, и все внимание Ната переключилось на нее. Транспаранты, флаги, демонстранты в форме... Тут он понял, что перед ним демонстрация политических экстремистов, так называемых «Сыновей Иова», неонацистов, которые в последнее время, как мыши, разбегались повсюду, даже здесь, в этом захудалом калифорнийском городишке.

Впрочем, есть ли лучшее место для «Сыновей Иова», чтобы показать себя? Эта запущенная местность была прямо-таки пропитана духом поражения; здесь живут те, кто потерпел неудачу на жизненном пути; это самое настоящее обиталище бефтов, не играющих никакой реальной роли в системе. А «Сыновья Иова», подобно нацистам прошлого века, питаются разочарованиями и утраченными надеждами. Именно такие тихие заводи, городишки, мимо которых прошло время, и были настоящей питательной средой для движения... Так что не стоит удивляться, видя такую картину.

Но ведь перед ним были не немцы. Перед ним были американцы!..

Эта мысль отрезвила Ната. Разве можно считать «Сыновей Иова» всего лишь порождением нескончаемого и неизменного психического расстройства немецкой ментальности? Нет, это было бы слишком просто. Ведь сейчас и здесь маршируют его, Ната, соотечественники. Он бы и сам мог оказаться в этих рядах,

кабы потерял работу в ЭМЭ или страдал бы от какой-нибудь другой унизительной социальной несправедливости...

— Посмотрите-ка на них,— сказала Молли.

— Я как раз на них и смотрю,— ответил Нат.

— И думаешь: «Тут мог бы быть и я». Верно? Вообще-то, я сомневаюсь, чтобы у тебя хватило мужества публично высказывать свои убеждения. Я весьма сомневаюсь, что у тебя вообще есть хоть какие-то убеждения... Ой, смотрите! Здесь сам Гольц.

Она была права. Бертольд Гольц, вождь, находился сегодня здесь. Этот человек появлялся и исчезал совершенно непонятным образом — никогда нельзя было предугадать, где и когда он может объявиться.

Наверное, Гольц использовал принцип фон Лессингера. То есть путешествовал во времени.

«Это дало бы Гольцу,— подумал Нат,— немалое преимущество перед харизматическими лидерами прошлого, которое заключается в том, что он мог бы сделаться в некотором смысле бессмертным. Его нельзя убить общепринятым, тривиальным способом. И этим, наверное, объясняется факт, что правительству никак не удается уничтожить движение».

Кстати, интересно, почему это Николь допустила такое. А допустила она такое скорее всего потому, что вынуждена была допустить.

Технически Гольца, конечно, можно убить, но тогда в будущее отправится Гольц более раннего образца и заменит убитого. И Гольц будет жить, не старея и не меняясь внешне, и это принесет движению ни с чем не сравнимую пользу, потому что у него будет руководитель, который не пойдет по стопам Адольфа Гитлера, и у него не разовьется парез[1] или другое ведущее к деградации личности заболевание.

Джим Планк, поглощенный разворачивающимся зрелищем, пробормотал:

— Красив, сукин сын, да?

На него, похоже, Гольц тоже произвел впечатление. Человек этот мог бы запросто сделать карьеру в кино или на телевидении. А еще больше ему бы подошла роль эстрадного конферансье. У Гольца, несомненно, был стиль. Высокий мужчина, со слегка затуманенным взором... Но чуть тяжеловат, как показалось Нату. На вид Гольцу было лет сорок пять, и стройность и мускулистость юноши уже не были ему присущи. Маршируя, он изрядно потел. В общем, никаких особенных *физических* качеств

[1] Парез — неполный паралич.

у этого человека не было, как не было в нем ничего призрачного и эфирного. Да и особой духовностью это волевое, мясистое лицо не отличалось...

Демонстранты повернули, голова колонны приблизилась к такси.

Машина остановилась.

— Он командует даже тачками,— язвительно заметила Молли.— По крайней мере, местными.— Она коротко рассмеялась, но в смехе ее прозвучала тревога.

— Нам бы лучше убраться с дороги,— сказал Джим Планк,— а то они просто промаршируют по нам, как колонна марсианских муравьев.— Он сунулся к пульту управления такси.— Черт бы побрал эту развалюху, она мертва, как могильная плита.

— Поражена ужасом в самое сердце,— съязвила Молли.

В первом ряду демонстрантов, в самом центре, шагал Гольц, держа в руках многоцветное, развевающееся по ветру знамя. Увидев их, он что-то прокричал. Нат ни слова не понял.

— Он советует нам убираться прочь,— сказала Молли.— Может, нам и вправду позабыть о записи Конгросяна и присоединиться к нему? Взять и вступить в его движение... Что ты там бормочешь, Нат? Вот твой шанс. Ты даже сможешь на законных основаниях заявить, что тебя к этому принудили.— Она отворила дверцу и легко спрыгнула на тротуар.— Я не намерена рисковать своей жизнью из-за сбоя в системах автомата двадцатилетней давности.

— Хайль, могущественный вождь! — коротко сказал Джим Планк и присоединился к Молли на тротуаре, не мешая двигаться демонстрантам, которые теперь, как единое целое, что-то гневно кричали и оживленно жестикулировали.

— А я остаюсь здесь,— сказал Нат, окруженный со всех сторон звукозаписывающим оборудованием.

Рука его механически легла на драгоценную систему «Ампек Ф-а2», он не намерен был оставлять ее на произвол судьбы даже перед угрозой встречи с самим Бертольдом Гольцем.

Приблизившись к машине, Гольц вдруг усмехнулся. Это была вполне сочувственная усмешка, как будто Гольц, несмотря на всю серьезность своих политических намерений, оставил в своем сердце местечко и для сочувствия.

— У тебя тоже неприятности? — спросил Гольц Ната.

Первый ряд демонстрантов — включая и самого вождя — уже поравнялся со старым драндулетом. Шеренга разделилась на две части, которые неровной волной обтекали машину с обеих сторон. Гольц, однако, остановился. Он вынул из кармана красный носовой платок и вытер им вспотевшую шею и лоб.

— Извините за то, что оказался у вас на дороге,— сказал Нат.

— Черт возьми! — ответил Гольц.— Я ждал вас.— В его темных умных глазах засветились тревожные огоньки.— Нат Флайджер, заведующий отделом репертуара и исполнителей фирмы «Электроник мьюзикал энтерпрайз» из Тихуаны. Оказался здесь, на земле папоротников и лягушек, чтобы записать Ричарда Конгросяна... *потому что вам не посчастливилось вовремя узнать, что Конгросяна нет дома.* Он в нейропсихиатрической клинике «Франклин Эймз» в Сан-Франциско.

— О Господи! — ошеломленно сказал Нат.

— А почему бы вместо Конгросяна не записать меня? — дружелюбно спросил Гольц.

— Что сделать?

— О, я могу для вас покричать или даже произнести речь, включив в нее несколько очень актуальных лозунгов. Минут на тридцать... Этого хватит, чтобы заполнить маленькую пластинку. На нее не будет хорошего спроса ни сегодня, ни завтра, но очень скоро...— И Гольц подмигнул Нату.

— Нет, спасибо,— сказал Нат.

— Ваше существо с Ганимеда слишком чисто для моих речей?

Улыбка Гольца была начисто лишена тепла, она будто приклеилась к его лицу.

— Я еврей, мистер Гольц,— сказал Нат.— Поэтому мне трудно проявлять энтузиазм, глядя на неонацистов.

Повисла недолгая пауза. Потом Гольц сказал:

— Я тоже еврей, мистер Флайджер. Или, точнее, израильтянин. Можете проверить. Это общеизвестный факт. Его может подтвердить информационная служба любой приличной газеты.

Нат взглянул на него с удивлением.

— Наш общий враг, и ваш, и мой,— сказал Гольц,— это система Дер Альте. Вот они действительные наследники нацистского прошлого. Задумайтесь над этим. Они и картели. Все эти «АГ Хеми», «Карп унд Зоннен Верке» и тому подобные... Разве вы не знаете этого? Где вы, Флайджер? Вы не слышите меня?

— Слышу,— ответил после некоторой паузы Нат.— Но почему-то меня ваши слова не убеждают.

— Тогда я расскажу вам вот что,— произнес Гольц.— Николь и ее окружение, наша Mutter[1], собираются воспользоваться принципом путешествия во времени фон Лессингера, чтобы вступить в контакт с Третьим рейхом, а точнее — с Германом Герингом. Это произойдет очень скоро. Вы не удивлены?

---

[1] Мама *(нем.)*.

— Я... слышал кое-какие слухи,— пожал плечами Нат.

— Вы ведь не гехт, Флайджер,— сказал Гольц.— Вы такой же, как я и все мои люди. Нас всегда держат в стороне. Нам не положено слышать даже слухи. Утечки информации не должно быть ни малейшей. Ведь нам, бефтам, никто ничего не собирается говорить... Вы согласны со мною? Но переправить жирного Германа из прошлого в наше время... Это уж, пожалуй, слишком! Разве не так бы вы выразились? — Он внимательно вглядывался в лицо Ната, ожидая, какой будет реакция.

— Если это правда...— начал было Нат.

— Это правда, Флайджер,— кивнул Гольц.

— Тогда это показывает ваше движение в несколько ином свете.

— Приходите ко мне,— сказал Гольц.— Когда эта новость будет обнародована. Когда вы убедитесь, что это правда. О'кей?

Нат ничего не сказал. Он старался не встречаться с темными, пристальными глазами собеседника.

— До встречи, Флайджер,— сказал Гольц.

И, подхватив прислоненное к кузову знамя, быстро зашагал по мостовой вдогонку за своими последователями.

ГЛАВА 7

В офисе «Авраама Линкольна» Дон Тишман и Патрик Дойл изучали заявление, которое с их помощью только что написал мистер Иан Дункан. Он пожелал появиться на смотре талантов жилого комплекса, проводившемся дважды в месяц, и именно тогда, когда на нем собрался побывать искатель талантов для Белого дома.

Заявление, по мнению Тишмана, было совершенно заурядным. За исключением того факта, что Иан Дункан намеревался выступать в паре с исполнителем, который *не проживал* в «Аврааме Линкольне». Вот над этим Дойл и Тишманом сейчас и размышляли.

— Это его старый приятель по воинской службе,— сказал Дойл.— Дункан как-то рассказывал мне о нем; они уже выступали дуэтом много лет назад. Музыка в стиле «барокко» на двух кувшинах. Новшество.

— А в каком доме живет его приятель? — спросил Тишман.

Одобрение или неодобрение заявки целиком зависело от того, каковы в настоящий момент были взаимоотношения между «Авраамом Линкольном» и этим другим жилым комплексом.

— Ни в каком. Он торгует драндулетами у этого самого... у Чокнутого Луки... вы знаете, о ком идет речь. Этими дешевыми

летательными аппаратами, на которых едва-едва можно добраться до Марса. Он живет прямо на распродаже, насколько мне известно. Распродажи все время меняют свое местонахождение — вполне кочевой образ жизни. Я уверен, что вы об этом слышали.

— Слышал,— согласился Тишман,— и именно поэтому я категорически против. Ни в коем случае нельзя разрешать подобное выступление на нашей сцене, мы не можем предоставить сцену человеку, который занимается полукриминальным ремеслом. Не вижу причин, почему Иан не может исполнить на своем кувшине соло. Меня нисколько не удивит, если эта парочка выступит очень и очень удовлетворительно. Но допускать чужаков к участию в наших концертах — против наших традиций. Наша сцена для наших людей, так было и так будет. И я не вижу смысла в дальнейшем обсуждении данного вопроса.— Он решительно поглядел на капеллана.

— Верно,— согласился Дойл.— Но ведь закон не запрещает приглашать родственников на смотр наших талантов... А почему не армейского приятеля? Почему ему отказано в возможности сыграть? Это выступление имеет очень большое значение для Иана. Я полагаю, вам известно, что в последнее время все у него идет через пень-колоду. Он не слишком умен. Ему, как мне кажется, лучше было бы заниматься физическим трудом. Но если у него есть артистические способности, взять например эту его идею с кувшинами...

Просмотрев документы, Тишман обнаружил, что представление в «Аврааме Линкольне» посетит очень высокопоставленный искатель Белого дома, мисс Джанет Раймер. Лучшие концертные номера будут, разумеется, представлены именно в этот вечер... так что Дункану и Миллеру с их экзотическими кувшинами придется выдержать очень острую конкуренцию, а ведь немало будет номеров более высокого качества. Так, во всяком случае, считал Тишман. Ведь это, в конце концов, просто *кувшины*. Даже не электронные...

— Ладно,— сказал он.— Я согласен.

— Вы снова проявили свою человечность,— сказал Дойл с таким сентиментальным выражением лица, что Тишман ощутил отвращение.— Я думаю, мы будем наслаждаться мелодиями Баха и Вивальди в исполнении Дункана и Миллера.

Тишман, поморщившись, кивнул.

* * *

О том, что жена... точнее бывшая жена Джули живет у Чика, уведомил брошенного мужа Джо Пард, самый старый жилец дома.

«У моего собственного брата!» — с горечью отметил Винс, с трудом поверив услышанному.

Время было уже позднее, близкое к комендантскому часу, почти одиннадцать часов. Тем не менее Винс решительно направился к лифту и мгновением позже уже поднимался на самый верхний этаж «Авраама Линкольна».

«Я убью его,— твердо решил он.— А еще лучше — я убью обоих».

Лифт равнодушно шумел: ему дела не было до переживаний пассажира.

«И жюри присяжных оправдает меня,— подумал Винс.— Ведь оно состоит из жильцов дома, а я — официальный контролер идентификатов, меня все знают и уважают. Мне люди доверяют. А какое положение в нашем доме занимает Чик?.. Кроме того, я работаю в солидном картеле „Карп унд Зоннен“, а Чик — в какой-то вшивой компании, находящейся на грани финансового краха. И всем это тоже прекрасно известно. Факторы, подобные этим, очень важны. Их принимают в расчет в первую очередь. Независимо от того, нравится ли это кому-то или нет».

Кроме того, имелся и еще один, по сути, решающий фактор, заключающийся в том, что он, Винс Страйкрок, был гехтом, а брат — нет, и уже одно это гарантировало оправдание...

Перед дверью в квартиру Винс остановился, стучаться сразу не стал, просто какое-то время постоял в коридоре.

«Как это все-таки ужасно!» — сказал он себе.

Ведь на самом деле он очень любил своего старшего брата, который помог ему когда-то встать на ноги. Неужели Чик значит для него больше, чем Джули?.. Впрочем, нет. Никто не значит для него больше, чем Джули!

Подняв руку, он постучал.

Дверь открылась. На пороге в синем халате и с журналом в руке стоял Чик. Он выглядел чуть старше и чуть утомленнее, чем обычно, и даже лысина у него, кажется, стала больше.

— Теперь я понимаю, почему ты не заходил ко мне все эти дни с утешениями,— сказал Винс.— Как ты мог меня утешить, если Джули все это время жила здесь, у тебя?

— Проходи! — Чик распахнул дверь настежь.

Они прошли в небольшую гостиную.

— Думаю, ты собрался надавать мне по шее,— сказал Чик, обернувшись.— Как будто у меня мало неприятностей... Моя чертова фирма вот-вот закроется...

— Кого это волнует? — выпалил, задыхаясь, Винс.— Ничего другого вы и не заслуживаете.

Он стал искать взглядом свою бывшую жену, но ни самой Джули, ни ее вещей не было видно. Неужели старый Джо Пард дал маху? Да нет, это исключено. Парду было известно абсолютно все, что происходит в доме. Сплетни составляли суть его жизни. Здесь он был неопровержим.

— Я кое-что слышал в вечернем выпуске новостей,— сказал Чик, усаживаясь на кушетку.— Правительство решило сделать исключение в применении акта Макферсона. В отношении психоаналитика по имени Эгон...

— Слушай,— перебил его Винс.— Где она?

— У меня предостаточно неприятностей и без твоих наскоков.

Винс Страйкрок едва не задохнулся от ярости:

— Я тебе сейчас и в самом деле по шее дам.

— Ладно, я пошутил,— сказал Чик деревянным голосом.— Прости! Сам не пойму, как это у меня вырвалось... Она ушла покупать одежду. Игрушка она дорогая, верно? Тебе бы следовало предупредить меня. Сделать объявление на домовом информационном табло... А теперь давай поговорим серьезно. Я хочу предложить тебе вот что. Я хочу, чтобы ты помог мне устроиться на работу в «Карп унд Зоннен Верке». С тех пор, как Джули объявилась здесь, мысль об этом не выходит у меня из головы. Назови это обоюдовыгодным соглашением.

— Никаких соглашений не будет!

— Тогда не будет и Джули.

— А какого рода работу ты хотел бы получить у Карпов? — спросил Винс.

— Да любую... Любую в отделе связей с общественностью, в сбыте и в рекламе. Но не в конструкторском бюро или на производстве. Примерно то, что я делал у Мори Фрауэнциммера. В общем, работу такую, чтобы не пачкать руки.

— Я устрою тебя на отгрузку, помощником экспедитора,— сказал дрожащим голосом Винс.

— Отличная работа! — рассмеялся Чик.— А я тебе верну взамен левую ногу Джули.

— Господи! — Винс не верил собственным ушам.— Ты или погряз в разврате, или попросту...

— Попросту,— сказал Чик.— Попросту у меня аховое положение в смысле работы. И мне нечего предложить, кроме твоей бывшей жены. Вот я ее и предлагаю! А что остается делать? Покорно свалить в забвение? Хрен в сумку! Я борюсь за существование.— Внешне Чик казался совершенно спокойным.

— Ты ее любишь? — спросил Винс.

И тут впервые самообладание, казалось, оставило Чика.

— Что?! О да, конечно!!! У меня просто крыша едет от любви к ней! Неужели ты сам не в состоянии ничего понять! — В голосе его зазвучала откровенная ярость.— Именно поэтому я и намерен сменять ее на работу у Карпа!.. Послушай, Винс, она — холодная сука! Она живет только для себя, а на остальных ей плевать с высокой колокольни. Она и сюда-то пришла только для того, чтобы сделать тебе побольнее. Подумай об этом! — Чик с трудом перевел дыхание.— А теперь я вот что тебе скажу. У нас у обоих проблемы с Джули. Она ломает нам жизнь. Ты согласен? И мне кажется, нам следовало бы обратиться к специалисту. Честно говоря, для меня эта проблема слишком тяжела. Сам я не в состоянии решить ее.

— Какого специалиста ты имеешь в виду?

— Да какого угодно. Хотя бы консультанта по вопросам семьи и брака. Или давай отправимся к последнему оставшемуся в США психоаналитику, о котором столько трещат по телику. К этому доктору Эгону Сьюпебу... Посоветуемся с ним, пока его тоже не прикрыли. Что скажешь? Ты же понимаешь, что я прав. Отправимся к нему вдвоем.

— Отправляйся один.

— О'кей.— Чик кивнул.— Отправлюсь. Но ты согласен поступить так, как он посоветует? Хорошо?

— Вот дьявол! Тогда я тоже отправлюсь к нему. Я вовсе не намерен получать от него рекомендации через третьи руки.

Открылась дверь. Винс повернул голову. На пороге с пакетом под мышкой стояла Джули.

— Подожди чуть-чуть,— сказал ей Чик.— Пожалуйста! — Он поднялся и подошел к ней.

— Мы намерены проконсультироваться в отношении тебя у психоаналитика,— сказал Винс, обращаясь к Джули.— Так мы договорились.— Он глянул на старшего брата.— Расходы делим поровну. Я не намерен оплачивать выставленный счет в одиночку.

— Согласен,— кивнул Чик.

Он неловко — так, во всяком случае, показалось Винсу — поцеловал Джули в щеку, погладил ее по плечу. И снова повернулся к Винсу:

— Знаешь, я все-таки хочу устроиться на работу в «Карп унд Зоннен Верке», независимо от результата нашего визита, независимо от того, кому из нас она достанется. Ясно?

— Я посмотрю, что можно сделать,— неохотно сказал Винс, с трудом сдерживая негодование, потому что это было уже слишком.

Однако Чик, в конце концов, был его братом. Существует же такое понятие, как *семья!*..

— Я позвоню доктору Сьюпебу прямо сейчас.— Чик поднял трубку видеофона.

— А не поздно ли? — сказала Джули.

— Тогда завтра. Пораньше.— Чик неохотно вернул трубку на место.— Главное — начать. Это дело не дает мне покоя, а ведь у меня есть и другие, куда более важные проблемы.— Он бросил взгляд в сторону Джули.— Что думаешь?

— Я не согласна идти к психоаналитику или выполнять его рекомендации,— процедила Джули.— Если я захочу остаться с тобой, мне плевать...

— Мы поступим так, как скажет Сьюпеб,— оборвал ее Чик.— И если он посоветует тебе вернуться вниз, а ты этого не сделаешь, я обращусь в суд, чтобы тебя выселили из моей квартиры. И никак иначе!

Винс еще никогда не слышал, чтобы брат был так тверд. Это было удивительно. Наверное, объяснение нужно искать в банкротстве «Фрауэнциммер Ассошиэйтес». В конце концов, работа для Чика была всей его жизнью.

— Самое время выпить,— сказал Чик и отправился к бару.

* * *

— Где это вы умудрились откопать *такое?* — сказала Николь, кивая в сторону исполнителей, бренчавших на гитарах очередную народную песню и гнусаво бурчащих в микрофон, установленный посредине гостиной с камелиями, одни и те же слова. Она чувствовала себя несчастной.

— В жилом комплексе «Дубовые фермы» в Кливленде, штат Огайо,— деловито ответила искатель талантов Джанет Раймер.

— Отправьте их назад,— сказала Николь и дала знак Максвеллу Джемисону, который, грузный и вялый, сидел в дальнем углу просторного помещения.

Джемисон тут же встал, подобрался и решительно двинулся к исполнителям народных песен. Те глянули в его сторону, сразу все поняли, и их монотонная песнь быстро затихла.

— Мне бы хотелось пощадить ваши чувства,— сказала им Николь,— но, как мне кажется, у нас этим вечером и так достаточно народной музыки. Извините!

Она одарила их одной из своих сияющих улыбок.

Они уныло улыбнулись ей в ответ. Для них все было кончено. И они это понимали.

«Назад, в „Дубовые фермы“,— сказала себе Николь.— Где вам и надлежит находиться».

К ее креслу приблизился один из служителей Белого дома, одетый в униформу.

— Миссис Тибодо,— прошептал он,— помощник госсекретаря Гарт Макри ждет вас в гостиной пасхальных лилий. Он утверждает, что вы ждете его.

— О да,— ответила Николь.— Спасибо! Предложите ему кофе или что-нибудь покрепче и скажите, что я скоро буду.

Служитель удалился.

— Джанет,— сказала Николь,— я хочу, чтобы вы прокрутили запись видеофонного разговора с Конгросяном, которую вы сделали. Я хочу лично удостовериться, что он серьезно болен. С ипохондриками никогда ни в чем нельзя быть уверенной.

— Видите ли, у записи отсутствует видеокартинка,— сказала Джанет.— Конгросян своим полотенцем...

— Да, я понимаю! — Николь почувствовала раздражение.— Но я знаю его достаточно хорошо, чтобы узнать все и по голосу. Если у него и в самом деле проблемы, он сдержан и сосредоточен на себе. Если же просто жалеет себя, то становится очень говорливым.

Она встала, гости, расположившиеся по всей гостиной, последовали ее примеру. Сейчас их было не так уж много: и час был поздний, почти полночь, да и программа оказалась весьма убогой. Вечер получился явно не из лучших.

— Я вот что обещаю,— лукаво сказала Джанет Раймер.— Если мне не удастся найти кого-нибудь получше этих «Лунных распутников»,— она глянула на исполнителей, угрюмо складывающих свои инструменты,— я составлю всю программу из лучших рекламышей Теодора Нитца.— Она улыбнулась, показав безупречные стальные зубы.

Николь вздрогнула. Остроумие Джанет порой переходило всякие границы. А сама она временами оказывалась слишком язвительной и не в меру самонадеянной, полностью отождествляя себя с могущественным заведением и оставаясь уверенной в себе в любое время. Это тревожило Николь — найти в искателе талантов какую-либо слабую струнку было чрезвычайно трудно. Неудивительно, что любая сторона жизни, любой ее аспект становились для Джанет Раймер своего рода увлекательной игрой.

Народных певцов на подиуме сменила другая группа. Николь глянула в программку. Это был «Современный струнный квартет» из Лас-Вегаса; через несколько секунд они начнут исполнять произведения Гайдна. Несмотря на собственное название... Сейчас, пожалуй, было самое подходящее время отправиться на встречу с Макри. Гайдн показался Николь, в свете тех

проблем, которые ей предстояло решать, слишком уж изысканным. В его музыке было слишком много украшательства и слишком мало обстоятельности.

«Когда Геринг окажется здесь,— подумала Николь,— мы пригласим уличный духовой оркестр, пусть поиграет баварские военные марши. Нужно будет дать задание Джанет... Или лучше послушаем Вагнера? Кажется, нацисты были просто помешаны на Вагнере...»

Да, она была абсолютно уверена в этом. Она изучала книги по истории Третьего рейха; доктор Геббельс в своих дневниках не раз упоминал о том благоговении, которое испытывали высшие нацистские чины при исполнении «Кольца нибелунгов». Или это были «Мейстерзингеры»?

«А можно устроить так, чтобы духовой оркестр играл попурри на темы из „Парсифаля“,— решила Николь, развлекаясь.— В темпе марша, разумеется. Своего рода проктологическая версия, специально для Ubermenschen[1] из Третьего рейха.

В течение ближайших двадцати четырех часов специалисты по аппаратам фон Лессингера должны завершить прокладку тунеля в 1944 год. И по всей вероятности, завтра в это время Герман Геринг уже будет здесь, вырванный из своей эпохи самым коварным из переговорщиков Белого дома, тощим и маленьким пожилым майором Такером Беренсом. Практически самым настоящим Дер Альте, если не считать того, что армейский майор Беренс — человек живой, подлинный, который дышит, а не симулирует дыхание. По крайней мере, насколько ей это известно. Хотя порой ей начинало и впрямь казаться, что она находится исключительно среди искусственных творений, порожденных техническими достижениями картельной системы, в частности, «АГ Хеми» тайно сговорившимся с «Карп унд Зоннен Верке». Их тяга к эрзац-реальности была для нее, откровенно говоря, совершенно невыносима. За долгие годы сотрудничества с такими картелями в ней развился страх перед ними.

— У меня назначена аудиенция,— сказала она Джанет.— Извините меня.

Она поднялась и вышла. Как только она оказалась в коридоре, который вел к гостиной пасхальных лилий, позади пристроились двое сотрудников НП.

В алькове, кроме Гарта Макри, сидел мужчина в форме, по которой Николь распознала одного из высших чинов тайной полиции. Однако имя его ей не было известно. Судя по всему, он

---

[1] Сверхчеловеков *(нем.)*.

прибыл вместе с Гартом. Не замечая ее, они тихо разговаривали друг с другом.

— Вы уже уведомили «Карп унд Зоннен»? — спросила она.

Мужчины тут же вскочили, почтительно и внимательно глядя на нее.

— О да, миссис Тибодо,— ответил Гарт.— По крайней мере, я проинформировал Антона Карпа о том, что симулякр, изображающий Руди Кальбфляйша, в самом скором времени прекратит свое существование. Но я не поставил их в известность о том, что следующий симулякр будет нами получен по другим каналам.

— Почему? — спросила Николь.

Взглянув на неизвестного, Гарт сказал:

— Миссис Тибодо, это Уайлдер Пэмброук, новый комиссар НП. Он предупредил меня о том, что в «Карп унд Зоннен» проведено тайное совещание высшего исполнительного персонала, на котором была обсуждена возможность того, что контракт на поставку и изготовление нового Дер Альте будет заключен с некой иной фирмой. НП, разумеется, имеет немало агентов, работающих у Карпа... нет нужды говорить об этом.

Николь повернулась к комиссару:

— И что же Карп собирается делать?

— Он обнародует тот факт, что Дер Альте являются искусственными созданиями, что последний живой человек занимал пост Дер Альте пятьдесят лет назад.— Пэмброук с шумом прочистил горло: похоже, ему было не по себе.— Разумеется, это сущее нарушение основного закона. Такое знание представляет собой государственную тайну и не может быть раскрыто перед бефтами. И Антон Карп, и отец его, Феликс Карп, прекрасно это понимают; они обсудили юридические аспекты на своем совещании. И понимают, что они — как и все остальные высокопоставленные руководители фирмы — будут немедленно привлечены к ответственности.

— И тем не менее они готовы к активным действиям,— сказала Николь.

«Значит, мы верно оценивали обстановку,— подумала она.— Люди Карпа уже очень сильны. И обладают слишком большой автономией. И без борьбы от своего не откажутся».

— Люди, занимающие высшие посты в иерархии картеля, странно негибки,— сказал Пэмброук.— Это, пожалуй, последние истинные пруссаки. Генеральный прокурор просит, чтобы вы прежде, чем перейти к решительным действиям, поговорили с ним. Он собирается наметить в общих чертах направление государственного судебного процесса против «Верке» и хотел бы

обсудить с вами некоторые юридические аспекты. Впрочем, он готов начать процесс в любой момент. Как только получит официальное уведомление. Однако...— Пэмброук искоса поглядел на Николь.— Судя по моим данным, картельная система чересчур огромна и слишком прочна, чтобы ее можно было свалить парой ударов. Как я полагаю, вместо прямых действий правильнее было бы использовать тактику qui pro quo[1]. Мне кажется, это более предпочтительно. И выполнимо.

— Это мне решать,— заметила Николь.

Гарт Макри и Пэмброук почтительно кивнули.

— Я намерена обсудить этот вопрос с Максвеллом Джемисоном,— в конце концов сказала Николь.— Пусть Макс поразмыслит и четко определится в отношении того, как эта информация с Дер Альте будет воспринята бефтами, неинформированной общественностью. Я же пока понятия не имею, как они отреагируют. Взбунтуются ли? Или найдут забавным? Лично я нахожу забавным. И не сомневаюсь, что восприняла бы все так же, окажись мелким служащим какого-нибудь картеля или правительственного агентства. Вы согласны?

Мужчины в ответ на ее слова даже не улыбнулись, оставшись сосредоточенными и мрачными.

— По моему мнению,— сказал Пэмброук,— оглашение этой информации нанесет удар по всей структуре нашего общества.

— Но ведь это и в самом деле забавно. Разве не так? Руди — кукла, эрзац-творение картельной системы... А одновременно и самое высокопоставленное избираемое должностное лицо США. Люди голосовали за него и за прежних Дер Альте на протяжении целых пятидесяти лет... Извините, но это не может не смешить. К этому невозможно относиться иначе!

Она и в самом деле рассмеялась: сама мысль о том, что можно было много лет не знать этой Geheimnis, этой высшей государственной тайны, а потом вдруг узнать ее и не рассмеяться при этом, была выше ее разумения.

— Полагаю, я все же выберу решительные действия,— сказала она Гарту.— Да, именно так. Свяжитесь утром с «Карп Верке». Поговорите напрямую и с Антоном, и с Феликсом. Скажите им как бы между прочим, что мы их арестуем немедленно, едва они попытаются опорочить нас в глазах бефтов. Скажите им, что НП уже готова взять их.

— Хорошо, миссис Тибодо,— мрачно сказал Гарт.

---

[1] Недоразумение, возникшее в результате того, что одно лицо, вещь, понятие принято за другое *(лат.)*.

— И не принимайте это слишком близко к сердцу,— продолжала Николь.— Если Карпы не угомонятся и все-таки раскроют Geheimnis, мы как-нибудь это переживем. Я считаю, тут вы не совсем правы. Это вовсе не приведет к нарушению статус-кво.

— Миссис Тибодо,— сказал Гарт.— Если Карпы обнародуют эту информацию, то независимо от того, как отреагируют бефты, *впредь уже никогда не будет ни одного нового Дер Альте.* А ваши властные полномочия юридически основаны только на том, что вы его жена. И это не совсем понятно, потому что...— Гарт замялся.

— Ну, говорите!

— Потому что каждому ясно, будь он гехт или бефт, что именно вы обладаете наивысшей властью. И чрезвычайно важно поддерживать миф о том, что так или иначе, пусть даже и косвенно, но эту власть вы получили из рук народа путем всеобщего голосования.

Наступило молчание. Наконец Пэмброук сказал:

— НП, пожалуй, стоило бы взять за бока этих Карпов прежде, чем они сумеют обнародовать свою «Белую книгу». Таким образом мы отрежем их от средств массовой информации.

— Даже и под арестом,— не согласилась Николь,— Карпам удастся получить доступ по меньшей мере к одному из СМИ. Нужно смотреть фактам в глаза.

— Но их репутация, если они окажутся под арестом...

— Единственно правильным решением,— сказала Николь задумчиво, словно советуясь сама с собой,— стало бы физическое уничтожение всех руководителей фирмы, участвовавших в совещании, на котором обсуждались вопросы политики. Другими словами, всех гехтов картеля, сколько бы их ни было. Даже если количество их будет исчисляться сотнями.

«Другими словами,— добавила она мысленно,— устроить самую настоящую чистку. Из тех, что бывают только во время революций».

Ее едва не перекорежило от этой мысли.

— Nacht und Nebel,— пробормотал Пэмброук.

— Что? — спросила Николь.

— Термин, которым нацисты обозначали агентов правительства, которые специализировались на политических убийствах.— Он спокойно выдержал взгляд Николь.— Ночь и туман. Они входили в состав эйнзацгрупп. Выродки. Конечно, у нашей национальной полиции... наша НП не имеет ничего подобного. Очень жаль, но вам придется действовать, опираясь на военных. Мы вам ничем не поможем.

— Я пошутила,— сказала Николь.

Теперь оба собеседника внимательно изучали ее лицо.

— Никаких чисток,— продолжала Николь.— Их не было со времен третьей мировой войны. Вам это известно. Мы слишком современны и слишком цивилизованны для резни.

— Миссис Тибодо,— сказал Пэмброук, нахмурившись. Губы его нервно подергивались.— Когда специалисты из института фон Лессингера переправят в нашу эпоху Геринга, вам, возможно, удастся организовать дело так, чтобы сюда была доставлена и эйнзацгруппа. Она может взять на себя ответственность за vis-a-vis[1] Карпам, а затем вернуться в эру Варварства.

Николь уставилась на него, широко открыв рот.

— Я говорю серьезно,— сказал Пэмброук, чуть запнувшись.— Это было бы лучше — для нас, по крайней мере,— чем позволить Карпам обнародовать информацию, которой они обладают. Последнее — наихудшая альтернатива из всех.

— Я с вами полностью согласен,— сказал Гарт Макри.

— Это безумие,— сказала Николь.

— Разве? — Гарт Макри изобразил на своей физиономии удивление.— С помощью принципов фон Лессингера мы получили доступ к прекрасно подготовленным убийцам, а, как вы сами только что сказали, в нашу эпоху таких профессионалов попросту не существует. Кроме того, я сомневаюсь, что придется уничтожить сотни лиц. Как мне кажется, круг убитых может быть ограничен советом директоров и вице-президентами картеля. Не больше восьми человек.

— К тому же,— нетерпеливо добавил Пэмброук,— восьмерка высших администраторов Карпа являются преступниками де-факто: они преднамеренно встретились и организовали заговор против законного правительства. Их нужно рассматривать наравне с «Сыновьями Иова». С этим Бертольдом Гольцем. Несмотря на то, что они по вечерам надевают галстуки-бабочки и пьют прекрасные вина, а не маршируют по улицам и не копаются в помойках.

— Позвольте мне заметить,— сухо сказала Николь,— что де-факто и мы являемся преступниками. Потому что вся наша власть — как вы сами подчеркнули — основана на мошенничестве. И притом гигантского масштаба.

— Но наше правительство *законно*,— сказал Гарт.— Независимо от того, с помощью какого способа оно пришло к власти. Кроме того, так называемое «мошенничество» совершено в высших интересах народа. Мы решились на него совсем не для того,

---

[1] Здесь: противодействие *(фр.)*.

чтобы эксплуатировать людей — в отличие от картельной системы! Мы не живем за чужой счет!

«По крайней мере,— подумала Николь,— мы пытаемся убедить себя в этом».

— Поговорив с генеральным прокурором,— добавил уважительно Пэмброук,— я знаю теперь, какие чувства вызывает у него растущая власть картелей. Эпштейн чувствует, что *нужно* дать им по рукам. Это очень важно!

— А может, вы переоцениваете власть картелей,— сказала Николь.— Я к этому не склонна. Нам, думаю, следовало бы подождать пару дней, когда тут появится Герман Геринг, и мы сможем узнать его мнение по данному вопросу.

Теперь уже мужчины уставились на нее, разинув рты.

— Я пошутила,— снова сказала она.

Но было ли ее предложение шуткой, Николь и сама не знала.

— В конце концов, именно Геринг основал гестапо,— сказала она.

— Я никогда не мог одобрить это,— надменно изрек Пэмброук.

— Но не вы определяете политику нашего правительства,— сказала Николь.— Формально этим занимается Руди. То есть — я. Я могу заставить вас действовать от моего имени в этом вопросе. И вы будете действовать... если, конечно, не предпочтете присоединиться к «Сыновьям Иова» и не приметесь маршировать по улицам, швыряя камни и скандируя лозунги.

Лица Гарта Макри и Пэмброука сделались несчастными.

— Не пугайтесь прежде времени,— сказала Николь.— Вы знаете, что является истинной основой политической власти? Не оружие и не наличие войск, а способность заставить других делать то, что вы считаете нужным. Заставить любыми средствами. Я знаю, что могу заставить НП делать все, что мне хочется,— несмотря на чувства, которые вы лично при этом испытываете. Я и Германа Геринга могу заставить делать то, что мне захочется. И не Геринг будет принимать решения, а я.

— Надеюсь,— сказал Пэмброук,— что вы не ошибаетесь, рассчитывая справиться с Герингом. Признаюсь, я изрядно боюсь этого эксперимента с прошлым. Вы можете выпустить заразу из пробирки. Геринг — не клоун.

— Я прекрасно понимаю это,— сказала Николь.— Только не надо давать мне советы, мистер Пэмброук. У вас другие задачи.

Покраснев, Пэмброук некоторое время молчал, а затем произнес тихо:

— Извините меня!.. А теперь, если вы не против, миссис Тибодо, мне бы хотелось остановиться еще на одном вопросе.

Речь идет об этом психоаналитике, единственном на всей территории США, который еще практикует. О докторе Эгоне Сьюпебе. В объяснение причин, по которым НП разрешила...

— Я ничего не хочу об этом слышать,— перебила Николь.— Я хочу одного — чтобы вы занимались своим делом. Да будет вам известно, я никогда не одобряла акт Макферсона. И вряд ли стану возражать, если он не будет выполняться в полной мере.

— Пациент, о котором идет речь...

— Пожалуйста! — резко оборвала его Николь.

Пэмброук послушно пожал плечами, выражение его лица сделалось бесстрастным.

ГЛАВА 8

Едва они двинулись в зал собраний на первом этаже «Авраама Линкольна», Иан Дункан, следующий за Элом Миллером, заметил бредущее сзади марсианское существо. Папулу. Он тут же резко остановился.

— Это ты притащил ее сюда?

— Ты не понимаешь,— сказал Эл.— Мы же должны обязательно добиться успеха.

— Но не таким путем,— возразил Иан, немного поразмыслив. Он все понял.

Папула обработает собравшихся в зале так же безотказно, как прохожих на распродаже. Она окажет экстрасенсорное воздействие, принуждая их к благоприятному решению. Что ж, это вполне соответствовало этике продавца драндулетов, понял Иан. Для Эла это было совершенно естественной нормой поведения. Если они не добьются успеха с помощью мастерства, то обеспечат благоприятный результат с помощью папулы.

— Ты что, сам себе враг? — прошептал Эл.— Мы просто используем маленькую хитрость, характерную для торговой рекламы. К таким штукам прибегают вот уже целое столетие — это древний, вполне уважаемый метод привлечения общественного мнения на свою сторону. Я что хочу сказать... Давай глянем правде в лицо, мы уже очень давно не играли на кувшинах.

Он притронулся к пульту управления у себя на поясе, и папула поспешила вперед, догоняя их. Эл снова коснулся пульта.

И в сознание Иана вторглась убедительная мысль: «А почему бы и нет? Все так поступают».

— Убери от меня эту тварь,— с трудом выдавил он.

Эл пожал плечами. И мысль, вторгшаяся в сознание Иана извне, постепенно угасла. Но какой-то след остался. Иан больше

не был уверен в правильности своего отношения к помощи папулы.

— Это ничто по сравнению с тем, что выделывает техника, которую использует Николь,— сказал Эл, заметив выражение на лице Иана.— Одна-единственная папула против всепланетного инструмента по промыванию мозгов, в который Николь превратила телевидение... Вот где, Иан, настоящая опасность. Папула — очень примитивное средство. К тому же ты сознаешь, что подвергаешься воздействию с ее стороны. А вот когда слушаешь Николь!.. Давление там настолько тонко и настолько всеобъемлюще...

— Об этом мне ничего не известно,— сказал Иан.— Я знаю одно: если мы не добьемся успеха, если не получим возможности сыграть в Белом доме, жизнь для меня потеряет всякую ценность. Вот эту мысль никто в мою голову не запихивал. Я именно так думаю. Это моя собственная мысль, черт побери!

Он открыл дверь, и Эл прошел в зал, неся за ручку свой кувшин. Иан последовал за ним, и мгновением позже они оба уже были на сцене, глядя на частично заполненный зал.

— Ты когда-нибудь ее видел? — спросил Эл.

— Я ее вижу все время.

— Я имею в виду, в действительности. Вживую. Так сказать, во плоти.

— Конечно, нет,— сказал Иан.

В этом-то и заключался смысл его страстного желания попасть в Белый дом. Чтобы увидеть ее саму, а не телевизионное изображение, увидеть не фантазию, а подлинную женщину.

— Я видел ее однажды,— сказал Эл.— Я только-только развернул «Пристанище драндулетов номер три» на главной авеню Шривпорта, Луизиана. Было раннее утро, около восьми. Я увидел колонну машин. Естественно, первой моей мыслью было, что это национальная полиция, и я принялся сворачиваться. Но я ошибся. Это был правительственный кортеж Николь, которая направлялась на торжественную церемонию по случаю введения в строй нового жилого комплекса, в то время крупнейшего в стране.

— Да,— вспомнил Иан.— «Пол Баньян».

Футбольная команда «Авраама Линкольна» ежегодно встречалась с командой этого жилого комплекса и всякий раз проигрывала. В «Поле Баньяне» было более десяти тысяч жильцов, и все они принадлежали к административному классу; это был фешенебельный жилой комплекс для мужчин и женщин, которые должны были стать гехтами. И квартплата в нем была невообразимо высока.

— Тебе бы стоило увидеть ее,— задумчиво произнес Эл, усаживаясь на стул и пристраивая кувшин на коленях.— Почему-то всегда кажется, что в реальной жизни они... она не столь привлекательна, как выглядит на экране телевизора. Я имею в виду, что с нынешней техникой телевизионщики в состоянии целиком и полностью контролировать изображение и изменять его. Оно во многих отношениях синтетическое, черт его побери. Но в жизни, Иан, она оказалась гораздо привлекательнее. Телевидение не может передать все богатство, всю жизненность, всю яркость красок. Нежный цвет ее кожи. Блеск ее волос.— Эл тряхнул головой, толкнув нечаянно папулу, пристроившуюся под сиденьем его стула.— Знаешь, что произошло со мною, когда я увидел ее живую? Я испытал острейший приступ недовольства собой. Жил я тогда очень неплохо — Лука платил мне прилично. И потом, мне нравится общаться с людьми. И этим существом управлять нравится. Это — работа, которая требует определенного артистического навыка, так сказать. Но, увидев Николь Тибодо, я стал по-настоящему недовольным и собой, и своей жизнью.— Он в упор посмотрел на Иана.— Мне кажется, нечто подобное и ты сейчас чувствуешь. Даже просто видя ее по телевидению, ты испытываешь то же недовольство, что и я.

Иан кивнул. Он уже явно занервничал — до выступления оставалось всего несколько минут. Час решающего испытания наступал.

— И только поэтому,— продолжал Эл,— я согласился достать кувшин и предпринять еще одну попытку.— Заметив, как судорожно вцепился в свой кувшин Иан, он спросил: — Ну что, используем помощь папулы или нет? Тебе решать! — Он шутливо поднял бровь, но лицо его выражало понимание чувств соратника.

— Давай,— сказал Иан.

— Вот и ладно! — Эл засунул руку под пиджак. Неторопливо коснулся пальцами пульта управления.

И папула выбралась из-под стула вперед, ее антенны смешно задергались, глаза то сходились, то расходились, то начинали косить, то смотрели прямо.

Публика тут же клюнула на нее. Все подались вперед, чтобы получше рассмотреть экзотическое создание, некоторые восхищенно хихикали.

— Смотрите! — взволнованно крикнул какой-то мужчина.— Это же папула!

Рядом поднялась женщина, чтобы полюбоваться, и Иан отметил про себя: *все очень любят папулу.*

«Мы победим независимо от того, удастся ли нам хорошо сыграть на кувшинах или нет,— подумал он.— И что потом? Не сделает ли нас встреча с Николь более несчастными, чем сейчас? Неужели нас ждет еще большая, абсолютно безнадежная неудовлетворенность? Неужели мы познаем душевную боль и неутоленную тоску, которую никогда и ничем не удовлетворить в этом мире?»

Но отступать было поздно. Двери зала закрылись, со своего места поднялся Дон Тишман и, постучав по столу, потребовал тишины.

— О'кей, люди,— сказал он в микрофон, прикрепленный к лацкану пиджака.— Сейчас, ко всеобщему нашему удовольствию, выступят очередные наши таланты. Как вы можете увидеть в своих программах, первым выступит прекрасный дуэт: Дункан и Миллер со своими кувшинами. Дуэт исполнит попурри из мелодий Баха и Генделя, и я не сомневаюсь в том, что вы сопроводите музыку притопыванием ног.— Он криво усмехнулся Иану и Элу, как бы говоря: «Вас устраивает такое вступление?»

Эл не обратил на него никакого внимания. Пробежавшись пальцами по пульту управления папулой, он обвел глубокомысленным взглядом зал, потом поднял свой кувшин, глянул на Иана и слегка притопнул ногой. Попурри открывалось «Маленькой фугой соль минор», и Эл принялся дуть в кувшин, рождая прелестную тему.

— Па-па-па. Па-па-па-па-па-па-ти-па. Ти-па, ти-па, ти-ти-ти-па...— Раздувающиеся щеки у него сразу покраснели.

Папула прогулялась вдоль сцены, затем, изобразив серию неуклюжих, бессмысленных движений, соскочила в пространство между сценой и первым рядом. И взялась за работу.

Эл подмигнул Иану.

* * *

— Вас хочет видеть мистер Страйкрок, доктор. Мистер Чарлз Страйкрок.

Аманда Коннерс заглянула в кабинет доктора Сьюпеба, ощущая в своей душе всю тяжесть последних дней, но прекрасно понимая важность своей работы. Сьюпеб был уверен в ней. Подобно медиуму, Аманда была посредником между богом и людьми — в данном случае, между психоаналитиком и простыми людьми. Да к тому же еще и больными.

— Хорошо.— Сьюпеб поднялся навстречу новому пациенту и спросил себя: «Неужели это он? А я здесь исключительно для

того, чтобы оказать помощь... вернее, не оказать помощь этому конкретному человеку?»

Этот вопрос он задавал себе всякий раз, когда в кабинет входил новый пациент. Он даже почувствовал усталость от постоянных размышлений на эту тему.

В кабинет медленно вошел высокий, несколько лысоватый мужчина в очках, явно чем-то озабоченный. Протянув руку Сьюпебу, он произнес:

— Разрешите поблагодарить вас, доктор, за то, что вы так быстро приняли меня.

Они пожали друг другу руки.

— У вас, наверное, ужасная загрузка в эти дни.

Чик Страйкрок сел к столу, напротив хозяина кабинета.

— Есть немного,— проворчал Сьюпеб.

Так оно и было. Но, как предупредил его Пэмброук, он не имел права отказывать ни одному новому пациенту. Ему позволили работать только при этом условии.

— Такое впечатление,— сказал он Чику Страйкроку,— будто вы испытываете чувства, похожие на мои. Будто вы ощущаете себя загнанным в угол. Полагаю, что у нас у обоих проблемы в жизни, но ведь и проблемам должен быть какой-то предел.

— Честно говоря,— отозвался Чик,— я почти готов все бросить — работу... подружку...— он осекся, губы его скривились,— ...и даже присоединиться к этим чертовым «Сыновьям Иова».— Он вперил в доктора Сьюпеба взгляд, полный муки.

— Хорошо,— сказал Сьюпеб, сочувственно кивая.— Но в чем причина? Вас что-то *заставляет* так поступить? Или это ваш собственный выбор?

— Я вынужден так поступить — меня приперли к стенке.— Чик Страйкрок стиснул ладони, плотно переплетя длинные, тонкие пальцы.— Моя дальнейшая жизнь в обществе, моя карьера вот-вот отправятся псу под хвост...

На видеофоне замигала сигнальная лампочка. Срочный вызов, на который доктор, по мнению Аманды, обязательно должен ответить.

— Прошу прощения, мистер Страйкрок. Одну секунду!..— Доктор Сьюпеб поднял трубку.

На экране возникло искаженное миниатюрное изображение Ричарда Конгросяна. Рот у музыканта был распахнут, как будто он тонул.

— Вы все еще во «Франклине Эймзе»? — спросил у него Сьюпеб, отключив громкую связь.

— Да.— Голос Конгросяна не был слышен пациенту.

Тот сидел сгорбившись, вертел в пальцах спичку и явно злился на то, что его перебили.

— Я только что услышал по телевизору, что вы все еще работаете. Доктор, со мной случилось нечто совершенно ужасное. *Я становлюсь невидимым.* Никто не в состоянии меня увидеть. Ощущается только исходящий от меня запах. Я превращаюсь сплошную мерзкую вонь.

«Господи Иисусе!» — подумал доктор Сьюпеб.

— Вы меня видите? — робко спросил Конгросян.— На своем экране?

— Разумеется, вижу.

— Удивительно! — Конгросян явно почувствовал некоторое облегчение.— Выходит, по крайней мере, передающая телекамера меня различает. Может быть, не все еще потеряно. А как вы думаете, доктор? Вы уже встречались с подобными случаями? Сталкивалась ли наука психопатология с аналогичным феноменом? Имеется ли у него название?

— Да, имеется.

Сьюпеб задумался. Ощущение мнимой деградации собственной личности... Все признаки явного психоза, наблюдается навязчивое состояние распада личности.

— Я загляну во «Франклин Эймз» после полудня,— сказал он Конгросяну.

— Нет, нет,— запротестовал Конгросян, глаза его полезли из орбит.— Я запрещаю вам. Мне бы не следовало даже разговаривать с вами по видеофону — это слишком опасно. Я напишу вам письмо. До свидания!

— Подождите! — крикнул Сьюпеб.

Изображение с экрана не исчезло. По крайней мере, какое-то время у доктора еще было. Но Конгросяна хватит не надолго. Слишком уж тяжело ему справляться со своими заскоками.

— У меня сейчас пациент в кабинете,— сказал Сьюпеб.— Поэтому я мало чем могу помочь вам в данный момент. Что если...

— Вы ненавидите меня! — взорвался Конгросян.— Как и все прочие. Боже ты мой, я просто должен стать невидимым. Это единственный способ обезопасить собственную жизнь!

— Я думаю, в возможности становиться невидимым есть даже некоторые преимущества,— сказал Сьюпеб.— Особенно, если вам захочется удовлетворить свое любопытство. К примеру, понаблюдать за преступником...

— За каким еще преступником? — Конгросян угодил в заготовленную ему ловушку.

— Это мы обсудим при личной встрече,— сказал Сьюпеб.— Я думаю, мы должны вести себя как гехты и держать все в тайне. Вы со мною согласны?

— Э... я как-то не задумывался над этим.

— Ну так задумайтесь.

— Вы завидуете мне? Вы, доктор?

— Еще как! — сказал Сьюпеб.— Как психоаналитик, я и сам в высшей степени любопытен.

— Интересно...— Конгросян казался теперь куда более спокойным.— Мне только что пришло в голову, что я мог бы в любой момент уйти из этой проклятой клиники и отправиться куда захочется. Фактически, я теперь могу бродить где угодно. Вот только запах!.. Нет, доктор, вы позабыли о запахе. Он меня с головой выдаст. Я очень ценю ваши попытки помочь мне, но вы не принимаете во внимание все факты.— На лице Конгросяна появилась легкая улыбка, но ему удалось отправить ее в небытие.— Мне кажется, я должен явиться к генеральному прокурору Баку Эпштейну. Или вернуться в Советский Союз. Может быть, в институте имени Павлова смогут мне помочь. Да, я должен еще раз пройти там курс лечения; однажды я уже предпринимал подобную попытку. Вот только как они смогут лечить больного, не видя его? Это же ужас, Сьюпеб! Черт возьми!

«А что, может быть, и вправду,— подумал доктор Сьюпеб,— самый лучший выход сейчас — то, о чем подумывает мистер Страйкрок. Присоединиться к Бертольду Гольцу и его „Сыновьям Иова“...»

— Вы знаете, доктор,— продолжал Конгросян,— порой мне кажется, что основой моих душевных проблем является подсознательная влюбленность в Николь. Что вы на это скажете? Эта мысль только что пришла мне в голову. Я лишь сейчас это понял, но с какой ясностью! А в результате в моем подсознании родилось табу на возможное кровосмешение, поскольку Николь — это олицетворение матери. Может такое быть?

Доктор Сьюпеб тяжело вздохнул.

Чик Страйкрок продолжал бороться со спичкой, чувствуя себя все более и более неуютно. Это было написано у него на лице. Телефонный разговор следовало прекратить. Немедленно.

Но Сьюпеб не мог придумать, как это сделать.

«Неужели здесь меня и поджидает неудача? — подумал он.— Неужели именно об этом говорил Пэмброук, этот важный чин из НП? И я оставляю мистера Чарлза Страйкрока без помощи из-за несвоевременно видеофонного разговора. И я ничего не могу с этим поделать».

— Николь,— говорил тем временем Конгросян,— последняя настоящая женщина в нашем обществе. Я знаком с нею, доктор. Будучи прославленным пианистом, я встречался с нею очень много раз. Я знаю, о чем говорю. Неужели вы думаете иначе? И...

Доктор Сьюпеб прервал связь.

— Вы повесили трубку,— сказал Чик Страйкрок, тут же переставший воевать со своей спичкой.— А правильно ли вы поступили? — Он пожал плечами.— Хотя, конечно, это не мое дело.— Он отшвырнул спичку в сторону.

— У этого человека,— сказал Сьюпеб,— настолько сильные галлюцинации, что они затмили действительность. Он воспринимает Николь Тибодо как реально существующую женщину. В то время как она — наиболее искусственный информационный объект в нашей жизни.

Чик Страйкрок потрясенно заморгал:

— Ч-ч-что вы хотите с-сказать? — Он приподнялся со стула, а затем безвольно откинулся на спинку.— А-а, вы закидываете удочку. Пытаетесь оценить мое состояние за тот малый промежуток времени, что у нас есть. Но ведь передо мной стоит вполне конкретная проблема. Она не иллюзорна, как у этого вашего пациента, кем бы он ни был. Я живу с женой своего брата и пользуюсь этим для того, чтобы его шантажировать. Я вынуждаю его устроить меня на работу в «Карп унд Зоннен». По крайней мере, такова внешняя сторона проблемы. Но в глубине есть и еще кое-что. Я боюсь Джули, жены моего брата, вернее, бывшей жены, независимо от того, что она из себя представляет. И я знаю, почему. Дело тут в Николь. Я, наверное, похож на того, с кем вы разговаривали. Только я не влюблен в нее, в Николь, я ужасно боюсь ее. Поэтому, наверное, я боюсь и Джули. И, как мне кажется, боюсь всех женщин вообще. В этом есть какой-то смысл, доктор?

— Образ плохой матери,— сказал Сьюпеб.— В вашем случае он почти космического масштаба, потому так вас и подавляет.

— Именно из-за таких слабовольных, как я, Николь и властвует у нас,— сказал Чик.— Такие как я и есть причина существования в нашей стране матриархального общества. Я похож на шестилетнего ребенка.

— В этом вы не уникальны. И сами все понимаете. По сути, это общенациональный невроз. Психологический дефект сознания нашей эпохи.

— А вот если бы я присоединился к Бертольду Гольцу и «Сыновьям Иова»,— нарочито медленно сказал Чик Страйкрок,— я мог бы стать настоящим мужчиной?

— Есть и другой способ вырваться из-под власти матери, из-под власти Николь. Эмиграция. На Марс. Купите один из дешевых планетолетов, из этих так называемых драндулетов Чокнутого Луки, как только одна из его странствующих распродаж окажется поблизости от вас, и вот вам выход.

— Боже ты мой,— запинаясь, со странным выражением на лице, сказал Страйкрок.— Я ведь серьезно никогда не думал об этом. Такой выход всегда казался мне проявлением безрассудства. Верхом неблагоразумия. Актом отчаяния, вызванного душевной травмой.

— Уж лучше так, чем присоединиться к Гольцу.

— А как же Джули?

Сьюпеб пожал плечами:

— Возьмите ее с собою. А почему бы и нет? Она действительно хороша в постели?

— Прошу вас...

— Извините, ради Бога!

— Интересно,— сказал Чик Страйкрок,— а что из себя представляет этот Чокнутый Лука?

— Самый настоящий ублюдок, насколько я слышал.

— А пожалуй, эмиграция — и в самом деле наилучший для меня выход. Именно то, что мне сейчас нужно.

— На сегодня все,— сказал доктор Сьюпеб.— Надеюсь, я помог вам, по крайней мере хоть чуть-чуть. В следующий раз...

— Вы действительно помогли мне. Вы подсказали очень хорошую идею. Или, скорее, прояснили то, что уже давно копошилось в моей голове. Возможно, я действительно эмигрирую на Марс... Не ждать же, черт возьми, пока Мори Фрауэнциммер уволит меня? Уж лучше уйти самому и отправиться на поиски «Пристанища драндулетов Чокнутого Луки». Если Джули полетит со мной — прекрасно. Если нет — тоже прекрасно. А в постели, доктор, она и в самом деле хороша, но нет в ней ничего такого, чтобы ее нельзя было заменить другой. Так что...— Чик Страйкрок поднялся со стула.— Наверное, мы с вами больше не увидимся, доктор.

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Пошлите мне открытку, когда прибудете на Марс,— сказал доктор Сьюпеб.

Страйкрок кивнул:

— Обязательно... Вы думаете, что будете работать по этому же адресу?

— Не знаю,— сказал доктор Сьюпеб.

«Может статься,— подумал он,— что вы — мой последний пациент. И чем больше я об этом размышляю, тем больше убеж-

даюсь, что вы — именно тот, кого я все это время ждал. Но точный ответ даст только время».

Они вместе прошли к двери кабинета.

— Как бы то ни было,— сказал Чик Страйкрок,— а я не столь плох, как тот парень, с которым вы говорили по видеофону. Кто это был? Мне кажется, я уже видел его. Да, точно, по телевизору. Он, по-моему, музыкант. Знаете, доктор, когда вы разговаривали, я почувствовал к нему какую-то близость. Как будто мы вместе боремся, оба попали в беду и пытаемся выбраться из нее.

— Хм-м-м,— сказал доктор, открывая дверь.

— Ага, вы не собираетесь сообщать мне, кто он. Вам запретили, я понимаю. Что ж, желаю ему удачи, кто бы он ни был.

— Удача ему потребуется,— сказал Сьюпеб.— Кто бы он ни был.

* * *

— Какие чувства тебя посетили, Нат,— язвительно спросила Молли Дондольдо,— когда ты общался с таким великим человеком? Думаю, тут все согласятся — Бертольд Гольц является величайшим человеком нашей эпохи.

Нат Флайджер пожал плечами. Такси-автомат оставило Дженнер и теперь поднималось на плато, в глубь материка, туда, где росли настоящие тропические леса, как будто оставшиеся здесь с времен юрского периода.

«Самое настоящее болото динозавров,— подумал Нат.— Людям здесь жить заказано».

— Мне сдается, Гольц еще кое-кого обратил в свою веру,— сказал Джим Планк, усмехаясь и подмигнув в сторону Молли.

С небес начал падать дождь, удивительно светлый и легкий. Включились дворники на лобовом стекле, заскакали туда-сюда, издавая действующий на нервы скрип. Такси свернуло с шоссе — которое, по крайней мере, было гладким,— и, оказавшись на проселочной дороге из бурого камня, принялось подпрыгивать на каждом ухабе, сильно раскачиваясь на рессорах. Внутри машины что-то лязгнуло, но, кажется, такси все-таки приспособилось к новым условиям обитания. У Ната сложилось ощущение, что система управления работает в режиме, далеком от штатного, и такси может в любой момент остановиться и навсегда замереть.

— Знаете, что я ожидаю здесь увидеть? — спросила Молли, вглядываясь в густые заросли, тянувшиеся по обе стороны узкой, все еще поднимавшейся в гору дороги.— Я ожидаю увидеть

за следующим поворотом «Пристанище драндулетов Чокнутого Луки». Драндулеты стоят там и поджидают нас.

— Именно нас? — спросил Джим Планк.— Почему нас?

— Потому,— сказала Молли.— Мы смахиваем на выброшенных на берег потерпевших кораблекрушение.

Вместо «Пристанища» за следующим поворотом показалось какое-то здание. Нат разглядывал его, пытаясь понять, что это такое. Старое, обветшалое, на вид давно заброшенное...

«Это же *бензоколонка*,— понял он вдруг.— Оставшаяся еще с тех времен, когда были распространены автомобили с двигателями внутреннего сгорания».

Он был просто ошеломлен.

— Антиквариат! — воскликнула Молли.— Пережиток прошлого! Как здесь все странно. Может, нам стоит остановиться и осмотреть ее. Ведь это же исторический памятник, наподобие древнего форта или ветряной мельницы. Пожалуйста, Нат!.. Да останови ты это проклятое такси.

Нат стукнул кулаком по кнопкам на панели управления, и такси-автомат, мучительно застонав — то ли из-за силы трения в тормозах, то ли от недовольства собственными системами,— остановилось перед бензозаправочной станцией.

Джим Планк осторожно приоткрыл дверцу и вышел. При нем была камера японского производства, он включил ее и стал глядеть в видеоискатель на унылые, подернутые туманом картины. От мелкого дождика лицо его заблестело, капли воды стекали со стекол очков, он снял их и засунул в карман куртки.

— Я сниму кое-что,— крикнул он.

— Там кто-то есть,— тихо сказала Молли, обращаясь к Нату.— Лучше не двигаться и помолчать. Он за нами наблюдает.

Выбравшись из такси, Нат пересек дорогу из красных камней и направился к бензоколонке. Внутри домика был виден какой-то человек. Он встал и направился к двери. Дверь распахнулась. Перед Натом стоял сгорбленный тип с огромной деформированной челюстью. Он замахал руками и что-то сказал.

— Что он говорит? — испуганно спросил Джим.

Человек, с виду явно пожилой, продолжал нечленораздельно бормотать: «...прв... пч... прв... пч...» Так, во всяком случае, показалось Нату. Человек вроде бы пытался сказать им что-то, но ему никак не удавалось. Тем не менее, он не оставлял своих попыток. И Нат вдруг обнаружил, что издаваемые этим типом звуки напоминают какие-то знакомые слова. Он напрягся, пытаясь разобрать, даже приложил к ушам ладони, а старик с огромной челюстью все говорил и жестикулировал, говорил и жестикулировал...

— Он спрашивает,— сказала Молли,— привезли ли мы почту.

— Тут, по-видимому, принято, чтобы проезжающие по этой дороге машины привозили почту,— сказал Джим и повернулся к аборигену: — Извините, мы не знали об этом. У нас нет для вас почты.

Кивнув, старик успокоился. Он явно понял Джима.

— Мы ищем Ричарда Конгросяна,— сказал Нат.— Мы едем верной дорогой?

Старик искоса посмотрел на него, лицо его сделалось хитрым.

— Овощи есть?

— Овощи? — удивился Нат.

— Я могу есть овощи хорошие.— Старик подмигнул ему и протянул руку, как бы ожидая чего-то.

— Извините,— смущенно сказал Нат и повернулся к Джиму и Молли.— Овощи,— повторил он.— Вы поняли, что он сказал? Именно это он сказал, верно?

— Я не могу есть мясо,— сказал довольно разборчиво старик.— Ждите.

Он порылся в карманах замызганного пальто и достал кусок плотной бумаги, грязный и затертый, протянул Нату. На бумаге было что-то напечатано, хотя разобрать текст было трудно. Нат вынес бумагу на свет, прищурился, пытаясь разобрать буквы.

«Покормите меня, и я скажу вам все, что вы хотите услышать. Благодарю от имени ассоциации «горбатиков».

— Я горбатик,— сказал старик, неожиданно отобрал у Ната бумагу и вернул ее в карман пиджака.

— Давайте-ка мотать отсюда,— тихо сказала Молли.

«Раса, порожденная воздействием радиации,— вспомнил Нат. Горбатики Северной Калифорнии. Здесь же находится их анклав».

Ему вдруг захотелось узнать, сколько их здесь? Десять? Тысяча? Вот в каком месте решил поселиться Ричард Конгросян!

А впрочем, Конгросян, возможно, и прав. Ведь это тоже люди, несмотря на их уродство. Они получают почту и, вероятно, выполняют какие-то несложные работы. А может, просто живут на пособие, выделяемое окружной администрацией, если не в состоянии работать. Они никого не беспокоят и совершенно безвредны. Нат теперь даже застыдился своей реакции, первоначального инстинктивного отвращения.

— Хотите монету? — спросил он у старика и протянул ему платиновый пятибаксовик.

Горбатик принял монету, кивнул:

— Спэсиба.

— Конгросян живет по этой дороге? — еще раз спросил Нат.

Горбатик махнул рукой вперед.

— Вот и отлично! — сказал Джим Планк.— Поехали дальше. Мы на правильном пути.— Он повернулся к Нату и Молли и повторил настойчиво: — По-е-ха-ли даль-ше.

Они снова расселись в кабине такси. Нат запустил двигатель, и они проползли мимо бензоколонки и старого горбатика, который наблюдал за тем, как они уезжают, с абсолютно безразличным видом. Словно выключенный симулякр.

— Ничего себе! — сказала Молли, переводя дыхание.— Что это было?

— Будет еще и покруче,— отозвался Нат.

— Святый боже! Конгросян, наверное, совсем рехнулся, поселившись здесь. Я бы ни за что не стала жить в этом болоте. И уже жалею, что отправилась с вами. Давайте-ка лучше запишем его в студии, а? По-моему, самое время поворачивать назад.

Такси продолжало ползти дальше, нырнуло под завесь густо перевитых лиан, а затем внезапно выехало к руинам какого-то городка.

Ровные ряды гниющих деревянных домов с едва различимыми номерами на стенах и выбитыми окнами. Однако город вовсе не был заброшен. Тут и там, на потрескавшихся тротуарах, заросших сорной травой, Нат видел людей или, вернее, горбатиков. Они медленно и неуклюже, то и дело спотыкаясь, брели по каким-то своим делам, если таковые у них имелись. Одному Богу известно, чем здесь можно было заниматься. Нет ни видеофонов, ни почты...

«Может, Конгросяну нравится эта тишина,— подумал Нат.— Ведь здесь нет никаких звуков, кроме шуршания дождевых струй. Может быть, нужно только привыкнуть к этому, и...»

Но он тут же понял, что никогда бы не смог сжиться с этими чертовыми местами. Слишком уж заметны тут признаки упадка. Эти люди могут быть горбатиками, если хотят или если суждено, но им бы стоило заниматься ремонтом своих поселений. Иначе тут будет все ужаснее и ужаснее...

И, подобно Молли, он пожалел о том, что ввязался в это дело.

— Я бы очень долго думал,— сказал он громко,— прежде чем заживо похоронить себя в такой дыре. Но стоит ощутить в себе решимость на подобную жизнь, как легко принимаешь и самый трудный ее аспект.

— И чем же заключается самый трудный аспект такой жизни? — спросил Джим.

— В господстве прошлого,— ответил Нат.— В таких местах оно господствует над умами людей целиком и полностью. Их

общее прошлое — война, непосредственно предшествовавшая этой эпохе, и вызванные ею экологические изменения, коснувшиеся всей жизни. Это своего рода музей, но музей живой. Музей, демонстрирующий, что человечество развивается по спирали...

Он закрыл глаза.

«Интересно,— подумал он,— рождаются ли дети у горбатиков? Генетически это допустимо. Я точно знаю. И боюсь этой допустимости. Это ущербная мутация, и процесс продолжается. Но они выжили. И это хорошо, учитывая здешнюю окружающую среду, для эволюционного процесса. Так и работает эволюция, еще со времени появления первых трилобитов».

Ему стало не по себе от мысли.

А потом он вспомнил, что уже видел эти уродливые отклонения. На картинах. В реконструкциях. Они были весьма правдоподобны. Не исключено, что эти реконструкции подкорректировали с помощью аппарата фон Лессингера. Сутулые тела, массивные челюсти, неспособность питаться мясом из-за отсутствия резцов, затруднения с речью...

— Молли,— сказал он,— ты догадываешься, кем на самом деле являются эти горбатики?

Она кивнула.

— Неандертальцами,— сказал Джим Планк.— Никакие они не мутанты, появившиеся в результате воздействия радиации. Это поворот эволюции в обратную сторону.

Такси продолжало ползти через город горбатиков. Оно слепо двигалось к расположенному поблизости дому всемирно известного пианиста Ричарда Конгросяна.

ГЛАВА 9

Рекламыш, изготовленный агентством Теодора Нитца, пропищал:

— В присутствии незнакомых разве не чувствуете вы себя порой так, будто *вообще не существуете?* Разве не кажется вам, что они вас не замечают, будто вы невидимы? В автобусе или в космическом корабле вы, оглядевшись, обнаруживаете, что никто из них, *абсолютно никто,* не просто не обращает на вас никакого внимания, а даже вида не подает...

Мори Фрауэнциммер поднял винтовку, заряженную шариками двуокиси углерода, тщательно прицелился и выстрелил. Устроившийся на дальней стене кабинета рекламыш упал на пол. Он проник сюда ночью и встретил хозяев кабинета своей неудержимой трепотней.

Мори поставил винтовку в стойку, подошел к лежащему на полу рекламышу и наступил на него. Послышался хруст.

— Почта,— сказал Чик Страйкрок.— Где сегодняшняя почта?

Он искал ее по всему кабинету, как только пришел на работу.

Мори с шумом хлебнул из чашки горячий кофе:

— Посмотри поверх вон тех папок. Под тряпкой, которой мы обычно чистим литеры пишущей машинки.

Он откусил кусочек пончика, посыпанного сахарной пудрой, и снова посмотрел на Чика. Тот вел себя сегодня очень странно, и Мори занимало, что же это означает.

— Мори! — сказал вдруг Чик.— Я тут кое-что тебе написал.

Он бросил на стол вчетверо сложенный лист бумаги.

Мори не стал его разворачивать, он и так знал, что там написано.

— Я увольняюсь,— сказал Чик. Он был бледен.

— Пожалуйста, не спеши. Что-то должно произойти. И мне удастся продлить существование фирмы.— Мори так и не развернул заявление Чика, оставив его валяться на столе.— Чем же ты станешь заниматься, уйдя отсюда?

— Эмигрирую на Марс.

Ожил интерком, из него донесся голос Греты Тюбе:

— Мистер Фрауэнциммер, вас хочет видеть мистер Гарт Макри. С ним вместе еще несколько джентльменов.

«Интересно, кто они такие»,— подумал Мори.

— Попросите их подождать немного,— сказал он.— У нас с мистером Страйкроком совещание.

— Продолжай свой бизнес без меня! — Чик был настроен решительно.— Я ухожу. Заявление я оставил на столе. Пожелай мне удачи.

— Что ж, удачи тебе, старик!

Мори почувствовал себя очень удрученным, почти больным. Он тупо глядел на стол, пока дверь не открылась и снова не закрылась. Чик ушел.

«Дьявол! — подумал Мори.— Ну и начало рабочего дня!»

Подняв заявление, он развернул его, ознакомился с содержанием и снова сложил лист. Затем нажал кнопку интеркома:

— Мисс Тюбе, пригласите... как вы там назвали?.. мистера Макри, что ли? И сопровождающих его джентльменов — тоже.

— Да, мистер Фрауэнциммер.

Дверь кабинета отворилась, и Мори тотчас же весь подобрался, ибо сразу сообразил, что к нему явились важные правительственные чиновники. Двое из них были в серой форме национальной полиции, а глава делегации, очевидно этот самый

Макри, держался как влиятельный представитель исполнительной власти, иными словами высокопоставленный гехт. Неуклюже поднявшись на ноги, Мори протянул руку и сказал:

— Господа, чем я могу быть полезен вам?

Пожав ему руку, Макри спросил:

— Это вы — Фрауэнциммер?

— Да,— ответил Мори.

Сердце его забилось, от волнения даже дух перехватило. Неужели они собираются прикрыть его? Таким же примерно образом полиция пожаловала и к психиатрам венской школы.

— Что я такого совершил? — спросил он и сам услышал, как дрогнул его голос.

Черт, неприятности шли одна за другой!..

Макри улыбнулся:

— Пока — ничего. Мы хотим обсудить вопрос по поводу размещения в вашей фирме определенного заказа. Однако для этого требуется статус гехта. Разрешите отключить ваш интерком?

— П-простите? — ошеломленно сказал Мори.

Кивнув сотрудникам НП, Макри отступил в сторону. Энпэшники стремительно направились к столу и отключили интерком. Потом осмотрели стены, мебель, тщательно обследовали каждый дюйм комнаты и всего, что в ней находилось, а потом кивком дали знать Макри, что он может продолжать.

— Отлично,— сказал Макри.— Фрауэнциммер, мы принесли с собою спецификацию сима. Мы хотим, чтобы вы его изготовили. Все здесь.— Он протянул запечатанный конверт.— Ознакомьтесь. Мы подождем.

Распечатав конверт, Мори принялся внимательно изучать его содержание.

— Вы в состоянии это сделать? — через некоторое время спросил Макри.

Мори поднял голову:

— Эта спецификация относится к Дер Альте.

— Правильно,— кивнул Макри.

«Так вот оно что! — наконец-то сообразил Мори.— Вот для чего требуется статус гехта. Теперь я стал гехтом. Как быстро все произошло! Теперь я принадлежу к узкому кругу избранных. Как плохо, что ушел Чик, бедный проклятый Чик, как это несвоевременно! Останься он здесь еще на пять минут...»

— Это принимали за истину целых пятьдесят лет,— сказал Макри.

Они вовлекают его в свои дела. Делают его соучастником всей этой политики.

— С ума сойти! — воскликнул Мори.— Никогда бы не предположил, глядя на его выступления по телевизору, слушая его речи. А теперь сам должен создать такую же чертовщину.— Он все еще не мог справиться с потрясением.

— Карп знает свое дело,— сказал Макри.— Особенно хорош его нынешний, этот Руди Кальбфляйш. Интересно, догадывались ли вы, специалист в производстве симов, хоть о чем-нибудь?

— Никогда,— признался Мори.— Ни разу. И еще бы миллион лет не догадался.

— А вы в состоянии сделать не хуже?

— Разумеется.

— Когда можете приступить?

— Да хоть сейчас.

— Вот и отлично. Вы понимаете, что поначалу нам, естественно, придется держать здесь сотрудников НП? Для обеспечения безопасности и сохранения государственной тайны...

— Конечно,— пробормотал Мори.— Раз надо, значит надо. Послушайте... извините меня... один момент...

Он проскользнул мимо них к двери и вышел в приемную.

— Мисс Тюбе, вы не видели, куда отправился мистер Страйкрок?

— Он только что уехал, мистер Фрауэнциммер. В сторону автобана. По-моему, он направился домой, в «Авраам Линкольн», он там живет.

«Поторопился ты, парень...» — Мори покачал головой.

Удача не покинула Чика Страйкрока. В душе Мори нарастало ликование.

«Это все меняет коренным образом,— подумал он.— Бизнес продолжается. Я — поставщик Двора Его Величества. Вернее, снабженец Белого дома. Что, в общем-то, одно и то же. Да, абсолютно одно и то же».

Он вернулся в кабинет, где его дожидались важные гости. Все трое глядели на него довольно мрачно.

— Извините,— сказал Мори.— Я выяснял, где находится мой менеджер по сбыту. Я хотел проинструктировать его. Мы на какое-то время отказываемся от любых других заказов и полностью сосредотачиваемся на выполнении этого.— Он замялся.— Что же касается стоимости...

— Мы подпишем контракт,— сказал Гарт Макри.— Вам будет гарантировано возмещение всех ваших затрат плюс сорок процентов. Руди Кальбфляйша мы приобрели за в один миллиард долларов США. Плюс, разумеется, оплата сервисного обслуживания и ремонтных работ, начиная с момента эксплуатации.

— О да,— согласился Мори.— Нельзя допустить, чтобы он вдруг перестал работать прямо в середине произносимой речи.— Он попытался рассмеяться, но смеха в его душе не нашлось.

— Можете прикинуть, в какую сумму это обойдется теперь? Ну, хотя бы грубо... Скажем, в интервале между одним и полутора миллиардами?

— Вполне похоже на правду,— сказал Мори.

Его не покидало ощущение, что голова вот-вот отвинтится от туловища и упадет на пол.

Макри посмотрел на него в упор:

— У вас мелкая фирма, Фрауэнциммер. Мы оба прекрасно это понимаем. Не надейтесь на золотые горы. Этот заказ не превратит вас в крупную компанию, такую, как «Карп унд Зоннен Верке». Но он обеспечит ваше существование на довольно длительный срок. Вам, наверное, ясно, что мы готовы финансово поддерживать вас столько времени, сколько понадобится. Мы получили исчерпывающую информацию о вашем нынешнем положении из ваших же бухгалтерских книг... вы удивлены?.. и нам известно, что вы вот уже в течение нескольких месяцев несете убытки.

— Это полная правда,— сказал Мори.

— Но работаете вы прекрасно,— продолжал Гарт Макри.— Мы тщательно изучили образцы вашей продукции, как здесь, так и там, где они функционируют,— на Луне и Марсе. Вы проявляете подлинное мастерство, пожалуй, даже большее, чем «Карп Верке». Вот потому мы сегодня разговариваем не с Антоном и не со старым Феликсом.

— Можно вопрос? — сказал Мори. И осекся.

Значит, вот почему правительство на сей раз решило заключить контракт с ним, а не с Карпом. Неужели Карп изготовил *все* симулякры Дер Альте вплоть до самого последнего? Это и был вопрос, который Мори хотел задать. И если ответ на него положительный, то смена правительством поставщика симулякров может означать радикальное изменение политического курса. Но об этом лучше не спрашивать.

— Хотите сигару? — спросил Гарт Макри, протягивая Мори «Оптимо адмиральские».— Очень мягкая. Чистейший флоридский лист.

— Спасибо!

Мори неловко взял большую зеленоватую сигару. Они закурили, внимательно разглядывая друг друга в наступившем молчании, которое вдруг наполнилось спокойствием и уверенностью.

* * *

Объявление на информационном табло жилого комплекса «Авраам Линкольн», говорящее о том, что Дункан и Миллер отобраны искателем талантов для выступления в Белом доме, ошеломило Эдгара Стоуна. Он перечитывал объявление снова и снова, сначала пытаясь понять, не является ли оно розыгрышем, а потом удивляясь, как этому нервному шибздику удалось добиться такого.

«Что-то здесь не так,— подумал Стоун.— Что-то вроде того, как я подделал результаты его релпол-теста... а теперь кто-то подделал результаты проверки его таланта».

Стоун собственными ушами слышал игру на этих кувшинах, он присутствовал при исполнении программы дуэтом, состоящим из Дункана и Миллера, и оно было не таким уж и превосходным. Хотя и весьма неплохим...

В глубине души он уже раскаивался, что сфальсифицировал результаты релпол-теста.

«Это я вывел его на дорогу к успеху,— подумал он.— Я ведь спас его тогда. А теперь он уже на пути в Белый дом».

Неудивительно, что Иан Дункан не справился со своим релпол-тестом. Он наверняка очень много времени отдавал игре на кувшине. У него просто не оставалось времени на выполнение повседневных обязанностей, с которыми справлялась остальная часть человечества.

«Наверное, это просто потрясающе — быть артистом,— с горечью подумал Стоун.— Ты свободен от обязанностей, для тебя нет правил. Ты можешь заниматься тем, что тебе нравится... И он уверен, что сделал из меня дурака».

Быстро прошагав по коридору третьего этажа, Стоун подошел к кабинету домового капеллана, позвонил. Дверь отворилась, капеллан сидел за письменным столом. Лицо его было темным от усталости.

— Отче,— сказал Стоун,— я хотел бы исповедаться. Вы можете уделить мне несколько минут? Это очень срочно... На моей совести грехи.

Потерев лоб, Па́трик Дойл кивнул.

— Ох, жизнь,— пробурчал он.— То густо, то пусто. Сегодня у меня побывало уже десять жильцов, которым потребовался «духовник». Проходите.— Он устало махнул в сторону ниши, которая открылась в одной из стен его кабинета.— Садитесь и подключайтесь. А я буду слушать и одновременно заполнять формы «четыре-десять», присланные из Берлина.

Исполненный праведного негодования, Эдгар Стоун дрожащими руками прикрепил электроды «духовника» к соответствующим точкам у себя на черепе, а затем, взяв микрофон, начал исповедь. Внутри аппарата начали вращаться катушки с магнитной лентой.

— Движимый ложной жалостью,— сказал Стоун,— я нарушил устав нашего жилого комплекса. Но меня беспокоит главным образом не проступок сам по себе, а мотивы, которые за ним стоят. Проступок этот — результат неправильного отношения к собрату, жильцу нашего дома. Мой сосед, мистер Иан Дункан, завалил свой очередной релпол-тест, и было ясно, что его выселят из «Авраама Линкольна». Я симпатизировал ему, ибо подсознательно и самого себя считаю неудачником, как жилец этого дома, и как гражданин вообще, и потому я сфальсифицировал его ответы так, чтобы он прошел тестирование. Очевидно, мистеру Иану Дункану нужно устроить новое испытание, а сфальсифицированный мной результат следовало бы аннулировать.

Он пристально поглядел на капеллана, но выражение лица Дойла было непроницаемым.

«Теперь-то за Дунканом и его кувшином установят пристальный надзор»,— подумал Стоун.

«Духовник» начал анализировать его рассказ. Вскоре из него выскочила перфокарта, и Дойл поднялся из-за стола, чтобы взять ее. После долгого, очень внимательного исследования он принялся разглядывать Стоуна.

— Мистер Стоун,— сказал он,— вывод таков, что ваша исповедь исповедью вовсе не является. Что у вас на уме? Начинайте все с самого начала. Ваш самоанализ недостаточно глубок, материалу, представленному вами, далеко до подлинности. И я предлагаю, чтобы вы начали с признания в попытке исказить суть своей исповеди сознательно и преднамеренно.

— Ничего подобного,— возразил Стоун и замолк, прямо-таки онемев от страха.— М-может б-быть, лучше бы обсудить эти вопросы с вами неофициально, сэр? Я в самом деле подтасовал результат релпол-тестирования Иана Дункана. Это факт. Что же касается моих мотивов...

— Разве вы сейчас не позавидовали Дункану? — перебил его Дойл.— Его успеху в исполнительском мастерстве, открывшему ему дорогу в Белый дом?

Наступила тишина.

— Это... могло быть,— проскрипел, признаваясь, Стоун.— Но это не меняет того факта, что по закону Иан Дункан не должен жить здесь. Его следует выселить, независимо от моих мотивов.

Загляните в кодекс муниципальных жилых домов. Я знаю, что там есть раздел, относящийся к ситуации, подобной этой.

— Но вам не уйти отсюда,— упорствовал капеллан,— не сознавшись во всем. Вы должны удовлетворить машину. Вы пытаетесь добиться принудительного выселения соседа, чтобы ублажить свои эмоциональные, психологические потребности. Сознайтесь в этом, а затем, возможно, мы сможем обсудить ту часть кодекса, которая имеет касательство к Дункану.

Стоун застонал и еще раз прикрепил к своему черепу хитроумную систему электродов.

— Ладно,— проскрипел он.— Я ненавижу Иана Дункана, потому что он артистически одарен, а я — нет. Я желаю предстать перед жюри присяжных, состоящим из двенадцати жильцов этого дома, который и определит наказание за мой грех. Однако я настаиваю на том, чтобы Дункана подвергли повторному релпол-тестированию! Я не откажусь от своего требования — у него нет ни малейшего права проживать здесь, среди нас. Это и безнравственно, и *противозаконно*.

— По крайней мере, теперь вы честны,— сказал Дойл.

— Вообще-то,— отозвался Стоун,— мне нравится игра на кувшинах. И мне пришлось по душе их выступление. Но я вынужден вести себя именно так, поскольку только такое поведение, по моему глубочайшему убеждению, в полной мере отвечает общественным интересам.

«Духовник», как показалось Стоуну, выстреливая вторую перфокарту, насмешливо фыркнул. Хотя, это, конечно, была всего лишь игра воображения.

— Вы топите себя все глубже и глубже,— сказал Дойль, расшифровав карту.— Поглядите-ка сами.— Он угрюмо протянул карту Стоуну.— В вашем мозгу бунтуют путаные, противоречивые мотивы. Когда вы исповедовались в последний раз?

Густо покраснев, Стоун промямлил:

— Кажется... в прошлом августе. Капелланом был тогда Пэйп Джоунс. Да, это было в августе.

На самом деле это было в начале июля.

— С вами придется немало поработать,— сказал Дойл, закуривая сигарилу и откидываясь на спинку стула.

* * *

После оживленного обсуждения и горячих споров открывать свое выступление в Белом доме они решили с «Чаконы ре-мажор» Баха. Элу она всегда очень нравилась, несмотря на все

трудности ее исполнения, двойные синкопы и тому подобное. Дункан же нервничал от одной только мысли об этой чаконе. Он хотел теперь, когда, наконец, все уже было решено, начать с куда более простой «Пятидесятой сюиты для виолончели без оркестра». Но менять что-либо было уже поздно. Эл отослал программу концерта секретарю Белого дома по вопросам науки и культуры мистеру Гарольду Слезаку.

— Ради Бога, не волнуйся,— сказал Эл.— Тебе ведь вести вторую партию. Или ты согласен отдать вторую партию мне?

— Нет,— ответил Иан.

Это и в самом деле облегчало его задачу. Партия, которую собирался исполнять Эл, была гораздо более трудной.

За периметром «Пристанища драндулетов номер три» взялась за дело папула, прочесывая тротуар в поисках потенциальных покупателей. Было всего лишь десять утра, и поблизости еще не появлялись те, кого бы стоило взять в обработку. Сегодня распродажа приютилась в холмистом районе Окленда, штат Калифорния, среди обсаженных деревьями улиц наиболее респектабельного жилого района. Напротив стоял «Джо Луис» — необычной архитектуры фантастически роскошный домина на тысячу квартир, в основном заселенный состоятельными неграми. Здание в лучах утреннего солнца казалось особенно опрятным и ухоженным. У входа стоял охранник, со значком и винтовкой, останавливая всякого, кто там не проживал.

— Слезак еще должен получить одобрение программы,— напомнил Эл.— Может быть, Николь не захочет слушать чакону. Вкусы у нее весьма специфические, да и меняются все время.

Иан представил себе Николь, возлегающую на огромной кровати в розовом с оборками пеньюаре, ее завтрак на подносе рядом, а она просматривает программу, знакомясь с перечнем номеров.

«Она уже услышала про нас,— подумал он.— Она знает о нашем существовании. В этом случае мы действительно существуем. Подобно ребенку, которому нужно, чтобы мать любовалась тем, что он делает. Факт нашего существования утвержден пристальным взглядом Николь... А что будет, когда она отведет от нас свой взор? — подумал он.— Что случится с нами после этого? Мы распадемся, снова погрузимся в забвение? Назад, к случайному бесформенному скоплению атомов? Туда, откуда мы вышли, в мир небытия. В мир, где мы влачили пустую жизнь до этого момента...»

— А возможно, она попросит нас сыграть на «бис»,— продолжал Эл.— Она даже может попросить нас сыграть что-нибудь особенно ей полюбившееся. Я провел кое-какие исследования и

выяснил, что иногда она заказывает сыграть «Весенние странствия» Шумана. Запомни! Нам бы стоило порепетировать «Весенние странствия» на всякий случай.

Он извлек несколько нот из своего кувшина.

— Я так не могу,— резко сказал Иан.— Не могу продолжать. Это все слишком много для меня значит. Что-то обязательно пойдет не так, как хочется. Мы ей не понравимся, и нас выкинут вон. И мы никогда не сможем забыть это.

— Послушай, у нас ведь есть папула. И это дает нам...

Эл неожиданно замолчал. На тротуаре появился высокий, сутулый пожилой мужчина в дорогом сером костюме на натуральной ткани.

— Боже мой, да это же Лука собственной персоной! — воскликнул Эл. Вид у него был испуганный.— Я-то сам видел его всего лишь дважды в жизни. Что-то не так!..

— Лучше увести папулу назад,— сказал Иан.

Папула между тем двинулась навстречу Чокнутому Луке.

— Я не могу,— изумленно сказал Эл, отчаянно теребя пульт управления на поясе.— Она не реагирует на мои команды.

Папула приблизилась к Луке, тот наклонился, подхватил ее под мышку и пошел дальше, направляясь к распродаже.

— Он взял управление ею на себя,— сказал Эл, тупо глядя на Иана.

Дверь отворилась, и Чокнутый Лука вошел в контору.

— Мы получили сообщение, что вы используете ее в свободное от работы время, в личных целях,— сказал он, обращаясь к Элу.— Вас предупреждали, чтобы вы так не делали. Папула — принадлежность распродажи, а не личная собственность оператора.

— И что дальше? — пробормотал Эл, запинаясь.

— Вас следовало бы уволить,— заявил Лука,— но вы хороший продавец, и я не стану вас увольнять. Однако дальше вам придется работать без ее помощи.— Он плотнее обхватил папулу и направился к выходу.— Все, у меня больше нет времени.

Тут он заметил кувшин Эла.

— Это же не музыкальный инструмент, это сосуд, в котором держат виски.

— Послушайте, Лука,— сказал Эл.— Это же прекрасная реклама. Дать концерт для Николь означает поднять престиж сети «Пристанищ». Понимаете?

— Мне не нужен престиж,— отрезал Лука, останавливаясь.— Я не собираюсь гнуться перед Николь Тибодо. Пусть она руководит обществом, как ей заблагорассудится, а я буду руководить «Пристанищами», как заблагорассудится мне. Она не трогает

меня, я не трогаю ее, и это вполне меня устраивает. Не ломайте ситуацию. Скажите Слезаку, что вы не сможете выступить, и забудьте об этом. Ни один нормальный взрослый мужчина не станет дуть в пустую бутылку.

— А вот тут вы ошибаетесь! — сказал Эл.— Искусство можно отыскать даже в обыденной жизни. В том числе и в этих кувшинах.

Лука, ковыряясь в зубах серебряной зубочисткой, заметил:

— Теперь у вас нет папулы, чтобы склонить мнение Первой Семьи в свою пользу. Подумайте об этом. Неужели вы в таком положении надеетесь чего-либо добиться? — Он усмехнулся.

Эл подумал немного и повернулся к Иану:

— К сожалению, он прав. Без папулы мы — ничто. Однако и отступать нам некуда.

— У вас есть смелость,— сказал Лука.— Зато нет здравого смысла. Тем не менее я восхищаюсь вами. И теперь мне понятно, почему вы стали продавцом столь высокого уровня — вы бьетесь до конца. Берите папулу на концерт в Белом доме. Вернете на следующее утро.

Он швырнул круглое, смахивающее на огромного жука, создание Элу. Подхватив папулу, Эл прижал ее к своей груди, как огромную подушку.

— Возможно, это и в самом деле было бы неплохой рекламой,— задумчиво сказал Лука.— Но мне известно вот что. Николь не любит нас. Слишком много людей выскользнули из ее рук с нашей помощью. Мы представляем собой щель в социальной структуре, созданной мамочкой Николь, и мамочка об этом знает.— Он снова усмехнулся, обнажив золотые зубы.

— Спасибо, Лука,— произнес Эл.

— Но командовать папулой буду я,— объявил Лука.— В режиме дистанционного управления. У меня квалификация повыше, чем у вас. В конце концов, это я создал их.

— Несомненно,— сказал Эл.— Все равно руки у меня будут заняты.

— Да,— согласился Лука.— Руки вам понадобятся для того, чтобы держаться за эту бутыль.

Однако что-то в голосе Луки встревожило Иана Дункана. Что же Лука затевает? Впрочем, в любом случае у Иана и Эла нет выхода: без папулы им не обойтись. А Лука сумеет прекрасно справиться с управлением ею — в этом не приходилось сомневаться, он уже доказал свое превосходство на Элом несколько минут назад. А кроме того, как верно заметил Лука, Эл всецело будет занят своим кувшином. И тем не менее...

— Послушайте, Лука,— сказал Иан.— Вы когда-нибудь встречались с Николь?

Этот вопрос родила его интуиция.

— Разумеется,— уверенно ответил Лука.— Много лет назад. У меня тогда были тряпичные куклы, одеваемые на руки, как перчатки. Мы с отцом переезжали с места на место с кукольными представлениями. И в конце концов оказались в Белом доме.

— И что там случилось? — спросил Иан.

Лука ответил не сразу.

— Она... Ей не понравилось представление. Она сказала о наших куклах... Что они представляют собой неприличное зрелище.

«Вот тогда-то ты ее и возненавидел,— подумал Иан.— И никогда уже не простил».

— Так оно и было? — спросил он.

— Нет, конечно,— ответил Лука.— Правда, в одной части представления было небольшое стрипшоу. Наши куклы изображали панельных девиц. Но прежде никто не возражал против этого. Мой отец очень переживал, а мне все это было по барабану.— Лицо Луки оставалось совершенно спокойным.

— Николь тогда уже была Первой Леди? — спросил Эл.

— О да! — воскликнул Лука.— Она занимает этот пост уже в течение семидесяти трех лет. Разве вы не знаете?

— Но ведь это же невозможно! — почти одновременно вскричали Эл и Иан.

— Еще как возможно,— сказал Лука.— На самом деле она теперь старуха. Должна быть. Бабушка. Однако выглядит, я думаю, все еще очень неплохо. Да вы сами убедитесь, когда увидите ее.

— Но по телевизору...— ошеломленно начал было Иан.

— О да,— согласился Лука.— На экранах телевизоров она выглядит лет на двадцать. Но откройте учебник истории... Хотя они, разумеется, запрещены для всех, кроме гехтов. Я имею в виду *настоящие* книги по истории, а не те, что вам дают для подготовки ко всем этим релпол-тестам. Стоит вам заглянуть в настоящую книгу, и вы сами сумеете определить возраст Николь. Факты все там. Правда, их надо будет выкопать из-под всякой муры.

«Факты не имеют никакого значения,— подумал Иан,— когда видишь своими собственными глазами, насколько она молода. А мы видим это каждый день.— Он в упор посмотрел на Луку.— Вы лжете,— едва не сказал он вслух.— И мы знаем это, мы все знаем это. Мой друг Эл видел ее. И он бы сказал, будь она и в самом деле такой старой. Вы ненавидите ее — вот в чем мотив вашей лжи».

Потрясенный, он повернулся спиной к Луке, не желая иметь с этим человеком ничего общего. Семьдесят три года в Белом доме — значит, сейчас Николь почти девяносто. Иан содрогнулся от этой мысли. И сразу же решил выбросить ее из головы. Или, по крайней мере, попытался это сделать.

— Удачи вам, парни! — Лука удалился, по-прежнему жуя свою зубочистку.

«Плохо, что правительство прикрыло психоаналитиков! — Эл Миллер бросил взор через всю контору на своего дружка Иана Дункана.— Он же совсем расклеился...»

Однако одному из психоаналитиков все-таки разрешили работать. Эл слышал об этом по телевизору. Доктор Сьюпеб — так, кажется, его зовут.

— Иан,— сказал Эл.— Тебе нужна помощь. Иначе, начав играть перед Николь, ты провалишься.

— Все будет о'кей,— коротко ответил Иан.

— Ты бывал когда-нибудь у психоаналитика? — спросил Эл.

— Пару раз. Но давно.

— Ты как считаешь — они лучше химиотерапии?

— Лучше химиотерапии даже кастет бандита.

«Если он единственный практикующий психоаналитик во всех США,— подумал Эл,— то загружен он, несомненно, под завязку. И, скорее всего, ему не до новых пациентов».

Однако чем черт не шутит?.. Он отыскал номер психоаналитика, поднял трубку и набрал этот номер.

— Кому это ты звонить собрался? — подозрительно спросил Иан.

— Доктору Сьюпебу. Последнему из...

— Я понял. И зачем? Насчет меня? Или себя?

— Насчет обоих,— сказал Эл.

— Но, главным образом, из-за меня.

Эл ничего не ответил. На экране появилось изображение девушки. У нее была круглая, полная, высокая грудь.

— Кабинет доктора Сьюпеба,— сказала девушка.

— Доктор принимает новых пациентов? — спросил Эл, залюбовавшись ею.

— Да, принимает,— ответила девушка энергичным голосом.

— Потрясающе! — произнес удивленный, но довольный Эл.— Мы с моим партнером хотели бы посетить его. И хорошо бы побыстрее.

Он продиктовал имена.

— Вас устроит утро пятницы, в половине десятого? — спросила девушка.

— Отлично,— сказал Эл.— Большое спасибо, мисс. Мэм.— Он положил трубку и повернулся к Иану.— Мы добились приема! — воскликнул он.— Теперь нам поможет высококвалифицированный профессионал. Знаешь, расскажи-ка ты ему о восприятии Николь как матери... Кстати, ты заметил эту девочку? Пожалуй...

— Иди один,— отозвался Иан.— Я не пойду.

— Если ты не пойдешь, я не стану играть на кувшине в Белом доме,— спокойно сказал Эл.— Так что тебе лучше пойти.

Иан бросил в его сторону удивленный взгляд.

— Я говорю вполне серьезно,— сказал Эл.

Наступило продолжительное, неловкое молчание.

— Ладно, я пойду,— сказал наконец Иан.— Но только один раз. В эту пятницу.

— Это будет решать доктор.

— Слушай,— продолжал Иан, будто не слыша,— если Николь Тибодо и в самом деле девяносто лет, то никакая психотерапия мне не поможет.

— Неужели она так сильно завладела твоими чувствами? Женщина, которую ты даже не видел никогда? Это уже явная шизофрения. А ведь фактически твое воображение поразила...— Эл пошевелил пальцами,— иллюзия. Нечто искусственное, нереальное.

— Что есть реальное и что нереальное? Для меня она реальнее всех прочих; даже реальнее тебя. Даже реальнее меня самого, моей собственной жизни.

— Боже милостивый! — воскликнул Эл, пораженный этими словами.— Ну, по крайней мере, тогда у тебя есть ради чего жить.

— Есть,— кивнул Иан.

— Посмотрим, что скажет в пятницу Сьюпеб,— сказал Эл.— Мы спросим у него, сколько шизофрении в этом твоем отношении. Если она вообще есть....— Он пожал плечами.— А может, я и не прав.

«А может,— подумал он,— это мы с Лукой с катушек сдвинулись».

Для него Лука был куда более реальным, куда более важным жизненным фактором, чем Николь Тибодо.

«Но ведь я видел Николь во плоти,— подумал он,— а Иан не видел. В этом-то и заключается разница между нами».

Он взял кувшин и снова приступил к репетиции. Чуть погодя за свой кувшин взялся и Иан Дункан. А еще чуть погодя к ним вернулись энтузиазм и надежды.

ГЛАВА 10

— Фрау Тибодо! — пролаял армейский майор, тощенький, маленький и прямой, как палка.— Рейхсмаршал герр Герман Геринг.

Вперед шагнул очень толстый мужчина в белом, похожем на тогу (невероятно!) одеянии, с маленьким львенком на кожаном поводке и сказал по-немецки:

— Рад вас видеть, миссис Тибодо.

— Рейхсмаршал,— сказала Тибодо,— вы понимаете, где в настоящий момент находитесь?

— Да,— кивнул Геринг и наклонился над львенком, крикнул строго: — Sei ruhig[1], Марси!

Все это наблюдал Бертольд Гольц. Он ушел чуть в будущее при помощи собственного аппарата фон Лессингера. Ожидая, когда же Николь организует перенос Геринга, он едва не потерял всякое терпение. И вот наконец немец здесь, вернее, здесь он будет через семь часов.

Имея в своем распоряжении аппарат фон Лессингера, проникнуть в Белый дом, несмотря на многочисленную охрану из сотрудников НП, оказалось очень несложно. Гольц просто отправился в далекое прошлое, когда Белый дом еще никем не охранялся, а затем вернулся в ближайшее будущее. Он проделывал подобную штуку уже не раз. И еще не раз проделает. И сейчас, благополучно заглянув в собственное будущее, попал прямо на место преступления. Сцена эта изрядно развлекала его — не только потому, что он спокойно мог наблюдать за Николь, но и потому, что мог смотреть на самого себя (и в прошлом, и будущем, с точки зрения *вероятности*). Это была скорее потенциальная возможность, чем действительность. Но такое наблюдение расширяло границы возможности в общем смысле.

«Они заключат соглашение, Николь и Геринг,— решил Гольц.— Рейхсмаршалу, изъятому сначала из тысяча девятьсот сорок первого, а потом из тысяча девятьсот сорок четвертого года, покажут разрушенную Германию сорок пятого. Он увидит, что ожидает нацизм, увидит самого себя на процессе в Нюрнберге и наконец станет свидетелем своего собственного самоубийства с помощью яда, переданного в противогеморройной свече. Это, разумеется, окажет влияние на него. И сделка совершится. Нацисты даже в обычных условиях были большими спецами по различным сделкам».

---

[1] Спокойно *(нем.)*.

А дальше все просто... Несколько видов чудо-оружия из будущего, появившихся в конце второй мировой войны,— и эра Варварства продлится не тринадцать лет, а, как поклялся Гитлер, тысячу. Лучи смерти, лазеры, стомегатонные водородные бомбы... Трудно переоценить такую помощь вооруженным силам Третьего рейха. Плюс, конечно, «А-1» и «А-2» или, как их называли союзники, «Фау-1» и «Фау-2». А теперь у нацистов появятся и «А-3», и «А-4», и так далее, до бесконечности, если потребуется.

Гольц нахмурился. Поскольку в дополнение к этим, уже имеющимся, в тайной тьме возможного будущего возникали и другие варианты, мрачные и совершенно неясные. Какими они будут, эти менее вероятные варианты? Опасными, но все же более предпочтительными, чем ясный вариант, связанный с чудо-оружием?..

— Эй, вы!.. Там! — крикнул один из сотрудников НП, внезапно обнаруживший Гольца, стоявшего в углу гостиной с болотными орхидеями. Охранник выхватил пистолет и прицелился.

Совещание между Николь Тибодо, Герингом и четырьмя военными советниками тут же прервалось. Все повернулись в сторону Гольца и охранника.

— Фрау! — Гольц вышел из угла: он предвидел случившееся с помощью своего аппарата фон Лессингера.— Вы знаете, кто я. Призрак на пиршестве.

Он рассмеялся.

Однако Белый дом, разумеется, тоже имел в своем распоряжении аппарат фон Лессингера. Они предвидели ситуацию не менее ясно, чем Гольц. И в этом был элемент фатализма. И ничего нельзя было избежать. И не было никаких запасных путей... таких, во всяком случае, которые были бы желательны Гольцу. Он давно уже знал, что анонимность для него, в конечном счете, будущего не оставляла.

— В другой раз, Гольц,— с отвращением сказала Николь.

— Сейчас,— отозвался Гольц, направляясь прямо к ней.

Охранник повернулся к Первой Леди, ожидая распоряжений. Казалось, он был очень сильно смущен.

Николь раздраженно махнула ему.

— Кто это? — спросил рейхсмаршал, изучающе глядя на Гольца.

— Всего-навсего бедный еврей,— усмехнулся Гольц.— Не то что Эмиль Старк, которого я тут не нахожу, несмотря на все ваши обещания, Николь. Здесь много бедных евреев, рейхсмаршал. Не меньше, чем в вашем времени. Правда, у меня нет никаких ценностей или собственности, которую вы могли бы конфисковать, нет произведений искусства, нет золота. Уж из-

вините! — Он присел к столу переговоров и налил себе стакан ледяной воды из стоявшего под рукой графина.— Этот ваш зверек, Марси, он злой? Ja oder nein?[1]

— Нет,— ответил Геринг, ласково поглаживая львенка.

Он сидел, угнездив животное на стол перед собой. Львенок послушно свернулся калачиком, полузакрыв глаза.

— Мое присутствие,— продолжал Гольц,— мое еврейское присутствие здесь нежелательно. И Эмиля Старка нет. Почему его нет, Николь? — он взглянул на Первую Леди в упор.— Вы боитесь оскорбить рейхсмаршала? Странно... В конце концов, Гиммлер имел дело с евреями в Венгрии, при посредничестве Эйхмана. Есть даже генерал-еврей в опекаемом рейхсмаршалом люфтваффе, некто генерал Мильх. Не правда ли, рейхсмаршал? — он повернулся к Герингу.

— Ничего такого о Мильхе я не знаю,— раздраженно сказал Геринг.— Это прекрасный человек, я утверждаю это со всей ответственностью.

— Вот видите,— повернулся Гольц к Николь.— Герру Герингу не впервой иметь дело с жидами. Верно, герр Геринг? Вам совсем не обязательно отвечать на мой вопрос, я уже сделал все выводы.

Геринг впился в него злобным взглядом.

— А теперь поговорим о сделке...— начал Гольц.

— Бертольд! — грубо прервала его Николь.— Убирайтесь отсюда! Я позволяю вашим уличным бойцам шататься, где им вздумается. Но если вы мне станете мешать, я прикажу их всех пересажать. Вы знаете цель, которой я добиваюсь этим совещанием. Уж вам-то следовало бы одобрить мои действия.

— А я их не одобряю,— твердо заявил Гольц.

— И почему же? — влез один из военных советников.

— Да потому что стоит нацистам победить с вашей помощью во второй мировой войне, *они все равно вырежут всех евреев*. И не только тех, что живут в Европе или в России, но и тех, что живут в Соединенных Штатах и в Латинской Америке.

Он говорил совершенно спокойно. В конце концов, он уже видел это, исследовав с помощью аппарата фон Лессингера несколько самых жутких вариантов альтернативного будущего.

— Не забудьте, что целью войны для нацистов было полное истребление еврейства. Это не просто побочный результат войны.

Наступила тишина.

А потом Николь приказала охранникам:

— Прикончите его!

---

[1] Да или нет? *(нем.)*.

Один из агентов НП тут же прицелился и выстрелил.

Но Гольц все рассчитал. В тот момент, когда дуло пистолета оказалось направленным на него, он вошел в контакт с полем фон Лессингера. Сцена вместе с актерами затуманилась, потом прояснилась. Гольц находился в той же самой гостиной, вокруг красовались все те же болотные орхидеи, но людей уже не было. Он находился здесь один, и только неуловимые призраки будущего порой появлялись вокруг.

Вот промелькнули в беспорядочной последовательности картины, связанные с Ричардом Конгросяном, вовлеченным в какие-то сверхъестественные ситуации, сперва связанные с ритуалами его очищения, а затем с Уайлдером Пэмброуком. Комиссар НП что-то сделал, но Гольц не смог понять, что именно. А затем он увидел самого себя, сначала обладавшего огромной властью, а затем вдруг почему-то мертвого. Продрейфовала мимо него и Николь, но какая-то совершенно иная и непонятная. И повсюду в будущем, казалось, существовала смерть, она поджидала всех и каждого. Что это могло означать? Может быть, это были всего лишь галлюцинации?

Этот коллапс уверенности, казалось, был связан с Ричардом Конгросяном. Искажение структурной ткани будущего было следствием его психокинетического дара, определялось парапсихическими способностями этого человека.

Знал ли об этом сам Конгросян? Могущество такого рода может быть неведомо даже тому, кто им обладает. Конгросян, заблудившийся в лабиринте собственной болезни, практически недееспособен, но все еще в состоянии воздействовать на все варианты альтернативного завтра.

«Если бы я мог понять это,— подумал Гольц.— Если бы я мог постичь этого человека, который станет ключевой загадкой для всех нас... тогда бы я победил. Будущее больше не состояло бы из трудно различимых теней, сцепленных в такие конфигурации, уразуметь которые с помощью обычной логики — моей, во всяком случае,— никогда не удастся».

* * *

Ричард Конгросян, находящийся в палате нейропсихиатрической клиники «Франклин Эймз» громко объявил:

— Я теперь полностью невидим.

Он поднял руку и не увидел ее.

— Вот оно и пришло,— добавил он. И не услышал собственного голоса: ему стали недоступны и звуки.— Что же мне теперь делать? — спросил он у четырех стен своей палаты.

Ответа он не услышал. Он пребывал в совершенном одиночестве и был лишен любых связей с внешним миром.

«Я должен выйти отсюда»,— решил он.

Ему надо было искать помощь, потому что здесь он никакой помощи не получал — медики оказались неспособны остановить развитие его болезни.

«Я вернусь в Дженнер,— решил он.— Мне надо повидаться со своим сыном».

Не было никакого смысла обращаться к доктору Сьюпебу или любому другому врачу, хоть ориентированному на химиотерапию, хоть отвергающему ее. Время определять метод лечения прошло. Болезнь вошла в новую стадию. Чем она будет характеризоваться? Этого он еще не знал. Но в свое время узнает. При условии, что переживет ее. Только как это получится, если он уже мертв?

«Вот именно,— сказал он себе.— Я умер. И все же еще живу».

Это была тайна. Он никак не понимал этого.

«Должно быть,— подумал он,— мне надо искать воскресение».

Он легко покинул свою палату, прошел по коридору к лестнице, спустился вниз и вышел наружу через боковой выход клиники — ведь его никто не мог видеть. Вскоре он уже шагал по тротуару незнакомой улицы, расположенной в холмистом районе Сан-Франциско, окруженный высоченными жилыми зданиями, многие из которых были построены еще до третьей мировой войны.

Стараясь не наступать на трещины в асфальте, он попытался избавиться от этого мерзкого запаха, который мог бы навести на его след.

«Мне, похоже, становится лучше,— решил он.— Я нашел по крайней мере временный ритуал очищения от моего навязчивого запаха. Еще бы избавиться от невидимости... Иначе каким образом я смогу играть на фортепиано? Это же конец моей карьеры!»

И тут он вспомнил Меррилла Джадда, психохимиотерапевта из «АГ Хеми».

«Джадд ведь собирался помочь мне,— вспомнил он.— Я совсем забыл об этом, разволновавшись из-за того, что стал невидимым. Я могу отправиться в „АГ Хеми“, взяв такси-автомат».

Он махнул рукой первому же такси, но оно, похоже, его не заметило, и Конгросяну осталось лишь разочарованно посмотреть машине вслед.

«Я надеялся, что меня могут видеть хотя бы электронные сканеры,— подумал он.— Однако, похоже, я невидим теперь и для них.— В нем родились сомнения.— Дойду ли я до филиала „АГ Хеми“ пешком?.. Но я же должен! Потому что общественным транспортом пользоваться нельзя, могут возникнуть проблемы с пассажирами... А ведь не такая уж простая задача для Джадда,— понял он.— Мало того, что химику придется устранить этот запах, так еще надо снова сделать меня видимым».

При мысли об этом Конгросян опять приуныл.

«Им это не удастся,— решил он.— Безнадега!.. Но надо хотя бы продолжить попытки воскреснуть. Если я встречусь с Джаддом, то смогу выяснить, способна ли помочь мне „АГ Хеми“ в этом отношении. Ведь после Карпа они — самая могущественная фирма на территории США. Или мне придется вернуться в СССР, чтобы найти более могущественную фирму... Впрочем, „АГ Хеми“ очень гордится своей химиотерапией. Вот и посмотрим, есть ли у них лекарство для воскресения».

Он двинулся дальше, занятый своими мыслями и тщательно избегая трещин в асфальте, и вдруг осознал, что на его пути лежит нечто. Это было странное животное — плоское, оранжевое, с черными пятнами, похожее на большую божью коровку, шевелящее антеннами. И в то же самое мгновение странная мысль сформировалась в голове Конгросяна: «Воскресение... Да, новая жизнь. Начать сначала, в другом мире...»

Марс!

Конгросян остановился и сказал:

— Ты права.

Это была папула, на тротуаре, прямо перед ним. Он посмотрел по сторонам и сразу же заметил «Пристанище драндулетов», и драндулеты эти празднично сверкали на солнце. В центре распродажи стояло небольшое здание конторы, где сидел торговец, и Конгросян направился туда. Папула следовала за ним, не умолкая:

— Забудь «АГ Хеми». Они тебе ничем не помогут!

«Верно,— подумал Конгросян.— Слишком поздно. Вот если бы Джадд сразу занялся мною, было бы другое дело. Но теперь...»

И тут он понял еще кое-что.

Папула может его видеть!

Или, по крайней мере, способна ощущать его присутствие каким-то органом или апперцепцией[1], в этом измерении или каком-то ином. И... ей совершенно не мешает его запах.

---

[1] Апперцепция — в современной психологии синоним восприятия.

— Нисколечко,— подтвердила папула.— У вас просто замечательный запах. Я совсем на него не жалуюсь, ни чуточки.

Конгросян остановился и спросил:

— А на Марсе будет так же? Там меня смогут видеть или хотя бы чувствовать мое присутствие? Это не оскорбит их?

— На Марсе нет рекламных поделок Теодора Нитца,— ответила ему мысленно папула.— Вы постепенно освободитесь от своего запаха в тамошней чистой и девственной окружающей среде. Пройдите в контору, мистер Конгросян, и побеседуйте с мистером Миллером, нашим торговым представителем. Ему не терпится обслужить вас. Он здесь лишь для того, чтобы обслужить вас».

— Спасибо,— сказал Конгросян и открыл дверь конторы.

Внутри уже ждал другой клиент, продавец заполнял с ним бланк контракта. Клиенту, худому, высокому, лысеющему мужчине, казалось, было не по себе: он все время озирался вокруг. Увидев Конгросяна, он тут же отодвинулся от него.

«Это мой мерзкий запах вызвал у него отвращение»,— подумал Конгросян.

— Извините меня,— пробормотал он.

— А теперь, мистер Страйкрок,— обратился продавец к первому клиенту,— если вы подпишете здесь...

Он развернул бланк и протянул авторучку. Клиент судорожно подписал бумагу и отложил ее, явно дрожа от охватившего его возбуждения.

— Это великий момент, когда решаешься на такое,— сказал он Конгросяну.— Сам бы я никогда не набрался храбрости, но мне посоветовал мой психоаналитик. Сказал, что для меня это наилучшая альтернатива.

— А кто ваш психоаналитик? — заинтересовался Конгросян.

— В наши дни он всего один. Доктор Эгон Сьюпеб.

— Так он и мой врач тоже,— воскликнул Конгросян.— Прекраснейший человек. Я только что с ним разговаривал.

Собеседник пристально вглядывался в лицо Конгросяна. Затем очень медленно, тщательно подбирая слова, сказал:

— Это вы говорили по видеофону. Вызывали доктора Сьюпеба. Я был как раз в его кабинете.

— Мистер Страйкрок,— сказал торговец драндулетами,— если вы не откажетесь прогуляться со мною, то я проинструктирую вас, как управлять аппаратом. И вы сможете выбрать себе тот, который вам больше всего понравится.— Он повернулся к Конгросяну: — Я смогу помочь вам через пару минут. Потерпите, пожалуйста.

— В-вы м-можете м-меня в-видеть? — заикаясь, сказал Конгросян.

— Я могу видеть любого,— ответил продавец.— Дайте только время.

И они со Страйкроком вышли из конторы.

— Успокойтесь,— мысленно сказала папула. Очевидно, она осталась в конторе для того, чтобы составить Конгросяну компанию.— Все хорошо. Мистер Миллер займется вами очень-очень ско-о-оро.

Ее слова звучали все проникновеннее, убаюкивающе.

— Мистер Эл везде успел,— запела она.

Неожиданно в контору вернулся клиент, мистер Страйкрок:

— Я вспомнил, кто вы! Вы — известный пианист, который всегда играет для Николь в Белом доме. Вы — Ричард Конгросян.

— Да,— с удовольствием признался Конгросян и на всякий случай отодвинулся от Страйкрока, чтобы не вызывать у того отвращения своим запахом.— Я поражен тем, что вы можете видеть меня. Совсем недавно я был невидимым, именно из-за этого я звонил Эгону Сьюпебу. В настоящее время я ищу возможности воскреснуть. Именно поэтому я и собираюсь эмигрировать. Здесь, на Земле, ни малейшей надежды у меня нет.

— Могу понять ваши чувства,— кивнул Страйкрок.— Совсем недавно я остался без работы. Здесь меня никто больше не удерживает, ни мой брат, ни...— он осекся, лицо его помрачнело.— Никто. Я отправляюсь туда совершенно один.

— Послушайте,— сказал Конгросян, повинуясь внезапному порыву,— почему бы нам не эмигрировать вместе? Или... вас сильно отталкивает исходящий от меня запах?

Страйкрок, казалось, не понимал, о чем он говорит.

— Эмигрировать вместе? Вы имеете в виду арендовать участок земли на двоих и стать партнерами?

— У меня куча денег,— сказал Конгросян.— Это гонорары за мои выступления. Я спокойно могу профинансировать нас обоих.

Деньги его заботили меньше всего. Возможно, он сумеет помочь этому мистеру Страйкроку, который, в конце концов, только что остался без работы.

— Может, у нас что-нибудь и получится,— задумчиво кивнул Страйкрок.— На Марсе, наверное, дьявольски одиноко: у нас даже соседей не будет, разве что симулякры. Но на них я насмотрелся достаточно, чтобы никогда больше не видеть.

Тут в контору вернулся продавец, мистер Миллер. У него был слегка встревоженный вид.

— Нам нужен один драндулет на двоих,— сказал ему Страйкрок.— Мы с Конгросяном эмигрируем вместе и будем партнерами.

Мистер Миллер пожал плечами:

— Что ж, я покажу вам более крупную модель, рассчитанную на семью.

Открыв дверь, он пропустил Конгросяна и Страйкрока, которые вышли на территорию «Пристанища».

— Вы знаете друг друга?

— Вот только что познакомились,— сказал Страйкрок.— Но проблема у нас одна. На Земле нас не видят.

— Да,— сказал Конгросян.— Уж коли ты стал невидим человеческим глазом, самое время эмигрировать.

— Я бы с вами согласился, если вас интересует мое мнение,— согласился мистер Миллер с некоторой долей язвительности.

* * *

— Меня зовут Меррилл Джадд,— сказал мужчина, появившийся на экране видеофона.— Я из «АГ Хеми». Мне жаль беспокоить вас, но...

— К делу,— перебила его Джанет Раймер, усаживаясь за своим письменным столом, и кивком велела секретарше закрыть дверь, чтобы отрезать кабинет от шума коридоров Белого дома.— Это имеет отношение к Ричарду Конгросяну?

— Да,— кивнул на экране миниатюрный Меррилл Джадд.— Именно по этой причине мне пришло в голову позвонить вам, зная о тесных связях Конгросяна с Белым домом. Мне показалось вполне логичным, что вы пожелаете узнать об этом. С полчаса назад я попытался навестить Конгросяна в нейропсихиатрической клинике «Франклин Эймз» в Сан-Франциско. Но он исчез. И персонал никак не может найти его.

— Понятно,— сказала Джанет Раймер.

— Судя по всему, он очень болен. Во всяком случае, он говорил мне...

— Да,— сказала Джанет,— он очень болен. У вас есть еще какая-то информация? Если нет, то мне хотелось бы взяться за его розыск.

Другой информации у психохимиотерапевта «АГ Хеми» не было. Он повесил трубку, и Джанет принялась звонить по внут-

ренней сети, пока наконец не сумела пробиться к своему начальнику Гарольду Слезаку.

— Конгросян покинул клинику и исчез. Одному Богу известно, куда он может податься. Возможно, вернется в Дженнер, нам следует это проверить. Полагаю, что следует привлечь НП. Конгросян для нас жизненно важен.

— Жизненно важен,— эхом повторил Слезак, наморщив нос.— Ну что ж, довольно и того, что мы любим его. Я получу у Николь разрешение привлечь полицию. Мне кажется, вы правы в своей оценке ситуации.

Слезак без энтузиазма повесил трубку. Джанет повесила свою.

Она сделала все, что могла, и дальнейшее развитие событий от нее уже не зависело.

Потом в ее кабинет вошел энпэшник с записной книжкой в руке. Уайлдер Пэмброук — она не раз сталкивалась с ним, когда он был на более низких должностях,— уселся напротив нее и начал свой доклад.

— Я уже проверил «Франклин Эймз».— Комиссар НП задумчиво поглядел на нее.— Похоже на то, что Конгросян связывался по видеофону с доктором Эгоном Сьюпебом. Вам хорошо известно, кто это: единственный оставшийся психоаналитик. Вскоре после этого Конгросян исчез. Не знаете, он бывал у Сьюпеба?

— Конечно,— ответила Джанет.— И не один раз.

— А куда, по вашему мнению, он мог бы отправиться?..

— В Дженнер.

— Там его нет. У нас в том районе есть люди.

— Тогда не знаю. Спросите у Сьюпеба.

— Мы это делаем,— сказал Пэмброук.

— Может быть, он присоединился к Бертольду Гольцу? — рассмеялась Джанет.

Комиссара такое предположение ничуть не удивило. Лицо его осталось суровым.

— Мы, разумеется, проверим и это. А еще всегда есть возможность забрести на одну из распродаж Чокнутого Луки, в эти ночные приюты драндулетов. Похоже, в нужное время они оказываются в нужных местах. Одному Богу известно, как им это удается, но удается. Из всех возможностей,— Пэмброук как бы беседовал сам с собой, он казался весьма взволнованным,— насколько я понимаю, это самая худшая.

— Конгросян никогда бы не отправился на Марс,— заметила Джанет.— Там нет спроса на его талант, эмигранты не нуждают-

ся в пианистах. Несмотря на всю свою эксцентричность, Ричард очень умен. Он прекрасно это понимает.

— Может быть, он перестанет играть,— сказал Пэмброук.— И займется чем-нибудь получше.

— Хотела бы поглядеть, какой фермер способен получиться из психокинетика.

— А может быть, именно этот вопрос сейчас Конгросяна и заинтересовал?

— Я думаю, он бы захотел взять туда и жену с сыном.

— Вряд ли... Возможно, в этом-то и заключается суть случившегося. Вы когда-нибудь видели мальчика? Его сына? Вам известно, что это за район, где находится Дженнер, и что там произошло?

— Да,— выдавила Джанет.

— Тогда вам все ясно.

Они оба замолчали.

* * *

Едва Иан Дункан расположился в кожаном кресле напротив доктора Эгона Сьюпеба, как в кабинет ворвалась группа сотрудников НП.

— Вам придется прервать работу,— заявил молодой остролицый руководитель группы, предъявив Сьюпебу свое удостоверение.— Ричард Конгросян исчез из клиники «Франклин Эймз», и мы его ищем. Он с вами связывался?

— Нет,— сказал доктор Сьюпеб.— Он звонил мне раньше, когда еще находился...

— Нам это известно.— Агент НП в упор поглядел на Сьюпеба.— Как, по вашему мнению, мог Конгросян присоединиться к «Сыновьям Иова»?

— Никогда.

— Прекрасно.— Старший достал из кармана блокнот и сделал пометку.— А как, по-вашему, есть ли хоть малейший шанс, что он связался с людьми Чокнутого Луки? И эмигрировал или собирается эмигрировать?

После длительного раздумья доктор Сьюпеб ответил:

— Полагаю, такой вариант очень вероятен. Ему нужно уединение, он давно уже его ищет.

Энпэшник закрыл свой блокнот и повернулся к подчиненным:

— Вот что... Распродажи следует немедленно закрыть.— Затем достал рацию и сообщил кому-то: — Доктор Сьюпеб думает

о драндулетах, а не о «Сыновьях Иова». Я полагаю, нам следует с ним согласиться. Доводы доктора убедительны. Проверьте сейчас же район Сан-Франциско. Спасибо! — Он убрал рацию и снова повернулся к доктору Сьюпебу.— Мы высоко ценим вашу помощь. Если он вдруг свяжется с вами, известите нас.

Он положил визитную карточку на письменный стол Сьюпеба.

— Обходитесь с ним... помягче,— сказал доктор Сьюпеб,— если отыщете. Он очень, очень болен.

Энпэшник слегка улыбнулся, а затем вся группа покинула кабинет. Дверь за ними закрылась. Иан Дункан и доктор Сьюпеб снова были одни.

— Мне придется проконсультироваться с вами в другой раз,— осипшим голосом сказал Иан Дункан и нерешительно поднялся.— До свидания!

— Что случилось? — спросил доктор Сьюпеб, тоже поднимаясь.

— Мне нужно идти.— Иан Дункан дернул ручку двери, с трудом отворил ее и исчез.

Дверь захлопнулась.

«Странно,— подумал Сьюпеб.— Этот человек... Дункан, что ли?.. даже не заговорил о своих проблемах. Почему появление НП так обеспокоило его?»

Поразмыслив некоторое время, но не найдя ответа, он снова расположился за письменным столом и попросил Аманду Коннерс пригласить следующего пациента. Приемная была полна людей, все они исподтишка (в том числе и женщины) следили за каждым движением Аманды.

— Да, доктор,— раздался ее сладкий голос, мгновенно поднявший у доктора настроение.

* * *

Едва выйдя из кабинета врача, Иан Дункан стал спешно искать такси-автомат. Эл был сейчас здесь, в Сан-Франциско. Он оставил Иану график передвижения «Пристанища номер три». Если они сцапают Эла, это будет конец дуэта «Дункан и Миллер. Классика на кувшинах».

К нему подкатило такси, современное и блестящее, спросило:

— Мо-гу-по-мочь-те-бе-па-рень?

— Да,— крикнул, задыхаясь, Иан Дункан и поспешно залез в кабину.

«Это дает мне шанс,— подумал он, когда такси устремилось по названному адресу.— Но они туда доберутся раньше».

Впрочем, могло быть и по-другому. Полиции ведь надо прочесать всю территорию города, квартал за кварталом, Иан же знал, где находится «Пристанище», и направлялся прямо туда. Так что шансы — пусть и самые незначительные — у него имелись.

«Если тебя сцапают, Эл,— подумал он,— это будет означать конец и для меня. Я не смогу продолжать жить в одиночку. Я присоединюсь к Гольцу или погибну, другого выхода у меня нет».

Такси мчалось через весь город к «Пристанищу Драндулетов номер три».

ГЛАВА 11

Нат Флайджер задался вопросом, есть ли у горбатиков хоть какая-нибудь своя музыка. ЭМЭ такие вещи всегда интересовали. Но не в этом заключалась стоявшая перед ними задача. А впереди уже виднелся дом Ричарда Конгросяна — светло-зеленое деревянное трехэтажное строение. Перед домом же находилось нечто и вовсе невероятное — древнее коричневое необрезанное пальмовое дерево.

— Мы прибыли,— пробормотала Молли.

Старинное такси замедлило ход, завизжали тормоза, двигатель заглох. Вокруг повисла тишина, но ненадолго. Вскоре стал слышен шорох ветра в кронах деревьев и ритмичный стук капель дождя, больше похожего на туман и моросящего здесь всюду, куда бы они ни заезжали. Теперь капли стучали по крыше машины, по листве, по неопрятному старинному деревянному дому с покрытой рубероидом площадкой для принятия солнечных ванн и множеством маленьких квадратных окон, частью стоявших с выбитыми стеклами.

Джим Планк закурил «Корону» и сказал:

— Никаких признаков жизни.

Реплика несла в себе истину. Значит, Гольц был прав.

— Мне кажется,— сказала Молли,— мы гоняемся за тенью.

Она открыла дверцу такси и осторожно выбралась из кабины. Почва под ее ногами зачавкала. Молли скривилась.

— А горбатики? — напомнил Нат.— Мы всегда можем записать музыку горбатиков. Если она у них вообще есть.

Он тоже выбрался из машины, стал рядом с Молли. Они пристально разглядывали большой старый дом, и никто не проронил ни слова.

Это было грустное зрелище.

Засунув руки в карманы, Нат направился к дому. Прошелся по усыпанной гравием дорожке, которая пролегла среди старых кустов фуксий и камелий. Молли последовала за ним. Джим Планк остался в машине.

— Давайте скорее заканчивать все это и удирать отсюда,— сказала Молли, дрожа от холода в своей хлопчатобумажной блузе и шортах.

Нат обнял ее за талию.

— В чем дело? — недовольно спросила она.

— Ни в чем. Просто я вдруг почувствовал, что люблю тебя. Впрочем, сейчас я согласен любить что угодно, если оно не мокрое и не хлюпает.— На мгновение он крепко прижал ее к себе.— Разве так тебе не лучше?

— Нет,— сказала Молли.— А впрочем, да. Я не знаю.— В голосе ее звучало раздражение.— Ради бога, поднимись лучше на крыльцо и постучи.

Она выбралась из его объятий и подтолкнула вперед.

Нат поднялся по прогибающимся ступенькам и позвонил в дверь.

— Я чувствую себя ужасно больной,— сказала Молли.— Почему бы это?

— Влажность.

Самого Ната она тоже страшно угнетала, он едва дышал.

«Интересно,— подумал он,— как такая погода повлияет на протоплазму с Ганимеда».

Она была частью записывающей аппаратуры; ей нравилась влага, и здесь она, пожалуй, должна была процветать. Возможно, «Ампек Ф-а2» мог бы сам по себе существовать в этом дождливом лесу.

Для людей же здешняя среда обитания оказалась более чужда, чем на Марсе. Эта мысль поразила Ната. Марс и Тихуана куда ближе, чем Дженнер и Тихуана! С точки зрения экологии, конечно.

Дверь отворилась. Перед Натом, загораживая вход, стояла женщина в светло-желтом халате. Ее карие глаза смотрели настороженно.

— Миссис Конгросян? — спросил Нат.

Выглядела Бет Конгросян очень неплохо. Стройная, со светло-каштановыми волосами, подвязанными сзади лентой, на вид около тридцати.

— Вы из студии звукозаписи? — Ее низкий голос оказался невыразительным и бесстрастным.— Мистер Дондольдо позвонил мне и сказал, что вы уже на пути сюда. Какая досада...

Заходите, если пожелаете, но Ричарда нет.— Она распахнула дверь.— Он в клинике, в Сан-Франциско.

«Черт возьми! — подумал Нат.— Пролетели...»

Он повернулся к Молли, и они обменялись безмолвными взглядами.

— Пожалуйста, заходите,— сказала Бет Конгросян.— Давайте я вам кофе приготовлю или еще что-нибудь, прежде чем вы уедете. Путь неблизкий...

— Вернись и позови Джима,— сказал Нат, обращаясь к Молли.— Я не против предложения миссис Конгросян. Чашка кофе не помешает.

Молли молча повиновалась.

— У вас утомленный вид,— заметила Бет Конгросян.— Вы ведь мистер Флайджер? Я записала ваше имя. Мистер Дондольдо сообщил его. Я знаю, что Ричард был бы рад записаться для вас, окажись он здесь. Досадно.

Она провела его в гостиную, заставленную плетеной мебелью. Тут было сумрачно и прохладно, но по крайней мере — сухо.

— Может, хотите выпить что-нибудь? Скажем, джина с тоником. Есть у меня и шотландское виски. Не хотите ли виски со льдом?

— Только кофе,— сказал Нат.— Большое спасибо!

Он стал разглядывать фотографию на стене. Мужчина, раскачивающий металлические качели с маленьким ребенком...

— Это ваш сын?

Женщины, однако, в гостиной уже не было.

Нат снова посмотрел на фотографию, подошел ближе. И ужаснулся. У ребенка была характерная для горбатиков челюсть.

В комнату вошли Молли и Джим Планк. Нат махнул им, и они тоже стали изучать фотографию.

— Музыка,— сказал Нат.— Интересно, есть ли у них музыка.

— Они не могут петь,— заметила Молли.— Как бы они пели, если даже говорить не в состоянии?

Она отошла от фотографии и, обхватив себя за плечи, стала смотреть в окно, на пальму.

— Какое уродливое дерево...— Она повернулась к Нату.— Ты со мной не согласен?

— Я считаю,— ответил он,— что на земле достаточно места для любой жизни.

— Вот с этим я точно согласен,— сказал спокойно Джим Планк.

В гостиную вернулась Бет Конгросян.

— А вы чего бы хотели? — спросила она Джима и Молли.— Кофе? Выпивку? Что-нибудь перекусить?

Они принялись решать.

* * *

Винс Страйкрок находился в своем кабинете, расположенном в административном корпусе детройтского филиала «Карп унд Зоннен Верке», когда ему позвонила жена. Вернее, бывшая жена, Джули, теперь Джули Эплквист, как и тогда, когда они впервые встретились.

Выглядела она прекрасно, но была явно взволнована и даже смущена.

— Винс, этот твой чертов братец... он исчез! — Она посмотрела на него наивными глазами, в которых светилась мольба.— Я не знаю, что делать.

— Куда исчез? — спросил Винс намеренно спокойным тоном.

— Я думаю...— она поперхнулась словами.— Винс, он бросил меня, чтобы эмигрировать. Мы обсуждали этот вопрос, и я отказалась. И теперь уверена, что он решил это сделать в одиночку. Он уже давно был настроен на это, теперь я понимаю. Просто я не принимала его слова всерьез.— Глаза ее наполнились слезами.

К Винсу подошел его начальник.

— Герр Антон Карп желает видеть вас. Апартаменты номер четыре. Срочно.

Он впился взглядом в экран и сразу понял, что у Винса личный разговор.

— Джули,— сказал Винс, испытывая неловкость,— мне придется прервать наш разговор.

— Хорошо,— кивнула она.— Только сделай что-нибудь. Найди Чика. Пожалуйста! Я никогда ни о чем тебя больше не попрошу. Обещаю. Мне только нужно, чтобы он вернулся.

«Я знал, что у вас ничего не получится,— злорадно подумал Винс.— Ты искала где лучше, дорогая, но совершила ошибку. Я хорошо знаю Чика. Перед подобными тебе женщинами он как кролик перед удавом. Ты напугала его настолько, что он готов бежать куда глаза глядят. Его уже не остановишь. Он побежит без оглядки. Это путешествие в один конец».

Однако вслух он сказал:

— Я сделаю все, что смогу.

— Спасибо тебе, Винс,— с трудом проговорила она сквозь слезы.— Даже если я и не люблю тебя как раньше, но все еще...

— До свиданья! — Он повесил трубку.

А несколькими мгновениями позже уже поднимался на лифте к апартаментам номер четыре. Едва он вошел, Антон Карп сказал:

— Герр Страйкрок, насколько мне известно, ваш брат работает в одной мелкой фирме под названием «Фрауэнциммер Ассошиэйтес». Это верно?

Мрачное выражение на лице Карпа не могло скрыть охватившего его напряжения.

— Да,— осторожно ответил Винс.— Но...— он заколебался.

Если Чик эмигрировал, значит, он оставил работу — не мог же он взять ее с собой. *Что же тогда Карпу нужно?* Лучше на всякий случай держать язык за зубами.

— Он может вас устроить к себе? — спросил Карп.

Винс заморгал:

— В-вы имеете в виду: в их фирму? Как клиента? Или...

Он почувствовал в душе неясную тревогу. И она, тревога эта, по мере того как пронзал его взгляд холодных синих глаз немца, делалась все больше и больше.

— Я не очень понимаю, герр Карп,— промямлил он.

— Сегодня правительство отдало контракт на изготовление симулякров герру Фрауэнциммеру.— Голос Карпа звучал, как раскаты грома.— Мы изучили ситуацию, и наше решение обусловлено сложившимися обстоятельствами. Получив этот заказ, фирма Фрауэнциммера резко расширится, он станет набирать новых служащих. Я хочу, чтобы вы с помощью вашего брата перешли туда, и как можно быстрее. Лучше всего уже сегодня.

Винс с изумлением уставился на него.

— В чем дело? — спросил Карп.

— Я... удивлен,— с трудом выдавил Винс.

— Как только Фрауэнциммер примет вас на работу, сообщите мне. Не говорите на эту тему ни с кем, кроме меня.— Карп прошелся по устилавшим пол коврам, энергично почесывая переносицу.— Мы оповестим вас, что делать дальше. Пока это все, герр Страйкрок.

— Имеет ли значение, чем я буду там заниматься? — тихо спросил Винс.— Я имею в виду, важно ли, какая у меня там будет должность...

— Нет,— сказал Карп.

Винс покинул апартаменты. Когда дверь за ним захлопнулась, он остановился, пытаясь привести в порядок мысли.

«Боже мой,— подумал он.— Они хотят внедрить меня в фирму Фрауэнциммера. Это абсолютно точно. Саботаж или шпио-

наж — третьего не дано. В любом случае, что-то незаконное. И на меня обратит свое внимание НП. На меня, а не на Карпов. На меня и на брата.— Он ощутил полное бессилие.— Они заставят меня делать все, что захотят, стоит только мизинцем пошевелить. И я сдамся».

Он вернулся в свой кабинет, трясясь от страха, плотно закрыл дверь и уселся за стол. Некоторое время сидел, куря сигару из эрзац-табака и размышляя. Потом вдруг обнаружил, что руки едва слушаются его.

«Нужно уносить ноги отсюда,— сказал он себе.— Я не собираюсь быть жалким и ничтожным проводником воли Карпов. Иначе мне конец!»

Он с яростью раздавил в пепельнице сигару, в которой не было ни крошки табака.

«Куда же податься? — думал он.— *Куда?* Мне нужна помощь. От кого ее ждать?.. Есть этот врач-психоаналитик. Тот, у которого мы с Чиком собирались проконсультироваться.

Подняв трубку, он связался с дежурной видеофонисткой «Карп Верке».

— Свяжите меня с доктором Эгоном Сьюпебом,— попросил он дежурную.— С тем самым единственным оставшимся психоаналитиком».

И стал ждать.

* * *

«Слишком многое еще нужно сделать,— думала Николь Тибодо.— Я буду продолжать тайные хитрые переговоры с Германом Герингом. Я приказала Гарту Макри заключить контракт на нового Дер Альте с малоизвестной фирмой, а не с Карпом. Я должна решить, что делать, если будет найден Ричард Конгросян. А тут еще и акт Макферсона, и этот последний психоаналитик, доктор Сьюпеб. И, наконец, поспешное решение НП о наступлении на „Пристанища Чокнутого Луки"!.. Решение, принятое без каких-либо консультаций со мной и даже без попытки заблаговременно уведомить меня об этом...»

С большим неудовольствием она изучала приказ, который был разослан во все подразделения НП на территории США.

«Это совсем не в наших интересах,— решила она.— Я не могу прищучить Луку, потому что не в силах справиться с ним. Мы будем выглядеть дураки дураками. Нас обвинят в тоталитаризме, существование которого обеспечивается только огромной военной силой и полицейским аппаратом».

Николь бросила быстрый взгляд на Уайлдера Пэмброука.

— Вы в самом деле уже нашли распродажу? — спросила она.— Ту, что в Сан-Франциско, где, как вам кажется, находится Ричард?

— Нет. Мы ее пока не нашли.— Пэмброук нервно вытер пот со лба, ему явно было не по себе.— Я бы, разумеется, проконсультировался с вами, но время... Ведь если он успеет стартовать к Марсу...

— Лучше потерять его, чем преждевременно выступить против Луки!

Николь очень уважительно относилась к Луке. Она прекрасно знала о его деятельности вот уже в течение длительного времени. Не менее хорошо она знала и то, с какой легкостью он уходит от городской полиции.

— У меня есть интересное сообщение из «Карп Верке».— Похоже, Пэмброук попытался перевести разговор на другую тему.— Они решили проникнуть в фирму Фрауэнциммера, чтобы...

— Позже! — нахмурилась Николь.— Вы совершили ошибку. Кстати, в глубине души мне нравятся все эти «Пристанища драндулетов»: они такие забавные! Вы просто не в состоянии понять это, у вас мышление полицейского. Позвоните своим в Сан-Франциско и прикажите освободить «Пристанище» из-под ареста. Если они его нашли... А если еще не нашли, то пусть прекратят поиски. Отзовите полицейских и забудьте об этом. Когда придет время возбуждать против Луки уголовное дело, я сама скажу вам об этом.

— Но Гарольд Слезак согласился...

— Политику делает не Слезак. Я удивляюсь, как вы не обратились за разрешением к Руди Кальбфляйшу. Это доставило бы вашим парням еще большее удовольствие. Вы мне не нравитесь, я нахожу вас отвратительным.— Она посмотрела на него таким взглядом, что он отшатнулся.— Ну? Скажите хоть что-нибудь в свое оправдание.

— «Пристанище» не нашли,— с достоинством сказал Пэмброук.— Так что никакого вреда нанесено не было.— Он включил рацию и скомандовал: — Прекратить розыски! — Обильно вспотевший, он потерял весь свой внушительный вид.— Забудьте об этом.... Да, все верно.— Он выключил рацию, поднял голову и натолкнулся на взгляд Николь.

— Вас следовало бы уволить,— сказала она.

— Что-нибудь еще, миссис Николь? — деревянным голосом спросил Пэмброук.

— Нет. Выметайтесь!

Твердым размеренным шагом Пэмброук двинулся к двери.

Глянув на часы, Николь обнаружила, что уже восемь часов вечера.

«Так,— подумала она.— Какие у нас там планы на вечер?»

Вскоре предстояло отправляться в телестудию для участия в программе «Визит в Белый дом», семьдесят пятый выпуск в этом году. Все ли организовала Джанет и удалось ли Слезаку вогнать программу в график? Скорее всего, нет.

Она прошла через весь Белый дом в кабинет Джанет Раймер.

— У вас есть на сегодня что-нибудь впечатляющее?

Пошуршав бумагами, Джанет нахмурилась и сказала:

— Одно выступление я бы назвала поистине удивительным. Дуэт на кувшинах. Исполняют классику. Дункан и Миллер. Я видела их в «Авраме Линкольне», зрелище потрясающее.— Улыбка Джанет полнилась надеждой.

Николь издала тихий стон.

— Они действительно хороши.— Голос Джанет стал настойчивее. Таким голосом только приказы отдавать...— Их музыка повышает настроение. Я хотела бы, чтобы вы дали им шанс. Они выступают то ли сегодня, то ли завтра. Я не уверена, на какой день их назначил Слезак.

— Игра на кувшинах! — Николь презрительно скривилась.— До чего мы докатились! И это после Ричарда Конгросяна... Я уже начинаю думать, что нам пора уступить свое место Бертольду Гольцу. И вспоминать, что в эру Варварства их развлекала Кирстен Флагстад.

— Может быть, все образуется, когда свой пост займет новый Дер Альте.

Николь строго посмотрела на Джанет:

— Откуда вам известно об этом?

— Все в Белом доме только об этом и говорят. И потом,— Джанет Раймер выпустила иголки,— я ведь все-таки гехт.

— Я потрясена,— насмешливо проговорила Николь.— Значит, жизнь у вас просто королевская.

— Можно спросить?.. Каким будет следующий Дер Альте?

— Немолодым,— коротко сказала Николь.

«Немолодым и усталым,— добавила она про себя.— Утомленный старый пердун, чопорный и официальный, полный морализаторских речей... Типичный вождь, способный вколотить послушание в массы бефтов и еще на какое-то время продлить существование разваливающейся системы. И если верить спецам, работающим с аппаратами фон Лессингера, *он будет последним Дер Альте*. По крайней мере, это наиболее вероятно. У

нас, правда, есть шанс, но очень небольшой. Время и диалектика истории находятся на стороне наихудшего из всех возможных правителей, этого вульгарного шута Бертольда Гольца. Тем не менее, будущее не предопределено. И всегда есть место для неожиданностей, даже для чего-нибудь невероятного. Все, кто работает с аппаратами фон Лессингера, понимают, что путешествие во времени — пока еще искусство, а далеко не точная наука».

— Его будут звать,— сказала она вслух,— Дитер Хогбен.

Джанет расхохоталась:

— О, нет, только не это! Дитер Хогбен!.. А может быть даже Хогбейн? Чего вы намерены этим достичь?

— Он будет преисполнен чувства собственного достоинства,— процедила Николь.

Позади вдруг раздался какой-то шум. Она резко обернулась и увидела перед собой Уайлдера Пэмброука. Тот выглядел взволнованным, но довольным.

— Миссис Тибодо, мы отыскали Ричарда Конгросяна. Как и предсказывал доктор Сьюпеб, он оказался в «Пристанище драндулетов», готовясь отправиться на Марс. Доставить его в Белый дом? Парни в Сан-Франциско ждут указаний. Они все еще на той распродаже.

— Я сама туда отправлюсь,— повинуясь внезапному импульсу, заявила Николь.

«И попрошу его выбросить из головы все мысли об эмиграции,— добавила она про себя.— Надо, чтобы он отказался добровольно. Я смогу убедить его, нам не придется прибегать к силе».

— Идемте, Пэмброук!

Они отправились к посадочной площадке, расположенной на крыше Белого дома.

— Он утверждает, что невидим,— сказал Пэмброук.— Однако парни утверждают, что его отлично видно. Во всяком случае, они-то его точно видят.

— Это одна из его иллюзий,— заметила Николь.— Нам надо переубедить его. Я скажу ему, что ясно его вижу. Этого будет достаточно.

— А еще его запах...

— Черт возьми! — воскликнула Николь.— Как я устала от его выходок, от этих приступов ипохондрии, от навязчивых идей. Я намерена взять его в ежовые рукавицы, используя все величие и всю власть государства. Я велю ему, чтобы он и думать забыл о своих воображаемых болячках.

— Интересно, как он на это отреагирует? — сказал Пэмброук задумчиво, будто задавал вопрос самому себе.

— Разумеется, подчинится. У него нет выбора — в этом вся суть. Я не собираюсь просить его, я намерена ему приказывать.

Пэмброук пристально поглядел на нее, затем пожал плечами.

— Мы слишком долго ходим у него на поводу,— продолжала Николь.— Дурно пахнет от него или нет, видим он или невидим, Конгросян по-прежнему на службе в Белом доме. Ему надо появляться на приемах и выступать с концертами. Ему не положено удирать на Марс, в клинику «Франклин Эймз», в Дженнер или куда бы то ни было еще.

— Да, мэм,— рассеянно произнес Пэмброук, погруженный в свои собственные мысли.

* * *

Когда Иан Дункан добрался до «Пристанища драндулетов номер три», то обнаружил, что опоздал. Сюда уже прибыла НП. Вокруг стояли полицейские машины, а территорию распродажи заполонили одетые во все серое люди.

— Выпусти меня,— скомандовал он такси.

Он находился в квартале от распродажи, и подъезжать ближе не было никакого смысла.

Расплатившись с такси, он побрел дальше пешком. Возле «Пристанища» уже образовалась небольшая группка зевак. Иан Дункан присоединился к ним и, вытянув шею, глядел на энпэшников, делая вид, будто его тоже интересует, почему они тут оказались.

— Что случилось? — спросил у Иана стоящий рядом мужчина.— Мне всегда казалось, что власти не принимают всерьез эти развалюхи.

— Наверное, правпол изменился,— заметила женщина слева от Иана.

— Правпол? — озадаченно повторил мужчина.

— Это термин, применяемый гехтами,— сказала женщина.— Правительственная политика.

— О,— произнес мужчина, понимающе кивая.

Иан повернулся к нему.

— Теперь вам известен термин гехтов,— сказал он.

— Да! — Мужчина оживился.— Выходит, и я теперь кое-что знаю.

— Я когда-то тоже знал термин гехтов,— сказал Иан.

Он уже разглядел Эла внутри конторы. Тот сидел между двумя энпэшниками. Чуть поодаль сидели двое мужчин в штатском. Одним из них, решил Иан, был Ричард Конгросян. А в

другом он узнал одного из жильцов родного «Авраама Линкольна», мистера Чика Страйкрока с самого верхнего этажа. Иан неоднократно встречался с ним на собраниях и в кафе. Его брат Винс в настоящее время проверял идентификаты в необходимых случаях.

— Термин, который я знал, звучал так — «всекры».

— И что же означает это «всекры»? — спросил мужчина.

— Всему крышка,— ответил Иан.

Этот термин прекрасно характеризовал сложившуюся ситуацию. Очевидно, что Эл арестован. Фактически, под арестом находились и Страйкрок с Конгросяном, но эти двое Иана не волновали — его беспокоила только судьба дуэта «Дункан и Миллер. Классика на кувшинах». Его интересовало только будущее, которое открылось перед ними, когда Эл снова согласился играть с ним; будущее, дверь в которое теперь решительно захлопнулась.

«Я должен был ожидать этого,— подумал Иан.— Было с самого начала ясно, что едва мы получим приглашение в Белый дом, тут же пожалуют энпэшники и сцапают Эла, положив конец всем надеждам. Невезение преследовало меня всю жизнь. Так почему же оно должно было оставить меня сейчас?»

Он продолжал смотреть в окно конторы.

«Если они взяли Эла,— подумал он,— пусть берут и меня».

Протолкавшись через кучку зевак, Иан ступил на территорию распродажи и подошел к ближайшему полицейскому.

— Уходите! — приказал ему облаченный в одежду серого цвета энпэшник.

— Арестуйте меня,— произнес Иан.— Я тоже замешан.

Полицейский выпучил глаза:

— Я сказал — убирайся!

Иан Дункан оторвал от земли ногу и заехал энпэшнику прямо в пах.

Тот с проклятиями полез в карман кителя и выхватил пистолет.

— Черт возьми, вы арестованы!

Лицо его сделалось зеленым.

— Что здесь происходит? — спросил подошедший к ним другой полицейский, видимо, чином повыше.

— Этот тип саданул меня в промежность,— сказал первый энпэшник, продолжая направлять на Иана пистолет и стараясь не показывать, как ему больно.

— Вы арестованы,— объявил Иану старший чин.

— Я знаю,— кивнул Иан.— Я хочу, чтобы меня арестовали. Но все равно, рано или поздно, тирания рухнет.

— Какая тирания, болван? — удивился старший чин.— Похоже, у тебя крыша поехала. Ничего, в тюрьме быстро вылечат.

Из конторы вышел Эл. Он был мрачнее тучи.

— Какого дьявола ты тут делаешь? — недовольно спросил он.

— Я буду вместе с тобой, мистером Конгросяном и Чиком Страйкроком. Я не собираюсь оставаться в стороне. Один черт, для меня все кончено.

Эл открыл было рот. Но тут в небе появился правительственный корабль, весь сверкающий серебром и золотом отделки, и с шумом пошел на посадку. Полицейские тотчас же стали разгонять толпу. Иан обнаружил, что его вместе с Элом оттеснили в один из углов распродажи, где они находились под угрюмыми взглядами двоих энпэшников, одного из которых он лягнул и который теперь, похоже, готов был отплатить Иану тем же.

Корабль совершил посадку, из него вышла молодая женщина. Это была Николь Тибодо. Как она была стройна и необычайно красива!.. Лука ошибался или просто лгал. Иан глядел на нее, широко разинув рот, а Эл удивленно хрюкнул и, вздохнув, сказал:

— С какой стати? Будь я проклят, что она здесь делает?

Сопровождаемая энпэшником явно высоченного ранга, Николь прошла через всю распродажу к конторе, поднялась по ступенькам, вошла внутрь и направилась к Ричарду Конгросяну.

— Это он ей нужен,— шепнул Эл.— Знаменитый пианист. Из-за него началась вся эта кутерьма.

Он достал свою трубку из корня алжирской эрики и кисет с табаком «Сэйл».

— Можно закурить? — спросил он у полицейского.

— Нет,— отрезал энпэшник,

Спрятав трубку и кисет, Эл удивленно воскликнул:

— Надо же, она удостоила своим вниманием «Пристанище драндулетов номер три»! Такого мне и в голову не могло прийти! — Он вдруг схватил Иана за плечо, сильно стиснул.— Я подойду к ней и представлюсь.

Полицейский и моргнуть не успел, а он уже мчался через распродажу, огибая драндулеты, и в мгновение ока исчез из виду. Энпэшник выругался в бессильной ярости и ткнул Иану под ребра дулом своего пистолета.

Мгновеньем позже Эл снова появился, у самого входа в крошечное здание конторы, где теперь находилась Николь, беседующая с Ричардом Конгросяном. Эл отворил дверь и оказался внутри.

— Но я же не могу играть у вас,— говорил Конгросян.— От меня исходит отвратительный запах! Вы слишком близко от меня стоите... Пожалуйста, Николь, дорогая, отодвиньтесь, ради Христа! — Он сам отпрянул от Николь и, заметив Эла, взмолился: — Почему вы так долго тянете с демонстрацией своих драндулетов? Почему нам нельзя стартовать немедленно?

— Прошу прощения,— произнес Эл и повернулся к Николь.— Меня зовут Эл Миллер. Я тут за все отвечаю.

Он протянул руку Николь. Она не обратила внимания на руку, но на него посмотрела.

— Миссис Тибодо,— продолжал Эл,— пусть этот человек улетает. Не останавливайте его. Он имеет право эмигрировать, если ему так хочется. Оставьте его в покое. Не превращайте людей в рабов.

Больше ему сказать было нечего. И он замолк. Сердце его учащенно билось. Насколько все-таки неправ оказался Лука. Николь была настолько прекрасна, насколько можно было вообразить. И вблизи она была такой же, какой он видел ее раньше, мельком, издали.

— Это не ваше дело,— сказала она.

— Мое-мое,— ответил Эл.— В самом прямом смысле. Этот человек — мой клиент.

Теперь и Чик Страйкрок обрел голос.

— Миссис Тибодо, это такая честь, такая невероятная честь...— голос его задрожал.

Чик судорожно сглотнул, но продолжить не смог. Тогда он отпрянул от Николь и застыл, как будто его вморозили в тишину. Или выключили.

Эл почувствовал отвращение.

— Я больной человек,— пробормотал Конгросян.

— Возьмите Ричарда с собой,— велела Николь высокопоставленному полицейскому, стоявшему рядом с нею.— Мы возвращаемся в Белый дом.— Она повернулась к Элу.— Ваша распродажа может работать дальше. Вы нас в этом смысле не интересуете. Хотя, может быть, в другой раз...— Она смотрела на него без злобы, но и без интереса. Как я и сказала...

— В сторону! — приказал Элу высокопоставленный энпэшник.— Мы уходим.

Он прошел мимо Эла, ведя Конгросяна за руку, деловито и крепко. Николь последовала за ними, засунув руки в карманы длинной шубки из леопардовой шкуры. Теперь она казалась задумчивой и тихой, полностью занятой мрачными мыслями.

— Я больной человек,— опять пробормотал Конгросян.

— Можно взять у вас автограф? — спросил вдруг Эл у Николь.

Это был импульс, бессознательная прихоть. Бессмысленная и тщетная.

— Что? — Николь озадаченно посмотрела на него. Потом расплылась в улыбке, показав ровные белоснежные зубы.— Боже мой! — сказала она и вышла из конторы вслед за важной шишкой из НП и Ричардом Конгросяном.

Эл остался рядом с Чиком Страйкроком, который все еще не оставил попытки подыскать слова, чтобы выразить обуревавшие его чувства.

— Похоже, не видать мне ее автографа,— сказал Эл.

— Ч-что вы т-теперь о ней д-думаете? — заикаясь, спросил Страйкрок.

— Она прекрасна,— ответил Эл.

— Да,— согласился Страйкрок.— Невероятно. Никогда бы не подумал, что доведется увидеть ее вот так, в реальной жизни. Это как чудо, вы со мною согласны?

Он шагнул к окну, чтобы еще раз полюбоваться Николь, идущей через все «Пристанище» к своему кораблю.

— Это же дьявольски легко,— сказал Эл,— влюбиться в такую женщину.

Он тоже внимательно глядел ей вслед. Как и все остальные, кто здесь находился, включая и группу энпэшников.

«Очень даже легко»,— подумал он.

А ведь он увидит ее снова. Скоро он — вместе с Ианом — будут играть перед нею на своих кувшинах. Или все изменилось?.. Нет, Николь специально подчеркнула, что никто не арестован, тем самым аннулировав все действия энпэшников. Он был волен и дальше держать тут «Пристанище». А копам придется убраться восвояси.

Эл раскурил трубку.

К нему подошел Иан Дункан: выполняя распоряжение Николь, полицейские отпустили и его.

— Что ж, Эл, она обошлась тебе в продажу драндулета.

— Мистер Страйкрок все равно его заберет,— сказал Эл.— Не так ли, мистер Страйкрок?

Чик Страйкрок ответил не сразу:

— Не так. Я передумал.

— Вот она,— заметил Эл,— сила очарования женщины...

И он выругался, громко и энергично.

— Ну что ж. В любом случае спасибо вам,— сказал Чик Страйкрок.— Возможно, я еще и загляну к вам, в другой раз. С той же целью.

— Вы просто дурак,— сказал Эл.— Вы позволили этой женщине так вас напугать, что отказались от решения эмигрировать.

— Возможно, и так,— согласился Чик.

Теперь, очевидно, уже не имело смысла переубеждать его. Это было ясно Элу. Как и Иану. Николь завоевала себе еще одного поклонника, хотя ее тут и не было, и некому было насладиться очередной победой. Впрочем, саму красавицу, пожалуй, эта победа мало интересовала.

— Вы вернетесь на работу? — спросил Эл.

— Разумеется,— кивнул Страйкрок.— Назад, к своим рутинным обязанностям.

— Тогда уж и точно никогда не заглянете сюда,— сказал Эл.— Вы несомненно упустили последний для себя шанс изменить ход своей жизни.

— Возможно, и так,— угрюмо повторил Чик Страйкрок.

С места он пока так и не сдвинулся.

— Удачи вам! — резко сказал Эл и пожал ему руку.

— Спасибо! — отозвался Чик Страйкрок без тени улыбки на устах.

— И все же почему? — спросил у него Эл.— Вы можете объяснить мне, почему она так воздействовала на вас?

— Не могу,— искренне ответил Страйкрок.— Я просто чувствую это. Это не поддается логическому объяснению.

— Ты испытываешь такие же чувства,— сказал Иан Дункан, обращаясь к Элу.— Я наблюдал за тобою. Я видел выражение твоего лица.

— Да ладно! — раздраженно бросил Эл.— Ну и что с того?

Он отошел к окну и, попыхивая трубкой, стал глядеть на припаркованные снаружи драндулеты.

* * *

«Интересно,— подумал Чик Страйкрок,— возьмет ли меня Мори назад? Может, уже слишком поздно, может, я сжег за собою все мосты?»

Из будки таксофона он позвонил на фабрику Мори Фрауэнциммеру. Затаив дыхание, прижал трубку к уху.

— Чик! — завопил Мори Фрауэнциммер, когда на экране возникло изображение.

Он просто сиял, светился торжествующей радостью, какой еще никогда не доводилось видеть Чику.

— Слушай, я так рад, что ты все-таки в конце концов нашелся! Возвращайся назад побыстрее, ради Христа, и...

— Что случилось? — удивился Чик.— Что происходит, Мори?

— Этого я не могу тебе сказать. Мы получили крупный заказ — вот и все, что я вправе сообщить тебе по видеофону. Я набираю людей со всех сторон. Мне трудно без тебя! Сейчас мне нужна помощь всех и каждого! Это как раз то, Чик, чего мы ждали все эти проклятые годы! — Мори, похоже, едва сдерживал слезы.— Как скоро ты сможешь оказаться здесь?

— Да очень даже скоро, я думаю,— все еще ничего не понимая, ответил Чик.

— Ох, вот еще что!..— спохватился Мори.— Звонил твой брат Винс. Пытается с тобой связаться. Он ищет работу. То ли Карп выкинул его, то ли он сам взял расчет... В любом случае, он повсюду тебя разыскивает. Ему хочется поступить к нам и работать с тобой вместе. И я сказал ему, что если ты его порекомендуешь...

— Конечно же,— рассеянно сказал Чик.— Винс — первоклассный специалист по конструированию эрзацев. Слушай, Мори, что за заказ ты получил?

На широком лице Мори появилось выражение таинственности.

— Об этом я расскажу тебе, как только ты окажешься здесь. Ясно? Так что поспешай!

— Я собирался эмигрировать,— признался Чик.

— Эмигрировать-хренигрировать!.. Теперь тебе это не потребуется. У нас началась новая жизнь. Честное слово!.. У тебя, у меня, у твоего брата, у всех! Я жду тебя!

Мори отключился. Экран погас.

«Наверное, это правительственный контракт,— подумал Чик.— Впрочем, что бы это ни было, Карп остался с носом. Именно поэтому Винс оказался без работы. И именно поэтому Винсу хочется работать у Мори — он *знает*. Мы теперь вместе с гехтами,— возликовал он.— Наконец-то, после столь долгого ожидания. И слава Богу, что я не успел эмигрировать. Я зацепился за это дело в самый последний момент. И наконец-то удача оказалась со мной!»

Это был самый лучший — и самый решающий — день в его жизни. День, который ему не забыть никогда. Как и его босс, Мори Фрауэнциммер, он был теперь абсолютно, безусловно и бесконечно счастлив.

Впоследствии он не раз будет обращаться в своих воспоминаниях к событиям этого дня.

Но сейчас он этого еще не знал.

Ведь у него не было доступа к аппарату фон Лессингера...

ГЛАВА 12

Чик Страйкрок откинулся на спинку сиденья и широко улыбнулся:

— Я не знаю, Винс. Надеюсь, мне удастся устроить тебя на работу к Мори. Хотя ручаться не могу.

Он полностью наслаждался ситуацией.

Они мчались по автобану в направлении к фирме «Фрауэнциммер Ассошиэйтес». Их машина проглатывала милю за милей, автоматическое управление действовало эффективно и безотказно; им нечего было волноваться об этом, и такая свобода предоставляла им великолепную возможность заниматься рассмотрением более важных вопросов.

— Вы ведь сейчас набираете людей самых разных профессий,— сказал Винс.

— Однако я ведь не босс,— сказал Чик.

— Ну так сделай все, что в твоих силах,— попросил Винс.— Хорошо? Я буду очень тебе благодарен. Карп теперь пойдет к разорению. Это совершенно ясно.

Выражение лица его сделалось очень странным, одновременно жалким и подлым, какого Чик раньше никогда не видел.

— Разумеется, любые твои условия будут мною приняты,— продолжал Винс.— Я не хочу доставлять тебе неприятности.

Подумав немного, Чик сказал:

— Я думаю, нам надо уладить свои дела в отношении Джули. Самое время заняться этим вопросом вплотную.

Голова Винса дернулась. Он уставился на Чика, лицо его перекосилось.

— Что ты имеешь в виду?

— Считай это одним из любых моих условий.

Винс надолго задумался. И наконец сказал тусклым голосом:

— Понимаю... Но... Ты ведь сам говорил...

— Да, я говорил, что она заставляет меня нервничать. Но теперь я чувствую себя в психологическом отношении более защищенным. Тогда я ждал увольнения. Теперь же я — сотрудник бурно растущей фирмы. И мы знаем это. Я причастен к этому росту, а это означает очень многое. Теперь я думаю, что сумею совладать с Джули. Фактически, я теперь обязан обзавестись женой. Это поможет мне обрести положение в обществе.

— Ты хочешь сказать, что намерен официально жениться на ней?

Чик кивнул. Наступила долгая тишина.

— Ладно,— сказал наконец Винс.— Оставь ее у себя. Я не буду слать в ваш адрес проклятий. Это твое дело. Главное, помоги мне устроиться к Мори Фрауэнциммеру. Это меня сейчас заботит больше всего.

Чику последние слова брата показались странными. Винс никогда раньше не относился к своей карьере настолько серьезно, чтобы не обращать внимания на остальные вопросы. И Чик взял себе на заметку: возможно, это что-то да значит.

— Я многое могу предложить Фрауэнциммеру,— продолжал тем временем Винс.— Например, мне случайно удалось узнать имя нового Дер Альте. Я подслушал кое-какие сплетни у Карпа перед тем, как ушел оттуда. Ты хочешь узнать это имя?

— Что? — недоуменно спросил Чик.— Чье имя?

— Нового Дер Альте. Или ты до сих пор не понял, что за контракт твой босс перехватил у Карпа?

Чик невозмутимо пожал плечами:

— Разумеется, понял. Просто я удивился.— В ушах его звенело от потрясения.— Знаешь,— с трудом вымолвил он,— мне как-то по фиг, пусть себе зовется даже Адольфом Гитлером ван Бетховеном.

Оказывается, Дер Альте был симом!

И Чик почувствовал себя просто великолепно, узнав *такую* новость. Этот мир, планета Земля, был прекрасным для жизни местом, и надо максимально использовать открывающиеся возможности. Особенно теперь, когда он, Чик, стал настоящим гехтом.

— Его назовут Дитером Хогбеном,— сказал Винс.

— Я уверен в том, что Мори это известно,— безразлично произнес Чик, однако внутри у него все колотилось.

Винс наклонился и включил радио:

— Об этом уже наверняка сообщили в новостях.

— Сомневаюсь, что это произойдет так скоро,— заметил Чик.

— Тише! — Его брат увеличил громкость.

Передавали выпуск новостей. Так что каждый живущий на территории СШЕА должен был все услышать. Чик испытал некоторое разочарование.

«...легкий сердечный приступ, по сообщениям врачей, произошел примерно в три часа ночи. Он вызвал опасения, что герр Кальбфляйш может не дожить до конца своего срока. Состояние сердечно-сосудистой системы Дер Альте сразу стало предметом различных спекуляций. Не исключено, что причина сбоев в работе сердца появилась еще в то время, когда»...

Винс убавил громкость, переглянулся с Чиком, и они вдруг разразились хохотом. Им все стало ясно.

— Это долго не продлится,— сказал Чик.

Старик уже был на пути к отставке, из которой не возвращаются. Началась информационная подготовка. Процесс пошел обычным курсом, и предугадать дальнейшее особого труда не составляло. Сперва сообщение о легком сердечном приступе или вообще о расстройстве желудка. Это вызывает в обществе потрясение, но одновременно и готовит людей к неотвратимому, помогает им свыкнуться с мыслью о неизбежном конце. С бефтами нельзя иначе, это уже стало традицией. И все изменения пройдут без особых потрясений. Как и раньше бывало.

«И все уладится,— подумал Чик.— Сменят Дер Альте, кому-то из нас достанется Джули, мы будем работать вместе с братом... И не останется нерешенных проблем, и не будет неприятностей».

И все же... Если предположить, что он бы все-таки эмигрировал. Где бы он был сейчас? В чем бы заключалась его жизнь? Он и Ричард Конгросян... колонисты на далекой планете. Нет, размышлять над этим было ни к чему, ибо он сам все спустил на тормозах. Он не эмигрировал, а теперь момент, когда следовало делать выбор, уже прошел. И Чик отбросил мысли об этом и вернулся к неотложным делам.

— Ты должен понять, что работа на небольшом предприятии выглядит совсем по-иному, чем работа в картеле,— сказал он Винсу.— Эта анонимность, эта безликая бюрократия...

— Тише! — перебил его Винс.— Еще один бюллетень.

Он снова прибавил громкости.

— ...Исполнение его обязанностей на время болезни возложено на вице-президента. Иные перемены будут сделаны позже. Тем временем состояние Руди Кальбфляйша...

— Много времени нам, пожалуй, не дадут,— сказал Винс, хмурясь и нервно покусывая нижнюю губу.

— Мы сумеем справиться с этим заданием,— ответил Чик.

Он совсем не волновался. Мори знает, что делать. И своего он не упустит, особенно теперь, когда ему дали шанс.

Неудача сейчас, когда предстоят такие перемены, просто немыслима. Ни для кого из них.

Боже, представить только — он начал беспокоиться об этом!

* * *

Сидя в огромном кресле с голубой обивкой, рейхсмаршал думал над предложением Николь. Сама она, потягивая остывший чай, молча ждала. Они находились в гостиной с лотосами.

— То, о чем вы просите,— сказал наконец Геринг,— это ничто иное, как нарушение нашей присяги Адольфу Гитлеру. Похоже, вы до конца так и не поняли принцип фюрерства, принцип «культа вождя». Если не возражаете, я постараюсь объяснить его вам. К примеру, представьте себе корабль, на котором...

— Мне не нужны лекции,— оборвала его Николь.— Мне нужно решение. Или вы не в состоянии принять его? Неужели вы потеряли способность решать?

— Но, сделав это, мы станем ничуть не лучше участников июльского заговора,— сказал Геринг.— Фактически нам придется подбросить бомбу точно так же, как это сделали они или, вернее, еще сделают, что бы это ни значило.— Он устало потер лоб.— Я нахожу это в высшей степени трудным. К чему такая поспешность?

— Потому что я хочу, чтобы все пришло в порядок.

Геринг тяжело вздохнул:

— Вы знаете, у нас в нацистской Германии самой большой ошибкой стала неспособность направить в нужное русло способности женщин. По сути, их роль в жизни сводилась только к спальне и кухне. Они оказались не востребованы ни в военном деле, ни в сфере управления или производства, ни в аппарате партии. Наблюдая за вами, я теперь понимаю, какую ужасную ошибку мы допустили.

— Если вы не примете решение в ближайшие шесть часов,— сказала Николь,— я прикажу вернуть вас в эру Варварства, и любое соглашение между нами...— она сделала резкий жест рукой, и у Геринга возникло предчувствие конца.

— Я просто не располагаю полномочиями...— начал он.

— Послушайте! — Николь резко наклонилась к нему.— Вам бы лучше ими располагать!.. О чем, интересно, вы думали... какие мысли возникли у вас, когда вы увидели свой раздувшийся труп в тюремной камере в Нюрнберге? У вас есть выбор: или *это*, или взять на себя полномочия, чтобы вести со мной переговоры.— Она откинулась на спинку кресла и отпила из чашки уже окончательно остывшего чаю.

— Я...— хрипло сказал Геринг,— еще подумаю над этим. Дайте мне еще несколько часов. Благодарю вас за возможность совершить путешествие во времени. Лично я ничего не имею против евреев. Мне бы очень хотелось...

— Вот и захотите! — Николь поднялась.

Рейхсмаршал остался сидеть, погрузившись в тяжелые размышления. По всей вероятности, он даже не заметил, что Ни-

коль встала. Она удалилась из гостиной, оставив немца в полном одиночестве.

«До чего же мерзкий и презренный тип! — думала она.— Развращен властью, потерял всякую способность к инициативе!.. Стоит ли удивляться, что они проиграли войну. Подумать только, в первую мировую войну он был доблестным летчиком-асом! Он был одним из участников знаменитого Воздушного цирка Рихтгофена[1] и летал на крохотном аэроплане, сооруженном из дерева и проволоки. Трудно поверить, что это один и тот же человек...»

Через окно Белого дома она увидела толпу за воротами. Эти зеваки собрались здесь из-за «болезни» Руди. Николь улыбнулась. Добровольная стража у ворот, этакий почетный караул! Отныне они будут торчать здесь круглые сутки, будто в очереди за билетами на турнир мировой серии, пока Кальбфляйш не «отправится на тот свет». А затем безмолвно разойдутся. Одному Богу известно, почему приходят сюда эти люди. Неужели им просто больше нечем заняться? Она уже много раз задавалась этим вопросом. Интересно, это одни и те же люди? Над этим стоило бы подумать...

Она свернула за угол... и столкнулась нос к носу с Бертольдом Гольцем.

— Я поспешил сюда, как только услышал о случившемся,— лениво сказал Гольц.— Выходит, старик отслужил свой срок, и ему пора на свалку. Недолго он продержался, очень недолго! А заменит его герр Хогбен — мифический, не существующий в реальной жизни конструкт с очень подходящим именем. Я побывал на заводе Фрауэнциммера, там пыль столбом и дым коромыслом.

— Что вам здесь нужно? — резко спросила Николь.

Гольц пожал плечами:

— Да хотя бы поговорить с вами. Мне всегда нравилось поболтать с вами. Однако на сей раз у меня есть вполне определенная цель: предупредить вас. «Карп унд Зоннен» уже обзавелись агентом в «Фрауэнциммер Верке».

— Мне известно об этом,— сказала Николь.— И не добавляйте к фирме Фрауэнциммера словечко «Верке». Слишком это ничтожное предприятие, чтобы именоваться картелем.

— Картелю совсем не обязательно быть огромным. Главное — является ли данное предприятие монополистом, у которого нет

---

[1] Неофициальное название истребительного полка, укомплектованного лучшими немецкими асами, под командованием ротмистра Манфреда фон Рихтгофена.

конкурентов. «Фрауэнциммер» этими качествами обладает... А теперь, Николь, послушайте-ка меня. Прикажите своим Лессингер-спецам просмотреть все будущие события, участниками которых станут сотрудники Фрауэнциммера. В течение двух следующих месяцев как минимум. Я думаю, вы будете премного удивлены. Карп вовсе не намерен сдаваться так легко — вам бы следовало подумать об этом.

— Мы держим ситуацию под...

— Нет, не держите! — перебил ее Гольц.— Нет у вас никакого контроля! Загляните в будущее, и сами убедитесь в этом. Вы стали умиротворенной, как большая жирная кошка.— Он увидел, что она коснулась тревожной кнопки, замаскированной под ожерелье, и широко улыбнулся.— Тревога, Никки? *Из-за меня?* Ладно, мне, пожалуй, самое время прогуляться... Кстати, примите мои поздравления в связи с тем, что вам удалось остановить Конгросяна и не дать ему эмигрировать. Это был удачный ход с вашей стороны. Однако... вам об этом пока еще ничего не известно, но ловушка, которую вы устроили Конгросяну, ведет ко многим весьма неожиданным для вас осложнениям. Пожалуйста, воспользуйтесь своим аппаратом фон Лессингера — в ситуациях, подобных нынешней, это настоящий подарок.

В конце коридора появились двое энпэшников в сером. Николь энергично махнула рукой, и они тут же схватились за пистолеты.

Гольц зевнул и исчез.

— Он ушел! — обвинительным тоном сказала Николь, когда охранники приблизились.

Разумеется, Гольц ушел. Другого она и не ожидала. Но по крайней мере с его исчезновением, прекратился и столь неприятный для нее разговор.

«Нам нужно вернуться назад, в те времена, когда Гольц был ребенком,— подумала Николь.— И уничтожить его. Впрочем, Гольц наверняка предусмотрел такой вариант. Он уже давным-давно побывал там, и в день своего рождения, и попозже, в своих детских годах. И уберег себя, и подготовил себя, и взял себя под опеку. С помощью аппарата фон Лессингера этот чертов Бертольд Гольц стал сам себе Аристотелем[1], и потому юному Гольцу вряд ли удастся преподнести неожиданность.

Преподнести неожиданность — эту возможность фон Лессингер из политики практически изгнал. Все теперь было чистыми

[1] Аристотель был воспитателем Александра Македонского.

причинами и следствиями. По крайней мере, Николь так надеялась.

— Миссис Тибодо,— уважительно сказал один из энпэшников.— С вами тут хочет встретиться один человек из «АГ Хеми». Некто мистер Меррилл Джадд. Мы пропустили его.

— Хорошо,— кивнула Николь.

Она сама назначила ему встречу: у Джадда были какие-то свежие идеи в отношении того, как вылечить Ричарда Конгросяна. Психохимиотерапевт направился в Белый дом, как только узнал о том, что Конгросяна нашли.

— Спасибо,— сказала она и направилась в гостиную с калифорнийскими маками, где должна была встретиться с Джаддом.

«Будь они прокляты, эти Карпы, Антон и Феликс! — думала она, спеша по устланному коврами коридору.— Предположим, они действительно намерены сорвать создание Дитера Хогбена... Возможно, Гольц прав: *нам и в самом деле пора объявить Карпам войну!* Но ведь они очень сильны. И очень хитроумны. И в области интриг дадут сто очков даже мне...— Она оглянулась на сопровождающих ее охранников, и те изобразили на физиономиях готовность жизнь положить за мать-командиршу.— Что же имел в виду Гольц, говоря, что меня ждут осложнения после возвращения Ричарда Конгросяна? Может, это связано с Чокнутым Лукой? Вот и еще один интриган, ничуть не лучше Карпов или Гольца! Вот и еще один бандит и нигилист, нагуливающий жирок за государственный счет! Как же все в жизни усложнилось! А тут еще незавершенное соглашение с Герингом, затмевающее собой все остальное. Рейхсмаршал никак не может решиться, да и не решится, и вся эта затея так и останется затеей, а его нерешительность остановит уже запущенный процесс, игру, в которой на кон поставлено почти все. Нет, если Геринг не примет решения к сегодняшнему вечеру...— Она снова оглянулась на охранников.— Если он так и будет жевать сопли, то окажется в своем прошлом уже к восьми часам вечера. И будет одним из главных виновников военного поражения Германии, что в самом скором времени — и это ему известно — будет стоить ему не только жира, но и жизни».

Впереди уже виделся конец коридора, и пора было переключать свои мысли на другую проблему.

«Я позабочусь, чтобы Геринг получил по заслугам,— подумала Николь.— Как и Гольц, и Карпы. Все эти сволочи, включая и Чокнутого Луку. Но добиваться своего надо последовательно, шаг за шагом. И сейчас главным шагом, главной проблемой является Конгросян».

Она стремительно шагнула в гостиную с калифорнийскими маками, где ее приветствовал Меррилл Джадд, психохимиотерапевт концерна «АГ Хеми».

* * *

Иану Дункану приснился ужасный сон. Отвратительная старуха драла его зеленоватыми корявыми когтями, а он скулил и пытался что-то делать — он и сам не понимал, что именно, ибо не мог сообразить, чего она хочет. Из зубастого рта старухи сбегала слюна, текла по подбородку. Иан изо всех сил боролся, пытаясь освободиться, убежать от старухи...

— Ради Бога! — Злой голос Эла прорвался к нему в сознание, с трудом сокрушив бастионы сна.— Да проснись ты! Нам пора сниматься с якоря, мы должны быть в Белом доме меньше чем через три часа.

«*Николь,*— понял вдруг Иан, ощущая слабость во всем теле.— Это она была во сне. Старая и увядшая, с мягкими сморщенными грудями, но тем не менее она».

— О'кей,— пробормотал он, с трудом поднимаясь на ноги.— Черт возьми, я совсем не хотел спать здесь. И уже поплатился, Эл. Я видел Николь в ужасном сне. Слушай, может, она и в самом деле стара? Мало ли что мы видели! Может, это был фокус, одно только изображение. Я...

— Нам скоро выступать,— сказал Эл.— Играть на кувшинах.

— Я бы этого не пережил! — Иан Дункан как будто не слышал приятеля.— Моя способность приспосабливаться не бесконечна. Это же кошмар какой-то! Лука управляет папулой, а Николь может оказаться старухой... Есть ли смысл продолжать? Не лучше ли видеть ее только на экране телевизора? Мне бы этого вполне хватило. Я хочу ее изображение. О'кей?

— Нет,— сказал Эл.— Мы должны пройти до конца. И помни, ты всегда можешь эмигрировать на Марс, у нас есть такая возможность.

Распродажа уже направлялась в сторону Восточного побережья, к Вашингтону, округ Колумбия

Когда они приземлились, их встретил Гарольд Слезак, полный, приветливый маленький человечек. Он обменялся с ними рукопожатиями и повел к служебному входу Белого дома.

— Ваша программа претенциозна,— сказал он,— но вы можете исполнить ее здесь перед нами. Я имею в виду Первую Семью, а в особенности саму Первую Леди, которая активно интересуется всеми формами оригинального искусства. Согласс-

но вашим биографическим данным, вы знакомились с примитивными записями кувшиновых ансамблей, сделанными в начале прошлого века. Так что вы — подлинные кувшинисты. Однако исполняете вы классическую музыку, а не народную.

— Да, сэр,— сказал Эл.

Они миновали энпэшников, охраняющих служебный вход, и оказались в длинном пустом коридоре, освещенном бра, выполненными в виде подсвечников.

— А не могли бы вы исполнить хотя бы *одно* народное произведение? — спросил Слезак.— Мы бы предложили, к примеру, рокабилли «Моя Сара Джейн». Есть оно в вашем репертуаре?

— Есть,— коротко сказал Эл, и по его лицу промелькнуло отвращение.

— Прекрасно,— сказал Слезак.— А могу я спросить, что это за существо с вами? — Он без энтузиазма посмотрел на папулу, которую держал на руках Эл.— Неужели оно *живое?*

— Это священное животное нашего тотема,— сказал Эл.

— Вы имеете в виду амулет? Талисман?

— Именно,— сказал Эл.— Она приносит нам удачу.— Он погладил голову папулы.— А кроме того, она принимает участие в нашем выступлении. Мы играем, она танцует. Знаете, как обезьянка.

— Черт меня возьми! — К Слезаку вернулся его энтузиазм.— Понимаю. Николь будет восхищена, она любит мягкие пушистые вещи.— Он открыл перед гостями дверь.

А за дверью сидела она.

«Как же Лука мог так ошибаться?» — потрясенно подумал Иан Дункан.

Она была даже прекраснее, чем там, на распродаже. И от собственного изображения на экране телевизора тоже отличалась. Это было кардинальное различие, оно определялось не разумом, а чувствами, и эти чувства говорили о ее невероятной подлинности, если можно было так выразиться. Она была в линялых хлопчатобумажных брюках синего цвета, в мокасинах (какими крошечными оказались ее ножки!) и в белой рубашке, полурасстегнутой, так что он мог видеть — или вообразил, что видит — ее загорелую, гладкую кожу.

«Насколько она хороша в неофициальной обстановке!» — подумал Иан.

В ней не было ни притворства, ни тщеславия. Ее волосы были коротко подстрижены, и эта прическа подчеркивала красоту шеи и очаровательных ушек.

Иан просто не мог отвести от нее глаз.

«Да она же чертовски молода! — подумал он.— Ей же и двадцати нет... Интересно, помнит ли она меня. Или Эла».

— Николь,— сказал Слезак.— Вот они... Классика на кувшинах.

Она глянула искоса — читала «Таймс».

И улыбнулась приветливо.

— Добрый день! — сказала она.— Не желаете ли ленч? Мы можем предложить вам канадский бекон, масло и кофе.

Ее голос странным образом шел откуда-то сверху, чуть ли не с потолка. Иан поднял голову, увидел несколько динамиков и только тут сообразил, что Первую Леди отделяет от них стеклянный или пластмассовый защитный экран. Он почувствовал жестокое разочарование, но все же понял, что экран был необходим. А если с нею что-нибудь случится!..

— Мы ели, миссис Тибодо,— сказал Эл.— Большое спасибо! — Он тоже глядел на динамики.

«*Мы ели миссис Тибодо,*— мелькнуло в безумном мозгу Иана Дункана.— А разве не так? Разве она, сидя здесь в синих хлопчатобумажных штанах и рубашке, разве она не пожирает *нас?* Странная мысль...»

— Ой, смотрите,— сказала Николь Гарольду Слезаку.— У них же папула! Ой, какая она забавная! — Она повернулась к Элу: — Можно мне посмотреть на нее поближе? Пусть она подойдет ко мне.

Николь подала кому-то сигнал, и прозрачная стена начала подниматься.

Эл отпустил папулу, и та прошмыгнула под защитным барьером. Николь подняла ее сильными руками и пристально посмотрела на папулу, как будто пыталась высмотреть что-то у нее внутри.

— Проклятье! — сказала она.— Это же всего-навсего игрушка! Она неживая!

— Они все вымерли,— объяснил Эл,— насколько нам известно. Но это — очень точная модель, спроектированная по окаменелостям, найденным на Марсе.

Он шагнул в ее сторону. Барьер резко опустился на место. Эл оказался отрезанным от папулы и замер, глупо разинув рот. Потом инстинктивно коснулся пульта управления на поясе. Папула выскользнула из рук Николь и неуклюже спрыгнула на пол. Николь изумленно вскрикнула, ее глаза просто засветились.

— Вы хотите такую, Никки? — спросил Гарольд Слезак.— Мы можем заказать вам, даже несколько...

— Что это она делает? — перебила его Николь.

— Она танцует, мэм. Когда они играют, она танцует... Верно, мистер Дункан? Может быть, вы сыграете что-нибудь покороче, продемонстрируете миссис Тибодо ваше искусство? — Он энергично потер руки, кивая Иану и Элу.

— Конечно,— сказал Эл, и они с Ианом посмотрели на друг друга.— Мы могли бы сыграть короткую вещь Шуберта, аранжировку квинтета «Форель».— О'кей, Иан, начнем.— Он расстегнул чехол, снял его с кувшина и неловко взял инструмент в руки.

Иан последовал его примеру.

— Эл Миллер, первая партия,— сказал Эл.— И мой партнер Иан Дункан, вторая партия. Предлагаем вам концерт классических произведений. Сначала немного Шуберта.

И пошло.

Па-па-па... Па-па... Па-а-а-па, ти-па-па... Ти-ти-ти-ти-ти-и-и...

— Я вспомнила, где видела вас обоих,— сказала вдруг Николь.— В частности, вас, мистер Миллер.

Опустив кувшины, они с тревогой ждали продолжения.

— В «Пристанище драндулетов»,— сказала Николь,— когда я прилетела за Ричардом. Вы говорили со мной. Вы просили, чтобы я оставила Ричарда в покое.

— Да,— признал Эл.

— Неужели вы решили, что я не запомню вас? — спросила Николь.

— Вы же видите так много людей...

— Однако у меня хорошая память,— сказала Николь.— Даже в отношении тех, кто не занимает высоких должностей. Вы должны были ждать приглашения сюда не так скоро... или, возможно, вас это не интересует.

— Нас это интересует,— сказал Эл.— Еще как интересует!

Она некоторое время изучала его лицо.

— Музыканты — забавные люди,— сказала она наконец.— Я обнаружила, что они думают совсем не так, как остальные. Они живут в мире фантазий. И Ричард тоже. Он — большой безобразник. Зато лучший из музыкантов Белого дома. Возможно, так оно и должно быть, я не знаю. Этот парадокс стоило бы как следует изучить... Ладно, продолжайте ваше выступление.

— О'кей,— сказал Эл, бросив быстрый взгляд на Иана.

— Ты заявил ей такое? — пробормотал Иан.— Попросил ее оставить Конгросяна в покое? Ты не говорил мне об этом.

— Я думал, ты знаешь. Ты же там был. Я думал, ты слышал мои слова.— Эл пожал плечами.— Во всяком случае, я действительно не думал, что она запомнит меня.

Очевидно, сей факт все еще казался ему невозможным — лицо Эла было лабиринтом недоверия.

Они начали играть еще раз.

Па-па-па... Па-па... Па-а-а-па...

Николь хихикнула.

«Мы потерпели неудачу,— испугался Иан.— Боже, что может быть хуже? Мы просто клоуны...»

Он прекратил играть.

Эл не последовал его примеру. Лицо его покраснело от усилий, щеки раздувались. Казалось, он не замечал, что Николь прикрывает рукой кривящийся рот, что их музыкальные потуги всего-навсего веселят ее. Эл доиграл свою партию до конца и только потом опустил кувшин.

— Папула...— Николь с трудом сдерживала смех.— Она не танцевала. Ни малейшего движения... Почему? — И она снова расхохоталась, не в силах сдержаться.

— Я не управляю ею,— сказал Эл деревянным голосом.— Ею управляют издалека.— Он повернулся к Иану.— Лука все еще контролирует ее... Лучше станцуй! — крикнул он папуле.

— Ох, это просто потрясающе! Понимаете? — Николь повернулась к женщине, которая только что присоединилась к ней (это была Джанет Раймер — Иан узнал ее).— Ему приходится *просить* эту штуку станцевать... Танцуй, кем бы ты ни была, папулой с Марса или движущейся куклой.— Николь толкнула папулу носком мокасина.— Шевелись, подделка! Мы все тебя просим.— Она толкнула папулу сильнее.

И тут папула прыгнула на нее. И укусила.

Николь закричала.

Раздался выстрел, и папула разлетелась на куски. Возле Николь возник охранник с винтовкой в руках, не сводящий глаз с останков папулы. Лицо его было спокойно, но руки и винтовка дрожали.

Эл начал ругаться, будто учил слова песни, повторив одно и то же три или четыре раза. Потом он сказал:

— Это сделал Лука. Отомстил. Нам конец.— Он выглядел теперь старым, измученным и потасканным.

Он начал запихивать кувшин в чехол, прерывистыми механическими движениями, шаг за шагом.

— Вы арестованы! — За спиной у них появился еще один охранник.

— Ну разумеется,— сказал Эл, бессмысленно тряся головой.— Мы не имеем к случившемуся никакого отношения, так что арестуйте нас.

С помощью Джанет Раймер Николь поднялась на ноги и направилась к Элу и Иану. Перед прозрачным барьером она остановилась.

— Она укусила меня, потому что я смеялась? — спросила она тихим голосом.

Слезак стоял, вытирая лоб. Он не сказал ничего, он просто невидяще смотрел на них.

— Простите меня,— сказала Николь.— Я рассердила ее, не так ли? Какая досада! Мы бы получили от вашего выступления истинное удовольствие. Сегодня вечером после обеда.

— Это сделал Лука,— сказал ей Эл.

— «Лука»...— Николь некоторое время смотрела на него непонимающе.— Ах да, верно, он — ваш работодатель.— Она повернулась к Джанет Раймер.— Полагаю, надо бы арестовать и его. Вы так не считаете?

— Как скажете...— Джанет Раймер была бледна и перепугана.

— Затея с кувшинами была прикрытием для покушения,— продолжала Николь.— Это преступление против государства. Нам надо заново продумать систему приглашения исполнителей. Возможно, она с самого начала была ошибочной. Она открывает сюда свободный доступ всякому, кто имеет враждебные намерения по отношению к нам... Мне жаль.— Теперь она выглядела грустной. Стиснув руки, она качалась взад-вперед, погруженная в раздумья.

— Николь, поверьте мне...— начал было Эл.

— Я — не Николь,— сказала она, будто вглядываясь в себя.— Не зовите меня этим именем. Николь Тибодо умерла много лет назад. Я — Кейт Руперт, четвертая по счету, кто занимает ее место. Я — всего лишь актриса, достаточно похожая на Николь, чтобы исполнять эту работу. И порой, когда случается подобное сегодняшнему, я жалею, что у меня такая работа. Я не имею никакой реальной власти, в полном смысле слова. Управляет Совет... Я никогда не встречаюсь с ними. Они не интересуются мной, а я ими. Так что даже если бы попытка удалась...

Наступила долгая пауза.

В конце концов ее прервал Эл:

— Как... много попыток было на вашей жизни?

— Шесть или семь,— сказала Николь.— Я забыла. Причина всегда в психологии. Эдипов комплекс или что-либо подобное. Меня это заботит.— Она повернулась к энпэшникам, которых теперь было тут пруд пруди. И сказала, указывая на Эла и Иана: —

Мне кажется, они не знали о том, что произойдет. Возможно, они и не виноваты.— Она подошла к Гарольду Слезаку и Джанет Раймер.— Разве обязательно их уничтожать? Почему бы не уничтожить часть их памяти и не отпустить? Почему не принять такое решение?

Слезак глянул на Джанет Раймер и пожал плечами:

— Ну, если вы хотите так...

— Да,— сказала Николь.— Я хочу так. Так мне будет легче. Переправьте их в Бетесду, в медицинский центр, и после всего отпустите. А теперь давайте продолжать. Пригласите следующих исполнителей.

Энпэшник ткнул Иана стволом в спину:

— В коридор!

— Да,— пробормотал Иан, забирая кувшин.

«Ничего не понимаю...— подумал он.— Эта женщина в действительности, не Николь. Хуже того, никакой Николь вообще нет. Есть всего лишь образ, созданный телевидением и другими средствами массовой информации. А за этим образом прячется группа истинных правителей. Корпоративный орган власти. Но кто они и как получили эту власть? И как долго обладают ею? Узнаем ли мы об этом хоть когда-нибудь? Узнать-то осталось не так уж и много. Реальность прячется за иллюзиями, всю жизнь от нас скрывают тайны. Разве они не могут сообщить нам остальное? Вряд ли. Да и какая разница теперь?»

— Прощай! — сказал ему Эл.

— Ч-что? — испугался Иан.— Почему ты так говоришь? Они собираются отпустить нас, не так ли?

— Мы не будем помнить друг друга,— сказал Эл.— Честное слово! Нам не оставят воспоминаний, связанных с покушением. Так что...— Он протянул руку.— Так что прощай, Иан! Все-таки мы выступили в Белом доме, верно? Ты все забудешь, но это не перестанет быть правдой: мы выступили.— Он криво усмехнулся.

— Шагайте! — сказал энпэшник.

Все еще держа в руках кувшины (зачем?), Эл Миллер и Иан Дункан пошли по коридору к выходу, возле которого их ждал черный медицинский фургон.

* * *

Был вечер. Иан Дункан обнаружил себя на пустынном перекрестке, замерзший и дрожащий, рядом с остановкой городского общественного транспорта.

«Что я тут делаю? — изумленно спросил он себя и посмотрел на часы: было восемь.— Я должен быть на собрании в честь Дня поминовения, не так ли? Мне нельзя отсутствовать еще раз. Пропустить два собрания подряд — это ужасно. Надо бежать домой».

Родной «Авраам Линкольн», со всеми его башенками и окнами, находился совсем недалеко, и Иан поспешил к нему, дыша глубоко и пытаясь держать хороший темп.

«Надеюсь, собрание еще не закончилось»,— подумал он.

Однако окна зала собраний были уже темны.

«Черт побери!» — подумал Иан с отчаянием.

— Собрание в честь Дня поминовения закончилось? — спросил он, когда на входе в здание у него проверяли идентификат.

— Вы слегка напутали, мистер Дункан,— сказал Винс Страйкрок.— День поминовения был вчера. Сегодня — пятница.

«Что-то тут не так»,— подумал Иан. Но спорить не стал, просто кивнул и поспешил к лифту.

Едва он вышел из лифта на своем этаже, его окликнули:

— Эй, Дункан!

Это был сосед по имени Корли, которого он едва знал. Поскольку подобная неожиданная встреча могла быть небезопасна, Иан приблизился к нему с осторожностью.

— Что случилось?

— Слушайте меня,— сказал Корли быстро и опасливо.— Вы провалили последний релпол-тест. Вас собираются разбудить завтра в пять или шесть утра и устроить неожиданное тестирование.— Он глянул сначала в один конец коридора, потом в другой.— Изучите конец тысяча девятьсот восьмидесятых, а в частности религиозно-коллективистские движения. Ясно?

— Да,— с благодарностью сказал Иан.— Большое спасибо!.. Может быть, я сумею когда-нибудь и вам...— он осекся, так как Корли нырнул назад, в свою квартиру, и закрыл дверь.

Иан остался один.

«Безусловно, это очень любезно с его стороны,— подумал он, идя по коридору.— Пожалуй, он спасает меня, предупредив об угрозе принудительного выселения».

Очутившись в своей квартире, он устроился поудобнее и обложился всеми имевшимися у него справочниками по политической истории Соединенных Штатов.

«Я буду учиться всю ночь,— решил он.— Потому что я должен справиться с этим тестом. У меня просто нет иного выбора».

Чтобы не заснуть, он включил телевизор и тотчас же ощутил, как от экрана, на котором возникла Первая Леди, заструилось знакомое, милое, сердечное тепло.

— ...а музыкальную программу сегодняшнего вечера,— сказала Николь,— открывает квартет саксофонистов, который исполнит темы из опер Вагнера и, в частности, из моей самой любимой, из «Мейстерзингеров». Я полагаю, что мы все получим большую пользу и, конечно же, духовно обогатимся. А после этого, решила я, перед вами снова предстанет ваш давний любимец, всемирно известный виолончелист Генри Леклерк, который исполнит произведения Джерома Керна и Коула Портера.

Она улыбнулась, и Иан Дункан, окруженный армией справочников, улыбнулся ей в ответ.

«Интересно,— подумал он,— каково это, играть в Белом доме? Что это значит — выступать перед Первой Леди? Жаль, что я так и не выучился играть ни на одном музыкальном инструменте. Я не умею ни играть в пьесах, ни писать стихи, ни петь или танцевать... Ничего. Был бы я из музыкальной семьи, если бы отец или мать научили меня...»

Он хмуро нацарапал несколько строк о взлете французской христианско-фашистской партии в 1975 году. Но его словно за уши тянули к телевизору, и, отложив в сторону ручку, он повернулся лицом к экрану.

Николь показывала дельфтскую изразцовую плитку, которую ей удалось отыскать в одной из лавок в Швайнфурте, Германия. Какие у этой плитки прелестные, чистые цвета!.. Иан глаз не сводил с экрана, зачарованный тем, как сильные, изящные пальцы Николь нежно гладили солнечную поверхность обожженной глазури.

— Полюбуйтесь на эту плитку,— говорила Николь своим бесподобным хрипловатым голосом.— Неужели вам бы не хотелось иметь такую вещицу? Разве она не прелестна?

— Прелестна,— прошептал Иан Дункан.

— Сколько из вас хотели бы увидеть ее когда-нибудь еще? — спросила Николь.— Поднимите руки.

Иан с надеждой поднял руку.

— О-о, как вас много! — Лицо Николь расцвело сияющей улыбкой.— Ну что ж, возможно, позже мы еще пройдемся по Белому дому. Вам бы этого хотелось?

— Еще как хотелось бы! — вскричал Иан, подпрыгивая от восторга.

Ему казалось, что она улыбается с экрана только ему и никому больше. И он улыбнулся в ответ. А затем, ощущая гигантскую тяжесть, навалившуюся на душу, вернулся к своим справочникам. Назад, к жестокости бесконечных будней...

Что-то стукнуло в окно его комнаты, послышался тихий голос:

— Иан Дункан, у меня очень мало времени!

Оглянувшись, он увидел в вечернем полумраке парящую в воздухе яйцеобразную конструкцию. Внутри находился какой-то мужчина, энергично машущий руками и продолжающий звать Иана. Яйцо издавало негромкое гудение, его двигатели сбавили мощность, человек ударом ноги открыл люк аппарата и поднялся с сиденья.

«Неужели они уже прибыли проводить тест,— подумал Иан Дункан, беспомощно встал.— Так скоро... Я еще не готов».

Человек развернул свой аппарат так, что огненно-белые струи ракетных двигателей воткнулись прямо в стену здания. Комната задрожала, посыпалась облицовка стен. Стекло от жара лопнуло. Человек возник в проеме и крикнул, пытаясь привлечь внимание обалдевшего Иана.

— Эй, Дункан! Поторапливайтесь! Я уже забрал вашего дружка! Он на борту другого корабля!

Мужчина был уже немолод, на нем был дорогой несколько старомодный костюм из натуральной ткани синего цвета в полоску. Незнакомец ловко выпрыгнул из яйцеобразного аппарата и приземлился на обе ноги в комнате Иана.

— Нам надо торопиться, если мы намерены сделать это. Неужели вы меня совсем не помните?.. А Эла?

Иан Дункан изумленно глядел на незваного гостя, не имея ни малейшего понятия ни о нем, ни об Эле.

— Мамины психологи неплохо с вами поработали! — Мужчина задыхался.— Эта Бетесда — стоящее, видно, местечко.— Он подошел к Иану и схватил его за плечо.— Энпэшники закрывают все «Пристанища драндулетов». Мне необходимо срочно переправить свое хозяйство на Марс, и я беру вас с собой. Попытайтесь собраться. Меня зовут Чокнутый Лука. Сейчас вы меня не помните, но память к вам вернется, когда мы все окажемся на Марсе и вы снова встретитесь со своим дружком Элом. Шевелитесь!

Лука подтолкнул его к проему, который всего несколько минут назад был окном, и к аппарату, зависшему рядом.

«Это же и есть драндулет»,— сообразил вдруг Иан.

— О'кей,— сказал он, пытаясь разобраться, что следует взять с собой.

Что ему может понадобиться на Марсе? Зубная щетка, пижама, зимнее пальто? Он в отчаянии оглядывал квартиру.

Где-то вдалеке ожили полицейские сирены.

Лука забрался назад, в кабину драндулета и протянул Иану руку. Тот схватился за руку и последовал за попутчиком. По

полу драндулета, к изумлению Иана, ползали ярко-оранжевые, смахивающие на огромных божьих коровок существа, чьи антенны сразу же повернулись в его сторону.

«Это папулы,— вспомнил Иан. Или что-то вроде этого».

— Вам теперь будет очень хорошо,— мысленно сказали папулы.— Не волнуйтесь! Чокнутый Лука успел вовремя прилететь за вами, Очень, очень вовремя. Так что расслабьтесь.

— Да,— согласился Иан.

Он прилег, прислонившись к задней стенке драндулета, и расслабился. И корабль рванулся в бездну ночи, направляясь к планете, которая летела впереди.

ГЛАВА 13

— Мне очень хочется покинуть Белый дом,— зло сказал Ричард Конгросян энпэшникам, охранявшим его.

Он все более раздражался, им все более завладевали опасения. Он старался держаться как можно дальше от комиссара Пэмброука. Это ведь Пэмброук заправлял здесь всем...

— Мистер Джадд, психохимиотерапевт из «АГ Хеми», должен появиться с минуты на минуту,— сказал Уайлдер Пэмброук.— Так что, пожалуйста, потерпите еще немного, мистер Конгросян.

Голос его был спокоен, но совсем не успокаивал. Присутствовала в нем некоторая жесткость, все больше и больше действовавшая Конгросяну на нервы.

— Это же невыносимо! — воскликнул Конгросян.— Вы ни на секунду не спускаете с меня глаз. Я терпеть не могу, когда за мною следят. Неужели вы никак не можете понять, что у меня самая настоящая paranoia sensitiva?

В дверь постучались.

— Мистер Джадд желает видеть мистера Конгросяна,— объявил служитель Белого дома.

Пэмброук открыл дверь и пропустил Меррилла Джадда, который деловито вошел в комнату, держа в руке кейс, украшенный фирменными наклейками.

— Мистер Конгросян? Рад наконец-то встретиться с вами лично.

— Привет, Джадд! — Конгросян особой радости от происходящего не испытывал.

— Я принес с собой кое-какие новые экспериментальные препараты для вас.— Джадд открыл портфель.— Имипрамин-гидрохлорат — два раза в день, пятьдесят миллиграммов. Таблетка

оранжевого цвета. А коричневые таблетки — это еще одно новое средство, метабиретинат-оксид, сто миллиграммов в...

— Это яд! — перебил его Конгросян.

— Простите? — Джадд насторожился и приложил согнутую рупором кисть к уху.

— Я не стану ничего принимать. Это часть тщательно разработанного плана, цель которого — убить меня.

В этом у Конгросяна не было ни малейших сомнений. Он это понял, как только увидел в руках Джадда фирменный кейс «АГ Хеми».

— Да нет же! — Джадд бросил взгляд на Пэмброука.— Уверяю вас! Мы пытаемся помочь вам, сэр. Это наша работа.

— А почему вы меня похитили?

— Я вас не похищал,— осторожно сказал Джадд.— А теперь, что касается...

— Все вы заодно! — объявил Конгросян.

Призвав на помощь все свои психокинетические способности, он поднял обе руки и направил свое внимание на психохимиотерапевта Меррилла Джадда.

Тот поднялся над полом, завис, болтая ногами и все еще крепко сжимая в руках свой фирменный кейс. Разинув рот и выпучив глаза, он обалдело глядел на Конгросяна и Пэмброука. Потом попытался что-то сказать, но тут Конгросян швырнул его в закрытую дверь комнаты. Дверь раскололась, Джадд пролетел сквозь нее и исчез из вида. В комнате вместе с Конгросяном остались только Пэмброук и его энпэшники.

Откашлявшись, Уайлдер Пэмброук сказал:

— Нам, пожалуй, следует проверить, насколько серьезные травмы он получил.— И уже шагая к двери, добавил через плечо: — Полагаю, «АГ Хеми» будет немало огорчена этим инцидентом. Мягко выражаясь.

— К дьяволу «АГ Хеми»! — крикнул Конгросян.— Мне нужен мой личный врач. Я не доверяю никому из тех, кого вы сюда приводите. Откуда мне знать, что он в самом деле из «АГ Хеми»? Он вполне может быть самозванцем.

— В любом случае,— сказал Пэмброук,— вам вряд ли теперь стоит из-за него беспокоиться.

Он осторожно открыл останки двери.

— Так он в самом деле из «АГ Хеми»? — спросил Конгросян, выходя вслед за ним в коридор.

— Вы же сами говорили с ним по видеофону. Именно вы и впутали его в эту историю.— Пэмброук искал взглядом Джадда и был теперь сердитым и даже взволнованным.— Где он? — тре-

бовательным тоном спросил он.— Ради бога, Конгросян, что вы с ним сделали?

— Я закинул его в подвал, в прачечную,— неохотно ответил Конгросян.— И ничего с ним не случилось.

— Вам известно, что такое принцип фон Лессингера? — глядя на него в упор, спросил Пэмброук.

— Разумеется.

— Как один из высших руководителей НП я имею доступ к аппарату фон Лессингера. Вам не хочется узнать, кто станет следующей жертвой вашего злоупотребления своими психокинетическими способностями?

— Нет,— сказал Конгросян.

— Знание этого в ваших интересах. Поскольку вы могли бы сдержаться, чтобы потом не сожалеть.

— И кто же это будет? — спросил Конгросян.

— Николь,— ответил Пэмброук.— А теперь, если не возражаете, ответьте мне вот на какой вопрос... Почему вы до сего момента воздерживались от использования своего таланта в политических целях?

— В политических целях? — эхом отозвался Конгросян.

Он не мог сообразить, как можно использовать психокинетику в политических целях.

— Позвольте вам напомнить,— отметил Пэмброук,— что политика есть искусство принуждать других людей делать то, что вам хочется, даже с применением силы, если необходимо. Применение вами психокинеза только что было необычно в своей направленности... но, тем не менее, это самый настоящий политический акт.

— Я всегда чувствовал, что было бы неправильно использовать психокинез на людях,— сказал Конгросян.

— Но теперь...

— Теперь ситуация изменилась. Я пленник, все против меня. Вы тоже, например. Не исключено, что мне придется использовать свои способности против вас.

— Пожалуйста, не делайте этого,— сказал Пэмброук, принужденно улыбнувшись.— Я всего-навсего наемный работник правительственного учреждения, выполняющий свои служебные обязанности.

— Вы несколько больше, чем наемный работник,— возразил Конгросян.— Мне все-таки интересно узнать, каким образом я использую свои способности против Николь.

Он никак не мог себе представить, что способен на подобное — такой ужас она в нем вызывала. И такую почтительность...

— Поживем — увидим,— сказал Пэмброук.

— Меня поражает,— сказал Конгросян,— что вам приходится применять аппарат фон Лессингера только для того, чтобы выяснить что-то обо мне. В конце концов, я — жалкий изгой, неспособный жить среди других людей! Уродец, которому лучше бы и не появляться на свет.

— Это за вас говорит сейчас ваша болезнь. И где-то в глубине своего сознания вы это прекрасно понимаете..

— Но вы должны признать,— упорствовал Конгросян,— что весьма странно пользоваться детищем фон Лессингера так, как это делаете вы. Какова ваша цель?

«Ваша истинная цель»,— добавил он про себя.

— Моя задача — защитить Николь. Поскольку вы очень скоро предпримете откровенные враждебные действия по отношению к ней.

— Я думаю, вы лжете,— перебил Конгросян.— Я бы никогда не совершил ничего подобного. Только не по отношению к Николь!

Уайлдер Пэмброук поднял бровь. А затем отвернулся и нажал кнопку вызова лифта — психохимиотерапевта из «АГ Хеми» надо было все-таки найти.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Конгросян.

Он всегда подозрительно относился к сотрудникам НП, и эта его подозрительность еще больше усилилась после того, как полиция ворвалась в «Пристанище драндулетов» и схватила его. А этот человек вызывал у него особенную подозрительность, хотя Конгросян и не понимал — почему.

— Я всего лишь выполняю свои служебные обязанности,— повторил Пэмброук.

Однако Конгросян ему не верил.

— Как вы теперь будете себя чувствовать? — спросил Пэмброук, когда открылась дверь лифта.— После того, как убили сотрудника «АГ Хеми»...

Он вошел в кабину и жестом пригласил Конгросяна последовать за ним.

— Мой доктор. Эгон Сьюпеб. Он может меня вылечить.

— Вы хотели бы с ним встретиться? Это можно устроить.

— Да! — вскричал Конгросян.— И как можно скорее. Он — единственный во всей Вселенной, кто не против меня.

— Я мог бы доставить вас к нему,— сказал Пэмброук, и выражение его плоского, сурового лица стало задумчивым.— Если это покажется мне хорошей идеей.

— Если это не покажется вам хорошей идеей, я с помощью своих способностей зашвырну вас в Потомак.

Пэмброук пожал плечами:

— Не сомневаюсь, что вы способны это сделать. Но по данным, полученным с помощью аппарата фон Лессингера, вы этого, по всей вероятности, не сделаете. Так что я рискну.

— Не думаю, что принцип фон Лессингера безупречен, когда дело приходится иметь с нами, психокинетиками,— раздраженно сказал Конгросян и тоже шагнул в кабину.— По крайней мере, я слышал, что так говорят. Мы действуем как вероятностные факторы, что вносит неопределенность в результаты, получаемые с помощью аппарата фон Лессингера.

Пэмброук снова пожал плечами и нажал кнопку на пульте.

С этим невозмутимым человеком было трудно иметь дело. И он активно не нравился Конгросяну.

«Может, виной тому всего лишь полицейский менталитет,— подумал пианист.— А может, и нечто более серьезное».

Кабина пошла вниз.

«Николь,— мысленно воскликнул Конгросян.— Вы же прекрасно понимаете, что я бы никогда и пальцем вас не тронул. Об этом даже речи быть не может — тогда рухнет весь мой мир. Это то же самое, что причинить вред собственной матери или сестре, тому, кто является священным. *Я должен держать мой талант под контролем,*— понял он.— Боже милостивый, пожалуйста, помоги мне контролировать свои способности всякий раз, когда мне доведется быть рядом с Николь. Хорошо?»

И он стал дожидаться ответа, пылко, фанатично, нетерпеливо.

— Между прочим,— прервал его размышления Пэмброук,— о вашем запахе. Мне кажется, он исчез.

— Исчез?! — Конгросяна будто током ударило.— Вы хотите сказать, что не ощущаете его? Но это невозможно! Этого не может быть...— Он неожиданно осекся, смутившись.— И вы говорите, что запах исчез.— Он ничего не понимал.

Пэмброук внимательно поглядел на него:

— Я бы уж точно учуял этот запах, здесь, в кабине лифта. Конечно, он может вернуться. Я дам вам знать, если это случится.

— Спасибо,— произнес Конгросян.

И подумал: «Почему-то этот человек так или иначе берет верх надо мною. Постоянно. Он — мастер психологии... Или, по его собственному определению, мастер политической стратегии?

— Сигарету? — Пэмброук протянул ему пачку.

— Нет-нет! — Конгросян в ужасе отшатнулся.— Это вне закона и слишком опасно. Я бы ни за что не отважился закурить.

— Жить вообще опасно,— заметил Пэмброук, закуривая.— Верно? Наш мир опасен двадцать четыре часа в сутки. Нужно быть всегда предельно осторожным. Знаете, в чем вы нуждаетесь, Конгросян? В телохранителе. В команде отборных, тщательно подготовленных сотрудников НП, которые всегда бы находились рядом с вами. Иначе...

— Иначе, как вы полагаете, у меня практически нет шансов...

Пэмброук кивнул:

— Очень немного, Конгросян. И я говорю это на основе собственного опыта работы с аппаратом фон Лессингера.

Дальше они спускались в тишине.

Наконец лифт остановился. Раздвинулись створки дверей. Конгросян и Пэмброук оказались в подвале Белого дома. Они вышли в коридор.

Там их уже ждал мужчина, которого они сразу узнали.

— Я хочу, чтобы вы меня послушали, Конгросян,— сказал Бертольд Гольц.

Комиссар НП стремительно выхватил пистолет, прицелился и выстрелил.

Но Гольц уже исчез.

На полу, там, где он только что стоял, валялся сложенный вчетверо листок бумаги. Его выронил Гольц. Конгросян нагнулся и потянулся к нему.

— Не трогайте! — крикнул Пэмброук.

Однако было поздно. Конгросян поднял и развернул листок. Там было написано: «ПЭМБРОУК ВЕДЕТ ВАС НА СМЕРТЬ».

— Интересно,— сказал Конгросян и передал бумажку энпэшнику.

Пэмброук спрятал пистолет и взял листок, быстро изучил, лицо его перекосилось от злости.

Из-за спины у них снова раздался голос Гольца:

— Пэмброук уже несколько месяцев ждет, когда можно будет вас арестовать, прямо здесь, в Белом доме. И времени у вас уже не осталось.

Резко развернувшись, Пэмброук снова выхватил пистолет и выстрелил. И снова Гольц, горько и презрительно улыбаясь, исчез.

«Тебе никогда не пристрелить его,— подумал Конгросян.— Во всяком случае, пока в его распоряжении имеется аппарат фон Лессингера».

Энпэшник спрятал пистолет.

«Не осталось времени — для чего? — подумал Конгросян.— Что сейчас должно произойти? Гольцу, похоже, это известно, да

и Пэмброуку, видимо, тоже. Каждый из них имеет в своем распоряжении идентичное оборудование. Но причем здесь я? Я и мои способности, которые я поклялся держать под контролем... Неужели это означает, что уже в самом скором времени мне придется использовать их?»

Не было у него никаких интуитивных предчувствий. Да и вряд ли он был способен сейчас что-то предпринять.

* * *

Нат Флайджер услышал, что где-то снаружи играют дети. Они нараспев издавали тоскливые ритмические звуки, совершенно непривычные для его уха. А он занимался музыкальным бизнесом всю свою жизнь. Но как он ни старался, различить отдельные слова ему не удавалось: звуки как-то странно сливались друг с другом.

— Можно посмотреть? — спросил он, вставая со скрипучего плетеного стула.

— Я бы предпочла, чтобы вы этого не делали,— сказала Бет Конгросян, бледнея.— Пожалуйста, не смотрите на этих детей. *Пожалуйста!*

— Мы ведь из компании звукозаписи, миссис Конгросян,— объяснил Нат.— Все, что касается мира музыки,— наш бизнес.

Он никак не мог удержаться, чтобы не подойти к окну и не выглянуть наружу: деловой инстинкт взял в нем верх над воспитанностью или милосердием.

Выглянув из окна, он сразу увидел их. Они сидели кружком. И все были горбатиками. Ему стало интересно, кто из них Плот Конгросян. Но все они были для него на одно лицо. Возможно, вон тот маленький мальчик в желтых шортах и выбившейся из них тенниске... Нат подал знак Молли и Джиму, и они присоединились к нему.

«Пятеро детей-неандертальцев,— подумал Нат.— Пятеро детенышей, как бы выдернутых из давних веков. Тупиковая ветвь, отрезанная в прошлом от основного эволюционного ствола и привитая здесь, в настоящем, чтобы мы, представители ЭМЭ, могли послушать и записать песни давно ушедших племен. Интересно, какой конверт для альбома подберет отдел оформления...»

Он закрыл глаза, не в силах смотреть на импровизированную «сцену».

И в то же время он прекрасно понимал, что им все равно придется заняться происходящим на этой «сцене». Потому что

они приехали сюда не прогуляться по лесочку; потому что они не могут и не хотят возвращаться с пустыми руками. И это важнее всего.

Кстати, запись нужно сделать очень профессионально. Это важнее, чем при записи Ричарда Конгросяна, какой бы потрясающей ни была его игра. И еще они не могут позволить себе роскоши нянчиться с собственной брезгливостью...

— Джим, доставай «Ампек Ф-а2»,— распорядился он.— Тащи прямо сюда. Пока они не замолкли.

— Я не позволю вам их записывать,— сказала Бет Конгросян.

— Мы это сделаем,— ответил Нат.— Для нас это привычное дело, писать народную музыку на месте. Такие записи многократно оспаривались в судах США, но фирма звукозаписи всегда выигрывала предъявляемые ей иски.

Он последовал за Джимом Планком, чтобы помочь ему смонтировать звукозаписывающую аппаратуру.

— Мистер Флайджер, вы понимаете, кто перед вами? — крикнула ему вслед миссис Конгросян.

— Да,— ответил он, не останавливаясь.

Вскоре «Ампек Ф-а2» был смонтирован; инопланетная протоплазма сонно пульсировала, время от времени производя псевдоподиями волнообразные движения, как будто была голодна. Влажная погода все-таки влияла на нее.

Рядом появилась Бет Конгросян, сжатая, как пружина, с непреклонным выражением лица

— Послушайте меня, пожалуйста,— сказала она негромко.— Сегодня ночью у них состоится нечто вроде фестиваля. У взрослых. Это будет в подобии дансинг-холла, расположенном в лесу, совсем недалеко отсюда, там, где красные скалы. Холл принадлежит им всем, их общине, они часто там собираются. Будет очень много танцев и песен. Именно того, что вам надо. Гораздо больше, чем у этих маленьких детей. Пожалуйста, подождите и записывайте там сколько душе угодно. Но не здесь!

— Мы сделаем записи и тут, и там,— сказал Нат и дал сигнал Джиму поднести «Ампек Ф-а2» к образованному детьми кружку.

— Вы подождете в доме, и я проведу вас туда,— взмолилась Бет Конгросян, поспешив вслед за ним.— Это будет очень поздно, около двух ночи. Они поют просто чудесно. Слова разобрать трудновато, но...— Она схватила Ната за руку.— Мы с Ричардом стараемся воспитывать нашего ребенка подальше от всего этого. У детей в таком юном возрасте почти отсутст-

вуют те особенности, что характерны у взрослых, и потому от них вы не услышите ничего по-настоящему стоящего. А вот когда вы увидите взрослых...— Она осеклась и закончила совсем бесцветным голосом: — ...вот тогда-то и поймете, что я имею в виду.

— Давай и в самом деле подождем,— сказала Молли, обращаясь к Нату.

Тот заколебался, глянул на Джима Планка. Джим кивнул.

— О'кей,— согласился Нат.— Но вы обязательно проведете нас на этот их фестиваль. И сделаете так, чтобы нас туда пропустили.

— Хорошо,— сказала Бет Конгросян.— Обязательно сделаю. Спасибо, мистер Флайджер.

«Я чувствую себя во всем виноватым»,— подумал Нат. Однако вслух сказал:

— О'кей. И вы...— Но тут чувство вины поднялось в его душе гигантской волной.— Черт, вам не нужно водить нас туда. Мы заночуем в Дженнере.

— Я бы сама хотела,— призналась Бет Конгросян.— Я ужасно одинока. Мне нужна компания, когда Ричард далеко. Вы и представить себе не можете, что для нас означает, когда люди... из внешнего мира заглядывают сюда, хотя бы ненадолго.

Дети, наконец заметив взрослых, перестали петь и теперь застенчиво глядели на Ната, Молли и Джима.

«Вряд ли их удастся уговорить спеть снова»,— подумал Нат.

Так что его начальная идея не выгорела.

— Вы не боитесь? — спросила Бет Конгросян.

Он только пожал плечами:

— Нет. Абсолютно.

— Правительство знает о них,— сказала она.— Здесь побывало великое множество этнографов и Бог знает каких еще ученых. Их посылали сюда для исследований. Все они утверждают, что в доисторические времена, перед тем, как появился кроманьонский человек...— Бет Конгросян беспомощно замолчала.

— Они скрещивались,— закончил за нее Нат.— На что указывают и скелеты, найденные в израильских пещерах.

— Да,— кивнула она.— Наверное, это можно сказать обо всех так называемых подрасах. Тех самых, которые якобы вымерли в процессе борьбы за существование. А они просто были поглощены видом Homo Sapiens.

— Я бы высказал и совершенно иное предположение,— заметил Нат.— Мне, например, более правдоподобным кажется,

что так называемые подрасы были мутациями, которые существовали очень короткий срок, а затем вырождались из-за недостаточной приспособляемости. Наверное, в те времена также бывали периоды повышенной радиации.

— Я с этим не согласна,— возразила Бет Конгросян.— И исследования, проведенные с использованием аппаратов фон Лессингера, только подтверждают мои предположения. Согласно вашей гипотезе, все они что-то вроде зигзага эволюции. Но я уверена в том, что это полноценные расы... Я думаю, они развивались, каждая своим путем, от некоего первоначального примата, от проконсула. И в конце концов сошлись вместе, когда человеку разумному стало тесно, и он мигрировал в их места обитания.

— Можно еще чашечку кофе? — попросила Молли.— Мне так холодно.— Она уже не могла сдержать дрожь.— Эта сырость просто невыносима.

— Давайте вернемся в дом,— предложила Бет Конгросян.— Да, вам трудно привыкнуть к здешней погоде. Я это прекрасно понимаю. Я не забыла, каково было нам самим, когда мы сюда перебрались.

— Плот родился не здесь? — спросил Нат.

— Нет. Из-за него мы и вынуждены были сюда переехать.

— Разве правительство не взяло бы его под опеку? Оно же открыло специальные школы для жертв радиации.

Нат решил не употреблять точный термин, который звучал как «радиационные мутанты».

— Мы решили, что здесь он будет более счастлив,— сказала Бет Конгросян.— Большинство их — горбатиков, как они сами себя называют,— живет здесь. Они собрались здесь за последние два десятилетия практически со всех частей света.

Бет Конгросян распахнула дверь, и все четверо окунулись в сухое тепло старинного дома.

— Он в самом деле прелестный малыш,— заметила Молли.— Такой милый, такой восприимчивый, несмотря на...— Она запнулась.

— Несмотря на челюсть и неуклюжую походку,— закончила миссис Конгросян,— которые еще полностью не сформировались. Это начинается в тринадцать лет.

Она пошла на кухню и поставила воду для кофе.

«Странно,— подумал Нат Флайджер,— и что же это мы собираемся привезти из этой поездки? Совершенно не то, что мы с Лео намечали. И весь вопрос: хорошо ли это будет раскупаться?»

* * *

Милый голосок Аманды Коннерс, неожиданно раздавшийся в интеркоме, привел доктора Эгона Сьюпеба в состояние растерянности. Он как раз изучал расписание приема пациентов на завтра.

— Вас кое-кто хочет видеть, доктор. Мистер Уайлдер Пэмброук.

Уайлдер Пэмброук! Доктор Сьюпеб тут же напряженно выпрямился, не поднимаясь со стула, и непроизвольно отложил в сторону журнал регистрации. Что нужно в такое позднее время этому высокопоставленному полицейскому? Доктор инстинктивно насторожился и произнес в интерком:

— Одну минутку, пожалуйста.

«Неужели он заявился сюда, чтобы наконец закрыть мой кабинет? — подумал Эгон Сьюпеб.— Тогда я, должно быть, уже принял, сам не догадываясь, того, особого пациента. Того пациента, ради обслуживания которого я существую. Вернее, для необслуживания. Человека, с которым я должен был потерпеть неудачу...»

От таких мыслей пот выступил у доктора на лбу.

«Значит, заканчивается моя карьера,— подумал он.— И меня ждет судьба всех остальных психоаналитиков США. И что мне делать дальше?»

Некоторые из его коллег сбежали в коммунистические страны, но в материальном смысле, конечно, они там ничего не нашли. Некоторые эмигрировали на Луну и на Марс. А немногие — хотя таких «немногих» на самом деле оказалось удивительно много — попросились на работу в «АГ Хеми», организацию, которая в первую очередь была виновата во всех их бедах.

«Я слишком молод, чтобы уходить на пенсию, и слишком стар, чтобы учиться новой профессии,— с горечью подумал Сьюпеб.— Так что фактически мне ничего не остается. Я не могу продолжать свою деятельность, но не в состоянии и прекратить ее. Вот где настоящее раздвоение, то состояние, которое так свойственно большинству моих пациентов».

Теперь он ощущал куда более сильное сострадание к ним и понимал, какой сложной становилась их жизнь.

— Попросите комиссара Пэмброука,— сказал он Аманде.

В кабинет медленно вошел высокопоставленный энпэшник с тяжелым взглядом и сел напротив доктора Сьюпеба.

— Эта прекрасная девушка, что сидит у вас в приемной...— Пэмброук облизал губы.— Мне бы хотелось знать, что с нею будет. Возможно, мы...

— Что вам нужно? — спросил Сьюпеб.

— Ответ. На вопрос.

Пэмброук откинулся на спинку стула, достал золотой портсигар — антикварную вещицу прошлого столетия,— щелкнул зажигалкой, тоже антикварной. Затянувшись, уселся поудобнее, закинул ногу на ногу. И продолжил:

— Ваш пациент, Ричард Конгросян, обнаружил, что способен дать сдачи.

— Кому?

— Своим угнетателям. Нам, разумеется. И любому другому, кто появится в той же роли. Вот это мне и хотелось бы выяснить. Я хочу работать с Ричардом Конгросяном, но должен защитить себя от него. Честно говоря, я его боюсь, причем боюсь больше, чем кого бы то ни было на свете. И я знаю почему — я воспользовался аппаратом фон Лессингера и прекрасно себе представляю, о чем говорю. *Что является ключом к его мозгу?* Какие мне принять меры, чтобы Конгросян был...— Пэмброук, жестикулируя, нашел нужное слово,— ...надежнее, более предсказуемым? Вы понимаете. Мне, естественно, совсем не хочется, чтобы в одно прекрасное утро, когда мы слегка повздорим, он схватил меня и загнал на шесть футов под землю.

Лицо его было бледным, сидел он теперь, напрягшись всем телом.

— Теперь я знаю, кто тот пациент, которого я дожидаюсь,— сказал после паузы доктор Сьюпеб.— Вы лгали о неудаче, которая должна меня постигнуть. Фактически я вам жизненно необходим. А пациент душевно здоров.

Пэмброук пристально на него поглядел, но ничего не сказал.

— Пациент этот — вы сами.

Через некоторое время Пэмброук кивнул.

— Это совсем не дело государственной важности,— сказал Сьюпеб.— Все было организовано по вашей собственной инициативе. И не имеет отношения к Николь.

«По крайней мере, впрямую»,— подумал он.

— Будьте поосторожнее.— Пэмброук достал свой служебный пистолет и небрежно положил его себе на колени, однако рука его оставалась рядом с оружием.

— Я не смогу объяснить вам, как управлять Конгросяном. Я и сам не могу его контролировать, как вы могли в этом убедиться.

— Но вы должны знать, как это сделать,— сказал Пэмброук,— именно вы должны знать, смогу ли я работать с ним. Вы ведь знаете о нем столько, сколько не знает никто другой.

Он смотрел на Сьюпеба в упор, взгляд его немигающих глаз был ясен, и в них жило ожидание.

— Вам стоило бы рассказать мне, какую работу вы ему хотите предложить.

Пэмброук поднял пистолет и направил его прямо на доктора:

— Скажите мне, какие чувства он питает к Николь?

— Она ему представляется чем-то вроде фигуры Великой Матери. Как и всем нам.

— Великая Мать? — Пэмброук энергично перегнулся через стол.— Что это такое?

— Великая изначальная мать всего сущего.

— То есть, иными словами, он боготворит ее. Она для него не простая смертная. Как же он среагирует...— Пэмброук замолк в нерешительности.— Предположим, Конгросян внезапно станет гехтом, настоящим, приобщенным к одной из наиболее охраняемых правительственных тайн. И он узнает, что подлинная Николь умерла много лет назад, а так называемая «Николь» — всего лишь актриса. Девушка по имени Кейт Руперт.

В ушах Сьюпеба загудело. Он неплохо изучил Пэмброука, и теперь был абсолютно уверен, что когда разговор закончится, Пэмброук выстрелит.

— А это истинная правда,— сказал Пэмброук. И затолкал пистолет назад, в кобуру.— Потеряет он свой страх перед нею тогда? Будет ли он способен... сотрудничать?

Сьюпеб задумался. И ответил:

— Да. Будет. Без сомнения.

Пэмброуку явно стало легче. Он перестал дрожать, слабый румянец вернулся на его худое лицо.

— Вот и отлично. И я надеюсь, что вы сказали мне правду, доктор. В противном случае я вернусь сюда и, что бы ни случилось, уничтожу вас.— Он поднялся.— Прощайте.

— У меня больше нет бизнеса? — спросил Сьюпеб.

— Разумеется. А как же иначе? — Пэмброук сдержанно улыбнулся.— Кому вы нужны? И вы прекрасно понимаете это, доктор. Ваше время прошло. Самое забавное...

— А если я расскажу кому-нибудь о том, что вы мне сейчас поведали?

— Да ради Бога! Вы лишь облегчите мне работу. Видите ли, доктор, я намерен обнародовать самую главную тайну гехтов. А «Карп унд Зоннен Верке» одновременно откроют другую.

— Какую — другую?

— Придется вам подождать,— сказал Пэмброук,— пока Антон и Феликс Карпы не решат, что готовы это сделать.— Он открыл дверь.— Мы вскоре снова встретимся, доктор. Спасибо за помощь!

Дверь за ним закрылась.

«Ну, вот я и узнал самую главную государственную тайну,— подумал доктор Сьюпеб.— И теперь я принадлежу к верхушке общества, к гехтам. Но это не имеет никакого значения. Ибо нет у меня возможности использовать эту информацию для продолжения врачебной карьеры. А это и есть самое главное. Поскольку касается лично меня. Моя карьера — это все, что меня волнует».

Он вдруг ощутил жуткую ненависть к Пэмброуку.

«Если бы я мог убить его, я бы сделал это, не задумываясь,— подумал он.— Прямо сейчас. Догнал бы его и...»

— Доктор,— раздался в интеркоме голос Аманды,— мистер Пэмброук говорит, что мы должны закрываться...— Голос ее дрогнул.— Это правда? Я думала, они разрешили вам поработать еще некоторое время.

— Это правда,— признался Сьюпеб.— Все кончено. Позвоните, пожалуйста, всем моим пациентам, всем, кому я назначил прием, и расскажите о случившемся.

— Хорошо, доктор.— Аманда всхлипнула и отключилась.

«Черт бы его побрал! — мысленно выругался Сьюпеб.— Самое неприятное то, что я ничего не могу изменить. Абсолютно ничего!»

Интерком снова включился.

— Он сказал еще кое-что,— произнесла нерешительно Аманда.— Я не хотела говорить об этом — это касается лично меня. Мне показалось, что вы рассердитесь.

— Что же он сказал?

— Он сказал, что, возможно, я ему понадоблюсь. Он не сказал зачем, но что бы это ни было, я чувствую...— Она помолчала несколько секунд.— Я чувствую себя очень плохо, доктор,— закончила она.— Так плохо мне еще никогда не было. Как бы на меня ни смотрели и что бы ни говорили... Другие и смотрели, и говорили не так!

Встав из-за стола, Сьюпеб подошел к двери и открыл ее. Пэмброука, разумеется, уже и след простыл. В приемной сидела только Аманда Коннерс, она прикладывала к глазам носовой платок.

Сьюпеб вышел из здания и спустился по ступенькам. Отпер багажник своей машины, достал ручку от домкрата и пошел по тротуару. Стальная ручка была скользкой и холодной.

Вдали он увидел комиссара Пэмброука. Фигура его показалась доктору совсем небольшой.

«Эффект перспективы,— сообразил Сьюпеб.— Расстояние делает его меньше, чем на самом деле. Но это очередной обман».

И он кинулся вдогонку за энпэшником.

Фигура Пэмброука сразу стала расти.

Пэмброук не обращал на доктора никакого внимания. Он просто его не видел — стоя в группе прохожих, Пэмброук не сводил глаз с заголовков, которые показывал странствующий робот-информатор.

Заголовки были огромны, зловещи и черны. Приблизившись, доктор Сьюпеб смог разобрать отдельные слова. Он опустил ручку и остановился рядом с другими прохожими.

— Карп раскрывает важную правительственную тайну!

Все, кто слышал информатора, тут же останавливались.

— Дер Альте — симулякр! Уже началось создание нового!

Робот-информатор покатил дальше в поисках новых клиентов. Здесь у него ничего не приобрели. Все стояли как завороженные. Сьюпебу происходящее казалось сном; он даже зажмурил глаза. Очень уж трудно было поверить услышанному. Ужасно трудно!

— Один из служащих Карпа выкрал техническую документацию по созданию симулякра, который станет новым Дер Альте! — Информатор находился теперь в полуквартале отсюда.

По улице гуляло эхо.

— Эта документация стала достоянием общественности!

«Выходит, все эти годы мы поклонялись кукле,— подумал доктор Сьюпеб.— Существу без сердца и души...»

Открыв глаза, он увидел Уайлдера Пэмброука. Тот, казалось, впитывал звуки, издаваемые удалявшимся информатором. Энпэшник даже пошел следом за ним. Как загипнотизированный...

И снова стал уменьшаться в размерах.

«Я не должен отставать от него,— подумал доктор Сьюпеб.— Нужно, чтобы его размеры снова стали нормальными, реальными. Только тогда я смогу сделать то, что должен».

Ручка домкрата стала скользкой, он едва держал ее в руке.

— Пэмброук! — позвал он.

Энпэшник остановился и холодно улыбнулся.

— Вот теперь вам известны обе тайны, Сьюпеб. Вы теперь — уникально информированный человек.— Пэмброук пошел навстречу, быстро вырастая в размерах.— У меня есть для вас один совет. Подзовите к себе информатора и сообщите ему ту тайну, что узнали от меня. Не боитесь?

Сьюпеб с трудом разлепил губы:

— Слишком... много сразу, слишком неожиданно... Мне надо подумать.

Явно смущенный, он прислушался к воплям информатора.

— Но вы сообщите об этом,— сказал Пэмброук.— Рано или поздно.— Продолжая улыбаться, он вытащил служебный пистолет и прицелился в висок доктору Сьюпебу.— Я приказываю вам, доктор! — Он продолжал увеличиваться в размерах.— Времени уже не осталось, поскольку «Карп унд Зоннен» сделали свой ход. Это самый подходящий момент, доктор... Augenblick, как говорят наши немецкие друзья. Вы не согласны?

— Я... я вызову робота-репортера,— сказал Сьюпеб.

— Только не вздумайте выдать источник информации, доктор. Я пойду вместе с вами.— Пэмброук заставил Сьюпеба повернуть к зданию, где размещался его кабинет.— Скажите просто, что секрет в приступе откровенности выдал один из ваших пациентов-гехтов. Но вы чувствуете, что информация слишком важна, чтобы держать ее при себе.

— Хорошо,— кивнул Сьюпеб.

— И пусть вас не беспокоит психологический эффект, который произведет это сообщение на народ,— продолжал Пэмброук.— На массы бефтов. Я думаю, они выдержат этот удар. Нужно только отойти от первоначального потрясения. Реакция, разумеется, будет. Думаю, существующая система власти будет уничтожена. Вы со мной согласны? Я имею в виду, что не будет больше никаких Дер Альте и так называемых «Николь». И не будет разделения общества на гехтов и бефтов. Потому что все мы теперь станем гехтами. Верно?

— Да,— согласился Сьюпеб, проходя в кабинет мимо Аманды Коннерс, которая ошеломленно глядела на них.

— Единственное, что меня тревожит — это реакция Бертольда Гольца,— пробормотал Пэмброук, обращаясь скорее к себе, чем к Сьюпебу.— Все остальное как будто не вызывает опасений, но вот этот фактор я, похоже, учесть не в состоянии.

Сьюпеб остановился в дверях, повернулся к Аманде:

— Свяжитесь, пожалуйста с редакцией «Нью-Йорк Таймс». Мне нужен робот-репортер.

По-прежнему ничего не понимая, Аманда взялась за трубку видеофона.

* * *

Лицо у Фрауэнциммера было серым, как пепел. Мори шумно сглотнул слюну, опустил газету и промямлил:

— Знаешь, от кого произошла утечка информации?

Он ощущал себя так, словно на него неумолимо надвигалась смерть.

— Я...— начал Чик.

— Это все твой братец Винс,— перебил Мори.— Которого ты притащил сюда от Карпа. Так вот, нам крышка. Винс работал на Карпов, они и не думали его увольнять. Они просто подослали его к нам.— Мори обеими руками принялся комкать газету.— Боже, ну почему ты не эмигрировал? Если бы ты сделал это, ему бы ни за что не удалось сюда проникнуть. Я бы не взял его на работу, не будь твоих уговоров.— Он поднял полные отчаяния глаза и пристально посмотрел на Чика.— *Ну зачем я позвал тебя назад?*

С улицы снова донесся голос робота-информатора:

— Важная правительственная тайна! Дер Альте — симулякр! И уже создается новый!

Информатор объявлял это через каждые несколько минут, выполняя заложенную в него программу.

— Прикончи ее,— проскрипел Мори.— Эту чертову машину. Заставь ее убраться, ради Бога!

— Она не слушается,— ответил Чик.— Я уже пытался. Когда она еще только приперлась сюда.

Они молча смотрели друг на друга, никто из них не был в состоянии вымолвить хоть слово. Да и говорить, впрочем, было не о чем. Это был крах всего их бизнеса.

А возможно, и жизни.

Наконец Мори сказал:

— Эти распродажи Чокнутого Луки... «Пристанища драндулетов»... Правительство позакрывало их, не так ли?

— Зачем они тебе? — удивился Чик.

— Затем, что я хочу эмигрировать. Я должен удрать отсюда. Да и ты тоже.

— Их и в самом деле прикрыли.

— Ты хотя бы понимаешь, что происходит? — спросил Мори.— Это же переворот. Заговор против правительства США, предпринятый группой лиц. И лица эти находятся внутри государственного аппарата, не посторонние, вроде Гольца. К тому же они заодно с картелями. «Карп» — самый крупный среди других. У них огромная власть. Это тебе не уличные марши. И не просто небольшой конфликт.— Он промокнул платком раскрасневшееся вспотевшее лицо.— Хреново мне... Черт возьми, нас с тобой втянули в большую заваруху. Энпэшники могут заявиться сюда в любую минуту.

— Но ведь они должны понимать, что не в наших интересах...

— Они не будут разбираться. Они начнут хватать всех подряд. И правых, и виноватых.

Где-то вдали завыла сирена. Мори тревожно прислушался.

ГЛАВА 14

Едва Николь Тибодо разобралась в ситуации, она немедленно приказала убить рейхсмаршала Германа Геринга.

Без этого было не обойтись. Вполне возможно, что заговорщики уже вступили с ним в контакт... В любом случае, она не может подвергать себя риску. Слишком многое сейчас поставлено на карту.

Во внутреннем дворике Белого дома взвод солдат из расположенной поблизости воинской части быстро выполнил необходимую работу. Николь услышала, как негромко, почти неслышимо, прозвучали выстрелы мощных лазерных винтовок и подумала, что смерть этого человека лишний раз доказывает, сколь ничтожной была его власть в Третьем рейхе. Поскольку смерть Геринга не вызвала никаких, даже самых ничтожных изменений в будущем, то есть в настоящем; событие это не привело к возникновению даже легкой ряби перемен на поверхности временного потока. И это было точной характеристикой правительственной структуры нацистской Германии...

Затем Николь позвонила комиссару НП Уайлдеру Пэмброуку и велела немедленно явиться к ней.

— Я получила донесение,— сказала она,— о том, кто поддерживает Карпов. Очевидно, что они бы не заварили эту кашу, если бы не рассчитывали на союзников.— Она в упор посмотрела на высокопоставленного полицейского руководителя, и взгляд ее был преднамеренно жестким.— Что думает на сей счет Национальная Полиция?

— Мы способны справиться с заговорщиками,— спокойно ответил Уайлдер Пэмброук.

Он совсем не казался встревоженным, более того, сохранял самообладание даже лучше, чем обычно.

— Мы уже начали брать их в кольцо. Людей, работающих у Карпа, а также персонал фирмы Фрауэнциммера. И всех остальных, кто хоть сколько-нибудь замешан. Мы широко используем аппарат фон Лессингера.

— Почему же вы заранее не были готовы к случившемуся? — резким тоном спросила Николь.— С помощью того же аппарата фон Лессингера?

— В общем-то, такой вариант существовал. Но вероятность его реализации среди альтернативных вариантов будущего была ничтожной. Один шанс на миллион. Нам и в голову не могло прийти...

— Вы только что потеряли работу,— сказала Николь.— Соберите свой штат. Я выберу нового комиссара полиции из его состава.

Пэмброук ушам своим не поверил.

— Да ведь в любой конкретный момент времени,— сказал он, густо покраснев и заикаясь,— имеется огромное количество альтернатив, зачастую столь зловещих, что если бы мы...

— Вы прекрасно знали о том, что попытка нападения на меня уже была. Когда меня укусила эта тварь, животное с Марса. Уже тот случай должен был стать для вас достаточным предупреждением. И вам следовало быть готовым к отражению наступления, потому что это было только начало.

— Должны ли мы... взять Луку?

— А вы рассчитываете взять его? Да он уже на Марсе. Они все туда смылись, включая и тех двоих, что пробрались сюда, в Белый дом. Лука забрал их с собой.— Николь швырнула донесение об этом Пэмброуку.— А кроме того, у вас уже нет соответствующих полномочий.

Наступило напряженное, гнетущее молчание.

— Когда эта тварь укусила меня,— сказала Николь,— я поняла, что нас теперь ждут трудности.

«Впрочем, даже хорошо, что папула укусила меня,— подумала она.— Это заставило меня быть бдительной. Теперь меня не застанешь врасплох — я ко всему готова, и пройдет немало времени прежде, чем меня снова смогут укусить. Хоть в прямом смысле, хоть в переносном...»

— Пожалуйста, миссис Тибодо...— начал было Пэмброук.

— Нет,— перебила его Николь.— Не скулите. Вы уволены.

«В вас есть нечто, не позволяющее мне доверять вам,— подумала она.— Возможно, то, что вы позволили этой твари подобраться ко мне. Вот откуда начался конец вашей карьеры. Именно с того момента я стала относиться к вам подозрительно. Потому что он едва не стал моим концом».

Дверь кабинета отворилась, на пороге возник сияющий Ричард Конгросян.

— Николь, стоило мне закинуть этого психохимиотерапевта в прачечную, как я снова стал *полностью видимым*. Это просто чудо!

— Прекрасно, Ричард,— сказала Николь.— Однако у меня здесь и сейчас закрытое совещание. Зайдите позже.

Только тут Конгросян заметил Пэмброука. Выражение его лица сразу изменилось. На нем появилась враждебность... враж-

дебность и страх. Николь захотелось узнать причину такой перемены настроения.

— Ричард,— сказала она.— Не хотели бы вы стать комиссаром НП? Этот человек...— она кивнула на Уайлдера Пэмброука,— он уволен.

— Вы шутите,— сказал Конгросян.

— Да,— согласилась Николь.— Во всяком случае, в некотором смысле. Но в некотором смысле — и не шучу.

Конгросян был нужен ей, только вот в каком качестве? Каким образом она может воспользоваться его способностями? Пока она этого не знала.

— Миссис Тибодо,— глухо сказал Пэмброук,— если вы передумаете...

— Я не передумаю,— отрезала Николь.

— В любом случае,— сказал Пэмброук, тщательно контролируя тон,— я буду рад вернуться на свою должность и служить вам.— Он вышел из комнаты.

Дверь за ним захлопнулась.

— Он к чему-то готовится — сказал Конгросян.— Правда, я не представляю — к чему. Впрочем, можно ли полагаться на кого-либо сегодня? Лично я ему не доверяю. Я считаю, что он причастен ко всемирному заговору, острие которого направлено против меня.— И, спохватившись, поспешно добавил: — И против вас тоже, разумеется. Они замышляют против вас тоже. Разве я не прав?

— К сожалению, правы.— Николь тяжело вздохнула.

Снаружи пронзительно завопил робот-информатор.

Информатору были досконально известны подробности, связанные с появлением на политической арене Дитера Хогбена. И он вовсю спешил нажить на этом капитал. Николь снова тяжело вздохнула. Правящий Совет, эти темные зловещие фигуры, что стояли за ее спиной, теперь наверняка проснутся. Ей очень хотелось знать, что они предпримут. Им было не занимать мудрости. Они действовали спаянным коллективом уже немало лет. Подобно змеям, они были холодными и безмолвными, но очень энергичными, хотя и невидимыми для постороннего взгляда. Они никогда не появлялись на экранах телевизоров и не устраивали разрекламированных поездок по стране. В данный момент Николь очень сожалела, что не может поменяться с ними местами...

Внезапно эти ее мысли улетели прочь: робот-информатор анонсировал новости о ней самой. Не о следующем Дер Альте, Дитере Хогбене, а о совсем иной, но не менее важной государственной тайне.

Николь подошла к окну...

Напряглась, чтобы разобрать слова...

— Николь нет в живых! — пронзительно кричала машина.— Уже много лет! Ее заменила актриса Кейт Руперт! Весь правящий аппарат является сплошным обманом, согласно...

Информатор укатил, и Николь больше уже не слышала его выкриков, хотя и напрягала слух.

На лице ее были замешательство и тревога.

— Ч-что это, Николь? — спросил Ричард Конгросян.— Эта штука сказала, что вы мертвы?

— Я и вправду похожа на мертвеца? — язвительно ответила Николь.

— Но она утверждает, что на вашем месте сейчас какая-то актриса.— Конгросян смущенно глядел на Николь, лицо его выражало полное непонимание.— Вы в самом деле всего лишь актриса, Николь? Самозванка? Как и Дер Альте? — Он продолжал пристально ее разглядывать, но вид у него теперь был такой, будто он вот-вот разразится горестными слезами.

— Это просто газетная «утка»,— твердо заявила Николь.

Однако ей было очень и очень не по себе: ее охватил липкий, бездонный, животный страх. Все тайное стало явным: кто-то из очень высокопоставленных гехтов, даже более близкий к Белому дому, чем Карпы, разболтал и эту, последнюю, самую главную тайну.

Теперь скрывать было нечего. А значит, не было больше никакого различия между многочисленными бефтами и совсем немногими гехтами.

Раздался стук в дверь, и в кабинет, не дожидаясь разрешения, вошел Гарт Макри. Вид у него был угрюмый. В руках он держал экземпляр «Нью-Йорк Таймс».

— Это психоаналитик Эгон Сьюпеб проинформировал робота-репортера,— сообщил Макри.— Откуда ему это стало известно, ума не приложу. Он вряд ли мог знать о вас, очевидно кто-то умышленно проболтался.— Он заглянул в газету, губы его зашевелились: — У него лечился некий гехт, он и сообщил ему конфиденциально об этом, и по причинам, которых мы, возможно, так никогда и не узнаем, Сьюпеб позвонил в газету.

— Полагаю, теперь уже бессмысленно его арестовывать,— заметила Николь.— Однако мне очень хотелось бы выяснить, кто его использовал таким образом. Вот что меня теперь больше всего интересует.

Это желание, без сомнения, было неосуществимым. Эгон Сьюпеб наверняка ничего не скажет. Он объявит все профессиональной

тайной, которая священна, и сделает вид, будто не хочет подвергать опасности своего пациента.

— Даже Бертольд Гольц ничего не знал,— сказал Макри,— хотя он и сует тут свой нос повсюду.

— Нам теперь придется провести всеобщие выборы,— заметила Николь.

Но избирать после всех этих разоблачений будут, конечно, не ее.

Николь захотелось узнать, не замышляет ли против нее что-нибудь Эпштейн, генеральный прокурор. Она вполне могла рассчитывать на поддержку армии, но что скажет верховный суд? Он может вынести постановление о том, что власть ее является юридически незаконной. Такое заявление может быть обнародовано с минуты на минуту.

Нет, теперь на свет божий действительно должен выйти сам Совет. Признать публично, что фактическая власть в стране принадлежит ему.

Но Совет никогда и никем не избирался. Он был абсолютно незаконным учреждением. Гольц мог бы сказать — и не погрешить против истины,— что он имеет ничуть не меньшее право властвовать, чем Совет. А пожалуй, даже и большее. Потому что у Гольца и его «Сыновей Иова» гораздо больше популярности.

Николь вдруг пожалела о том, что за прошедшие годы так ничего и не выяснила в отношении Совета. Не знала, кто в него входит, что это за люди, каковы их цели. Она ни разу не присутствовала на заседаниях, а на связь с нею выходили с помощью сложных экранированных приборов.

— Я думаю,— сказала она Гарту Макри,— что самое лучшее для меня теперь — это предстать перед телекамерой и обратиться непосредственно к народу. Если мои граждане увидят меня во плоти, они не очень-то серьезно отнесутся к этой новости.

Возможно, сам факт ее существования, прежняя волшебная сила ее образа, оказывающая влияние на умы сограждан, возобладают над случившимся. В конце концов, публика привыкла видеть ее в Белом доме, они десятилетиями верили в нее. И освященные долгой традицией кнут и пряник смогут функционировать и впредь, пусть и в ограниченной степени.

Они поверят, решила она, если *захотят* поверить. Несмотря на все эти жареные новости, распродаваемые направо и налево роботами-информаторами, этими холодными обезличенными блюстителями «истины», лишенными человеческого субъективизма.

— Я попытаюсь,— сказала она Гарту Макри.

Все это время Ричард Конгросян продолжал пристально разглядывать ее. Он просто не в состоянии был отвести от нее глаз. И теперь хрипло сказал:

— Я не верю этому, Николь. *Вы реальны, разве это не так?* Я могу вас видеть, ощущать ваше присутствие, значит, вы должны реально существовать!

Взгляд его стал жалобным.

— Я на самом деле существую,— ответила Николь.

Ей стало очень грустно. Сколько людей сейчас так же, как Конгросян, отчаянно пытались сохранить в своем представлении ее образ в целом и неизменном виде, к которому они так привыкли. Но было ли этого достаточно?..

Сколько людей, подобно Конгросяну, смогли не сломаться под натиском сомнений? Сколько смогли не поверить в действительность, а остаться верными тому, что было иллюзией? В конце концов, немногие столь же больны, как Ричард Конгросян...

Не значит ли это, что она может сохранить власть лишь при условии, что все население страны станет психически нездоровым?.. Мысль эта не вызывала у нее особого энтузиазма.

Дверь открылась — на пороге стояла Джанет Раймер, маленькая, ссутулившаяся, очень озабоченная.

— Николь, пожалуйста, пойдемте со мною.

Голос ее был тихим и безжизненным. Но тем не менее звучал авторитетно.

Николь поднялась. Вот она и понадобилась Совету. И как обычно, он действовал через Джанет Раймер, своего полномочного представителя.

— Хорошо,— сказала Николь. Она повернулась к Конгросяну и Гарту Макри.— Вам придется извинить меня, джентльмены! Гарт, я хочу, чтобы вы временно взяли на себя исполнение обязанностей комиссара НП. Уайлдер Пэмброук мною уволен — я сделала это перед самым вашим приходом. Вам я доверяю.

Она прошла мимо мужчин и последовала за Джанет Раймер. Та уже проворно двигалась по коридору, и Николь приходилось спешить, чтобы не отстать.

Всплеснув в отчаянии руками, Конгросян крикнул ей вслед:

— Если вы не существуете, то я снова стану невидимым или даже хуже!

Она продолжала шагать по коридору.

— Я боюсь,— крикнул Конгросян,— я могу совершить что-нибудь ужасное! Я не хочу, чтобы так случилось! — Он сделал несколько шагов, пытаясь догнать Николь.— Пожалуйста, помогите мне! Пока еще не стало слишком поздно!

Ей нечем было его утешить. Поэтому она даже не обернулась.

Джанет подвела ее к лифту.

— На этот раз они дожидаются двумя уровнями ниже,— сказала она.— Собрались все, вдевятером. Из-за серьезности создавшейся ситуации они хотят говорить с вами лицом к лицу.

Кабина лифта плавно опустилась.

Николь вышла следом за Джанет и прошла в помещение, служившее в предыдущем столетии убежищем от водородных бомб. Все лампы были включены, и она увидела сидевших за длинным дубовым столом шестерых мужчин и трех женщин. Пять мужчин и три женщины были ей совершенно незнакомы, но в центре сидел человек, которого она хорошо знала. Николь оглянулась на Джанет. Она просто не верила своим глазам. Судя по занимаемому за столом месту, мужчина был председателем Совета. Да и манеры его были повнушительнее, чем у остальных.

Этим человеком был Бертольд Гольц.

— Вы,— прошептала Николь.— Уличный скандалист... Никогда себе представить не могла...

Она вдруг почувствовала усталость и страх, и нерешительно уселась в деревянное кресло напротив членов Совета.

— Но вы же знали, что у меня есть доступ к аппарату фон Лессингера,— сказал Гольц, глядя на нее исподлобья.— А использование этого оборудования является исключительной монополией правительства. Вы могли бы и догадываться о том, что у меня есть связи на самом высоком уровне. Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения. Нам нужно обсудить более неотложные вопросы.

— Я пока вернусь наверх,— сказала Джанет Раймер.

— Благодарю вас,— кивнул Гольц. И вновь обратил мрачный взгляд к Николь: — Вы оказались не слишком умной женщиной, Кейт. Однако мы попробуем работать с тем, что имеем. Аппарат фон Лессингера показывает нам один из вариантов альтернативного будущего, где комиссар Пэмброук становится диктатором. Это наводит нас на мысль о том, что Уайлдер Пэмброук тесно связан с Карпами в их попытке свергнуть вас. Я полагаю, что вам следует немедленно арестовать Пэмброука и расстрелять его.

— Он уже потерял свой пост,— сказала Николь.— Не более десяти минут назад я освободила его от выполнения обязанностей комиссара НП.

— *И позволили ему уйти?* — изумленно воскликнула одна из женщин — членов Совета.

— Да,— неохотно созналась Николь.

— Значит, теперь уже поздно искать его,— сказал Гольц.— Ладно, давайте продолжим. Николь, первая же ваша акция должна быть направлена против двух картелей-монстров. Я имею в виду Карпов и «АГ Хеми». Антон и Феликс Карпы особенно опасны — при просмотре вариантов альтернативного будущего нам попалось несколько таких, где они уничтожают вас и остаются у власти по меньшей мере целое десятилетие. Мы обязаны предотвратить это любыми способами.

— Хорошо,— кивнула Николь.

Эта мысль показалась ей удачной. Она в любом случае выступила бы против Карпов, даже без советов со стороны этих типов.

— У вас такой вид,— отметил Гольц,— будто вы не нуждаетесь в нас и в наших советах. Но в действительности вам без нас не обойтись. Мы хотим объяснить вам, как вы еще можете спасти свою жизнь — в самом прямом смысле, физически. И уж только во вторую очередь вас должно беспокоить, как сохранить свое положение в обществе. Не будь нас, вас бы уже не было в живых. Пожалуйста, поверьте мне, мы пользовались аппаратом фон Лессингера и знаем, что говорим.

— Я просто никак не могу свыкнуться с мыслью, что здесь оказались вы,— сказала Николь.

— Но я был тут всегда. Просто вам об этом не было известно. Ничего не изменилось, кроме того, что сейчас вы это наконец обнаружили, а это, в общем-то, пустяк, Кейт... Слушайте, вы хотите остаться в живых? Вы намерены прислушиваться к нашим инструкциям? Или вас больше устраивает, чтобы Уайлдер Пэмброук и Карпы прикончили вас? — Тон его голоса был совершенно безжалостным.

— Разумеется, я согласна сотрудничать с вами,— сказала Николь.

— Вот и прекрасно.— Гольц кивнул и обвел взглядом коллег по Совету.— Первое распоряжение, которое вы отдадите... разумеется, через Руди Кальбфляйша...— это указ о национализации предприятий картеля «Карп унд Зоннен Верке» на всей территории США. Все активы Карпа должны стать собственностью правительства. Дайте указания военным на сей счет; их задача — захватить различные филиалы Карпа. Это должны сделать вооруженные подразделения, возможно даже с применением самоходной бронетехники. Срок — немедленно, лучше еще до наступления темноты.

— Хорошо,— сказала Николь.

— Нескольких армейских генералов, минимум троих или четверых, следует послать в центральный офис Карпа в Берлине.

Они должны арестовать семью Карпа. Прикажите им отвезти Карпов на ближайшую военную базу, отдайте под трибунал и немедленно казните — также до наступления ночи. Теперь о Пэмброуке. Я полагаю, лучше всего подослать к нему убийц из числа «Сыновей Иова». Военные пусть остаются в стороне.— Тон Гольца внезапно изменился.— Почему у вас такое выражение лица, Кейт?

— У меня разболелась голова,— сказала Николь.— И не зовите меня Кейт. Пока я у власти, вам следует называть меня Николь.

— То, что я говорю, не нравится вам, верно?

— Да,— призналась Николь.— Я не хочу никого убивать, даже Пэмброука и Карпов. С меня достаточно рейхсмаршала, более чем достаточно. Я не убила даже двоих музыкантов, которые притащили в Белый дом папулу, чтобы она укусила меня. Я позволила им эмигрировать на Марс.

— Такими путями проблем не решишь.

— Вы правы,— согласилась Николь.

За спиной у нее открылась дверь. Николь обернулась, ожидая увидеть Джанет Раймер.

В дверях с пистолетом в руке стоял Уайлдер Пэмброук, а за ним целая группа энпэшников.

— Вы арестованы,— сказал Пэмброук.— Все здесь присутствующие.

Вскочив на ноги, Гольц сунул руку под пиджак.

Пэмброук убил его первым и единственным выстрелом. Гольца отбросило назад. Кресло с грохотом перевернулось, и тело Гольца оказалось под дубовым столом, где и осталось лежать.

Больше никто даже не шевельнулся.

Пэмброук повернулся к Николь:

— Поднимайтесь наверх, вы должны выступить по телевидению. Прямо сейчас.— Он красноречиво взмахнул в ее сторону дулом пистолета.— И поторопитесь! Телепередача начнется через десять минут.— Он вытащил из кармана сложенный лист бумаги.— Тут то, что вы должны сказать.— Лицо его исказилось, будто у него начался нервный тик.— Это заявление о вашем уходе в отставку. Вы также признаете, что обе обнародованные сегодня новости являются правдой. И та, что касается Дер Альте, и та, что касается вас самой.

— Кому я должна передать свои полномочия? — спросила Николь.

Голос ее прозвучал очень тихо даже в собственных ушах, однако, по крайней мере, она не скулила. И была очень этим довольна.

— Чрезвычайному полицейскому комитету,— сказал Пэмброук.— Он организует подготовку к предстоящим всеобщим выборам, после чего, разумеется, будет распущен.

Ошеломленные и остававшиеся совершенно неподвижными члены Совета последовали было за Николь.

— Нет,— остановил их Пэмброук.— Вы все остаетесь здесь.— Лицо его побелело.— С нарядом полиции.

— Вы знаете, что он собирается сделать? — спросил у Николь один из членов Совета.— Убить нас.

Слова мужчины были едва слышны.

— Она бессильна помешать этому,— заявил Пэмброук и вновь махнул пистолетом в сторону Николь.

— Мы изучали такой вариант с помощью аппарата фон Лессингера,— сказала, обращаясь к Николь, одна из женщин.— Но мы не могли поверить, что такое может случиться на самом деле. Бертольд даже не стал рассматривать такую возможность как слишком уж маловероятную. Мы думали, что подобные методы в реальной политике давно не применяются.

Пэмброук вошел с Николь в кабину лифта. Они стали подниматься на первый этаж Белого дома.

— Не убивайте их,— сказала Николь.— Пожалуйста.

Пэмброук глянул на часы:

— К настоящему времени они уже мертвы.

Кабина остановилась. Дверцы ее открылись.

— Проходите в свой кабинет,— сказал Пэмброук.— Будете выступать непосредственно оттуда. Совет не принял всерьез возможность того, что мне удастся опередить и уничтожить их. Интересно, не правда ли? Они были так убеждены в неограниченности своей власти, что решили, будто я, как овечка, пойду навстречу собственной гибели. Я вообще сомневаюсь в том, что они просмотрели предварительно эти последние несколько минут. Они, должно быть, понимали, что у меня есть шанс, но не изучили мои возможности и не выяснили, как я могу их реализовать.

— Я не верю, что они были такими дураками,— сказала Николь.— Несмотря на ваши слова и то, что они говорили сами. Имея в своем распоряжении аппарат фон Лессингера...

Ей казалось просто невероятным, что Бертольд Гольц и остальные члены Совета так легко позволили себя убить. Они должны были находиться вне пределов досягаемости Пэмброука.

— Они были очень напуганы,— сказал Пэмброук.— А напуганные люди теряют способность думать.

Они подошли к кабинету Николь. На полу перед дверью лежало неподвижное тело. Это была Джанет Раймер.

— Ситуация, в которой мы оказались, принудила нас сделать это,— сказал Пэмброук.— Впрочем, нет... мы хотели это сделать. Давайте, в конце концов, будем честными друг с другом. Позаботиться о мисс Раймер было для меня актом, совершенным по собственному желанию, а не в силу вынужденных обстоятельств.

Он переступил через тело Джанет и открыл дверь в кабинет Николь.

В кабинете одиноко стоял Ричард Конгросян.

— *Со мной случилось нечто ужасное!* — возопил Конгросян, увидев их.— Я больше не могу контролировать себя и окружающую меня среду. Вы понимаете, каково мне сейчас? Это жуткое состояние!

Он шагнул к ним, было заметно, что он дрожит всем телом. Глаза его были готовы выскочить из орбит от страха, а руки, шея и лоб покрылись обильным потом.

— Вы в состоянии это понять?

— Подождите,— явно нервничая, сказал Пэмброук.

Николь снова заметила тик, перекосивший его лицо.

— Прежде всего мне нужно,— сказал Пэмброук, повернувшись к ней,— чтобы вы ознакомились с тем текстом, что я вам дал. Начинайте прямо сейчас.— Он снова посмотрел на часы.— Телевизионщикам следовало бы уже быть здесь.

— Это я отослал их,— пояснил Конгросян.— От их присутствия мне стало совсем худо. Взгляните-ка! Видите вот этот стол? Я теперь — часть его, а он — часть меня! Смотрите внимательно, я докажу вам.

Конгросян вперился взглядом в стол, беззвучно зашевелил губами.

Ваза с белыми розами, стоящая на столе, вдруг поднялась и двинулась по воздуху в его сторону. А потом, прямо у них на глазах, вошла в грудь Конгросяна и исчезла.

— Я впитал ее в себя. Она сейчас — я. А я — это он! — Он сделал жест в сторону стола.

На том месте, где раньше стояла ваза, появилась вроде бы из ниоткуда и начала формироваться какая-то густая масса неопределенного цвета, чрезвычайно сложное переплетение органических тканей, гладких тонких кроваво-красных трубок.

«Да ведь это же внутренности Конгросяна,— сообразила вдруг Николь.— По всей вероятности, селезенка с кровеносными сосудами и нервными волокнами».

Чем бы ни был этот орган, он пульсировал, он был живым и энергично работал.

«Как это все сложно!» — подумала Николь.

Она никак не могла отвести взгляд от стола, да и Уайлдер Пэмброук, как завороженный, глядел туда же.

— Меня всего вывернуло наизнанку! — вопил Конгросян.— Если так будет продолжаться, мне придется поглотить в себя всю Вселенную, а единственное, что останется вне меня,— это мои собственные внутренности. После чего мне, вероятнее всего, конец!

— Послушайте, Конгросян! — Пэмброук направил дуло своего пистолета на пианиста-психокинетика.— Какого черта вам понадобилось отсылать бригаду телевизионщиков? Она мне нужна в этом кабинете, Николь должна выступить перед страной. Ступайте и скажите им, чтобы они вернулись.— Он сделал пистолетом в сторону Конгросяна недвусмысленный жест.— Или разыщите служащего Белого дома, который...— Он осекся.

Пистолет выскользнул из его руки.

— Помогите мне, помогите! — взвыл Конгросян.— *Он становится мною, а я стану им!*

Пистолет исчез в теле Конгросяна.

В руке же Пэмброука оказалась розовая губчатая масса легочной ткани. Он тут же выронил ее на пол, а Конгросян завопил от боли.

Николь закрыла глаза.

— Ричард,— раздраженно простонала она,— прекратите. Возьмите себя в руки.

— Да,— сказал Конгросян и беспомощно хихикнул.— Я могу теперь взять себя в руки, могу разбросать по полу органы. А возможно, если повезет, сумею и назад их отправить.

Николь открыла глаза:

— А меня можете отправить? Избавить от всего этого, прямо сейчас? Переместите меня куда-нибудь далеко отсюда, Ричард! *Пожалуйста!*

— Я не могу дышать! — пожаловался Конгросян, хватая ртом воздух.— Часть моей дыхательной системы оказалась у Пэмброука, и он не позаботился о ней, уронил ее.— Пианист показал рукой на полицейского.

Лицо Пэмброука побелело, с него сошел оптимизм жизни.

— Он что-то выключил внутри меня,— сказал энпэшник.— Какой-то существенный орган.

— Правильно! — завопил Конгросян.— Я отключил у вас... А вот не стану говорить, что именно.— Он с хитрым видом ткнул пальцем в сторону Пэмброука.— Скажу же я вот что. Вы проживете еще... ну, скажем... примерно часа четыре.— Он рассмеялся.— Что вы на это скажете?

— Вы можете включить этот орган снова? — с трудом проговорил Пэмброук.

Черты его лица пропитались болью, он явно страдал.

— Если захочу,— сказал Конгросян.— Но я не хочу, потому что у меня нет на это времени. В первую очередь мне нужно собрать самого себя.— Он нахмурился, сосредоточился.— Я занят изгнанием инородных предметов, которым удалось проникнуть внутрь меня,— пояснил он.— Я хочу стать прежним, а для этого нужно заставить вернуться все, что должно находиться внутри меня.— Он с негодованием посмотрел на розовую губчатую массу легочной ткани, валявшуюся на полу.— Ты — это я,— сказал он ей.— Ты — часть меня. Ты не можешь находиться вне меня. Понятно?

— Пожалуйста, переместите меня как можно дальше отсюда,— взмолилась Николь.

— Хорошо, хорошо,— раздраженно согласился Конгросян.— Где бы вам больше всего хотелось оказаться? В другом городе? На Марсе? Кто знает, на какое расстояние я в состоянии переместить вас? Я сам, во всяком случае, не знаю. Как отметил мистер Пэмброук, я так и не научился пользоваться своими способностями в политических целях. Тем не менее, я теперь нахожусь в большой политике.— Он восторженно засмеялся.— А что вы скажете насчет Берлина? Я могу отправить вас отсюда в Берлин. Я абсолютно уверен в этом.

— Да хоть куда-нибудь,— простонала Николь.

— Я знаю, куда вас отправить,— неожиданно воскликнул Конгросян.— Я знаю, где вы будете в безопасности, Никки. Поймите, я *хочу*, чтобы с вами не случилось ничего плохого. Я верю в вас, я знаю, что вы существуете на самом деле. Как бы ни врали эти гнусные машины. У меня есть полное право утверждать, что они лгут. Они пытаются расшатать мою веру в вас. Все они — одна шайка.— Он замолк, переводя дух, затем продолжил: — Я переправлю вас в Дженнер, ко мне домой. Вы будете с моей женой и сыном. Пэмброуку там до вас не добраться, потому что к этому времени его не будет в живых. Я только что остановил работу еще одного очень важного органа у него внутри. Он не проживет дольше шести минут.

— Ричард, позвольте ему...— начала было Николь и осеклась, потому что все исчезло.

Конгросян, Пэмброук, ее кабинет в Белом доме — ничего этого больше не было. А сама она оказалась в сумрачном дождливом лесу. С блестящих листьев капала вода, почва под ногами была мягкая, пропитанная водой. Вокруг стояла мертвая тишина. Перенасыщенный сыростью лес был совершенно безмолвен.

Николь была в нем абсолютна одна.

Оглянувшись по сторонам, она побрела сама не зная куда. Она ощущала себя какой-то одеревеневшей, бесконечно старой, каждое движение давалось ей с немалым трудом. Ей показалось, будто она простояла здесь, в тишине, под этим нескончаемым дождем, уже миллион лет. Будто она была здесь всегда...

Впереди, сквозь виноградные лозы и заросли мокрых кустарников, виднелись очертания обветшалого, давно не крашеного дома из мамонтова дерева. Николь двинулась к этому дому, обняв плечи руками и вся дрожа от холода.

Отодвинув в сторону последнюю мешавшую ей ветку, она увидела припаркованное на подъездной дорожке такси-автомат, с виду очень древнее.

Отворив дверцу, она приказала:

— В ближайший город.

Такси ничем не отреагировало на ее распоряжение, будто давно вышло из строя.

— Ты меня не слышишь? — громко сказала Николь.

— Прошу прощения, мисс,— донесся со стороны дома женский голос.— Это такси занято, на нем приехали люди из звукозаписи. Оно не станет вас слушаться, так как находится под наймом.

— О-о! — вырвалось у Николь, после чего она выпрямилась и захлопнула дверцу.— Вы жена Ричарда Конгросяна?

— Да,— ответила женщина, спускаясь по ступенькам.— А вы...— она заморгала,— ...вы ведь Николь Тибодо.

— Была ею,— сказала Николь.— Можно пройти в дом и выпить что-нибудь погорячее? Я неважно себя чувствую.

— Конечно же,— сказала миссис Конгросян.— Пожалуйста! Вы ищете Ричарда? Его здесь нет. Когда я с ним говорила в последний раз, он был в психиатрической клинике «Франклин Эймз» в Сан-Франциско. Вам это известно?

— Да,— ответила Николь.— Но сейчас он в другом месте. Нет, я не ищу его.

Она последовала за миссис Конгросян вверх по ступенькам.

— Люди из звукозаписи гостят у нас уже три дня,— сказала миссис Конгросян.— Все записывают и записывают. Я уже начинаю думать, что они и не собираются уезжать. Правда, это прекрасные люди, и мне очень приятно их общество. Они здесь и ночуют. Они приехали сюда записывать игру моего мужа, в соответствии с его старым контрактом с «Арт-Корпорэйшн», но, как я уже сказала, он неожиданно для всех уехал.

Она открыла входную дверь.

— Спасибо вам за гостеприимство,— сказала Николь.

Тут же обнаружилось, что в доме тепло и сухо. После тоскливого пейзажа снаружи у Николь даже на душе полегчало. В камине весело трещали поленья, и она подошла поближе.

— Я слышала какую-то чушь по телевизору,— сказала миссис Конгросян.— Что-то про вас. Я так толком ничего и не поняла. Говорят, будто вы...— Она замялась.— В общем, будто вы не существуете. Так, во всяком случае, мне показалось. Вы хоть понимаете, о чем идет речь? О чем они болтают?

— Боюсь, что нет,— ответила Николь, согреваясь.

— Пойду приготовлю кофе,— сказала миссис Конгросян.— Мистер Флайджер и его коллеги из ЭМЭ вот-вот должны вернуться. К обеду. Вы одни? С вами больше никого нет? — В голосе хозяйки послышалось изумление.

— Совершенно одна,— ответила Николь.

Ей было интересно, умер ли к этому времени Уайлдер Пэмброук. Она очень надеялась на его смерть, это был бы лучший вариант.

— Ваш муж,— сказала она,— прекрасный человек. Я ему многим обязана.

«По сути, я обязана ему жизнью»,— подумала она.

— А он очень высокого мнения о вас,— отозвалась миссис Конгросян.

— Можно мне остаться? — вдруг спросила Николь.

— Конечно. Сколько вам будет угодно.

— Спасибо! — сказала Николь.

Она почувствовала себя несколько лучше.

«Может быть, я уже никогда не вернусь,— подумала она.— Ради чего мне теперь возвращаться? Джанет мертва, Бертольд Гольц мертв, даже рейхсмаршал Геринг мертв, и уж, конечно же, мертв теперь Уайлдер Пэмброук. И весь Совет мертв, все эти таившиеся в полумраке фигуры, которых я прикрывала столько лет. При условии, разумеется, если энпэшники выполнили отданный им приказ. Впрочем, в этом сомневаться не приходится».

Миссис Конгросян гремела на кухне посудой.

«А кроме того,— подумала Николь,— я все равно не смогу управлять страной. Информаторы позаботились об этом по полной программе. По всей своей слепой и эффективной программе... Они и Карпы. Так что теперь пришла очередь Карпов. Пусть какое-то время празднуют успех... Пока, в свою очередь, не сожрут и их, как это сделали со мною».

За окном послышалось шуршание: дождь набирал силу.

«Я даже не могу теперь эмигрировать на Марс,— подумала Николь.— Во всяком случае, драндулетом Чокнутого Луки мне

не воспользоваться. И в этом я виновата сама. Впрочем, существуют и другие способы добраться туда. Есть большие коммерческие суда, эксплуатирующиеся вполне законным путем, есть корабли, принадлежащие правительству. А еще есть очень быстроходные военные корабли. Я, пожалуй, еще могла бы реквизировать один такой. Через административный аппарат Руди, даже несмотря на то, что он... вернее, оно... на смертном одре. Официально армия присягала ему, ей положено выполнять его приказы».

— Вы хорошо себя чувствуете? Кофе вам не повредит? — Миссис Конгросян внимательно смотрела на нее.

— Спасибо,— ответила Николь.— Не повредит.

Она последовала за миссис Конгросян в кухню этого просторного старинного дома.

За окнами дождь хлестал уже вовсю. Николь снова задрожала и решила больше не глядеть на улицу; дождь повергал ее в ужас, он походил на предзнаменование. Напоминание о злой судьбе, что могла быть ей уготована.

— Вы чего-то боитесь? — вдруг спросила миссис Конгросян.

— Сама не знаю,— честно призналась Николь.

— Я не раз видела Ричарда в таком состоянии. Причиной, должно быть, здешний климат. Он уныл и однообразен. А вы, судя по описаниям Ричарда, никогда такою не были. Он всегда рассказывал, что вы очень храбрая. И очень энергичная.

— Мне жаль, что я вас разочаровала.

Миссис Конгросян погладила ее по руке:

— Вы не разочаровали меня. Вы мне очень понравились. Я уверена: это погода виновата в том, что у вас плохое настроение.

— Может быть,— сказала Николь.

Но она знала, что вовсе не дождь тому виной. А нечто куда более серьезное.

ГЛАВА 15

— Вы оба арестованы,— сказал энпэшник.— Пройдемте со мною.

Это был мужчина средних лет, настоящий профессионал, строгий и беспощадный, с непроницаемым, ледяным взором.

— Вот видишь? — сказал Мори обвиняющим тоном.— Именно об этом я тебя и предупреждал! Эти ублюдки все свалят на нас! Мы будем козлами отпущения. Какие же мы ослы!

Чик и Мори вышли из маленькой, такой привычной, заваленной бумагами и чертежами конторы, которая представляла

собой сердце фирмы «Фрауэнциммер Ассошиэйтес». Энпэшник следовал за ними по пятам.

Все трое в угрюмой тишине брели к припаркованной здесь же полицейской машине.

— Пару часов назад,— внезапно вспыхнул Мори,— у нас было все. А теперь из-за твоего братца нет ничего!

Чик не ответил. Ему нечего было ответить.

Полицейская машина тронулась в направлении автобана.

— Я еще отплачу тебе, Чик,— сказал Мори.— Да поможет мне в этом Бог!

— Как-нибудь выпутаемся,— попытался успокоить его Чик.— У нас и раньше бывали проблемы. Однако все так или иначе улаживалось.

— Если б ты только эмигрировал! — воскликнул Мори.

«Да я и сам жалею, что не эмигрировал,— подумал Чик.— Где бы мы сейчас были с Ричардом Конгросяном? В глубоком космосе — летели бы к ферме, расположенной на границе цивилизованного мира, где нас ждала бы новая, незамысловатая жизнь. А вместо этого... Кстати, где сейчас Конгросян, интересно? Ему так же плохо? Вряд ли».

— В следующий раз, когда тебе вздумается уйти из фирмы...— начал Мори.

— Ну хватит! — вдруг вскричал Чик.— Лучше давай подумаем, что нам делать.

«Кого бы мне сейчас хотелось увидеть, так это Винса,— подумал он.— А потом Антона и старого Феликса Карпа.

Энпэшник, сидевший рядом с ним, вдруг сказал водителю:

— Эй, Сид, гляди-ка. Дорога блокирована.

Полицейская машина притормозила. Присмотревшись, Чик увидел на разделительной полосе огромный армейский бронетранспортер. Из башни его грозно глядело крупнокалиберное артиллерийской орудие. Автобан был забит машинами и автобусами, остановленными баррикадой из тяжелых грузовиков, перегородившей шесть из восьми полос.

Сидевший рядом с Чиком полицейский вытащил пистолет. То же сделал и водитель.

— Что происходит? — спросил Чик. Сердце его учащенно забилось.

Ни один из энпэшников не удостоил его вниманием, взоры их были прикованы к военным, столь эффективно заблокировавшим автобан. Полицейские напряглись, и Чику передалось их состояние. Казалось, тягостная тревога заполнила салон машины.

Минут десять полицейская машина еле-еле ползла за впереди идущим автомобилем. И тут в открытое окно влетел рекламыш Теодора Нитца, очень похожий на крохотную летучую мышь.

— Люди кажутся способными проникать взглядом сквозь вашу одежду? — пропищал рекламыш и скользнул под переднее сиденье.— Вам кажется в общественном месте, будто у вас расстегнута ширинка, надо посмотреть вниз...

Водитель выстрелил в него из своего пистолета, и рекламыш заткнулся.

— Боже, как я ненавижу эти штуковины! — Водитель с отвращением сплюнул.

Полицейскую машину тут же окружили солдаты, услышавшие звук выстрела. Все они были вооружены и наготове.

— Эй, а ну-ка бросьте оружие! — пролаял командовавший солдатами сержант.

Оба энпэшника неохотно выбросили через открытые окна свои пистолеты. Один из солдат рывком открыл дверцу. Энпэшники осторожно вышли из машины и подняли вверх руки. Мори и Чик последовали за ними.

— В кого вы стреляли? — спросил сержант.— В нас?

— В рекламыша Нитца,— с дрожью в голосе сказал один из полицейских.— Загляните в машину, под сиденьем. В вас мы не стреляли. Честное слово!

— Он говорит правду,— сказал один из солдат, заглянув под переднее сиденье.— Тут и вправду валяется мертвый рекламыш.

Сержант задумался на мгновенье, затем принял решение.

— Можете ехать дальше. Только без оружия. И отпустите на свободу задержанных. С этого момента вы подчиняетесь приказам генштаба, а не полицейского начальства.

Оба энпэшника тут же вскочили в свою машину. Дверцы захлопнулись, полицейские приложили все усилия, чтобы побыстрее влиться в цепочку машин, проезжавших через узкий проход в воздвигнутой военными баррикаде. Чик и Мори смотрели им вслед.

— Что происходит? — спросил Чик.

— Вы свободны,— ответил сержант.— Возвращайтесь домой и носа из него не высовывайте. Не участвуйте ни в чем, происходящем на улицах.

Солдаты удалились, оставив Чика и Мори одних.

— Это переворот,— потрясено сказал Мори,— организованный военными.

— Или полицией,— заметил, почти не задумываясь, Чик.— Похоже, что дальше придется добираться автостопом.

Подобным образом он не путешествовал со времен теперь уже далекого детства; ему казалось странным прибегать к такому способу в его возрасте. Это было даже интересно. Чик медленно побрел по обочине, подняв вверх большой палец. Ветер дул ему прямо в лицо, неся с собой запах земли, воды и больших городов. Чик сделал глубокий вдох, набрал эти запахи в грудь.

— Подожди меня! — завопил Мори и поспешил за ним.

Земля вдруг содрогнулась так, что Чика подбросило. На севере в небо всплыло огромное серое грибовидное облако. Прикрыв глаза ладонью, Чик все же не удержался от того, чтобы бросить быстрый взгляд в ту сторону. Там явно произошел взрыв. По всей видимости, небольшая тактическая атомная бомба. В ноздри ударил сильный запах гари.

Какой-то солдат, проходя мимо, бросил через плечо:

— Местное отделение «Карп унд Зоннен Верке».

Он радостно ухмыльнулся Чику и поспешил дальше.

— Они взорвали,— тихо произнес Мори.— Военные взорвали Карпа.

— Мне тоже так кажется,— ошеломленно сказал Чик.

И снова, совершенно непроизвольно, поднял большой палец, ища взглядом попутную машину.

Над головой пронеслись две армейские ракеты, преследуя полицейский вертолет. Чик следил за ними, пока они не исчезли из вида.

«Это же полномасштабная война»,— подумал он, ужасаясь.

— Интересно, а по нам они не саданули? — сказал Мори.— Я имею в виду фабрику «Фрауэнциммер Ассошиэйтес».

— Мы для них мелковаты,— отозвался Чик.

— Ты, пожалуй, прав,— с надеждой в голосе произнес Мори.

«В такие времена лучше быть маленьким,— подумал Чик.— И чем меньше, тем лучше. Вплоть до точки».

Около них остановилась машина. Они рванулись к ней.

В небе образовалась еще одно грибовидное облако, на этот раз на востоке, заполнив добрую четверть небосвода. И снова затряслась земля под ногами.

«Должно быть, „АГ Хеми“»,— решил Чик, забираясь в кабину поджидавшего их автомобиля.

— Куда, парни, путь держите? — спросил водитель, плотный рыжеволосый мужчина.

— Куда глаза глядят, мистер,— ответил Мори.— Лишь бы подальше от неприятностей.

— Согласен с вами,— сказал водитель, трогая машину.— Ох, как я с вами согласен!

У него был старомодный автомобиль преклонного возраста, но, похоже, в очень неплохом состоянии.

Чик Страйкрок откинулся на спинку сиденья. Рядом с ним, облегченно вздохнув, то же самое сделал Мори Фрауэнциммер.

— Сдается мне, они все-таки прищучили этих монстров,— сказал рыжеволосый, медленно ведя машину через узкий проезд в баррикаде.

— Это точно,— отозвался Мори.

— Самое время,— произнес рыжеволосый.

— Что верно, то верно,— сказал Чик Страйкрок.— Я с вами полностью согласен.

Машина начала набирать скорость.

* * *

В большом старом деревянном здании, полном эха и пыли, горбатики прохаживались из угла в угол, беседовали друг с другом, пили «кока-колу», а некоторые вроде бы даже танцевали. Эти танцы больше всего заинтересовали Ната Флайджера, и он направился со своим портативным «Ампеком Ф-а2» в ту часть «дансинг-холла», где это происходило.

— Танцам нет! — сказал ему Джим Планк.— Песням да! Подождем, когда они начнут петь снова. Если, конечно, это их занятие можно назвать пением.

— Звуки, которые они издают во время танца, очень ритмичны,— заметил Нат.— Думаю, нам бы не помешало и их записать.

— Ты, бесспорно, технический глава нашего предприятия,— признал Джим.— Но я сделал очень много самых различных записей в своей жизни и сразу скажу тебе: это бессмысленно. Звуки будут на ленте, в этом сомневаться не приходится, твои червеобразные их выловят. Но это не музыка.— Он посмотрел на Ната безжалостным взглядом.

«Я все равно должен попытаться»,— твердо решил Нат.

— Они такие сутулые,— сказала Молли.— Все без исключения... И такие невысокие. Большинство даже ниже меня.

— Они потеряли свое время,— пожал плечами Джим.— Когда оно было? Двести тысяч лет назад? Или триста? Во всяком случае, очень давно. Я сомневаюсь, что им удастся долго просуществовать. Они выглядят... очень озабоченными.

«Он не ошибается,— подумал Нат.— Эти неандертальцы крайне угнетены бременем жизни, выпавшей на их долю, и вряд ли думают о выживании. Тут Джим совершенно прав — они просто не приспособлены для решения этой задачи. Кроткие нравом,

невысокие ростом, сгорбленные под тяжестью насущных проблем, смирившиеся со своим положением, неуклюжие и почти не владеющие человеческим языком, они идут своим жалким путем, с каждым мгновением приближаясь к концу... Так что лучше нам записать все это, пока еще есть возможность. А она, похоже, будет недолгой. Или... может быть, я все-таки ошибаюсь?»

Один из горбатиков, взрослый мужчина в клетчатой рубахе и светло-серых рабочих брюках, натолкнулся на Ната и пробормотал нечленораздельное извинение.

— Все о'кей! — заверил его Нат.

Он ощутил сильное желание проверить свои предположения, подбодрить эту неудачную форму жизни, это эволюционное отступление.

— Вы не станете возражать, если я угощу вас пивом? — спросил он у горбатика.— О'кей?

Здесь, в дальнем конце здания, было что-то вроде бара.

Горбатик робко поглядел на него и вежливо отказался от угощения.

— Почему же нет? — удивился Нат.

— Нет...— Горбатик, казалось, был не в состоянии выдержать пристальный взгляд Ната. Он смотрел в пол, сжимая и разжимая кулачки.— М-мне нельзя,— в конце концов сумел выговорить он.

Тем не менее он продолжал стоять перед Натом, по-прежнему уткнувшись взглядом в пол и гримасничая.

«По всей вероятности, он очень напуган»,— решил Нат.

— Эй, приятель, не могли бы вы спеть какую-нибудь популярную среди горбатиков песню? — сказал Джим Планк, медленно произнося каждое слово.— Мы запишем вас.— Он подмигнул Нату.

— Оставьте его в покое,— сказала Молли.— Вы же видите, что он не умеет петь. Он вообще ничего не умеет — это очевидно.

Она отошла в сторону, откровенно рассердившись на них обоих. Горбатик сонно повернулся ей вслед, еще сильнее ссутулившись. Взгляд его оставался тусклым.

Может ли хоть что-нибудь воспламенить этот тусклый взгляд? Почему все-таки горбатики желают выжить, если жизнь так мало для них значит?

Эта мысль пришла в голову Ната совершенно внезапно.

Может быть, они выжидают, рассчитывая на то, что еще не случилось, но что — они знают или надеются — случится. Это вполне объяснило бы их поведение.

— В самом деле, оставь его в покое,— сказал Нат Джиму Планку.— Она права.

Он положил руку на плечо Джима, но эксперт звукозаписи отодвинулся от него.

— Мне кажется, они способны на гораздо большее,— сказал он.— У меня такое впечатление, что они просто тянут время, не растрачивая себя. Не делая излишних попыток. Черт, хотелось бы мне поглядеть на их попытки.

— И мне тоже,— сказал Нат.— Но не нам подвигнуть их на такие попытки.

От телевизора, стоявшего в углу, послышались громкие звуки, и многие из горбатиков, как мужчины, так и женщины, прошли в тот угол и теперь неподвижно стояли перед телевизором.

«Передают какие-то важные новости»,— сообразил Нат.

Он сразу же переключил все свое внимание туда — в стране явно произошли какие-то экстраординарные события.

— Слышишь, что говорит диктор? — прошептал ему на ухо Джим.— Боже мой, это же война.

Они принялись проталкиваться сквозь толпу горбатиков поближе к телевизору. Молли уже была там, увлеченно слушая, что говорил диктор.

— Революция! — ошеломлено сказала она Нату, перекрывая голос диктора.— Карп...— В глазах ее светилось недоверие.— Карпы и «АГ Хеми» пытались захватить власть с помощью энпэшников.

На экране появились дымящиеся развалины, в которых можно было разглядеть останки огромного индустриального объекта. Однако узнать его Нат не смог.

— Это филиал Карпа в Детройте,— сказала Молли, перекрикивая грохот, доносящийся из телевизора.— Дело рук военных... Боже милостивый, это диктор только что сказал!

Джим Планк, равнодушно глядя на экран, спросил:

— И кто же побеждает?

— Пока неизвестно,— сказала Молли.— Я не знаю. Слушайте, что он говорит. Это самое свежее сообщение, он его только-только начал читать.

Горбатики, глядя на экран, совершенно безмолвствовали. Фонограф, под музыку которого они «танцевали», замолк. Почти все они сгрудились перед телевизором, увлеченно следя за сражениями между армией США и покинувшими казармы подразделениями Национальной Полиции, поддержанной силами безопасности картелей.

— В Калифорнии,— тараторил диктор,— дивизия НП Западного Побережья в полном составе сдалась в плен частям 6-й

армии, возглавляемой генералом Хохэйтом. Однако в штате Невада...

На экране появилась одна из улиц в центральной части Рино; здесь военными была возведена баррикада, а полицейские снайперы вели огонь по солдатам из окон ближайших зданий.

— В конечном счете,— сказал диктор,— монополия вооруженных сил на ядерное оружие и станет фактором, обеспечивающим победу. Но пока мы можем только:..

Диктор продолжал взволнованно тарахтеть, а разбросанные по всей территории США роботы-репортеры освещали положение в тех местах, где конфликт бушевал с особой силой.

— Борьба эта, скорее всего, затянется надолго,— сказал Джим Планк. Лицо его сделалось серым и утомленным.— Мне кажется, нам чертовски повезло, что мы оказались здесь. В такое время самое лучшее — забраться в уголок и носа не высовывать.

На экране теперь показывали столкновение между полицейским патрулем и армейским разведподразделением. Враги, выпустив из коротких автоматов очередь, поспешно ныряли в укрытия. Упал ничком на бегу один из солдат, затем не успел добежать до спасительного угла и энпэшник в серой форме.

Стоявший по соседству с Натом Флайджером горбатик, увлеченно наблюдавший за событиями, подтолкнул локтем другого, тоже мужчину. Они переглянулись и многозначительно улыбнулись друг другу. Нат заметил эту улыбку, как и выражение их лиц. И вдруг понял, что в душе своей горбатики испытывают одно и то же тайное удовольствие.

«Что здесь происходит?» — спросил себя Нат.

Стоявший рядом Джим Планк тихо сказал:

— Нат, Боже мой! Они ждали именно этого!

«Так вот оно что»,— сообразил Нат, ощущая, как его душу пронизывает страх.

Не было больше у горбатиков ни пустых взглядов, ни тупого безразличия. Не скрывая волнения, они следили за изображением на экране и прислушивались к взволнованной речи диктора.

«Что все это означает? — спросил себя Нат. И сам себе ответил: — Это означает, что у них появился шанс. Им представилась благоприятная возможность. Мы уничтожаем друг друга у них на глазах. И это может обеспечить им место под солнцем, жизненное пространство. Они больше не будут заперты в этом крошечном унылом анклаве, а получат в свое распоряжение весь мир. Весь без остатка».

Понимающе усмехаясь друг другу, горбатики продолжали с живым интересом глядеть на экран телевизора. И слушать.

Страх в душе Ната нарастал.

* * *

— Дальше я не еду, ребята,— сказал рыжеволосый.— Дальше вам придется топать пешком.

Он сбросил скорость и остановился у обочины. Они находились уже в пределах города. Автобан остался позади. По обеим сторонам улицы в панике бежали мужчины и женщины. Осторожно ползла вперед полицейская машина с разбитым ветровым стеклом, сидевшие внутри энпэшники ощетинились оружием.

— Постарайтесь спрятаться в закрытом помещении,— посоветовал рыжеволосый.

Чик и Мори осторожно выбрались из машины.

— Я живу совсем рядом. В «Аврааме Линкольне»,— сказал Чик.— Туда можно добраться пешком. Пошли!

Он махнул рукой Мори, показывая направление, и они присоединились к толпе бегущих перепуганных людей.

«Ну и кутерьма,— подумал Чик.— Хотелось бы знать, чем это все закончится. Интересно, удастся ли пережить нашему обществу эту заваруху и сохранить стиль жизни?»

— У меня... болит... живот,— простонал, тяжело пыхтя, Мори, лицо толстяка стало серым от напряжения.— Я... не привык... к такому.

Наконец они добрались до «Авраама Линкольна». Здание оказалось неповрежденным. В дверях стояли охранники, вооруженные винтовками, а рядом с ними — Винс Страйкрок, проверяющий сканером идентификаты. Он был преисполнен важности.

— Привет, Винс! — сказал Чик, когда они с Мори достигли входа.

Брат встрепенулся, поднял голову; какое-то время они молча смотрели друг на друга. Наконец Винс сказал:

— Привет, Чик! Рад тебя видеть живым и невредимым.

— Можно войти? — спросил Чик.

— Разумеется! — Винс смотрел в пространство. Затем, повернувшись к охраннику, кивнул и сказал Чику: — Проходи. Я рад, что НП не удалось загнать тебя в угол.

На Мори Фрауэнциммера он даже не посмотрел, словно того здесь и не было.

— А я? — спросил Мори.

— Вы,— сдавленным тоном произнес Винс,— тоже можете пройти внутрь. В качестве специально приглашенного гостя Чика.

Стоявший за ними в очереди мужчина раздраженно крикнул:

— Ну поторапливайтесь там! На улице небезопасно.

Он начал напирать на Чика, подгоняя его.

Чик и Мори быстро прошли внутрь «Авраама Линкольна». Мгновеньем позже они уже поднимались в кабине лифта на самый верхний этаж.

— Интересно, что он из этого выгадал? — задумчиво сказал Мори.— Твой младший братец, я имею в виду.

— Да ничего,— коротко ответил Чик.— Карпа нет. Винсу и еще многим теперь конец.

«И Винс далеко не единственный из них, кого я знаю»,— подумал он.

— Включая и нас,— словно прочел его мысли Мори.— Нам ничуть не лучше. Разумеется, очень многое зависит от того, кто одержит верх.

— Какая разница, кто одержит верх! — сказал Чик.

Так, по крайней мере, ему представлялось. Разрушение... Гигантская опасность над страной... Еще неизвестно, чем все кончится... В этом весь ужас гражданской войны — независимо от ее исхода, победителей в ней не бывает, положение одинаково незавидно для всех — для победителей, побежденных и тех, кто отсиделся.

Это была катастрофа. Для всех вместе и для каждого в отдельности...

Подойдя к квартире Чика, они обнаружили, что дверь не заперта. Чик толкнул ее. И заглянул внутрь.

Там была Джули.

— Чик! — Она шагнула ему навстречу. У стены стояли два больших чемодана.— Я упаковалась. Я устроила все так, чтобы мы с тобой эмигрировали. *Мне удалось достать билеты...* Не спрашивай, каким образом, я никогда тебе не расскажу.

Лицо ее было бледным, но спокойным. Она слегка принарядилась и выглядела просто прекрасной. Тут она увидела Мори.

— Кто это? — спросила она.

— Мой босс,— ответил Чик.

— У меня только два билета,— нерешительно сказала Джули.

— Вот и хорошо,— заметил Мори и улыбнулся, чтобы успокоить ее.— Я должен остаться на Земле. Мне нужно будет возглавить крупное предприятие.— Он повернулся к Чику: — Мне кажется, она очень неплохо все придумала. Значит, это и есть та девушка, о которой ты мне говорил по видеофону? Из-за нее

ты тогда опоздал на работу? — Он добродушно похлопал Чика по спине.— Желаю удачи, старый приятель. Ты доказал, что все еще молод, достаточно молод, во всяком случае. Завидую тебе.

— Наш корабль стартует через сорок пять минут,— сказала Джули.— Дьявол, как я молилась, чтобы ты вернулся! Я пыталась связаться с тобою, звонила к тебе на работу...

— Нас забрала НП,— объяснил Чик

— Космопорт контролируют военные,— сказала Джули.— Они производят проверку всех прибывающих или стартующих межпланетных кораблей. Но если мы доберемся до космопорта, то все будет в порядке. Мне пришлось,— добавила она,— сложить все твои деньги и все мои, чтобы купить билеты. Они невероятно дороги. С «Пристанищами драндулетов» ведь проблемы...

— Вам пора в путь, друзья,— сказал Мори.— Я останусь в квартире, если у вас все будет о'кей. Сдается мне, это будет самым разумным, если принять во внимание нынешние обстоятельства.

Он разместил свое страшно уставшее тело на диванчике, умудрился закинуть ногу за ногу, достал сигару «Датч мастерс» и закурил.

— Может быть, мы еще увидимся в будущем,— сказал Чик, чувствуя неловкость.

Он не знал, как вести себя в последние минуты перед уходом.

— Может быть,— буркнул Мори.— Во всяком случае, дай о себе знать с Марса.

Он поднял журнал с кофейного столика и начал его перелистывать, делая вид, будто ничто его больше не интересует.

— Чем будем заниматься на Марсе? — спросил Чик у Джули.— Фермерством? Ты думала об этом?

— Да, фермерством,— ответила Джули.— Возьмем участок хорошей земли и начнем орошать. У меня там есть родственники. Они нам помогут поначалу.

Джули подняла один из чемоданов. Чик отобрал его и подхватил второй.

— Пока,— произнес Мори нарочито небрежным тоном.— Желаю вам обоим удачи с этой красной и пыльной землей.

— И тебе удачи,— сказал Чик.

«Интересно, кому удача потребуется больше? — подумал он.— Тебе здесь, на Земле, или нам на Марсе?»

— Я вышлю вам парочку симов для компании,— пообещал Мори.— Чтоб вам было веселее... Попозже, когда здесь немного улягутся страсти.

Попыхивая сигарой, он смотрел на них, пока они не закрыли за собой дверь.

* * *

Снова громко заиграла музыка, и кое-кто из горбатиков возобновил шарканье ногами по полу, означавшее танцы. Нат Флайджер отвернулся от телевизора.

— Думаю, мы уже неплохо накормили наш «Ампек»,— сказал он Молли.— Можно возвращаться назад, в дом Конгросяна. Здесь нам больше делать нечего.

— Вполне возможно, нам уже везде нечего делать, Нат,— мрачно заметила Молли.— Знаешь, то, что мы были доминирующей расой на протяжении нескольких десятков тысяч лет, еще не гарантирует нам...

— Знаю,— сказал Нат.— Я тоже видел их лица.

Он повел ее назад, туда, где они оставили «Ампек Ф-а2». Джим Планк последовал за ними.

— Порядок? — спросил Нат.— Можно возвращаться? Закончили?

— Закончили,— кивнул Джим Планк.

— Мне кажется,— сказала Молли,— что нам следовало бы задержаться в районе Дженнера, пока не завершится эта схватка. Лететь назад, в Тихуану, сейчас небезопасно. Если Бет Конгросян позволит нам остаться, давайте останемся. У нее в доме.

— Ладно,— сказал Нат.

Он был согласен с нею. Полностью.

— Глядите-ка,— сказал вдруг Джим Планк.— К нам направляется женщина. Именно женщина, а не горбатик. Такая же, как и мы.

Женщина, молодая и стройная, с коротко подстриженными волосами, в синих хлопчатобумажных брюках, белой рубашке и мокасинах, уверенно пробивалась между отдельными группками шаркающих горбатиков.

«*Я же знаю ее,*— подумал Нат.— Я видел ее миллион раз».

Он знал ее и одновременно не знал, и это было ужасно странно.

«Как же она красива! — подумал он.— Невероятно, прямотаки дьявольски, почти до абсурда, неестественно красива... Сколько еще я знаю женщин, столь же привлекательных? Да ни одной. Ни одной во всем белом свете, кроме одной... Кроме Николь Тибодо».

— Вы мистер Флайджер? — спросила она его, подойдя совсем близко, и заглянула ему прямо в глаза.

Только теперь до него дошло, насколько она невысока и как хрупка. Во время телевизионных передач это не было заметно. По сути, Николь Тибодо всегда казалась ему крупной женщиной. Он был просто потрясен сейчас, обнаружив, что это совсем не так.

— Да,— ответил он.

— Меня сюда переместил Ричард Конгросян,— сказала Николь,— но я желаю вернуться туда, где мне надлежит сейчас быть. Вы можете увезти меня отсюда в своем такси?

— Разумеется,— кивнул Нат.

Никто из горбатиков не обращал на нее внимания: то ли они не догадывались, кто она такая, то ли это их совершенно не заботило. Джим Планк и Молли, однако, широко разинули рты, не веря своим глазам.

— Когда вы уезжаете? — спросила Николь.

— Видите ли,— сказал Нат,— мы собирались остаться. Из-за этого конфликта. Здесь, пожалуй, безопаснее.

— Нет,— сразу же начала настаивать Николь.— Вы обязаны вернуться. Вы обязаны внести свою лепту в общее дело. Неужели вы хотите, чтобы они победили?

— Я даже не знаю, о ком вы говорите,— признался Нат.— Я не в состоянии разобраться, что сейчас происходит, в чем заключаются возникшие проблемы, и даже кто с кем и за что сражается. Вам это известно? Может быть, вы сможете прояснить ситуацию?

«Только вот я весьма в этом сомневаюсь,— подумал он.— Я очень сомневаюсь в вашей способности объяснить мне смысл происходящего. Мне, да и вообще кому бы то ни было. Ибо происходящее совершенно бессмысленно».

— Что вам требуется,— сказала Николь,— для того, чтобы доставить меня назад или хотя бы вывезти отсюда?

Нат пожал плечами:

— Ничего...

И тут все стало на свои места. Он увидел происходящее в истинном свете.

— ...потому что я не возьмусь за это. Извините меня! Мы намерены переждать конфликт здесь. Не знаю, как Конгросяну удалось переместить вас сюда, но он, скорее всего, прав. Наверное, это лучшее место — и для вас, и для нас. Причем на очень продолжительное время.

Он улыбнулся ей. Николь не ответила на улыбку.

— Черт бы вас всех побрал! — в сердцах сказала она.

Нат продолжал улыбаться.

— Пожалуйста,— взмолилась она.— Помогите мне. Вы же собирались уехать!

— Может быть, он как раз и помогает вам, миссис Тибодо, пытаясь оставить здесь,— хрипло проговорил Джим Планк.

— Я тоже считаю, что Нат прав,— сказала Молли.— Я уверена, что наиболее опасное место для вас сейчас — это Белый дом.

Николь с отчаянием посмотрела на них. Затем, смирившись, вздохнула:

— Застрять в такой глуши... Черт бы побрал этого Ричарда Конгросяна с его заботой обо мне! В основном, тут его вина... А что это за создания?

Она показала рукой на шаркающих взрослых горбатиков и их детей, которые выстроились по обе стороны вытянутого пыльного деревянного зала.

— Я не совсем уверен, что смогу правильно объяснить вам,— ответил Нат.— Родственники наши, можно сказать. Вероятно, потомки.

— Наши предки,— поправил его Джим Планк.

— Время рассудит, кто из нас прав,— сказал Нат.

Закурив сигарилу, Николь решительно заявила:

— Мне они не нравятся. Я почувствую настоящее счастье, когда мы вернемся в дом Конгросяна. Мне ужасно не по себе в их компании.

— И не удивительно! — сказал Нат.

Он полностью разделял ее настроение.

А горбатики продолжали свой монотонный танец, не обращая ни малейшего внимания на четырех людей.

— И все же мне кажется,— задумчиво сказал Джим Планк,— что нам придется привыкать к ним.

ВТОРЖЕНИЕ С ГАНИМЕДА

Кирстен и Нэнси посвящается

1

В три часа утра на тумбочке Рудольфа Балкани, главы Бюро психоделических исследований, зазвонил видеофон. Прибору пришлось потрудиться, прежде чем трубку сняли, хотя — как частенько случалось в последнее время — хозяин дома мучался бессонницей.

— Да, Балкани слушает!

— Мне нужна кое-какая информация,— сообщил встревоженный голос на другом конце линии. Балкани узнал голос председателя Совета безопасности Организации Объединенных Наций.— Думаю, мы могли бы это обсудить...

— Покороче,— отозвался Балкани.— Я старый больной человек.

— Вы слышали передачу?

— Какую передачу? — он почесал бороду.

— Насчет ультиматума пришельцев. И по телевизору, и по радио только об этом и говорят...

— Вот еще не хватало тратить время на всякие глупости,— возмутился Балкани.— И что же они предлагают?

— «Мы несем вам мир. Мы несем вам единство»,— заявляют они.

— Вот только пропаганды не надо! Насколько я понимаю, они требуют от Земли безоговорочной капитуляции.

— Верно. Но, насколько я помню, в последнее время вы, доктор, разрабатывали какую-то новую штукенцию, не так ли? Может, хоть она их остановит?

— Не исключено,— с ноткой иронии в голосе отозвался Балкани.— Огорчает только, что она заодно остановит и нас самих.

Более того, она остановит на этой планете и вокруг нее все, что обладает хоть мало-мальским разумом.

— Насколько я понял, вы упоминали, будто некоторые люди не подвержены воздействию этой штуки. В том числе и крупные политические лидеры.

— Не совсем так. Единственной защитой может являться только радикальная психотерапия. Я как раз сейчас над этим работаю. Дайте мне еще немного времени и достаточное количество... как бы поточнее выразиться?.. «Добровольцев» для опытов!

— Она необходима нам немедленно! — рявкнул председатель Совета безопасности. Он с заметным усилием взял себя в руки, и его лицо на экране приняло нарочито безмятежный вид.— И что же вы посоветуете?

— Ничего не посоветую,— ответил Балкани.— В этом нашем племени я всего-навсего шаман, а отнюдь не вождь. Само собой, я умею делать куколок из воска, но втыкать в них булавки или нет, решать только вам. Однако хотелось бы попросить вас кое о чем.

— Интересно, о чем же?

— Если вы все же решитесь воспользоваться моим изобретением, пожалуйста, не извещайте меня об этом.— Сказав это, Балкани повесил трубку, повернулся на бок и попытался уснуть.

— Слишком неспециализированное,— пробормотал Меккис, с отвращением разглядывая захваченное человеческое существо.— Впрочем, небольшая селекция и...

Хранитель Времени прошелестел мимо уха Меккиса, негромко заметив:

— Лучше бы начать подготовку к встрече с Большим Советом.

— Да-да, конечно,— отозвался Меккис. Его длинный гибкий язык метнулся вперед и коснулся кнопки рядом с койкой. Тотчас же вокруг засуетились его сущики-камердинеры, возбужденно переговариваясь между собой. Чтобы облегчить им задачу, Меккис сел прямо.

Он, как и остальные представители господствующего на Ганимеде вида, не имел ни ног, ни рук и напоминал большого розового червяка. Конечности ему попросту были не нужны. Руками и ногами ему служили сущики, только это и оправдывало их существование. Только ради этого они и появились на свет, исключительно для таких целей их и готовили.

Сейчас сущики поспешно облачали его в лучший парадный красно-оранжевый чехол. В этот день, который вполне мог оказаться самым знаменательным днем в его карьере правитель-

ственного чиновника, уместно было только самое лучшее. Чесальщики уже суетились вокруг его головы, приводя в порядок длинные ресницы, а умывальщики длинными языками наводили лоск на его щеки. Он же тем временем еще раз бросил взгляд на пленника-землянина. «Бедняги,— подумал он.— Лучше бы вам никогда не привлекать нашего внимания к себе».

Меккис всегда высказывался против войны. Но... теперь это вопрос решенный.

— Поздно проливать слезы,— пробормотал он вслух.— К тому же, сущиком быть совсем неплохо. Не так ли, друзья мои?

— Да, да, это просто замечательно,— зачирикала разношерстная толпа окружающих его узкоспециализированных существ, готовивших чиновника к выходу.

— Сначала победи, потом захвати, потом поглоти. Вот как это делается. Мы уже без особых усилий осуществили две первые фазы... И, если я не ошибаюсь коренным образом, сегодня мы переходим к третьей.

«И,— подумал он,— именно в этот момент на сцене появляюсь я».

Для пущей уверенности он вызвал своего Оракула.

Вскоре появился змееподобный Оракул.

— Что скажешь по поводу будущего? — спросил Меккис.

— На сегодня? — спросил тот. Меккис с неудовольствием отметил, что сущик явно не в настроении пророчествовать.

— Да, и не тяни!

— Вокруг вас сбираются силы тьмы. Сегодня день ваших недругов!

Меккис облизнул губы и осведомился:

— Ладно, а что потом?

— Еще больше тьмы, и, наконец, о мой добрый повелитель, тьма для всех нас!

Меккис спокойно обдумывал услышанное. Оракул не советовал вторгаться на Землю, что и заставило Меккиса влиться в ряды оппозиции. Однако вторжение оказалось успешным. Кое-кто вообще сомневался в возможностях Оракулов. «Возможно,— предположил он,— будущее неизвестно никому. Ведь нет ничего проще, чем бормотать невнятные и пугающие слова, которых на самом деле никто не понимает, и только для того, чтобы потом заявить: вот видите, я же говорил!»

— Слушай, ты говоришь о силах тьмы,— спросил Меккис,— я могу сделать что-нибудь, чтобы избежать их?

— Сегодня? Ничего. Но позже... небольшой шанс имеется. Если ты сумеешь раскрыть загадку Девушки Ниоткуда.

— Какой еще девушки ниоткуда? — Меккису с большим трудом удалось сохранить спокойствие.

— Мои возможности ограниченны, а видение слабеет. Но я вижу нечто, приближающееся из будущего, и для его описания мне не хватает слов. Оно напоминает воронку, готовую засосать всех нас! Оно уже и сейчас настолько могущественно, что влияет на ход времени. И чем ближе оказываешься к нему, тем труднее избежать встречи. О, хозяин, мне страшно! Я, который доселе никогда и ничего не боялся, буквально охвачен ужасом.

Меккис подумал: «Я вряд ли хоть как-то смогу избежать сегодняшних неприятностей. Поэтому, наверное, самым разумным будет встретить их лицом к лицу, а не уклоняться или трястись от страха. Я не могу управлять своими противниками, зато могу контролировать собственные реакции».

Взмахом языка он подозвал носильщиков и отправился в зал заседаний Большого Совета.

На стене зала заседаний висели огромные часы. Все, кто принадлежал к так называемой Прогрессивной фракции, сидели по ту сторону зала, где находился механизм отсчета времени. Именно эта «часовая» фракция и настояла на войне против Земли. Тех же, кто сидел по другую сторону, вдалеке от часов, можно было бы назвать Консерваторами. Они безуспешно пытались предотвратить нападение. Меккис принадлежал ко второй фракции.

Когда он с приличествующей помпой появился на заседании, то не заметил никого, кто расположился бы в секторе противников войны. Все, кто присутствовал, сгрудились возле лидеров «часовиков». Когда носильщики опустили хозяина на толстый ковер, Меккис признался себе, что буквально ошеломлен увиденным.

Но он уже дал себе моральную клятву. С трудом, но решительно он прополз к своей обычной нише в форме зуба на противоположной от часов стороне зала. Оказавшись там, он принял официальную изогнутую позу и принялся разглядывать престарелых идиотов в президиуме. А тем временем вспомнил, что подкарауливающая его тьма находится буквально на расстоянии вытянутого языка.

«Они выиграли войну,— подумал он,— и это дает им право ожидать от слабоумных Выборщиков поддержки любых будущих авантюр. Однако я ни за что не сдамся. Но... мне уже никогда не суждено отдавать приказы. Только выполнять приказы других».

Заметив, что он наконец занял свое место, Выборщики открыли это крайне важное заседание.

— В твое отсутствие,— донеслась до него мысль Мозговой Группы,— мы инициировали распределение руководящих постов на Терре. Само собой, тебе тоже достался один из районов, мы не стали тебя игнорировать.

В ответной мысли Меккиса присутствовала изрядная доля иронии.

— И какая же территория мне досталась? — Через единое сознание Группового Мозга он ощутил злорадство Палаты. Наверняка это полный хлам, ему предложат какой-нибудь из самых завалящих участков. Они упивались его отчаянием и бессилием.— Назови ее,— сказал Меккис, приготовившись стерпеть очередное унижение.

— Территория,— объявил с едва скрываемым ликованием Старший Выборщик,— передаваемая под твое управление, это территория Теннесси.

— Я позволю себе навести справки,— заявил Меккис и телепатически связался с библиотекарем в своей резиденции. Мгновение спустя перед его мысленным взором возникло подробное описание территории, а следом карта с полной оценкой.

Меккис тут же лишился чувств.

Очнувшись, он понял, что лежит в главном зале резиденции майора-кардинала Зенси. Чтобы привести в чувство, его отправили в дом лучшего друга.

— Мы пытались подготовить тебя,— заботливо сказал Зенси, свернувшийся в кольцо по соседству с приятелем.— Может быть, глоток бригвотера с лаутом? Это сразу прояснит тебе мозги.

— Пнагдрулы проклятые,— выругался Меккис.

— Послушай, тебе еще жить да жить. А между тем...

— Работа длиною в жизнь,— он попытался выпрямить верхнюю часть тела и удержать ее в вертикальном положении.— Я откажусь. Оставлю гражданскую службу.

— Но в таком случае ты никогда больше не сможешь...

— А я и не желаю никогда больше возвращаться в Палату. Проживу остаток жизни на спутнике. В одиночестве.— Более паршиво он себя еще никогда не чувствовал. Будто на него наступило одно из этих огромных неуклюжих низших двуногих существ.— Слушай, дай мне, пожалуйста, чего-нибудь полакать.

Вскоре услужливый сущик-дворецкий поставил перед ним богато инкрустированное блюдо. Меккис медленно вылакал содержимое, а Зенси сочувственно наблюдал за ним.

— Там, на этой территории, еще остались,— наконец произнес он,— неусмиренные негры. А кроме того, в горах засели орды индейцев чипуа и чаукта. Это самая опасная из всех завоеванных территорий. И им это известно! Именно поэтому ее и отдали мне. Так и было задумано! — и он гневно зашипел, но это был гнев бессилия.— Еще бригвотера! — Меккис сделал знак прислуживающему им жалкому сущику. Тот приблизился.

— Возможно,— тактично заметил майор-кардинал Зенси,— это знак признания твоих деловых качеств. Единственная территория, требующая настоящей работы... Единственный район, который наши войска так и не смогли усмирить. Теперь они попросту сдались и передали его тебе. Никто другой не хочет связываться — слишком уж там неспокойно.

После этих слов Меккис зашевелился. Идея хотя и здорово попахивала стремлением как-то утешить друга, но немного приободрила. Придумай он такое сам, то по здравом размышлении, по чисто этическим соображениям отбросил бы подобную мысль. Но Зенси, которого он очень уважал, высказался первым, поэтому никаких угрызений совести Меккис не испытывал. Но даже и теперь назначение ему страшно не нравилось. Если уж военные не смогли справиться, то сможет ли он добиться успеха? Меккис смутно припоминал сообщения о нигах-партизанах в горах Теннесси, об их фанатичном и опытном лидере Перси X, которому удалось избежать смертоносных гомотропных видов оружия, запрограммированных специально на главаря. Он вполне мог представить себе противостояние с Перси X, не говоря уже о требовании Совета, чтобы, как и на всех прочих территориях, администратор осуществил обычную программу: уничтожить местные органы власти и назначить местного марионеточного правителя.

— Сообщите им,— наконец сказал он майору-кардиналу,— что я болен. Что я, мол, проглотил слишком крупное яйцо горка, и оно застряло где-то в пищеварительном тракте. Счастье мое, если я не лопну. Небось, помните, как это было в прошлом году со Спогрбом, когда он проглотил... Что же это было? Ах да! Четыре яйца горка в один присест. Вот это было зрелище: его разметало по всей столовой.— Воспоминание ненадолго утешило его. Меккис почти с удовольствием припомнил то собрание Общего разума: слияние, целью которого было всеобщее веселье и удовольствие без необходимости вести деловые разговоры. Такие развлечения обычно инициировались ядром коллективного сознания, Выборщиками и наиболее авторитетными представителями часовой стороны.

— Попытайся взглянуть на это с другой стороны,— увещевал майор-кардинал.— Если ты преуспеешь, то на этом фоне твои предшественники-военные будут выглядеть дураками. Более того, вся военная фракция станет выглядеть куда как глупо.

— Это верно,— медленно ответил Меккис. План уже начал формироваться у него в голове. В настоящее время Теннесси являлся настоящей мешаниной более или менее автономных феодальных образований, и главами большинства из них выступали владельцы плантаций или местные крупные торгаши. Такая ситуация сложилась в результате коллапса центрального земного правительства. А задача Меккиса — выбрать одного из этих маленьких тиранов и возвысить до руководства всей территорией, поставить его выше остальных соперников. В общем-то, достаточно нелегкая задача, ведь независимо от того, на кого падет выбор, со стороны остальных наверняка последует недовольство, даже ненависть. А что, если избрать Перси X? Кто еще будет более благодарен за дарованную власть и поэтому станет наиболее послушной марионеткой? Естественно, крупные торговцы обязательно примутся отчаянно брыкаться, но этого следует ожидать в любом случае, кого бы он ни выбрал. Зато, возможно, удастся усмирить нигов и индейцев. И одним махом решить вопрос о власти.

— Да, это верно,— повторил Меккис, и на этот раз в его голосе проскользнули нотки надежды. Причин идти на попятную он больше не видел.

Похоже, его штатный предсказатель был прав: сегодня торжествовали недруги Меккиса. Тем не менее, он предпочел броситься в омут головой. Впрочем, как обычно.

И, как обычно, он нашел решение — к своей выгоде.

2

Комната второразрядного отеля, грязная и обшарпанная, помимо прочих недостатков, обладала, оказывается, еще и способностью кряхтеть старческим, но удивительно пронзительным голосом:

— Уважаемый гость, убедительно прошу не выезжать, не оплатив счета на стойке регистрации внизу.

«Во всяком случае,— подумала Джоан Хайаси,— ее хотя бы не наделили этим искусственным южным акцентом. Даже несмотря на то, что плантация Свенесгарда в Теннеси — это самая глубинка».

— Я,— заявила она, возмущенно тряхнув головой,— просто смотрю в окно. Кстати, убираться в номере можно было бы и получше.

— За ту более чем скромную плату, которую...

Да, это справедливо. К тому же в отеле до сих пор принимали старые ооновские банкноты, которые на всей остальной планете оккупационные власти старались изымать. Но, очевидно, известие о принудительном обмене денег еще не достигло территории Теннесси. И это очень кстати, поскольку у нее были только до боли знакомые, мятые-перемятые и засаленные ооновские купюры, да плюс еще целая пачка довоенных кредитных карточек, неизвестно на что пригодная в этих местах.

Джоан находилась в совершенно незнакомом, заброшенном районе страны. И, ко всем прочим неприятностям, у нее страшно болела голова. Свежий воздух из окна ничуть не помогал, поскольку представлял собой лишь вялый и едва заметный ветерок. Более того, от него становилось только хуже. До сих пор Хайаси не доводилось бывать на территории Теннесси, но она знала, что во время войны эта территория отделилась от остальных, превратившись в самодостаточное, крошечное и захолустное государство, непостижимое как для северян, так и для нее самой. И все же дела вынудили ее посетить Теннесси.

Она спросила автоматическую говорящую систему комнаты, довольно убогую, явно какой-то примитивной довоенной модели:

— Что ты мне можешь рассказать о местных исполнителях народных песен?

— А что это такое, мистер уважаемый гость?

Джоан собралась поправить, что она женщина, а не мужчина, но сообразила: скорее всего, устройство запрограммировано только на одну форму обращения. Тогда она твердо заявила:

— В этих краях, которые обычно называются Югом, за полтора столетия появились лучшие во всей стране джазовые музыканты и певцы. Так, например, Буэлл Кэйзи родом из находящегося неподалеку отсюда местечка Гриндерз-Свитч. Баском Ламар Лансдорф, самый великий из этой плеяды, родом из Саут-Туркикрик, что в Северной Каролине. Дядюшка Дэйв Мэйкон...

— Десять центов.

— Что?

— Если вы собираетесь задавать вопросы или разговаривать со мной продолжительное время, просто опустите ооновскую монету достоинством в десять центов в соответствующую щель, удобно расположенную на уровне вашего лица.

Джоан Хайаси спросила:

— Значит, ты не знаешь ни одного из этих имен, да?

Убогая обшарпанная комната неохотно призналась:

— Нет, не знаю.

— Одна из первых подлинных джазовых пластинок,— сказала Джоан, присаживаясь на продавленную узкую кровать и открывая сумочку,— была выпущена компанией Брансвик в 1927 году. Преподобный Эдвард Клэберн исполнил вещь под названием «Истинная вера».— Она вытащила из сумочки пачку сигарет «Нирвана» с марихуаной и закурила. Сигареты были не самые лучшие, но поскольку их производила компания, с которой она сотрудничала, они доставались ей бесплатно.— Мне известно,— продолжала она, сделав затяжку и на некоторое время задержав дым в легких,— что здесь, в этой захолустной, отрезанной от остального мира дыре до сих пор имеются активные исполнители произведений этого жанра. Я рассчитываю отыскать их и записать на видеопленку для моего телевизионного шоу.

Комната ответила:

— Получается, я имею дело с известной личностью?

— Можно сказать и так. У меня аудитория примерно в двадцать миллионов человек. И Бюро культурного контроля удостоило меня премии за лучшую музыкальную программу года.

— В таком случае,— разумно рассудила комната,— вы вполне в состоянии позволить себе потратить десять центов.

Она скормила ненасытной комнате десять центов.

— Между прочим,— бодро начал номер, явно приободренный денежным вливанием,— как-то раз я и сама сочинила балладу. Обычно я исполняю ее в стиле Дока Боггза. Баллада называется...

— Комнаты в отелях,— заметила Джоан,— даже самых захудалых, не могут иметь расовой принадлежности.

Она могла бы поклясться, что слышала, как говорящая система издала тяжелый вздох. Казалось бы, довольно странно для механизма, но на самом деле все эти машины состарились и износились, а посему и совершали ошибки. Именно поэтому они и начинали казаться страшно человечными. Хайаси раздраженно ткнула кнопку, отключая комнату, и словоохотливая конструкция тут же затихла. Теперь можно обдумать свой следующий шаг.

Теннессийские горы под контролем жестоких и несговорчивых отрядов ниг-партов. Если они не соглашаются иметь дело с бургерами и плантациями, равно как и с ганимедскими оккупационными властями, как же она сумеет найти с ними общий язык? Воспользоваться своим громким именем? Ведь даже слабоумная древняя комната в отеле — скорее всего, постройки 99 года — была готова вписаться в шоу-бизнес. В таком случае резонно предположить, что Перси Х тоже не прочь получить более широкую аудиторию. Бесспорно, любой человек обладает своим эго.

«Жаль только,— подумала Джоан,— что я не могу выкраситься в кофейный цвет, выдать себя за нига и на время присоединиться к ним для осуществления своих целей — не в качестве любопытной и, возможно, враждебно настроенной белой визитерши, а в качестве нового добровольца».

Она критически осмотрела себя в потрескавшемся мутноватом зеркале.

К сожалению, японская кровь в ней здорово разбавлена. В результате природа наградила ее жесткими иссиня-черными волосами, такого же цвета глазами и хрупким изящным телом... А больше практически и ничем. Возможно, она еще смогла бы сойти за индианку. Среди ниг-партов было некоторое количество индейцев, она слышала об этом. «Но нет,— с горечью подумала она,— нет смысла таким способом сводить счеты с жизнью: я все равно белая. А белая, для этих последователей культа Черных Мусульман, есть белая. Нет, придется действовать по обстоятельствам»,— решила она.

Она вытащила из сумки обтягивающий, но теплый светло-голубой нейлоновый комбинезон. Довольно сексуальный, но не вызывающий, сшитый по последней моде. Она уже успела понять, какого рода одежду носят женщины в этих Богом забытых местах, но даже ради маскировки не смогла бы заставить себя носить подобные музейные экспонаты. Создавалось впечатление, что мода на одинаковую для мужчин и женщин одежду, воцарившаяся во всем остальном мире еще лет пятьдесят назад, до Теннесси не добралась и по сию пору. Пожалуй, это единственное место на планете, где женская одежда до сих пор отличается от мужской.

Она набрала на аудофоне, болтающемся на стене на трех оставшихся винтах, номер местной службы такси. После этого Джоан уселась, уложив рядом свою записывающую аппаратуру, и стала ждать прибытия такси-ионокрафта.

«Я все еще способен думать,— сказал себе в это утро Пол Риверз. После этого он с тяжелым вздохом перевернулся, чтобы грудь и живот обзавелись таким же загаром, который успела заполучить его многострадальная спина.— Вот лежу я, окруженный безмолвной плотью своих собратьев-людей,— сказал он себе с некоторой долей горечи,— а мои мысли продолжают крутиться так, будто я по-прежнему читаю балбесам-студентам лекцию в университете. Тело мое здесь, зато мысли... возможно, господа студенты... главной проблемой человека является то,

что он никогда не там, где он есть, а всегда там, куда собирается, или там, откуда он родом. Таким образом, когда я в одиночестве, на самом деле я вовсе не один. А когда я с кем-нибудь, на самом деле я вовсе не с ним».

«Как же,— едва ли не с гневом спросил он себя,— мне заставить свой разум заткнуть свой большой энергичный рот?»

Лежа лицом кверху, Пол Риверз не открывал глаз. Солнце было слишком ярким, и он видел лишь ярко-розовую пелену, но даже и она раздражала своей яркостью. Теперь же, отвернувшись, он почувствовал, что может спокойно открыть глаза.

Первое, что предстало его взору, оказалось полузасыпанной песком бутылочкой из-под транквилизатора. Кроме того, воздух был наполнен солоноватым морским запахом, к которому примешивались освежающие нотки гниющих водорослей и тухлой рыбы. Прислушайся: шорох набегающих волн, бесконечное рождение, развитие и смерть, не имеющие никакого смысла. Отдаленные крики и смех предположительно просвещенных и невинных, но на самом деле одурманенных спиртным и наркотиками людей — плоды трудов оккупационных властей. «Ощущай, пока можешь,— велел он себе,— этот здоровый вкус песка на губах, старайся почувствовать, как он хрустит на зубах. Запоминай, как песчаные блохи скачут по твоей поджаренной спине. Вот это,— сурово сказал он себе,— и есть настоящая жизнь».

Однако он не смог заставить себя не прочитать ярлычок на бутылочке. «Да,— подумал он при этом, я — пожалуй, самый мой безнадежный случай».

На натюрморт из бутылочки и песка вдруг упала чья-то тень, и Пол Риверз поднял голову. Медленно. Лица этой женщины он не узнал, зато соски оказались знакомыми. Это была мисс Холли Как-бишь-ее-там, вице-президент местного отделения Общества сексуальной свободы. Возможно для того, чтобы не казаться совершенно голой, она носила солнцезащитные очки в роговой оправе и с очень толстыми стеклами. «Наверное, ей лет двадцать или около того,— мелькнула у него смутная мысль.— Для меня, конечно, молодовата, хотя...»

Высокая и смуглая, с каштановыми, свободно спадающими на плечи волосами, мисс Холли стояла над ним с мягкой улыбкой на пухлых неподкрашенных губах и внимательно смотрела на него полуприкрытыми бесстыжими глазами. Да, пожалуй, мисс Холли, решил он — единственный довод в пользу принципов Общества сексуальной свободы. Хотя она, будучи такой, какая есть,— категоричная девица, умеющая убеждать. Не говоря ни слова, она опустилась на колени и чмокнула его в щеку.

После этого знака приветствия она облизнула губы и сказала:

— Доктор Риверз, вас вызывают по видеофону.

Тут он в первый раз заметил, что в руке она держит переносной видеофон размером с пачку сигарет. «Что случилось? — подумал он.— Никто, кроме моего начальства, не знает, где я, а они не стали бы беспокоить меня во время отпуска». Озадаченный, он взял видеофон и уставился на крошечный экран. Оказалось, что его действительно вызывают из центрального офиса — он узнал своего непосредственного начальника, доктора Мартина Чоита. Изображение было трехмерным и цветным, поэтому доктор Чоит выглядел, словно какой-то подземный гном, высунувшийся из шкатулки, куда его посадили.

— Привет, гном! — сказал Пол Риверз.

— Чего-чего? — переспросил немного удивленный доктор Чоит.— Ладно, Риверз. Вы же знаете, что я не стал бы беспокоить вас по пустякам.

— Слушаю вас,— терпеливо отозвался Пол Риверз тем подбадривающим тоном, который выработался у него за долгие годы общения с неразговорчивыми больными.

— У меня есть для вас пациент,— сказал доктор Чоит и снова запнулся, подыскивая слова.

— И кто же это?

Доктор Чоит откашлялся, слабо улыбнулся и сказал:

— Человечество.

Пыльное такси-ионокрафт с облупившейся краской, когда-то зеленое, а теперь грязновато-серое, опустилось на посадочную раму за окном номера Джоан Хайаси.

— Постарайтесь побыстрее,— грозно заявила машина, как будто в этой глуши, на территории захолустной плантации, когда-то являвшейся частью великой державы, у нее имелась куча других срочных дел.— Счетчик,— добавило такси,— уже включен.— Железяка явно пыталась ее запугать, хотя и совершенно негодным способом. И Джоан это не понравилось.

— Помоги загрузить багаж,— велела она.

Такси тут же, причем на удивление быстро, просунуло в открытое окно манипулятор, ухватило записывающую аппаратуру, перенесло ее в багажное отделение, и только после этого Джоан Хайаси забралась в кабину.

Когда она усаживалась в машину, дверь номера открылась. Появился грузный мужчина средних лет с толстой шеей, во рту его дымилась желтоватая сигара. Он сказал:

— Меня зовут Гас Свенесгард. Я хозяин плантации, владелец этого отеля и комнаты, которая утверждает, будто вы пытаетесь съехать, не заплатив.— Говорил он довольно равнодушным тоном, как будто это не сердило и не удивляло его.

— Могли бы обратить внимание,— устало заметила Джоан,— что я оставляю в номере всю свою одежду, за исключением той, что на мне. Я прибыла сюда по делам. Через день или два вернусь обратно.— Ее удивило, что бургер, феодальный владыка всего района плантации, включающего и этот городок, проявляет личный интерес к такому незначительному делу.

Как будто прочитав ее мысли — а, может, так оно и было: вдруг Гас Свенесгард был одним из телепатов, обученных в Бюро психоделических исследований? — потный, коротконогий бургер сказал:

— Я тут за всем приглядываю, мисс Хайаси. То есть, можно сказать, вы тут у нас в «Олимпусе» единственная важная и знаменитая гостья за много месяцев, и не хотелось бы, чтобы вы вот так просто уползли...— он помахал сигарой в воздухе,— как червяк. На брюхе, не в обиду будь сказано.

— Да, небольшая у вас плантация,— заметила Джоан,— если вы можете позволить себе следить за каждой мелочью.— Она вытащила ворох ооновских купюр.— Если вас это так нервирует, то я заплачу вперед. За шесть дней. Странно, что меня не попросили заплатить, когда я заселялась.

— Да нет,— заметил Гас, беря у нее деньги и пересчитывая их,— просто мы вам доверяем.

— Это заметно.

Ей пора было отправляться в путь. Интересно, что у этого старого идиота на уме?

— Будет вам, мисс. Мы же знаем, что вы поклонница этих нигов.— Мужчина потянулся и фамильярно погладил ее по голове.— Мы ж тут все время смотрим ваши шоу — и я, и мои домашние. У вас в передачах вечно полно этих самых нигов, верно ведь? Даже мой младшенький, Эдди, ему всего-то шестой годик, говорит: «Эта леди любит нигов». Зуб даю, что вы намылились в горы погостить у Перси Х. Или я не прав, мисс?

После недолгой паузы Джоан призналась:

— Да.

— Вот что я вам скажу, мисс,— Гас Свенесгард запихал деньги в задний карман никогда не глаженых брюк, который тут же изрядно оттопырился. Брюкам на вид было, по меньшей мере, лет десять от роду: теперь никто уже не шил брюки с карманами.— Может, вы и любите негров, да только это вовсе не значит,

что и они испытывают к вам те же чувства. Ведь эти парты, они же сущие безумцы. Навроде африканских дикарей. Они изуродуют вас.— В подтверждение своих слов он кивнул своей почти лысой головой.— Вы там, на Севере, просто не понимаете этого. Все ваши ниги — перемешки.

— Перемешки? — она не поняла этого слова. Очевидно, это жаргон чисто местного происхождения.

— Полукровки. Ну, сами знаете, они смешивают свою кровь с кровью вас, белых, так что у всех кровь смешанная. Но здесь у нас дела обстоят совершенно иначе, мы знаем, как обращаться с нашими Томами, а они знают свое место.

— Для своего же блага,— иронически заметила Джоан.

— Они счастливы. Они в безопасности. Им не нужно беспокоиться о том, что их отправят в ганийские трудовые лагеря.

Джоан смущенно заметила:

— А я и не слышала, что у завоевателей есть трудовые лагеря.

— Не стали бы они захватывать эту планету ни за что ни про что, мисс. Просто они еще не начали набирать рабочие команды. Но обязательно начнут. Они отправят их на Ганимед и превратят в то, что называют «сущиками». Я просто уверен, так тому и быть. Но мы намерены защищать своих Томов, они славно поработали для нас, и мы у них в долгу.— Последнюю фразу Гас Свенесгард произнес решительно и твердо.

— Это бессмысленно, мистер Свенесгард,— донесся откуда-то сзади негромкий голос человека, явно привыкшего командовать. Удивленный Гас резко обернулся, чтобы посмотреть, кто это. Обернулась и Джоан.

— Какого...— начал было Гас.

— Она уже приняла решение,— тихо продолжал незнакомец.— Если вы действительно заботитесь о благополучии мисс Хайаси, то, с моей точки зрения, единственное, что вы можете сделать, так это отправиться вместе с ней и оберегать.

— Не знаю, кто вы такой и что вы о себе возомнили,— возмущенно воскликнул Гас,— но вы, мистер, явно не в своем уме!

— Меня зовут Пол Риверз,— мужчина протянул руку, и Гас неохотно пожал ее.— Чувствую, вы боитесь, сэр.

— Да уж, небось, любой человек, у которого есть хоть капля мозгов, тоже бы боялся,— огрызнулся Гас.— Эти самые ниги...

— Древние греки, предаваясь философствованиям,— заметил Пол Риверз,— говаривали, что большее благословение, чем короткая жизнь, это вообще никогда не родиться. Всю мудрость этого высказывания начинаешь понимать только в такие времена, как наши.

— Если вы такой завзятый философ,— сердито заметил Гас,— так сами с ней и летите.

Повернувшись к Джоан, Пол Риверз сказал:

— Если вы позволите.

Джоан взглянула на него, и в душу ее закрались подозрения. Худощавый, лет тридцати с чем-то, с проблесками седины в коротко подстриженных темных волосах, он казался таким спокойным, уверенным в себе. В принципе, он говорил как будто искренне, но ей казалось просто невероятным, что кто-то готов рискнуть жизнью просто так, каким бы там философом он ни был. И все же...

— Хорошо,— наконец решила Джоан.— Если вы достаточно безумны, чтобы сопровождать меня, я достаточно безумна, чтобы позволить вам это. «Нет смысла расспрашивать его,— подумала она.— Он может наврать с три короба, а я об этом и не догадаюсь».

— В таком случае подождите минуточку,— сказал Пол Риверз, направляясь к выходу.— Схожу к себе в номер, возьму игольный пистолет.— С этими словами он вышел.

Но в тот самый миг, когда он прикрыл дверь, она передумала — совершенно внезапно. Чувство уверенности в себе, буквально излучаемое Риверзом, могло иметь только один источник. Очевидно, он вовсе не рассчитывал зайти так далеко, где ему может угрожать реальная опасность. Она подумала: «Скорее всего, Риверза кто-то нанял для того, чтобы он помешал мне встретиться с Перси. А может, чтобы убить меня».

— Я могу лететь прямо сейчас? — спросила она Гаса.— А то мое такси говорит, что счетчик уже включен.— Не дожидаясь ответа, она шагнула в открытое окно и уселась в ионокрафт.

— Этот Перси Х,— крикнул ей вслед Гас Свенесгард,— сущий психопат, отродье психопатов, вплоть до первого колена Черных Мусульман. Думаете, вам удастся показаться ему милашкой Джоан Хайаси, очаровашкой с телевидения? Нет, вы для него в любом случае будете...— тут дверца такси захлопнулась, и он подошел к самому окну, возбужденно размахивая сигарой,— ...одной из тех белых, которые линчевали участников демонстраций за гражданские права еще в 66 году. Вы тогда даже еще и на свет-то не родились, но какое это имеет значение для такого фанатика, как Перси Х? Я вас спрашиваю: что это значит для него, и сколько, по-вашему? Ярда видеопленки вы не успеете отснять, прежде чем...

Когда дверца такси захлопнулась, Джоан крикнула:

— Мы с Перси Х вместе учились на факультете сравнительной религии в Тихоокеанской школе религии в Беркли. В Кали-

форнии. Мы собирались стать священниками, мистер Свенесгард. С ума сойти!

Она нажатием педали дала команду кэбу, и тот оторвался от окна.

Джоан не слышала, что в ответ прокричал Гас. Гул быстро набирающего высоту ионокрафта заглушил ответ. «Странно,— подумала она, что нам с Перси предстоит встретиться снова при столь изменившихся обстоятельствах. Я изучала буддизм, а он — религию Мохаммеда, но каким-то образом мы, несмотря ни на что, здорово удалились от того, к чему стремились поначалу».

— Он не хотел, чтобы вы улетали,— негромко заметил кэб.— Но мне все равно. Если он отзовет мою лицензию, я просто переберусь на другую плантацию. Например, к Чаку Пепитону. Вот у кого плантация, так плантация! Держу пари, там я смогу зашибать раз в шесть больше.

— Да, бизнес есть бизнес,— сказала Джоан и откинулась на спинку кресла, обтянутого искусственным мехом под выдру.

— Вот что я могу о нем сказать,— продолжал кэб.— Он интересуется всем, что происходит вокруг. Большинство бургеров слишком важничает, им бы только попивать бурбон да скакать на лошадях. А вот Гас — другое дело. Он постоянно достает мне запчасти. Причем — самые дефицитные. Сами понимаете, я уже порядком устарел, и запчасти для меня достать нелегко. А я чувствую, что всегда был ему симпатичен.

— Я ему тоже симпатична,— сказала Джоан,— только в особой, фамильярной манере. Но я все равно не собираюсь поворачивать назад только для того, чтобы доставить ему удовольствие. «И тому второму типу тоже,— добавила она про себя.— Этому Полу Риверзу».

Оказавшись в своей комнате, Пол Риверз поспешно заговорил в свой защищенный от подслушивания карманный видеофон:

— Я вошел в контакт с Джоан Хайаси, и она согласилась взять меня с собой в горы в качестве сопровождающего.

— Прекрасно,— сказал доктор Чоит.— Как вы знаете, ее аналитик в Нью-Йорке сообщил мне, что она сотрудничает с врагом, и ее цель — добыть для ганийцев информацию, с помощью которой те смогут захватить Перси в плен. Как я уже объяснял вам на инструктаже, этого мы, Всемирная психиатрическая ассоциация, допустить не можем. Сейчас Перси является символом для всего человечества, важнейшей фигурой для человеческой самоидентификации. До тех пор, пока он продолжает сопротивлять-

ся, будет сопротивляться и массовое эго всего человечества. И жизненно важно, чтобы он продолжал борьбу или хотя бы поддерживал видимость, что продолжает ее.

— А если все-таки он ее прекратит? — спросил Пол Риверз.

— Последние психокомпьютерные исследования показывают, что это приведет к массовому росту случаев шизофрении и психоза по всему миру, которые невозможно будет контролировать. Впрочем, есть способ избежать таких последствий.

— Как? — спросил Пол Риверз. Не прерывая разговора, он быстро и умело проверил свой игольный пистолет.

— Жертва. Если ему суждено умереть, то он должен пасть смертью храбрых. И червякам это известно не хуже нас. Наши врачи, работающие при штабе военного администратора Коли, сообщают, что тот собирается захватить Перси живым и снять с него кожу. Если с Перси сдерут кожу, как с какого-то животного, чтобы повесить ее на стену, это будет унижением, травматическим инцидентом для всей человеческой расы, последствия которого трудно переоценить. Подобного исхода мы допустить никак не можем.

— Хм-м-м,— пробурчал Пол Риверз, засовывая пистолет в карман.

— Все зависит от вас, Риверз,— сказал Чоит и отключился. Крошечный экран погас и превратился в темное пятнышко.

Снова выйдя в гостиничный коридор, Пол добрался до комнаты Джоан Хайаси. Он открыл дверь и вошел.

В комнате оказался только Гас. Он стоял у окна и улыбался. Уже одна только улыбка сказала Полу Риверзу о многом.

— Мистер Свенесгард,— негромким и ровным голосом спросил он,— вы ведь и в самом деле хотели, чтобы она отправилась туда. Разве не так?

Улыбка на лунообразном лице толстяка стала еще шире.

— Советую быть повежливей,— ответил Гас.— И кстати,— с явным удовлетворением добавил он,— думаю, нет смысла гнаться за ней. Этот старый дряхлый ионокрафт, в котором она упорхнула — единственный.

3

Линкольн Шоу сидел, прислонившись спиной к дереву и подставив тело палящим солнечным лучам. Он уже в десятый раз пытался починить роговую оправу своих очков. Он был худощавым, хрупким мулатом, выглядящим в этой горной местности неуместно образованным и культурным.

— Привет, Линкольн! — послышался возглас с другой стороны поляны.

— Так кто там, говоришь, освободил рабов?

— Я,— машинально отозвался Линкольн. Это была привычная шутка, которой они обменивались с Перси, и Линкольн уже давно перестал сердиться на друга.

— Нет,— проревел Перси.— Это моих рук дело!

— Да рабов вообще никто не освобождал,— вполголоса пробормотал Линкольн, глядя на приближающегося Перси, нагруженного вынутыми из силков кроликами.

— Слышал, слышал.— Перси плюхнулся на траву.— И на сей раз ты совершенно прав. Никто не может дать свободу другому — человек сам должен освободить себя, верно?

— Тебя послушать, так нет ничего проще,— заметил Линкольн, отгоняя одну из назойливых вездесущих мух.

— Конечно, это проще простого. Любой человек может завоевать себе свободу, если не боится за нее умереть.

— Ты, наверное, имел в виду убить за нее,— рассеянно поправил его Линкольн.

— И снова в точку,— ткнул его в бок Перси.

— Черт возьми, полегче, приятель. Неужели никак не обойтись без этого фиглярства?

— А что, собственно, тебе не нравится?

— Тебе не помешала бы капелька достоинства. Ведь ты лидер крупного политического движения. Как же можно ожидать, что кто-то будет уважать тебя или твое дело, если ты всегда ведешь себя как самый настоящий распроклятый клоун?

— Может, по-твоему, мне еще и церемониальную шпагу нацепить? — весело спросил Перси.

— Боюсь, как бы она в задницу тебе не воткнулась,— Линкольн поднял голову, бросил короткий взгляд на приятеля, близоруко моргнул и снова занялся своими очками.— Но одно могу сказать тебе наверняка,— наконец добавил он.— Если будешь вести себя, как дерьмо, люди и станут обращаться с тобой как с дерьмом.

Рука Перси метнулась вперед и мертвой хваткой вцепилась в запястье Линкольна.

— А теперь послушай-ка, что я тебе скажу, дружок! Видишь, какого цвета у меня кожа? Она цвета дерьма. Да, и я дерьмо, и ты тоже, и все остальные, кто входит в это хваленое «политическое движение». И если бы ты был фермером, а не яйцеголовым интеллектуалом с Севера, ты бы знал, что дерьмо — самое лучшее удобрение для земли. Получается, что мы с тобой дерьмо, но ничего плохого в этом лично я не вижу.

— Да, масса, слушаюсь, босс,— отозвался Линкольн, изменив свой превосходный английский на плаксивую пародию: этакий черный Дядя Том. Перси рассмеялся и выпустил его руку.

— Да, ты, пожалуй, и сам клоун. И почище меня,— усмехнулся Перси, но Линкольн лишь пожал плечами.

В своем кабинете червемаршал Коли предавался мечтам о том, как захватит в плен Перси X. Еще одна, последняя операция перед возвращением на Ганимед и передачей своего нынешнего поста преемнику. На сей раз — удачная.

Забавно было, что здесь, на Терре, существа с темным цветом кожи составляли низшие касты общества. Любому ганийцу ясно, что естественный порядок вещей вывернут наизнанку. Кроме всего прочего, ниги не только производили довольно приятное впечатление внешностью, но и обладали, причем в полной мере, естественной и хорошо сбалансированной жизненной философией. Они отличались умеренностью и тонким чувством юмора. Белые же, напротив, как правило, отчаянно цеплялись за раздвоенные рога честолюбия и страха. Боязнь неудачи и слепое стремление к успеху — дурная смесь, свидетельствующая о неустойчивости характера.

Тем не менее, поскольку терранцы пока достигли лишь шестого уровня эволюции и до сих пор обладали как нижними, так и верхними конечностями — причем не рудиментарными, а вполне функциональными — рассматривать их иначе как животных было невозможно. Посему маршал Коли рассматривал предстоящее пленение Перси X без малейших угрызений совести. Чернокожего предводителя милосердно умертвят, а снятая с него шкура будет специальным образом обработана вместе с головой, вместо глаз вставят стекляшки, а зубы — если они окажутся в хорошем состоянии — сохранят. Какой замечательный охотничий трофей, и как здорово он будет смотреться на стене кабинета! А если шкура окажется достаточно волосатой, то какой из нее получится чудесный ковер, как приятно будет по нему ползать!

На вилле маршала на Ганимеде уже имелось несколько замечательно выделанных шкур, которые украшали стены гостиной и кабинета, производя соответствующее впечатление и на гостей, и на деловых посетителей. Маршал с умом воспользовался своим пребыванием на Терре во время войны. Трофеи представляли собой главный символ победы, а вовсе не были забавой или предметами искусства. Они олицетворяли то, что уже достигнуто, а кожа Перси X на стене явится самым значимым приобретением.

...если только он успеет заполучить ее до того, как вынужден будет оставить свой нынешний пост!

Он зубами достал из досье Перси Х объемное цветное фото нига и еще раз вгляделся. Какой прекрасный лоб! И подбородок! Волевое лицо, исполненное внутренней силы и даже красоты. Неудивительно, что это существо сумело стать харизматическим лидером всех оставшихся в живых нигов, обитающих в горах.

Как только мисс Хайаси связалась с Перси Х, она тут же с помощью миниатюрного передатчика, вмонтированного в чашечку бюстгальтера, доложила в штаб маршала Коли. С этого момента ей предстояло периодически докладывать о местонахождении и деятельности Перси Х, пока Коли, наконец, не решит, что настал подходящий момент, и не захлопнет ловушку, поставленную на ниговского лидера. После этого все будут просто счастливы. Мисс Хайаси получит записи религиозной музыки исчезающего культа, а Коли — желанный трофей. Он буквально восхищался девушкой. Именно ее отвага в сочетании с коварством и завоевали для нее не только высокое положение, которое она занимала в мире шоу-бизнеса, но заодно и одобрение Ганимедского Бюро культурного контроля.

Щелкнув клавишей интеркома, он произнес:

— Есть ли какие-нибудь новости из дома? Большой Совет все еще заседает или уже нет?

Порой Общему Разуму, чтобы вынести какое-нибудь решение, требовались недели заседаний и препирательств.

Его связной сущик тут же отозвался:

— Пока никаких известий. Маршал, как только от наших представителей в Совете поступит какая-либо информация, я немедленно вас извещу.

Кораблю с Ганимеда с новой гражданской администрацией на борту понадобится терранская неделя, чтобы добраться сюда, в Теннесси. К этому сроку следует добавить время на всегдашние бюрократические проволочки, не говоря уже о зловредном влиянии самой здешней местности. Кроме того, его преемник может начать спор, отказываясь от должности, а рассмотрение практически любого вопроса в Совете могло тянуться долгие месяцы.

В общем, как любят выражаться терране, все было О.К.

В этот момент в кабинете появился заместитель маршала Коли, полковник Мавой, которого принесли его сущики. Телепатически связавшись с шефом, Мавой сказал:

— Сэр, не будет ли мне позволено высказать кое-какие незначительные соображения, прежде чем вы окончательно решите, как поступить с Перси Х?

— Говорите! — раздраженно произнес вслух маршал Коли.

— Как вам должно быть известно, в последнее время я участвовал в работе над его досье. Там имеется раздел, который вы, возможно, обремененный столь важными делами...

— Что еще за раздел?

Даже не пытаясь скрыть волнения, полковник Мавой сказал:

— Этот ниг, сэр, оказывается, телепат. Окончил школу при Бюро психоделических исследований. Таким образом, за ним практически невозможно вести слежку, находясь рядом. Особенно жалко будет потерять ценного работника, кого-либо вроде мисс Хайаси. Ведь он тут же узнает, в чем заключается ее задание и, насколько я понимаю, не позволит сообщить нам какую бы то ни было информацию о себе. Более того, скорее всего, он немедленно расправится с Джоан.

Маршал Коли с явным раздражением отозвался:

— Немедленно свяжитесь с ней по радио. Предупредите ее, отзовите. Мы не можем попусту разбрасываться такими ценными агентами.

Полковник бросился выполнять приказ. Маршал Коли мрачно вздохнул.

— А ведь какая могла бы быть шкура! — наконец пробурчал он. Его слова слышал только он сам да суетящиеся вокруг сущики.

Гас Свенесгард насухо вытер потную лысину одним энергичным движением руки с зажатым в ней шейным платком и еще раз взглянул на карту. В верхнем углу красовался зловещий штамп: «Совершенно секретно. Только для военного персонала с допуском класса А». Разумеется, это его ничуть не беспокоило. Один из его Томов обнаружил карту в развалинах лабораторий Окриджской атомной станции, и теперь Гас мог делать с ней что угодно.

— Ага, значит вот оно, это место,— пробормотал он, глядя в глубоченную яму, которая с каждой минутой становилась все глубже и глубже. У Гаса в распоряжении было оборудование для рытья. Впрочем, особого значения это не имело, поскольку, кроме неплохой буровой установки, у него было полным-полно трудолюбивых Томов. А самое важное — масса времени.

— Да будет тебе, Гас,— прокричал мастер Джек Холер, перекрывая шум работающей буровой.— Все прекрасно знают, что ты ищешь никакую не библиотеку. То есть, я хочу сказать, что ты абсолютно никого не проведешь, так что кончай.— Он многозначительно взглянул на своего работодателя.

— А на карте значится «Библиотека»,— Гас помахал изрядно поистертым и измятым документом над головой. Так оно и было, хотя Гасу не верилось, что перед войной ооновские служаки зарыли такую вещь здесь, на его плантации. Это явно было кодовым обозначением... чего-то другого.

Цель находилась так близко, что он словно ощущал ее вкус на языке. Ему так хотелось добраться до спрятанного под землей, аж все тело ломило.

— Это ведь военная карта, да? — продолжал настаивать Холер.— А сам знаешь, выкапывать что-либо, принадлежащее воякам, по оккупационным законам строго воспрещено. Вот ты, похоже, и продолжаешь бубнить про эту самую библиотеку.

Гас улыбнулся и ответил:

— Ну конечно, здесь запрятаны пятьдесят тысяч ооновских солдат с автоматами. Сидят и ждут не дождутся, когда можно будет отбить эту треклятую планету обратно.

— И ты собираешься их выдать? — ошеломленно уставился на него Джек Холер.— Взять и загубить такое дело? — На лице у него теперь читалась неприкрытая ярость.— А где же твой патриотизм?

— Я просто пошутил.

— Тогда что же там?

— Девочки. Пятьдесят тысяч девственниц,— подмигнул ему Гас.

Мастер разочарованно отвернулся и продолжил наблюдение за работой Томов и буровой установки.

Гас едва слышно, чтобы не мог услышать ни Холер, ни кто-либо другой, пробормотал себе под нос:

— Я тебе сказал, а ты не поверил. Ну и не верь, на здоровье.

Потому что он говорил правду.

В последние дни войны ООН с помощью компьютера отобрала значительное количество лучших — с генетической точки зрения — представительниц прекрасной половины всех рас рода человеческого и поместила в гомеостатическое подземное убежище, изолированное от окружающего мира. А потом занялась бесконечной процедурой уничтожения всех материалов, касающихся существования и местоположения самоподдерживающегося убежища. Все это на случай, если вторгшиеся на землю пришельцы, а ныне оккупанты, будучи мерзкими скользкими червяками, вознамерятся изничтожить человеческую расу. Однако у пришельцев с Ганимеда подобных намерений не оказалось. Более того, они оккупировали захваченную Землю вполне осмотрительным и гуманным образом. По крайней мере, если

судить по их политике до настоящего времени. Поэтому, рассудил Гас Свенесгард, эта колония первоклассных дамочек утратила свое значение, а также, поскольку жизнь под землей была явно не сахар, то, освободив их из заточения, он совершит вполне благородный поступок. Они будут ему только благодарны. Дамы проникнутся почтением к своему избавителю. В общем, так или иначе, все должно было сложиться наилучшим образом.

У него сложились вполне определенные планы. Сколько именно женщин там находится, Гас точно не знал: может, сотня, а может, и две,— но за освобождение хотел, как выразился бы его юрист Айк Блитзен, получить соответствующее вознаграждение.

Некоторые из бургеров, действительно крупных владельцев плантаций, вроде Чака Пепитона, чтобы далеко не ходить за примерами, или Джизуса Флореса, имели гаремы как белых, так и цветных, хотя цветные по законам Теннесси могли считаться только сожительницами, а не законными супругами. Более того, именно в этом и заключался весь смысл бургерства, именно гаремы и считались окончательным критерием принадлежности к классу. Гасу это было известно, как и всем прочим, поскольку женщины стали крайне дорогим товаром. На рынках Юга они ценились куда выше, чем Томы. Хорошего коричневого Тома, скажем, можно приобрести за пятьдесят ооновских долларов, а вот женщина обошлась бы раз в шесть дороже. Разумеется, в исправном состоянии.

Именно этим он и собирался завладеть — большим гаремом девушек, которые представляли собой настоящее *состояние*. Потому что старые довоенные ооновские деньги быстро обесценивались, по мере того как ганийские оккупационные власти изымали их из оборота и уничтожали. Но что они печатали взамен? Да таких бумажек человек в здравом уме не должен даже касаться, настолько нелепо они выглядели. Например, чьи изображения поместили гани? Президента Джонсона? Сталина? Нет, гани решили выпендриться, покопались в истории и вытащили оттуда портреты всяких уродов вроде Канта, Сократа, Юма и им подобных. Например, взять десятидолларовую купюру с генералом Дугласом Макартуром — через месяц они совсем исчезнут. А вместо генерала появится некто по имени Ли Бо, какой-то древний китайский поэт. Даже при одной мысли о такой замене кого хочешь передернет.

Оккупационная валюта стала самым настоящим средством грабежа, с помощью которого гани пытались лишить терранцев их привычных ценностей и заменить бесполезным хламом. И все это прекрасно понимали, даже на Севере, где всем заправляют

эти несчастные червелизы или, как их стали называть короче, *чизы*... Причем, заправляют по указке ганийского военного командования. Впрочем, чего еще ждать от чизов?

Да, возможно его плантация и является самой маленькой во всем Теннесси, что ж с того? Это не имеет никакого значения,— во всяком случае, перестанет иметь после того, как бур проникнет в надежно изолированное подземное убежище, рассчитанное на сотни лет обитания и битком набитое цветущими непорочными девами. До них не удалось добраться ганийским червякам или змеям, это уж как вам нравится или как вам больше всего не нравится. Змеи обычно извиваются, и у них острые ядовитые зубы. Червяки же... Ну, червяки обычно слепые. Но это не самое плохое. В свое время он разводил овец и видывал глистов... Доводилось видеть и опарышей. Поэтому, с его точки зрения, гани больше напоминали не змей, а червей, что куда хуже.

— Бур дошел до чего-то твердого,— внезапно послышался голос Холера.— Похоже на металл. Причем, не просто металл, а что-то вроде твердой хромостали.

— На какой глубине? — спросил Гас.

— Точно как вы и предсказывали — семьсот футов.

— О'кей,— кивнул он.— Установите бур большого диаметра. Тот, внутри которого помещается человек. Хочу спуститься вниз. Причем я спущусь первым, а потом скажу, когда можно будет следовать за мной.

Вскоре облаченного в специальную сбрую Гаса, обмазанного жирной пластиковой смазкой, чтобы не застрял по дороге, начали осторожно опускать следом за фонарем, освещавшим внутренности трубы. За Гасом, просто на всякий случай, спускали Тома с игольным пистолетом. В левой руке Гас сжимал автоматический пистолет с фосфорными пулями, а в правой — пачку документов, удостоверяющих, что он — законный бургер Пятнадцатой Плантации Теннесси... Бумаги должны убедить женщин, что он не какой-нибудь там ганийский чиз. Кроме того, при нем находились вырезки из газет со дня Капитуляции, говоривших в основном о крайне гуманной политике ганийцев в отношении продолжения рода человеческого,— материалы опровергали заполонившие Землю слухи о неминуемой поголовной стерилизации и тому подобных ужасах.

Он чувствовал себя совершенно уверенным, настроение было приподнятым. Спускаясь вниз, Гас даже принялся напевать себе под нос какую-то бодрую мелодию. Потом вдруг задумался: откуда она вдруг выскочила? Ах, ну да, конечно! Должно быть, он подцепил ее у этой дамочки Джоан Хайаси, с которой встречался

сегодня утром у себя в отеле «Олимпус». Интересно, удалось ли ей пробраться в неусмиренные горные районы, а если и удалось, то жаждущие крови приверженцы Перси X пришили ее тут же или немного погодя? Плохо, коли так: у него имелись в отношении женщины кое-какие планы.

На глубине семи тысяч футов его фонарь, наконец, высветил огромную пещеру. Определить ее размеры на глаз было невозможно. Пока он, раскачиваясь из стороны в сторону, старался как можно скорее достичь дна, он вдруг увидел...

Электронное оборудование, причем более чем странное — с таким ему никогда раньше сталкиваться не приходилось. Здесь были собраны тонны всякой электроники, проводов и печатных плат, гелиевых аккумуляторов, транзисторов и непонятных кристаллических объектов неизвестного назначения, поблескивающих в свете фонаря.

Оказавшись наконец на полу пещеры, он подумал:

«Так значит, вся эта история насчет девочек была придумана лишь затем, чтобы заставить нас досюда докопаться. На случай, если мы одичаем так, что нам станет наплевать на всякую науку. Эти чертовы ооновские психологи обвели нас вокруг пальца. Они...»

Тут его что-то ужалило в шею. Противопехотная гомотропная игла. Ноги тут же подкосились, и он медленно опустился на колени. Почувствовав, как сознание медленно покидает его, Гас начал молиться, чтобы это оказался всего-навсего парализатор, а не метаболический токсин, вызывающий остановку сердца. Он с усилием повернул голову и увидел Тома, который спускался следом за ним. Почему этот Том бездействует? И тут его осенило! В него выстрелил именно этот Том. «Должно быть,— подумал Гас,— он работает на Перси X!»

В наушниках Гаса послышался голос Холера, едва не срывающийся на визг:

— Эй, Гас, почему-то включился твой индикатор жизнедеятельности. Что случилось?

«Он включился,— мелькнула смутная мысль,— потому, что я мертв».

Мгновение спустя Холер, крутясь и раскачиваясь, принялся с громкими криками спускаться вниз.

4

Когда ионокрафт достиг северной границы плантации, включилось разговорное устройство:

— Дальше лететь не могу, нет лицензии. Мне придется либо изменить курс, либо высадить вас здесь, мисс. Прошу принять решение.

— Я бы хотела,— ответила Джоан Хайаси,— чтобы ты доставил меня вон к тем горам,— и указала пальцем вперед.

— К сожалению, это невозможно,— отозвалось такси и развернулось, следуя периметру плантации. Горы стали удаляться.

— О'кей,— устало произнесла Джоан.— Высади меня здесь.

Ионокрафт приземлился в пустынной болотистой местности, в нескольких милях от гор. Джоан вышла и несколько мгновений мрачно наблюдала за тем, как воздушный кэб выгружает ее записывающую аппаратуру. Впрочем, в какой-то мере она была готова к такому обороту событий и надела высокие ботинки.

— Удачи вам, мисс,— попрощалось такси, дверь закрылась, и ионокрафт взмыл в небо. Она следила за ним до тех пор, пока машина не скрылась из вида, потом, тяжело вздохнув, стала прикидывать, как быть дальше.

Возможно, она и сможет добраться до гор, где скрывается Перси, но вот аппаратуру ей не донести. Значит, придется оставить ее здесь. Но тогда какой вообще смысл тащиться в горы?

Тут послышался голос:

— Мисс Хайаси!

Она удивленно обернулась и только тут сообразила, что голос доносится из правой чашечки ее лифчика.

— Да,— ответила она.— В чем дело?

— Небольшая ошибка,— отозвался голос, который, как она, наконец, поняла, принадлежал маршалу Коли.— В ходе подготовки я забыл предупредить, что ваш приятель, Перси Х, со времени вашей последней встречи прошел интенсивное обучение в школе при Бюро психоделических исследований.

— Ну и что с того? — Ей почему-то не понравился тон ганийца: тот явно сообщал ей какую-то неприятную новость, стараясь при этом подсластить горькую пилюлю.

— Мисс Хайаси, он — телепат.

Буквально рухнув на штабель аппаратуры, она лихорадочно пыталась осмыслить услышанное. Наконец Джоан спросила:

— И что же мне теперь делать? Сидеть и ждать, когда он меня убьет? Да ведь он, вполне возможно, в эту самую минуту уже засек меня.

— Спокойно, мисс Хайаси,— произнес червяк, и сам явно встревоженный.— Если вы переключите свой передатчик в лифчике на непрерывную передачу, мы сможем запеленговать вас и вскоре заберем оттуда.

— Заберете меня? — раздраженно спросила она.— Или то, что от меня к тому времени останется? — Она рывком расстегнула молнию своего нейлонового комбинезона, сорвала лифчик, положила его правой чашечкой на камень и уже подняла ногу в тяжелом ботинке, когда голос из приемника послышался снова:

— Мисс Хайаси,— пропищал он.— Предупреждаю, если вы...

Она с силой опустила каблук и с удовлетворением отметила хруст раздавленного микроскопического устройства. Фраза оборвалась. Теперь лифчик лежал у ее ног — мертвый. Она вдруг испытала чувство непривычной свободы. В одно мгновение, одним импульсивным движением она перечеркнула все годы служения ганийцам в качестве верного чиза. Возможно, через какое-то время она и вернется к своим хозяевам. Но... сейчас она не могла себе позволить думать об этом: возможно, Перси уже читает ее мысли.

Послышался гул двигателя. Она подняла голову и в ужасе замерла.

Над верхушками деревьев показался еще один ионокрафт, даже еще более дряхлый, чем первый. Наконец он неуклюже приземлился в нескольких ярдах от нее. Дверца со скрипом приоткрылась, тут ее, похоже, заело, и только сильный толчок изнутри помог завершить начатое движение. Ее глазам предстала обшарпанная кабина аппарата, выпущенного, по-видимому, еще до войны.

— Тебя прислал Перси Х? — с замиранием сердца спросила она.

— Я сам по себе,— металлическим голосом отозвался кэб.— Не часть флота, как у вас на Севере. Делаю, что хочу. За двадцать ооновских долларов могу доставить вас в ниговские земли. Я следовал за вами, мисс. Знал, что этот чизовский урод выкинет вас здесь.

— А на тебе летать не опасно? — с сомнением поинтересовалась она.

— Ничуть. У меня отличный Том-механик. Я купил его на скопленные деньги,— ответствовал кэб и поспешно добавил: — По закону гомеостатическим механизмам первого класса разрешено иметь Тома — во всяком случае, было разрешено после войны. Просто в основном машины слишком глупы, чтобы тратить денежки на такое. Залезайте, мисс.

Она забралась в кабину. Кэб, отчаянно скрипя и дребезжа, загрузил оборудование в багажный отсек. Джоан застегнула комбинезон и занялась макияжем в предвкушении встречи с предводителем последних на планете сил сопротивления.

— Можете не беспокоиться,— снова заговорил кэб.— Я все время вожу людей в горы. У меня монополия — больше никто туда не летает. Этим я и зарабатываю на жизнь. На обычных маршрутах мне с другими не тягаться, то есть, я хочу сказать, здесь попахивает. Ну да сами, небось, чувствуете. Один парень, которого я как-то вез, заявил, что меня будто кошки обоссали. Как вам кажется, правду он говорил или просто хотел меня унизить?

— По-моему,— лицемерно ответила Джоан,— он хотел подорвать твое чувство самоуважения. Должно быть, у него просто с головой не все в порядке.

— Обычно я перевожу нигов, которые хотят присоединиться к Перси Х. Они стекаются сюда со всей Северной Америки. Да, впрочем, и со всего мира. Но вы-то белая, то есть, я хочу сказать, никак не цветная. Больше всего советую остерегаться телохранителей Перси, в особенности человека по имени Линкольн. Как бы он не пристрелил вас, прежде чем успеете рот открыть. Я смотрю, у вас с собой записывающая аппаратура, да?

— Хочу попробовать записать кое-что из ниговской музыки.

— Так вы, стало быть, в музыкальном бизнесе? Слушайте, может, споете мне какую-нибудь песенку повеселее. Просто чтобы время скоротать.

— Я не пою,— ответила Джоан.

— А вот эту, «Далеко ли до Луны», знаете?

Она утвердительно угукнула.

— Моя любимая,— продолжал кэб.— Помните, как Джун Кристи исполняла ее еще в 1950-м? — И такси, уже подлетая к горам, которые становились все выше, замурлыкало бодрый мотивчик. Через некоторое время они уже летели над вершинами. Тут кэб, наконец, прекратил напевать и сказал: — Давайте-ка рассчитаемся прямо сейчас, пока вас не убили. С вас двадцать ооновских долларов.— Его слова прозвучали неожиданно резко.

Когда купюры исчезли в специальной щели, кэб начал снижение по головокружительной, вызывающей тошноту спирали.

— Посадочные системы совсем разрегулированы,— пожаловалась машина, когда шасси коснулось земли. Кэб подпрыгнул и замер.— Даже готов вернуть вам доллар, если считаете...

— Не стоит,— сказала Джоан, вручную открыла дверцу, выбралась из кабины и оказалась лицом к лицу с двумя молодыми и очень крутыми с виду нигами в форме цвета хаки, армейских ботинках и с лазерными автоматами. Кэб, поспешно выгрузив записывающую аппаратуру, взмыл в воздух и лег на обратный курс.

— Нет, ты только глянь,— бросил один из нигов другому.— Какая беляночка, а?

— Прямо милашка,— плотоядно глядя на Джоан, отозвался тот.

— Как насчет поразвлечься, крошка? — спросил первый.

Его напарник бросил на него презрительный взгляд и ткнул локтем в бок.

— Слушай, брось! Еще подцепишь от нее какую-нибудь белую заразу.

— Можете провести меня к Перси Х? — спросила Джоан.

Но ниги продолжали переговариваться между собой, будто она ничего не говорила.

— Да и вообще, что с нее проку, с этой белой чизки?

— Похоже, она привезла нам гостинцев. Ты только посмотри, какая у нее бешеная техника.— Оба наклонились и принялись разглядывать аппаратуру.— Да, с ней все что угодно сделать можно.

— Зато с девкой ничего не поделаешь.— Теперь парень обращался к Джоан.— Ты уж извини, крошка, но не будет тебе ни последнего желания, ни повязки на глаза, вообще ничего. Некогда нам всякими глупостями заниматься.

Джоан, потерявшая от ужаса дар речи, смотрела, как он вскидывает к плечу автомат и нацеливает прямо ей в лоб, в то время как второй насмешливо напевает: «То-то, крошка, вот и все».

Когда к Гасу Свенесгарду вернулось сознание, первое, что материализовалось перед его туманным взором, оказалось рылом и холодными змеиными глазами на лице червяка-ганийца. Он сразу узнал маршала Коли. «Должно быть, это просто кошмарный сон»,— мелькнула смутная мысль. Гас потер лоб и поморщился от боли.

Но это оказалось не сном.

Оглядевшись, Гас обнаружил, что лежит возле дыры, проделанной им и командой его вероломных Томов. Стояла ночь, серпик луны давал света как раз достаточно, чтобы кишащие вокруг Коли сущики усилили ощущение кошмара. «Интересно, как им удалось вытащить меня наверх? Впрочем, похоже, им что угодно по плечу,— мрачно подумал он.— Потому-то они и победили, потому-то они и здесь».

— Мне вас нисколько не жаль, мистер Свенесгард,— холодно прошипел Коли.— Знаете что, сэр? Вы — человек конченый. Лучше бы вам умереть в этой пещере, как умер ваш мастер.

Совершенно очевидно, вы прекрасно знали, что делаете. Пытаясь отыскать тайное хранилище оружия ваших разгромленных ооновских войск, вы действовали в прямом противоречии с законами, введенными оккупационными властями.

— Нет,— с трудом выдавил Гас,— я искал вовсе не оружие. Оружие мне ни к чему.— Он с трудом сел.

— Тогда что же? — Резкий вопрос буквально ввинтился в него.

На какое-то мгновение он заколебался, а не выложить ли червяку все, как есть. Но решил, что тот, скорее всего, просто не поверит.

— Неважно,— печально отозвался он.— Но, клянусь честью матери, я никогда не стал бы использовать оружие против вас.

— Что бы ни было у вас на уме,— рявкнул маршал Коли,— оружие уже в руках мятежных нигов! И если до этого они всего лишь досаждали нам, теперь они станут серьезной угрозой. И вы, и эта Джоан Хайаси — вы оба мятежники. Поэтому мы убьем вас обоих. И, разумеется, немедленно.— С этими словами маршал Коли языком подал знак, и огромный, явно безмозглый сущик тут же стиснул Гаса в железных объятиях и грубо потащил к стоящему неподалеку ганийскому кораблю.

Мгновение спустя, уже внутри корабля, Гаса бесцеремонно швырнули в терранское кресло, видимо, где-то позаимствованное ганийцами.

Его прошиб пот. Но он все еще не сдавался: вытащил свой обширный платок и трясущейся рукой промокнул взмокший лоб.

— Ты просто не понимаешь, Коли. Я не хотел говорить тебе, но я собираюсь — или, теперь уже, похоже, собирался — начать военную кампанию против нигов. Завладев всей этой аппаратурой, я собирался использовать ее против Перси Х. Это истинная правда, клянусь честью матери. Более того, я собирался покончить с Перси лично ради тебя, раз и навсегда. Просто вы понятия не имеете, кто ваши истинные друзья.

— Я всегда считал,— едко заметил Коли,— что мисс Джоан Хайаси тоже наш истинный друг. Но она прервала связь с нами, и сейчас практически наверняка примкнула к мятежникам-нигам. Причем прихватила с собой ценнейшую информацию о наших будущих операциях в этих краях.

— Так значит, эта японская девица, эта Хайаси, работала на вас? — Он ненадолго смолк, пытаясь придумать, что говорить дальше. В голове бешено крутились мысли. Уголком глаза он видел, как сущики налаживают какое-то устройство. У него тут же возникло подозрение — причем сильное и сразу — что он знает, каково назначение этого механизма. Ему доводилось видеть изображения

подобных устройств. Червяки использовали их для снятия с человека кожи заживо, причем медленно, чтобы не попортить ее. Он снова отер лысину и подумал: «Скоро они привяжут мне руки, и я не смогу даже вытереть пот со лба. А еще через некоторое время я превращусь в кусок кожи — шкуру, как они ее называют,— в знаменитой коллекции Коли».— Я вам не нужен,— громко сказал он, когда сущики подкатили машину к его креслу.— Я слишком мелкая сошка. Ведь тебе нужен Перси, верно? Он — ниг, и на самом деле именно он доставляет тебе главные неприятности.

— Раз уж я не могу заполучить его,— холодно заметил Коли,— то придется удовольствоваться тобой.— Он языком подал сущикам знак привязать Гаса.

— Подожди,— хрипло заговорил Гас.— Тебе вовсе не нужно удовлетворяться мной. Ты можешь заполучить Перси Х собственной персоной.— Он поколебался и продолжал: — Я могу привести вас прямо к нему.

Ганийский генерал снова подал сущикам знак, и те отпустили Гаса. По крайней мере, на какое-то время.

— И как же, интересно, ты намерен сделать это?

— Когда эта японская девица была в отеле, я имел смелость погладить ее по хорошенькой головке.

— Меня нисколько не интересуют ваши сексуальные пристрастия, мистер Свенесгард.

— Да вы дослушайте,— сказал Гас.— Я закрепил в ее волосах славненький микроминиатюрный передатчик, вот что я сделал!

Коли помолчал, перед его мысленным взором вновь возникла чудесная шкурка Перси Х, он снова представил себе, как замечательно она смотрелась бы на стене его ганимедской виллы.

— Ладно,— велел он своим сущикам.— Отпустите этого идиота.

Сидя на незаправленной постели в номере далеко не роскошного отеля для туристов Гаса Свенесгарда, доктор Пол Риверз буквально обливался потом. Теоретически, после захода солнца должно бы становиться прохладнее, тем более осенью. Однако практически духота стала просто невыносимой.

Поднявшись, он подошел к окну и мрачно уставился на далекие горы. Где-то там скрывался Перси Х, последний символ величия человеческой расы. А с ним вместе и чизовская шпионка Джоан Хайаси. «Если бы только я мог предупредить его,— размышлял он.— Если бы только существовал способ добраться до него». Он взялся за ручку и открыл окно, как будто это могло облегчить его страдания. Но единственный результат, стрекот

неутомимых сверчков, стал просто оглушительным. Да еще в ноздри ударил влажный затхлый запах, которым был буквально пропитан этот маленький южный городишко. «Ну конечно,— дошло до него,— снаружи так же жарко и душно, как и внутри».

Откуда-то издалека, то ли из радиоприемника, то ли из телевизора, доносилась музыка.

Эти звуки неожиданно вызвали новые мысли. Является ли Перси Х телепатом? Да, согласно документам, которые Пол видел во время инструктажа, Перси Х с отличием закончил одну из школ Бюро психоделических исследований. А это, в свою очередь, означало, что с ним можно связаться, где бы он ни находился... Но, к сожалению, исключительно с помощью другого телепата. А сам Пол Риверз такой способностью не обладал.

С другой стороны...

Он поспешно набрал на видеофоне номер офиса своих нанимателей, Всемирной психиатрической ассоциации. Вскоре его соединили с доктором Эдом Ньюкомом, одним из крупнейших в мире специалистов по связи.

— Это крайне важно, Эд,— начал Пол.— Я хотел бы на недельку-другую позаимствовать у тебя мыслеусилитель.— Иногда, при удачном стечении обстоятельств, прибор, изобретенный Ньюкомом, мог выступать в роли искусственного телепатического усилителя. По крайней мере, на небольшом расстоянии.— Только я не могу приехать и взять его. Придется тебе прислать аппарат сюда.— Он кратко объяснил Ньюкому, где его найти.

— Коммерческим транспортным системам я не доверяю,— сказал Эд Ньюком, а затем, поколебавшись, добавил: — Знаешь, я, пожалуй, сам привезу тебе эту штуку. При хорошем раскладе я появлюсь завтра утром.

— Спасибо, Эд.— Пол почувствовал облегчение.— Ассоциация наверняка возместит все расходы.

— Это мой долг,— серьезно ответил Эд Ньюком.— С тех самых пор, как прочитал твою работу по распространению массовых психозов, я мечтал посмотреть, как ты работаешь. Так что будем считать, что я еду к тебе для самообразования.

Закончив разговор, Пол Риверз снова уселся на постель, только на сей раз с чувством удовлетворения. «Я не могу уйти отсюда,— мрачно сказал он себе,— но если повезет, то это удастся моим мыслям!»

Меккис бросил взгляд в окно главного пассажирского салона корабля на планету, которая с каждой минутой увеличивалась

в размерах. «Вон там, на Земле,— выдохнул он,— находится моя территория — Теннесси».

На самом деле своей территории он не видел, поскольку земная поверхность была затянута облачными массами. Но воображение дополняло то, чего не мог рассмотреть взгляд.

Он заказал еще один бокал и, перед тем как выпить, сказал своим сущикам:

— Хочу произнести тост, как говорят на Земле. Тост за нового императора Теннесси, Перси X.

— Тост, тост! — эхом отозвались сущики. Но выпил один только Меккис.

5

Джоан Хайаси сидела, прислонившись спиной к стене пещеры и внимательно изучая черты лица грузного чернокожего, который неподалеку жарил рыбу на маленькой электрической плитке.

— Перси? — негромко спросила она.

— Так точно,— не поворачивая головы, отозвался предводитель негров. Все внимание он сосредоточил на том, что держал в руке.

— Почему ты не дал своему человеку убить меня?

— На то имелась тысяча разных причин, и в то же время — ни одной,— проворчал Перси.— Мы с тобой вместе изучали буддизм. Будда учил нас не причинять вреда ничему живому. Христос говорил то же самое. Ублюдки-пацифисты тоже настаивали на этом. Кто я такой, чтобы спорить со всем кагалом?

Нотки жесткой иронии в его голосе... Джоан не слышала их с тех пор, как они учились на священников, каждый в своей собственной вере. Он изменился. Само собой. И она тоже.

— Я знаю, сейчас все стало не так просто,— продолжал Перси, переворачивая жарящуюся на вертеле рыбу.— Мы живем во вселенной, где царит убийство. И невозможно быть в стороне от этого, оставаться нейтральным, ожидать своего воплощения в ином мире. Они попросту не дадут этого сделать, крошка.

— Представляю, через что тебе пришлось пройти,— начало было она.

Но Перси резко перебил:

— Да неужели? Ты не знаешь обо мне ни хрена! Зато я о тебе знаю все. Я знаю всех червяков, которым ты лизала задницы, и ту лапшу, которую ты вешала всем на уши. Более того, мне известно, когда ты впервые решила намылиться сюда, чтобы поймать меня и передать ганийскому генерал-губернатору. Твое

сознание для меня все равно что прозрачный горный ручей. И это — мое сущее проклятие, детка. Я всех вижу насквозь. Никто не может мне соврать.

— Но, если тебе все известно,— осторожно начала она,— то ты должен знать и то, почему я сделала то, что сделала. Тебе должно быть известно, что я была вынуждена сделать это. Значит, ты можешь простить меня.

— Ну, разумеется, я прощаю тебя. За все. Правда, кроме одного. Вот этого я простить никак не могу.

— Чего?

— Того, что ты все еще жива, детка,— сказал он, по-прежнему не глядя на нее.

Поев, они занялись любовью на устилающем дно пещеры мягком песке. После этого тяжело дышащая Джоан подумала: «Как это замечательно — заниматься любовью с человеком, который ни перед кем не пресмыкается». А ведь она уже и думать забыла, что такое возможно.

— А вдруг я подсознательно явилась сюда именно для этого? — спросила она Перси, ласково перебирающего ее жесткие, как проволока, волосы.

— Не знаю. Я могу читать твои мысли, но не могу придумывать для тебя оправдания.

Она резко отстранилась, оскорбленная и озадаченная.

— В чем дело, милая? — проворчал он.— Неужели ты не знаешь, что должна любить своих врагов?

— Хватит парить мне мозги своей религией! — Сейчас она думала о том, как здорово смотрелся бы Перси по телевизору, какое изумительное шоу она могла бы с ним сделать... Конечно, если бы она сумела снова втереться в доверие ганийского Бюро Контроля. Потом она вдруг осознала, что Перси проникает в ее мозг и читает мысли, и на мгновение ее охватила паника. Разве можно ни о чем не думать вообще? Да ведь сама попытка приведет только к тому, что ты еще сильнее начнешь думать о запретном!

— Чиз однажды — чиз навсегда, верно? — заметил он, пристально глядя на нее.

— Вовсе нет, это неправда.

— Не лги мне! — Он вскочил и теперь возвышался над ней, огромный, черный и опасный, как бык на арене. Потом он принялся расхаживать взад и вперед, на ходу продолжая что-то говорить, то и дело останавливаясь, чтобы погрозить кому-то невидимому пальцем или потрясти кулаком.— Кстати, как, по-твоему, девушка, что означает слово «ниг»? Имеется в виду расовая или религиозная принадлежность?

— По-моему, расовая.

— А вот и нет, религия. Это все равно что евреи. Да и быть белым, в общем-то, тоже религия. И могу одним словом объяснить тебе, в чем заключается эта белая религия.

— В чем же? — осторожно осведомилась Джоан.

— В лицемерии.— Повисло долгое молчание. Перси ждал, пока смысл его слов дойдет до девушки. А может, ожидал какого-то ответа. Но она продолжала молчать.— В чем дело? — наконец поинтересовался он.— Что, говорить разучилась? Неужели ты вот так и будешь сидеть и делать вид, будто это не тебя только что обозвали лицемеркой? — Он нагнулся. Поднял с пола игольный пистолет и направил его на Джоан.

— Неужели ты и впрямь убьешь меня?

— Я уже спас тебе жизнь, и теперь она принадлежит мне. Значит, я волен распоряжаться ей, как мне заблагорассудится.

— Я явилась сюда вовсе не за тем, чтобы причинить тебе хоть какой-то вред. Я просто хотела записать кое-какие песни...

— Я не знаю никаких песен,— холодно ответил Перси.

— А может, если бы я прокрутила в своем шоу кое-что из вашей музыки, это пошло бы на пользу движению?

— Я ведь уже сказал, я не знаю никаких песен! — Как бы подчеркивая сказанное, он помахал пистолетом.— А твое шоу я видел, и знаешь, что я о нем думаю? — Он молча плюнул себе под ноги.— У тебя там играют *белый* джаз, а это полная бессмыслица. Бессмысленный шум, полная чепуха. Да ведь ты и сама не веришь в то, что говоришь там, верно? Ты и сама презираешь людей, которым нравится твое шоу, да и себя презираешь за то, что там происходит.

— Я просто стараюсь заработать на жизнь,— выдавила она.

— Сам не знаю, почему я сразу не пристрелил тебя. Ведь я бы просто оказал тебе услугу. Господи, да я бы лучше умер, чем жил такой медузой, как ты.— Но он так и не выстрелил, и она знала — почему. Похоже, ему нравилось мучить ее, с помощью своих телепатических возможностей исследуя самые потаенные закоулки ее сознания, куда она и сама-то не решалась заглядывать.— Думаю, это нечто вроде благодарности, да, именно. Я искренне благодарен тебе за все, что ты сделала для моего народа — за долгие века. Вы старались не допустить моих братьев в свой мир, не дать им возможности стать такими же, как вы. Так что спасибо тебе, белая чизка, спасибо. Благодарю...

— Может, хватит, а? — наконец рассердившись, огрызнулась она.

— Показываешь зубки, да? Значит, ты еще не конченый человек. Может быть, даже в тебе течет капелька ниговской

крови, белая чизовская девушка. Хочу оказать тебе услугу и позволить присоединиться ко мне. Я хочу дать тебе шанс — перестать лгать, подняться с колен и стать настоящим человеческим существом. Что ты на это скажешь?

— Даже не знаю,— ответила она.

— Вот именно — не знаю. Но я хочу преподать тебе урок, потратить толику своего драгоценного времени и терпения в слабой надежде, что в той белой каше, которую ты называешь своей «личностью», возможно, обнаружатся хоть какие-то признаки настоящего цвета. Послушай, мне известно, какое ты получила воспитание. Думаешь, я не знаю, что твои однокровки сделали с тобой? Я знаю, как тебя дрессировали — вроде собаки и кошки. Я знаю, как тебя учили говорить «спасибо», когда кто-нибудь, битком набитый оккупационными бумажками или ооновскими долларами, наступал тебе на лицо. Я знаю, как мерзко у тебя на душе. Ты чувствуешь себя опустошенной, бессильной и беспомощной. Неудивительно, что после этого тебе, чтобы завоевать хотя бы видимость расположения других людей, требуется столько денег. Неудивительно, что вся эта известность нужна тебе затем, чтобы доказать самой себе, что ты действительно существуешь. Послушай, я собираюсь вложить в твои руки оружие и дать шанс поквитаться с теми белыми ублюдками, которые все это с тобой проделали.— С этими словами он вдруг протянул ей свой пистолет рукоятью вперед, а когда она неуверенно взяла его, отступил назад и улыбнулся.

— А вдруг,— наконец сказала Джоан,— вместо этого я пристрелю тебя?

— Нет. Смелости не хватит.— Но очевидно он все же увидел что-то в ее сознании, нечто практически неуловимое, то, чего даже она сама не осознавала. Внезапно он так же резко, как и отдавал пистолет, забрал его обратно.— Линкольн! — позвал он, и тут же появился его заместитель. Должно быть, сообразила Джоан, он все это время подглядывал и подслушивал.— Убери с глаз моих долой эту белую чизку. А то, если я увижу ее еще раз, могу не сдержаться и просто раздавлю ее каблуком.

Когда они с Линкольном вышли, Джоан, потрясенная и недоумевающая, спросила его:

— Что с ним такое? С чего это он так взбесился?

Линкольн рассмеялся.

— И где же твоя женская интуиция, детка? Перси много лет таскал в бумажнике твое фото — во всяком случае, все те годы, что мы с ним знакомы. Ты его единственная любимая, давно потерянная мечта... И, оказывается, чизка. Причем, чизка со-

вершенно *безнадежная*. И если ты считаешь, что это не смешно, то, значит, у тебя вообще нет чувства юмора.

Маршал Коли, Военный Администратор оккупированной территории Теннесси, вслух сказал офицерам своего штаба:

— Как вам известно, мы уже несколько месяцев разрабатываем операцию, целью которой является поимка ниговского лидера, Перси Х. В результате нам до некоторой степени удалось установить, где и в какое время он бывает.— Маршал языком указал на огромную настенную карту провинции. Цветом были выделены районы, где до сих пор скрывались остатки индейских племен и непокоренные ниги.

К карте прикрепили светящуюся фишку, приблизительно обозначавшую нынешнее местонахождение Перси Х.

— Наша операция,— продолжал маршал Коли,— как вам известно, называется «Операция „Дерьмо Кошачье“». Это терранское выражение, связанное с крайне неприятной субстанцией. Дело и нам предстоит крайне неприятное, поскольку затянулось на неоправданно долгий срок.— При этих словах он вытянулся почти вертикально, балансируя на кончике хвоста, чтобы подчеркнуть важность того, что собирается поведать подчиненным.— «Операция „Дерьмо Кошачье“»,— возвестил он,— войдет в свою решающую фазу в 23.00 по теннессийскому времени. Наши штурмовые бригады бесшумно высадятся в указанном месте, достигнув его с помощью индивидуальных летательных трубок, и окружат пункт, где скрывается преступник.— Он помолчал, затем продолжил: — Это момент, к которому я готовился на протяжении своего пребывания в должности Военного Администратора данной территории. В одиннадцать ноль-ноль начнется осуществление всех наших заранее подготовленных тактических операций. После этого...— тут он в возбуждении защелкал языком,— ...либо мы захватим Перси Х, либо нет. В любом случае, другой возможности у нас не будет.— И поспешно добавил: — Я имею в виду, в рамках *военной* юрисдикции данной территории. Как поведет себя прибывающий мне на смену гражданский администратор, мне неизвестно. «Но,— подумал он,— через наших чизов, внедрившихся в ряды нигов, я хорошо узнал Перси. Узнал многое, хотя благодаря телепатическим способностям Перси ни одному из наших агентов не удалось подобраться настолько близко к нему, чтобы попытаться убить его и даже получить информацию об операциях, которые он разрабатывает со своим штабом».

Коснувшись кончиком языка соленоидного выключателя, он привел в действие стоящий на столе вспомогательный проектор. На противоположной стене появилось цветное трехмерное фото Перси Х, сделанное с помощью телеобъектива. На снимке Перси развалился в кресле, беседуя со своими младшими командирами.

— Конечно, все терранцы, как правило, очень похожи друг на друга,— заметил маршал.— Но обратите внимание на волевой подбородок, широкую улыбку сознающего свою силу человека. Он не обычный терранец.— «И, скорее всего,— вдруг пришло ему на ум,— сдастся последним. Когда столько узнаешь о человеке, это становится совершенно очевидным».— И, чтобы обеспечить успех операции «Дерьмо Кошачье»,— продолжал он,— я в первый и последний раз за успешное завершение дела, потребовавшего стольких трудов и тщательнейшего планирования, предлагаю вознаграждение.

При этих словах все присутствующие уставились на него.

— С присущей мне неизмеримой щедростью я предлагаю вознаграждение в сумме десяти тысяч тулебов тому сущику, который сумеет выполнить поставленную перед штурмовиками задачу. Налогами указанная сумма, естественно, не облагается.— Он с удовлетворением отметил, как лица офицеров озаряются желанием услужить, твердым намерением получить награду, решимостью стать тем, кто ее получит... И понял, что в этот критический час после стольких фальстартов сделал, наконец, правильный ход. Он вычитал в терранских книгах по психологии, как мотивировать личность.— Известите своих подчиненных,— начал он,— что если эта столь тщательно подготовленная операция провалится, все они будут смунгированы. А вы, вы, привыкшие нежиться в своих выстеленных мягким войлоком нишах, представляете себе, что значит быть смунгированным? — Тут он зловеще уставился на них, пристально изучая перепуганные лица офицеров.

Все черви, как один, дружно закивали. Каждый ганимедский военнослужащий слышал о внесудебной квазиюридической процедуре, обычно заканчивающейся колоссальным штрафом и двумя столетиями ссылки на какой-нибудь лишенный атмосферы булыжник в поясе астероидов.

Кроме того, здесь пахло деньгами. «Посади их задницей на атомный реактор, близкий к взрыву,— сказал себе Коли,— и одновременно дай им вызывающий привыкание наркотик или «капусту» (это тоже терранский термин, означающий деньги) и они клюнут. И...»

«Да ведь иначе я поступить и не мог,— вдруг осознал он.— Особенно теперь, когда стало ясно, что наш так называемый

агент, эта самая Джоан Хайаси, с самого начала вела двойную игру. Вдруг бы выяснилось, что несмотря на его собственные телепатические способности, маршала обвела вокруг пальца (еще одно терранское выражение) самая обычная терранка?» Он все еще не мог понять, как ей это удалось. Было совершенно ясно, что одно дело — читать мысли, и совсем другое — понимать их, особенно, если речь шла о мыслях представителей совершенно иной расы.

«Но теперь благодаря варварскому таланту этого льстивого лизоблюда Гаса Свенесгарда, она, сама того не сознавая, все же привела меня к нему. Если же нет, то окажется, что это она меня использовала... а не я ее».

— Операция,— заявил он,— будет развиваться по обычной схеме, которая до сих пор оказывалась столь эффективной в других районах этой планеты. Сначала со спутника, проходящего над указанным районом, будут выпущены беспилотные гомотропные снаряды-дротики. Они не будут убивать, а лишь парализуют нигов. Затем, когда территория противника будет сочтена безопасной...— Он бубнил и бубнил.— И в заключение,— наконец стал закругляться маршал,— позвольте вас предупредить: шкура Перси Х ни в коем случае не должна быть повреждена. Никаких ожогов, отверстий, разрывов и пятен в общем, не должно быть никаких дефектов. Всем понятно? Это вопрос высочайшего эстетического значения, а не просто обычная политическая или военная операция. Нет, во-первых и прежде всего — это охота за ценнейшим художественным сокровищем.

Становилось холодно. Холодно, сыро, к тому же спустился туман, почти скрывший из виду леса, покрывающие горные склоны. Однако ниги не могли рисковать, разводя костры. У гани имелись чувствительные детекторы тепла, которые мгновенно засекли бы огонь костра даже сквозь затягивающие небо тучи. Чтобы согреться, ниги сбились в кучки, накрылись одеялами и ветхими спальными мешками, сохраняя максимум драгоценного тепла своих тел.

Некоторые негромко переговаривались между собой, другие спали, хотя у большинства давно выработалась совершенно необходимая привычка спать днем и бодрствовать по ночам.

Джоан Хайаси и Перси Х лежали среди груды человеческих тел, укрывшись старой шинелью.

Обнимающий девушку Перси сказал:

— Заставить мужчин касаться друг друга не только трудно, но и очень опасно. Зато когда они, наконец, решаются, это ока-

зывается очень приятным ощущением, возможно даже, самым приятным на свете. Но мы, люди, всегда боялись друг друга. Нам хотелось думать о себе, как о бесплотных духах или разумах, покоривших материю, а вовсе не как о стаде животных, сбивающихся в кучу, чтобы согреться. Я очень благодарен гани за...

— Боже, до чего же холодно! — стуча зубами, заметила Джоан.

— Скажи спасибо, что еще можешь хоть холод ощущать. По крайней мере, ощущаешь хоть что-то.

Рядом с ними кто-то принялся напевать себе под нос.

— А не смогут детекторы ганийцев засечь этот звук? — спросила Джоан.

— Всегда шумит ветер,— ответил Перси,— поют птицы, рычат или воют хищники, поэтому гани довольно трудно определить источник отдельного звука.

К поющему присоединился еще один голос, потом еще один и еще. Ничего подобного ей еще слышать не приходилось. Долгие прерывистые стоны струились без перерыва, становясь то тише, то громче, накладывались на ритм, который скорее подразумевался, он напоминал биение какого-то огромного общего сердца. Никакой устойчивой мелодии вроде бы не было, и каждый из поющих вступал и смолкал, когда вздумается.

К хору присоединялось все больше голосов. Темп возрастал. Кое-кто начал отстукивать ритм ладонями по телу. У Джоан красота этой музыки отдавалась щемящей болью в груди. Ее сознание отчаянно сопротивлялось, металось, как тонущий человек, но музыка подчинила ее эмоции, захватила их и швырнула вниз, как тростинку в водопад.

— Давай,— мягко предложил Перси,— записывай. Очевидно, ему было известно, что на руке у нее микроминиатюрный магнитофон, замаскированный под наручные часы.— Прихватишь с собой на обратном пути. В конце концов, какая разница! — Он, по-видимому, тоже был до глубины души тронут пением.— Если этим червякам все же удастся покончить с нами, то останется хоть наша песня, чтобы вам, чизам, было стыдно, чтобы вы знали, как поют настоящие мужчины.

Он ласково погладил ее по голове и вдруг замер. Под рукой он ощутил что-то крошечное, круглое и явно металлическое, нечто, застрявшее у нее в волосах.

— Ой! — вскрикнула она, когда Перси резким рывком выдернул непонятный предмет из волос. Чиркнув спичкой, он в ее неверном свете быстро и умело осмотрел его.

— Радио,— пробормотал он, а затем зашвырнул куда-то в темноту. Вскочив, он крикнул своим людям: — Быстрее! Вста-

вайте! Нужно рассеяться! На этой чертовой девчонке-чизке оказался жучок! Возможно, в эту самую минуту они уже окружают нас!

Не колеблясь ни секунды, все разбежались в разные стороны с оружием наизготовку. Джоан тоже метнулась прочь, стараясь не выпускать из виду широкую спину Перси.

— Не оставляй меня, зануда,— крикнула она, задыхаясь, споткнулась и едва не грохнулась на землю, покрытую туманом.

В небе появился огонек, похожий на падающую звезду, хотя он был явно ближе к земле, чем падающая звезда.

— Перси, берегись! — закричала Джоан. Это был миниатюрный заостренный автономный дротик, несущийся вниз на головокружительной скорости и старающийся отыскать одного конкретного человека — Перси Х.

Линкольн вскинул лазерное ружье и первым же выстрелом почти автоматически сжег несущийся вниз дротик.

— Еще один! — рявкнул Перси.— Вон там, справа.— В голосе его не чувствовалось испуга, вот только выкрикнул он это чересчур поспешно и пронзительно.— Третий. Близко, слишком близко. Все их нам не сбить.— Последние слова прозвучали совершенно равнодушно, просто как констатация факта, без каких-либо эмоций. В его голосе не чувствовалось даже отчаяния. Перси Х выстрелил практически одновременно с Линкольном. Оба нига стреляли и стреляли, и тем не менее смертоносная туча гомотропных дротиков продолжала спускаться все ниже и ниже. Ганийское оружие, сообразила Джоан. Еще со времен войны его прозвали *Гарпуном.* С его помощью тогда одного за другим уничтожили многих выдающихся терранских ученых и военных деятелей.

Припав на одно колено, Перси поспешно отстегнул закрепленный на лодыжке пакет. Сильно чиркнув им о твердую землю, он воспламенил устройство, оно щелкнуло, и густой дым начал затягивать воздух.

Самим «гарпунам» дым, конечно, не вредил, зато в условиях нулевой видимости они попросту теряли из виду цель и теперь били по земле наугад. Разве что один или несколько из них уже успели намертво ухватить цель.

Но Линкольну было уже все равно. Джоан слышала, как он вскрикнул и упал. Затем вскрикнул и Перси, повалившись на жесткую траву. На мозговые излучения самой Джоан ни один из дротиков настроен не был, поэтому она пока оставалась цела и невредима. Хотя и в нее мог угодить какой-нибудь из дротиков, сбитых с толку дымом. С трудом пробираясь в искусственных

сумерках, она поспешно двинулась туда, откуда донесся вскрик Перси. «Это моя вина»,— мрачно твердила она себе.

Однако сейчас ей было просто не до размышлений. Сама не понимая, откуда взялись силы, она ухитрилась, тяжело дыша, полуоттащить-полуотнести Перси на несколько ярдов в сторону. Ноги ее дрожали, она с трудом, часто спотыкаясь и поскальзываясь на камнях, тащила нига через невидимый лес вниз по склону, все дальше и дальше, совершенно не представляя, куда направляется. Она знала лишь одно: нужно действовать быстро. Вслепую, ни на что не надеясь, Джоан продиралась, оступалась, падала, но все же тащила за собой безжизненное, но не мертвое тело. Это она знала точно, поскольку количество токсина в дротиках обычно было незначительно. Тащила в какое-то другое, неизвестное ей место.

Впереди она заметила какой-то силуэт. «Ниги»,— подумала она с облегчением, и с трудом выдавила:

— В Перси угодил «гарпун». Я пытаюсь утащить его как можно дальше от места боя.— Она буквально задыхалась от напряжения.

Высокая, облаченная в металлические доспехи фигура, похожая на какое-то искусственное насекомое, произнесла:

— Дальше ты его не унесешь,— и вскинула руку, направив оружие на Джоан.— Это не парализует,— сказал незнакомец на безупречном английском, разве что излишне отчетливо выговаривая слова.— Ты — моя пленница, терранка. И он тоже.— Существо указало на неподвижную фигуру у ног Джоан.— Особенно он.

Глаза-щелочки вдруг вспыхнули, освещая все вокруг, чтобы изображение можно было передать в Главный штаб ганийцев. Изображение уже передавалось — она слышала характерное жужжание аппаратуры.

Нагнувшись, она выхватила из-за пояса Перси пистолет. Она знала, что внутри металлического панциря скрывается сущик, и была полна решимости либо прикончить его, либо погибнуть самой. Она выстрелила в упор.

Но пуля со звоном отскочила от блестящей брони сущика, не причинив тому ни малейшего вреда. Казалось, он вообще не обратил на выстрел ни малейшего внимания, а продолжал транслировать изображение Перси.

Джоан Хайаси без малейшего успеха разрядила в высящуюся перед ней фигуру всю обойму, а затем швырнула в сущика и пистолет. И после этого, совершенно беспомощная, неподвижно замерла возле по-прежнему неподвижного тела Перси Х, лежащего у ее ног, подобно сломанной кукле.

6

Личный секретарь маршала Коли подполз к шефу, поднялся на кончике хвоста и передал маршалу конфиденциальное сообщение.

— Сэр, к вам некто Меккис, ганимедец, утверждающий, что он гражданский администратор, которому поручено сменить вас.

Очевидно, время его вышло. Причем гораздо раньше, чем он предполагал. Но, возможно, искусно затягивая время, ему удастся выиграть несколько лишних часов... Ровно столько, сколько необходимо для завершения операции «Дерьмо Кошачье». Коли скользнул на противоположный конец офиса, при помощи низко расположенной ручки, которая реагировала исключительно на прикосновение его языка, распахнул дверь в приемную и окинул взглядом своего сменщика.

Тот оказался серым соотечественником мрачного вида. Явно терпеливый и неглупый, а кроме того — гораздо более пожилой, чем сам маршал. Он ждал совершенно спокойно, с большим достоинством и как будто даже не заметил в приемной развлекательных лент для посетителей. Так же не обращал он внимания и на нескольких привлекательных и хорошо ухоженных секретарш. Рядом с ним лежал толстый портфель с длинным ремнем. А снаружи в ярко освещенном дворе дожидалась целая стая летунов, медленно поднимавших и опускавших крылья.

«Неплохо обучены,— подумал Коли.— У них хороший хозяин — они не порхают туда-сюда, создавая ненужную суету. Явно очень породистые, и обошлись владельцу в целое состояние». Выходило, что это и впрямь был преемник Коли, гражданский администратор.

— Мистер Меккис? — спросил маршал Коли.

Голова гостя откинулась назад, изо рта метнулся язык, полыхнули широко расставленные глаза, в которых отражались уныние и какая-то растерянность, как будто Меккис смотрел не совсем на него, а скорее — сквозь него. Впечатление такое, решил маршал, будто его преемник обладает способностью видеть весь жизненный путь человека, предугадывать его судьбу. Возможно, это каким-то образом связано с возрастом. «Мудрость,— решил он.— Да, скорее всего, именно мудрость, а не просто знание как информация, записанная в компьютере, лежит за этими зелеными фасеточными глазами». Он вдруг почувствовал себя как-то неуютно.

— Хотите вступить в должность прямо сейчас? — поинтересовался Коли. Он снова представил себе роскошную, толстую и

покрытую пушком шкуру Перси Х. Сейчас она постепенно превращалась в далекую несбыточную мечту.

— Честно говоря,— отозвался Меккис,— я бы действительно предпочел принять дела немедленно, а потом отдохнуть. На корабле мне что-то не спалось.

— Тогда прошу в мой офис,— пригласил Коли. Когда они оказались в кабинете, он велел: — Две чаши настоящего испанского шерри.— Пока один из его сущиков наполнял чаши, он пояснил: — Это из Испании, из самого Пуэрто-Санта-Мария. Так называемое «нинья» — светло-золотистое и умеренно сухое.— Сделав несколько глотков, маршал добавил: — Я предпочитаю употреблять его при комнатной температуре, но можно пить и...

— Ваше гостеприимство,— заметил Меккис, вежливо пригубив из чаши,— просто исключительно. Но, может быть, все же перейдем к передаче дел?

— Да, вот, например, истребители.

Удивленный Меккис заметил:

— Но мне ничего не сообщали ни о каких истребителях.

— Ну разумеется, это же не настоящие истребители — это просто модели, сами видите. Времен Первой мировой войны.

— Что еще за Первая мировая война? — поинтересовался Меккис.

Подползая к длинному низкому столу из полированного дерева, маршал Коли пояснил:

— Эти модели из редкого ныне пластика двадцатого столетия, причем повторено все до мельчайших деталей. Несравненная работа.— Он знаком велел помощнику принести модель и сказал: — К сожалению, секрет изготовления такого пластика давно утрачен. Эти модели позволяют мне изучать историю развития истребительной авиации в период Первой мировой войны.— Он щелкнул языком в сторону модели, которую помощник демонстрировал Меккису.— Это был первый настоящий истребитель «фоккер-айндеккер». Видите, у него одинарное крыло.— Он указал на плоскость, поддерживаемую подкосами.

— Хм-м,— без всякого выражения промычал Меккис — сейчас он пытался телепатически просканировать маршала, но тот успешно блокировал все его попытки. Можно было различить только смутные образы самолетов. «Возможно,— подумал Меккис,— это и не сознательная блокировка, а действительно то, чем занято его сознание».

— До декабря 1915 года Антанта не располагала ничем, что могло бы сравниться с «фоккер-айндеккерами» I, II и III.

— Кстати,— спросил Меккис,— а как они ведут свое летоисчисление?

— От даты рождения Иисуса Христа, единственного Сына Божьего.

— Вы обо всем говорите так,— сухо заметил Меккис,— будто уже превратились в аборигена. Неужели вы верите во всю эту божественную чушь?

Маршал Коли наполовину выпрямился, пару раз с достоинством качнулся из стороны в сторону и сказал:

— Сэр, на протяжении последних лет я здесь, на Терре, являлся англокатоликом и ежемесячно причащался.

Меккис поспешно перевел разговор на сравнительно безопасную тему моделей аэропланов. Ведь новообращенные в местные религиозные культы порой становились крайне фанатичными.

— А это что за самолет? — спросил он, смыкая челюсти на хвостовой части биплана.

Маршал Коли прикрыл глаза и ответил:

— Не позволите ли демонстрировать экспонаты этой редкой, можно сказать, уникальной коллекции моему опытному помощнику, сэр? А то я страшно беспокоюсь за их сохранность.

— Тысяча извинений, разумеется.— Меккис осторожно поставил биплан на место. На фюзеляже не осталось ни единой царапинки от зубов.

Маршал снова пустился в объяснения по поводу авиации времен Первой мировой, и лишь через полчаса Меккису все же удалось вернуться к вопросу о передаче дел.

— Ну что ж, маршал, думаю, достаточно о войне. Я все же хотел бы вступить в права руководителя этой территории...

— Погодите,— Коли коснулся кнопки, и секция стены откатилась в сторону, открывая бесконечные ряды масштабных моделей самолетов.— Эта часть моей коллекции посвящена знаменитым самолетам периода между Первой и Второй мировыми войнами. Для начала познакомимся с моделью «форд-три-мотор».

Помощник, демонстрируя Меккису «форд-три-мотор», с благоговением заметил:

— У него есть еще и коллекция моделей самолетов Второй мировой войны.

— Я... я просто потрясен,— с трудом выдавил Меккис.

Но Коли, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Само собой, я не смогу перевезти эту совершенно бесценную коллекцию моделей на Ганимед, поскольку во время перелета им будет причинен непоправимый вред — сами знаете, как летают эти наши беспилотные гомеостатичные грузовые кораб-

ли.— Он взглянул на Меккиса.— Поэтому я оставляю свою коллекцию моделей, все до единой, даже модели истребителей времен Второй мировой, вам.

— Но,— запротестовал Меккис,— вдруг я разобью один из экспонатов?

— Не разобьете,— тихо сказал маршал. Тем дело и кончилось.

В этот момент Меккис телепатически заметил снаружи какую-то суматоху.

— Сущики взяли кого-то в плен,— сказал он.— Думаю, лучше распорядиться привести его сюда.

Коли побледнел. Великолепная шкура была так близка, но в то же время так недоступна.

— А по-моему, лучше подождать, пока...

— Если вы всегда ведете дела таким образом, то, наверное, мне лучше приступить к своим обязанностям немедленно. Официально я принимаю всю полноту ответственности с момента прибытия.— Он чувствовал, что Коли страшно не хочется, чтобы он узнал о причине суматохи. И именно поэтому настаивал на своем.

— Хорошо,— наконец буркнул Коли.

Меккис как раз рассматривал модель биплана 1911 года с толкающим винтом, когда маршал Коли, тяжело дыша, вернулся в кабинет. За ним ввели терранца с очень темной, почти черной кожей. Ниг.

— Администратор,— с порога начал Коли,— в ходе операции, начатой мной еще до того, как вы прибыли сменить меня на посту верховного правителя территории Теннесси, я добился полного успеха, нанеся последний и решительный удар. Результат граничит буквально с чудом. Вам известно, кто этот терранец?

Меккис попытался оторваться от масштабных моделей древних аэропланов. И понял, что не может. Один из экспонатов представлял собой даже не модель, а примитивную черно-белую фотографию. На ней был заснят хрупкий древний самолет, приземляющийся на палубу корабля. Он прочитал подпись под снимком, и узнал, что 18 января 1911 года совершена первая посадка...

Едва ли не колесом прокатившись к дальней стене кабинета, маршал Коли принялся нажимать кнопку за кнопкой. Открывались все новые и новые стенные шкафы, о существовании которых Меккис даже не подозревал, и уж тем более еще не осматривал.

— Старинные автомобили,— резко бросил Коли.— Начиная с «Пежо» 1898 года и далее. Их осмотр займет часы, а то и дни, а когда вы закончите с ними, можете приступить к изучению моей коллекции паровозов в офисе 4-а.— С этими словами он резко развернулся и скользнул обратно. Меккису еще не доводи-

лось встречать соотечественника-червя, который настолько стал бы рабом своей страсти к коллекционированию.— Я настаиваю на том, чтобы вы официально известили руководство об осуществленном под моим руководством захвате лидера мятежных нигов Перси X, а также подтвердили, что именно я, таким образом, являюсь единственным и безусловным владельцем этого наделенного четырьмя конечностями терранца, с которым могу поступать, как мне заблагорассудится.

В тщательно заблокированных мыслях маршала Меккис все же уловил мысль, которая отдаленно попахивала изменой: Коли хотел бы знать, кому в случае конфликта решат подчиниться войска — Меккису или все же ему? Вслух он сказал:

— Поверьте, маршал, я ничуть не против. Мне совершенно ясно, что вы из тех, кого называют коллекционерами... Совершенно определенный подтип личности. Даже то, что вы обратились в эту более чем странную терранскую религию, может быть сочтено проявлением инстинкта коллекционера... Позвольте, сэр, я попытаюсь догадаться... Вам хочется заполучить шкуру Перси X, чтобы повесить ее на стену. Пожалуй, это действительно стало бы замечательным трофеем — эти зубы и все остальное. Не так ли, маршал? Ведь тела многих половозрелых аборигенов-мужчин имеют рудиментарный волосяной покров, особенно на груди... Как, впрочем, и в других местах.

Все присутствующие в кабинете смолкли и уставились на него. Перси X расхохотался. В его сочном, веселом смехе не ощущалось ни малейших следов язвительности или злобы. И веселый его взгляд был неотрывно устремлен на Меккиса. Улыбка предназначалась именно Меккису, только ему, и было совершенно ясно, что подобный взгляд может бросать лишь одно разумное существо на другое.

Меккис даже представить себе не мог причины столь веселого расположения плененного мятежника. Он был одновременно озадачен и поражен подобной реакцией — неожиданной и загадочной. Он попытался разобраться в мыслях этого человека, но обнаружил, что мысли того идеально заблокированы. Это могло означать лишь одно: Перси X — один из крайне редко встречающихся представителей терранских телепатов.

— Так я могу считать, что он мой? — сдавленно спросил Коли.

— Нет.

— И почему же?

— У меня другие планы в отношении этого двуногого, маршал — отозвался Меккис.— Причем я уверен: знай вы об этих планах, вы были бы решительно против.— Обращаясь к охране,

он продолжал: — Поместите этого пленного терранца с максимально возможными удобствами там, где можно было бы провести надлежащий допрос. Завтра, когда я наконец как следует отдохну, я намерен обсудить с ним целый ряд неотложных вопросов.

Когда Перси Х увели, сущик, захвативший его в плен, сказал:

— Господин администратор, вместе с ним мы пленили еще одного аборигена. Это женщина, причем белого типа, то есть, я хочу сказать, из той их разновидности, что враждебно относится к нигам. Предварительные данные говорят о том, что она — известная телеведущая...

— После, после,— ответил Меккис и только тут понял, насколько устал.

— Расстрелять ее! — проскрежетал маршал Коли.

— Нет,— оборвал его Меккис.— Передайте ее в...— Он никак не мог вспомнить название контрразведки, действующей на этой колонизированной планете.— Короче говоря, в соответствующие органы,— наконец закончил он.

— Но она — предательница,— настаивал маршал.— И должна быть расстреляна.

— Коли,— сказал Меккис,— успокойтесь. Мне вспоминается одна старинная земная поговорка. «Предавший однажды, предаст и дважды». Или что-то вроде этого. Бескровное завоевание врага как раз и предполагает умелое использование предателей, а я вовсе не поклонник излишнего насилия.— Ему вспомнилось то, что ему рассказывали о терранской психологии. Если ему не изменяет память, на этой планете существует место, которое оккупационные силы в шутку прозвали «Школой чизов». Руководит там терранский психолог по имени Балкани. Девушку можно отправить прямо туда, что же касается Перси... Он сначала побеседует с ним, попытается прочитать мысли и разобраться, что тот из себя представляет.

Меккис всегда считал себя азартным игроком. Но и карты порой подтасовать не мешало.

Чуть позже, отдохнув, администратор Меккис распорядился привести к нему в кабинет терранца. Теперь они были наедине, наконец-то избавленные от действующего на нервы маршала Коли.

— Ну, и чего вы от меня хотите? — не присаживаясь, спросил Перси.

— Понимания,— ответил Меккис.— Вы телепат. Если кто-нибудь и может перекинуть мост через пропасть непонимания, разделяющую наши расы, то это как раз телепаты.

— Нет, я задал совершенно конкретный вопрос,— настаивал Перси.— Чего именно вы от меня добиваетесь?

Червь сделал движение, отдаленно напоминающее пожатие плечами, потом сказал:

— Переходите на нашу сторону.

В этот момент Перси смог уловить в сознании администратора смутную картинку: он, преследуемый ганийцами и глубоко ненавистный им ниг, становится императором всей территории Теннесси. Он правит всеми белыми и даже частью ганийцев из нижних каст.

Трудно было предложить Перси что-то такое, что больше бы отвечало его амбициям.

— Вижу, вы меня поняли,— заметил Меккис с едва заметной ноткой удовлетворения в голосе.— Так каков же будет ваш ответ? И помните, в принципе вас никто не торопит, можете обдумывать мое предложение хоть несколько дней. Если потребуется, то хоть несколько недель. Лично у меня времени хоть отбавляй. Но пока вы думаете, нашим войскам придется продолжать операцию против ваших людей там, в горах. Каждый лишний день будет означать новые неизбежные жертвы, плюс...

В этот момент Перси бросился на него.

Меккис попытался уклониться, но тщетно. Огромный чернокожий терранец всем телом обрушился на него, едва не оглушив. Меккис почувствовал сильные пальцы, сжимающиеся у него на горле, он начал задыхаться... За мгновение до того, как потерять сознание, он успел заметить толпу сущиков, накинувшихся на терранца.

— Убить его! Убить! — истерично вопили сущики, но Меккису с трудом удалось выдавить:

— Нет, просто держите его. Все в порядке. Просто он немного перевозбужден, вот и все.

Хотя Меккис и был довольно сильно помят, он все же сумел сохранить спокойствие и скользнул обратно в свою нишу за столом.

— Очень жаль, что приходится идти на это,— сказал Меккис Перси чуть дрожащим голосом,— но, боюсь, прежде чем мы вернемся к этому разговору, вам придется пройти курс психотерапии, которая поможет избавиться от склонности к насилию. Однако думаю, вам приятно будет узнать, что лечением займется человек, которого и терранцы, и ганийцы считают виднейшим психоаналитиком нашего времени. Я говорю о докторе Рудольфе Балкани.

На мгновение мысленная защита Перси Х исчезла, и Меккис ощутил мелькнувший в сознании нига приступ страха.

«Какой приятный сюрприз,— с удовлетворением отметил Мекис.— А то мне уже начало казаться, что эта скотина вообще ничего не боится».

В тишине убогого номера Пола Риверза доктор Ньюком медленно и осторожно снял с головы Пола мыслеусилитель.

— Ну, как? — спросил Ньюком.— Удалось связаться с Перси Х?

— Да,— кивнул Пол Риверз.— Но я только слушал. Связаться даже не пытался. Ситуация непростая, похоже, сущики все же захватили его в плен и доставили к властям.

— Это плохо,— заметил Ньюком.— Надо было пытаться пробиться к нему раньше.

— Эта ваша штуковина все еще чересчур избирательна и узконаправленна,— пожаловался Пол.— Сам не понимаю, с чего это я решил, будто удастся пробиться к нему с первой попытки. «И вот результат,— продумал он.— Если кто-то и может сломить человека, то это именно Балкани. Рудольф Балкани принадлежит к школе терании, к которой я бы и близко не подошел. Правда, следует отдать ему должное — результатов он добиваться умеет. Всегда гораздо легче ломать, а не строить или хотя бы поддерживать состояние вещей. Человеку требуется значительное время, чтобы вырасти и повзрослеть, но убить его можно за какие-то мгновения».

«К тому же,— подумал он,— если Перси станет чизом, то это, скорее всего, будет для него даже хуже, чем если бы с него сняли кожу. Когда потенциальный спаситель рода человеческого вдруг переходит на другую сторону...»

— Невозможно получить сразу все,— заметил Ньюком. Он выдернул шнур усилителя из сети и собирался уходить.

— Я еще не закончил,— ответил Пол.

— Но ведь они уже захватили Перси.

— А хотите отправиться со мной в Норвегию? — спросил Пол. И, не дожидаясь ответа, стал поспешно укладывать свой чемодан.

7

Войдя с яркого солнечного света в полутемный холл, Джоан Хайаси поняла, что почти ничего не видит.

Охранник сказал:

— Сюда, мисс Хайаси,— и распахнул какую-то дверь. В комнате, где она оказалась, было, пожалуй, даже еще темнее, чем

в холле, но она все же сумела разглядеть бородатого, довольно тучного и начинающего лысеть человека, который подошел к ней, протягивая руку.

— Мисс Хайаси, меня зовут Балкани,— тут же по-деловому начал он.— Доктор Рудольф Балкани. Специалист по глубокому психоанализу.— Они обменялись рукопожатием, и Балкани пригласил ее садиться. Она оказалась в кресле психоаналитика с откидной спинкой, но ложиться не стала, а присела и подозрительно уставилась на смутные очертания фигуры психиатра.

— К какой религии вы принадлежите, мисс Хайаси? — спросил он, неторопливо набивая трубку.

— к ниг-партовской,— с вызовом отозвалась она.— Не будь я ниг-партом, я бы здесь не оказалась.

— Но вы же во всех анкетах, которые заполняли до сих пор, указывали, что исповедуете буддизм. Значит, с буддизмом покончено?

— Во времена Будды на Земле еще не было никаких ганийцев,— ответила Джоан.— В наше же время человек или ниг-парт, или вообще никто.

— Вообще-то я придерживаюсь иных взглядов, мисс Хайаси.— Он помолчал, раскуривая трубку.— Я вообще не считаю ниг-партизм религией. С моей точки зрения, это, скорее, душевное заболевание, этакая разновидность психического мазохизма.

— И, насколько я понимаю, вы намерены излечить меня от него, да?

— Если вы готовы сотрудничать.

— Мне очень жаль,— сказала Джоан,— но сотрудничество — это именно то, чего вы от меня не дождетесь.

Балкани удивленно поднял брови.

— Почему вы так враждебно настроены, мисс Хайаси? Вам совершенно нечего бояться, ведь, кроме всего прочего, я врач.— Он выпустил тонкую струйку ароматного дыма.— Может быть, вы испытываете чувство вины, мисс Хайаси?

— Нет,— ответила она.— Пожалуй, нет. А вы?

— Да,— кивнул он.— За то, что живу. Все мы, обитатели этой планеты — мужчины, женщины и дети,— по идее, должны бы умереть. Нам следовало бы отдать наши жизни, все до единой, но не сдаваться ганийцам. А вы разве так не считаете, мисс Хайаси?

Она не ожидала услышать ничего подобного от психиатра-чиза. На мгновение ей показалось, что этот человек может оказаться другом, тем, кому она может доверять.

— Мы оказались недостойными, мисс Хайаси,— продолжал Балкани.— И, естественно, заслуживали наказания. Мы заслу-

жили это наказание, оно нам необходимо. Более того, мы просто не могли бы жить без него. Верно ведь, мисс Хайаси? Именно поэтому мы и приходим к столь бесполезному делу, как ниг-партизм, и это удовлетворяет таящуюся в наших душах глубокую и фундаментальную потребность в наказании. Но, кроме того, мы испытываем еще более глубокую нужду кое в чем ином. В уходе в небытие. Понимаете, мисс Хайаси, все мои пациенты, правда, каждый по-своему, хотят лишь одного — перестать быть. Всем хочется потерять себя.

А теперь подумайте, мисс Хайаси, как осуществить такое? Вариант лишь один, и это — смерть. Причем это бесконечно удаляющаяся от человека цель. И именно поэтому она вызывает привыкание. Тот, кто ищет небытия, пытается найти его в наркотиках, в алкоголе, в безумии, в игре, одним словом, в исполнении своей мечты о небытии... Вот только мечта эта никогда не исполняется. Большинству доступно ощутить лишь призрачный привкус небытия — ровно настолько, чтобы возбудить аппетит к большему. Участие в заведомо обреченном на неудачу деле вроде движения ниг-партов, представляет собой еще одну, возможно, чуть более тонкую форму всеобщего стремления к небытию.

К концу своего монолога доктор Балкани тяжело дышал, на лбу выступил пот, а лицо неестественно покраснело.

— Если вы и впрямь верите в свои слова,— сказала Джоан,— то могли бы не говорить так громко и не возбуждаться так сильно.— Тем не менее, ему удалось заронить в ее душу страх. А то, что он добавил, напугало ее еще сильнее.

— Кстати, не хотите ли узнать, что собой представляет моя новая терапия, с помощью которой я намереваюсь излечить всех этих несчастных, которые стремятся лишь к небытию? — продолжал Балкани.— Совершенно новое лечение, на совершенствование которого я убил многие годы, и которое, наконец, готов испытать?

— Нет,— ответила она. Фанатичный блеск в глазах доктора наполнил ее душу тревогой.

— Я собираюсь дать им,— уже негромко продолжал он,— именно то, чего они ищут, и то, чего заслуживают. *Я намерен подарить им небытие.*— С этими словами, он нажал кнопку на столе. В комнате появилось два робота на колесном ходу. В манипуляторах один из них держал смирительную рубашку. Она вскрикнула и начала отбиваться. Но роботы были слишком сильны, слишком массивны, поэтому даже самые отчаянные ее попытки не привели к успеху.

Балкани наблюдал за ее бесполезной борьбой, тяжело дыша, а его руки, когда он набивал трубку, слегка дрожали.

Большинство замков в тюремном отделении психоделических исследований имело секрет, хотя администрация позаботилась, чтобы в дверь помещения, где содержался Перси Х, был вставлен обычный, отпирающийся ключом. К концу первой недели своего пребывания в заключении Перси уже успел прочитать в мыслях своих тюремщиков и запомнить все комбинации замков соседних камер. Некоторое время ему мешало одно: все охранники думали по-норвежски, но потом он догадался, что можно попросту наблюдать их глазами за тем, какие комбинации они набирают.

Но даже для телепата побег был связан со множеством проблем. Хотя эти проблемы, решил он, в принципе разрешимы. Наверное, придется попытаться вытащить отсюда и Джоан Хайаси... Перси считал, что хотя бы теоретически существует способ добиться любой цели.

Однажды, когда он дремал на койке, в его мозгу раздался голос.

— Вы — Перси Х? — спросил он.

— Да.

Перси насторожился, подозревая ловушку, хотя его интуиция, на которую он чаще всего мог положиться, подсказывала, что говорящий скорее друг, а не враг.

— А вы кто? — в свою очередь задал он вопрос.

— Человек, который хочет вытащить вас отсюда. Но если это не удастся, то лучше вам не знать моего имени. Вдруг они найдут способ выудить его из вас?

Мимо камеры прошел часовой. Перси сосредоточился на его мыслях, пытаясь выяснить, обладает тот телепатическими способностями или нет. Оказалось — нет.

— Вы знаете точно, где именно находитесь? — продолжал голос в его мозгу.— Вы в Норвегии, на острове Ульвойя, в нескольких милях от Осло. Мы же находимся в самом Осло, совсем недалеко от вас. Пытаясь нащупать ваше сознание, я получил довольно неприятную информацию. Планируется использовать против вас Джоан Хайаси.

— И каким же образом? — напряженно спросил он.

— Над ней собираются провести психиатрический эксперимент. Во всяком случае, так это называется.

— А вы...— растерянно спросил Перси,— ...в состоянии как-то ему помешать?

Ответ Пола Риверза был мягким, и в то же время неизбежно жестоким.

— Мы еще не готовы действовать. Так что на данный момент бессильны.

Как раз в этот момент в небольшом гадальном салоне Пола прозвенел звонок. Он сорвал с головы мыслеусилитель и негромко сказал сидящему за приборами Эду Ньюкому:

— Срочно свяжитесь с Центром в Нью-Йорке по защищенному от подслушивания видеофону и попросите их поспешить с отправкой аппаратуры, которую я заказывал перед отъездом из Штатов. Если они не вышлют ее немедленно, то могут проститься с заказом. Будет слишком поздно.

Эд выскользнул в соседнюю комнату, а Пол, прежде чем открыть дверь, еще раз удостоверился, что индийская музыка в салоне грохочет достаточно громко, чтобы заглушить звуки, производимые партнером. Затем он отправился в прихожую и приготовился приветствовать посетителя так называемого предприятия, служащего прикрытием на то время, что они работают здесь, пытаясь вызволить вожака ниг-партов и Джоан Хайаси.

Меккис еще раз просмотрел лежащие перед ним выцветшие и покрытые пятнами военные документы. Ничего хорошего он не вычитал.

— Обнаруженное Гасом Свенесгардом оружие,— наконец сообщил он своему сущику-провидцу,— описано в самых общих словах, но, похоже, каким-то образом может воздействовать на мозг. Возможно, именно с ним каким-то образом связаны те странные рапорты от частей, занятых в операции против ниг-партов, в которых сообщается, что партизаны несмотря на потерю предводителя продолжают сопротивление.

— Невидимки,— пробормотал пров.— Люди, превращающиеся в животных. Неожиданно возникающие и исчезающие странные чудовища, которых не показывает радар. Все это часть одного и того же — наступающей темноты. О сэр, у вас почти не остается времени. Девушка Ниоткуда проявит себя на этой планете в ближайшие дни. И она станет первой предвестницей конца.

— А ты уже можешь сказать, кто она? — резко спросил Меккис, на мгновение утративший контроль над собой.— Или где она?

— Нет, этого я сказать не могу, но когда-то она жила на этой территории. Сейчас я ее близости не ощущаю.

— Должно быть, она скрылась в горах,— буркнул Меккис и вновь вернулся к лежащим перед ним документам. Как мог Гас Свенесгард, спросил он себя, быть настолько глуп, чтобы позволить столь опасным устройствам попасть в руки ниг-партов? Возможно, это даже не просто глупость, а глупость, за которой скрывается долгая практика и упорная тренировка.

И в то же время этот человек сыграл важнейшую роль в пленении Перси Х.

— Я должен встретиться с Гасом Свенесгардом,— наконец вслух сказал Меккис. Он уже давно надеялся получить какие-нибудь сведения о Перси Х из психоделических исследований. Чем они там занимаются у себя в Норвегии? Если терранец по имени Балкани не сможет представить ему дееспособного и тихого Перси Х, причем очень скоро, то операция против ниг-партов может затянуться на долгие годы. Или вообще внезапно обернуться против ганийских оккупационных сил. Это оружие...

А все этот Балкани. Похоже, именно он и разработал принципы, на которых основано действие приборов, воздействующих на сознание. И он же разработал методику развития телепатических способностей у некоторых особо одаренных терранцев, что позволило им стать вровень с опытными ганимедянами.

И это ему, как правило, отсылали чересчур упрямых землян с целью превращения их в полезных чизов.

— Да, и Балкани,— вслух произнес Меккис.— С ним я тоже должен встретиться.

С этими словами он языком надавил кнопку интеркома и отдал приказ разыскать в близлежащих библиотеках труды знаменитого психиатра. Сдавалось, что он обнаружит в них немало интересного.

— Вы хотели видеть Гаса Свенесгарда? — спросил оракул, прерывая его размышления.— Он уже на пути сюда и вскоре будет у вас.

И действительно, десять минут спустя Гас уже сидел в приемной, ожидая аудиенции. Услышав приказ войти, он как будто не удивился. Лихо отдав честь, Гас предстал перед Меккисом, являя собой картину довольного собой верного служаки.

— Могли бы и не отдавать честь, мистер Свенесгард,— вместо приветствия ядовито заметил Меккис.— Военная оккупация этой территории уже завершилась.

— Так точно, сэр,— энергично подтвердил Гас.— Я прибыл к вам для того...— тут он нервно кашлянул,— у меня имеется кое-какая информация, мистер администратор, сэр.

Быстрое сканирование мозга этого человека дало довольно интересные результаты: Меккис обнаружил, что Гас весьма проницательный и очень хитрый тип, то есть обладает качествами, о которых, глядя на него, трудно заподозрить. Если с Перси Х ничего не получится, то, возможно, получится с этим.

— Понимаете, среди ниг-партов у меня есть осведомители,— сказал Гас, проведя по носу тыльной стороной ладони.— И они

сообщают мне, что в горах творится множество забавных вещей. А эти штуки, которые они забрали из пещеры, я вам доложу, действительно кое-что!

— Что значит «кое-что»? — обеспокоено спросил Меккис.

— Видите ли, мистер администратор, сэр, они довольно забавно влияют на человеческие мозги. Заставляют людей видеть то, чего нет, и не видеть того, что происходит на самом деле. Ну, вы, конечно, понимаете, что я имею в виду. И они развлекаются с приборами, как хотят. Например, один из этих черных дьяволов невидимкой прокрался ко мне в комнату и прямо у меня под носом намалевал на стене черный крест. Ну, думаю, хлебнул я лишку, сэр, но на следующее утро крест по-прежнему тут как тут. Значит, решил я, крест-то настоящий.

— А что означает черный крест?

— А то, что они грозят прикончить меня, если я не стану поступать так, как они скажут. Вот что он означает! — Гас был явно расстроен.

— Я предоставлю вам защиту,— бросил Меккис.

— Я всегда считал, что лучшая защита — нападение. Почему бы вам не обеспечить меня какими-никакими тактическими силами? — Гнусавый сельский выговор исчез как по волшебству. Теперь посетитель говорил четко и ясно.— Несколько ионокрафтов-бомбардировщиков, автономные дротики, и я сам отправлюсь в гору за этими шельмецами.

— У нас в горах и так действует несколько подразделений. Что вы можете сделать такого, что не могут они?

— Я могу победить,— негромко отозвался Гас.— В то время как вашим ребятам, не в обиду будь сказано, придется плутать по этим горам до морковкина заговенья. Я знаю эти горы, у меня есть свои шпионы. Мне известно, как рассуждают ниги. Я могу найти место, где они прячут новое оружие, эти самые мозготрахи.

Меккис машинально заглянул в мысли человека... и даже вздрогнул от того, что там обнаружил. Самый явный обман: да, Гас действительно желал найти оружие, это верно. Только собирался оставить его себе.

Меккис несколько мгновений размышлял. Конечно же, на Гаса можно навесить жучок или подсунуть ему какое-либо мгновенно убивающее устройство с дистанционным управлением. Даже пускай его намерения нечистоплотные, возможно, он все же сумеет отыскать оружие и одолеть нигов. Сделать то, чего не сумели оккупационные силы ганийцев. А в тот момент, когда Гас уже решит, что сумел всех обвести вокруг пальца, устрой-

ство-убийца, спрятанное на теле, уничтожит его, оставив оружие и победу Меккису.

— Ладно,— сказал он Гасу.— В ваше распоряжение поступит отряд из двадцати пяти полностью экипированных сущиков. Только постарайтесь использовать их разумно.

Когда Гас, удивленный собственным успехом, повернулся, собравшись уходить, Меккис окликнул его:

— И вот еще что. Если наткнетесь на кого-либо по имени Девушка из Ниоткуда, уничтожьте его или ее во что бы то ни стало.

— Слушаюсь, сэр,— сказал Гас и отдал честь.

— В чем дело? — с тревогой в голосе спросил Эд Ньюком.

Пол Риверз, лежащий на кушетке в гостиной гадального салона с мыслеусилителем на голове, резко напрягся.

— Боже мой! — воскликнул он. Пол был настолько сосредоточен на мыслях Перси Х, что и голос его походил на голос предводителя нигов.— Она кричит!

— Что они с ней делают? — спросил Эд.

Последовало долгое молчание. День клонился к вечеру. То и дело слышались гудки проносящихся мимо ионокрафтов. Колокола соседней церкви прозвонили пять, легкий ветерок чуть колыхнул занавески на окнах.

— Она в смирительной рубашке,— наконец сказал Пол, причем снова голосом Перси Х.— Она лежит на столе, катящемся по длинному темному коридору.— Он ненадолго смолк, потом снова заговорил, на сей раз испуганным голосом Джоан Хайаси: — Черт возьми, Балкани, но это же просто абсурдно! Отпустите меня!

Эд подался вперед, нервно облизывая губы.

— Так что же происходит?

— Она в комнате со стенами, обитыми чем-то мягким,— ответил Пол, опять голосом Перси Х. Через некоторое время он заговорил снова. Только теперь голосом Рудольфа Балкани.— Роботы, первый и второй... извлекают ее из смирительной рубашки.— Затем снова голосом Джоан: — Перестаньте. Нет! Не выйдет! — И опять Балкани: — Перестаньте сопротивляться, мисс Хайаси, эти роботы по крайней мере вдесятеро сильнее вас, поверьте. Сами понимаете, куда лучше сотрудничать с ними. Я вовсе не собираюсь причинять вам вреда. Ведь, кроме всего прочего, я врач, мисс Хайаси. И, уж поверьте, вы не первая обнаженная женщина, которую мне приходилось видеть. А теперь, будьте добры, наденьте вот это... Нет, ни за что! — Голоса то

затихали, то становились громче, заглушали друг друга, как будто говорящие пытались одержать друг над другом верх.

Эд Ньюком внезапно испытал глубокое отвращение к происходящему. Ему едва верилось в то, что он видит и слышит. Личность Пола Риверза исчезла окончательно.

Доктор Рудольф Балкани протянул Джоан Хайаси то, что на первый взгляд показалось ей просторным скафандром из черного пластика. Она одела его, и один из роботов застегнул молнию на спине. Теперь лишь ее голова оставалась непокрытой. Внутренняя подкладка скафандра была такой нежной, что Джоан почти не чувствовала его.

— Мисс Хайаси, вы наверняка знакомы,— сказал Балкани,— с приемами некоторых религиозных отшельников. Конкретно, я имею в виду методы ухода от действительности. Благодаря современной науке мы располагаем модернизированной версией пещеры отшельника. Это называется камерой сенсорной изоляции.— Он нажал кнопку, панель на полу скользнула в сторону, и Джоан увидела бассейн с темной неподвижной водой. Балкани взял в руки закрытый шлем.

— Самым эффективным способом сенсорной изоляции является бассейн, в котором человек плавает в воде, подогретой до температуры крови, в полной темноте и тишине. Когда вы наденете этот шлем и погрузитесь в бассейн, то не будете ничего слышать, видеть, осязать или обонять и, благодаря препарату, который мы вам ввели, перестанете ощущать даже собственное тело. Ни боли, ни движений, ни изменения физического состояния. Ничего. Надевайте шлем, мисс Хайаси.

Она сопротивлялась, но роботы все равно одолели ее.

По-видимому, наконец успокоившись, Джоан сказала Балкани:

— А вы сами хоть раз побывали в этом бассейне?

— Пока нет,— ответил Балкани. По его приказу два робота опустили ее в воду, аккуратно расправив воздушный шланг, подключенный к шлему. Балкани, наблюдая за происходящим, раскурил трубку и задумчиво сделал несколько затяжек.— Добро пожаловать в небытие, мисс Хайаси,— негромко сказал он.

В дверь постучали. Рудольф Балкани оторвался от блокнота, нахмурился и приказал одному из роботов открыть дверь. В кабинет вошел его начальник, майор Рингдаль, и подозрительно уставился на врача.

— Она все еще в бассейне? — спросил майор.

Балкани молча указал на темную воду. Майор разглядел верхушку шлема Джоан Хайаси, торчащую над водой, а потом и ее тело в скафандре, окруженное пузырьками выдыхаемого воздуха.

— Только говорите потише! — прошептал Балкани.

— Сколько времени она там плавает?

Балкани взглянул на часы.

— Около пяти с половиной часов.

— Но она подозрительно неподвижна. Может, она просто спит, а, доктор?

— Нет,— Балкани снял с головы наушники, отсоединил один и протянул его майору Рингдалю.

— Похоже, она разговаривает во сне,— немного послушав, заметил Рингдаль.— Хотя разобрать ничего невозможно.

— Она не спит,— повторил Балкани и указал на вращающийся цилиндр самописца. Крошечные перья вычерчивали на бумаге неровные волнистые линии.— Данные свидетельствуют, что сейчас ее мозг пребывает в состоянии крайней активности, практически — на уровне сатори.

— Какого еще сатори?

— Это состояние, в котором исчезает барьер между сознанием и подсознанием, и мозг начинает функционировать как единое целое, а не как совокупность вторичных функциональных систем.

— Она страдает? — спросил Рингдаль.

— А почему вы спрашиваете? — Вопрос явно удивил ученого.

— Я считаю, что Перси Х все время сканирует ее мысли. И если он поймет, что она страдает, это, возможно, заставит его по-другому оценить нашу точку зрения.

— Мне казалось, что вы хотите исцеления,— фыркнул Балкани.— Вообще-то я врач, а не палач.

— Отвечайте на вопрос! — рявкнул Рингдаль.— Так страдает она или нет?

— Возможно, она и испытала несколько неприятных моментов. В каком-то смысле, ей пришлось пережить утрату связи с окружающим миром... А потом и с собственным телом. Это нечто, весьма напоминающее смерть. Однако теперь, осмелюсь предположить, она по-настоящему счастлива. Причем, возможно, впервые в жизни.

Пространства не существовало.

Не существовало и времени.

Потому что не существовало и самой Джоан Хайаси. Не осталось даже самой крошечной точки, где пересекались бы про-

странство и время. И тем не менее, мозг ее неустанно работал. Не пропадала и память. Совершенные компьютеры работали над проблемами, которые стояли перед ними и раньше, хотя многие из этих проблем были сформулированы так, что скорее всего не имели решения. Эмоции приходили и уходили, хотя первоначальные переходы от тревоги до едва ли не экстаза практически исчезли. То и дело возникали призрачные полуличности, которые тут же пропадали. Сыгранные ею в жизни роли висели в прозрачной пустоте сознания, подобно костюмам в опустевшем театре. На сцену мира опустилась ночь, и теперь горели лишь несколько фонарей, едва освещая декорации из реек и холста, еще недавно сходившие за действительность.

Балкани был прав или, по крайней мере, отчасти прав. Оказывается, счастье все же существует, причем — величайшее счастье, которое только может испытать человек.

Вот только, к сожалению, не оставалось никого, кто мог бы это счастье испытать.

8

Роботы аккуратно достали Джоан из бассейна и с бесконечной осторожностью уложили на стоящий неподалеку стол. Балкани снял с нее шлем и сказал:

— Здравствуйте, мисс Хайаси.

— Здравствуйте, доктор.— Голос ее как будто раздавался откуда-то издалека, и он вспомнил: после такой процедуры человек еще довольно долгое время не мог отличить воображаемое от реальности.

— Похоже, она все еще в трансе,— заметил Рингдаль.— Надо проверить, будет ли она реагировать на прямой приказ.

— Если хотите, то прошу! — раздраженно отозвался Балкани. Его вывело из себя то, что его начальник-военный вмешался на самом критическом этапе эксперимента.

— Мисс Хайаси,— сказал Рингдаль голосом, который, по его мнению, больше всего напоминал голос опытного гипнотизера.— Вам хочется спать, спать, спать. Вы впадаете в глубокий транс.

— Вот как? — голос девушки был лишен каких-либо эмоций.

Рингдаль продолжал:

— Я ваш друг. Вы понимаете это?

— Любое живое существо мне друг,— ответила Джоан все тем же отстраненным голосом.

— Что она имеет в виду? — спросил у Балкани Рингдаль.

— Люди, выходя из состояния сенсорной изоляции, очень часто несут всякую околесицу,— ответил Балкани.— И она все равно не будет выполнять никаких приказов. Так что можете не тратить попусту свое драгоценное время.

— Но ведь она под гипнозом, не так ли? — беспомощно спросил майор. Он явно ничего не понимал.

Ответить Балкани не успел, потому что заговорила Джоан:

— Нет, это вы под гипнозом.

— Приведите-ка ее в чувство,— проворчал Рингдаль.— А то у меня от нее мурашки по коже.

— Никуда я ее привести не могу,— с легкой иронией парировал Балкани, довольный неудачей начальника.— Она в полном сознании, так же как и мы с вами.

— Так вы собираетесь оставить ее в таком состоянии?

— Не волнуйтесь.— Балкани покровительственно похлопал своего начальника-военного по плечу.— Она и сама через некоторое время вернется в нормальное состояние. Разумеется, если захочет.

— Если захочет? — Рингдалю явно не понравилось, как *это* прозвучало.

— Ну, просто она может решить, что предпочтительнее оставаться в нынешнем состоянии.— Балкани повернулся и негромко обратился к Джоан: — Кто вы, дорогая?

— Я — это вы,— тут же отозвалась она.

Рингдаль выругался.

— Знаете, Балкани, либо убейте ее, либо вылечите. Но ни в коем случае не оставляйте в таком состоянии.

— Смерти не существует,— проговорила Джоан, ни к кому не обращаясь. Похоже, она вовсе не расположена была разговаривать с кем-либо. Более того, создавалось впечатление, что она не замечает ни того, ни другого.

— Послушайте, Балкани,— сердито бросил Рингдаль.— Мне казалось, вы говорили, будто можете излечить ее от политической неприспособленности. Но сейчас, сдается мне, она стала еще хуже, чем раньше. Позвольте напомнить вам...

— Майор Рингдаль, позвольте мне в свою очередь напомнить вам о трех вещах. Во-первых, я ничего вам не обещал. Во-вторых, лечение только началось. И в-третьих, что вы вмешиваетесь в вопросы, иметь дело с которыми вам не позволяет профессиональная подготовка.

Рингдаль воздел палец над головой. Он собирался разразиться какими-то страшными угрозами, но мгновенно забыл о них,

увидев, как Джоан внезапно села и тем же по-прежнему отстраненным голосом заявила:

— Я голодна.

— Хотите, чтобы стол накрыли в вашей комнате? — спросил Балкани, внезапно испытав к ней прилив симпатии.

— О да,— безо всякого выражения сказала она, затем потянулась и расстегнула молнию на своем пластиковом скафандре. Освободилась от него, совершенно не обращая внимания на мужчин, но майор Рингдаль все же покраснел и отвернулся. Балкани смотрел, как она одевается, в груди его нарастала какая-то глухая боль. Это было совершенно новое для него чувство, ничего подобного он не испытывал еще ни разу в жизни. Ее тело сейчас казалось очень маленьким, совершенно детскими и беспомощным. Ему хотелось защитить ее, помочь остаться во сне наяву, где все были ее друзьями и не существовало смерти.

Джоан встала и первой вышла из комнаты. На губах ее играла легкая улыбка, как у Моны Лизы или Будды. Когда она проходила мимо Балкани, тот потянулся и коснулся ее руки. Так, будто она вдруг стала святой.

Перекусив, Джоан Хайаси подошла к окну и выглянула наружу. Солнце уже почти село, вечер вступал в свои законные права. Осень в этих краях наступала рано, и на ветке за окном покачивался освещенный багровыми лучами закатного солнца лист. Джоан задумчиво уставилась на него.

В этот момент солнце наконец скрылось за горизонтом.

Лист превратился в смутный силуэт на фоне быстро темнеющего неба, окруженный еще бледными, но ясно различимыми звездами. Воздух с привкусом соли был наполнен запахом моря.

Джоан продолжала разглядывать лист, а ветер тем временем становился все сильнее и прохладнее. У нее возникло впечатление, что кто-то невидимый нашептывает ей на ухо. Она продолжала стоять у окна, опершись рукой на подоконник. Следила за смутным листком на ветру, а все усиливающийся ветер шевелил ее волосы.

Прошел час.

Два.

Листок на ветке танцевал в такт неслышимой музыке, раскачивался, подпрыгивал, вертелся, как будто чувствуя, что за ним кто-то наблюдает.

В полночь Джоан все еще стояла у окна, наблюдая за листком.

Она наблюдала за ним всю ночь напролет, и всю ночь листок беззаботно танцевал для нее в порывах ночного ветерка.

На рассвете ветер стих, и листок бессильно повис на ветке. Один усталый, похожий на прощальный поклон поворот, и листок наконец сорвался с ветки и, порхая из стороны в сторону, исчез где-то внизу, смешавшись с опавшими раньше собратьями. Джоан несколько мгновений провожала его взглядом, потом потеряла из виду. Взошло солнце.

Джоан вздохнула. Она вдруг поняла, что совершенно окоченела. Ее била дрожь, зубы стучали. Она принялась растирать себя ладонями, пытаясь согреться. Джоан Хайаси возвращалась к норме, если под нормой подразумевался мир опавших листьев, где обитали люди.

Перси Х недоуменно уставился на перевязанную левую руку. Он сам порезал ее — разбил стакан и резанул по коже осколком стекла. Острая боль вернула из чуть не засосавшей его трясины, в которую он последовал за Джоан, из бездны, в которую Хайаси едва не утащила его за собой. Внезапно он с ужасом осознал, что его личность рассеивается, исчезает, и он попытался прервать телепатический контакт с девушкой, но не смог — во всяком случае, до тех пор, пока не порезал себя.

Теперь он снова заглянул в ее мысли, только очень осторожно, и понял, что там он совсем чужой. Он снова покинул ее сознание, на лбу у него выступил холодный пот.

И тут же почувствовал, что кто-то приближается к его камере. Охрана.

Щелкнул замок, дверь распахнулась. Заглянул один из охранников и равнодушно бросил:

— Пошли, приятель. И давай, пошевеливайся.

С охранниками слева и справа, он шел по длинному коридору мимо бесконечных рядов закрытых дверей. «Интересно, куда это они меня ведут?» — подумал он. И просканировал мысли конвоиров, чтобы выяснить. Оказывается, его вели к Джоан по приказу Балкани. Вот только непонятно, с чего это Балкани отдал такой приказ? Скорее всего, под влиянием порыва. И все равно, Перси было как-то не по себе. Порывы Балкани, казалось, имели какую-то непонятную, почти противоестественную природу.

К своему удивлению, он обнаружил, что дверь в ее комнату не заперта, более того, она была даже чуть приоткрыта.

— К вам посетитель, мисс Хайаси! — провозгласил один из стражей.

Лежащая на койке и равнодушно разглядывающая потолок Джоан села и улыбнулась.

— Привет, Перси!

Сразу было видно, что она сильно изменилась. Стала какой-то серьезной, зрелой. Ничего подобного он раньше в ней не замечал. Охранник прикрыл дверь, оставив их одних.

— Ты сейчас здорово смахиваешь на лунатика,— наконец сказал он.

— Напротив, у меня ощущение, будто я по-настоящему проснулась впервые в жизни. Присаживайся. Я должна тебе кое-что сказать.

Он осторожно присел на краешек койки.

Джоан сказала:

— Я всегда говорила всем, включая и саму себя, что самое главное для меня — карьера на телевидении. Но это было ложью, хотя я и убеждала себя, что в это верю. Бывали времена, когда я убеждала себя, будто влюблена в одного мужчину. Или в другого. Например, в тебя. Но и это было неправдой. Когда в поисках тебя я отправилась в горы, то плюнула на свою карьеру, да и настоящей любви ни с кем у меня так и не получилось. Снова и снова, когда успех в том или ином начинании оказывался практически у меня в руках, я делала какую-нибудь очередную глупость, которая сводила на нет все мои начинания. Теперь я поняла, что всю жизнь в самой глубине души боялась одного — добиться успеха, получить то, чего, как мне казалось, я больше всего хочу. Мне всегда казалось, что окружающие настроены против меня или что я попросту неудачница, но главным своим врагом была я сама. Всю жизнь, когда бы я ни пыталась добиться чего-то, дорогу мне заступала демоническая фигура и приказывала остановиться — все тот же безжалостный призрак с моим собственным лицом. Доктор Балкани вручил мне нож и дал возможность прикончить призрак. Если бы ты только слышал, как она кричала, кричала долгие часы, пока я медленно резала ее на кусочки, отмываясь от нее. Теперь она мертва, и единственное, что от нее у меня осталось, так это чувство одиночества. Теперь, когда Джоан Хайаси наконец мертва, я осталась одна.

— Похоже, у тебя с психикой не все в порядке,— резко заметил Перси.— Да оно и понятно... После всего, что тебе пришлось вынести. Мне все известно — я все время поддерживал с тобой мысленный контакт.

— Дело вовсе не в психике, Перси. И Балкани лишь помог понять, чего мне всегда хотелось все то время, когда я делала вид, будто мне больше всего на свете хочется славы, положения, денег и тебя. Он же дал мне возможность понять...

— Он дал тебе лишь духовную и психическую смерть.

— Небытие,— ответила Джоан.

— Неужели ты не понимаешь, что он с тобой сделал?

— Кто, Бог? — отсутствующим голосом спросила Джоан.

— Да нет же, Балкани!

— Доктор Балкани мой друг. А если у меня и есть враг, то это, должно быть, Бог.

Перси резко схватил ее за руку и притянул к себе.

— Я знаю, что тебе пришлось пережить, как ты не понимаешь? Благодаря своему телепатическому дару я был с тобой — в воде и тишине. Поэтому ты не можешь рассказать мне что-либо, чего бы я не пережил *сам*...— Он ненадолго задумался и смолк.— Ты испытывала чувство любви ко мне, те же самые чувства к тебе испытывал и я. Что же в этом было нереального? — Он яростно стиснул ее руку.— Ну, ответь же мне...

— А что ты видишь,— спросила Джоан,— когда смотришь на меня? Японская куколка, верно ведь? И я вовсе не виню тебя в этом. Я позволила сделать себя игрушкой, и ты играл со мной. Что может быть более естественным? Но я гораздо больше, чем просто маленькая куколка, на самом деле я очень высокая, Перси. Высокая, как гора. И я страшно устала втягивать голову в плечи.

— Никто и не заставляет тебя втягивать голову в плечи,— он еще сильнее сжал ее руку.

— Ты — телепат, ты можешь читать мысли других. Но ты не понимаешь их. А вот доктор Балкани не умеет читать мысли, зато полностью понимает людей. Как ты объяснишь это, а, Перси? Мне-то это отлично известно.— Она улыбнулась своей странной, рассеянной улыбкой.— Балкани прочитал, причем до самых темных глубин, мысли лишь одного человека. *И этот человек был он сам.* И поскольку он полностью понимает себя, ему ни к чему телепатия, чтобы понимать остальных. И не обманывайся по поводу того, что он принимает наркотики. Если бы ты видел самого себя таким, каков на самом деле, тебе тоже пришлось бы принимать наркотики, чтобы вынести правду. А возможно, ты даже и покончил бы с собой. Потому что, Перси, все мы — чудовища. Демоны из ада — мерзкие, грязные, извращенные и злые.— Все это она проговорила очень спокойно, без тени эмоций.

— Не смей так говорить,— сказал Перси.

Она осторожно высвободилась.

— Теперь я говорю, что хочу. Я в первый раз говорила с тобой искренне, а ты ведешь себя так, будто я не в себе. Как ты сам выразился, у меня, мол, не в порядке психика. Ладно, в принципе я этого ожидала. Я понимаю, что если хочу выражать-

ся ясно, то должна быть жестокой. Я просто пыталась объяснить, что больше не нуждаюсь в тебе, Перси. Как, впрочем, и ни в ком другом.

Поздно вечером, когда салон покинул последний посетитель, Пол Риверз и Эд Ньюком принялись вскрывать ящики, которые, наконец-то, им доставили грузовым кораблем.

— Вот и оружие, верно? — с удовлетворением заметил Эд.— С помощью такого можно попробовать потягаться с Балкани...

— Не совсем так,— ответил Пол Риверз, вытаскивая из ближайшего ящика пенопластовую упаковку.

В ящике оказался робот. А в другом ящике должен был находиться второй. Оба робота созданы на основе прототипов, которые во время войны разработал сам Балкани. «Но теперь они переделаны,— заметил сам себе Пол Риверз,— и послужат моим собственным целям».

— А это что такое? — спросил Эд.— Высокочастотный передатчик, что ли?

— Нет, это сенсорный деформатор.— Прибор также был одним из изобретений Балкани, относящимся еще к довоенному периоду Бюро психоделических исследований.

— Сегодня ночью мы все это испытаем. Нужно убедиться, что аппаратура в исправном состоянии. Потом свяжемся с Перси Х и постáраемся как можно быстрее вытащить его оттуда.

Уже почти на рассвете, когда Перси Х, так и не сумевший заснуть, лежал на койке в своей камере, он услышал в мозгу голос Пола Риверза.

— Завтра, Перси.

«Но как?» — подумал Перси.

Быстро и без лишних слов Пол описал свой план. На Перси он произвел сильное впечатление. Очень сильное впечатление.

— А теперь я отправляюсь спать и постараюсь как следует выспаться,— телепатически завершил беседу Пол Риверз.— И вам советую то же самое. Если все пойдет как надо, завтра увидимся.

Перси ощутил, как усиленные мысли доктора Пола Риверза исчезают, оставляя только смутное ощущение глубокой усталости.

Выспитесь, посоветовал он. «Легко сказать,— подумал Перси,— да не так легко сделать». Какая-то мысль на задворках мозга постоянно грызла его, медленно и непрерывно лишая последних сил. «Интересно,— подумал он,— что бы это могло быть?»

Перед мысленным взором Перси Х вставало лицо Балкани. Борода. Трубка. Пронзительный взгляд горящих адским огнем глаз с вечно расширенными зрачками.

«Неважно, кто владеет этой планетой,— вдруг осознал Перси.— Балкани все равно подыщет себе местечко среди правящего класса... А как же я? — спросил он себя. Что же, во имя Господа, творится сейчас в Теннесси? Что делают остатки моих ниг-партов? Если, конечно, хоть кто-то из них еще остался в живых...»

«Я обязательно должен выбраться отсюда,— сказал он себе.— Если я останусь здесь, Балкани обратит меня в свою веру так же, как он проделал это с Джоан... Это лишь вопрос времени,— понял он.— А когда это случится, то судьба нашего родного края будет предрешена».

Нет, пожалуй, сегодня ему заснуть не удастся, учитывая, какие мысли крутились в его голове.

На рассвете по шоссе, которое тянулось вдоль берега фьорда, с грохотом и лязгом проехал мусоровоз и остановился возле сторожевой будки у моста, как проделывал это сотни раз. Охрана бегло осмотрела его и пропустила дальше. Грузовик пересек однопролетный подвесной мост и покатился дальше, взревывая, чихая и храпя по дороге, ведущей к главным воротам тюрьмы. Здесь его снова проверили и пропустили, после чего машина наконец остановилась позади тюремной столовой. Через некоторое время из нее вышли двое в белых комбинезонах, направились к помойке и скрылись под навесом. Мгновение спустя наружу вынырнули двое охранников и быстро двинулись по коридору, ведущему прочь от столовой.

За дверью камеры Перси Х зазвенели ключи, и кто-то произнес:

— Ежедневная проверка. Будьте добры, отойдите на минутку от двери.

Перси телепатически обследовал пространство за дверью. Поблизости он никого не обнаружил. Тогда взглянул туда, откуда слышался голос. Там стоял некто в форме охранника. Это был Перси Х.

Несколько мгновений Перси Х-человек и Перси Х-робот глядели друг на друга, потом человек шагнул в зону, где его не могли засечь телекамеры. Через секунду робот-Перси Х вошел в камеру и улегся на койку, в то время как Перси Х-человек, уже переодетый в форму охранника, запер дверь.

Он быстро добрался до камеры Джоан Хайаси, воспользовавшись знанием комбинаций замков в коридорах.

У раскрытой двери камеры стояли две Джоан Хайаси, одна в одежде заключенной, другая — в форме охранницы. Он не смог бы сказать, кто из двоих — робот, а кто — девушка, пока та, что в форме охранницы, не шепнула:

— Она отказывается бежать, сэр.

— Если ты не пойдешь с нами,— шепотом прохрипел Перси Х,— то и я не пойду.

Какое-то мгновение Джоан молчала. Ему удалось прочитать ее мысли: «Я не могу допустить, чтобы ты рисковал из-за меня жизнью». После этого она пожала плечами и принялась с мучительной медлительностью меняться одеждой с роботом.

Мгновение спустя двое «охранников», один высокий, другой — низкий, уже пробирались к помойке. Через некоторое время два мусорщика вынырнули из помойки, каждый из них нес по баку с отходами. Тот, что пониже, казалось, едва справляется с задачей, но, тем не менее, из последних сил тащил тяжелый бак. Еще две ходки, и весь мусор был переправлен в грузовик.

Фигуры в белых комбинезонах забрались в кузов, и грузовик двинулся обратно к воротам.

— Что-то вы сегодня долго,— кисло буркнул вооруженный дежурный у ворот.

— Пришлось сегодня задержаться в мужском туалете,— сказал Перси Х.

Дежурный кивнул и пропустил их.

— Почему же он не узнал нас? — прошептала Джоан.

— А ты на меня посмотри,— бросил Перси. Она взглянула и буквально вытаращила глаза. Человек, сидящий рядом с ней, ни капельки не походил на Перси Х.

— Это заслуга устройств на наших поясах,— пояснил Перси.— Они проецируют в человеческий мозг ложные образы. Помогают нам выглядеть именно так, как ожидает наблюдатель. По словам доктора Риверза, Балкани довел прибор до совершенства много лет назад.

— Ах, да,— едва слышно проговорила Джоан.— Доктор Риверз. А я-то как раз думала, когда же он снова появится на сцене.

Они миновали пропускной пункт на другом конце моста и поняли, что наконец-то окончательно выбрались на свободу.

В гараже, стоящем у обочины шоссе, тянущегося вдоль края фьорда, доктор Пол Риверз и Эд Ньюком сидели на бампере ионокрафта и напряженно ждали. Возле стены лежали, бессмысленно глядя куда-то в пространство, двое настоящих мусорщиков.

— Да,— сказал Пол, с одобрением глядя на загипнотизированных людей.— Похоже, я все еще не утерял способности. Способности гипнотизировать.— В прежние времена, на заре своей профессиональной практики, он много занимался гипнотерапией, как Фрейд. «Лучше всего,— подумал он,— приберегать такие способности на крайний случай. Вроде этого».

— Огоньку не найдется? — напряженно спросил Эд.

— Не курю,— ответил Пол. Он вытащил из кармана коробку нюхательного табака «Джонатан Свифт» и заметил: — И то, и другое ощущаешь языком, только мое зелье не оседает в легких.

— Ничего, прикурю от прикуривателя в машине,— пробормотал Эд, закашлявшись, как заядлый курильщик.— Нюхачи несчастные, да я на вашем месте лучше бы мешок арахиса схрумкал.— Он забрался в ионокрафт и нервно прикурил сигарету.

Некоторое время они оба сидели молча, один курил, а другой отправлял в нос щепоть за щепотью табачной пыли. Откуда-то издалека послышался рокот древнего мусоровоза, который с грохотом и лязгом полз по шоссе.

Пол мгновенно соскочил с бампера и широко распахнул двери гаража. Громко чихнув и выстрелив выхлопом, грузовик вкатился в гараж, взвизгнул тормозами и остановился. Перси Х выключил двигатель и выскочил наружу. За ним неспешно выбралась Джоан Хайаси. Пол тут же захлопнул двери гаража и пошел поздравить их с освобождением.

— Перси, меня зовут Пол Риверз,— сказал он, обмениваясь рукопожатием с пристально изучающим его лидером ниг-партов,— а это мой коллега и друг Эд Ньюком. Возможно, мисс Хайаси, вы меня помните. Мы как-то встречались.

Джоан смотрела куда-то сквозь них. У нее было совершенно равнодушное выражение лица, на котором не читалось абсолютно никаких чувств. Риверза едва не передернуло. «Что же такое Балкани с ней делал? — спросил он себя.— Такая прелестная малышка, а он ухитрился превратить ее в... в Бог знает что! Но,— решил он,— возможно, мне еще удастся ей помочь».

Он отдал несколько команд загипнотизированным мусорщикам, а потом с невеселой улыбкой наблюдал, как те послушно забираются в свой грузовик.

— Откройте им двери гаража,— попросил он Перси Х.— А то как бы они ее не сломали.— Перси распахнул ворота, двигатель грузовика взревел и ожил, мгновение спустя машина рванулась с места, выскочила наружу, вылетела на автостраду и исчезла в направлении Осло.

— Пора убираться отсюда,— нетерпеливо заметил Эд, туша окурок сигареты. Все четверо загрузились в ионокрафт. Пол уселся за пульт управления, и через считанные секунды аппарат со свистом вылетел из гаража и заскользил над неподвижной поверхностью фьорда.

— Хотелось бы узнать вот еще что, доктор Риверз,— вслух сказал Перси Х, из вежливости не пользуясь телепатией в компании людей, подобной способностью не обладающих.— Зачем вам было так рисковать и вытаскивать нас оттуда? — Его по-прежнему обуревали глубокие и достаточно обоснованные подозрения.

— Нам хотелось бы,— сказал Пол Риверз,— чтобы вы оказали нам одну услугу.— Он говорил вроде бы и мягко, но в то же время совершенно твердо.

— Какую именно?

И Пол Риверз ответил:

— Нам нужно, чтобы вы вернулись в Теннесси и погибли. Желательно, как герой.

Майор Рингдаль встретился с доктором Рудольфом Балкани в сумрачном холле, в который выходил кабинет психиатра. Балкани собирался ограничиться лишь кивком головы, но майор взял его за руку и сказал:

— Подождите минуточку, прошу вас.

Балкани не оставалось ничего иного, как смириться и терпеливо ждать.

— Насколько я понимаю, доктор, в настоящее время вы работаете одновременно и с Джоан Хайаси, и с Перси Х.— Рингдаль пристально посмотрел на врача.— И как успехи?

— Да пока не очень.— Балкани нахмурился и принялся задумчиво поглаживать клочковатую бороду.— Возможно, я слишком нажимаю на них. Их реакции стали едва ли не... механическими.

Майор хлопнул Балкани по спине, явно стараясь проявить дружелюбие... Однако Балкани почувствовал в этом жесте подспудное напряжение.

— Продолжайте работать, рано или поздно они сломаются. Ведь как бы то ни было, они всего-навсего люди.

Когда ему наконец удалось избавиться от начальника, Балкани ощутил, насколько подавлен. Больше всего его беспокоили настоятельные требования ничего не понимающего майора. Рингдаль настаивал на том, чтобы «сломить» их. «Я хочу исцелить их, а вовсе не сломить»,— подумал он, возвращаясь в кабинет.

Его мысли снова вернулись к Джоан Хайаси. Весьма интересный случай, хотя и не укладывающийся в рамки предыдущих исследований. Ее реакции на терапию небытием оказались совершенно уникальными. Видимо, придется добавить главу в работу по «Новому Психоанализу», и все из-за нее. «Возможно,— подумал он,— мне придется пересмотреть всю теорию целиком. Какая мучительная мысль... Работа целой жизни, и все коту под хвост... Из-за одного-единственного исключения». Но, как ему было известно, даже одно исключение вовсе не подтверждало правило, напротив, оно опровергало его.

К этому моменту он как раз дошел до половины решающей главы. Он не мог закончить ее до тех пор, пока окончательно не разберется со случаем Джоан Хайаси, так или иначе. «Возможно,— размышлял он,— я окажу честь, назвав ее именем какое-нибудь психическое заболевание. Например, „комплекс Хайаси". Нет, пожалуй, это слишком амбициозно. Лучше, „синдром Хайаси". Да, пожалуй, так будет лучше».

Закрыв за собой дверь кабинета, он опустился на край койки психоаналитика и рассеянно взглянул на довольно пыльный бюст Зигмунда Фрейда, громоздящийся на книжном стеллаже. «Да, пожалуй, ты самый недовольный из отцов»,— подумал он.

Джоан Хайаси запаздывала. Интересно, что за идиоты служат в здешней охране? Возможно, они в этот самый момент развлекаются с ней, эти животные, лапая своими потными солдатскими руками. Он в раздражении вскочил, несколько раз прошелся взад-вперед по кабинету, потом снова уселся и вытащил трубку.

В холле послышались чьи-то шаги. Он снова вскочил, просыпав табак из трубки. Но доктор даже не заметил этого, поскольку дверь начала медленно открываться. На пороге стояла она.

— Привет, доктор.— Она вошла в кабинет, а охранник закрыл за ней дверь. Как и во всех других случаях, когда она опаздывала, Джоан казалась спокойной, отчужденной и безразличной.— И чем мы сегодня займемся? — спросила она, бесшумно опускаясь в кресло.

— Можно — в бассейн,— сказал Балкани.— А можно провести какой-нибудь многофазовый профильный тест. Или, давайте, лучше просто поболтаем, а? Нам неплохо бы получше узнать друг друга.

— Как скажете, доктор.

Ну почему же она реагирует на его предложения столь равнодушно? Она никогда не проявляла по отношению к нему ни ненависти, ни, тем более, привязанности. Для начала он предложил:

— Почему бы вам ни называть меня просто Рудольфом?

— Как скажете, Рудольф.

— Ну, так-то лучше.— На самом деле, лучше не стало. Как и прежде, она говорила пустым, апатичным тоном.— Впрочем, сегодня, наверное, лучше будет на некоторое время погрузиться в бассейн,— наконец решил он.— Что скажете?

— Вам решать, Рудольф.— Она начала послушно раздеваться. Балкани наблюдал за ней, у него даже вспотели ладони. Через мгновение она стояла перед ним совершенно обнаженная, ожидая дальнейших приказаний.

Он снял с вешалки скафандр и неуверенно приблизился к ней.

— Позвольте вам помочь,— хрипло выдавил он.

— Как скажете, Рудольф.

Дрожащими пальцами он помог ей натянуть скафандр. Перед тем как застегнуть молнию на спине, он поцеловал ее в шею — быстро и опасливо — взял за руку и повел к бассейну.

После того как два робота опустили ее в воду, он еще раз взглянул на какую-то необычно механическую картину ее мозговых волн, которую вычерчивали перья энцефалографа. Как необычно, более того, совершенно уникально. Непохоже ни на что, с чем ему приходилось сталкиваться до сих пор. И ему это очень не нравилось. Не нравилось совершенно.

Но, похоже, он ничего с этим поделать не может. По причинам, которые ему были недоступны, ситуация вышла из-под его контроля.

Пол Риверз вел ионокрафт так низко над землей, что древние телефонные провода, которые давно уже больше нигде, кроме как в Теннесси не употреблялись, проносились прямо под ними. «Похоже, нас еще не засекли,— прикинул он.— И все же, чем мы ближе к горам, тем нежелательней привлекать внимание операторов радарных станций чизов».

Бортовые огни ионокрафта были погашены, работали лишь инфракрасные прожекторы. Пол наблюдал за проносящейся под днищем ионокрафта местностью с помощью очков-преобразователей. Он видел то, что лежит впереди, а их машина в темноте оставалась практически невидимой. Небо затянули низкие облака. Это угнетало его.

Поскольку лететь приходилось так низко, он старался лететь не быстрее ста миль в час, совершенно не задумываясь о возможной погоне. Поэтому для него оказалось неприятным сюрпризом, когда радио, настроенное на частоту переговоров местной

полиции, внезапно ожило ровно настолько, чтобы коротко сообщить: «Неопознанный ионокрафт в секторе „С“, летит в южном направлении с выключенными бортовыми огнями. Говорит центральное полицейское управление. Повторяю: неопознанный ионокрафт в секторе „С“, приказываем перехватить. Возможно, экипаж пытается добраться до ниг-партов».

— Доставайте лазерные ружья,— негромко велел Пол. Перси Х и Эд Ньюком тут же повиновались. Джоан продолжала молча глядеть в темноту, как будто опасность ее совершенно не интересовала.

Он поднял машину чуть выше и прибавил скорость до ста пятидесяти миль в час. И все равно они и теперь летели едва ли не над самыми верхушками деревьев: ему казалось, что гораздо разумнее держаться как можно ближе к земле, поскольку полиция хотя и засекла их аппарат, но не сумела определить, кому он принадлежит. Взглянув на экран бортового радара, он увидел, что две полицейские скоростные машины несутся чуть выше их и быстро сокращают расстояние. «Для начала они, скорее всего, попытаются захватить нас живыми»,— решил он.

— Нас догоняют две полицейские машины,— сообщил он Перси Х.

— Да, я уже заметил их огни,— отозвался предводитель ниг-партов, стоя у открытого люка со вскинутым к плечу лазерным ружьем. Ветер развевал его одежду.

— Думаете, успеете сбить обоих, прежде чем они запустят чем-нибудь в нас? — спросил Пол.

— Само собой,— ответил Перси и дважды выстрелил в преследователей. Одна из полицейских машин взорвалась, другая вильнула в сторону, потом камнем понеслась к земле и врезалась в склон горы.

Пол изменил курс, потом изменил его еще раз, затем увеличил скорость до опасных трехсот миль в час. Деревья теперь проносились под ними так быстро, что они вряд успели бы увернуться от какого-нибудь лесного великана.

Радио буквально взорвалось:

— Неопознанный ионокрафт, определенно вражеский! Только что сбил две наши патрульные машины. Всем патрульным сосредоточиться в секторе «С». Стрелять на поражение.

«В нашем положении есть и приятная сторона,— сказал себе Пол.— Хуже оно уже быть не может».

Но он ошибался.

В это мгновение откуда-то спереди из темноты вынырнула высоковольтная линия электропередач. При их нынешней ско-

рости у Пола не было ни единого шанса отреагировать на неожиданное препятствие, не говоря уже о том, чтобы отвернуть в сторону. Единственное, что он успел, так это покрепче ухватиться за штурвал, и тут ионокрафт врезался в провода. Удар был такой силы, что Пол едва не потерял сознание. Но хотя он и не мог ясно мыслить, многолетний, отпечатавшийся в подсознании опыт управления скоростными ионокрафтами сделал свое дело. Он отчаянно пытался восстановить контроль над машиной и потерял высоту. Ионокрафт чиркнул по песчаной верхушке холма и снова взмыл в воздух, Пола здорово тряхнуло.

На сей раз каким-то чудом Полу удалось выровнять аппарат, и тот, все еще отчаянно рыская из стороны в сторону, все же начал набирать высоту. Он бросил взгляд на Джоан, Перси Х и Эда. Их всех оглушил удар, может быть, они потеряли сознание. Ионные решетки машины были здорово покорежены и в любой момент могли отвалиться. Похоже, машина быстро теряла мощность. Он с горечью отметил, что сможет удерживать ионокрафт в воздухе еще всего несколько минут. «Скорее всего,— мрачно подумал он,— придется садиться и дальше плестись пешком».

И как раз в этот момент радио снова очнулось:

— Неопознанный ионокрафт окружен! Всем патрульным кораблям открыть огонь на поражение!

— Настало время,— сказал Хранитель Времени,— подключиться к трансляции Общего Разума с родного мира, сэр.— Нервный маленький сущик указал на транслятор-усилитель в углу кабинета администратора.

— Что? — пробормотал Меккис.

— Сэр, вы уже в третий раз за этот месяц пропускаете слияние. Как же вы узнаете, что происходит дома?

— Сейчас у меня есть дела поважнее. Тем более, я все равно знаю, что там творится. Мои враги радуются моему отъезду. Какой же мне смысл подключаться и слушать их радостное блеяние?

Тут мрачно вмешался Оракул.

— Тьма наступает вовсе не с родного мира.

Хранитель Времени молча удалился, и Меккис вернулся к своим «делам поважнее». Они заключались в чтении опубликованных работ блестящего, но крайне многословного терранского психиатра доктора Рудольфа Балкани. Меккис раздобыл микропленки книг, которые смогло обнаружить Бюро культурного контроля, и теперь уделял им все свободное время. Он еще никогда не встречал мыслителя, который настолько бы захватил

его. Даже самое первое предложение в самой первой книге поразило его, словно выстрел.

«Количество людей на этой планете огромно, но все же конечно. Количество же людей внутри людей бесконечно. Следовательно, я один куда многочисленнее, чем вся человеческая раса».

Подобная мысль никогда бы не пришла на ум существу, привычному к телепатическому слиянию с Великой Общностью, но в ней имелся какой-то невероятный и в то же время убедительный эгоизм, совершенно фантастическая дерзость, будто обращенная к глубинной, доселе не затронутой части сознания Меккиса. Она как будто объясняла то плачевное состояние отношений между ним и другими представителями правящего класса Ганимеда. «Они все до единого,— думал он,— настроены против меня, хотя я знаю, что прав. Я был прав с самого начала. Как такое могло произойти, если Балкани неправ, если одно разумное существо и в самом деле не более велико, чем вся остальная раса, представителем которой оно является?»

Метод Балкани с его точки зрения был просто возмутителен. Вместо проведения систематических экспериментов, осторожного, шаг за шагом продвижения вперед по дороге познания, Балкани попросту заглядывал в свое собственное уникальное сознание, а потом описывал то, что увидел. Он одним-единственным язвительным замечанием, не претендующим даже на минимальную вежливость, не говоря уже о научной честности, напрочь отбрасывая те или другие школы психиатрии. И все же его теории давали прекрасные результаты. Балкани, великий ученый, слепо внедрялся в неведомое, беспечно отбрасывая в сторону любые догматические представления, если они интуитивно казались ему ложными. Он вполне позволял и другим идти по своим стопам, подбирая крохи идей, проверяя их с научной точки зрения, чтобы творить чудеса.

Например, пользоваться методом обучения латентной телепатии, который реально работал.

Его методы психотерапии казались жестокой атакой на эго пациента, но, тем не менее, в течение нескольких недель могли излечить совершенно неизлечимые до сей поры душевные заболевания, такие как наркомания и запущенная шизофрения.

Его электромагнитная теория функционирования мозга открывала путь к частичному или полному контролю над сознанием.

Его пути измерения Синхронности, порождаемой шизофрениками и не имеющей причинно-следственной связи, постоянно изменяя картины действительности, как бы заставляли внутренний мир психа сотрудничать с окружающей действительностью

в создании полуреального мира, где самые немыслимые фантазии, невзирая ни на что, превращались в действительность.

Неизвестно, что больше впечатлило Меккиса: результаты этих исследований или сам Балкани, как человек? Скорее, последнее. Меккис начал воспринимать себя как часть терранского психиатра, ощущая свое духовное единство с этим человеком, решившим противопоставить себя целой расе.

«Да,— подумал Меккис,— было бы интересно превратиться в ганимедского доктора Балкани».

На мгновение подняв глаза, он обнаружил, что один из его секретарей-чизов уже больше минуты пытается привлечь его внимание.

— Господин администратор, Гас Свенесгард просит аудиенции!

— Я слишком занят. Что ему нужно? Он ничего не говорил?

— Он просит подкреплений в своей войне с нигами. Утверждает, будто сможет стереть их с лица земли, если ему доверят ганийские наступательные вооружения.

Сейчас Меккису вовсе не хотелось раздумывать о судьбе мятежных нигов — нет, он был всецело погружен в осмысление одного особо тонкого положения столь нелогичной логики труда доктора Балкани под названием «Центральная точка, Действие на расстоянии и Сверхчувственное восприятие». Он ответил секретарю:

— Дайте ему все, что он захочет. Приглядывайте за ним. И больше не беспокойте меня его просьбами.

— Но...

— Это ВСЕ.— Меккис кончиком языка нажал кнопку, и на экране перед ним возник следующий микрофильмированный разворот книги.

Пожав плечами, чиз удалился. Меккис тут же забыл о разговоре и снова погрузился в сумеречный мир «Центральной точки парафизики».

Когда Гас Свенесгард узнал о принятом администратором решении, он быстро переспросил секретаря-чиза:

— Значит, Меккис сказал, я могу получить все, что угодно?

— Совершенно верно,— подтвердил секретарь.

— В таком случае,— с широченной улыбкой начал Гас,— во-первых, я бы хотел, чтобы все ганийские боевые подразделения на данной территории были переданы под мое командование. Далее...— Он мечтательно прикрыл глаза.— Я бы хотел произвести некоторые изменения в структуре управления.

— Что вы о себе возомнили! — возмущенно воскликнул секретарь.

Гас усмехнулся и фамильярно хлопнул возмущенного секретаря по спине.

— Получается, сэр, что теперь я — король на горе. Вот кто я такой.— С этими словами он покинул здание штаба ганийских сил. Беспечно насвистывая, он отправился по своим делам, уже точно зная, что именно получил.

Пол Риверз разглядел далекое шоссе, по которому в ночи мчался огромный грузовик. Пол мягко коснулся пульта управления ионокрафтом и подумал: «А почему бы и нет?» Машина повиновалась довольно вяло... Однако он вскоре обнаружил, что догоняет трейлер.

«Ну вот»,— сказал он себе и вырубил двигатель. Уже на излете ионокрафт нагнал трейлер и рухнул в открытый кузов. Удивленный водитель обернулся и через заднее окошко кабины разглядел Пола, который зловеще наставил на него лазер.

— Не останавливайся! — рявкнул Пол, стараясь перекрыть гул двигателя.

— Как скажешь, приятель,— с застенчивой улыбкой отозвался водитель, и снова уставился на дорогу. «Скорее всего,— подумал Пол,— он принял нас за угонщиков, и первое, что придет ему в голову — связаться с представителями закона. А уж те, понятное дело, окажутся на месте в считанные секунды».

Однако водитель оказался негром.

— Перси! — гаркнул Пол.— Возьми себя в руки и скажи водителю, кто мы такие! Быстро!

Перси растерянно поморгал, потом быстро прочитал мысли Пола и шофера и крикнул последнему:

— Эй, папаша, не узнаешь меня, что ли?

Водитель, не оборачиваясь, бросил взгляд в зеркало заднего вида внутри кабины и тут же отозвался:

— Нет, отчего же, я тебя знаю. И сдается мне, что ты — Перси Х. Моя бы воля, я и сам бы ушел к тебе в горы, кабы не жена да дети. Не будь меня, они уже давно бы перебили друг друга.

Тут он рассмеялся. Презрительно.

— Ты, случаем, не в сторону плантации Гаса Свенесгарда путь держишь? — спросил Пол. «Кажется,— с надеждой подумал он,— мы движемся в нужном направлении».

— К северной части,— ответил водитель.

— Вот и отлично,— с заметным облегчением сказал Перси Х.— Оттуда я уже и на своих двоих смогу добраться до друзей.— И спросил Пола: — Пойдете со мной?

Пол бросил взгляд на Джоан Хайаси и ответил:

— Нет, там мы с Эдом с вами расстанемся.

— И Джоан возьмете с собой?

— Да, думаю, так будет безопаснее.

— В наше время нигде нельзя считать себя в безопасности,— язвительно заметил Перси Х.

— Так, значит, вы хотели бы, чтобы она навсегда осталась такой, какой ее сделал Балкани?

После недолгой паузы Перси Х ответил:

— То есть, вы спрашиваете меня о ее состоянии? И это при вашем-то усилителе?

В этот момент над их головами пронесся ионокрафт, потом еще и еще.

— Куда они подевались? — послышался голос из полицейского радио.— Они исчезли!

Из приемника послышался другой голос. Голос человека, смирившегося с неизбежностью.

— У нигов есть это новое оружие. Я слышал о нем по телевизору. Теперь они могут делать себя невидимыми.

Пол Риверз не смог удержаться от легкой улыбки, услышав, как один из полицейских вполголоса пробормотал:

— Когда эти ниги нужны, их днем с огнем не сыщешь.

9

Чтобы добраться до пещеры, где было упрятано самое загадочное из всех видов оружия, то, что некогда отыскал Гас Свенесгард, им пришлось очень долго подниматься в гору. Все буквально выбились из сил.

Перси Х, сидящий в тени скалы, изучал инструкцию, приложенную к довольно обыкновенному с виду устройству, отдаленно напоминающему высокочастотный генератор.

— Нет, вы только взгляните,— наконец обратился он к группе своих людей, которые расположились вокруг и отсутствующими взглядами пялились в пространство.

Парни принялись рассматривать инструкцию, передавая из рук в руки. Потом один из них заметил:

— Доктор Балкани.

Линкольн поднялся, подошел к Перси Х, уселся возле, взял инструкцию и принялся ее перелистывать.

— Не больно-то хотелось бы использовать эту малышку,— сказал он.— Похоже, имелись серьезные причины не применять ее во время войны.

— Может, белым червелизам так и казалось,— задумчиво протянул Перси, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони.

— Возможно, возможно,— пробормотал Линкольн, вытаскивая свои старенькие очки в роговой оправе и надевая их.— Я мог бы согласиться с тобой насчет остальных захваченных нами устройств. Они оказались очень полезными, хотя и довольно пугающими.

— Пугающими? — раздраженно переспросил Перси.

— Ну, сам ведь знаешь, все эти штуки придуманы для того, чтобы создавать иллюзии,— нахмурился Линкольн.— Но что-то здесь не так. Ты когда-нибудь видел иллюзию, которая оставляет следы на земле? А такую, которая может убить человека?

— Нет,— ответил Перси.— И никогда не увижу.

— Это тебе так кажется. Говорю тебе, дружище, в этом оружии есть нечто неправильное. Стоит использовать его хоть раз — всего один только раз! — и ты становишься другим. Ты начинаешь сомневаться, что реально, а что — иллюзорно, да и вообще существует ли хоть что-то реальное?

— Однако это не помешало тебе воспользоваться оружием, верно? — спросил Перси.

— Да, всеми его видами, кроме этого. Эта штука — нечто совершенно иное. В инструкции говорится, что ее никогда не испытывали: более того, ее вообще *невозможно* испытать. Никто, даже тот парень, который ее изобрел, не знал точно, как она действует, но, судя по тому, что творят остальные...

— Если мне придется воспользоваться,— мрачно отозвался Перси,— я это сделаю. Нет такого оружия, которое было бы чересчур мощным. «Даже,— подумал он,— если это одно из изобретений Балкани».

Добродушному, старенькому и трясущемуся доку Бернсу потребовалось порядочно времени, чтобы с помощью рентгена обнаружить в руке Гаса Свенесгарда мгновенно убивающее устройство, вживленное под кожу ганийскими техниками. Но стоило его найти, само удаление оказалось делом несложным.

— Ну вот, будто гора с плеч,— вздохнул Гас, закуривая дешевую сигару из бакалейной лавки и с интересом разглядывая органическую повязку на руке.— А вы уверены, что где-нибудь в моем теле не вставлена еще одна такая штучка?

— Исключено,— заверил его док Бернс, укладывая инструменты в стерилизатор и включая его.

Гас сделал глубокую затяжку, подсознательно стараясь запахом дыма заглушить больничный запах, запах дезинфекции, которым буквально пропитался воздух в операционной дока Бернса.

— Знаете, док,— задумчиво проговорил Гас,— может, вы еще и не в курсе, но складывается впечатление, что вы — восходящая звезда на политическом небосклоне.

— Хм-м,— недоверчиво хмыкнул док Бернс.

— Именно так, сэр.— Теперь, когда смертоносное устройство было удалено, Гас испытывал необыкновенный душевный подъем.— Поверьте на слово, но в настоящее время червяк-администратор так погружен в книги, что совершенно не обращает внимания на то, что творится в Теннесси. И знаете, кто у нас сейчас реально заправляет всеми делами?

— Интересно, кто же? — насмешливо спросил док Бернс.

— Я! — с удовлетворением воскликнул Гас.— Вот кто! Причем, у меня обширные планы. Как бы вы отреагировали, если бы я сказал, что вовсе не собираюсь кончать с этими нигами? Я напротив, намерен заключить с ними сделку.

— Я бы сказал, что у тебя не все дома,— коротко ответил док Бернс.

— Послушайте, док. Эти самые ниги захватили несколько принадлежащих мне штучек, более чем странных вещиц, оставшихся с войны. Сейчас они пытаются использовать их, но сами настолько невежественны, что просто не догадываются — с такими машинами, как эти, они могут доставить весьма серьезные неприятности ганийским червякам. Не исключено даже, что появилась бы возможность отвоевать обратно всю Землю. Поэтому, док, человек, обладающий подобным оружием, мог бы взять под контроль эту планету.

— Гас, лично я советую тебе заниматься своим делом и стараться слишком-то не высовываться.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанское,— сказал Гас, хлопая дока по спине.

Через полчаса Гас уже сидел в кресле-качалке в хижине одного из своих доверенных Томов, держа в руках орущий транзистор.

— Не обращай внимания на музыку,— сказал Гас.— Это просто для того, чтобы нас никто не смог подслушать, если в этом твоем домишке кто-нибудь натыкал жучков или пытается подслушать нас с помощью направленного микрофона.

— Интересно, мистер Свенесгард, о чем о таком секретном вы хотите со мной поговорить? — спросил Малыш Джо, невысокий худощавый Том, который всегда знал свое место.

— Я хочу, чтобы ты отправился в горы, Малыш,— сказал Гас, по-отечески кладя руку на плечо негру.

— Кто? Я? Идти туда, к этим диким людям?

— Я хочу, чтобы ты переговорил с тем, кто у них теперь самый главный, когда ганийские червяки захватили Перси Х. Ты должен сказать ему, что, мол, я хотел бы заключить с ними сделку. Скажи, Гас хочет объединить с ними силы. Разумеется, командовать буду я, а они могут организовать нечто вроде штаба, который станет мне помогать. Скажешь им, мол, я думаю — нет же, Господи, *я уверен!* — мы можем надрать задницу ганимедянам. Под моим командованием, с их оружием и людьми.

— А это обязательно, мистер Свенесгард? — дрожащим голосом спросил несчастный Малыш Джо.

— Да, ты обязательно должен сделать это,— подтвердил Гас.

— Хорошо, мистер Свенесгард. Тогда, думаю, на той неделе я к ним и схожу.

— Нет, не на следующей, Джо.

— А когда? Завтра?

— Сегодня, Малыш Джо. Прямо сейчас.

— Ну что ж, так тому и быть, мистер Свенесгард. Как скажете,— с несчастным видом кивнул Малыш Джо.

Майор Рингдаль беспокойно мерил шагами гостиную дома доктора Рудольфа Балкани в Осло, столице Норвегии.

— Помнится, в свое время вы разработали для ооновцев какое-то электронное устройство, воздействующее на мозг, не так ли? — наконец сказал он.

— Да, хорошее получилось оружие,— ответил Балкани.— Даже слишком хорошее: они не решились им воспользоваться.

— Складывается впечатление,— заметил Рингдаль,— что перед тем, как мы захватили Перси Х, его последователи завладели этим адским оружием. Оно было спрятано в Теннесси, в районе Смоки-Маунтинс. Ганийская Великая Общность крайне обеспокоена этим. А как, собственно, это оружие действует?

— Результат его воздействия довольно необычен. Каждый попавший под его влияние продолжает воспринимать действительность, но только в виде галлюцинаций. А это вызывает быстро развивающуюся душевную изоляцию. Человек, подверг-

шийся воздействию аппарата, на самом деле, строго говоря, не изолирован — он по-прежнему воспринимает окружающий мир, но не в состоянии отличить воображаемого от действительности. Самым же восхитительным аспектом действия прибора является то, что он воздействует исключительно на систему чувственного восприятия. При этом познавательные способности, лобные доли мозга остаются не затронутыми. Жертва сохраняет способность ясно мыслить, только теперь данные, получаемые незатронутыми высшими нервными центрами, не могут быть объективно оценены или преобразованы в...— Балкани все рассказывал и рассказывал, хотя история и не сохранила его рассказ до конца. Наконец совершенно выдохшийся Балкани вытащил из кармана пиджака квадратную серебряную коробочку, достал из нее пилюлю и проглотил.

— Так вы утверждаете,— сказал Рингдаль,— что оператор этого устройства в той же степени подвергается...

— Основным достоинством оружия,— ответил Балкани,— является вовсе не то, что оно не уничтожает, а напротив, оберегает своего оператора. То есть, оператор точно так же дезориентирован, как и его жертва. Воздействие происходит через единую центральную точку, в которой объединены все разумы в данном поле синхронности. Поэтому, скорее всего, воздействие аппарата скажется на всех разумных существах планеты, а возможно, и на ганимедянах, поскольку у них на Земле имеются представители-телепаты.

— Возможно, ниги и не против самоубийственного аспекта этого адского оружия.

Улыбающийся Балкани взял наугад еще одну пилюлю из своей скромной, но изысканной серебряной коробочки.

Снега в горах все еще было полно.

Вершины гор скрывал густой туман. На землю опускались сумерки.

Кругом все замерло. Стихло даже стрекотание сверчков. На сухую ветку плавно спикировала ворона и пристально уставилась вниз — в заросли высокой травы. Ветерок ерошил перья птицы, но она не оставляла своего насеста, вглядываясь во что-то внизу.

В траве наблюдалось какое-то движение, медленно движущаяся чернота, постепенно уходящая в песок. Это была кровь.

Там лежал полускрытый травой труп, который кому-то предстояло обнаружить завтра утром. Невысокий и худощавый мертвый негр лежал лицом вниз, причем совершенно обнаженный. Малыш Джо.

На спине его красовалась выжженная лазерами надпись, явно адресованная Гасу:

МЫ НЕ НУЖДАЕМСЯ В ТЕБЕ, БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК.

10

— Ниг-парты движутся через сосновую рощу, квадрат 27–39,— механическим голосом доложила следящая система.— Около семи человек. Повторяю, семи.

Гас находился в ионокрафте, возглавляющем эскадрилью из десяти автономных разведчиков-бомбардировщиков. Он объявил в микрофон:

— Держаться как можно ближе к земле, вне поля зрения объектов в указанном квадрате.

Остальные ионокрафты тут же подтвердили получение приказа.

«Теперь, когда с ними нет Перси Х, который едва ли не нянчил их, они, скорее всего, стали чересчур беззаботными,— подумал Гас.— Не стоило им появляться прямо при свете дня. Да уж, это было по-настоящему глупо».

— Окружайте их! — бросил Гас в микрофон.— Рассейтесь, а когда займете нужные позиции, доложите. Только обязательно оставайтесь на уровне верхушек деревьев. И старайтесь не попадаться им на глаза.— «Ведь, кроме всего прочего,— подумал он,— у них на руках то самое оружие».

Десять разведчиков-бомбардировщиков разделились, направляясь в разных направлениях. Гас на своей машине завис на противоположной стороне хребта, где не опасался обнаруженных следящей системой ниг-партов. «Если я застану их врасплох,— сказал себе Гас,— они станут легкой добычей. Отплатим ублюдкам за то, что они сделали с Малышом Джо».

Свист турбин, поддерживающих ионокрафт на одном месте, был настолько тихим, что Гас слышал крики лесных птиц. Он надеялся, что ниги не располагают современным оборудованием, способным засечь негромкий звук турбин, вычленить его из прочих звуков вроде шума ветра, свистящего в окрестных ущельях.

При включенном автопилоте Гасу не оставалось ничего другого, как откинуться на спинку кресла, курить и нежиться на солнце, погрузившись в мечты. «Так или иначе,— твердил он себе,— Гас Свенесгард обязательно пробьется наверх». Даже успешное проведение операции по уничтожению ниг-партов, которую провалили ганийцы, одно это сделало бы его самым вероятным кандидатом на высший в Теннесси пост... А может быть, и

на что-то большее. Почему бы ни стать главой чизов всего североамериканского континента?

Он начал прикидывать, что именно скажет Меккису после умиротворения нигов. «Я — человек из народа,— заявлял Гас своему воображаемому собеседнику-ганийцу.— Любой простой человек увидит во мне себя самого, поймет, что его чаяния полностью совпадают с моими. Люди, увидев, что парень вроде них самих забрался на самую верхушку, сделаются более миролюбивыми».

В принципе, все обстояло не совсем так. Но все же, приблизительно — так... Ниг-парты были все еще живы и отчаянно брыкались — само собой, дело это временное. Однако этот факт следовало учитывать.

В этот момент стали поступать давно ожидаемые им сигналы с других кораблей. Когда Гас убедился, что они заняли намеченные позиции, он объявил в микрофон:

— О'кей! Открывайте огонь на поражение! — После этого он отдал приказ пилоту подняться над уровнем хребта, чтобы наблюдать за ходом операции. У него не было ни малейшего желания принимать участие в нападении и рисковать собственной шеей. Оказавшись над гребнем, Гас увидел, как остальные разведчики-бомбардировщики с разных сторон несутся на цель, расположенную в миле отсюда. Гас, само собой, ожидал, когда взорвется первая бомба.

Но взрыва так и не последовало.

— Что случилось? — рявкнул Гас в микрофон.

Послышался визгливый голос сущика.

— Их там нет!

— То есть, как это? — спросил Гас, поспешно бросив взгляд на пеленгатор.— Приборы утверждают, что они все еще на месте! — Но в этот момент его охватило какое-то странное, неясное чувство. Когда оно прошло, он снова взглянул на пеленгатор. Само собой: там не было ни следа ниг-партов.— Что происходит? — взвыл он с ноткой паники в голосе.

Следя за слетающимися со всех сторон ионокрафтами, пилоты которых явно не понимали, что делать дальше, он заметил и еще кое-что. Нечто куда худшее. Глаз. Огромный немигающий глаз на склоне горы, который наблюдал за ним. А потом вся гора начала двигаться, словно живое существо. Она протянула длинную руку, похожую на щупальце осьминога, и одним резким движением смахнула два бомбардировщика-ионокрафта.

Резко развернув свой собственный ионокрафт и бросив его вниз, за бровку хребта, Гас на мгновение ощутил, что в пустом соседнем кресле кто-то сидит. Перси Х, насмехающийся над ним.

— Я неважно себя чувствую,— заявил оракул.

— Я затребовал от тебя прогноз,— презрительно заметил Меккис,— а ты только и можешь ныть, как тебе плохо.

— Мне не хочется заглядывать в будущее,— отозвался сущик.— Именно из-за этого я плохо себя и чувствую.

Меккису и самому было не по себе. «Возможно,— подумал он,— я слишком много читаю. И, тем не менее, остановиться не могу — ответ где-то там, в этих фантастических теориях Балкани. Чем больше я читаю, тем больше убеждаюсь в этом.

Взять, например, концепцию выборочной осведомленности. Ведь она может хоть что-то объяснить насчет кажущихся реальными иллюзий, о которых нам постоянно докладывают. Разум выбирает из массы чувственных ощущений только те, которые, с его точки зрения, заслуживают внимания. Он полагает, что их нужно воспринимать, как „реальные". Но кто же знает, что именно отвергает наш мозг, что остается за пределами восприятия? Возможно, эти так называемые иллюзии на самом деле иллюзиями вовсе и не являются, а представляют собой абсолютно реальные вещи, которые обычно отфильтровываются из общего потока чувственных данных нашим интеллектуальным стремлением к логическому и постоянному миру. Почему же они до сих пор не были способны повредить нам? Потому, наверное, что то, чего мы не знаем, повредить нам не может. Неизвестное...»

Доктор Балкани!

Меккис изумленно уставился на бородатого, напряженно уставившегося на него человека, сидящего в кресле напротив и курящего трубку. На глазах у изумленного ганийского администратора человек начал растворяться и вскоре исчез окончательно.

Содрогнувшись всем телом и едва не завязавшись узлом, Меккис сказал себе: «Я должен продолжать. Времени остается в обрез».

— Успокойся, дружище! — велел Перси одному из бойцов, который, похоже, на мгновение впал в истерику.

— Да говорю же тебе, я все еще невидим! — воскликнул несчастный.

— Я выключил прожектор еще час назад,— сказал Перси, как бы нечаянно прислоняясь к дереву.— Ты попросту не можешь оставаться невидимым. Ведь я-то же вижу тебя!

— Зато я себя не вижу! — воскликнул в отчаянии ниг-парт.— Я подношу руку к глазам и, поверь, дружище, там нет абсолютно ничего!

— Слушай, Линкольн,— сказал Перси, оборачиваясь к своему заместителю.— Ты видишь этого парня?

— Само собой,— ответил Линкольн, прищуриваясь сквозь свои очки с трещиной в стекле и неоднократно поломанной роговой оправой.

— Может, еще кто-нибудь не видит этого человека? — спросил Перси, поворачиваясь к остальным бойцам, сидящим и стоящим вокруг него.

— Да нет, мы все его отлично видим,— пробормотал кто-то.

Предводитель ниг-партов снова повернулся к «невидимке».

— Ладно, бери свой проектор, и трогаемся.

— Нет, дружище. Больше я в жизни не дотронусь ни до одной из этих проклятых штук. Ни за что на свете.

— То есть, ты отказываешься подчиниться приказу? — спросил Перси, вскидывая лазерное ружье.

— Полегче, Перси,— заметил Линкольн, мягко отводя ружье в сторону.— Я сам понесу его проектор.

Перси поколебался, потом пожал плечами, соглашаясь с предложением Линкольна.

К ночи они добрались до одного из укрытий и пересчитались. Парня, который считал себя невидимым, с ними не оказалось.

— Так он действительно исчез,— заметил кто-то.

— Ничего подобного,— возразил Линкольн.— Он просто сбежал и направился на плантацию Гаса Свенесгарда.

— Что? — воскликнул Перси.— А ты, значит, вот так просто взял да и дал ему уйти? Если тебе было известно, что он дезертир, почему ты не пристрелил его?

— Всех не перестреляешь, Перси,— мрачно огрызнулся Линкольн.— С тех пор, как ты начал использовать эти проекторы иллюзий, от нас сбежало довольно много парней... И если ты не прекратишь, еще очень многие последуют их примеру.

— Мне уже поздно останавливаться,— сказал Перси.— С помощью этого оружия я действительно могу пробить брешь в рядах этих вонючих чизов, могу доказать им, что они вовсе не могут считать себя непобедимыми. А без этих устройств наше поражение — всего-навсего вопрос времени.

— В таком случае,— терпеливо ответил Линкольн,— советую использовать их на полную мощность. Причем, чем быстрее, тем лучше. Пока с тобой еще остается хоть немного людей.

Поначалу дезертиры проникали на плантацию Гаса Свенесгарда поодиночке и парами, затем стали появляться более круп-

ными группами. Гас, подозревая подвох, первых расстрелял, но потом осознал, что именно происходит, и стал отправлять их в тюрьму, сооруженную на скорую руку. Кончилось тем, что он допрашивал пленников в холле своего отеля.

С самого начала не вызывало сомнения одно. Все дезертиры страдали тем или иным расстройством психики, причем у некоторых наблюдалась ярко выраженная галлюцинаторная параноидная шизофрения.

Самой распространенной галлюцинацией было убеждение, что Перси Х не захвачен, а по-прежнему руководит, скрываясь в горах, или что он каким-то чудом бежал и вернулся в горы. Для пущей уверенности Гас позвонил в Осло и переговорил с доктором Балкани. Психиатр уверил его, что и Перси Х, и Джоан Хайаси по-прежнему пребывают под замком.

— Значит, им просто хочется так думать,— пробурчал себе под нос Гас, вешая трубку.

Прочие иллюзии поражали разнообразием и отсутствием единой картины. Единственным «типичным» случаем мог служить Джефф Бернер, некогда капитан в разношерстной армии Перси Х.

После того, как в холл привели Джеффа, Гасу не понадобились способности телепата, чтобы немедленно определить — это старый опытный вояка.

— Ты Джефф Бернер? — спросил Гас, прикуривая сигару и удобно разваливаясь в мягком кресле. Джеффу, само собой, садиться никто не предлагал.

— Так точно,— кивнул мрачный чернокожий.

— Так точно, *сэр*,— сурово поправил его Гас. «С этими африканцами ничего не добьешься,— сказал он себе,— если не привить им должного уважения».

— Сэр,— покорно повторил Джефф.

— А теперь скажи мне, почему ты сбежал от ниг-партов?

Бывший ниг-парт начал нервно переминаться с ноги на ногу, потом ответил:

— Все из-за этих мысленных проекторов. От них у меня начались всякие там видения.

— Какие именно? — Гас постарался, чтобы этот вопрос прозвучал по-доброму и с симпатией. Он знал: наилучших результатов добиваешься, если обращаешься с нигами, как с детьми, которыми они, в сущности, и являются. «Пусть они воспринимают меня,— сказал он сам себе,— как кого-то вроде доброго отца».

— Да разные. Включаешь, бывало, машину, воображаешь себе что-нибудь, и это вроде как становится реальным. Только...

Иногда, когда выключаешь машину, иллюзии никуда не деваются. И ты продолжаешь видеть их... Порой по нескольку дней.

— А ты сам, например, что себе представлял?

Именно этот момент допроса доставлял Гасу наибольшее удовольствие. Каждая история казалась более фантастической, чем предыдущие.

— Понимаете, сэр,— неуверенно начал ниг,— это началось, когда мы с двумя другими бойцами отправились за припасами и провиантом на ферму, что на окраине вашей плантации. В тот раз нам пришлось нелегко, потому что тот фермер, его жена и двое сыновей не давали нам приблизиться, поливая из лазеров. Мы решили, что ваши ребята скоро заметят вспышки, и на нас обрушатся ионокрафты. Вот я и подумал, что неплохо бы было получить какое-никакое подкрепление с помощью этой самой машины иллюзий — всего-то какой-нибудь десяток-другой человек, чтобы нагнать на фермера страху. И на тебе — эта штука прислала двадцать четыре человека, причем все они сражались как ветераны, а потом помогли нам донести припасы до базы. Все бы ничего, да вот только мне до сих пор невдомек, как это иллюзия может тащить на себе ящик консервов. А самое удивительное, что когда я отключил машину, эти двадцать четыре человека никуда не исчезли. Они остались со мной в горах и ели, как кони. Да, сэр, буквально, как кони. В принципе, я был не против. Я даже подружился с одним из этих ребят. Он оказался настоящим товарищем. Мы целыми часами болтали с ним, причем он, похоже, знал все на свете. Никогда в жизни еще не встречал такого умного парня. Звали его Майк Монах, он родился и вырос в Нью-Йорке. Майк говорил, что присоединился к Перси X потому, что никак не мог найти работу. Он, вроде, так шутил, но в этой шутке была и доля правды. Много кто примкнул к Перси потому, что никому больше они были не нужны.

Однажды он спас мне жизнь. Сбил гомотропный дротик, который вел себя так, будто на нем было написано мое имя. После этого я перестал считать его просто иллюзией. Решил для себя, что парень настоящий. Вот. А как-то вечером мы сидели в окопе и трепались, и тут я вдруг заметил, что остальные двадцать три человека куда-то подевались. Ну, я и говорю: «Слышь, Майк, чего это делается-то, а?» А он и отвечает: «Не бери в голову, Джефф, малыш!» Только я вдруг смотрю, а у него ступней нет. Я и говорю: «Слышь, Майк, а что это у тебя со ступнями?» Он и отвечает: «Да ничего, все у меня со ступнями в порядке, ты чего?» И тут я вдруг понимаю, что могу видеть сквозь его ноги. «Слышь, дружище,— говорю я,— а знаешь что? Я могу видеть

сквозь твои ноги». А он и говорит: «Да брось ты, приятель». А я говорю: «Слушай, откуда ты все-таки взялся?» А он отвечает: «Я ж тебе говорил, я самый обычный пацан из Нью-Йорка». Только я-то видел, что у него уже вообще нет ног, а сам он весь стал прозрачным. Ну, я и говорю: «Слышь, дружище, куда это ты собрался?» А он и отвечает: «Никуда я не собрался. Куда я от тебя денусь?» Но голос его становился все тише и уже доносился вроде как издалека. Я кричу: «Эй, ты где?» И слышу, тихо-тихо так: «Там, где я всегда был раньше, и буду всегда-всегда бок о бок с тобой, черт ты эдакий». А потом — пуфф! И его не стало. С тех пор я никогда его больше не видел.

— И, значит,— спросил Гас,— после этого ты и дезертировал, да?

— Нет,— ответил Джефф.— Это было уже позже, когда я снова воспользовался машиной иллюзий.

— И зачем же ты использовал ее во второй раз? — удивленно спросил Джефф.

— Ну, а что бы вы стали делать на моем месте, будь у вас эта штука, мистер Свенесгард, сэр? Сделал себе хорошенькую подружку, вот что я сделал.

— Ага, значит, после того, как подружка стала растворяться...

— Нет, сэр. Еще до того как она начала растворяться. Уж поверьте, сэр, это была самая зловредная и капризная из всех женщин, которых я когда-либо встречал! Поверьте, сэр, я вовсе не трус, но это именно она заставила меня дезертировать.

В пещере высоко в горах спящий в спальном мешке человек пошевелился и сел.

— Линкольн! — сурово произнес Перси, протянул руку и потряс спящего товарища.

— А? — сонно пробормотал Линкольн.— Чево-о?

— Я решил,— сказал Перси.— Мы слишком долго оборонялись. Но с тем оборудованием, которым теперь располагаем, мы запросто можем перейти в наступление, вырваться, наконец, из этих гор и перебить пару-тройку чизов.

— Вот и я думаю то же самое,— сонно отозвался Линкольн.— До сих пор с этим новым оружием мы только щекотали им нервы.

— А ты пусти слух, мол, мы скоро применим все новое оружие за исключением Большого Папочки, что хранится в Верхней пещере. Будь я проклят, дружище, приходится признать, что эта штука пугает даже меня. Оставим один день на приготов-

ления, а потом обрушимся на Свенесгарда всеми силами. Если захватим его плантацию, то заполучим и все оружие ганийцев, которое он позаимствовал у червяков, а заодно и множество Томов, которые как только увидят, что мы побеждаем, перейдут на нашу сторону.

А если хоть немного повезет, мы сможем прищемить даже этого червя Меккиса. Я слышал, Меккис практически ничего не делает, только лежит да читает. А все управление территорией Теннесси отдал на откуп Свенесгарду. Стоит захватить плантацию, и мы двинемся дальше, захватывая все более обширные территории. А если ганийцы захотят воспользоваться ядерным оружием, то мы уже окажемся и там и там, не будем сосредоточены в одном месте. Все зависит от темпов нашего наступления. И,— закончил он, только уже себе под нос,— от иллюзий.

— Девушка Ниоткуда грядет! — возвестил Оракул.

— А чего орать-то? — огрызнулся Меккис.— Не видишь, что ли, я читаю!

«Все есть не что иное, как иллюзия,— сказал он себе.— Все мы лишь замкнутые монады, не имеющие ни малейших контактов с окружающим миром. И Балкани доказывает это. В таком случае, зачем мне волноваться по поводу столь бессмысленных фантомов как Девушка Ниоткуда, ниг-партов и Великой Общности? Ведь мир всего лишь картина, и если бы я захотел изменить ее, мне понадобилось бы всего лишь представить, что она изменилась. Например, захоти я, мог бы представить землетрясение и...»

Все вокруг него вдруг затряслось, ударная волна прокатилась по кабинету, оставив в полу зияющую трещину.

Впавший в истерику Оракул отчаянно верещал, а Меккис с удовлетворением ее разглядывал.

Гас узнал о намеченной Перси атаке от одного из дезертиров за два часа до захода солнца. Как раз накануне ночи атаки. Он тут же отправился в офис администратора Меккиса и заявил, что хочет видеть его.

— Господин Меккис,— с явным облегчением сказала чизка-секретарша,— просил передать, чтобы его не беспокоили. Ни при каких обстоятельствах.

— Ниг-парты наметили атаку на сегодняшнюю ночь,— сказал Гас. Несмотря на кондиционер в приемной, он отчаянно потел.

— И все? — с жалостью спросил секретарша.— Да ведь эти ниг-парты всегда атакуют, то здесь, то там. Думаю, вы и сами запросто справитесь.

Гас открыл и закрыл рот, побагровел, а потом, не говоря ни слова, резко развернулся и вылетел из офиса. Забравшись в ионокрафт, он первым делом схватился за микрофон, поднес его к губам и начал быстро отдавать приказы.

Через час разношерстные силы Свенесгарда, состоящие из чего попало, от небольших атомных ракетных установок до вооруженных вилами Томов, опасливо двинулись навстречу огромным черным силуэтам, которые во тьме безлунной ночи катились прямо на них.

Ядерные заряды выпустили еще до того, как обе силы схлестнулись. Да вот только они не взорвались. Их как будто поглотила какая-то всеобъемлющая тьма. Затем появились ионокрафты-бомбардировщики, но и они тоже исчезли.

Гас сидел за штурвалом ионокрафта, висящего над плантацией, и по картинкам на экранах небольших мониторов, получающих сигналы от разных подразделений его пестрой армии, следил за происходящим. Его внимание привлекло то, что происходило на одном из экранов: транслировалась передача с одной из эскадрилий с пилотами-сущиками, которые подобрались к противнику ближе всего. Гас увидел, как из темноты выныривает стадо гигантских африканских муравьедов, огромных как динозавры, с большущими злобными глазами, могучими челюстями и ушами размером с купол цирка. У них были невероятно длинные языки, которые то и дело вылетали вперед и буквально слизывали ионокрафты с неба.

— Боже мой! — воскликнул Гас, не в силах поверить в реальность происходящего.— Только не муравьеды!

Следом за наводящими ужас муравьедами летел потрепанный автономный ионокрафт-такси с Перси Х и Линкольном Шоу на борту.

— Нет, ты видел? — воскликнул Перси.— Зуб даю, такого они не ожидали.

— Да, зрелище дикое,— отозвался Линкольн, скорее, с благоговейным страхом, чем с восторгом.

— А на что еще вы способны? — спросило такси.

— А как насчет чего-нибудь и в самом деле прекрасного? — крикнул Перси.— Как насчет гигантской огненной птицы? Феникса, например?

— О'кей,— ответил Линкольн.— Один уже готов.— Он подрегулировал лежащий на коленях прибор и сосредоточился. Из клубов пыли, тянущихся за несущимися вперед муравьедами, вдруг вынырнуло невероятное крылатое создание с размахом крыльев более тысячи футов. Существо, казалось, было создано из ослепительного пламени или, возможно, электричества, и по сплошь покрытому перьями телу и крыльям пробегали разноцветные сполохи. Глаза невероятной птицы излучали ярчайший бело-голубой свет, как две сварочные горелки, а когда она пролетала над ионокрафтом, то оставляла за собой шлейф пылающих искр, похожих на падающие звезды. Оба человека в ионокрафте ощутили запах озона, оставляемого чудовищем, а потом машину тряхнуло, да так, что едва не опрокинуло порывом ветра, поднятого взмахами огромных крыльев. То и дело птица разевала свой бездонный клюв и издавала хриплый крик, который Линкольну казался похожим на вопль безмозглого, ни в чем не повинного существа, подвергающегося смертной пытке.

— Разве не здорово? — воскликнул Перси Х.

— De gustibus non disputandum est,— философски заметило на латыни такси, которому явно не хотелось спорить о вкусах.

— В атаку! — крикнул генерал Роберт Э. Ли, бросаясь в гущу битвы во главе конных валькирий. Когда они, выкрикивая древние рунические ругательства, принялись топтать без разбора как белых, так и черных копытами своих светлых, как сливки, лошадей, их длинные волосы струились за ними по ветру.

В небе порхала эскадрилья вампиров, с клыков которых капала кровь, на одеждах красовались эмблемы Воздушного цирка барона Манфреда фон Рихтхофена, а в это время Самсон с волосами и со всем прочим несся вперед, размахивая челюстью ископаемого утконоса.

В гущу битвы рвался и батальон девочек-скаутов, налево и направо крушащих черепа врагов пережаренными булочками, а кошерный мясник со своим разделочным ножом превращал противников в мясной фарш. За ним неслись краснозадые бабуины, катя перед собой тележки из супермаркета с установленными на них пулеметами пятидесятого калибра. Рок-н-ролльная группа под предводительством молодого длинноволосого трубача по имени Габриель наяривала бешеные мелодии, в то время как бригада хирургов на ходу удаляла один аппендикс за другим, а чтобы избежать монотонности, время от времени проводила лоботомии.

Четверо визжащих трансвеститов в шелковых вечерних туалетах со смертоносной точностью разили недругов голубыми в блестках сумочками, наполненными цементом, а пигмеи и пещерные люди разбрасывали отравленные конфетти.

Позади них скакал светло-оранжевый единорог, на роге которого, словно пачка неоплаченных счетов, болтались семеро солдат. Растение-людоед с оксфордским акцентом высасывало у одного за другим спинной мозг со звуком, какой производит невоспитанный мальчишка, пытаясь высосать из стакана последние капли молочного коктейля. Павлины-садисты бродили среди раненых, заклевывая до смерти неосторожных, подающих признаки жизни. Обдолбанная беременная десятилетняя девчонка-хиппи безжалостно громила всех желающих в шахматы, в перерывах между ходами рисуя лиловой помадой на собственной обнаженной, но совершенно плоской груди любимых персонажей: маршала Ки, маршала Коли и Адольфа Гитлера.

Маленькие голые лесбиянки ростом не выше дюйма ползали по лицам врагов, выдирая им бороды по волоску за раз. Вурдалак задумчиво жевал чей-то большой палец ноги, а потом выплюнул ноготь. Отважное соединение газонокосилок и ревущих стиральных машин осуществило блестящий фланговый маневр и атаковало противника с тыла. Воздух был наполнен ужасными звуками: гортанными возгласами, воплями, воем, масляным смехом, ахами и охами, ворчанием, шепотом, криками и карканьем, ревом, визгом, страстными стонами, лаем, мяуканьем, чириканьем, блеянием и ворчанием.

Но в тот момент, когда уже казалось, что нормальные войска Гаса Свенесгарда вот-вот будут перебиты до последнего человека, фантастические орды Перси Х начали ссориться между собой. Франкенштейн набросился на вурдалака, Годзилла напала на Кинг-Конга. Скауты-мальчики с недвусмысленными намерениями ринулись на скаутов-девочек.

Саблезубый тигр был ослеплен шилами эльфов-сапожников. Стебелек Овсяницы Луговой (festuca elatior) был скошен предательским ударом Колорадского Жука со всеми своими пестиками, тычинками, цветками и прочим. Внезапно бой превратился в междоусобицу. Каждый за себя.

Перси мгновенно сообразил, что если останется в гуще этой кошмарной схватки еще хоть одно мгновение, он и его люди падут жертвой собственных фантазий. И действительно, в этот самый момент плотоядный пылесос попытался вломиться в ионокрафт, где находились они с Линкольном.

— Отступаем! — рявкнул Перси в микрофон.— Назад, в горы. Пока еще не поздно.

К утру на поле боя настало затишье.

Над землей висел туман, скрывающий следы, оставшиеся от ночной оргии взаимоуничтожения. Когда взошло солнце, туман стал исчезать, а вместе с ним начали растворяться и многочисленные фантастические образы и формы, которые он до этого скрывал. Чудовищные мертвые слоны и взорванные танки сливались, становились прозрачными, а потом исчезали окончательно. Груды трупов в мундирах едва ли не всех времен и народов расплывались, начинали мерцать и растворялись в тумане вместе с призрачными ионокрафтами, сущиками, Томами и нигпартами... Да, люди, настоящие и вымышленные, тоже блекли, обращались в туман и вместе исчезали.

К полудню туман и то, что скрывалось под ним, исчезло без следа, а на равнине под палящими лучами солнца остались торчать только стебли истоптанной травы.

11

Пол Риверз не обернулся, он стоял у окна номера отеля и смотрел на трущобы в лучах полуденного солнца. «Все, что он говорит,— думал Пол,— совершенно правильно. И все же...»

— У ситуации в горах может быть только два исхода,— сказал доктор Мартин Чоит, непосредственный начальник Пола во Всемирной психиатрической ассоциации.— Перси не станет использовать свое адское оружие, лишится кожи, а вместе с ним человечество окончательно утратит свое эго. Или Перси использует адское оружие, и тогда всем нам настанет конец. Неужели вы сами не понимаете?

Пол отвечать не стал, просто кивнул.

«Да,— подумал он,— это-то я понимаю. Вот только признаваться не хочется».

— В таком случае вы должны понимать и то,— продолжал доктор Чоит,— что у нас нет выбора. Мы должны убить его и сжечь тело, причем обставить это так, будто он погиб в бою — пал смертью храбрых. Наша организация уже начала действовать. Семь высокопоставленных чиновников-чизов уже покончили с собой в соответствии с постгипнотическим приказом своих психотерапевтов. Мы приступили к осуществлению и других планов, но нам непременно нужна жертва. Если мы хотим завоевать поддержку широких народных масс, то нужен свой собственный Джон Браун, собственный распятый Иисус. Разве сво-

бода всей человеческой расы не важнее, чем жизнь одного человека, одного жестокого фанатика?

— Но почему именно я? — спросил Пол.

— Потому что он вам доверяет. Вы вырвали его из лап Балкани. У нас больше нет никого, кто мог бы подобраться к нему так близко, как вы.

— В этом-то и проблема,— сказал Пол.— Он мне доверяет. Именно поэтому я не могу согласиться.

— Он не сможет телепатически прощупать вас. Мы можем гипнотически внедрить в ваше сознание легенду, историю, в которую будете верить и вы сами — до тех пор, пока не настанет момент нанести удар. Он ничего не будет знать.

«Но,— подумал Пол,— зато буду знать я».

— Мне нужно время подумать,— сказал он.

Чоит поколебался, потом сказал:

— Хорошо. Даем вам несколько дней на размышление.

Они обменялись рукопожатием, и доктор Чоит, не оглядываясь, вышел. «Сейчас все поголовно говорят „мы“,— рассеянно подумал Пол.— Практически никто не говорит „я“. В наши дни все представляют какую-нибудь аморфную, безответственную группу, и никто не представляет самого себя».

Выйдя из спальни, Джоан Хайаси сказала:

— Я хотела бы отправиться куда-нибудь на природу.— Она неуверенно улыбнулась.— Можно?

— Разумеется,— ответил он, и тут же испытал внезапный подъем настроения, неожиданное ощущение свободы.— Знаешь что, пошли-ка и купим тебе целый сад.

Эд Ньюком встретил их в холле у самого выхода.

— Что это с вами? — поинтересовался он, заметив их оживленные лица.

— Да вот, решили сходить за кое-какими покупками,— ответил Пол. Он оглянулся через плечо и увидел, что Эд изумленно смотрит им вслед. В этот момент он подумал именно как доктор: «Джоан не проявляет признаков возвращения в реальный мир. Она хочет чего-то». Однако из отеля на улицу с Джоан выходил уже просто Пол. Он взглянул на белое кучевое облако, как Бог нависшее над грязными трущобами, и подумал: «Красота, красота, красота».

— Джоан! — позвал доктор Балкани.

— Да, Рудольф,— откликнулся робот Джоан Хайаси, сидящий на кушетке в погруженном в полумрак кабинете Балкани.

Теперь каждый день происходило одно и то же. Балкани замечал в состоянии своей пациентки изменений не больше, чем в массивном бронзовом бюсте Зигмунда Фрейда. Вот только ему порой начало казаться, что бюст улыбается ему. Причем улыбку эту уж никак нельзя было назвать приятной.

Балкани сказал:

— Джоан, может быть, тебе чего-нибудь хочется?

— Нет, Рудольф.

Глядя на нее, он продолжал:

— В таком случае, ты счастлива. Скажи, ты счастлива?

— Не знаю, Рудольф.

— Счастлива,— сказал он. Сердито дымя трубкой, он принялся расхаживать по кабинету. Джоан не следила за ним взглядом — она по-прежнему смотрела прямо перед собой. Он внезапно остановился, уселся рядом с роботом и обнял его за плечи.— А что бы ты сделала, если бы я поцеловал тебя? — спросил он. Робот не отвечал.— Обними меня! — рявкнул он, и тот подчинился. Он припал губами к его губам в долгом поцелуе, но не почувствовал взаимности. Тогда, снова вскочив, Балкани бросил: — Тоска зеленая.

— Да, Рудольф.

— Разденься!

Робот подчинился приказу, быстро и не выказывая никаких эмоций. Балкани тоже начал раздеваться и едва не упал, снимая брюки. Оставшись нагишом, он велел:

— Так, а теперь снова поцелуй меня.

Они снова поцеловались.

Через несколько мгновений Балкани крикнул:

— Все равно тоска! — Он грубо толкнул ее обратно на кушетку и еще раз поцеловал, но все равно не испытал никаких эмоций. Высвободившись из объятий робота, он отвернулся. У него было какое-то странное чувство. «И почему я так люблю ее? — спрашивал он себя.— Я никогда никого еще так не любил». Поднявшись, он подошел к своей одежде, порылся в карманах и нашел таблетки. Открыв коробочку, он вытряхнул содержимое — кучку пилюль всевозможных форм и цветов — и, не запивая, отправил всю пригоршню в рот.— Видишь? — спросил он робота.— Мне все равно, жить или умереть. Да и тебе, похоже, тоже, верно?

— Да, Рудольф.— Она, как и раньше, произнесла это безо всякого выражения. Равнодушно.

— Но все же есть одно чувство. И готов держать пари, ты все еще испытываешь его. *Страх.*— Он бросился к книжному шка-

фу, и, крякнув от натуги, снял бюст Фрейда.— Я собираюсь убить тебя. Может, тебя и это не волнует?

— Нет, Рудольф.

В отчаянии и ярости, Балкани поднял массивный бронзовый бюст над головой и двинулся к кушетке. Она даже не вздрогнула, более того, она, казалось, этого даже не заметила. Он со всей силы обрушил бюст ей на голову. Черепная коробка треснула.

— Я только хотел...— ошалело начал он, когда робот Джоан Хайаси свалился с кушетки и распростерся на полу. И тогда он увидел, что находилось внутри ее черепа — не бесформенная масса серого вещества, а центральный блок управления со множеством микроминиатюрных печатных плат, полупроводниковыми компонентами головного и спинного мозга, а также хрупкие широкодиапазонные импульсные генераторы, низкотемпературные сверхпроводниковые аккумуляторы на жидком гелии, гомеостатические переключатели... Причем часть оборудования, как это ни выглядело абсурдно и гротескно, все еще функционировала, включая стандартные цепи обратной связи. Блок хоть и вывалился наружу, свисая на проводках у ее щеки, продолжал функционировать, как какой-то рак с оторванной головой, который шевелится, повинуясь одним лишь рефлексам. И тут он сообразил, что штуку эту когда-то сделал он сам.

— Джоан...— прошептал он.

— Да, Рудольф? — едва слышно отозвался робот, а потом окончательно затих.

— Джоан,— сказал Пол Риверз.

Джоан Хайаси, сидящая на кровати в их ноксвилльском номере отеля, освещенная багровыми лучами заходящего солнца, откликнулась:

— Что, Пол?

— Тебе хочется чего-нибудь?

— Нет, Пол.— Она перевела взгляд на стоящий на подоконнике ящик с тропическими растениями. Потом улыбнулась. Улыбнулся и Пол Риверз.

«Может, лечение и довольно необычное,— подумал он,— но оно дает результаты. Только бы она начала испытывать интерес — нет, не только к растениям, а к людям и окружающему миру».

— Они хотят, чтобы ты убил Перси Х, да? — спросила она.— Я подслушивала. Хотела услышать, о чем вы говорите.

Не глядя на нее, он ответил:

— Да, хотят.

— И ты собираешься сделать это? — безучастно спросила она.

— Не знаю.— Он поколебался, и продолжал: — А, по-твоему, как мне поступить? «Это что-то новенькое,— с иронией подумал он,— доктор просит совета у пациента».

— Будь счастлив,— сказала Джоан. Поднявшись с кровати, она подошла к своему недавно приобретенному ящику с цветами, наклонилась и принялась перебирать пальцами землю.— Все эти политические движения, философские учения и идеалы, все эти войны — всего-навсего иллюзии. Старайся не нарушать свой душевный покой; не существует правды или неправды, побед и поражений. Есть только отдельные люди, и каждый из них совершенно одинок. Научись одиночеству, наблюдай за летящей птицей, но не рассказывай никому, даже не запоминай этого, чтобы рассказать кому-нибудь потом.— Она повернулась к Полу. Голос ее стал тихим и напряженным.— Пусть твоя жизнь остается тайной, каковой она и является. Не читай газет, не смотри телевизор. Не нужно...

«Эскапизм,— думал он, слушая ее гипнотический голос.— Нужно быть настороже — все это очень убедительно, но ложно».

— Хорошо,— наконец сказал он, прерывая поток ее слов,— если я буду просто сидеть, тупо уставясь на собственные руки, что будет с моими пациентами? Что станет с людьми, которым я мог бы помочь?

— Думаю, они так и останутся при свом безумии,— ответила Джоан.— Зато ты, по крайней мере, не разделишь их участи.

— Но нельзя же не признавать реальности.

— Реальность — это моя рука. А вот война — это лишь сон.

— Разве тебя не волнует, что человечество порабощено существами с другой планеты? Разве тебя не волнует, что все мы, возможно, скоро умрем?

— Я все равно когда-нибудь умру. А когда это случится, не все ли мне будет равно, живы остальные, или нет?

Пол Риверз почувствовал, как его захлестывает волна тупого отчаяния. «Она так невозмутима,— лихорадочно думал он,— так надежно укрыта за своими шизоидными линиями обороны. За этим своим праведным фасадом. Какой абсолютный эгоизм, какая вызывающая самовлюбленность». Опустив глаза, он увидел, что руки его сжаты в кулаки. «Боже мой,— подумал он,— что я делаю? Я никогда не бил пациентов, я их только слушаю. Должно быть, она все же зацепила меня, проникла в какой-то глубокий колодец бессознательно подавляемого мной в душе балканиизма». Он бросил на нее взгляд и заметил, что она внимательно наблюдает, ощущая его отчаяние, гнев и страх.

— Вам кажется, будто эта ваша маленькая война — важное дело,— сказала она.— Но для меня она — всего лишь мелкая и ничего не значащая стычка в куда более серьезной борьбе.

— Интересно, что же это за борьба?

Не говоря ни слова, Джоан указала на ящик с растениями. Среди цветов схватились две группы муравьев — красные и черные. Пол уставился на переплетающиеся в борьбе тела и челюсти, сомкнувшиеся на врагах, потом отвернулся, не в состоянии вымолвить ни слова. «А может, это я,— мелькнула у него мысль,— живу в мире снов и утешительных иллюзий? И настоящий эскапист это как раз я?»

Тут он заметил, что Джоан по-прежнему наблюдает за муравьями. Но не с состраданием — на ее безмятежном как у Будды лице играла легкая нежная улыбка.

Рудольф Балкани уселся за свою усовершенствованную, питаемую от солнечных батарей пишущую машинку и позволил потоку слов литься из-под пальцев. Двое суток без сна, но какое это имело значение? Таблетки метамфетамина в его серебряной коробочке для лекарств будут поддерживать его до тех пор, пока он не закончит.

В кабинете горела всего одна лампа: обычная лампа с металлическим абажуром, стоящая на его заваленном всякой всячиной рабочим столе. Остальной же кабинет, в том числе и пол вместе с распростертым роботом Джоан Хайаси с размозженной головой, скрывал полумрак. Балкани казалось, что единственная лампа удерживает, хотя и постепенно слабея, темноту настолько тяжелую и плотную, что ее можно буквально осязать.

Он запер дверь. Несколько раз кто-то стучался, но Балкани отправлял их прочь. Интерком и видеофон он разнес вдребезги. В этом тоже помог бюст Фрейда.

Сейчас бронзовый духовный отец валялся на полу лицом вниз. Он свое дело сделал. Пришло время сыну создавать вселенную. Рудольф Балкани лихорадочно трудился. Новая вселенная в виде книги должна придти на смену вселенной Фрейда, да и всем прочим вселенным, возникавшим до нее. Молодое поколение в ходе революции молодости против старости будет почитать эту книгу как свою Библию.

За работой он насвистывал отрывки каких-то мотивчиков, причем все они были из разных рекламных песенок, которые он собирал и изучал в молодости. Как же много он узнал с помощью телевизионных реклам! В то время как другие на время рекламы

делали звук телевизора потише, Балкани делал его погромче. Остальные программы не продавали ничего, кроме морали среднего класса, в лучшем случае — отчаянно скучной, зато рекламные ролики предлагали мир, в котором товаром становились мечты, где на экране появлялись молодость и красота, где вся боль и страдания исчезали, сметаемые длинными шикарными волосами. Авангардистские фильмы? Балкани просто презирал их. Даже в самых сюрреалистических из них не было ничего сравнимого с притягательной силой телевизионных реклам. Работы даже самых известных режиссеров шестидесятых и семидесятых, к счастью, были давно забыты, зато видеокопии реклам эротического мыла и пива, относящиеся к тому же периоду, сейчас стоили среди коллекционеров от ста до двухсот ооновских долларов.

Балкани завершал свой шедевр «Терапия небытия». А почему бы и нет? Случай Джоан Хайаси,— это единственная незаполненная клетка в космическом кроссворде. И наконец-то, правда, самым неожиданным образом она была заполнена. Сидящий в одиночестве в своем кабинете Балкани громко расхохотался. Как все оказывается просто! Просто длиннющий анекдот о дворняге, соль которого заключается в том, что соли-то и нет.

А что же лежит за всем этим?

Небытие.

Внезапно Балкани остановился. Последнее напечатанное им предложение несло отпечаток завершенности. Да, он написал последнее предложение труда всей своей жизни. Балкани осторожно вынул лист из машинки и приложил его к остальным, аккуратно и тщательно запечатал рукопись книги в большой конверт и надписал на нем адрес своего нью-йоркского издателя. Затем он положил конверт на поднос для исходящей почты, и автоматическое устройство тут же утащило его. Ну, вот и все.

Устало шаркая, он потащился к шкафчику с лекарствами, ощущая результат нескольких бессонных ночей. «Да, чересчур большая доза хинидина,— подумал он, беря шприц,— наверняка вызовет столь желанную остановку сердца».

Крякнув, он опустился на край кушетки, закатал рукав. И сделал себе укол. Его рука после множества предыдущих инъекций стала практически нечувствительной — он ничего не почувствовал.

Когда шприц выпал из его цепенеющих пальцев, игла сломалась, а сам он со вздохом откинулся на кушетку.

Подчиненные так боялись его, что долго не осмеливались без разрешения войти в кабинет. Поэтому тело было обнаружено лишь через полтора дня.

12

— Как это вы не знаете, где он? — возмутился доктор Чоит.

— Да вот и не знаю,— пожимая плечами, ответил Эд Ньюком. Дело было в номере ноксвилльского отеля. Оба несколько мгновений молча смотрели друг на друга, потом доктор Чоит отвел взгляд.

— Он обязательно должен был оставить что-нибудь вроде записки с указанием, где его можно отыскать.

— Не-а,— спокойно ответил Эд Ньюком.

— И он, говорите, забрал с собой эту девушку, Джоан Хайаси?

— Именно так, доктор Чоит.

В номере становилось жарко. Чоит вытащил ирландский полотняный носовой платок и вытер взмокший лоб. Бьющее в окно яркое солнце заставляло его щуриться, он чувствовал гнев и раздражение.

— Мне просто необходимо его найти. Я должен знать, возьмется ли он за задание насчет Перси Х или нет. Прошло уже пять дней, он вполне мог исчезнуть с концами. «Дезертировать,— мысленно поправился он,— или просто пойти на попятный».

— Вы, похоже, не очень хорошо знаете Пола, верно? — спросил Эд Ньюком.

— Напротив, в том-то и беда, что я знаю его слишком хорошо. Я отлично знаю, как сильно он эмоционально сближается со своими пациентами. Это одна из составляющих его терапии — относиться к пациенту едва ли не как к равному. Порочная практика, она вызывает слишком большое напряжение у самого врача. Возможно, он попросту не выдержал такого напряжения.— При этих словах Чоит почувствовал — нет, не раздражение, а искреннее сочувствие.

В этот момент Пол Риверз наслаждался таким душевным миром и покоем, каких раньше еще не испытывал. Он учился ничего не делать. Общество сексуальной свободы так и не поняло, как этого добиться, зато Джоан Хайаси преуспела и теперь учила его в ветхой однокомнатной хижине, затерянной в теннессийском лесу, вдалеке от ближайшей дороги. Она учила его, как нежиться на солнышке подобно растению и пускать корни.

Они лежали бок о бок на дряхлом крыльце, касаясь друг друга лишь кончиками пальцев. Как-то раз Пол нерешительно попытался поцеловать ее, но она мягко оттолкнула, и он решил,

что это отказ. А теперь после часа бездумного молчания она вдруг заговорила, причем очень медленно.

— Я больше не могу заниматься любовью, она кажется мне фальшивой. Я больше не мужчина и не женщина. Я и то, и другое, и, в то же время, ни то, ни другое. Я одновременно и вся вселенная, и одинокий наблюдающий глаз. Быть мужчиной или женщиной — значит играть роль, а желания играть у меня нет. Однако касаться меня, наверное, приятно. Интересно, а это так же приятно, как дотрагиваться до кота или собаки?

— Да,— едва слышно отозвался Пол. «В первый раз,— думал он,— имею дело с женщиной, которая знает, что мне нужно. Как быть рядом со мной, не требуя от меня внимания, не требуя постоянных доказательств того, что она существует. Ведь в какой-то мере правда,— вдруг осознал он,— что быть мужчиной или женщиной — это и в самом деле игра, некая предопределенная культурой роль, которая может не иметь почти ничего общего с нашим внутренним самовосприятием. Ведь сколько раз,— спросил он себя,— я занимался любовью не потому, что мне этого хотелось, а потому, что хотел доказать самому себе и какой-нибудь несчастной женщине, что я „настоящий мужчина"?»

Он повернул голову, бросил взгляд на ничего не выражающий профиль Джоан и подумал: «Какой же далекой она кажется. Интересно, в каких потаенных глубинах сознания она сейчас пребывает?»

— Где ты, Джоан? — спросил он.

— Нигде.

— Так, значит, ты — та самая Девушка Ниоткуда, да?

— Можешь называть меня и так.

Внимание Пола привлекла какая-то птичка, возможно, пересмешник. Она щебетала на дереве за пределами заросшего сорняками двора. Раз за разом повторялась одна и та же коротенькая песенка. Наблюдавший за ней Пол мог бы поклясться, что птичка вдруг задумчиво взглянула на него, перед тем как на мгновение смолкнуть. Человек и птица некоторое время разглядывали друг друга, а потом пересмешник возобновил свои трели. И тут Пол ощутил нарастающую душевную боль. В голове его закрутились какие-то фантазии, а на глаза неожиданно навернулись слезы. Возможно, он тоже когда-то был птицей, возможно, сейчас эта птичка признала в нем своего собрата.

Пересмешник подлетел поближе, по-прежнему щебеча.

«У меня тоже есть крылья,— подумал Пол.— Только они невидимые. Но я слышу свистящий под ними ветер, чувствую, как он поднимает мое тело ввысь».

Когда взгляд его прояснился, птичка уже улетела.

— Она знала, что ты слушаешь,— сказала Джоан.— Она настоящая актриса.

— А с тобой часто такое случается?

— Да,— ответила Джоан.— Они все актеры: и птицы, и звери,— но они не станут рисоваться перед тобой, если не уверены, что ты не причинишь им вреда. Они не располагают такими знаниями, какими обладают люди, но куда более мудры. Некоторые из них, в особенности кошки, самые настоящие философы и святые.

— А ты святая? — спросил он, удивившись собственному вопросу.

— Возможно. Если мне и хотелось бы кем-то быть, так это либо святой, либо праведницей. А что еще чего-то стоит?

Пол задумчиво заметил:

— Ты наполовину своего добилась.— Он осторожно подбирал слова.— Будда и Христос начали с того, что удалились в пустыню, чтобы обрести одиночество, в котором ты сейчас пребываешь, но не остались там навсегда. Они вернулись — вернулись, чтобы попытаться хоть что-то сделать для остальных людей. Может, из этого ничего и не вышло. Но, по крайней мере, они хотя бы попытались.— Пол, кряхтя, встал, ноги еще чуть дрожали. Он немного постоял, потом потянулся и почувствовал, что в полном порядке.

— Куда ты? — спросила Джоан.

— Обратно в город,— мрачно ответил Пол.— Нужно кое-что сделать.

К своему удивлению, Гас Свенесгард обнаружил, что после Великой Битвы он все еще жив. А живой мог позволить себе удовольствие отдать должное противнику.

— Да, в этих горах засели ниги что надо,— сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. Он как раз тащился по коридору собственного отеля, намереваясь выйти наружу, на яркое утреннее солнышко. Остановившись на крыльце, он вдохнул изрядное количество доброго, пыльного воздуха, приправленного здоровым запахом прелой травы; затем провел рукой по давно не бритому подбородку, откашлялся и сплюнул.

— Видать, пора завязывать с куревом,— пробормотал он себе под нос. Но в глубине души он прекрасно понимал, что на такое у него попросту не хватит силы воли.

Поэтому он вытащил сигару и прикурил от зажигалки.

«Да,— подумал он,— так-то лучше». Ничто так замечательно не забивало старый противный табачный вкус во рту, как новая затяжка. Свенесгард выпустил дым и спустился по ступенькам, аккуратно переступив провалившуюся. Он направился вдоль по улице к лагерю заключенных. Лагерь представлял собой несколько свободных участков, обнесенных колючей проволокой, на которых содержались дезертиры-ниг-парты. Их количество на плантации Гаса все возрастало. Со времени битвы фантомов жидкий ручеек отступников превратился в бурлящий поток. «Если они и дальше будут использовать свою машину иллюзий,— сказал себе Гас,— то мои дела пойдут в гору».

Дойдя до проволочной изгороди вокруг лагеря пленников, он несколько минут постоял, приводя мысли в порядок. «Нет, все-таки не стоит,— наконец решил он,— держать этих славных черных жеребцов в загоне без дела. Наверное, лучше бы было организовать здесь какие-нибудь общественно-полезные работы. Во-первых, стоило бы организовать здесь фабрику по изготовлению табличек вроде: „Требуются рабочие“, „Давайте объединимся“,— и все такое прочее. А чтобы выплачивать им зарплату, нужно будет организовать фабрику по производству купюр. Кажется, в музее остались старинные матрицы денег конфедератов, которые и посейчас прямо как новенькие, будто их гравировали не во времена Джеффа Девиса.

А как только мы напечатаем денежки,— радостно подумал он,— начнем приводить эту дыру в порядок. Строить дороги, ремонтировать ионокрафты. А заодно и создавать порядочное правительство». Он начал мысленно составлять список всех своих родственников и близких друзей. Разумеется, для них придется организовывать специальные должности... А кроме того, он создаст штат чиновников-функционеров с совершенно неопределенными обязанностями, состоящий из всех хороших ребят Теннесси, с которыми он вась-вась. «Надо бы включить в их число и несколько правильных нигов,— прикинул он.— Иначе ни почем не успокоятся».

Тут он заметил тощую, сутулую фигуру дока Бернса, только что появившуюся из-за ворот лагеря.

— Ну, как дела, док? — спросил Гас.

— Этих людей нужно немедленно вывезти отсюда. Здесь самый настоящий рассадник болезней.

— Может, снова отправить их воевать, а? Они ведь сбежали от ниг-партов, так пускай теперь сражаются с ними.

— Эти ниги,— ответил док Бернс,— сбежали не от партов, они сбежали от нового оружия. И вряд ли им захочется воевать

против того же самого оружия. Они и так хлебнули лиха, сражаясь на той стороне, так что вряд ли...

— Но,— сказал Гас,— я ведь все равно собираюсь очистить эти горы раз и навсегда. Я вовсе не собираюсь сдаваться. Я просто не могу сдаться...

— Используй роботов.

— Знаете, док, может, в этом что-то и есть. «На армию роботов,— подумал Гас,— иллюзии, скорее всего, и не подействуют». В любом случае, идею стоило проверить.

— Массированное наступление на ниг-партов,— громко объявил он,— с использованием исключительно автоматического и гомеостатического оружия.

Док Бернс скептически заметил:

— И где же, интересно, вы достанете такое оружие?

— У моих червяков,— сказал Гас.— Я заставлю Меккиса дать мне лучшее из того, что у них есть. Может, это будет нечто такое, чего мы еще вообще в глаза не видели.— Он развернулся и быстро ушел.

— Не нужно больше читать,— взмолился Оракул.— Близится час Девушки Ниоткуда!

Меккис потянулся и коснулся языком кнопки интеркома.

— Пришлите Посредника,— велел он своему секретарю-чизу.

Вскоре дверь скользнула в сторону. В кабинете появился улыбающийся, хорошо одетый терранец с галстуком-бабочкой и в пурпурном бархатном комбинезоне.

— Я — Посредник,— сообщил он Меккису.

— Знаю,— ответил Меккис, и подумал: «Ты, должно быть, тоже телепат, в противном случае тебе бы ни за что не получить нынешней должности. К тому же,— сказал он себе,— ты, наверняка, выпускник школы Балкани».

— Насколько я понимаю,— начал Посредник,— вы ищете некие документы, некие малоизвестные работы доктора Рудольфа Балкани, которые он распространял исключительно среди студентов своих семинаров. Документы, без которых невозможно понять теории Балкани, и которые, в то же время, недоступны широкой публике.

— А у тебя они есть?

— За определенную цену.

— Само собой,— ответил Меккис.— Мне рассказывали, что это ты продал моему предшественнику маршалу Коли обширную коллекцию пластмассовых моделей самолетов и разной другой исто-

рической всячины, которая теперь пребывает в этом офисе. Если вы сможете добыть мне эти документы, я готов отдать вам всю коллекцию моделей аэропланов времен Перовой мировой войны.

— Шутить изволите,— едва заметно улыбнулся Посредник.

— Я вполне понимаю, что вы можете счесть мою щедрость чрезмерной,— сказал Меккис,— но мы, ганимедяне...

— Нет, вы, наверное, не поняли.— Теперь Посредник улыбался уже открыто.— Я бы и за деньги не взял эту коллекцию моделек. Грош им цена.

— Но маршал Коли говорил...

— Маршал Коли был коллекционером, мистер администратор, а я — бизнесмен. Документы, о которых вы говорили, обойдутся вам где-то в районе сотни ганимедских клудов. Это мое последнее слово.

— Хорошо, покажите.

— Только одну страничку, не больше.

— Я бы мог приказать арестовать тебя и изъять документы силой,— сказал Меккис.

— Верно,— согласился Посредник.— Но в таком случае остальных бумаг, которые я мог бы предоставить, вам не видать, как своих ушей. Это всего одна из великого множества подобных ей милашек.

— Хорошо. Мой секретарь выпишет вам чек на сумму в сто клудов. А теперь покажите мне бумагу.

После ухода Посредника Меккис внимательно изучил документ. На вид он казался подлинным: Меккис узнал характерный стиль Балкани. «Ключевой анализ,— подумал Меккис,— экспериментов по химиотерапии, сделавшей возможной его Терапию Небытия. Боже Всемогущий! Обязательно нужно увидеть, что еще есть на продажу у этого молодого терранца»,— решил ганимедский администратор. Он отказал в аудиенции Гасу Свенесгарду. Когда Меккису сообщили о появлении Гаса, он даже не удосужился просканировать его мысли.

— Как я уже говорил,— сказал он секретарю,— дайте ему то, что он просит, а меня оставьте в покое.

Так Гас получил распоряжение выдать ему необходимое тяжелое автономное и гомеостатическое наступательное вооружение.

Меккис не знал об этом, а если бы и знал, то ему было бы все равно. Поскольку только что он получил некое донесение, и новости оказались совершенно неожиданными.

— Перси Х и Джоан Хайаси,— сообщил ему секретарь,— сбежали из заведения доктора Балкани в Норвегии.— Пауза, затем секретарь добавил: — А сам доктор Балкани мертв.

На какой-то миг Меккис даже утратил способность думать. Он сидел с разинутым ртом и высунутым языком.

— Как это случилось? — наконец выдавил он.

— Похоже, это самоубийство.

— Нет,— прошептал Меккис.— Самоубийством это быть не может.

— Я лишь передаю информацию, полученную из Культурного контроля,— сказал секретарь.

— Что-нибудь еще?

Секретарь продолжал:

— Почти наверняка Перси Х вернулся на свою территорию. Это привело Культурный контроль в панику, поскольку теперь сопротивление ганийским властям может стать гораздо более упорным и умелым, чем прежде. Кто-то ухитрился протащить в заведение Балкани двух роботов, одного — полную имитацию Перси Х, а другого — Джоан Хайаси. Балкани, по-видимому, не заметил подмены, хотя роботы такого типа в свое время были разработаны им самим. Существуют определенные подозрения, что Балкани был двойным агентом, и что все обученные им чизы получили постгипнотическое внушение на самоубийство. Некоторые из них уже покончили с собой, причем, без всяких видимых причин.

— Благодарю,— сдавленно произнес Меккис. Он языком отключил интерком и долго сидел в тишине. Стол перед ним был завален статьями, монографиями, книгами и брошюрами доктора Балкани, и Меккис думал: «Пока я жив, Балкани жив тоже. То, что он начал, заканчивать мне. Теперь все работы этого человека у меня в голове».

Он кликнул сущиков. Они тут же примчались, прискакали, прилетели из соседней комнаты, страшно довольные тем, что снова понадобились, что могут быть чем-то полезными хозяину.

— Инженер-электронщик,— сказал Меккис.

— Здесь,— пискнуло крошечное создание с изящными тонкими пальцами.

— Переделай мыслеусилитель, которым мы пользуемся для связи с Ганимедом, на более короткий радиус действия,— велел он. «Мы всегда живем в сознании других,— подумал он,— слипшиеся в вязкую массу посредством Великой Общности, и практически почти не существуем как индивидуумы».

«Но я,— думал он,— стал индивидуумом. Я появился из Великой Утробы, я появился на свет... в качестве кого? Истинного ганимедца? Человека? Нет, кого-то еще, чуждого всему сущему, не принадлежащего ни к одному из видов. Балкани. Великая

Общность отторгла меня, сослала сюда гнить в самом заброшенном уголке системы. Теперь же,— думал он,— я могу лишь поблагодарить их за это. Если бы я не ненавидел их, то никогда бы не понял смысла теорий доктора Балкани».

Теорий? Нет, фактов. Правды, конечной правды существования!

— А как,— спросил Оракул,— вы собираетесь использовать переделанный мыслеусилитель?

— Собираюсь связаться с Перси Х,— ответил Меккис.

— В таком случае,— смиренно заметил Оракул,— слишком поздно поворачивать назад. Великая тьма уже спустилась на нас, и теперь ее уже ничто не остановит.

13

Завидев спускающегося с небес ангела света, Томы в ужасе разбежались кто куда, оставив склад без охраны.

— Ага, наконец-то этих суеверных крыс проняло! — торжествующе воскликнул Перси Х.— А теперь окружите-ка склад огненной стеной, чтобы они не мешали нам, пока мы запасаемся всем необходимым.

— Будет сделано,— отозвался Линкольн, сосредоточенно вращая ручки настройки аппарата.

Почти тут же пламя стало таким жарким, что двое ниг-партов едва могли дышать. Но огонь горел, ничего не сжигая. Они вдвоем, работая быстро и четко, вскоре так загрузили свой ионокрафт, что тот едва смог бы подняться с земли.

За работой Перси пел одну из тех песен без слов, которые сложились за многие долгие и холодные ночи в горах. «Приятно чувствовать, как напрягаются мышцы,— сказал он себе.— Куда лучше, чем думать, когда мысли приводят лишь к отчаянию». Вскоре ионокрафт с грузом и двумя людьми на борту поднялся в воздух, оставляя позади окруженный огненной стеной склад, и, никем не замеченный, направился к горам.

Во время полета Перси все больше и больше ощущал себя птицей, и все меньше — летящим в ионокрафте человеком. Он постепенно переставал замечать стены кабины и пульт управления; наконец он перестал чувствовать даже штурвал и педали. На какое-то время он вообще забыл о том, что он когда-то был человеком. Вокруг не осталось ничего, кроме воздушных потоков, которые он видел благодаря колыханию листвы на деревьях внизу. Он плавал в воздухе, ощущая его потоки, как складки на огромном полотнище из прозрачного пластика, чувствуя, как

переплывает из одного потока в другой, воспринимая эти потоки, как части какого-то величественного хорала.

Откуда-то издалека кто-то окликнул его. Он узнал голос Джоан Хайаси, которая сказала:

— Он знал, что ты слушаешь. Это ужасный человек.

На мгновение перед ним мелькнуло ее лицо, затем оно изменилось, черты начали меняться, как влажная глина под пальцами скульптора, и вскоре Джоан исчезла. Перед ним был Линкольн Шоу, который кричал:

— Очнись, Перси! Очнись! Мы едва не разбились!

Постепенно к Перси вернулось ощущение реальности, он снова находился в ионокрафте и увидел, что по обе стороны машины проносятся горные склоны.

— Мне казалось, будто я превратился в птицу,— растерянно пробормотал он.

— Да, я знаю,— ответил Линкольн, дрожащими руками надевая очки в роговой оправе.— Я как раз вовремя выключил проектор.

— Я пел для Джоан. А еще там был Пол Риверз — я подлетел прямо к его лицу.

— Это тебе так показалось, дружище. То, во что ты чуть не врезался, было вовсе не лицом Пола Риверза. Это был скалистый горный склон.

— Знаешь, садись-ка лучше за управление,— сказал мокрый от пота Перси. У него тряслись руки, и он понял, что больше не может управлять машиной.

— Да уж, пожалуй,— сказал Линкольн, пересаживаясь за штурвал.

Некоторое время они летели молча, наконец Перси заметил:

— Теперь провианта хватит надолго.

— Одно из преимуществ,— язвительно пробормотал Линкольн,— меньшего количества ртов.

— А сколько там сейчас человек?

— Лучше не спрашивай,— отозвался Линкольн.

— Теперь я знаю только одно,— начал Перси,— что...— Он смолк. В голове у него вдруг зазвучал голос.— Я слышу голос,— сказал он.

— Это все проектор,— ответил Линкольн.— Не обращай внимания.

— Перси Х, это ты? — спросил голос.

— Да,— ответил Перси. Голос казался каким-то странно знакомым, как и смутные воспоминания, которые он в себе нес. В какой-то миг он решил, что это доктор Балкани, и только потом

сообразил, что это — Меккис, страшно изменившийся Меккис. Ничего похожего на хладнокровного, самоуверенного и властного администратора, с которым Перси встречался в день своего пленения. Теперь в голосе Меккиса слышались какие-то странные, болезненные, дрожащие нотки.

— У меня есть к вам предложение,— неуверенно начал Меккис.

— Я уже слышал ваше предложение,— ответил Перси,— и не принимаю его.

— Это,— сказал Меккис,— совсем другое. В тот раз я просил вас перейти на мою сторону; теперь же напротив — я хотел бы объединиться с вами против нашего общего врага, Великой Общности Ганимеда.

Над почти опустевшей ульзойской тюрьмой нависали низкие серые облака. Двери тюремных камер, даже ведущие в тюрьму ворота были распахнуты, поэтому чайки, что посмелее, решились залететь внутрь и бродили по коридорам в поисках пропитания. В холодном воздухе стоял запах птичьего помета, а крики, напоминающие далекие отчаянные вопли о помощи, эхом отдавались в пустынных переходах.

Заслышав эти крики, сущики маршала Коли тесно сгрудились вокруг хозяина, мелко дрожа и стараясь убедить себя, что хозяин в любом случае знает, как поступить. Сам же Коли, лежащий на кушетке в помещении, раньше служившем кабинетом доктора Балкани, не обращал ни малейшего внимания на сущиков, поскольку был всецело поглощен довольно-таки приятным занятием. Он вел перекрестный допрос майора Рингдаля, который сидел за столом покойного доктора Балкани, похолодевший от страха и крайне несчастный. Электричество было отключено, поэтому им приходилось обходиться свечами. Тянущий из-под дверей сквозняк заставлял пламя свечей мигать и танцевать, они в любой момент были готовы погаснуть. Пляшущее пламя отбрасывало на каменные стены комнаты демонические тени.

— Можете ли вы объяснить,— спросил маршал Коли, кивая в направлении дезактивированного робота Перси Х и того, что осталось от робота Джоан Хайаси, лежащих бок о бок в углу помещения,— как эти занятные устройства попали сюда?

— Никак нет,— ответил майор Рингдаль.— Если только доктор Балкани не...

— А что вы можете сказать по поводу книги доктора, майор? Что с ней случилось?

— Здесь имеется почтовый робот, который ежеутренне собирает всю исходящую почту. Если Балкани поместил рукопись своей книги на поднос с исходящей почтой, робот должен был забрать ее и автоматически отослать по указанному адресу.

— И куда же он ее отослал?

Рингдаль сипло отозвался:

— Мы не имели возможности установить это, сэр.

— А знаете куда, по-моему, он отправил рукопись? — Коли изогнулся яростной дугой.— Сдается мне, что он послал ее своим соратникам по обширному и до сих пор не установленному подпольному движению. Видите ли, майор Рингдаль, я не верю, что вы в полной мере отдаете себе отчет в серьезности происходящего. Речь идет не просто о прекращении операции Ульвойя. Мы больше не можем полагаться ни на одного из подготовленных здесь чизов. А это львиная доля всех землян, занимающих руководящие посты. Без этого человеческого буфера между правителями и управляемыми наши планы в отношении планеты практически срываются. Если мы будем вынуждены сами управлять законом и порядком на этой планете без человеческой помощи, то наши хлопоты и расходы попросту превысят ее ценность.

— И что же вы собираетесь делать? — спросил майор Рингдаль.

— Мы можем оставить планету,— решительно заявил Коли. Он подал знак носильщикам и, язвительно кивнув майору, отбыл. За ним к выходу поспешно потянулась процессия сущиков.

Когда они покидали здание, на землю спустилась ночь. Незадолго до того, как они добрались до ожидающего их ионокрафта, сущик-техник пробрался к хозяину и испуганно спросил:

— Неужели мы действительно собираемся уходить? И сдаться?

— Конечно же, нет,— сказал Коли.— Мы всего лишь эвакуируемся с планеты, чтобы получить возможность начать операцию «Стерилизация». Кроме того, все наши ганимедские силы находятся в полной безопасности в космосе. Я лично прослежу за тем, чтобы вся жизнь на Земле была уничтожена. Уверяю тебя, это будет исключительно тщательная, аккуратная работа, а после того, как планета будет очищена, мы вернемся, чтобы заново заселить земной шар нормальными ганимедскими формами жизни.

— Ваша мудрость поистине безмерна,— заметил довольный сущик-техник.

— Предскажи-ка что-нибудь,— приказал Меккис.

— Будущего нет! — Оракул испустил долгий усталый вздох.

— Если ты больше ни на что не способен,— сказал Меккис,— я могу тебя заменить.

— Вы хотите сказать, убить. Впрочем, не имеет ни малейшего значения, сколько я проживу — часом больше или часом меньше. Мы все равно уже мертвы, хотя еще и не подозреваем об этом.

— Охрана! — рявкнул Меккис в интерком. Почти тут же в кабинет ворвался человек-охранник. Подрагивающим языком указывая на Оракула, Меккис распорядился: — Пристрелите его.

— Ваша собственная смерть...— начал было Оракул, но договорить свое пророчество не успел.

— Вытащите отсюда труп и закопайте где-нибудь,— велел Меккис охраннику. Настроение у него испортилось. Как только охранник покинул кабинет, он вызвал своего электронщика.— Включи усилитель,— распорядился он.— Я хочу связаться с Перси Х.

Электронщик сориентировал мыслеусилитель в предполагаемом направлении нынешнего пребывания Перси Х, затем настроил его на соответствующую частоту мозговых волн. Тем временем Меккис с помощью своих сущиков напяливал шлем-передатчик.

— Перси,— глубоко сконцентрировавшись, подумал он, прикрыв холодные глаза.

Наконец поступила ответная мысль:

— Это Перси. Я здесь.

— На основании моих изысканий,— передал Меккис,— единственная наша надежда на победу — это адское оружие. Думаю, ты должен воспользоваться им.— Он тщательно скрывал и глушил все свои сомнения, стараясь передавать только ощущение неотложной необходимости.

— Буду только рад сделать это,— ответил Перси,— если проживу достаточно долго.

— Что ты имеешь в виду?

— Меня атакует ваш приятель Гас. Он окружил меня и долбит автоматическим ганийским оружием. Похоже, на сей раз он меня поймал.

Меккис сконцентрировался, и через мгновение уже смотрел глазами Перси Х. Повсюду виднелись автоматические танки, войска и ионокрафты самых разных типов и размеров. И у всех была только одна цель — убивать.

Армии роботов и автономных боевых механизмов на поле боя противостояла армия кошмаров. Когда обе армии схлестнулись, Перси и Линкольн скрючились у входа в пещеру, управляя проектором иллюзий. Часть их людей затаилась в пещере позади

них, часть рассеялась на поле битвы. Это было все, что осталось от ниг-партов. Как же много дезертировало... Глядя на расстилающуюся внизу долину, Перси видел, что и остальные с поднятыми руками начинают сдаваться врагу.

— И ты тоже? — спросил Перси, хватая Линкольна за руку.— Значит, ты тоже собираешься предать меня?

— Господи, я тут сижу, управляюсь с этим чертовым ящиком кошмаров, и ты еще спрашиваешь, предал я тебя или нет!

— Если предал,— сказал Перси угрожающим тоном,— я убью тебя.

— Никогда ты меня не убьешь, приятель,— ответил Линкольн.— Кроме меня ведь никто не скажет тебе правды о самом себе.

— Слушай, сам не знаю, что это на меня нашло,— Перси потряс головой, пытаясь прояснить мысли. «Похоже, у меня с головой не все в порядке,— сообразил он.— Должно быть, они используют против нас какой-то новый нервный газ». И тут Перси заметил, что Линкольн смотрит на него с искренним сочувствием.— Слушай, я же чувствую,— сказал Перси.— Ты считаешь, что мной овладела паранойя.

Линкольн отвернулся, но промолчал.

— Да ты сам посмотри,— Перси кивком указал на долину, откуда доносился лишь приглушенный грохот мощных снарядов.— Может, только кажется, что все против меня? Неужели я только воображаю все эти танки и ионокрафты? Неужели все эти ниг-парты, переходящие на сторону противника — всего лишь плод моего воображения? Я восстал против всей вселенной! В одиночку! И это вовсе не заблуждение.

— Будет тебе, Перси,— сказал Линкольн, в голосе которого восхищение смешивалось с отвращением.— Ты выиграл. Думаю, что, как ты и говоришь...

— Погоди! — перебил его Перси, который, будучи опытным воином, снова разглядывал долину внизу.— Нет, ты только посмотри, эти идиоты... Эти идиоты там, внизу, не используют проекторы иллюзий! Но ведь без этого у них нет ни единого шанса!

Не медля ни секунды, оба ниг-парта нырнули в пещеру, и тут у них за спиной раздался мощный взрыв, взметнулось адское пламя, поднялась туча пыли, и во все стороны полетели осколки скалы.

— Это конец! — воскликнул кто-то, невидимый из-за пыли.

Ему вторил кто-то еще:

— Сдаемся!

К ним присоединились и другие:

— Сдаемся! Сдаемся! У нас нет ни единого шанса!

В этот момент послышался голос Перси Х:

— Сражайтесь, вы, слизняки! Сражайтесь до последнего! — Но, судя по топоту ног, лишь очень немногие собирались подчиниться его приказу. Если вообще кто-нибудь подчинился.— Пошли,— обратился он к Линкольну.— Отойдем подальше, вглубь пещеры, и будем ждать их там. Они не могут взять сюда с собой свои дротики, танки и авиацию — пещера слишком узкая. Это настоящий лабиринт, а я знаю здесь каждый закоулок.

— Ты — босс,— мрачно ответил Линкольн. Они направились вглубь горы, освещая себе дорогу ручными фонарями.

Наконец Перси сказал:

— Ладно, давай остановимся здесь.

Они спрятались за гладким сталагмитом и взяли наизготовку лазерные ружья. Перси едва слышно прошептал:

— Да, жаль, у нас с собой нет этой адской машины.

— А я, лично, рад, что у тебя ее нет,— отозвался Линкольн.— Теперь, если нам с тобой даже и суждено погибнуть, то хоть кто-то останется в живых.

— Даже если это будут червяки, чизы и предатели? — спросил Перси.

Линкольн ответил:

— Да, пусть это даже окажутся червяки, чизы и предатели.— В голосе его чувствовалась усталость.

Разговор оборвался, поскольку в этот момент в темноте пещеры послышался шум электродвигателей и топанье массивных металлических ног.

— Они идут,— сказал Перси. Соратники вскинули лазерные ружья.

Перси выстрелил первым, целясь в сторону входа в пещеру. Робот взорвался, во вспышке ослепительного пламени они разглядели и других роботов, продвигающихся следом за первым. Казалось, им нет конца. Снова и снова двое друзей стреляли, но металлические великаны продолжали наступать, бесцеремонно топча останки своих выведенных из строя товарищей. Воздух наполнился едким дымом и запахом горелой изоляции. Перси и Линкольн непрерывно кашляли, не в силах остановиться, из глаз текли слезы, оставляя потеки на их запыленных щеках. Жар от горящих машин вскоре поднял температуру в замкнутом пространстве пещеры до невыносимого уровня. Однако оба, обливаясь потом, продолжали отстреливаться.

Сперва заряды кончились у Перси. Он в очередной раз нажал на спуск, а когда выстрела не последовало, громко выругался.

Потом грубо выхватил ружье у Линкольна, но тут же убедился, что в нем осталось всего два заряда.

— У тебя еще что-нибудь имеется? — спросил Перси.

— Ничего такого, что могло бы остановить эти штуковины,— ответил Линкольн.

После этого им осталось только беспомощно наблюдать, как металлические чудовища надвигаются на них.

Во второй половине дня ионокрафт с Полом Риверзом и Джоан Хайаси на борту спустился с безоблачного неба и приземлился прямо посреди улицы напротив убогого обшарпанного отеля Гаса Свенесгарда. Пол распахнул дверцу и выбрался наружу, потом повернулся к Джоан и сказал:

— Постарайся не высовываться. Не хотелось бы, чтобы тебя увидел Гас Свенесгард.

— Ладно,— сонно отозвалась Джоан, свернувшись калачиком на кресле.— Тем более что меня ничуть не интересует эта старая затхлая дыра. Лучше побуду здесь, на солнышке.

— Вот и отлично,— сказал Пол и направился к покосившемуся крыльцу отеля со знакомыми провалившимися ступеньками. «Судя по поднимающемуся над горами дыму,— подумал он,— ниг-партам приходится несладко. Если Перси снова угодил в плен живым, то на сей раз они просто сдерут с него кожу, и дело с концом». Он нервно ощупал лазерный пистолет в кармане. «Если же Перси до сих пор жив, то мне не остается ничего другого, как сжечь его заживо».

Вздохнув, он поднялся по шатким ступенькам и подошел к входной двери. «Наверное,— подумал он,— если Перси захвачен в плен, мне лучше держаться поближе к Гасу — рано или поздно, его все равно доставят сюда. Гас, похоже, сейчас самый главный начальник».

Когда он вошел в вестибюль, Гас окликнул его:

— Эй, привет, с возвращением вас, сэр. Да уж, не каждый день кто-то возвращается в этот отель по второму разу.— Он усмехнулся, очевидно, пребывая в отличном настроении.

— Здесь так тихо,— осторожно ответил Пол.— Так спокойно.

— Только не сегодня,— фыркнул Гас и грубо подмигнул.— Угощайтесь.— Он протянул Полу сигару, причем не обычную свою дешевую, а ручной скрутки «куэста-рей».— Предлагаю отпраздновать на пару.

Пол принял сигару, но закуривать не стал.

— Отпраздновать что?

— Смерть Перси Х,— возвестил грузный краснолицый лысеющий коротышка.— И к-к-капитуляцию ниг-партов.— От возбуждения он начал заикаться, пытаясь выпалить все слова одновременно.— То, чего не смогли добиться все ганийские оккупационные силы вместе взятые, старина Гас Свенесгард добился, даже не засучив рукавов.— Он заметил незажженную сигару и добавил: — Слушайте, если не курите, так, может, нам выпить?

— Годится,— кивнул Пол. «Интересно,— подумал Риверз,— неужели он и вправду покончил с ниг-партами и Перси Х? А если так, то где тело?» А Гас с широкой улыбкой уже протягивал ему стакан скотча. Пол сделал глоток и поставил стакан на столик. «Да,— подумал он,— пожалуй, понадобятся все мои способности, чтобы сойтись с этим старым хитрым жучком».— А откуда вы знаете,— вслух спросил он,— что Перси Х действительно мертв?

— Ну,— откровенно признался Гас,— на самом-то деле трупа я не видел, но автоматический центр управления примерно час назад связался со мной по радио и сообщил, что реальное сопротивление полностью подавлено. Среди пленных Перси не оказалось, следовательно, он мертв.

— Разве он не мог сбежать?

Гас так яростно замотал головой, что даже отвислые щеки затряслись.

— Ни за что на с-с-свете! Они загнали его в пещеру, откуда не было другого выхода. А я послал вдогонку роботов, которые должны были выследить его, если он все еще жив, или отыскать среди других погибших. Скорее всего, доклад поступит с минуты на минуту. А пока, думаю, имеет смысл сходить и сообщить этому червяку, Меккису, добрые новости. Не желаете сходить со мной?

— Нет, спасибо,— отказался Пол. Ему вовсе не хотелось оказаться в непосредственной близости от телепата-ганийца.

— Ну, как знаете,— сказал Гас и вышел.

Гас отправился в ганийский военный штаб на самом современном в Теннесси такси-ионокрафте. Когда такси садилось, он обратил внимание, что обычной для этого обширного комплекса учреждений деловой суеты незаметно. Более того, здесь сегодня было как-то необычно пустынно. Ни малейшего шевеления. «Странно»,— подумал он, вылезая из такси.

Встретив какого-то чиза, он отвел его в сторонку и спросил:

— Послушайте, что здесь происходит? Куда все подевались?

— Разве вы не знаете? — вопросом на вопрос ответил чиз, явно простой рабочий, по-видимому, удивленный таким невежеством.— Ганийцы сваливают.

— Как? Уезжают из Теннесси? — переспросил буквально ошеломленный Гас.

— Черт, конечно нет. С планеты они сваливают, вот что.

Прежде чем Гас сумел придти в себя настолько, чтобы задать следующий вопрос, работяга отправился дальше по своим делам. Его работа заключалась в том, что он паковал в ящики какие-то микрофильмированные, явно официальные документы. Несмотря на потрясение, Гас не мог не заметить своим расчетливым взглядом, что ганийцы, похоже, оставляют кучу ценных вещей: не только машины и оборудование, но даже свое самое современное оружие. «Надо бы,— прикинул он,— спросить старого друга Меккиса, не разрешит ли он мне избавить территорию от всего этого хлама, так сказать. Я же знаю, как старина не любит обременять себя ненужными вещами, которые так мешают собираться».

В первый раз за эту неделю Гас был допущен в личный кабинет Меккиса. Администратор, мирно свернувшись кольцом, читал какую-то земную книжку, но когда вошел Гас, встретил его сердечной улыбкой.

— Я так понимаю, вы съезжаете? — выпалил Гас.

— Вот как? Только не я.— В голосе администратора послышались нотки холодного высокомерия — очевидно, эта тема затрагивала какие-то его глубинные чувства.

— Но один рабочий сказал...

— Отбывают все ганимедские оккупационные силы за исключением меня. Поскольку я уже довольно длительное время не связывался с родной планетой, то и сам не знаю — почему. Впрочем, это меня очень мало интересует. Как бы то ни было, позвольте вас заверить, что я и сущики из моей личной прислуги остаемся здесь.

— Не понимаю,— пробормотал Гас.— Разве вы, ганийцы, не всегда действуете, как...

— У меня есть научные причины поступать иначе. Нужно довести до конца эксперимент, начатый покойным великим доктором Рудольфом Балкани. Могу я надеяться на ваше молчание?

— Что? А, ну да, конечно,— закивал Гас.

Меккис зубами поднял толстую отпечатанную на машинке рукопись и с трудом водрузил ее перед собой на стол.

— Я получил это от нью-йоркского издателя Балкани. Ее только сегодня прислали люди, работающие на меня. Это един-

ственный экземпляр духовного завещания доктора Балкани, его «Терапия небытия», которая теперь целиком и полностью принадлежит мне. В ваших мыслях я вижу, что для вас это ничего не значит и совершенно не интересует — вас интересует исключительно власть. Вам ведь хотелось бы занять этот кабинет, верно?

— Гм,— застенчиво пробормотал Гас, переминаясь с ноги на ногу.

— Милости прошу, мистер Свенесгард. Я очень скоро покину это здание. На всякий случай, чтобы кто-нибудь из моих так называемых «соотечественников» ганимедян не смог меня разыскать. И чуть насмешливо закончил: — Так что, мистер Свенесгард, все это ваше.

— Вот он! — сказал Пол Риверз Джоан Хайаси. Она снова спряталась за спинкой переднего сиденья ионокрафта, а он выбрался наружу. В косых лучах заходящего солнца показался едва плетущийся неверной походкой Гас, очевидно основательно набравшийся. Пол пошел ему навстречу, думая: «Похоже, он уже начал праздновать в одиночку».

На улице было совсем немного народу, в основном, озабоченные своими делами Томы, которые привыкли не лезть не в свое дело. Никто как будто не замечал, что некоронованный король Теннесси пребывает в подобном состоянии. Очевидно, такое бывало не раз.

— Эй, Гас! — окликнул Пол.

Гас остановился, неуверенно пошатываясь из стороны в сторону, и уставился на Пола, явно не узнавая его.

— Ты кто такой? — наконец спросил Гас.

— Мы с вами разговаривали несколько часов назад,— напомнил Пол.— А до этого я несколько дней прожил у вас в отеле.— Все это он проговорил довольно мрачным тоном, чтобы его слова дошли до затуманенного алкоголем рассудка Гаса.— Я — доктор Пол Риверз.

— А, ну да, теперь припоминаю,— кивнул Гас.— А перед вами, доктор, будущий властелин мира.

«Интересно,— пронзила Пола тревожная мысль,— что он хочет этим сказать?»

Гас положил мясистую руку Полу на плечо и, помахав у него под носом пальцем, сказал:

— Они сваливают.

— Кто сваливает? — Под тяжестью массивной руки Гаса Пол с трудом сохранял равновесие.

— Червяки. А когда их не станет, как полагаете, кто станет здесь главным, а? Я, кто же еще! Я! — Гас убрал руку с плеча Пола и отступил назад.— День Червя на Коне позади.— Его сбивчивая речь внезапно стала твердой и четкой. Но только на мгновение.

«Интересно,— задумался Пол,— это пьяный бред, или он говорит правду?»

— Пошли, Гас,— сказал он, положив руку Свенесгарда себе на плечо.— Я помогу вам добраться до отеля.

Когда Пол со вздохом облегчения наконец уложил грузного спотыкающегося Гаса на диван в вестибюле отеля, клерк за стойкой, как и все остальные жители городка, постарался сделать вид, что ничего не заметил.

— Я — единственный...— снова начал Гас, отчасти обращаясь к Полу, отчасти — к самому себе,— ...единственный, у кого в распоряжении имеется автоматическое оружие, которое дали мне ганийцы для борьбы с Перси Х. И теперь я единственный, у кого есть это безумное психическое оружие, которое было у Перси. Вот и получается, что я человек...— тут он рыгнул,— ...у которого в руках вся власть.— Его голос снова протрезвел, а взгляд вдруг прояснился.— Нужно выступить по телевидению, причем — в самое лучшее время. Когда ганийцы уйдут, люди просто не будут знать, что им делать. Им понадобится вождь, человек, который займет место червяков. Они будут просто жаждать появления твердого лидера-американца, кого-то, кого они знают и кому доверяют, кого-то, кто знает их и является одним из них.

После недолгого молчания Пол заметил:

— Недурственный ход.

— Знаю,— ответил Гас.

«Всадник на Коне,— подумал Пол,— сменяющий Червя на Коне. Гас прав — пришло его время появиться на сцене. Гас просто станет человеком, пришедшим на смену пришельцам. Человечество в конце концов смирится со всеми его недостатками и ограниченностью, поскольку поймет, что это, несомненно, человек вполне реальный».

— Я так и вижу,— еле внятно пробормотал Гас, глаза которого снова подернулись пеленой,— как начинается передача. Пока ведущий зачитывает то, что я заранее нацарапал насчет моей победы над ниг-партами, которой не удалось добиться ганийцам, появляюсь я...— Он снова рыгнул и вынужден был замолчать. Его красное лицо, казалось, стало еще больше.— Эй, вы что, уходите, док? — Он заморгал.

«Не каждый день,— подумал Пол,— приходится разговаривать с будущим властителем Земли. Но если я сейчас не уйду отсюда и чего-нибудь не сделаю, причем — быстро, может статься, что никакой Земли, которой можно было бы править, просто не останется».

Десять минут спустя Пол Риверз вместе с Джоан Хайаси уже несся над освещенными луной полями в сторону гор. Он переключил ионокрафт на автопилот. И вытащил мыслеусилитель Эда Ньюкома.

— Зачем тебе это? — со сдержанным любопытством спросила Джоан.

— Меня терзает неотступный страх,— ответил Пол,— от которого я никак не могу избавиться, что Перси Х жив.

— Если он захочет воспользоваться своим дьявольским оружием,— сказала Джоан,— так и пускай. В самом деле, какая разница?

«Неужели,— задал сам себе вопрос Пол,— ей и вправду совершенно безразлична гибель рода человеческого? А может, именно к этому она и стремится: к полному и окончательному небытию для каждого?»

— Тебе хочется спасти мир,— безучастно заметила она, взглянув на него так, будто он умственно отсталый ребенок.

Не обращая внимания на ее взгляд, ведь ему все равно нечем было на него ответить, он принялся возиться с усилителем, пытаясь настроить его на Перси Х.

— Привет, Пол,— почти тут же послышалась мысль.

— Перси, я хочу...— начал он, но Перси перебил его:

— Знаю. Ты хочешь, чтобы я не использовал дьявольскую машину.

— Именно.

Мысли Перси Х доходили с трудом, видимо, он был крайне измотан.

— Мне бы тоже не хотелось этого делать. Но выхода нет — это наш последний шанс одолеть червяков. Моя маленькая, так называемая «армия» разгромлена, и они едва не прикончили меня самого. Мне просто ничего не остается, кроме как воспользоваться дьявольским оружием, и я не собираюсь сдаваться, дружище. Я ни за что не сдамся!

— Но,— передал Пол,— черви улетают.

— И надолго? — с горечью спросил Перси Х.— Они наверняка вернутся. А мы все это время будем знать, что они где-то там,

готовые вернуться и снова захватить нас, когда им заблагорассудится.

— Но ведь тебе все равно не предотвратить этого даже с помощью дьявольского оружия. Ведь с его помощью можно бороться с ганийцами только здесь, на Земле. Остальным же, тем, кто останется на Ганимеде, оно ничем не грозит, и, как ты сам говоришь, они все равно смогут опять напасть на нас в любой удобный момент.

В мыслях Перси появились веселые нотки.

— Это вовсе не так. Перед тем, как я включу машину, мой добрый друг Меккис намерен подключиться к групповому сознанию ганимедян, так называемой Великой Общности. И все, что случится с разумом Меккиса здесь, на Земле, одновременно произойдет и со всеми представителями правящего класса Ганимеда. А когда их не станет, то сущикам просто повезет, если они не скатятся до уровня каменного века. Сами посудите, доктор — на что способно тело, которому отрубили голову?

— Но как же человечество? — спросил Пол.— Ведь ты уничтожишь и его тоже.

— Эти ганийцы целиком зависят от своих сущиков, сами они очень слабы. Люди же, которые более-менее привыкли обходиться своими силами, со временем оправятся, зато ганийцы — никогда.— Перси помолчал, и Пол ощутил в его мыслях нечто вроде жалости по отношению к себе.— Надеюсь, док, что вы относитесь к разряду сильных людей. Если так, то мы с вами еще увидимся.

Маршал Коли медленно плыл через рубку флагманского корабля ганимедского космического флота. Шлем на голове соединял его через корабельный энцефалоусилитель с Великой Общностью родного мира и другими представителями правящей элиты, где бы они ни находились.

Группа разумов, лидеры часовой фракции, заговорили в голове Коли как единый голос.

— Эвакуация закончена?

— За одним исключением,— ответил Коли.— Меккис.

— Меккис? Меккис? — Великая Общность проверила себя и обнаружила отсутствие одного разума. Одного-единственного. Никто не захотел отказываться от участия в этом жизненно важном слиянии умов, даже больные, которым в некоторых случаях это дозволялось, сегодня присутствовали, добавляя свои мазки желтого страдания к радуге слившихся воедино разумов.

— Что с ним случилось? — спросила полиэнцефалическая общность.

— Превратился в аборигена,— сообщил им, вернее, не им, а «ей», Коли.— Но лично я без него скучать не буду.

— Мы тоже,— услышал он единый голос Совета.

— А вот мне его будет не хватать,— послышалась одинокая мысль несогласного с остальными майора-кардинала Зенси.

Выборщики окатили его волной утешения и сочувствия, на что он, к их удивлению, отреагировал с негодованием.

— Ракета готова? — снова послышалась коллективная мысль лидеров часовой фракции.

— Я как раз сейчас ее проверяю,— ответил маршал Коли. Он подплыл к сверкающему смертоносному цилиндру, установленному перед шлюзом и в стартовой позиции.— Посмотрите моими глазами, братья-ганимедяне, и увидите сами.— Коли почувствовал, как его глазами пользуется множество других ганимедян, видящих все, что видит он, чувствующих то же, что чувствует он. Они ощутят даже вкус, когда его язык коснется пусковой кнопки, отправляющей ракету.

Корабль чуть изменил траекторию полета, и от этого все члены экипажа, включая Коли, медленно отплыли к переборке. Маршал Коли, привычный к подобным вещам, не обратил никакого внимания на перемещение. Он в очередной раз с огромным удовлетворением перебирал в уме цепь событий, которые последуют за нажатием кнопки. Запущенная ракета быстро достигнет точки пространства неподалеку от Земли, но за пределами ее атмосферы. Там она ляжет на околоземную орбиту, постоянно находясь между Землей и Солнцем. Затем она начнет автоматически создавать электромагнитное поле, которое заставит солнечные лучи искривляться, обтекая Землю так, что на поверхность не упадет ни единый лучик. «Океаны промерзнут,— думал Коли,— до самого дна. Причем, не только океаны, но и атмосфера, сам воздух, которым дышат терране. Атмосфера выпадет на поверхность белым снегом, и на Земле останется столько же пригодного для дыхания воздуха, сколько его имеется на Плутоне».

Тогда, и только тогда излучаемое ракетой электромагнитное поле будет отключено, и солнечные лучи снова достигнут поверхности Земли. Атмосфера постепенно восстановится, сначала перейдет в жидкую, а затем снова в газообразную форму. Океаны оттают, планета мало-помалу, приблизительно за сто лет, снова станет пригодной для обитания. Ганимедяне вернутся и колонизируют ее, на сей раз заселив исключительно жизненными формами с родной планеты. Да, было ошибкой, решила Великая

Общность, сохранить жизнь местным существам в напрасной надежде, что из них могут получиться полезные сущики. И эту ошибку, если им когда-нибудь доведется обнаружить другие обитаемые миры, они никогда больше не повторят.

Отныне политика будет только такая: «Выключаем солнце. И ждем».

Коли прихватил кое-что с Земли, великолепный сувенир, память о человеческой расе. В связи с уничтожением этой расы сувенир вскоре станет невероятно дорогим. Полный комедийный телесериал «Три бездельника», вышедший на экраны еще до Третьей мировой войны. Он облизнул края ротовой щели, предвкушая, как ему будут завидовать друзья, когда он раз за разом станет прокручивать им эти фильмы на своей вилле на Ганимеде. «Что с того,— самодовольно подумал он,— что они немного поскучают? Я скажу им: „Вот на что было похоже земное человечество“,— и им придется потерпеть, да, придется. Они не смогут оспорить подлинные фильмы, которые снимали сами терранцы. И, волей-неволей, им придется сказать: „Коли, истребив эти создания с Земли, ты поступил совершенно правильно!“»

«Я вовсе не хочу убивать тебя,— думал Пол Риверз, его ладони, сжимающие холодный металл лазерного ружья, были мокры от пота.— Но если понадобится, я это сделаю».

— Понимаю,— сказал Перси Х. Он полусидел-полуприваливался к грубой, неровной поверхности скалы и смотрел, как бешено вращающийся мир медленно замедляет движение.

— Я следовал за тобой,— сказал Пол.— Я засек тебя с воздуха. Ты, должно быть, и вправду сильно устал. Ты даже телепатически не обнаружил нас.

— Да, я устал,— вздохнул Перси. Но Риверз видел, что к тому возвращаются силы, он начинает оценивать ситуацию, как великолепная, загнанная в угол большая кошка. Предводитель ниг-партов пристально оглядел Пола и его лазерное ружье, а потом перевел взгляд на ионокрафт, стоящий за его спиной. Затем он взглянул на Джоан Хайаси, которая опустилась на колени и внимательно рассматривала поверхность скалы.

— Привет, Джоан,— сказал Перси, но она не только не ответила на приветствие, но даже и не взглянула на него.

— Она нашла муравейник,— сказал Пол Риверз.— В последнее время она очень интересуется муравьями.

— Они очень возбуждены,— монотонно произнесла Джоан.— Чувствуют приближение чего-то необычного.

— Судя по твоим мыслям,— сказал Перси Полу Риверзу,— тебе так и не удалось уничтожить дьявольскую машину, хотя именно ради этого ты и явился сюда.

— Мы пришли сюда всего за несколько секунд до тебя,— ответил Пол.— Хотя я знаю, что она находится вон в той пещере.— Свободной рукой он указал на узкое отверстие соседней пещеры.— У меня в машине имеется металлотропный детектор. Но тебе его использовать не удастся. В крайнем случае, я поджарю тебя из лазерного ружья.

К этому времени дыхание Перси уже выровнялось, а взгляд еще совсем недавно безжизненных глаз снова стал внимательным и острым.

— Скажите мне, Пол,— медленно спросил он.— Вам когда-нибудь прежде доводилось стрелять в телепата?

— Пошли в ионокрафт,— приказал Пол, приподнимая ружье.

Не обращая внимания на приказ, Перси продолжал:

— Знаете, доктор, не так-то легко пристрелить человека, который может читать ваши мысли. За мгновение до того, как вы нажмете на курок, я могу сказать, куда именно вы собираетесь стрелять — причем еще до того, как вы прицелитесь.— Он улыбнулся и добавил: — И в самом ли деле вы собираетесь стрелять.

— Полезайте в ионокрафт,— повторил Пол Риверз, а сам подумал: «Допустим, он прав, допустим, я не смогу пристрелить его».

— Не думаю, что вы на это способны,— сказал Перси Х.— Опустите ружье, Пол. Мне хотелось бы причинить вам вред не в большей степени, чем этого хочется вам.

Пол уже некоторое время испытывал чувство нереальности, но не обращал на это внимания, принимая ощущение за последствия воздействия проектора иллюзий в непосредственной близости от себя. «Однако в этом случае,— сообразил он,— эффект должен был бы постоянно ослабевать, а не усиливаться, как это происходит сейчас».

— Я заметил то же самое,— сказал Перси Х.— Такое впечатление, будто что-то неладно со временем, как будто между прошлым и будущим не существует постоянной границы.— На лице у него застыло озадаченное выражение, глаза его бегали из стороны в сторону — он явно обдумывал проблему. Затем он внезапно, и явно испуганно, спросил: — Вы ведь знаете, что это означает, не так ли, Пол?

— Нет,— осторожно отозвался Пол, не сводя глаз со скорчившегося у стены предводителя ниг-партов.

— Я уже выиграл,— сказал Перси Х.— Где-то в нашем будущем. Я уже включил машину и, чем ближе мы к этому моменту,

тем сильнее начинаем ощущать ее воздействие. Разве Балкани не говорил, что пространство и время всего-навсего иллюзии, вызываемые избирательным вниманием? Ведь это все и объясняет, как вы не понимаете! И доказывает, что остановить меня попросту невозможно. *Я в любом случае включу эту машину.*

«Я могу сделать только одно,— в смятении осознал Пол Риверз.— Если я собираюсь не дать ему убить всех нас, я должен пристрелить его. Но я не могу этого сделать — не могу пристрелить безоружного и беспомощного человека».

— Беспомощного? — насмешливо переспросил Перси Х и попытался подняться на ноги.

Пол нажал на курок, но когда раскаленный луч прожег отверстие в скале там, где только что стоял Перси Х, тот уже переместился. За мгновение до выстрела он отпрыгнул в сторону, перекатился и снова оказался на ногах, только теперь уже в непосредственной близости от Пола.

— Теперь ясно? — спросил Перси Х, делая шаг вперед.

Что-то было не в порядке со светом. Он не падал, как обычно, прямо вниз — нет, сейчас его лучи, казалось, как-то искривились, образовав между ним и Перси Х светящийся конус. И в то же время Пол ощутил странное умственное оцепенение. Ему пришлось напрячься, сосредотачиваясь на том, что он собирался сделать.

Перси Х сделал еще один осторожный шаг вперед.

— Давайте, Пол, дружище. Пристрелите меня. Если сможете.

Пол снова выстрелил. На сей раз Перси, изящный и гибкий, просто чуть отклонился в сторону.

— Пол, дружище,— воскликнул Перси,— а знаете что? Сейчас Меккис настроился на меня, следит за вами моими глазами, готовый подключиться к ганимедскому групповому разуму перед тем, как я включу машину. Мы действительно хотим накрыть их, дружище, мы действительно хотим воздать им по заслугам. Он говорит мне, что пространство там, где он находится, тоже выглядит как-то странно, да и со временем не все в порядке. Пол, малыш, он говорит, у него был Оракул, который предсказывал, что все так и будет, значит, так тому и быть. Думаю, лучше ему поверить.

Перси сделал еще шаг вперед. Теперь он стоял всего в каких-нибудь девяти футах от Пола. «Один хороший прыжок,— прикинул Пол,— и он меня достанет».

— Совершенно верно, дружище,— заметил Перси, изготовившись к прыжку.

Пол выстрелил, но пламя лишь опалило рубашку Перси, потом выстрелил еще раз, но на этот раз и вовсе промахнулся.

Выстрелить третий раз он не успел. Перси Х нанес ему профессиональный удар, от которого Риверз рухнул в пыль, потеряв сознание. Последним, что увидел Пол, была Джоан Хайаси, которая склонилась над ним со словами:

— Осторожнее, ты чуть не раздавил муравейник.

«Как они неосторожны»,— подумала Джоан Хайаси. Она молча смотрела, как Перси Х берет лазерное ружье Пола и бросает его с обрыва. После этого огромный предводитель ниг-партов рассмеялся злорадным смехом победителя. Даже направляясь ко входу в пещеру, он все еще продолжал негромко посмеиваться.

Джоан снова уставилась на муравейник у своих ног. И вдруг нахмурилась.

Что-то обеспокоило муравьев. Вместо того чтобы как прежде стройными рядами бежать по своим делам, они начали бесцельно суетиться.

Раздался стон, и она удивленно подняла голову.

Пол Риверз с трудом поднимался на ноги, отчаянно мотая головой, чтобы хоть немного придти в себя. Он бросил взгляд в сторону выхода, заметил там Перси Х и, хотя все еще не оправился от удара, пошатываясь, бросился к Перси. Тот оглянулся, увидел приближающегося Пола и нырнул в пещеру. Через мгновение Пол тоже исчез в темноте. До слуха Джоан донесся шум борьбы, а потом приглушенный, дикий крик, вслед за которым наступила тишина.

Выждав немного и не услышав больше ни звука, она нагнулась, чтобы получше разглядеть муравьев. Внезапно рядом с ней упала птица, крылья ее все еще трепетали. Потом еще одна. И еще.

У Джоан мелькнула забавная мысль: «Пошел птичий дождик!»

В сознании маршала Коли мелькнула мысль одного из лидеров часовой фракции, мысль, в которой сквозило раздражение.

— Меккис подключился!

Коли пожал плечами. «Какая теперь,— подумал он,— разница?»

Он потянулся языком к пусковой кнопке, ничуть не встревожившись странным изменением освещенности и ощущением дежа вю, как будто он проделывал это уже не в первый раз.

«Должно быть, это просто возбуждение»,— решил он.

Потом ему показалось, что пусковая кнопка удаляется от него. Язык его вытягивался, стал длиннее тела и продолжал

расти, однако кнопка оставалась все так же далеко. В рожденном паникой озарении Коли предположил — и совершенно правильно,— что кнопка удаляется от него не в пространстве, а во времени.

«Что происходит?» — спросил он у Великой Общности и, как бы в ответ на свой вопрос, внезапно ощутил в себе сознание изменника Меккиса.

Меккис думал: «Ну, вот, великая и могучая Общность, я, Рудольф Балкани, убиваю тебя, и ты знаешь, что я убиваю тебя, и ты еще долго-долго будешь сознавать это. А ну, черви, убирайтесь-ка вы в камеру сенсорной изоляции!»

Пытаясь сообразить, кто он такой, Коли понял, что не может вспомнить своего имени. Он точно знал только одно: он не Меккис и не Балкани. Он кто-то, кто собирался нажать кнопку. «А-а, знаю,— сообразил он,— я — Перси Х!» И вдруг осознал, что находится в пещере, в недрах теннессийских гор, и тянется темным пальцем к кнопке на небольшой, но почему-то бесконечно могущественной машине.

А потом свет вдруг стал искривляться, искривляться и искривляться, сворачиваясь в зеленовато-серую трубу, превращаясь в туннель, по которому медленно, год за годом, двигался темный палец.

«Если решил воспользоваться этой штукой,— подумал он,— то не говори об этом мне. Не желаю этого знать».

А потом почувствовал, как в его, Перси-Коли-Балкани руку впивается игла.

Темный палец, добрался, наконец, до кнопки. За ним в немом ужасе следило бесчисленное множество глаз, а все звезды во вселенной возопили в болезненном восторге. Темный палец нажал кнопку, и армии сверкающих призраков стали то появляться, то исчезать, как в фильме, который прокручивают на проекторе с головокружительной скоростью: разные сцены накладывались одна на другую. Звучала и музыка, причем тоже в безумном темпе. Звуки были такими высокими, что расслышать их могли бы только некоторые животные. Но и он почему-то их слышал.

А потом палец сломался, и искривленный свет, неспособный выносить напряжения, тоже сломался, и когда звук внезапно исчез, а свет растворился в темном ничто, в пустоте мелькнула его последняя мысль: «Кто же я?»

Превращаясь в темноту, он не смог ответить на собственный вопрос — ведь темнота не может говорить. И думать. И чувствовать. Она может лишь видеть.

14

У себя в комнате, лучшей во всем отеле, Гас Свенесгард стоял перед треснутым зеркалом на комоде и чокался с собственным отражением дорогим, еще довоенным скотчем «Катти Сарк».

— За будущего владыку мира! — провозгласил он и залпом осушил высокий надтреснутый стакан. Уже начал проявляться эффект необычного освещения — поле зрения резко сузилось, а свет вдруг посерел. Однако Гас не обратил на это внимания, сочтя это результатом солидной порции выпитого.

«Да, это пойло,— подумал он с пьяным одобрением,— забирает что надо!»

В этот момент свет погас.

«Надо бы вызвать Тома-электрика»,— с раздражением подумал он.

Но когда он попытался крикнуть, ничего не произошло. Такое ощущение, понял он, будто у него нет не только голосовых связок, но и губ, и языка. Он попытался поднять руку и коснуться лица... Но обнаружил, что и рук у него нет.

Кроме того, обнаружил он, отсутствуют и ноги, и тело.

Он прислушался, но в темноте не расслышал ни единого звука. Даже биения собственного сердца. «Боже мой,— подумал он,— да я же мертв!»

Он напряженно пытался ощутить хоть что-нибудь, пусть даже это будет проблеском его собственной мысли. Однако единственное, что ему удалось, так это вспомнить смутный расплывчатый образ того, что он видел в момент, когда исчез свет: свое собственное отражение в старом треснутом зеркале.

Теперь, ощущая себя не личностью, а бесплотным духом, он вперился в собственное псевдоотражение и ощутил внезапное и глубокое отвращение. Вся эта избыточная плоть, эта вечно потная, омерзительная жирная плоть! Он отшатнулся от нее, с облегчением наблюдая, как она становится все тоньше и тает вдали.

Его охватило чувство необычайной свободы, как будто теперь он, освободившись от своего физического тела, мог беспрепятственно отправиться куда угодно сквозь пространство и даже время.

«Так вот, значит, каково это,— сказал он себе,— быть ангелом».

«Произошла ужасная ошибка»,— подумал во тьме Меккис.

Это никоим образом не походило на то, чего он ожидал на основании «Терапии небытия» доктора Балкани. Он ожидал ка-

ких-то ужасов, галлюцинаций, разнообразных гротескных и фантастических образов, или, возможно, световых эффектов, каких-нибудь вращающихся разноцветных дисков. Все, что он читал в работах, книгах и монографиях Балкани, плюс то, что он слышал о проекторах иллюзий, используемых ниг-партами...

«А вот ничто,— подумал Меккис.— А ничто — это неправильно».

Еще болезненнее, чем сами ощущения, была мысль о том, что Балкани оказался неправ, коренным образом неправ.

«И зачем я только так обманывал сам себя? — недоуменно спрашивал он сам себя.— Ведь я не Балкани. Я даже не червь по имени Меккис. Я всего лишь часть, а не целое: я — один из органов необъятного существа, называемого Великая Общность, только я орган, больной раком, и теперь я, наконец, убил то целое, частью которого являлся».

Без помощи сущиков ни один ганимедянин из правящего класса не сможет продержаться и нескольких дней. А в этой темноте ни он, ни кто-либо другой не сможет позвать ни единого сущика.

«Это смерть,— подумал Меккис, смерть для всех нас.— Но я представлял ее совсем не такой. Я думал, что смогу насладиться муками своих недругов из Общности, верил, что это будет величественный и зрелищный конец, вроде заключительных аккордов торжественной симфонии. Но все оказалось не так.

Это просто ничто, абсолютное ничто. И я в нем совершенно одинок».

Где-то в пустыне сознания ганимедского администратора вдруг послышался едва различимый шепот: «Твоя смерть... будет гораздо хуже». Оракул. И он говорил правду.

«Я не справился,— подумал Пол Риверз, лежа во тьме.— Я уже схватил его за глотку, но он оказался слишком силен, и мы схватились слишком близко от машины. Он каким-то образом ухитрился дотянуться и включить ее. И теперь наконец часы остановлены».

Однако Пол не стал впадать в панику. Еще не время сдаваться. Он постарался расслабиться и вернуть себе ясность мысли. Поскольку сейчас его ничто не отвлекало, это оказалось довольно просто.

«Такое впечатление,— наконец решил он,— что моя автономная нервная система справляется с телом вполне удовлетворительно. Сознание все еще функционирует, находится под влия-

нием каких-то внешних факторов, берущих начало в физическом теле. Мое тело, как и сознание, также вполне дееспособно, хотя с уверенностью такого утверждать нельзя, поскольку, возможно, это лишь приказы моего мозга».

Для пробы он велел своей руке двинуться в направлении машины, но тут же столкнулся с новой проблемой: теперь он не знал, где верх, а где низ, не говоря уже о том, где находится машина. Лишенный осязания, он не мог действовать.

«И все же,— подумал он,— если я буду ощупывать пространство, то у меня хорошие шансы, что в конце концов я нащупаю машину, смогу стукнуть по ней, и, возможно, повредить. Это, насколько мне помнится, довольно хрупкое устройство».

Довольно долго Пол Риверз был занят тем, что посылал сигналы своему телу, приказывая ему повернуться, шевельнуть ногой, взмахнуть руками. Насколько он мог судить, ничего не происходило — он даже не чувствовал опоры под ногами. Похоже, что даже сила притяжения — явление исключительно повсеместное — больше не действовала.

И тут он ощутил нечто вроде легкого головокружения.

«Должно быть, это свидетельство усталости»,— мелькнула надежда, и он с новой силой возобновил свои попытки. Но ничего по-прежнему не происходило.

«Чем дольше машина будет включена,— сообразил он,— тем больше вреда она принесет. Ее воздействие имеет концентрический характер, и Бог знает, где оно ослабевает и исчезает. Нужно что-то придумать».

Тут ему в голову пришла одна мысль.

Согласно теориям Балкани, Джоан Хайаси, поскольку она не принадлежала к коллективной реальности благодаря «Терапии Небытия», должна быть невосприимчивой к воздействию машины. «Это означает,— сообразил он,— что Джоан может отключить ее».

Он приказал своему голосу крикнуть, а губам — сложить слова:

— Джоан! Выключи машину! — Он снова и снова посылал приказы своему телу, совершенно не представляя, издаёт он при этом какие-нибудь членораздельные звуки или нет. Он не прекращал своих усилий на протяжении, как ему показалось, целого часа... Но тьма не отступала.

И снова пауза... Ключ, если таковой вообще существовал, был сокрыт где-то в теориях Балкани. Но где именно? «Жаль,— сказал он себе,— что я не изучал „Терапию небытия“ и „Теорию центра“ более внимательно, лишь пробежал их глазами. „Теория центра“. Возможно, в ней-то все и дело».

Согласно «центральной» гипотезе Балкани, существовала некая «центральная точка», через которую осуществлялся контакт любой частицы материи с любой другой частицей, независимо от разделяющего их расстояния. Именно через эту центральную точку осуществлялись телепатические контакты на больших расстояниях. На основании своей теории Балкани смог обучить довольно значительное число людей — вроде Перси Х — проникать в сознание других на значительном расстоянии. Но, в действительности, теория предполагала, что при соответствующих условиях любой человек способен установить телепатический контакт. Ведь все мы так или иначе связаны с «центральной точкой».

«Это означает,— сообразил Пол,— что и я могу выступать в качестве телепата, по крайней мере, теоретически. При условии, что Балкани был прав».

Его мысли снова вернулись к Джоан Хайаси. Разумеется, он не мог быть уверен, что машина не воздействовала на нее. Но если нет, то в настоящий момент она, возможно, являлась единственным существом в системе, с которым имело смысл вступать в контакт. Пытаться же вступать в контакт с кем-либо еще означало разделить его слепоту, слить свою слепоту со слепотой других.

Как там Балкани писал насчет формирования личности? Она, мол, образуется благодаря избирательной осведомленности. «Я — Пол Риверз,— наконец осознал он,— поскольку ничего не знаю об ощущениях кого-либо другого, например Джоан Хайаси. В обычных условиях мои собственные ощущения заглушили бы все, что я мог бы воспринять от нее. Но сейчас, когда у меня какие-либо ощущения полностью отсутствуют, даже самые смутные ее ощущения должны восприниматься гораздо сильнее, чем мои собственные».

Он начал с того, что попытался почувствовать себя женщиной.

«Я маленький, хрупкий, легко ранимый,— убеждал он себя.— Я воспринимаю действительность скорее как инь, нежели как ян. Я чувствительный, изящный, грациозный».

Вскоре он понял, что воображать все это, если как следует убедить себя в необходимости, совсем нетрудно, поскольку не мешают внешние раздражители.

«А теперь,— решил он,— когда я стал женщиной, я должен индивидуализировать ее, стать не какой-то, а вполне определенной женщиной. И я отлично знаю, какие именно черты характера определяют сущность Джоан. Это отстраненность от окружающего мира. Она, похоже, самая отстраненная ото всего женщина

на планете. Поэтому я, чтобы стать ей, тоже должен отстраниться ото всего, причем настолько, что даже судьба всего человечества должна стать мне безразлично».

«Интересно, как легко расщепляется моя личность»,— отметил Риверз. Он всегда думал, что такое под силу исключительно шизофреникам, но в действительности все оказалось необычайно просто — по крайней мере, в том мире, который сейчас его окружал.

«С другой стороны,— с мрачным удовлетворением подумал он,— может, я и впрямь шизофреник, только никогда этого не замечал».

Потом, совершенно внезапно, он что-то почувствовал. Очень слабое, и все же почему-то жизненно важное ощущение. Он тут же понял, что источник ощущения находится за пределами его воображения. Холод. И давление. Он на чем-то сидел. На чем-то твердом. Ощущение было слишком острым, чтобы быть воображаемым. Да, он действительно был женщиной. И, открыв глаза, он понял, что эта женщина — Джоан.

По земле перед его глазами бесцельно ползали взад и вперед муравьи, совершенно дезорганизованные. Некоторые из них лежали на спинках и беспомощно дрыгали лапками, другие слепо метались из стороны в сторону. Стемнело, следовательно, прошло немало времени, возможно, несколько часов. Джоан сидела, слушая то нарастающий, то затихающий вой и плач диких зверей, который эхом отдавался в окрестных лесах, и Пол ее ушами тоже слышал их стоны. Он ощущал удовольствие, которое она испытывала от этих звуков, чувствовал, что она наслаждается ими, как музыкой. Он понимал, насколько равнодушна она к страданиям несчастных созданий. Его охватило такое отвращение, что он едва не прервал контакт, не разорвал ту тончайшую нить, которая связывала их сознания.

«Не мое дело,— осознал он,— судить Джоан». А разобравшись, он понял, что снова воспринимает окружающее через ее чувства и мысли. Это оказалось самым непривычным. Ее мысли напоминали мысли существа, которое родилось на совершенно иной планете, настолько чуждыми они ему показались. И все же в них присутствовало нечто знакомое.

«Значит, и я, отчасти, в глубине души испытывал подобные чувства,— подумал он.— Это та часть меня, которая всегда предпочитала наблюдать, а не действовать».

«Ладно, Джоан,— подумал он.— Смотри». Он послал мысленный приказ правой руке девушки, веля ей подняться. Рука чуть заметно дрогнула, но осталась на месте.

«Ну, помоги же мне, Джоан»,— в отчаянии подумал он, вложив в эту мысль всю свою волю.

И она помогла. Ее правая рука поднялась и замерла перед лицом. Джоан уставилась на нее с удивлением и восторгом, думая, что движение произошло само собой. У девушки не было ни малейшего желания сопротивляться. Какие бы приказы он ни отдавал ее телу, оно послушно подчинялось, а его хозяйка просто наслаждалась ощущением того, что кто-то незримый овладел ее телом.

Он велел ее телу встать. Оно встало. Он велел пойти к пещере. Оно пошло.

«Насколько же сильное ощущение,— подумал Пол,— чувствовать реальность через тело и систему восприятия другого человека. Мне постоянно приходится делать скидку на ее меньшие габариты и меньший вес, равно как и на особое строение ее тела». Он уже вошел в пещеру... И остановился, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в кромешной темноте. Когда глаза немного привыкли к темноте, он увидел нечто, потрясшее его куда сильнее, чем что-либо виденное за последние дни. Он увидел самого себя.

Тело Пола Риверза лежало рядом с телом Перси Х. Только тело Пола Риверза дышало. А вот тело Перси Х — нет.

«Неужели это я?» — спросил себя Пол. Оба тела были покрыты кровью, и Пол, пережив первое потрясение, наконец, сообразил, что произошло. Когда машина заработала, Пол вцепился в Перси Х. Когда же Риверз начал буйствовать, пытаясь разбить машину, вместо этого он яростно бил и пинал Перси и в конце концов забил его до смерти. Причем ни тот, ни другой не имели ни малейшего понятия, что происходит.

Правда, и сам он не остался невредим. Пол, используя тело Джоан, нагнулся, пытаясь рассмотреть тела поподробнее. Все пальцы у него на руках были сломаны, а руки сплошь покрыты ранами и ссадинами. Пол в бессильной ярости молотил ими по каменному полу пещеры.

Он осторожно двинулся вперед, протянул руку и выключил машину.

И его тут же пронзила острая боль!

Стоило только машине смолкнуть, как он снова очутился в своем искалеченном теле, а его мозг буквально изнемогал под градом болевых сигналов из множества пораненных мест на теле.

К счастью, всего через несколько мгновений сознание покинуло его.

— Они мертвы,— с тяжелым вздохом сказал сущик-медик.— Лишенные конечностей члены элиты все до единого мертвы.— Он бросил взгляд в иллюминатор на другие корабли, бесцельно дрейфующие по соседству. Вдалеке виднелась планета Земля, по-прежнему зеленая, по-прежнему напоминающая спелую сливу, которую оставалось только сорвать. Если, конечно, у кого-то возникло бы желание завоевать планету.

— Но почему? — робко спросил один из сущиков-навигаторов.

Сущик-медик лишь пожал плечами.

— Что-то воздействовало на них через Великую Общность. Когда оно достигло маршала Коли, я как раз находился с ним в телепатическом контакте. И успел рассмотреть это: глубокая, бесконечная тьма. Я, естественно, тут же разорвал контакт. В противном случае я бы погиб вместе с маршалом.

— Но почему же маршал Коли сам не разорвал контакт с Великой Общностью? — спросил второй сущик-навигатор.— Ведь, в таком случае, он спас бы собственную жизнь.

Сущик-медик наконец оторвался от иллюминатора.

— Представители правящей элиты так не поступают. В трудные моменты они сливаются в полиэнцефалическом единстве. В данном случае, чем больший страх охватывал их, тем сильнее они стремились раствориться в мысленном единстве, делая себя уязвимыми той зловещей силе, которая достала их через Великую Общность.

— Да, это слабость, которая нам ни к чему,— задумчиво заметил один из сущиков-офицеров.

Уловив в словах юного сущика-офицера самоуверенные нотки, сущик-медик улыбнулся. Будь маршал Коли жив, он никогда не осмелился бы говорить в подобном тоне. «Молодежь,— вдруг осознал сущик-медик,— со временем приспособится и перестроится. Остается надеяться, что им не придет в голову начинать межпланетные войны. Однажды эта ошибка была сделана, и одного раза вполне достаточно».

— Давайте вернемся домой,— заметил сущик-медик, и остальные тут же начали готовить огромный корабль к обратному перелету.

«Теперь,— мрачно подумал сущик-медик,— нам предстоит самим отвечать за себя».

Эта странная и совершенно новая мысль здорово приглянулась ему, привлекла и в то же самое время наполнила его ужасом. «Теперь, когда мы обрели свободу,— подумал он,— остается надеяться, что она не окажется для нас слишком тяжелой ношей».

15

Когда в глаза ему ударил ослепительный свет, Гас Свенесгард лишь глупо заморгал.

Охватившее его чувство облегчения было столь сильно, что он просто лежал, шепча молитву своему всемогущему Богу. Благодарственную молитву. Но потом его захлестнула волна паники. «Интересно,— подумал он,— я все еще один или нет?»

Он поднялся с постели и подошел к окну. Там, снаружи, в вечерних сумерках лежала знакомая пыльная улица, вот только не видно было ни единой живой души. С каждой секундой ужас в его душе нарастал. Он поспешно выскочил в коридор отеля и крикнул: — Есть кто-нибудь?

— Я здесь, босс,— послышался голос одного из верных Томов. Он доносился из-за поворота коридора. Гас бросился на голос.— Ты жирный и злой,— сказал Том, когда они оказались лицом к лицу, глядя друг на друга в упор,— но все же ты лучше, чем ничего.— Его голос прерывался от волнения.

Гас сказал:

— Ты ленивый, как старый пес, и мерзкий, как жаба. Но я еще никогда в жизни не видел ничего приятнее твоей рожи! — Тут они оба зашлись едва ли не истерическим хохотом, а вокруг захохотали другие. Дверь одного из номеров открылась, потом другая. Постояльцы один за другим выползали в коридор, приветствуя друг друга.

Оказавшийся в самом центре этой бурлящей человеческой массы, Гас крикнул:

— Сейчас же распоряжусь, чтобы все эти двери сняли с петель! Это будет первый в мире отель без дверей! «Они любят меня,— с благоговейным трепетом осознал Гас.— Они и в самом деле любят меня! Стоит только посмотреть, как каждый из них старается обнять меня. А вот эта старая леди так и вообще поцеловала. Да, пожалуй, свершилось самое настоящее чудо любви. Должно быть, это Божье послание любви всему человечеству».— Эй! — крикнул Гас, перекрывая гвалт в коридоре.— А как вам понравится, если я стану королем?

Один из Томов откликнулся:

— Можете становиться кем захотите, прах вас разбери, мистер Гас. Только позвольте мне как следует наглядеться на вас!

К нему присоединились другие голоса.

— У-р-р-ра королю Гасу! Да здравствует король Гас! Гаса — в короли!

Гас с трудом выбрался из толпы и затопал через вестибюль к видеофону. Дрожа от возбуждения, роняя монетки, которые со звоном разлетались по полу, он дозвонился до ближайшей телестудии.— Говорит Гас Свенесгард,— возвестил он.— Я хочу купить час вашего самого лучшего времени с трансляцией через спутник на весь мир... Скажем, завтра вечером.— Его соединили с директором студии, и он повторил ему свое требование.

— А от чьего имени вы выступаете? — спросил директор.

— Я — исполняющий обязанности главы территории Теннесси,— резко заявил Гас.

— Вы способны заплатить за наше эфирное время? — Директор студии назвал приблизительную сумму.

Гас растерянно заморгал и промямлил:

— Д-да, к-конечно.— Сумма была астрономической и грозила разорением. Но дело того стоило.

— Значит, решено,— сказал директор студии.— Сейчас мы готовы выпустить в эфир кого угодно, лишь бы это был человек. С того момента, как снова появился свет, здесь творится черт знает что. Знаете, что здесь сейчас делается? Наш лучший ведущий новостей сейчас раздевается перед телекамерами и орет: «Я люблю вас всех!» И, думаю, через минуту он сделает еще что-нибудь более безумное, например, начнет говорить правду.

— Так значит, вы выделите мне эфирное время? — не веря собственным ушам, спросил Гас.

— Само собой. Но оплатить его придется авансом до начала передачи.

— И транслировать вы будете на весь мир?

— Даже не сомневайтесь.

— Ур-ра! — воскликнул Гас.

— Эй, послушайте,— попросил директор студии.— А вы не могли бы крикнуть «Ур-ра» еще разок? Первый раз слышу, чтобы человек был так счастлив.

— Урр-рра! — снова закричал в видеофон Гас.

— А почему бы вам ни прихватить супругу и не поужинать с нами перед началом передачи? — спросил директор студии.— Уверен, что мое семейство с удовольствием познакомится с исполняющим обязанности главы территории Теннесси.

— Да у меня жены-то нет,— сказал Гас.— Понимаете...

— Ничего страшного. Можете жениться на моей старшей дочери. Уверен, после того, что произошло, вы покажетесь ей просто красавцем независимо от того, как выглядите на самом деле.

— В любом случае, ловлю вас на слове по поводу ужина,— сказал Гас, поблагодарил собеседника и отключился. «Они лю-

бят меня,— снова подумалось ему.— Все люди в мире меня любят».

Зазвонил видеофон. Стоящий рядом Гас ответил на вызов.

— Гас Свенесгард? — спросил чей-то голос. Экран оставался темным. Впрочем, этот видеофон в отеле и раньше, бывало, выкидывал подобные шутки. Это его не удивило.

— Да, это я, Гас.— Голос показался ему знакомым. Однако он никак не мог сообразить, с кем говорит. Было в этом голосе нечто странное и пугающее. От волнения по дряблому телу Гаса побежали мурашки.

— Значит, хочешь стать королем, да? — В голосе говорящего слышалось только презрение, холодное и безжалостное презрение.

— Само собой,— ответил Гас, внезапно утративший уверенность в себе. «Ну вот,— с упавшим чувством осознал он,— и нашелся человек, который меня не любит».

— Я знаю тебя, Гас Свенесгард,— заявил голос.— Причем, знаю лучше, чем ты знаешь сам себя. Ты не способен справиться даже со своим собственным обжорством. Так как же ты собираешься управлять другими людьми, если не в состоянии совладать с самим собой?

— Да ведь я ничем не хуже, чем...— осторожно начал Гас.

— Но разве это причина называть себя «королем»? Только потому, что ты ничем не хуже всех остальных? — Голос стал тверже и жестче.— Ты — всего-навсего клоун, Гас, ты — просто надутая деревенщина, низкопробный клоун.— Голос был неумолим.— Ты — лицемер. Эгоманьяк. Расист надутый, с задницей, размером в свиное рыло.

Напуганный Гас заметил:

— А в-в-вы, собственно, кто такой?

— Ты что, меня не узнаешь?

— Черт, конечно, нет! — С ним никто никогда не разговаривал подобным тоном, по крайней мере, уже давным-давно.

— Ты же присутствовал при моем рождении. Неужели не помнишь? В бездонной темноте, в полнейшей тишине.

— Слушай, ты придурок, что ли? — Его голос дрожал.

— Да, представляю, как тебе хотелось бы низвести меня до уровня обычного придурка! Я представляю себе ход твоих мыслей. Я знаю, что ты думаешь, Гас, как ты делишь людей на хороших и плохих, спасенных и обреченных. И, само собой, ты представляешь себя одним из спасенных.

— Я — добрый христианин,— наконец овладев собой, пробормотал Гас.

— Ты считаешь,— невозмутимо продолжал голос,— что плоть грешна, и что ты не в состоянии избежать греха плоти. Ты не в состоянии прекратить постоянные, непрекращающиеся функции своего тела, функции, которые ты считаешь грязными и греховными, неприличными, и поэтому ты живешь в постоянном грехе. Ты просто отвратителен, Гас, как мне, так и всем остальным. В основном, самому себе. Ты никогда не станешь королем, Гас, поскольку у тебя есть могущественный враг, который будет мешать тебе во всех начинаниях, во всех попытках. По мере того, как ты будешь предпринимать что-либо, он будет срывать твои попытки.

— Но кто он? — воскликнул Гас, приходя в ужас.— Кто же будет так упорно бороться со мной?

— Я! — ответил голос. И видеофон отключился.

Гас, отходя от умолкшего аппарата, услышал доносящиеся из коридора взрывы хохота. На мгновение ему показалось, что смеются над ним. Но, естественно, это было невозможно.

«Должно быть, какой-то придурок,— с дрожью подумал он.— Не стоит обращать внимания».

Но услышанное по видеофону все еще тревожило его, жгло подобно раскаленному ножу, не давало ему покоя. При всем желании он не мог выкинуть чужие слова из головы.

«У меня куча дел»,— сказал он себе. И опрометью бросился в комнату, чтобы набросать свою будущую речь, которую предстояло озвучить по телевидению... А заодно и прикончить бутылку «Катти Сарк».

Когда Пол Риверз с перевязанными руками и шинами на всех пальцах вышел из кабинета врача, Джоан по-прежнему сидела в приемной.

— Тебе незачем было дожидаться меня,— сказал он.— Я бы и сам справился. «Однако,— подумал он,— я рад, что ты дождалась меня». Сам бы он не справился. Да и не было ни малейшего желания решать проблемы самому. И они оба знали это.

Джоан открыла дверь и проводила его в вестибюль. Он понял, что она заметила его хромоту, и попытался идти нормально. «Не хочу,— осознал он,— чтобы она испытывала ко мне жалость... Хотя это и глупо. Она наверняка не испытывает ко мне никаких чувств — ни тех, ни иных. Это одна из составляющих ее состояния, она просто не может не быть равнодушной к подобным вещам».

Она втащила его бесчувственное тело в ионокрафт, оказала первую помощь и доставила сюда, к врачу. Она не оставила его умирать в пещере, хотя и вполне могла бы.

Когда они вошли в лифт, Джоан неуверенно заметила:

— Пол, я...— и запнулась. Дверь лифта закрылась, и дальше они спускались в молчании. Наконец она продолжила: — Мне все казалось таким странным — там, в горах, когда я вдруг ощутила себя тобой. Хотя, с другой стороны, быть тобой оказалось не так уж и странно. Как будто какая-то часть меня — так я чувствовала — какая-то часть меня всегда была тобой.

Дверь лифта скользнула в сторону, и они вышли в вестибюль больницы. Пол сказал:

— Оказавшись твоей частью, я чувствовал то же самое по отношению к тебе.— Они вышли из лифта и пробрались через толпу беснующихся, кричащих, и с виду совершенно счастливых людей, которые то и дело хватали их за руки и обнимали. Пол не имел ничего против, даже несмотря на свои переломы и ссадины, хотя и испытывал болезненные ощущения. У выхода толпа поредела, и они с Джоан снова смогли услышать друг друга.

— В каком-то смысле,— сказала Джоан,— ощущать себя тобой было довольно-таки неплохо. Настоящим, живым, беспокоящимся о других людях человеком. Но теперь, конечно, уже слишком поздно.

Пол остановился и пристально взглянул на нее. Ее глаза увлажнились, и теперь в них отражались лишь вечерние огни. «Должно быть, это всего лишь галлюцинация,— с удивлением подумал он.— Это не может быть ничем иным, кроме как галлюцинацией. Не может быть, чтобы Джоан Хайаси плакала! Это просто невероятно».

— У меня есть проблема,— задумчиво сказала Джоан, отвернувшись от него.— У меня ничего нет, и я ничего не хочу. Я достигла той степени отрешения от действительности, к которой на протяжении многих столетий стремилось столько святых людей, и вот... Теперь мне все равно.

— Джоан,— сказал он, не сумев скрыть волнения.— Неужели ты сама не замечаешь противоречия в том, что говоришь? *Наверняка, ты чего-то хочешь!*

— Да, хочу. Но только мне никогда этого не получить! — В ее голосе звучала безнадежность.

— Ничего подобного.— Он ласково коснулся ее плеча перевязанной правой рукой.— Уже то, что ты захотела вернуться в мир реальности, разделенной с другими людьми, говорит, что битва наполовину выиграна. И теперь, поскольку ты хоть чего-то захотела, я могу помочь тебе. Естественно, если ты мне поможешь.

— Так ты научишь меня? — В ее вопросе слышалось уже гораздо меньше серых тусклых ноток безнадежности.

— Я научу тебя, как быть вместе с людьми. А ты можешь научить меня одиночеству.

— Мы с тобой,— с удивлением заметила Джоан,— располагаем всем, чем нужно. Разве нет? — Она вдруг привстала на цыпочки и чмокнула его в щеку.

Беззаботно рассмеявшись, Пол подскочил к краю тротуара с криками:

— Такси! Такси!

Все такси были заняты, поэтому им пришлось простоять довольно долго. Но это совершенно не беспокоило их: и Полу, и Джоан это казалось совершенно естественным.

Большинство запахов практически не беспокоили ко всему привычного Гаса Свенесгарда, но вот по какой-то непонятной причине едва уловимый запах озона, электричества в телестудии страшно раздражал. «Вообще-то могли бы,— распаляясь, подумал он,— время от времени здесь и проветривать». Но, возможно, раздражение было вызвано тем, что ему предстояло.

К передаче он как будто готов. Гас лично проследил за размещением шпаргалок, по которым ему предстояло читать заранее подготовленную речь. Он же лично выбрал трогательную, патриотичную музыку, которая должна была негромко звучать во время его выступления.

Он лично написал тексты информационных сообщений, чтобы передавать в эфир на протяжении всего дня, готовя мир к великому моменту.

Бросив взгляд в сторону входа в студию, Гас увидел только что появившегося доктора Пола Риверза с держащей его под руку Джоан Хайаси. По перевязанным рукам доктора Риверза и его легкой хромоте Гас догадался, что с тем произошел какой-то несчастный случай. Возможно даже, как результат чрезмерных возлияний по случаю праздника. Улыбаясь своей самой лучшей улыбкой прожженного политика, Гас двинулся им навстречу, чтобы поприветствовать.

— Эй,— дружелюбно начал он, довольный тем, что увидел друзей,— не замечаете, какой здесь странный запашок? Или, может, это у меня от волнения? — Он нервно уставился на Пола Риверза, ожидая от того профессионального ответа.

— Нет, лично я ничего не заметил,— весело ответил Пол Риверз.

— Ну конечно, вам ведь никогда не приходилось управлять гостиницей,— нахмурившись, отозвался Гас.— У меня в отеле я бы ничего подобного не допустил. А то постояльцы начали бы жаловаться.— И тут его пронзило острое чувство, что Пол Риверз, возможно, просто потешается над ним. Он подозрительно взглянул на доктора. Но нет, на лице Пола не было и тени усмешки. «Похоже,— подумал Гас,— это у меня от волнения перед выступлением». Он вытер пот со лба — как всегда, в сложные моменты жизни его дряблая плоть начала обильно источать влагу.

— Вам начинать через пять минут,— сообщил очкастый техник.— Имейте в виду, мистер Свенесгард — через пять минут.— С этими словами техник умчался прочь.

— Может, примете успокоительное? — предложил Пол.

— Нет-нет, я в порядке,— пробормотал Гас. Он нервно развернулся и отправился в гримерную, выделенную ему телевизионщиками, где с облегчением приложился к бутылке любимого бурбона «Эрли Таймс». «Вот это и есть,— с облегчением подумал он,— единственное успокоительное, которое требуется Гасу Свенесгарду».

Дверь открылась. Гас поспешно спрятал бутылку за спину.

— Четыре минуты, мистер Свенесгард! — объявил очкарик-техник.

— Вали отсюда,— проворчал Гас.— Ты меня нервируешь.

Техник исчез, но Гас с мрачной уверенностью понял, что вскоре парнишка появится снова, чтобы возвестить «Три минуты, мистер Свенесгард!» Поэтому он покинул гримерку и уселся за широким современным столом, установленным перед телекамерами.

У него за спиной висел старый, еще довоенный флаг Объединенных наций. Впервые с начала оккупации Земли ганимедянами этот флаг выставлялся на всеобщее обозрение. «Неплохая задумка»,— сказал себе Гас.

— Три минуты, мистер Свенесгард.

В этот момент Гаса охватило мрачное чувство, что за ним наблюдают. «Кто-то,— подумал он,— пялится на меня». Гас обвел студию взглядом. Ну, точно, в студии полно народу, в том числе Пол Риверз и девка-япошка, и все они уставились на него. Не говоря уже о проклятых камерах. Но дело было не в этом.

«А, кажется, я знаю, в чем дело,— сказал он себе.— Да, это на меня сейчас смотрят все люди мира. Все население этой чертовой планеты — вот кто сейчас на меня пялится».

Разум его удовлетворился таким объяснением, но вот душа — нет. Противное чувство не покидало Гаса, вселяя в душу едва ли не страх, которому не было рационального объяснения.

— Две минуты, мистер Свенесгард,— снова объявил очкарик.

Тут Гасу, наконец, удалось локализовать источник необъяснимого страха. Он исходил оттуда, где на специальной подставке были закреплены его шпаргалки. Но возле них в радиусе десяти футов не было ни единой живой души.

— Одна минута, мистер Свенесгард.

Гасу вдруг больше всего на свете захотелось вскочить и броситься вон из студии. Интуиция буквально вопила, что продолжение приведет к настоящей катастрофе. Однако было уже слишком поздно: камеры уже наведены на него, засветилась надпись «ВНИМАНИЕ, ИДЕТ ПЕРЕДАЧА», и в студии воцарилась мертвая тишина.

«В этой студии,— в панике подумал Гас,— находится кто-то или что-то, нацелившееся прикончить меня».

Ведущий тем временем начал представлять Свенесгарда. Рядом со шпаргалками стоял техник-очкарик, готовый переворачивать их одну за другой... А, может, это был вовсе и не он? Вокруг подставки со шпаргалками собиралась какая-то странная разновидность темноты. Еще мгновение назад Гас с легкостью мог различить человека в очках, а теперь не мог.

Гас потряс головой, пытаясь стряхнуть с глаз пелену, но все было бесполезно. «А вдруг,— с трепетом подумал он,— я не смогу разобрать, что написано на шпаргалках?» Но, к счастью, тексты на карточках оставались ясно различимыми. Что же до периодически то исчезающего, то появляющегося техника, то в принципе, в студии было довольно темно, а большинство ламп направлено прямо на Гаса. Яркий свет слепил его, заставляя моргать и щуриться. Вполне возможно, эта загадочная тьма — просто следствие такого освещения.

Оператор одной из трех камер поднял палец. Он в эфире!

Как загипнотизированный, Гас вперился взглядом в шпаргалки и начал:

— Леди и джентльмены, добрый вам вечер или доброе утро! А, может, и день! Это зависит от того, где, будь оно неладно, вы проживаете на этой нашей великой, чудесной планете, в свое время дарованной нам Господом, а теперь снова возвращенной нам Божественным Провидением. Я — ваш сосед и управляю скромной тихой территорией, находящейся в южной части США, про которую вы, может, слыхали. Там, коли помните, были все

эти беспорядки с ниг-партами. А зовется эта территория очень просто — Теннесси. Ну, я и решил переговорить с вами по телику запросто, так сказать, неформально, как сосед с добрыми соседями насчет мирового положения, в котором, отчасти благодаря предпринятым мной усилиям, мы с вами очутились.

Режиссер в аппаратной взглянул на управляющего студией, и оба улыбнулись. Гасу с того места, где он сидел, было их видно. «Интересно, что же, черт побери, тут такого смешного?» — со злостью подумал он.

— И теперь,— решительно продолжал он,— когда этих самых долбаных червяков наконец-то выперли, а ниг-парты убрались с гор, нам предстоит здорово попотеть, чтобы подчистить весь мусор, что накопился за время оккупации. Может, глядя сейчас на меня, вы и не думаете...

В Париже бородатый владелец кафе уже протянул руку, чтобы выключить телевизор, из которого доносилась заранее переведенная речь Гаса.

— Ну и дерьмо,— пробурчал француз.

В Риме Папа принялся переключать каналы в надежде найти какой-нибудь добрый старый вестерн.

В Киото пожилого японца, мастера дзена, разобрал такой смех, что он буквально зашелся в икоте.

В Детройте, штат Мичиган, сборщик ионокрафтов просто швырнул в экран банку из-под пива.

Однако не подозревавший обо всем этом Гас продолжал:

— ...может, конечно, вы и думаете, что для такого дела лучше бы подошел какой-нибудь крутой вояка. Так ведь наши вояки не справились и, более того...

Что-то пошло неправильно. Речь вроде бы звучала не совсем так, как он ее сочинил. Или так? «А, может, кто-то ее подправил? — спросил он себя.— Или, может, я перепутал шпаргалки?»

— Нет, единственно пригодный для такой работы человек — это парень, вроде меня, настоящий клоун.

Гас запнулся на полуслове, и еще раз пробежал глазами карточку. Да, там так и было написано. «Клоун».

Карточка стала переворачиваться, но теперь Гас не смог разглядеть переворачивающую ее руку.

На обратной стороне красовалось: «Деревенщина, напыщенный, посредственный демагог». Карточка снова перевернулась. «Лицемер, эгоманьяк, напыщенный расистский ублюдок» — значилось там.

«Боже мой! — подумал Гас.— Ведь именно так обзывал меня голос по видеофону».

И, не отдавая себе отчета в том, что делает, он вскочил и закричал:

— Эй, ты, там, возле шпаргалок, ты кто такой? Ты что такое творишь?

Тьма стала надвигаться, устремилась в его сторону подобно ледяному ветру, и голос, тот же самый голос, который он слышал по видеофону, сказал:

— Я — твое внутреннее «Я», высвобожденное моим презрением к тебе и ко всему тому, что ты отстаиваешь, вызванное к жизни великой тьмой. Я нахожусь вне пространства-времени, и я — твой судья.— Тут тьма поглотила Гаса, и он снова очутился в загадочном и ужасном положении, в котором пребывал еще совсем недавно: бестелесный, в абсолютной тишине, в кромешной темноте, наедине с собственным меркнущим отражением в треснувшем, потускневшем зеркале. В комнате собственного отеля.

Он закричал, но не услышал собственного крика.

Зато его услышал Пол Риверз.

И персонал телестудии услышал его тоже.

Равно как и весь остальной мир, или, скорее, та ничтожная его часть, которая все еще слушала Гаса и стала свидетелем его фиаско.

Режиссер отключил Гаса от эфира и запустил единственное, что оказалось под рукой — рекламу популярного сорта сигарет с марихуаной под названием «Беркли-Бу» со слоганом «Крошечный лучик калифорнийского солнца».

Пол вскочил со своего места и, прихрамывая, ринулся к Гасу, готовый оказать любую посильную помощь. Он видел, как Гаса затягивает смутный водоворот, поглотил, а потом исчез так же внезапно, как и появился.

«Черт возьми,— подумал Пол, вспоминая эффекты при использовании проектора иллюзий Балкани,— этот феномен, возможно, является каким-то последствием воздействия дьявольского оружия».

— В чем дело? — спросил он Гаса, обхватывая коротышку за плечи.

— Вы врач? — пробормотал Гас, ошалело моргая.

— Точно,— ответил Пол, понимая, что Гас едва его видит.— Не беспокойтесь, я займусь вами,— продолжал он, уводя Гаса из освещенного лампами пространства перед камерами и от столь вожделенной Свенесгардом политической и военной власти.

В комнате отдыха их дожидались доктор Чоит и Эд Ньюком. Увидев их, Гас неуверенно промямлил:

— Н-ну и к-как я вам?

«Скорее всего,— подумал Пол,— правда не пойдет тебе на пользу. Но и откровенной лести ты не поверишь».

— Это было ужасно,— сказал Пол Гасу Свенесгарду.— По подсчетам рейтинга передачи, к ее концу вас во всем мире смотрела всего горстка людей, в основном, из вашего родного Теннесси. Зато в самом начале выступления у вас была самая большая аудитория за всю историю телевидения».

— Вы ведь разбираетесь в психологии,— спросил Гас,— не так ли, сэр?

— Если в ней кто и разбирается,— вмешался Эд Ньюком,— так это Пол.

— Вы могли бы мне помочь? — спросил Гас, с тревогой глядя на Пола.— Не могли бы писать для меня речи, которые заставили бы людей изменить свое мнение обо мне? А еще посоветовать, что делать, чтобы завоевать их симпатии?

— Да, кстати,— вмешался доктор Чоит,— мы как раз собирались предложить вам наши коллективные услуги именно в этом качестве.

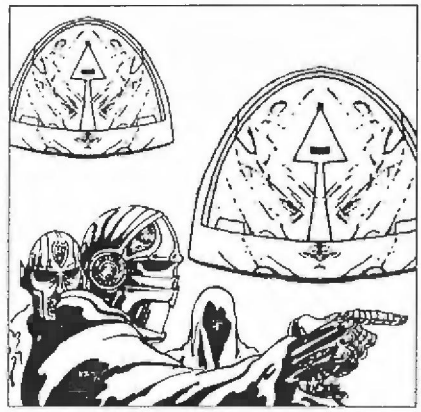
Пол тоже с восхищением уставился на Гаса. «Ты провалился,— подумал он,— но уже через какое-то мгновение снова встал на ноги, готовый попробовать что-нибудь другое, готовый ощутить всю горечь собственных ошибок. Ты никогда не сдаешься. И Всемирная психиатрическая ассоциация будет только рада захватить контроль над твоей кампанией... Держа тебя лишь в качестве номинальной фигуры, хотя ты, конечно, всегда должен будешь воображать, будто именно ты заправляешь всем и вся. Мы достаточно мудры, чтобы позволить тебе это. И таким образом станем самой влиятельной политической силой на весь период этого беспорядочного возрождения — возможно, достаточно влиятельной даже для того, чтобы сделать тебя королем, по крайней мере, до тех пор, пока снова не заработают нормальные демократические институты».

К этому времени Гас Свенесгард уже успел взять себя в руки. Он начал что-то возбужденно втолковывать доктору Чоиту. Очевидно, это были новые планы, наметки, задумки, прикидки на будущее. Доктор Чоит и Эд Ньюком только кивали с профессиональными улыбками, отлично зная, где на самом деле находится реальная власть.

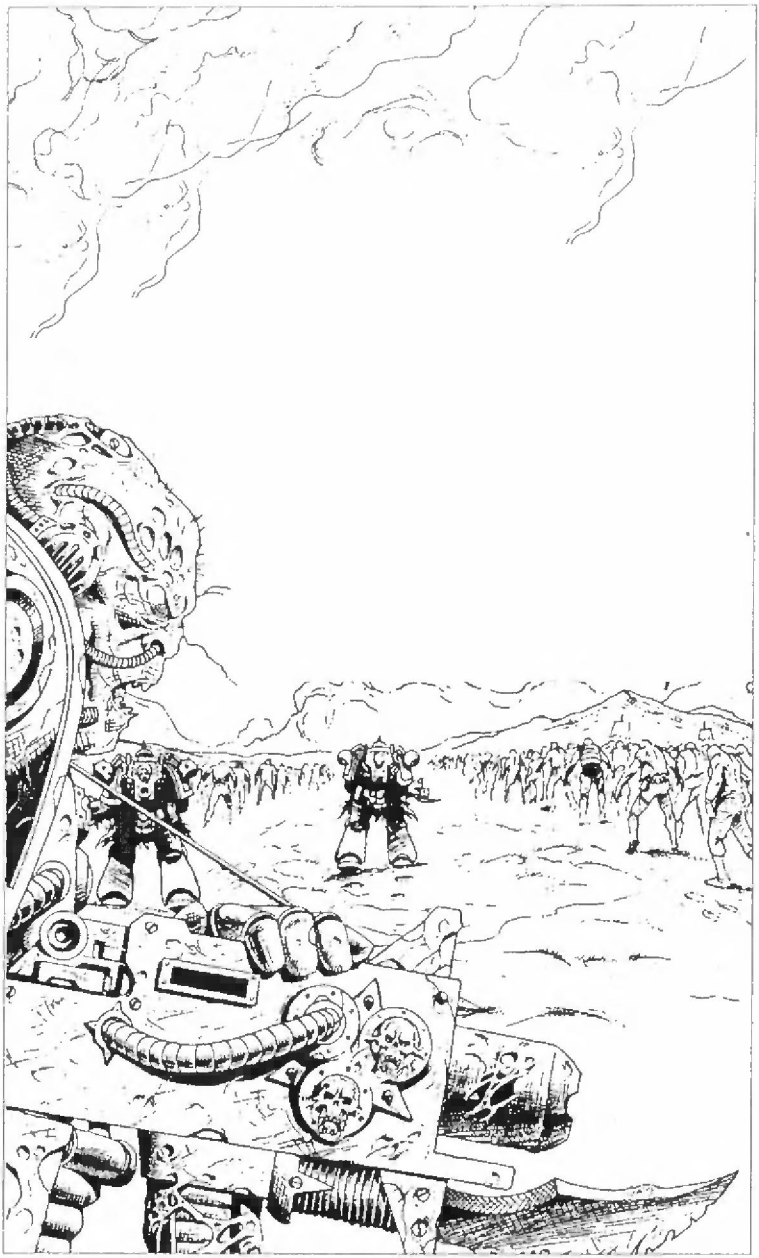
Пол, наконец, почувствовал, что буквально восхищается Гасом, но тут он в первый раз повнимательнее пригляделся к доктору Чоиту. То ли ему показалось, то ли во взгляде доктора Чоита действительно читался некий холодный расчет?

Пол отогнал эти мысли и заставил себя навесить на лицо такую же профессиональную улыбку, какие красовались на лицах коллег. И подумал: «Если мы не можем доверять самим себе, то кому же можно доверять?»

Это показалось ему достойным вопросом. Но к несчастью, он пока что не мог найти на него столь же достойного ответа.



В ОЖИДАНИИ ПРОШЛОГО



ГЛАВА 1

До боли знакомое здание прорезалось сквозь серый утренний туман, когда Эрик Арома повернул руль, паркуясь на крошечной стоянке. «Восемь часов утра»,— сонно подумал он. А его шеф, мистер Вергилий Л. Аккерман, уже открыл контору. Представьте только человека, у которого в восемь утра сознание включается в полную силу. Это же против всех законов Творения! Прекрасный мир придумали для нас... Впрочем, война оправдывает любой человеческий маразм.

Стоило Эрику двинуться к офису, как за спиной окликнули:

— Сэ-эр? Минутку, сэр!

Это был знакомый, пронзительно гнусавый голос робанта — кассового аппарата. Эрик поежился, оглянулся. Мерзкое механическое насекомое семенило к нему на многочисленных ножках.

— Мистер Арома, Тихуанский Институт Фабричной Формовки?

— Доктор Арома,— уточнил Эрик.— Что вам угодно?

— Счет, доктор. На ваше имя совершена покупка.

Из металла выполз белый листок бумаги с цифрами.

— Ваша супруга миссис Кэтрин Арома три месяца назад совершила покупку в кредит в фирме «Детский мир», где продается все для бэбилендов. С вас шестьдесят пять долларов плюс шестнадцать — процент за просрочку оплаты. Итого восемьдесят один доллар. Ничего не поделаешь — закон есть закон. Прошу прощения, что задержал вас, но сами понимаете... кхм... административное нарушение.

Наглое насекомое не спускало с Эрика глаз, пока он вытаскивал чековую книжку.

— И что же моя жена купила в «Детском мире»? — буркнул доктор, выписывая чек.

— Пачку сигарет «Лаки Страйк», доктор. Настоящая старинная «зеленка». Хи-хи. Сорокового, довоенного года производства. Помните, «Зеленая Лаки Страйк ушла на войну»?

Тут что-то не так, пронеслось в голове.

— Слушайте,— запротестовал Эрик.— Но этот счет, наверное, должна оплатить фирма. Кэтрин совершает такие покупки как консультант по антиквариату, для нашего босса.

— Никак нет, доктор,— откликнулся робант.— Миссис Арома совершила частную покупку. Не для служебного пользования,— муравей замялся.— Миссис Арома сказала,— почтительно произнес робант,— что она собирает бэбиленд Питтсбург-39.

— Спасибо, что сказала,— процедил Эрик, выбрасывая чек в жадные лапы муравья. И пока тот ловил порхающий в воздухе листок, двинулся дальше.

«Лаки Страйк», каково? Да, Кэтрин снова превысила его счет в банке, выжала все до последнего цента. Творческий работник немыслим без финансовых растрат. Причем постоянно за пределами собственного жалованья — которое, как ни больно признаться, было выше, чем у него. И все-таки, почему она ничего не сказала? Такие покупки не делаются без предупреждения...

Впрочем, счет все покажет, зачем тратить время на разговоры со скупердяем. Это ж надо, пятнадцать лет назад решили, что финансовые вопросы в семье решаются совместно! Не надо быть гением, чтобы предсказать, когда исчерпается счет, при любом уровне благосостояния. Даже с учетом постоянной инфляции военного времени.

Однако Эрик чувствовал, что разговорами они никогда ничего не решат.

В здании ТИФФа, как коротко назывался Тихуанский Институт Фабричной Формовки, Эрик набрал код на двери, ведущей в офисы, чувствуя горячее желание немедленно разобраться с Кэт: жена работала этажом выше. Однако по пути он передумал. Куда спешить? Лучше поговорить после работы. Или во время обеда. На сегодня намечался плотный график, и Эрик не хотел тратить силы на бесконечные разборки.

— Доброе утро, доктор.

В ответ Эрик сделал ручкой кудрявой мисс Перси. Сегодня секретарша набрызгала ярко-синий с искрой костюмчик, в котором задорно играли все лампы офиса.

— А куда подевался Химмель, наш инспектор по качеству?

— Инспектор Химмель звонил из публичной библиотеки Сан-Диего. Он сказал, что задержится, у него проблемы с законом.

Мисс Перси обнажила безукоризненные синтетические зубы черного цвета, выкрашенные согласно традициям Амарильо, откуда она прибыла год назад вместе со своими привычками.

— Вчера полицейская служба библиотеки нашла в его доме десятка два краденых книг — вы же знаете Брюса, у него эта... хоббия, прихватывать все, что плохо лежит... как это по-гречески? Клептомантия?

Эрик молча прошел в свой кабинет, выделенный шефом, Вергилием Аккерманом, вместе с прибавкой к зарплате.

У окна с мексиканской сигариллой, наполнявшей помещение сладким дымом, стояла жена. Перед ней расстилался суровый калифорнийский ландшафт. Впервые по непонятной причине она оказалась на работе раньше него: обычно Кэт вставала на час позже, одевалась, завтракала и ехала на своей машине.

— Ну что? — как обычно, приветствовал жену Эрик. В голосе его слышались интонации человека, готового к скандалу.

— Зайди и закрой дверь,— Кэт отвернулась от окна, не глядя в его сторону: лицо ее было сосредоточенным, даже отрешенным.

— Спасибо за приглашение войти в мой кабинет,— ядовито заметил Эрик.

— Я знаю, что чертов кассовый аппарат перехватил тебя по дороге,— начала Кэт издалека.

— Да уж, восемьдесят гринов. Восемьдесят один, точнее. Набежали пени.

— И ты заплатил?

Не в первый раз Эрик видел этот пронзительный взгляд под трепещущими искусственными ресницами.

— А ты хотела, чтобы робант расстрелял меня на этой самой стоянке под окном? — саркастически заметил он и бросил плащ на вешалку.— Еще как заплатил. Это же кредитная система, хотя в ней есть запрет на некоторые виды товаров, к примеру, на предметы роскоши. Но раз уж ты решила не расплачиваться наличными...

— Пожалуйста, не учи меня жить,— оборвала Кэт.— Что он сказал? Что я собираю Питтсбург-39? Это ложь, я взяла «Лаки Страйк» для подарка. Я бы не стала строить бэбиленды, не посоветовавшись с тобой. К тому же тогда это была бы не твоя, как ты выражаешься, а наша общая проблема,— подчеркнула она.

Эрик не говорил ни про какие проблемы, но таков был метод ее спора — вставлять слова за собеседника.

— Никаких Питтсбургов-39,— отрезал Эрик.— Я никогда не стану там жить, в тридцать девятых или в любое другое время.

Он сел за стол, раздраженно ткнул кнопку телефона внутренней связи.

— Я уже здесь, мисс Шулер,— известил он секретаршу Вергилия.— Как поживаете, мисс Шулер? Как прошел ваш антивоенный митинг? Добрались домой благополучно? Военных пикетов не было? — и отключился.

— Люсиль Шулер страстная миротворка,— пояснил он, оборачиваясь.— Прекрасно, что корпорация разрешает сотрудникам исповедовать любые политические взгляды, не находишь? Тем более приятно, что это не стоит ни цента. На митинги доступ бесплатный.

— Зато там нужно петь и молиться,— возразила Кэт.— А потом с тебя сдерут деньги в какой-нибудь фонд. Или заставят купить флажок.

— Так для кого сигареты? — прервал Эрик ненужный диалог.

Кэт вздохнула.

— Для Вилли Аккермана, конечно.

— Для Вергилия?

Она выпустила дым двумя серыми струйками.

— Ты думаешь, я решила сменить место работы? — спросила она.

— Почему нет, если там лучше перспективы?

Кэт отвечала задумчиво:

— Меня удерживает не высокая ставка, как ты думаешь. Я верю, что мы участвуем в борьбе за победу.

— Мы? Каким образом?

Дверь кабинета открылась, появилась стройная мисс Перси, сверкающая, в кучеряшках, оттирая дверь горизонтально направленной грудью.

— Простите за беспокойство, доктор, к вам мистер Иона, троюродный племянник мистера Аккермана.

— Как дела в формовочной, Иона? — сказал Эрик, поднимаясь и протягивая руку. Праправнучатый племянник владельца фирмы почтительно ответил на рукопожатие.— Хоть один пузырь вышел во время последней вахты?

— Если и вышел, то сымитировал рабочего и смылся за ворота,— отозвался Иона. Он заметил Кэт.— Доброе утро, миссис Арома. Как ваша последняя модель авто? Из Вашинга-35, в форме жука? Кажется, он называется фольксваген?

— Обтекаемый крайслер,— ответила Кэт.— Хорошая машина, но слишком тяжелая для своих рессор. Поэтому в свое время не удержалась на рынке.

— Как хорошо, когда человек хоть в чем-нибудь разбирается профессионально,— с чувством сказал Иона.— Шут с ним, с легкомысленным Ренессансом — я имею в виду, лучше все-таки специализироваться в одной области, пока...— он осекся, заметив отнюдь не гостеприимные взоры супругов Арома.— Впрочем, я, кажется, не вовремя?

— Дела компании прежде всего,— откликнулся Арома. Младший член иерархии вмешался в его разговор с женой как раз кстати.

— Оставь нас, Кэт,— заявил Эрик бесцеремонно.— Встретимся за обедом, тогда и поговорим. У меня нет времени обсуждать, умеет ли врать кассовый аппарат.

Он провел жену к двери; она подчинилась. Видимо, он застал ее врасплох.

У порога Эрик произнес спокойнее:

— Все равно от разговоров не уйти. Даже за обедом.

И закрыл дверь.

Иона Аккерман пожал плечами.

— Ничего не поделаешь, общая картина современного брака. Узаконенная ненависть.

— То есть?

— В любом супружеском диалоге веет дыхание смерти. Наверное, следствие мужского неравноправия, даже в этом городе,— сказал Иона. И на худом, почти юношеском лице расцвела улыбка, которой он пытался загладить свои слова.

— Кэт, конечно, прекрасный работник, недаром с тех пор, как она здесь работает, Вергилий распустил остальных собирателей антиквариата. Она, наверное, говорила тебе об этом.

«И не раз»,— пронеслось у Эрика в голове.

— Почему бы вам не развестись?

Теперь пожал плечами Арома. Наверное, жест изобрел первый философ. Во всяком случае, Эрик надеялся на это. Но жест, похоже, получился неубедительным, потому что Иона продолжал ждать ответа.

— Дело в том, что я уже был женат, и дело обстояло ничем не лучше,— с натугой стал объяснять Эрик.— А если я разведусь с Кэт, то снова неизбежно женюсь. Потому что, как утверждает мой психоаналитик, я не могу реализоваться вне роли порядочного домохозяина и семьянина. От брака мне не уйти. Это гнездится... или коренится в моем темпераменте,— он поднял голову и посмотрел на Иону взглядом мазохиста.— Так в чем суть вопроса?

— Предлагаю путешествие,— решительно ответил молодой человек.— На Марс. Всей честной компанией — ты в том числе.

Конференция! Возьмем билеты — и забудем про дела. Путь в одну сторону займет всего шесть часов. Поторопись, надо непременно взять места с креслами.

— Надолго? — Эрик и думать не хотел о подобной перспективе: не хватало еще отвлекаться на семейные проблемы владельца корпорации.

— Стопроцентное возвращение завтра или послезавтра. Слушай, это же выход для тебя, решение всех проблем. Оторвешься от воли и планов жены: Кэт останется здесь. Забавно, однако я замечал, что когда старый пень попадает на Вашинг-35, у него отпадает необходимость в экспертах по антиквариату. Ему больше по душе, так сказать, постигать магию места, причем с годами это чувство развивается все сильнее. Да что говорить, когда стукнет сто тридцать, начинаешь понимать. Он как вечный ребенок, никогда не дойдет до того, чтобы принять это важное решение. Вечно будет заменять что-нибудь у себя внутри. Впрочем, тебе, как его персональному врачу, это известно. Что бы у него не отвалилось, ему все заменят. Иногда я просто ненавижу его за оптимизм. Так любить жизнь и придавать ей такое значение... Мы, ничтожные смертные, в нашем возрасте...— он пристально посмотрел на Эрика.— В жалкие тридцать — тридцать три...

— Не знаю, не знаю,— отвечал Эрик.— Меня еще надолго хватит. И жизнь не становится лучше,— он извлек из кармана плаща счет, который вручил ему кассовый аппарат.

— Попробуйте вспомнить. Не появлялась ли пачка «Лаки Страйк» с зеленой полосой в Вашинге-35 в течение трех последних месяцев?

После продолжительной паузы Иона Аккерман сказал:

— Бедный мавр. И это все, что вы высидели? Слушайте, доктор, если не можете настроиться на работу, считайте, с вами все кончено. Два десятка хирургов — трансплантологов только и ждут возможности поработать для такого человека, как Вергилий, с его значением в экономике и «все для победы». Имейте это в виду.

Его взгляд, странная смесь сочувствия и неодобрения, немедленно привел Эрика Арома в чувство.

— Что касается меня, то если мое сердце не выдержит — что, вне сомнения, случится когда-нибудь,— я к вам за помощью обращаться не стану. Вы слишком запутались в личной жизни, доктор. Всему виной — узкий кругозор. Вы живете для себя, а не в планетарных масштабах. Только подумайте — в мире идет война, нас разносят в пух и прах каждый божий день.

«В самом деле,— подумал Эрик.— В дополнение ко всему мы имеем в политических лидерах больного ипохондрика. И ТИФФ, одна из крупнейших промышленных корпораций, поддерживала этого тяжелобольного лидера, любой ценой пытаясь удержать Мола в правительственном кабинете. Без такого высокопоставленного друга, как Вергилий Аккерман, Джино Молинари давно сыграл бы в ящик или в дом для престарелых. Я знаю это не хуже других. Но личная жизнь должна продолжаться. К тому же я не собираюсь сцепляться с Кэт. Ты просто слишком молод и глуп, чтобы судить о моих поступках. И тебе не пройти из своей юношеской свободы в земли, где обитаю я, женившись на женщине, которая экономически, интеллектуально и даже, приходится признать, эротически сильнее меня».

Перед уходом с работы доктор Эрик Арома заскочил в формовочную, чтобы посмотреть, что поделывает Брюс Химмель.

Тот стоял перед громадной мусорной корзиной, забитой бракованными шарами амеб.

— Это тоже в раствор,— сказал Иона Химмелю, который, как обычно, с глупой ученой ухмылкой выслушивал младшего из клана Аккерманов. Иона перекинул Брюсу отбракованный шар амебы, только что скатившийся с конвейера. Экземпляр уже не годился для беспилотного модуля космического корабля.

— В прошлом году брака было меньше,— бросил Иона Эрику.

— И в чем дело?

— Время реакции замедлилось на несколько микросекунд.

— Хочешь сказать, что наши стандарты качества падают? — отозвался Эрик.

Неслыханно. Продукция ТИФФа была слишком жизнеспособной. Целая сеть военных операций зависела от работы института.

— Совершенно верно,— казалось, этот факт не беспокоил Иону.— Да и бракуем слишком много. А как же прибыль?

Встрял заика Химмель:

— Иногда, знаете, думаю: неплохо бы нам вернуться к марсианскому гуано. Там рентабельность была повыше.

В былые времена корпорация занималась сбором и переработкой экскрементов летучих мышей на Марсе, разработала целую индустрию и случайно вышла на более высокий источник доходности. Это произошло, когда на Марсе обнаружили новое живое существо — матричную амебу. Одноклеточный организм обладал поразительной способностью изменяться: мог сымитировать предмет любой формы — своего размера, конечно.

Поначалу свойства амебы смутили земных астронавтов и чиновников ООН, и никто не обратил внимания на экономические достоинства особи. Затем на сцену вышел король мышиного гуано Вергилий Аккерман.

Его сразу заинтересовал инопланетный организм, и он стал проводить с матричной амебой эксперименты. Несколько часов Аккерман демонстрировал амебе дорогие меха очередной любовницы — и амеба мимикрировала под них: между Вергилием и девушкой оказались две норковых накидки. Однако вскоре амеба устала быть мехом и вернулась к прежнему виду. Оставалось придумать, как удержать ее в желанной форме.

Ответ пришел спустя несколько месяцев и оказался чрезвычайно простым. В течение интервала мимикрии надо было обработать амебу специальным химическим составом, фиксирующим форму меха.

Вергилий Аккерман купил тихуанскую фабрику на северо-западе Мексики, а также лицензию на изготовление и продажу мехов, и поставил дело на конвейер. Заказал поставки сырья с Марса, устроил сеть магазинов на Земле — и рынок натуральных мехов моментально рухнул.

Далеко идущие планы магната сорвала война.

Хотя, в конце концов, что она изменила? И кто думал, что мирный договор со звездной системой Лилии, возглавляемой министром Фреником, приведет к таким результатам. Звездная Лилия была могущественнейшей расой Галактики, отчего все ждали успешного «блицкрига». Никто не ожидал, что война затянется. Никто, кроме Вергилия.

Как только начались стычки с ригами, ТИФФ немедленно приступила к милитаризации производства; так же, но с некоторым опозданием, поступили остальные сферы бизнеса. Рынок предметов роскоши зачах, орудие и боеприпасы вытеснили меха и драгоценности. Благодаря расторопности Вергилия, на военный рынок немедленно была представлена новая супернатуральная универсальная редупликация (проще говоря, имитация матричной амебы) — блок для беспилотных модулей управляемых боеголовок. Изменение специализации ТИФФа прошло быстро и безболезненно.

В таких размышлениях Эрик Арома стоял перед корзиной для отбраковки, в очередной раз дивясь, насколько неисповедимы пути экономики. Он взял из мусорной корзины и покрутил в руках одну из монад, весом с бейсбольный мяч, а размером с грейпфрут. Вкусом же, равно как и запахом, это уже ничего не напоминало. Очевидно, бракованные амебы уже ни на что не годились, и Эрик

размахнулся, чтобы бросить шар в громадную ванну с растворителем, где пластик перерабатывался в органическую массу.

— Погодите! — хрипло воскликнул Химмель. Эрик с Ионой посмотрели на него в недоумении.

— Не делайте этого,— Химмель умоляюще протянул длинные узловатые пальцы.

— В чем дело?

— Эти отходы, идущие в сырье, стоят всего четверть цента. А целая корзина — доллар.

— И что? — спросил Иона.— Этот доллар в любом случае должен вернуться в карман фирмы.

— Я... я покупаю их,— пробормотал Иона. Он принялся шарить в кармане. В конце концов, после мучительной борьбы на свет был извлечен бумажник.

— Вот.

— Но зачем это вам? — удивился Иона.

— У меня все рассчитано,— затараторил Химмель после непродолжительной паузы.— Я плачу полцента за каждый отбракованный экземпляр. Это в два раза выше его стоимости, так что компания не в накладе. В-вы имеете что-нибудь против? — голос его был близок к истерике.

— Никто не против,— умиротворяющим бизнес-тоном произнес Иона, как говорят деловые люди, имея дело с сумасшедшим, желающим потратить деньги.— Я просто хотел выяснить, зачем они вам,— и мельком посмотрел на Эрика, словно спрашивая: «Что скажешь? Не перевелись еще на свете сумасшедшие?»

— Гм...— сказал Химмель.— Я их... ну, в общем, использую,— с мрачной решительностью он направился к ближайшей двери.— Но учтите, это все мое, потому что я заплатил за них,— бросил он через плечо.

Распахнув дверь, Химмель гордо встал рядом.

Перед Эриком и Ионой открылось помещение, похожее на складское. Ничего необычного в нем не было, кроме небольших машинок, катавшихся туда-сюда на колесиках величиной с серебряный доллар. Штук двадцать, не меньше, и машинки искусно лавировали, избегая столкновения; среди них царило бурное оживление. В каждой из машинок-тележек сидела амеба, пристегнутая ремешком.

Иона почесал переносицу, хмыкнул и сказал:

— И что ими движет?

Присев на корточки, он поймал одну из машинок, которая как раз проезжала возле его ботинка. Поднял, разглядывая; колесики бессмысленно крутились в воздухе.

— Обыкновенная мини-батарейка с ресурсом на десять лет,— ответил Химмель.— Обходится еще в полцента.

— И вы что, собираете такие тележки?

— Да, мистер Аккерман.

Химмель вежливо взял у него машинку и поставил на пол, она тут же оживленно умчалась по своим делам.— Эти еще слишком новые,— пояснил Брюс.— Неопытные.

— А потом вы собираетесь выпустить их на свободу? — осторожно продолжил Иона.

— Совершенно верно,— Химмель кивнул облысевшим черепом интеллектуала, поправляя постоянно сползающие с носа роговые очки.

— Но зачем? — вырвалось у Эрика.

Теперь, когда его маленькая тайна была раскрыта и первые минуты торжества прошли, Химмель снова потерялся: покраснел, скукожился,— но все же пытался держаться независимо.

— Потому что они заслужили эту свободу,— выпалил он.

— Погодите,— вмешался Иона.— Ведь протоплазма не живая. Вы ученый, сами знаете: она умирает после обработки фиксирующим лаком. И, значит, все это — не более чем электрический контур, такой же мертвый, как, скажем, робант.

Химмель отвечал с достоинством:

— А я считаю их живыми, мистер Аккерман. То, что они оказались неспособны управлять боеголовкой в дальнем космосе, еще ничего не доказывает.

— Не доказывает?

— Не доказывает, что они не имеют права на существование. Я выпускаю их, и они катаются, лет пять-шесть. Они это заслужили.

Повернувшись к Эрику, Иона произнес:

— Ну, если старик узнает...

— Мистер Вергилий Аккерман давно в курсе дела,— остановил Иону Химмель.— И он одобрил мои действия.— И тут же торопливо добавил: — Точнее, он позволил мне заниматься тележками. Ему известно, что компания не понесет ровным счетом никаких убытков. Я собираю тележки ночью и не трачу служебного времени. У меня дома целый конвейер,— с гордостью сказал он.

— И много вы тратите на это времени? — как врач поинтересовался Эрик.

— По часу, доктор, по часу еженощно.

Эрик и Иона переглянулись.

— А что они... чем ваши... пациенты занимаются потом? — поинтересовался Иона.— Просто вот так катаются по городу?

— А Бог их знает,— махнул рукой Химмель.— Мне, честно говоря, и дела нет.

Действительно, едва ли этот яйцеголовый интеллигент мог бы отслеживать каждую свою «тачку» по городу: не хватило бы ни времени, ни денег.

— Да вы художник,— заметил Эрик. У него не сложилось пока определенного мнения, кто перед ним — авантюрист или сумасшедший. Возможно, сумасшедший авантюрист. Случай, безусловно, клинический, как часто и бывает в искусстве. Химмель с головой погрузился в работу, даже ночью выкраивает часы на собственные безумства. Но что может быть здоровым в мире, где до сих пор идет война, и гигантская промышленная индустрия работает на эту войну? Кто же безумнее — Химмель с «маленьким тележным конвейером» — или магнаты, выпускающие ракеты, танки, орудия и прочие средства уничтожения? Пусть не себе подобных, но все-таки — существ. А маленький человечек дает жизнь существам, которых тоже не понимает и которые вовсе не похожи на него.

И если уж говорить о безумцах, то безумнее всех сейчас Мол — генеральный секретарь ООН, который поддерживает войну.

Идя с Ионой к выходу, Эрик заметил:

— Он рехнулся.

Это был самый сильный термин в психиатрии. Он обозначал полный отрыв от реальности.

— Очевидно,— отмахнулся Иона.— Но проблема не в нем, а в старике Вергилии. Тут дело не в деньгах, которые этот шизик возвращает компании. Вергилий не дурак — он дальновидный, иначе давно бы отправил этого чокнутого с бригадой рабов в звездную систему Лилии. Химмелю просто сказочно повезло.

— Как думаете, чем это кончится? — перескочил Эрик на вопрос, который волновал сейчас все человечество.

— А чем должно кончиться?

— Мол подпишет мирный договор с ригами и оставит пришельцев из Лилии сражаться в одиночестве, самим разбираться с войной? Ведь они первыми начали войну и, стало быть, заслужили такую участь.

— Он никогда этого не сделает,— спокойно ответил Иона.

— Почему?

— Потому что контрразведка лильцев работает здесь, на Земле. И если Мол попытается взбрыкнуть, от него и мокрого места не останется.

— От Секретаря ООН?

— От Секретаря,— пожал плечами Иона.— А что? Запросто заменят другим. Выкрадут ночью и поставят на его место какого-нибудь бравого вояку.

— Но ведь это же наш лидер, а не их. Мы его выбирали, путем демократического голосования...

И осекся, понимая, насколько прав Иона.

— Для нас лучше проиграть войну.— продолжал тот.— Впрочем, к этому мы и стремимся.

Тут он понизил голос до шепота:

— Кстати, я не провокатор, но...

— Говорите смелее, здесь все свои.

— Эрик,— заявил Иона,— единственный выход из войны — пережить горечь поражения. Пусть даже все это кончится вековым игом ригов. Пусть на наши плечи падет наказание за то, что мы избрали себе такого союзника, как лильцы. Наша первая межзвездная война обернется в любом случае неудачей. И Мол понимает это не хуже нас.

Он поморщился.

— Но мы сами его выбирали,— напомнил Эрик.— Так что ответственность в конечном счете ложится на нас.

Впереди показалась сухонькая, почти призрачная фигура, и раздался дребезжащий старческий голосок.

— Куда вы пропали, Иона, и вы, Арома? Мы сейчас же вылетаем в Вашинг-35.

Голос Вергилия Аккермана напоминал куриное кудахтанье; он выглядел мумией, помесью мужчины и женщины в еще живой плотской оболочке.

ГЛАВА 2

Открыв пустую пачку из-под сигарет «Кэмел» и сплющив ее, Вергилий Аккерман сказал:

— Ну, что у нас там? Змейка, крестик, нолик, зигзаг? Выбирайте, Арома.

— Крестик,— сказал Эрик.

Старик ухмыльнулся, заглядывая под корешок пачки:

— Зигзаг. Вам причитается тридцать два щелбана.

Старик впадал в детство. Он потрепал Эрика по плечу, радостно скалясь и обнажая идеально белые, словно выточенные из слоновой кости, имплантанты.

— Ну, не будем мучить вас, доктор. Скоро мне понадобится новая печень. Это может произойти в любой момент. Прошлой ночью совсем расклеился: кажется, опять интоксикация.

— Позвольте поинтересоваться, что вы поделывали накануне вечером? — заговорил доктор Эрик Аром, располагавшийся напротив своего поднадзорного больного.

— О, как всегда: выпивка и девушка, выпивка и девушка,— Вергилий задорно оскалился на родственников: Харви, Иону, Ральфа и Филлиду Аккерманов, которые сидели вокруг, в каюте корабля, уносившего их к Марсу.

Правнучатая племянница Виргилия Филлида, заметила сурово:

— Дорогой прадед, в вашем ли возрасте играть в такие игры? Случись инфаркт — и что тогда? — она пробуравила старика Вергилия взором заботливой наследницы.

— Что тогда? — рассмеялся каркающим смехом Вергилий.— Сработает индикатор, вшитый в сердечный клапан, и примчится доктор Арома с новым сердечком в чемоданчике. Так что тебе ничего не светит, милая. Я вас всех переживу.

Он довольно захихикал, пуская слюну на подбородок, выглаженным платком из нагрудного кармана отер слюну. Предок излучал самодовольство — каждой косточкой, выступавшей из-под пергаментной старческой кожи. Вергилий знал, что наследникам никогда не пережить его, потому что у них нет таких денег,— которые принесла война,— да и вообще они не принадлежат к его классу. Родственники оказались в замкнутом кругу: чтобы получить деньги предка, они должны были обладать таким же богатством, как у него, чтобы его пережить.

— Mille tre,— тоскливо выдавил Харви, цитируя либретто Да Понте.— Впрочем, вы, старый орешек, проживете и больше, чем 1003 года. Я бы в вашем возрасте...

— Тебе ни-ког-да не быть в моем возрасте,— по слогам произнес Вергилий, сверкая глазками.— Даже не мечтай, Харв. Вернись с неба на землю, к своим налоговым декларациям, калькулятор ты наш, монотонно гудящий. Ты даже не компьютер. И ты никогда не умрешь в постели с женщиной. Тебя найдут рядом с чернильницей! — злобно захихикал Вергилий.

— Может быть, хватит,— Филлида возвела глаза к черному космическому небу.

Эрик обратился к Вергилию:

— Я, кстати, хотел поинтересоваться насчет пачки зеленых «Лаки Страйк». Месяца три назад...

— Да! — гаркнул Вергилий.— Ваша жена не чужда любви. В том числе и ко мне, как ни странно. Да, это был подарок, доктор, но ничего личного, не беспокойтесь. Из-за пачки...

— Я уже говорил Эрику,— вмешался Иона, подмигнув доктору.

Тот сделал вид, что не заметил.

— Так все же...

— Что вы так сволочитесь из-за жены? Кэт — просто специалист, вот и все,— убеждали Эрика уже два Аккермана.

— Что такое, в конце концов, женщины,— философски заметил Вергилий.— Это страшная сила: они проникают в нас глубже, чем хирурги-трансплантологи. И тоже заменяют внутри что-то, без чего мы потом жить не можем. Так что в общем-то я вас понимаю,— хмыкнул старик.

— Да и я говорил Эрику буквально вчера...— начал Иона.

— Эрик мне тоже дорог,— оборвал его Вергилий.— Хороший он человек. Нечто среднее между сангвиником и меланхоликом. Подходящий тип для такой работы. Оптимист — и в то же время не зарывается. Пессимист — но не до безнадеги. Вы только полюбуйтесь на него! Ну хотя бы сейчас — поистине достойное зрелище.

Иона посмотрел, «любуясь», на Эрика.

Все остальные тоже.

— Совершенно хладнокровен — ему никогда не изменяет мозг. Я много раз видел его за работой, и уж кому, как не мне, знать, что это за человек. Эрика можно найти в любое время дня и ночи — и он всегда придет на помощь... такие сейчас редко встречаются.

— Да вы же ему платите,— вмешалась Филлида.

Обворожительная правнучка Вергилия, заседавшая за директорским столом корпорации, была дамочка с пристальным взглядом тиранозавра. Она здорово походила на дальнего предка, Вергилия, только было в ее чертах нечто хищное, особенное, женское. Для Филлиды ничто не существовало, кроме бизнеса. Попробуй Химмель выступить при ней со своими тележками — и давно бы уехал куда-нибудь подальше Марса: в мире Филлиды не было места доброте, милосердию. Было в ней нечто от Кэт. И, подобно Кэт, она выглядела довольно сексапильно: волосы на затылке стянуты в пучок, заплетеный «афрокосичками» и выкрашенный ультрамарином. Она носила заводные вращающиеся серьги в ушах и кольцо в носу — признак половой зрелости, принятый в высших буржуазных кругах.

— Какова цель встречи? — спросил Эрик Вергилия Аккермана.— Может, начнем, чтобы не тратить время попусту?

Он ощущал смутное раздражение.

— Просто увеселительная поездка,— отвечал Вергилий.— Случайная возможность вырваться из мрачного мира, в котором живем. Из этого чертова бизнеса. Все равно мы не можем начать,

не хватает одного человека. Он прибудет на Марс отдельно, на своем корабле. Должно быть, он уже там. Я дал ему возможность ознакомиться со своим бэбилендом. Это первый человек, перед которым я открыл свою страну детства.

— Как? — встрял Харв.— Разве Вашинг не собственность корпорации?

Иона ехидно заметил:

— Видимо, многоуважаемый Вергилий проиграл кому-то марки или замечательную коллекцию плакатов «Ужасы войны». И чтобы откупиться, раскрыл гостеприимно двери в свой маленький неземной рай.

— Я никому не проигрывал,— отвечал Вергилий.— Не имею привычки. Кстати, у меня появился дубликат «Наводнения в Панайе». Итон Амбро — известный вам охломон, занимающий директорское кресло в «Мэнфрекс Энтерпрайз»,— подарил мне его на день рождения. Думаю, всем, кроме Амбро, известно, что у меня полный набор. Неудивительно, что мальцы Френика заправляют его шестью фабриками.

— Расскажите нам еще про Ширли Темпл в «Маленькой мятежнице»,— зевнула Филлида, не отрывая взора от панорамы в большом, на всю стену, иллюминаторе.— Вы очень интересно рассказываете о своих... воспоминаниях.

— Что я буду рассказывать? — пробрюзжал Вергилий.— Вы смотрели этот фильм.

— Я готова смотреть его снова и снова,— сообщила Филлида.— Знаете, никогда не надоедает, когда предки делятся воспоминаниями. Каждый раз с новым чувством... Хотелось бы просмотреть фильм до последнего дюйма.

Она повернулась к Харви.

— Дай зажигалку.

Эрик поднялся, пересек гостиную, уселся за стойку бара и стал просматривать карту вин и напитков. В горле пересохло. Аккерманы высасывали из него последние силы, в присутствии этих упырей постоянно хотелось пить. Возможно, желание пить являлось следствием неосознанной жажды Urmilch des Lebens, первородного молока жизни. «Я заслужил этот маразм»,— подумал Эрик. Впрочем, иронией мысль была лишь отчасти. Ведь от родной страны, где впадаешь в детство, никуда не деться.

Для всех, за исключением Аккермана-старшего, «страна детства» являлась полным идиотизмом. Не укладывалось в голове, как можно вложить огромные деньги, чтобы воспроизвести — да не где-нибудь, а на Марсе, куда доставка песка дороже золота,— Вашингтон тысяча девятьсот тридцать пятого года (пору детства

Вергилия). То была маленькая вселенная миллиардера, вотчина, заботливо собранная из уцелевших экспонатов (а их не много осталось после войн, которыми переболело человечество). Вергилий собирал свой мир с помощью эксперта по антиквариату — Кэт Арома.

Рафинированное, очищенное прошлое, которым так дорожил старик, казалось остальным членам клана Аккерманов мертвым. Родственники считали мирок Вергилия пустой тратой денег, забавой, которую никому не продать потом, когда старик скончается, на что все они искренне надеялись. Эту часть наследства они считали утерянной — и заранее подсчитывали убытки.

И, конечно, иного мнения придерживался Вергилий. Для него Вашинг-35 был жизнью, дающей ростки, процветавшей в его нынешнем существовании. Культивируя прошлое, Вергилий боролся с беспощадным временем, отнимающим каждый час жизни. Старый скряга умудрился выкупить свое детство. В созданном краю он восстанавливал силы и затем возвращался из прошлого в настоящее, в мир, которым, собственно, правил, и который в то же время глубоко презирал. Мало-помалу прошлое затягивало Вергилия.

Аккерман не был одинок в увлечении бэбилендами. Другие великие мира сего, утешаясь деньгами, славой, победами на поле брани, тоже имели реконструированные в тончайших деталях собственные маленькие миры детства, где отдыхали от дел. Вергилию было с кем соревноваться. Впрочем, тягаться с Аккерманом никто не мог. В его распоряжении находилась иная планета, и его искусственная страна не ограничивалась в территориальном развитии. Его Вашингтон в перспективе мог обрасти пригородами и даже Штатами.

Собирая экспонаты давно ушедшего прошлого, Вергилий отвлекался от войны, на которой зарабатывал порядочные, хотя и кровавые деньги.

Все это напоминало возню Химмеля с тележками: такое же тихое помешательство.

Богачи устраивали себе персональные паноптикумы и кунсткамеры воспоминаний, строили индивидуальные луна-парки развлечений и клонировали в деталях собственное прошлое; для людей попроще существовали другие развлечения. Во-первых, телевизор, в котором показывали все, что угодно, перемежая рекламой и ободряющими выступлениями Секретаря ООН, во-вторых — зоопарк.

В столице Земли, главном городе мирового государства ООН, городе Шайенн, штат Вайоминг, существовал зверинец, в кото-

ром содержались пленные риги. Обезвреженные — с вырванными зубами, клыками, шипами — враги смотрели из клеток, поднимая своим видом боевой дух уставшего от войны человечества.

Пленных выставили на всеобщее обозрение, чтобы показать, на что идут народные деньги. Зрелище омерзительное, но поучительное. Никто не хотел, чтобы его завоевали такие кошмарные создания. Победа была близка, как Проксима Центавра — ближайшая к Солнечной системе звезда, место обитания ригов.

Впрочем, человечество не ввязалось бы в войну с насекомоподобными существами с шестью конечностями, покрытыми хитином. Но риги были кровными врагами союзников человека — пришельцев из звездной системы Лилии, где лильцы образовали целую Империю, и Империя эта занимала значительную часть Галактики.

Риги выглядели омерзительными, но были, как ни странно, прямоходящими — этакий вызов насекомого мира, брошенный «хомо сапиенсам». Правда, у ригов отсутствовал речевой аппарат: они общались на языке жестов, напоминавшем танцы, шевеля при этом усиками, выраставшими из лица. Для общения с землянами и человекообразными существами из Звездной Лилии риги использовали специальные ящики-трансляторы: нечто среднее между телевизором и передатчиком, выполненное в своеобразной манере. Подобные устройства риги собирали везде, где появлялись, чтобы находить общий язык с людьми.

Главным вопросом переговоров являлся следующий:

— КАК ПРИЙТИ К СОГЛАСИЮ?

Как ни странно, у ригов был ответ:

ЖИВИ И ДАВАЙ ЖИТЬ ДРУГИМ.

Таким образом, земляне вскоре перестали вторгаться в систему Проксима, исконное обиталище ригов. Риги, соответственно, забыли про Солнечную систему.

Но тут появилась Звездная Лилия, где жили вековые враги ригов. Лильцы не спрашивали у ригов, как с ними жить, а хотели полного и окончательного истребления или, на худой конец, порабощения «насекомых». Хуже всего, что граждане Звездной Лилии вторглись на Землю с помощью мощной системы контрразведки и давным-давно держали ключевые позиции в структурах экономики и власти, используя Землю как форпост для борьбы с противником.

Первоначально проникновение в среду землян мотивировалось тем, что лильцы хотят защитить братьев по разуму от про-

никновения пришельцев. Как будто четырехрукая насекомоподобная тварь могла пройти по улицам Нью-Йорка незамеченной.

Сначала на агентов-пришельцев — советников и дипломатов — не обращали особого внимания. Граждане Звездной Лилии были фикомицетами — относились к классу низших грибов. Как известно, некоторые фикомицеты паразитируют на растениях, животных и человеке. Однако разросшейся телесной оболочкой лильцы практически не отличались от землян.

В незапамятные времена разумная раса из звездной системы Лилии колонизировала систему Альфа Центавра, образовав нечто вроде империи. Позже неугомонная раса мигрировала в Солнечную систему, постепенно колонизировала Землю и протянула жадные щупальца к Марсу. И между представителями двух цивилизаций, ригов и лильцев, разразился скандал, который привел к обоюдной неприязни и военному вмешательству в дела иной расы.

Колония на Марсе вымерла из-за просчетов в климате и последовавшей затем разгерметизацией планеты. Земляне оказались упорнее. Отрезанные от Альфа Центавры военным конфликтом между Звездной Лилией и ригами, земные колонисты — паразиты освоились на Земле, постепенно целиком прибрав ее к рукам; запустили спутник, затем отправили на Луну управляемый беспилотный корабль. В скором времени в космос полетели астронавты, которые смогли установить контакт с теми, кто остался на родине. Удивление обеих сторон при встрече было большим и взаимным.

— А вы что, язык проглотили, доктор? — обратилась Филлида Аккерман к Эрику, присаживаясь рядом. Она усмехнулась — и если перед тем она была просто привлекательна, то сейчас стала чертовски мила.

— Мне тоже плесните. Да...— вздохнула она.— Скоро я налюбуюсь на эти артефакты древности: Джин Харлоу, барона фон Рихтофена, боксера Джо Луиса... кого еще?

Она прищурилась, напрягая память.

— Совершенно выскочило из головы. Ах да, звезда родео Том Микс со своим жеребцом Тонни. Любимые киногерои старика Вергилия. И поп-корн, который приходится жевать в кинотеатре, когда смотришь всю ту чушь. Вы не представляете, что приходится терпеть в микроскопическом аду, который старик устроил для себя. Впрочем, для него это, наверное, рай. Вы еще не знаете, что нам предстоит. Слушать рекламу прохладительных напитков, а потом выяснять, какие там были послания «двадцать пятого кадра». О Господи.

Филлида потянулась за фужером, и Эрик не без интереса заглянул в разрез ее платья, отметив плавные линии маленьких белых грудей.

Зрелище заметно повысило его настроение и вдохнуло оптимизм.

— Придет день, и мы получим сообщение двадцать пятого кадра: «Земляне, сдавайтесь!» — воспрянув, но в то же время с осторожностью сказал Эрик.

— Ага,— кивнула Филлида, подхватывая.— «Ваше положение безнадежно. Мы проникли на радиостанцию WMAL в Вашингтоне, которой недолго осталось жить»,— Филлида хмуро отпила из высокого запотевшего бокала и закончила: — «И пить вы будете не кока-колу, а...»

— Ну... вообще-то я не совсем это имел в виду.

Она сидела чертовски близко. Эрик чувствовал себя как на гвоздях. Чтобы отвлечься, он спросил:

— Так кто же гость? С кем предстоит встретиться на Марсе?

Серые глаза Филлиды казались огромными и загадочными, они уверенно правили внутренней вселенной. В них читалось спокойствие, вызванное абсолютным и незыблемым знанием всего, что заслуживало внимания — и что его не заслуживало.

— Поживем увидим.

По губам ее змеей проскользнула усмешка.

— Ничем хорошим это не кончится.

— Почему?

— Потому что в любом случае, победим мы в этой войне или нет, военные контракты закончатся, и вся индустрия старика Вергилия вылетит в трубу. И мы вновь вернемся в эпоху мышиного дерьма. Уже вижу, что это будет за денек! Старина Вергилий, как масленый блин, лоснится от предвкушения. У него есть приют на старости лет, а нам придется разгребать дерьмо, которым пропахло все: фабрика, одежда, машина...

— Так вы не хотите мира? Потому что война дает вам возможность заниматься чем-то большим, чем космическое гуано?

Вместо ответа она усмехнулась.

— А вам не кажется, что мы слишком беспечно рассуждаем здесь о том, о чем разговаривать не следовало бы? Не думаете, что агенты Френекси могут дотянуться и до Марса? Может, у них есть свои люди даже среди роботов в Вашинге-35?

— Знаю. Так вы полагаете, Вергилий устраивает встречу на Марсе из конспиративных соображений?

— Конспирация,— снова усмехнулась Филлида.— Ее не устроишь и на расстоянии миллиона световых лет: Звездная Лилия всюду.

— Плохо дело,— пробормотал Эрик, погружаясь в мрачные размышления.— Что же это за тип, с кем нам предстоит встретиться? — вернулся доктор к теме, которая не давала ему покоя.— Может, на встрече будет обсуждаться заключение сепаратного мира с ригами? Многие видят в нем единственную возможность выхода из войны.

— Предатель! — с притворным возмущением воскликнула Филлида.— Вы хотите оказаться рабом этих невыносимых насекомых, на которых смотреть страшно?

Немного поразмыслив, Эрик ответил:

— Я хочу...

— Вы сами не знаете, чего хотите, Арома,— перебила она.— Каждый мужчина, недовольный браком, теряет метабиологический контроль над желаниями. Он просто не знает, чего хотеть, и живет как высушенная изнутри оболочка, которая ждет, когда ее заполнит новое, свежее содержание. Вы как сгнившая внутри ракушка, из которой еще не выветрился запах прежней, исчезнувшей жизни. И сколько бы вы ни пытались совершать правильные поступки, у вас ничего не получится. Потому что у вас нет серединки — этого маленького жалкого клочка плоти, который заставляет пульс биться. Вот и сейчас: смотрите, как вы пытаетесь выкрутиться.

— Да нет, напротив...

— Вы же все время отодвигаетесь. Вы что, боитесь даже прикоснуться к женскому телу?

Усилием воли переводя тему на другие рельсы, Эрик заметил:

— Вчера вечером по телевизору выступал какой-то специалист по эпохе Кватроченто с такой смешной бородой, профессор Вальд, вернувшийся из...

— Нет. Если вы еще о госте Вергилия, то это не он.

— Тогда, может, Мармедюк Хастингс?

— Это кто еще? Даосский лектор, который мало того что дурак, так еще и больной на голову? Шутите? Сами знаете, как Вергилий относится к маргиналам вроде...— сделав неприличный жест большим пальцем, Филлида усмехнулась, обнажив ряд белых, идеально отполированных, безукоризненных зубов.— Может быть,— предположила она,— там будет Ян Норс?

— А это кто такой?

Эрик слышал имя Яна Норса, но спрашивать о нем Филлиду было тактической ошибкой. И все же Эрик поинтересовался, тем самым показав собственную слабость. Вот так всякий раз члены семейства Аккерманов вели его на поводу.

Филлида вздохнула и стала объяснять, как младенцу:

— Ян — владелец фирмы, выпускающий очень дорогие искусственные органы, которые вы вставляете в разлагающихся миллионеров. Так что стыдно не знать того, кто обеспечивает вас хлебом насущным.

— Да знаю я,— бросил Эрик с досадой.— Просто не сразу вспомнил.

— Вы уверены? А может быть, это композитор,— откровенно издевалась она.— Который творил во время правления клана Кеннеди. Может быть, это виолончелист Пабло Касальс. Хотя нет, он должен быть постарше. Может быть, это Бетховен... Что-то такое Вергилий мне рассказывал: Людвиг ван какой-то. Людвиг Ван Безымянный.

— Господи, да перестаньте же,— раздраженно бросил Эрик.— Сколько можно...

— Ничего, потерпите. Как и все остальное, чем вы занимаетесь,— тянете и тянете век за веком жизнь одряхлевшему сумасброду.

Она с вызовом расхохоталась.

Собрав волю в кулак, чтобы не позволить Филлиде вывести себя из равновесия, Эрик со всем доступным хладнокровием отвечал:

— Я возглавляю медицинскую службу ТИФФа, у меня восемьдесят тысяч пациентов. Как понимаете, я не могу следить за их здоровьем с Марса, куда отправился по воле вашего родственника. Так что увольте меня от ваших насмешек и вообще... от внутрисемейных разборок.

«Съела?» — злорадно подумал он, заметив новое выражение на ее лице.

— Один хирург по искусственным органам на восемьдесят тысяч человек? Но на вас же работает целая армия робантов.... Они могут справиться со всем в ваше отсутствие.

— Робант не работает, он просто тянет лямку.

— Как и хирург-искусственник, пресмыкающийся перед богачами. Так что сходства много. Одни пресмыкаются перед людьми, другие — перед богачами.

Эрик сердито взглянул на нее, но Филлида и виду не подала, что заметила, спокойно и величественно допив коктейль. «У нее слишком много психической энергии,— подумал Эрик.— Мне не справиться с этой женщиной».

Вашинг-35 был «пупом» Марса.

Центральным зданием Вашинга-35 являлось пятиэтажное каменное строение, в котором Вергилий провел детство. Умелые

мастера заботливо скопировали подлинную обстановку: мебель, вещи, предметы быта, полностью имитирующие далекий 35-й год, когда Вергилий был еще мальчиком, не думавшем (хотя как знать, может, уже и мечтавшим) о головокружительной карьере и фантастическом богатстве. Здесь хранилось все, что с таким старанием собрал Вергилий за долгие годы мира и войны. Неподалеку от дома Вергилия, в нескольких кварталах, находилась Коннектикут-авеню, а на ней располагались дома, такие же, какими их помнил Вергилий. Был здесь и универмаг Гаммаджа, в котором Вергилий покупал комиксы и дешевые ириски ценой в пенни. Рядом с универмагом Эрик разглядел знакомые очертания Народной Аптеки. Старик в детстве купил здесь свою первую зажигалку и набор химикалий для «Молотов-коктейля», собрав первую самодельную «гранату» из пустой бутылки, заодно осуществив первый лабораторный опыт. Здесь он делал первые шаги на поприще промышленной химии, которые привели его к нынешнему положению.

— Интересно, что на этой неделе идет в «Эптон-синема»? — озабоченно пробормотал Харви Аккерман, когда корабль снизился над Коннектикут-авеню, заходя на посадку.

Напрягая старческое зрение, Вергилий всматривался в вывески и афиши, любовно развешанные по городу. Сейчас он был как адмирал, принимавший парад.

Шли, оказывается, «Ангелы ада» с Джин Харлоу в главной роли: фильм, который все уже смотрели как минимум дважды. Члены семейства Аккерманов застонали: кто внутренне, а кто и внешне. Филлида так и вовсе — откровенно и недвусмысленно. Стон ее подхватил честный труженик бухгалтерского учета Харв.

— А помните сцену, где Харлоу говорит: «Пойду оденусь во что-нибудь поудобнее», а сама потом возвращается в одной...

— Помним, помним, дедушка,— раздраженно перебил Харв.— Да, это в самом деле была клевая сценка. Куда до нее всей порнографии XX-го века!

Корабль проехал с Коннектикут-авеню на Маккомб-стрит и припарковался перед домом. Дом был обнесен черной кованой оградой, за которой раскинулся широкий, засеянный травой газон. Эрик осторожно вдохнул воздух, хлынувший в корабль через откинувшийся люк, конечно, не столичный. Холодная и разреженная атмосфера Марса с трудом позволяла наполнить легкие, и Эрик хватал воздух ртом, чувствуя подступающую слабость и головокружение.

— Надо будет вставить им за воздушные насосы. Сколько раз говорил: приведите в порядок вентиляторы,— заскрипел Верги-

лий, спускаясь по трапу, упиравшемуся в тротуар. Хотя его это, видимо, беспокоило в последнюю очередь; он поспешил по дорожке, пересекавшей лужайку, к дому.

Робанты, замаскированные под дворовых сорванцов, тут же выскочили навстречу. Один воскликнул хорошо отрегулированным мальчишеским голосом:

— Привет, Вирг! Куда ездил?

— Да мама в магазин посылала,— захихикал Вергилий, чье лицо светилось восторгом.— А у тебя как дела, Эрл? Слушай, я достал несколько классных китайских марок, папа привез. Смотри, тут есть одинаковые, можем поменяться.

Он залез в карман, задерживаясь на пороге.

— А знаешь, что у меня есть? — заорал второй робот-ребенок.— Кусок сухого льда! Хочешь, дам подержать?

— Меняю на комикс,— откликнулся Вергилий, доставая дверной ключ и открывая парадное.— Как насчет «Бака Роджерса и Кометы Смерти»? Страшно интересно!

Пока остальная компания сходила по трапу, Филлида обратилась к Эрику:

— Предложи этим детишкам свежий календарь тысяча девятьсот пятьдесят второго года с обнаженной Мерилин Монро. Посмотрим, что за него дадут. Не иначе как угнанный мопед.

За дверью моментально возник охранник в фирменной форме ТИФФа.

— О, мистер Аккерман, не ждал, что вы так скоро.

Сторож провел их в темный, выстеленный ковровой дорожкой коридор.

— Он уже здесь? — спросил Вергилий с заметным напряжением в голосе.

— Да, сэр. Расположился в гостиной. Просил, чтобы его не беспокоили.

Охранник тоже нервничал.

Остановившись, Вергилий сказал:

— С кем он?

— Никого, сэр, только помощник и два человека из «Сикрет Сервис».

— Кто хочет освежиться? — бросил Вергилий за плечо и чуть не вприпрыжку пустился по коридору.

— Я, я! — закричала Филлида, подражая оптимистичному тону предка.— Я хочу суррогат фруктового ежевичного лимонада! Как насчет того, чтобы промочить горло, Эрик? Не хочешь ли джин-бурбон лимонад или вишневой шотландской водки? Или в тысяча девятьсот тридцать пятом году не было таких ароматизаторов?

— Надо найти место полежать и расслабиться. От марсианского воздуха я едва стою на ногах,— обращаясь к Эрику, заявил Харв. Его лицо налилось смертельной бледностью, проступили веснушки.— И почему он не построит над этим безумием хотя бы купол, чтобы качать настоящий воздух?

— Может, это и к лучшему.— заметил Эрик.— Так ему здесь долго не задержаться.

К ним подошел Иона.

— А вот лично мне, Харв, по сердцу всякие анахронистские местечки. Это же настоящий музей,— и, повернувшись к Эрику, добавил: — Говорю не в виде комплимента. Твоя жена проделала потрясающую работу по сбору артефактов той далекой эпохи. А слышите — как это называется? — радио? Да, в гостиной играет настоящее радио.

Все прислушались. Звучала «Бетти и Боб», пьеска из бесконечно далекого прошлого. Такое не оставило равнодушным даже Эрика. Голоса производили впечатление, казались совершенно живыми и реальными; не верилось, что это лишь восстановленная старинная запись. Не бледное эхо записи, гулявшее по ферромагнитной пленке,— все актеры и инструменты были здесь, совсем рядом, как будто разгуливали в соседней комнате. «Как только Кэт удалось этого достичь»,— дивился Эрик.

Стив, громадный красавец негр, местный дворецкий, точнее, его копия-робант, появился с дымящейся трубкой, сердечно приветствуя гостей поклоном.

— Доброе утро, доктор. Последнее время что-то похолодало. Мой сынишка Джорджи уже копит на санки.

— Вхожу в долю, у меня есть доллар тысяча девятьсот тридцать четвертого года,— сказал Ральф Аккерман, залезая в бумажник. И заметил в сторону: — Или папаша Вергилий считает, что чернокожий ребенок не заслужил санок?

— Не беспокойтесь, мистер Аккерман,— заявил старый негр.— Джорджи сам себе заработает. Ему не нужны чаевые, он хочет лишь честно заслуженной платы.

С тем же достоинством робот двинулся дальше по коридору, пока не скрылся из виду.

— Чертовски убедительно,— вырвалось у Харва.

— Да уж,— согласился Иона и поежился.— Надо же, а ведь этот человек умер еще в прошлом веке. Здесь, на Марсе, испытываешь какой-то провал во времени. Прямо оторопь берет — ведь так можно пропасть и не вернуться!

— Успокойся, скоро вернешься,— вмешалась Филлида.— Здесь совершенно нечем дышать.

— Да уж, здесь и воздух суррогатный.

Эрику пришла мысль.

— А почему вы считаете это суррогатом? Представьте: у вас в соседней комнате играет запись симфонического оркестра — и в то же время вы прекрасно знаете, что там нет ни дирижера, ни толпы музыкантов с инструментами. Вам же покажется нереальным существование этого оркестра?

— Нет, но это совсем другое дело.

— А какая разница? — возразил Эрик.— Ведь оркестра там нет, и зал, в котором был записан концерт, уже пуст, и все, что у вас осталось,— это двенадцать сотен футов феррооксидной ленты. Такая же иллюзия. Но здесь иллюзия устроена более совершенно.

«Что и требовалось доказать,— подумал он, следуя с остальными к лестнице на второй этаж.— Мы ежедневно живем в иллюзии. Когда первый бард сотворил первый эпос о какой-то войне, иллюзия вступила в жизнь. „Илиада" такая же подделка под действительность, как и эти ребятишки-роботы, меняющиеся марками на крыльце. Люди всегда цеплялись за прошлое. Без него не было бы ни настоящего, ни самого времени — а только один миг летящего вперед настоящего. Жизнь — это один миг. Лишенный прошлого, этот миг настоящего стал бы почти ничем. Понятие времени потеряло бы смысл».

«Может быть,— размышлял он, поднимаясь по ступеням,— в этом и состоит проблема с Кэт. У нас нет совместного прошлого: я не могу ничего вспомнить, что хоть как-то сближало бы нас. Не могу вспомнить, когда мы счастливо уживались друг с другом. Теперь же совместная жизнь протекает независимо от нашего желания. И вообще непонятно, откуда все взялось, Бог знает, из какого прошлого вырастают нынешние отношения».

И никто этого не понимает. Никто не может понять, как устроено это пресловутое время. Растянутая в голове бесконечность, наматывающая виток за витком пленку записи жизни. А ведь, усовершенствовав воспоминания, можно было бы улучшить и собственное будущее. А Эрику — найти свое прошлое. Он все время живет в каком-то нетерпеливом его ожидании. Когда что-то состоится в прошлом, изменится и настоящее, обретет смысл, которого сейчас нет в жизни.

«Может, это первый признак приближающейся старости,— мелькнуло у Эрика.— В мои тридцать четыре года!»

Филлида подождала его на лестнице.

— А закрутите со мной роман, доктор,— предложила она.

Эрика бросило в жар от столь откровенного предложения. Он разом почувствовал страх, возбуждение, надежду, наконец, и

вместе с тем — полную безнадежность своего положения. И ответил, пытаясь спрятаться за комплиментом:

— У вас, наверное, самые идеальные зубы, когда-либо принадлежавшие человеческому существу.

— Я жду ответа.

— Я...— Эрик тянул время, лихорадочно пытаясь что-нибудь придумать. Можно ли подобрать подходящие слова? Но именно словами все только и выражается. То, чего нельзя выразить словами, невыразимо вообще и, стало быть, просто не существует. Доктор сгорал под взором беспощадных женских глаз.

— Вам ведь самому хочется,— продолжала Филлида.

Как уклониться от этого проницательного женского взгляда, пронзающего его озлобленную, скрывающуюся в потемках душонку? Да, Эрик был для нее как на ладони, она, можно сказать, вращала доктора на языке, точно конфету во рту. Пригвождала к месту каждым словом. Черт бы ее побрал! Филлида все рассчитала верно: Эрик ненавидел ее и страстно хотел лечь с ней в постель. Она свободно читала на его лице своими проклятыми глазами, которыми не должна обладать ни одна смертная женщина.

— Иначе влипнете в еще более крупные неприятности,— пообещала Филлида.

— Один шанс из миллиарда возможностей, что мне удастся сбежать от самого себя,— хрипло выдавил Эрик. Он неловко рассмеялся, пытаясь скрыть смущение.— Скажите, разве вы сами не чувствуете, как это глупо? Сколько мы еще будем торчать на дурацких ступеньках из тысяча девятьсот тридцать пятого года? Да и какая вам до меня, простите, забота?

Они двинулись дальше, и хотя Эрик шел сзади, он чувствовал себя так, будто отступает — наступала она.

Так они достигли второго этажа.

Какая ей забота — и так понятно. Завести еще одну безотказную игрушку, чтобы потом выбросить ее из жизни. «Нет, не поддамся».

Двери в шикарную гостиную Вергилия была распахнуты. Хозяин уже проследовал туда к неведомому гостю. Остальные немного отстали, пропуская вперед главу клана, за ним родню на руководящих постах в порядке номенклатуры и очередности.

Последним вошел Эрик — и сразу увидел гостя Вергилия.

Да, чтобы посмотреть на это зрелище, стоило проделать путь до Марса!

Откинувшись в кресле, с пустым безвольным лицом, выпятив смуглые итальянские губы, сидел Джино Молинари, высшее

должностное лицо на Земле, глава объединенной планетной культуры и главнокомандующий вооруженными силами.

С ширинкой нараспашку.

ГЛАВА 3

В обеденный перерыв Брюс Химмель, инженер по контролю за качеством в ТИФФе, оставил пост и резво заспешил по улицам Тихуаны к дешевому ресторанчику под названием «Ксантус». Невысокое деревянное строение, ютившееся меж магазинами бакалеи и галантереи, привлекало многих клерков вроде Химмеля в возрасте до тридцати. Тех, кто пока не нашел места в жизни и перебивался малым. Молчальника Химмеля здесь никто не трогал, и его это полностью устраивало. Собственно, все, что требовалось ему от жизни — чтобы его оставили в покое. И жизнь, надо сказать, охотно шла Химмелю навстречу.

Забившись в угол и зачерпывая ложкой слипшийся гуляш, заправленный томатом и перцем, Брюс вдруг краем глаза заметил направлявшегося в его сторону молодого человека со всклокоченными волосами, в кожаной куртке и перчатках. По внешнему виду этого типа можно было отнести к совершенной иному веку или даже эре.

Это был Христиан Плавт, водитель древнего турботакси. Десять лет он пропадал в Южной Калифорнии из-за трений с полицией Лос-Анжелеса по поводу мелкой торговли капстеном — наркотиком, который синтезировался из паразитарного пластинчатого гриба. Химмель был едва знаком с Плавтом, благодаря тому, что тот увлекался даосизмом.

— Салве, амикус,— торжественно произнес Плавт, усаживаясь рядом.— Что значит: приветствую, дружище.

— Взаимно,— пробубнил Химмель с набитым ртом.— Что новенького?

Он вовсе не имел желания общаться. Но Плавт всегда был в курсе последних событий; курсируя весь день по Тихуане на своем турбинном драндулете, он успевал узнать все и не пропустить ни одного мало-мальски значимого события. Если в мире появлялось что-то новое, Крис Плавт уже находился рядом, умудряясь извлечь из происшедшего выгоду. Это был человек-справочник, через которого можно было достать все, что угодно.

— Слушай сюда,— заговорщически навис он над столом, скорчив желтым мексиканским лицом серьезную гримасу.— Вот это видал?

На стол выкатилась капсула — и тут же исчезла под ладонью Плавта.

— Ну,— отвечал Химмель, продолжая ковыряться в тарелке.

Изогнувшись над собеседником, Плавт вещал страшным шепотом.

— Знаешь, что это?

— Нет.

— Настоящий JJ-180!

— Что еще за фигня? — осведомился Химмель, ощущая смутное беспокойство. Он вдруг пожалел, что выбрал для обеда «Ксантус», а не другое место. Больше всего на свете ему захотелось, чтобы Плавт как можно скорее от него отвязался и поискал удачи на стороне.

— JJ-180 — это немецкое название препарата, который продается в Южной Америке под именем фрогедадрина,— почти беззвучно прошептал Плавт.— Он был синтезирован в одной немецкой фармацевтической фирме, и распространяется через одну аптеку в Аргентине. В США его провезти невозможно, на самом деле его и в Мексику трудно доставить, уж поверь мне.

Он ухмыльнулся, показав желтые от жевательного табака зубы с почерневшими пеньками. Язык у него был покрыт странным налетом неземного происхождения.

Химмель постарался смотреть мимо старого знакомого.

— Не знаю как в Мексике, а здесь, в Тихуане, по-моему, можно достать любую дурь,— пробормотал он.

— А я о чем? Я взял по случаю несколько баллонов этого фрогедадрина.

— Ну и?

— Не хочешь испытать?

— А ты сам уже пробовал? — недоверчиво посмотрел Химмель.

— Сегодня вечером,— все так же заговорщически вещал Плавт.— Коллективный сеанс у меня дома. Пять капсул, одна из них твоя. Заметано?

— Что за дурь хоть? Какое у нее действие?

— Психоделическое,— Плавт, сотрясаемый внутренним порывом, принялся раскачиваться на стуле.— Настоящий галлюциноген. Но не только,— он несколько раз тряхнул головой и вожделенно присвистнул. Затем закатил глаза и радостно оскалился.

Химмель подождал, пока закончится демонстрация чувств.

— Действие зависит не от дозы, а от типа личности. То, что Кант называл «категорией восприятия». Улавливаешь?

— То есть индивидуальное ощущение времени и пространства,— Химмель читал «Критику чистого разума». Это была одна

из его любимых книг: в ней все соответствовало его образу мыслей. У него даже хранился отксерокопированный том «Критики», исчерканный пометками на полях.

— Вот именно! Короче, препарат изменяет личное чувство времени и пространства. Наркотик времени. Как это сказать по науке? Темпорогогичный, так что ли, препарат. Первый в мире «вневременной» препарат. Такое стоит попробовать,— он мечтательно закатил глаза.

— Ну, мне пора,— кашлянул Химмель и стал подниматься.

Прижав Химмеля к месту, Плавт пробормотал:

— Пятьдесят баксов... Соединенных Штатов.

— Что? Да пошел ты...

— За одну капсулу. И вся любовь. Чудак, ты же никогда не попробуешь такого.

Плавт еще раз прокатил капсулу по столу.

— Мы постигнем Дао впятером. Разве за это жалко выложить вонючие пятьдесят баксов? За то, чтобы вместо этой чертовой войны оказаться в Дао? Да это, может быть, первый и последний случай в жизни! Мексиканские копы готовят операцию, хотят полностью отрезать поставки наркоты из Аргентины, да и с остальных флангов. Война, понимаешь? А уж у них это, поверь, получится, они свое дело знают.

— И что, дурь в самом деле отличается от...

— Еще как! Кстати, Химмель, знаешь, что сейчас чуть не попало мне под колесо? Одна из твоих тележек. А ведь я мог раздавить ее! Но не стал этого делать. Они мне всю дорогу попадаются — я бы мог передавить сотни. И скажу еще вот что: полиция Тихуаны давно интересуется, кто напустил на улицы города маленькие дурацкие тележки. Но пока я держу язык за зубами. Так что ты должен помочь мне, потому что если мы не постигнем Дао сегодня вечером, то...

— Ну ладно,— спасовал Химмель и полез за кошельком, ничего хорошего от этого предприятия не ожидая. Вечер наверняка будет проведен впустую.

Знал бы он, как ошибался!

Джино Молинари, генеральный секретарь, верховный главнокомандующий, сидел в кресле у камина, в камуфляже, с Золотым Крестом Первой степени на груди, врученным пятнадцать лет назад Генеральной Ассамблеей ООН. Его скулы поросли иссиня-черной щетиной, выходившей, казалось из глубины тела, форма была в беспорядке, ширинка расстегнута, шнурки на ботинках развязаны.

И это Секретарь Организации Объединенных Наций!

Молинари при появлении Аккерманов даже не поднял головы. Вергилий с сопровождающими постепенно заполнили комнату и замерли в недоумении. Перед ними сидел явно больной человек, недееспособный калека. Мнение, сложившееся в народе, что во главе государства стоит полная развалина, подтверждалось.

К собственному удивлению Эрик понял, что видит Мола не таким, как по телевизору. Казалось невероятным, что этот человек еще мог держаться на ногах во время выступлений. Быть может, что-то подсовывали под трибуну? С экрана Джино выглядел бодрячком, активным жизнедеятельным лидером, каким и полагается быть генеральному секретарю, а здесь — совсем не походил на героя войны и защитника человечества. Причем процесс, похоже, зашел так далеко, что мало чем помогло бы и медицинское вмешательство. Словно в кресле находилась кукла, чей кукловод ушел, и ниточки отрезаны.

Вергилий Аккерман зашептал Эрику в ухо:

— Вы же доктор. Спросите, может, ему нужна медицинская помощь.

Казалось, он был озадачен не меньше доктора.

Эрик посмотрел на Вергилия.

Так вот зачем его везли сюда: он должен был оказать помощь Секретарю ООН. Все устроили так, чтобы Эрик встретился с Молинари, остальное служило прикрытием. Спектакль с поездкой разыграли, чтобы одурачить пришельцев из системы Лилии. И никуда не денешься — это долг Эрика как врача. Теперь все можно свалить на него, наверное, единственного хирурга на несчастном Марсе.

Арома склонился над креслом, не решаясь взять руку высокопоставленного пациента, чтобы прощупать пульс:

— Господин генеральный секретарь...

Голос у Эрика дрогнул. Не от испуга — просто человек в кресле не отозвался на его приближение ни единым движением, он лежал как полутруп, коматозный больной. Ни одной эмоции не отразилось на лице Молинари.

— Я врач,— сказал Эрик и понял, что слова его прозвучали впустую.— Точнее, хирург-трансплантолог,— продолжал он. Затем остановился, все еще надеясь получить ответ.

Тело в кресле даже не шевельнулось.

— Пока вы находитесь здесь, в Вашинге-35...

Голова Молинари неожиданно дернулась, взгляд прояснился. Он уставился на Эрика и неожиданно заговорил хорошо знакомым всем голосом:

— Пустяки, доктор. Я в порядке.

Секретарь улыбнулся.

— Что вы так беспокоитесь? — почти весело воскликнул он.— Живите в стиле безмятежных тридцатых, раз мы здесь очутились. Кстати, сейчас не время «сухого закона»? По-моему, его приняли чуть позже. Угощайтесь пепси-колой.

— Я как раз предлагал всем попробовать ежевичный «кулэйд»,— захлопотал Вергилий.

— Да, друг мой Вергилий,— игриво заметил Мол.— Тебе удалось создать настоящее королевство иллюзий. Я поспешил воспользоваться твоим любезным приглашением и вволю расслабиться. Надо бы национализировать эту сказку. Сюда инвестируется столько частного капитала, который мог бы с толком пойти на войну,— тон его был шуточный, и наверное, только это спасло Вергилия от очередного инфаркта. Каждый житель планеты знал, что Мол вел аскетичный образ жизни. И все же Джино был не чужд порой сибаритства и небольших оргий с размахом, после которых вновь устанавливались строгие порядки, и даже на выпивку устанавливался запрет.

— Разрешите представить вам доктора Эрика Арома,— залебезил Вергилий.— Лучший трансхирург планеты,— потряс он сухим кулачком.— Ну да вы, наверное, и сами знаете об этом из его персонального досье, которое хранится в ставке Верховного Главнокомандования. Он сделал мне пересадку двадцати пяти... или шести, доктор? органов за последние десять лет, и я плачу ему приличное жалование. Правда, его жена, мой консультант по антиквариату, получает — хи-хи — значительно больше.

Аккерман покровительственно ощерился на Эрика костлявой улыбкой Кощея.

За словами Вергилия последовала долгая пауза. Затем Эрик обратился к Молинари:

— День ото дня я ожидаю, когда мне представится возможность пересадить Вергилию новый мозг,— его самого удивила такая вспышка гнева. Возможно, причиной было упоминание имени Кэт.— У меня как раз хранятся несколько свежезамороженных.

— М-да,— проговорил Мол.— Отстал от жизни. Работа заела. Да и у вас от этой войны, должно быть, полно хлопот, доктор? Столько дополнительных органов появляется каждый день с полей сражений.

Большие темные глаза, в которых таилась глубокая боль, остановились на Эрике. И внезапно Эрик понял, что тот, кто находится перед ним, изо дня в день переживает страдания,

немыслимые для человека. И тем не менее взор Молинари излучал власть. Этот человек знал, что такое боль. И не только причинял боль другим, но владел собственной болью — как искусством выживания.

Только поэтому полутруп оставался жив.

Эрик внезапно осознал то, что тщетно силился понять за долгие годы ужасной войны: Мол действительно являлся лидером человечества. Именно так чувствовали себя правители всегда и везде.

— Всякая война — наказание для человечества,— осторожно заметил Эрик. Он остановился, выжидая, и закончил: — Мы все начинаем понимать это, как только попадаем в такую ситуацию. Мы с вами, сэр.

Последовало молчание. Мол бороздил взглядом лицо Эрика.

— Тем более что жители системы Лилии генетически ближе нам, чем риги,— добавил Эрик наконец.— Поэтому мы должны выступать на их стороне, не так ли, сэр?

Опять молчание; в воздухе словно возникла сосущая пустота, которую никто не решался заполнить. Наконец Молинари разрядил обстановку, с шумом пустив газы.

— Господин генеральный секретарь, расскажите доктору о ваших желудочных коликах,— сказал Вергилий.

— Это мое дело,— огрызнулся Мол.

— В таком случае я свою работу выполнил. Моей задачей было свести вас.

— Да,— кивнул Мол.— Цель была в этом.

— Уверен, мы продолжим работать на тех же условиях: льготное налогообложение, рабочие бригады... пока... доктор Арома находится с вами,— продолжил Вергилий, не дожидаясь ответа.— А сейчас мы оставим вас,— и с непривычной живостью Вергилий выскочил из гостиной, увлекая гостей. Члены родового клана с охранниками и служащими фирмы покинули гостиную, оставив Эрика Арома лицом к лицу с генеральным секретарем.

Вздохнув, Эрик сказал:

— Я понял, сэр, меня продали. Расскажите о ваших желудочных коликах.

ГЛАВА 4

Взбираясь по рахитичной деревянной лестнице в расположенное в каком-то мексиканском гетто жилище Криса Плавта, Брюс Химмель услышал из темноты:

— Чао, Брюси. Похоже, весь ТИФФ в сборе. За мной тащится Саймон.

Его нагнала Кэтрин Арома, сексапильная и бойкая на язык дамочка. Химмель не раз встречал докторшу у Плавта, поэтому ничуть не удивился ее появлению. На «званый вечер», грозивший перерасти в наркотическую оргию, обворожительная консультантка Вергилия прибыла в узеньком ультрамодном платье, едва прикрывавшем соски. При ближайшем рассмотрении наряд оказался не из ткани, а из желеобразной массы золотого цвета, шевелившейся, словно живая материя. Это была марсианская форма жизни, якобы не лишенная сознания, поэтому каждый из сосков Кэт откликался и реагировал на все происходящее вокруг. Груди Кэт вздрогнули, когда она приблизилась. На Химмеля ее вид произвел потрясающее впечатление.

За Кэт Арома уже спешил Саймон Илд. Даже в неясном освещении можно было разглядеть отсутствующее выражение на молодом, прыщавом, невежественном лице. «Вот уж без кого вполне можно было обойтись!» Этот тип напоминал Химмелю самого себя, только более уродливую копию, и Брюс в очередной раз испытал щемящее чувство собственного несовершенства — особенно на фоне чар миссис Аромы.

Четвертым из собравшихся в нетопленой квартирке с низким потолком, напоминавшей закопченую кухоньку, оказался человек, знакомый всем. Его лицо, вооруженное очками, обрамленное длинными ухоженными волосами, взирало с обложек десятков книг. То был признанный даосский авторитет из Сан-Франциско Мармедюк Хастинг, человек хрупкого сложения, в дорогой, со вкусом подобранной одежде, с романтической бледностью, на которую западают женщины. В свои сорок с небольшим он успел написать несколько книг по восточному мистицизму. Мармедюк Хастингс был преуспевающим человеком, в отличие от Химмеля.

Очевидно, ученый муж прибыл опробовать экзотический JJ-180. Хастингс давно перепробовал все известные галлюциногены и описал их действие, испытывая их на себе. Такова была его религия.

Химмель знал, что персона вроде Мармедюка Хастингса никогда не посетила бы вонючей дыры Криса Плавта, если бы не особые причины. Значит, наркотик в самом деле чего-то стоил.

Инженер отсиживался в углу, наблюдая происходящее. Хастингс рылся в плавтовой библиотеке, целиком посвященной наркотикам и мистике, остальное его как будто не касалось. Саймон Илд, как обычно, расположился прямо на полу, примо-

стившись на диванной подушке, и раскуривал самокрутку с марихуаной. Кэт Арома влезла на диван с ногами, приняв позу отдыхающей кошки, однако в ее упругом теле чувствовались напряжение и готовность. Все это напоминало не отдых, а какую-то асану из женской йоги (если таковая существовала на свете).

Из кухни вышел Крис Плавт, босиком, в красном халате и солнечных очках. Плавт посмотрел сквозь них, показывая, что готов начать.

— Марм, Кэт, Брюс, Саймон и я, Христиан,— заговорил он.— Всего пятеро. Итак, мы отправляемся в путешествие по непознанным мирам с помощью продукта, доставленного из Тампико контрабандой, на корабле с бананами.

Он вытянул вперед раскрытую ладонь.

— По одной на каждого. Вернемся ли — кто знает?

— Давай свою дурь и приступим,— оборвала его Кэт Арома.

Она ловко выхватила одну из предложенных капсул.

— Поехали. Я без воды.

Марм Хастингс произнес аккуратным голосом, подражая корректной речи англичанина:

— Полагаю, с водой или без — не имеет разницы?

И, не моргнув глазом, отправил капсулу в рот следом за Кэт, словно только и дожидался этого момента. Химмель ощутил тревогу: судя по тому, что рассказывал Плавт, не была ли эта адская штука изобретена специально, чтобы отделить дух от тела? Иначе с чего на нее позарился такой человек, как Мармедюк Хастингс?

— Никакой разницы, с водой или без,— заверила его Кэт.— Всегда одно и то же прохождение через объективную реальность. Одно широкое размытое облако. Картина всегда одинаковая.

Она поперхнулась и закашлялась, когда капсула прошла в ее прекрасное тело.

Пришел черед Химмеля. За ним свою долю приняли Саймон Илд и Христиан Плавт.

— Если полиция Мола поймает нас с этим, нам дадут автоматы и пошлют на далекую планету биться с ригами,— сказал Саймон, не обращаясь ни к кому в особенности.

— Или в рабочие лагеря — вкалывать на Звездную Лилию под лозунгом «Все для фронта, все для победы»,— добавил Химмель.

Все ждали, пока подействует наркотик. Чувствовалось некоторое напряжение. Так обычно бывало в те короткие секунды, когда препарат растворялся в желудке и попадал в кровь.

— Мисс,— совершенно невозмутимым голосом обратился Марм Хастингс к единственной женщине в компании.— Сдается, мы с вами где-то встречались. Есть в вас что-то неуловимо знакомое. Вы случайно не бывали у меня в студии?

— Нет,— огорченно покачала головой Кэт.— Мой супруг такая сволочь, не пускает меня туда. Вообще я сама себя обеспечиваю и от него независима, но он просто изводит меня нытьем. Мне всегда хотелось чего-то оригинального в жизни,— вздохнула она. Помолчав, она добавила: — Вообще-то я эксперт-консультант по закупке антиквариата, но старинные вещи порой так надоедают. Хочется чего-то современного, свежего...

— Плавт, откуда, вы говорили, этот JJ-180? — обратился Хастингс к хозяину квартиры.— Из Германии? Дело в том, что у меня там масса связей в институтах и частных клиниках, ведущих разработки в области фармакологии, но я ни разу не слышал о существовании препарата с таким названием.

Он проницательно усмехнулся, ожидая ответа.

Крис пожал плечами.

— Какая вам разница, откуда он ко мне попал. Не хотите — не пробуйте.

Вид у него был совершенно невозмутимый. Крис прекрасно понимал, что никто, в том числе и Хастингс, не станет требовать денег обратно.

— Значит, не Германия,— уверенно кивнул Хастингс.— В таком случае, все наводит на мысль, что этот JJ-180, он же фрогедадрин, имеет... неземное происхождение?

После минуты молчания Крис ответил:

— Хотите честно? Я не знаю, Хастингс. Понятия не имею.

Тогда Хастингс обратился к остальным с уверенными интонациями лектора.

— Как известно, бывали случаи контрабанды наркотиков из иных звездных систем. Но пока ни один из препаратов ничем не отличился от земных наркотиков. Типичные картины воздействия, имеются разные земные аналоги. Обычно это препараты из марсианской флоры либо из лишайника, растущего на Ганимеде. Полагаю, вы о них уже слышали, поскольку вы люди хорошо информированные в этой области. Во всяком случае...— улыбка стала шире, но за стеклами очков без оправы оставался все тот же пустой рыбий взгляд.— Но вас, я вижу, устраивает этот собачий корм, за который вы отдали пятьдесят долларов.

— Лично я доволен,— как всегда, в самый неподходящий момент подал голос Саймон.— В любом случае, уже поздно, надо ловить кайф. Мы же заплатили бобы и приняли капсулы.

— Верно,— рассудительно согласился Хастингс. И уселся в одно из разваливающихся кресел Криса.— Ну, кого уже «торкнуло»? Пожалуйста, держите меня в курсе дела, я собираю материал для новой книги.

Он повернулся к Кэтрин Арома.

— Слушайте, ваша грудь в самом деле смотрит на меня или это только галлюцинация? В любом случае, мне что-то не по себе. Зрелище не для слабонервных.

— Моя грудь ни на кого не смотрит,— надула губки Кэт.

— Вообще-то я кое-что чувствую,— натянуто произнес Крис Плавт.— Хотите верьте, хотите нет, мистер Хастинг, я чувствую,— он взволнованно облизнул губы.— Простите. Вы знаете, кажется, я здесь совершенно один. В этой комнате больше никого нет.

Марм Хастинг уставился на него долгим изучающим взором.

— Нетипичная галлюцинация. Посмотрим, что будет дальше.

— Никого,— продолжал Крис.— Ни души. Вас нет, только вещи. Тогда с кем же я разговариваю?

Он стал оглядываться, обводя всех пустым невидящим взором, словно смотрел сквозь них.

— Кстати, мои соски вовсе не смотрят в вашу сторону и ни на кого другого,— обидчиво сказала Кэт.

— А теперь я вас и не слышу,— заговорил Крис, впадая в панику.— Ответьте мне!

— Да мы здесь! — крикнул Саймон Илд и захихикал.

— Пожалуйста,— в голосе хозяина квартиры появились умоляющие нотки.— Скажите мне что-нибудь! Ведь вокруг — только тени. Все безжизненно. Ничего, кроме мертвых вещей. И я чувствую, что это только начало. Представляю, что будет дальше!

Марм Хастингс встал и положил руку Крису на плечо.

Рука прошла сквозь Плавта.

— Похоже, это стоит полтинника,— заметила Кэт, близкая к испугу. Она тоже поднялась с дивана и стала приближаться к Крису, чтобы попробовать самой.

— Не стоит,— предупредил Хастингс.

— Нет уж,— сказала она и... прошла сквозь Криса Плавта. Однако она не вышла с другой стороны и вообще не попала в эту комнату. Она исчезла для всех. Остался один Плавт; он продолжал взывать к остальным и шарить руками в воздухе, пытаясь найти тех, кто стал бесконечно далек для его ощущений.

«Изоляция,— понял Брюс Химмель.— Тотальная изоляция. Теперь каждый из нас отрезан от остальных. Жуть. Но когда-нибудь это кончится? Или нет?» — с испугом подумал он.

Этого он знать не мог, поскольку для него еще ничего не начиналось.

— Колики усиливаются к вечеру,— рассказывал Джино Молинари доктору.

Генеральный секретарь ООН, тяжело дыша, лежал на большой резной кушетке образца тридцать пятого года в одной из комнат жилого дома Вергилия Аккермана. Он зажмурился; крупное мясистое лицо подергивалось, словно от нервного тика; казалось, он скрежещет зубами от невыносимой боли.— Меня регулярно обследует доктор Тигарден, мой личный врач. Бесконечные анализы... Упор на злокачественную опухоль.

«Он как будто пересказывает намертво заученную информацию,— размышлял Эрик.— Так может говорить только медик-профессионал». Похоже, Молинари совершал некий ритуал, тысячи раз рассказывая тысячам докторов ими же поставленные диагнозы.

— Там нет никакой злокачественной опухоли,— продолжал Молинари.— Все медики, обследовавшие меня, подтвердили это.— Далее он понес такое, что показалось Эрику откровенной сатирой на речи врачей-демагогов, пародией на речи, которые могли произносить перед Джино самоуверенные медицинские светила. Наверное, у Мола был зуб на докторов, которые ничем не могли помочь, только упражнялись в красноречии.

Наконец генеральный секретарь успокоился, и беседа пошла ровнее.

— В основном ставят острый гастрит. Или пилороспазмы. Иногда говорят, истерические боли, вызванные тем, что моя жена страдала три года назад от родовых схваток,— и добавил в сторону: — Как раз незадолго до ее смерти.

— Вы на диете? — спросил Эрик.

Мол вяло поднял веки.

— Какая диета, доктор, я ничего не ем. Вообще ничего. Питаюсь воздухом. Вы разве не читали, что пишут обо мне в прессе? Мне не нужна еда, я же совсем другой,— голос его в словах вмещал столько желчи, сколько ее вообще могло содержаться в этом теле.

— Это как-то связано с вашей службой? — напрямую спросил Эрик.

Мол подозрительно уставился на доктора.

— Вы что, хотите применить ко мне психологию, эту псевдонауку, которая пытается возложить на людей ответственность за их деяния?

Он сплюнул. Лицо его моментально стало каменным, как у изваяний Молинари, что красовались на главных площадях Земли.

— Любой может избежать ответственности. Если вы считаете, что тот, кто физически чувствует ее на себе,— невротик...

— Нет,— поспешил ответить Эрик.— Психиатрия — не моя специализация. Если вы захотите пригласить...

— Они все уже были у меня,— сказал Мол. Подтянув ноги, он одним движением перевернулся на кушетке и встал.

— Зовите Вергилия,— бросил он Эрику.— Нет смысла тратить время на бесполезные разговоры. Меня не допрашивают.

— Но без вопросов к больному нельзя поставить диагноз,— заикнулся Эрик.

— Все равно. Допрашивать — последнее дело. Надо знать, а не допрашивать. Все, в ваших услугах я больше не нуждаюсь.

Прихрамывая, он направился к двери, подтягивая по пути обвисшие штаны цвета хаки.

— Господин секретарь,— позвал Эрик.— Вы же знаете, боли можно прекратить в любое время. Любой орган можно заменить. Операция простая и почти в ста процентах случаев проходит успешно. Пока что, не имея доступа к вашей истории болезни, я не могу сделать окончательных выводов, но уверен: операция могла бы состояться в ближайшие дни. Решайте сами, рисковать или нет.

Доктор был уверен, что Молинари выживет: страх его перед медициной казался беспочвенным.

— Нет,— спокойным голосом отвечал Молинари.— Я не пойду ни на какую операцию, я сделал выбор. Я должен умереть.

Эрик уставился на него.

— Да,— подтвердил Молинари.— Несмотря на то, что я главнокомандующий. Смерть, как и моя жизнь, неизбежна. Она послужит общему делу. Впрочем, оставим это.

Он рывком распахнул дверь.

— Вергилий! — крикнул он неожиданно окрепшим, железным голосом.— Давай наливай, сколько можно тянуть! — и бросил Эрику, не оглядываясь: — Так вы поняли, зачем была организована сходка на марсианской даче? Ручаюсь, старик рассказывал, что это единственный способ разрешить военные, политические и экономические проблемы. За полчаса,— и он осклабился через плечо, показывая крупные белые зубы.

— Рад слышать,— откликнулся Эрик.— Значит, все — не более чем загородная прогулка.

Все же у доктора осталось подозрение, что Вергилий Аккерман затеял встречу с генеральным секретарем не просто так.

Молинари значил для главы корпорации ТИФФ все или почти все. Уход Джино Молинари с поста — или из жизни, безразлично,— означал полный крах для Вергилия. Любой частный капитал в военное время мог быть национализирован и прибран к рукам агентами пришельцев, занявшими ключевые посты в структурах власти. Но Вергилий Аккерман был хитрым и прозорливым, более того — дальновидным бизнесменом, и рассчитывал игру на несколько ходов вперед.

— Кстати, сколько вам платит этот старый пройдоха? — сказал Молинари.

— Н-неплохо,— проговорил захваченный врасплох Эрик.

Мол, смерив его взглядом, сказал:

— Он рассказывал о вас. Еще до этой встречи. Набивал цену. Говорил, что жив только благодаря вам и все такое.

Они понимающе улыбнулись друг другу.

— Что пьете, доктор? Лично я все без разбора. Еще люблю бифштекс с кровью, мексиканскую острую кухню, свиные ребрышки и жареных креветок с хреном и горчицей. Как видите, я забочусь о своем здоровье.

— Виски «Бурбон»,— ответил Эрик.

Один из безликих людей торопливыми шагами зашел в комнату. Эрик сразу понял, что перед ним агент «Сикрет Сервис».

— Том Йохансон, глава отряда моих телохранителей,— представил Молинари.— Вот кому я обязан жизнью. А это доктор Эрик Арома. Доктор оживляет при помощи волшебного чемоданчика, а Том Йохансон работает при помощи пистолета. Нука, Том, доставайте оружие. Выйдите в коридор и покажите, как умеете стрелять. В конце коридора стоит Вергилий, всадите ему заряд в сердце — доктор заменит. Сколько это займет времени, док? Десять минут, пятнадцать? — Мол расхохотался. И деловито махнул Йохансону рукой: — Закрой дверь.

Телохранитель подчинился.

Мол приблизился к Арома.

— Слушайте, доктор. Вот о чем я хотел у вас спросить. Предположим, вы соберетесь сделать мне операцию по пересадке, вскроете меня, вырежете желудок, чтобы вставить новый — и в процессе этого случится непредвиденное. Отключится свет, произойдет землетрясение, появятся враги. Ведь это будет безболезненная и скорая смерть? Вы сможете устроить, чтобы все прошло без боли? — он не спускал глаз с лица Эрика.— Понимаете меня?

За его спиной стоял бесстрастный телохранитель, прижимая дверь, как будто в любой момент могли ворваться враги.

— Н-но зачем? Почему? — выдавил Эрик после паузы, показавшейся ему бесконечной.— Почему тогда не воспользоваться пистолетом Йохансона системы лазер-магнум? Если вы в самом деле хотите...

— На самом деле я и сам не знаю, зачем,— ответил Мол.— Особых причин нет. Может быть, смерть жены. Называйте это ответственностью, если хотите. Или виной перед многими. Все равно это ничего не объясняет,— затем, помолчав немного, он добавил: — Я устал.

— В таком случае возможно,— искренне отвечал Эрик.

— И вы сможете это сделать? — глаза Молинари сверкнули, словно прожигая доктора насквозь.

— Да, я справлюсь.

Эрик не одобрял эвтаназию, но и не отрицал полностью. Если человек так хочет прекратить страдания, он имеет на это право. Во-первых, не для каждого жизнь благо. Возможно, благом она является вообще лишь для единиц. Жизнь Джино Молинари являлась кошмаром. Этот человек был очень болен, замучен угрызениями совести и невероятной тоской по утраченным близким. Он стоял перед безнадежной задачей — исполнить волю народа, который в него давно не верил. Население системы Звездной Лилии, союзники, тоже особых надежд на него не возлагали. Даже, возможно, просто ненавидели, поскольку Молинари часто бойкотировал их проекты. Наконец, трагические события личной жизни, неожиданная смерть жены и эти муки — постоянные боли, сводящие на нет остальные радости жизни. И, наверное, Молинари не раскрыл ему всех своих тайн. Так что ему виднее.

— Вы сможете это устроить? — еще раз, для подтверждения, спросил Молинари.

После долгой, затянувшейся, как петля на шее, паузы, Эрик решительно сказал:

— Давайте считать, что мы заключили соглашение, которое останется между нами. Но пусть об этом не знает больше никто.

— Конечно,— Молинари кивнул, и лицо его прояснилось, словно он наконец испытал облегчение за долгие годы страданий.— Теперь я понимаю, почему Вергилий так усиленно рекомендовал мне вас.

— Не так давно,— сказал Эрик.— Я собирался сделать это с собой.

Мол вскинул голову и пронзительно посмотрел на доктора. Словно они стали ближе, впервые открывая друг другу тайники сознания.

— В самом деле? Я хочу знать причину,— потребовал Мол.

Это было похоже на сеанс телепатии — Джино как будто проникал в мозг Эрика, и Эрик не мог оторваться от его требовательных глаз, хотя понимал, что парапсихологические способности тут не при чем.

Мол протянул руку, и рука Эрика сама потянулась навстречу. Однако это оказалось не рукопожатие: рука Мола сдавила ладонь доктора с силой, невероятной в больном теле. Мол пытался проникнуть в его душу, как Филлида Аккерман, чтобы обнаружить все, что Эрик скрывает. Но никого нельзя пускать в душу, не причинив ей при этом вреда.

Мола не устраивали объяснения, он настаивал на правде. И Эрику пришлось рассказать все: у него не оставалось выбора.

На самом деле ничего особенного. Любое житейское дело, когда о нем рассказываешь, становится пустым и никчемным, выдуманной, раздутой проблемой. Оттого люди и беседуют друг с другом, оттого так любят чесать языками женщины. Конечно, Эрик не имел глупости делиться сокровенным, даже с собственным психоаналитиком. Кому захочется выставлять себя полным идиотом или, того хуже, духовно деградирующей личностью?

Итак, это был инцидент между ним и...

— Вашей женой,— подытожил Молинари, не сводя с него глаз — он никогда не выпускал взора собеседника во время доверительного разговора.

— Да,— кивнул Эрик.— Все началось с моих кассет. У меня была коллекция видеозаписей великого комика середины двадцатого века Джонатана Винтерса...

Предлогом первого приглашения в дом Кэтрин, тогда еще ходившей под девичьей фамилией Лингром, стала именно эта замечательная коллекция, истинное сокровище, которым ее обладатель гордился, как Вергилий марсианским бэбилендом. Услышав о существовании коллекции, Кэтрин выразила желание посмотреть хотя бы несколько отрывков, на его выбор.

Мол продолжил:

— И поняла, что вы недаром собираете эти записи. Подметила у вас некую психологическую проблему.

— Да,— печально кивнул Эрик.

После того как Кэт по-кошачьи разлеглась на диване в гостиной, поджав длинные стройные ноги, а ее обнаженная грудь люминесцентно зеленела, покрытая специальным составом по последней моде, уставившись неподвижным взором в экран и порой покатываясь со смеху — кто тут удержится? — она со вздохом сказала:

— Знаешь, что больше всего потрясает в таланте Винтерса? Он поверил в свою роль, и она его раздавила. Он принял на себя этот образ.

— А что в этом плохого? — удивился Эрик.— Он же актер.

— Нет, с ним все в порядке. Я просто поняла, отчего ты зависаешь на Винтерсе,— говоря это, Кэт вращала в руках бокал, холодный и мокрый, покрытый испариной, с ее любимым коктейлем.— Ты также целиком подстраиваешься под роль, которую навязывает тебе жизнь — например, роль хирурга-трансплантолога. Какая-то, пусть детская, бессознательная часть твоего сознания все время стремится обособиться.

— Но что плохого в том, чтобы стать членом общества и выполнять свою задачу? — возмутился Эрик.

Он спохватился и попытался перевести в шутку этот дурацкий психотерапевтический сеанс, перевести разговор на более простой предмет, привычный и бытовой, в районы, ясно определенные в его уме, когда он наблюдал ее чистую голую бледно-зеленую грудь, мерцающую, как телевизор, люминесцентным светом.

— Это подло,— сказала Кэт. При этих словах внутри что-то сломалось.

Такое же чувство Эрик испытал сейчас, рассказывая Молу о той встрече. Казалось, Молинари услышал его безмолвный стон, потому что молчаливо кивнул в ответ.

— Так ты прячешься от людей,— продолжала Кэт.— Взять хотя бы меня.

И тут, видимо, пожалев его, она сменила тему, за что он был признателен ей. Но почему их разговор так обеспокоил Эрика, оставил рубец в душе?

Позже, когда они поженились, первым требованием Кэт стало, чтобы он держал свою коллекцию подальше от их семейной жизни, в рабочем кабинете, и чтобы ей не попадалась на глаза ни одна из кассет. «Твоя коллекция раздражает меня»,— заявила жена, но ничего не объяснила

Однажды вечером, ощутив сосущую тоску и пустоту в душе, он понял, что соскучился по старику Винтерсу, и захотел поставить одну из кассет.

Кэт выразила недовольство.

— Но почему? — удивился Мол.

Эрик не знал, что ответить. Он понятия не имел и до сих пор оставался в неведении, что с ней стряслось.

Случай оказался первой ласточкой, дальше пошло хуже. Основной ошибкой Эрика в семейной жизни и в обращении с жен-

щинами было то, что он не предвидел последствий. И у него имелась потаенная мечта овладеть когда-нибудь способностью заглядывать в будущее.

Благодаря стараниям Кэт, ее недюжинной энергии, Эрик поступил на службу к Вергилию Аккерману. Тогда он был ей благодарен — каждый на его месте чувствовал бы то же самое. Его основные амбиции были удовлетворены — он состоялся.

Средства, которыми он достиг нынешнего положения, не смущали Эрика: жена часто играет роль лифта, обеспечивая головокружительный взлет там, где другим в течение долгих лет приходится одолевать этаж за этажом. И наоборот, муж тоже бывает большим подспорьем для супруги. И все-таки...

То, что Эрику казалось естественным, странным образом задевало Кэт. Хотя идея пропихнуть его к Вергилию принадлежала ей.

— Так это она устроила вас сюда? — Мол нахмурился.— И после того как помогла, стала этим же попрекать? Ну что ж, пожалуй, картина достаточно ясна.

Джино прикусил губу, лицо его помрачнело.

— И вот однажды ночью... когда мы улеглись...— Эрик замялся: все-таки это было чересчур приватно. К тому же совершенно омерзительно, ужасно неприятно пересказывать.

— Я хочу знать,— не отступал Мол.— И все остальное. Сказав «А», говори «Б».

Эрик пожал плечами.

— В общем, она сказала нечто насчет стыда за то, что мы живем. «Стыдом» она, конечно, назвала мою работу.

Лежа в постели, нагая, с волосами, разбросанными по плечам (в те дни они у нее были длиннее), Кэт заявила:

— Ты женился на мне, чтобы получить работу. Ты ничего не стараешься сделать сам. А мужчина должен выбирать свой путь в жизни.

Глаза ее тут же наполнились слезами, и она уткнулась в подушку, рыдая — или изображая рыдания.

— Не стараюсь? — ошеломленно повторил он.

— Подняться выше, найти работу лучше — вот что она имела в виду,— вмешался Мол.

— Но мне нравится именно то, чем я занимаюсь!

— Ты просто неудачник, который утешает себя тем, что у него есть! — сказала Кэт. Затем, не переставая всхлипывать, добавила: — И в постели ты просто ужасен.

Эрик выскочил из постели, в которой его назвали неудачником и неумехой, и бодрым шагом ушел в гостиную где, посидев

некоторое время, перешел в кабинет и поставил кассету драгоценного Джонни Винтерса. Некоторое время он смотрел, как Джонни примеряет одну шляпу за другой и становится совершенно иным человеком под каждой из них. И тут...

В дверях появилась Кэт. Она не потрудилась одеться и стояла в чем мать родила, с зареванным злобным лицом.

— Ну как? — издевательски спросила она.

— Что «как»? — он нажал на пульте кнопку «пауза», останавливая запись.

— Ну как же, это ведь кассета, которую я испортила.

Эрик смотрел на жену, не веря своим ушам.

— Пару дней назад я сидела дома одна, было скучно, и я поставила твою кассету,— дерзко заявила Кэт, с отвращением глядя на мужа.— Я сделала все правильно, в точности как ты показывал. Но в ней что-то сломалось. Хрустнуло.

— Хрустнуло? — переспросил Эрик потерянным голосом.

— Да. И потом на ней что-то стерлось. Наверное, я что-то не то нажала.

Мол хмыкнул:

— Надо было сказать: «Ничего, дорогая, подумаешь, какие пустяки».

Эрик знал, что так надо было поступить. Но вместо этого севшим голосом переспросил:

— Что за кассета?

— А, я не помню,— махнула она рукой.

Эрик повысил голос, теряя контроль над собой:

— Какую, черт побери, кассету ты испортила?!

Он бросился к полке, где стояла коллекция. Схватил первую коробку, открыл и вставил кассету в видеомагнитофон.

— Я знала, что кассеты значат для тебя больше, чем я,— всхлипнула Кэт.

— Скажи мне, какая кассета! — заорал он.

— Большая и толстая!!!

— Так она и сказала,— задумчиво пробормотал Мол — Еще бы, женщина с характером. О-очень умная дама. Чертовски умная.

— Нет,— срывающимся голосом бросила Кэт в лицо Эрику. В глазах ее светилась ненависть.— Если тебе интересно, я рада, что все так случилось. Мне доставило большое удовольствие испортить твою кассету. Знаешь, что я собираюсь сделать в дальнейшем? Уничтожить их все, одну за другой.

Эрик тупо уставился на жену.

— Так тебе и надо,— сказала Кэт.— За то, что ты все время прячешься и не отдаешься мне полностью. Ты как будто бере-

жешь себя, как суслик, при всяком случае кидающийся в нору. Посмотри на себя, ты близок к истерике! У мальчика сломали любимую игрушку! Бедный, он без нее не сможет жить!

— Но записи мое хобби, я этим занимаюсь всю жизнь,— попытался объяснить он.

— Как ребенок, который печет куличи в песочнице,— прокомментировала Кэт.

— Пойми, их не восстановить. У меня есть единственные в мире копии этих фильмов. Уникальная запись с шоу Джека Паара!

— И что дальше? Знаешь, Эрик, почему ты любишь смотреть мужчин по телевизору?

Фраза была двусмысленой. Мол прыснул, но Эрику было не до смеха.

— Ну-ну, и что же она сказала? — лицо генерального секретаря расплылось в предвкушении.

— Потому что ты латентный педик,— сказала Кэт.

— Ого! — лукаво прищурился Мол.

— Потому что ты латентный гомосексуалист, только не отдаешь себе в этом отчета. Но мне-то со стороны виднее. Это объясняет и твое поведение в постели. Посмотри же на меня! Я привлекательная женщина с совершенным телом, в любое время доступная в постели!

— Причем бесплатно,— сухо бросил в сторону Мол.

— А ты сидишь здесь и ковыряешься со своими пленочками, вместо того чтобы заниматься мною в спальне!

Эрик стоял с удрученным видом, слушая ее, не в силах пережить порчу кассеты.

— Ты испортила не только кассету, но и эту ночь.

Кэт несколько успокоилась, и когда схлынуло охватившее ее возбуждение, продолжала:

— Надеюсь, Эрик. Я очень надеюсь, что испортила ее как следует. А теперь наслаждайся просмотром,— она развернулась: — Спокойной ночи. Развлекайся сам с собой. Можешь дрочить на своего комика дальше!

Теперь голос ее стал ровным, спокойным и холодным.

Тогда Эрик бросился за женой и настиг уже в гостиной, схватил, впиваясь руками в нежные плечи, и развернул лицом к себе.

Не ожидавшая такого поворота событий Кэт захлопала ресницами.

— Я тебя...— здесь Эрик осекся. Он чуть не сказал «убью» — но тогда бы она точно никогда не простила его и превратила его

жизнь в настоящий кошмар. Словно сам Бог шепнул на ухо: «Эту не трогай». Таким стервам известны приемы, как довести человека до белого каления и до белой горячки. И она отомстит тысячу раз. В том мудрость ее, унаследованная от змея в райском саду. Не говоря о прочих вещах, которые всегда под рукой у умной женщины.

— От-це-пись! — отчетливо, с тихой ненавистью выговорила Кэт. Глаза ее дымно сверкнули.

И Эрик отпустил ее.

После паузы, потерев руку и посмотрев, не осталось ли синяка, она ровным голосом сказала:

— Чтобы этой коллекции завтра здесь не было. Или здесь не будет меня.

— Хорошо,— покорно кивнул он.

— И еще,— продолжала она голосом, в котором бушевала злоба.— С завтрашнего дня ты начинаешь искать работу с более высоким окладом. В другой компании. Я не хочу, чтобы ты путался у меня под ногами. А еще... ну это потом, посмотрим. Может, мы останемся вместе. На новых основаниях, которые будут устраивать и меня, не только тебя,— теперь голос ее звучал спокойно и рассудительно, правда, говорила она все те же жестокие и непоправимые слова.

— И вы...— не закончил Мол.

— На следующий день я перевез видеоархив,— кивнул Эрик.— Последнее, что осталось от прежней жизни. Можно сказать, «бэбиленд», как у старика Вергилия.

— И последующие годы вы провели в страхе и тщательно скрываемой ненависти к собственной жене?

Эрик вновь кивнул.

— Потому что ненавидели самого себя. Боялись маленькую слабую женщину. Впрочем, правильнее сказать — личность. Очень сильную личность.

— Дело в том, что эти удары ниже пояса — когда она стерла мою пленку...— начал Эрик.

— Удар ниже пояса состоял не в том, что она стерла пленку, а в том, что она отказалась сказать какую,— оборвал его Мол.— И в признании, что она сделала это почти нарочно. Если бы она сожалела... но женщины, особенно такого сорта, никогда не раскаиваются в своих поступках. Никогда,— он замолк на некоторое время.— И все-таки вы не развелись.

— Мы сплавились воедино, как два закоротившие провода. Эта искра объединила нас. Теперь нам необходима помощь. Кто-то должен разорвать эти провода. Ведь дальше будет хуже: мы

начнем вместе ржаветь, разлагая друг друга, пока не превратимся в прах.

«Но на это могут уйти десятилетия».

Так что Эрик мог понять Молинари, жаждущего смерти: в ней оба видели освобождение.

После этой беседы между ними протянулась невидимая нить.

— Один из нас испытывает невыносимые муки в семейной жизни, пряча их от посторонних глаз,— заговорил Мол.— Другой умирает, как раненый гладиатор, перед целым амфитеатром, выставляя страдания напоказ цирку. Странно, такие две совершенно противоположные судьбы. Микрокосм и макрокосм.

Эрик кивнул.

— Простите,— сказал Мол, выпуская руку и похлопывая доктора по плечу.— Я причинил вам боль своими расспросами. Ладно, доктор Арома, перейдем к делу. Откройте дверь,— сказал он телохранителю.— Мы закончили.

— Погодите,— вмешался Эрик. Но тут же остановился, понимая, что не знает, как сформулировать словами свою мысль.

Мол поспешил на помощь.

— Как вы посмотрите на то, чтобы поступить ко мне на работу? Формально вы будете числиться поступившим на военную службу — чтобы мобилизация вам не грозила — и исполнять обязанности моего личного врача.

От неожиданности не сразу овладев собой, Эрик сказал, стараясь, чтобы голос звучал как можно будничнее:

— Интересная перспектива.

— Вам не стоит все время быть при жене. Встречайтесь реже. Ваше новое назначение даст такие возможности и послужит превосходным предлогом к постепенному разрыву отношений.

— В самом деле,— Эрик благодарно кивнул. Все получалось как нельзя лучше. И самое интересное — именно к этому подталкивала его Кэт эти годы.

— Мне нужно будет обговорить с женой,— начал он и тут же покраснел.— То есть с Вергилием,— пробормотал он.— Пустая формальность, никто не против.

Мол посмотрел на него из-под бровей, ставших вдруг огромными, наводящими ужас.

— Это шаг назад,— мрачно изрек он.— К тому же имейте в виду, что вас ждет военная служба. Вы все поймете, когда встретитесь с нашими так называемыми союзниками. Вас может ожидать моя судьба и мои муки, даже худшие, вплоть до сумасшествия. И вы не сможете вылечить себя, несмотря на то, что вы доктор.

ГЛАВА 5

По возвращении с Вашинга-35 Эрик Арома застал жену дома, у границы Сан-Диего. Встреча была неизбежна.

— А вот и гость с красной планеты,— проговорила Кэт, не успел он закрыть дверь.— Чем занимались?

Она вызывающе расселась на кушетке с бокалом коктейля, волосы она стянула в пучок на затылке, отчего стала похожа на девочку-подростка. На ней был черный халатик, не прикрывавший выставленных напоказ длинных ног без единого волоска, с тонкими хрупкими лодыжками. Чулок она не надела, отчего на каждом ногте на ногах можно было увидеть рисунок — цветную сценку из эпохи Вильгельма Завевателя. Эрик не стал разглядывать крошечные картинки на мизинцах и пошел повесить на место пиджак.

— Мы выходим из войны,— сказал он.

— В самом деле? Вы с Филлидой Аккерман? Или с кем-то еще?

— Мы все. Не только Филлида.

Он задумался, что бы соорудить на обед. В желудке урчало — он сильно проголодался с дороги. Однако болей, которые обещал Мол, пока не было. Возможно, появятся позже.

— Есть повод, по которому ты не хочешь отвечать на вопросы? — голос ее был точно кнут палача, каждое слово оставляло рубец в душе Эрика. Животное, прятавшееся в нем, боялось изменений, которые производил голос жены — беспощадный, словно хирургический скальпель. Очевидно, она так же, как и он, действовала помимо воли, будучи в тех же цепях безнадежности, и ничего не могла с собой поделать. Они вынужденно изводили друг друга.

— Никакого повода,— он отправился на кухню, чувствуя себя немного оглушенным откровением Кэт. Подобные встречи заставляли обороняться на соматическом уровне. Лишь супругам с большим стажем известно, как справляться с подобными припадками, а новичкам приходится действовать на уровне мозжечка, полагаясь только на интуицию.

— Я хочу услышать ответ,— заявила Кэт, появляясь на пороге кухни, неотступная, как привидение.— Почему меня не включили в список приглашенных? Меня что, избегают?

Господи, что у нее за вид! Под черным халатиком на ней не было ничего, и каждая знакомая выпуклость ее тела отчетливо проступала под тканью. «Проклятье дома Арома»,— подумал

Эрик. Жизнь столкнула его лицом к лицу с существом, которое было сексуально совершенным и в то же время психологически абсолютно неприемлемым.

Когда-нибудь твердость и неподатливость — одним словом, стервозность — истребит в ней все остальное. Анатомическая прелесть исчислима годами. Тело со временем потеряет привлекательность — что тогда? Даже голос уже не тот — осел, стал грубее и беднее на интонации. «Бедная Кэт! Дыхание смерти коснется твоих чресел, твоего лона, обласкает грудь, ягодицы и все остальное — и в тебе не останется женщины. И ты не переживешь этого. С этим никто не может ничего поделать — ни я, ни другой, кто встретится на твоем жизненном пути».

— Тебя не взяли, потому что ты язва,— сказал он как можно мягче.

Глаза Кэт расширились на миг, в них проскользнули испуг и удивление: она не ожидала такого нахальства. «Ничего, съешь. Приятного аппетита». Спесь с нее мигом слетела.

— Чем ты, собственно, и являешься на данный момент,— зафиксировал он.— Так что оставь меня, пожалуйста, в покое, я хочу приготовить поесть.

— Пусть тебе приготовит Филлида Аккерман,— прошипела Кэт.

Снова к ней вернулась дикая энергия. Она интуитивно угадывала легкий флирт Филлиды, как будто это был запах духов, оставшийся на воротничке. Учитывая, что им пришлось ночевать на Марсе...

Но Марс слишком далеко, и Кэт поняла, что даже ее способностей не хватит разгадать, что же там действительно было. Или точнее — «было или не было?» — вопрос, который задал бы Гамлет, будь он женщиной.

Эрика не волновали переживания Кэт. Он принялся разогревать мороженого цыпленка в микроволновой печи, повернувшись к жене спиной.

— А знаешь, чем я занималась в твое отсутствие? — процедила Кэт.

— Завела себе любовника.

— Я попробовала новый галлюциноген. В компании с самим Мармом Хастингсом. Он приставал ко мне, пока мы были под кайфом,— и это было классно.

— В самом деле,— сказал Эрик без интонаций, расставляя на столе тарелку и прибор.

— Как бы я хотела иметь от него ребенка.

— Хоти.

— О Господи, настоящий англичанин, декадент...

И тут он попал на удочку. Повернулся к ней:

— Ты что, переспала с ним?..

Кэт улыбнулась:

— Ну, может, это была только галлюцинация. Но я не думаю. И скажу тебе, почему. Когда я вернулась домой...

— Отвяжись от меня! — Эрик почувствовал, что весь трясется.

В это время в гостиной зазвонил видеофон.

Эрик выскочил из-за стола. В экранчике видеофона он увидел знакомые черты капитана Отто Дорфа, военного советника Джино Молинари. Дорф обеспечивал охрану Молинари на Вашинге-35, там доктор с ним и познакомился. Дорф был человеком со щуплым лицом и узкими глазами меланхолика, глубоко преданный Секретарю.

— Доктор Арома?

— Да,— сказал Эрик.— Но я еще не...

— Часу будет достаточно? Мы вышлем за вами вертолет в восемь.

— Часу вполне хватит,— ответил Эрик.— Мне еще надо собрать вещи. Я буду ждать вас в коридоре.

Повесив трубку, он вернулся в кухню.

— О Господи,— простонала Кэт.— Эрик, давай поговорим.— Она уронила голову на стол, в руки.— Не было у меня ничего с Мармом Хастингсом, он, конечно, душка, и я была под кайфом, но...

— Слушай,— сказал Эрик, продолжая готовить ужин.— Все решилось еще в Вашинге-35. Вергилий хочет этого. У нас была долгая беседа по душам. Молинари в настоящее время важнее Вергилия. Если что, я успею помочь Вергилию, но жить буду в Шайенне. Теперь я врач на военной службе ООН, прикреплен к штату генерального секретаря. Я уже ничего не могу поделать, Молинари подписал приказ, который вступил в силу со вчерашнего вечера.

— Как? — захваченная врасплох, Кэт с испугом смотрела на мужа.

— Так что теперь с этим можно покончить. Пока один из нас не...

— Я больше не буду транжирить.

— Идет война. На фронтах гибнут люди. Молинари болен и нуждается в медицинской помощи. Так что тратишь ты деньги или нет...

— Но ты же сам напросился на эту работу.

Он ответил совершенно спокойно:

— Да, я добивался места, не стану отрицать.

— И сколько тебе предложили? — она подалась вперед, как будто пришла в чувство, собралась.

— Достаточно. Выше крыши. К тому же я буду продолжать получать жалованье в ТИФФе.

— А мне можно с тобой?

— Нет,— он предусмотрел вопрос, поэтому ответил без колебаний.

— Я знала, что ты бросишь меня, когда добьешься успеха и пойдешь в гору. Ты с самого начала пытался от меня избавиться, когда мы только встретились,— глаза Кэт наполнились слезами.— Эрик, я боюсь, что этот наркотик... он вызывает зависимость, мне не слезть с него, я уже сейчас не могу без него. Неужели ты оставишь жену без медицинской помощи? Мне ужасно плохо. Они говорили, возможно, это не с Земли, а из Лилии.

Эрик склонился над Кэт, встряхнул, приводя в чувство.

— Слушай, держись от этих людей подальше. Сколько раз я тебе говорил: держись...

Глупо было объяснять в очередной раз. Стало ясно, что Кэт заполучила новое оружие, с помощью которого может удержать его возле себя,— жалость. Она начнет плакать, что без него ее изведут окончательно, она погибнет в компании Плавтов, Хастингсов и им подобных. Только на Марсе, в стране детства Вергилия, мог созреть план, как уничтожить болезнь, терзавшую их годами, но здесь, на Земле, реальность снова становилась на дыбы, не желая выпускать Эрика из губительных объятий Кэт.

Арома перенес жену в спальню и бережно положил на кровать.

— Ах,— сказала она и закрыла глаза.— О Эрик,— она вздохнула.

И снова, в который раз, Эрик спасовал. Жалкий, нерешительный, сел он на краешек кровати.

— Я должен уехать, понимаешь? — он погладил ее по голове.— Пойми, это очень важно.

Кэт шевельнулась:

— Ты лжешь.

— Но почему? — он механически продолжал гладить ее по волосам.

— Если бы тебя призывал долг, ты бы поторопился воспользоваться последними мгновениями счастья и занялся бы сейчас со мной любовью. Но именно этого ты избегаешь.

Она стала расстегивать халат, произнося слова уверенно-монотонным голосом. «Снова этот неодолимый барьер между нами».

И Эрик опять оттягивая время, гладит Кэт, дожидаясь спасительного вертолета. А она знает: что бы с ней ни случилось, это останется на его совести. Хуже не придумаешь.

И главное — Эрик так и не выполнил ее последнее желание. Он просто не мог заниматься с ней... тем, что она называла любовью.

— Обед готов,— встал он, услышав звонок микроволновки.

Кэт села в постели.

— Эрик, я отомщу тебе за то, что ты бросил меня, так и знай,— она привела одежду в порядок.— Ты понял?

— Да,— ответил он и пошел на кухню.

— Я посвящу этому жизнь,— крикнула она вдогонку.

«Теперь у меня есть цель в жизни,— слышал Эрик голос из спальни.— Что может быть прекраснее мести! Это даже лучше, чем любовь,— несостоявшаяся любовь. О Боже, как я отомщу за убитые на тебя годы! Как это прекрасно, все равно что родиться заново!»

— Удачи тебе,— откликнулся он.

— Удачи? — расхохоталась она.— Я не нуждаюсь в удаче: у меня есть способности и опыт. Я очень многое узнала во время галлюцинаций — этого не передать словами. Я попробовала наркотик невероятной силы, Эрик, он полностью меняет восприятие вселенной — и особенно людей. Ты видишь их совершенно другими! Тебе надо попробовать, он может помочь даже такому, как ты.

— Мне уже ничего не поможет,— ответил Эрик.

Его слова прозвучали как эпитафия.

Эрик почти закончил укладывать вещи, когда, наконец, раздался звонок. Это был Отто Дорф, и Эрик поспешил открыть.

Оглядевшись по сторонам, гость заметил:

— Вы уже попрощались с женой, доктор?

— Да,— и поспешно добавил: — Она вышла. Я один.

Закрыв второй чемодан, он перенес его вместе с первым в прихожую.

— Я готов.

Дорф подхватил один из чемоданов, и они отправились к лифту.

— Жена не одобрила,— заметил Эрик Дорфу, пока они спускались.

— Я не женат, доктор,— ответил Дорф.— Мне все равно не понять.

Он был холодно учтив.

В вертолете, что приземлился на стоянке перед домом, ждал еще один человек. Он протянул руки навстречу взбирающемуся по трапу Эрику.

— Рад видеть вас, доктор.

Еще невидимый снизу, человек представился:

— Я Гарри Тигарден, возглавляю медицинскую службу генерального секретаря. Приятно видеть нового члена в наших рядах. Секретарь, правда, не проинформировал меня заранее, но это не умаляет радости от нашей встречи. Просто он всегда принимает решения с ходу, ни с кем не советуясь.

Эрик ответил на рукопожатие, еще не в силах освободиться от мыслей о Кэт.

— Арома,— представился он.

— Как самочувствие Секретаря?

— Выглядит усталым.

— Он умирает,— сказал Тигарден, как о чем-то обыденном и неизбежном.

Метнув в него взор, Эрик спросил:

— Отчего? В наше время трансплант-хирургия способна...

— Делать чудеса. Знаю,— сухо перебил Тигарден.— Но вы же видели: он фаталист. Он хочет возмездия за то, что вовлек человечество в тотальный конфликт между мирами.

Тигарден помолчал, пока вертолет поднимался в ночное небо, и, когда они набрали высоту, продолжил:

— Вам не кажется, что Молинари спланировал наше поражение в войне? Что он ищет поражения? Я с вами так откровенен потому, что в настоящий момент Молинари находится в тяжелейшем состоянии. Со времени пребывания на Марсе его преследуют приступы острого гастрита, или называйте это как хотите.

— Внутренние кровотечения?

— Пока нет. Во всяком случае, он нам ничего не говорит. Он никому не доверяет.

— Думаете, это не злокачественная опухоль?

— Сколько тут можно думать? Он даже не дает провести анализы: слишком занят. Подписывает бумаги, готовит речи,— Тигарден посмотрел на Эрика.— О чем вы говорили на Вашинге?

Эрик вспомнил: «Враги повсюду. Агенты Звездной Лилии».

— Да ничего особенного.

Узнав, о чем они говорили, Тигарден мог бы взять его под арест и даже просто застрелить на месте по законам военного времени.

— А я знаю, почему вас взяли к нам,— заметил Тигарден, поняв, что ему не удовлетворить любопытства.

— В самом деле?

— Молинари одержим идеей вливания свежей крови в ряды медперсонала. Да и то сказать — мы все уже выдохлись. Вы, наверное, в курсе, что у Секретаря огромная семья, размерами превосходящая мафиозный клан; больше клана Аккерманов.

— Вообще-то я слышал, что у него три дяди, шесть кузенов и кузин, одна тетка и старший брат, который...

— И все проживают в его шайеннской резиденции безвылазно. Постоянно выпрашивают льготы, пайки, квартиры, прислугу... И еще, должен добавить, у него есть любовница.

Эрик не знал.

— Об этом не писалось даже в оппозиционной прессе. Ее зовут Мария Райнеке. Молинари встречался с ней еще до смерти жены. Формально Мария считается его личным секретарем. Она много сделала для него, без нее он, возможно, и не протянул бы столько. Лильцы ее терпеть не могут.

— Сколько ей? — Эрик представил женщину-опекуншу в возрасте самого Секретаря или даже старше. Если Молинари на вид лет пятьдесят...

— Малолетка,— захихикал Тигарден.— Лолита. Бывшая машинистка-наборщица. Относила ему какой-то документ, так они и познакомились.

— С ней можно обсуждать его состояние?

— Безусловно. Только она и способна заставить его принять фенобарбитал и, когда мы вконец изматываемся, пафабамат. От первого он, видите ли, становится сонным, а второй сушит во рту, что мешает его выступлениям... Мария, как и он, итальянка, несмотря на немецкую фамилию. Обращается с Молинари совершенно в итальянском духе: кричит на него как мать, сестра или тетка, словно знает его с детства. Ее охраняют люди из «Сикрет Сервис»: боятся провокации лильцев. Молинари особенно...

— Чего?

— Что они с ней что-нибудь сделают: убьют или искалечат. Или повредят сознание — они умеют. Чик — и ты уже овощ. Быстро, как лоботомия. Они давно на этом специализируются. Вы еще не знаете, что у нас за союзнички,— усмехнулся Тигарден.— Это жестокая война. Так что если с нами выделывают подобное союзники, представьте, что сделают риги, когда прорвутся за линию обороны.

Повисло молчание.

— Как думаете, он выйдет из этого кризиса?

— Я уже ничего не думаю,— раздраженно откликнулся Тигарден.— Потому что не знаю, как лечить от полостных болей человека, который живет с малолетней любовницей и каждый вечер объедается острой пищей вроде жареных в масле креветок с горчицей и хреном. Не знаю, на какие условия вы пошли работать, лично я устал. Поверьте, с этого момента у вас не будет никакой собственной жизни, вы станете жить жизнью Молинари. Он будет спрашивать ваше мнение по всем вопросам, от контрацепции до приготовления грибов, зачитывать вам черновики речей, отрабатывать на вас ораторское искусство. На самом деле он никакой не генеральный секретарь ООН, он диктатор, самый настоящий — и к тому же ненормальный. Это, вероятно, один из величайших политических стратегов мировой истории, благодаря своей полной непредсказуемости. Двадцать лет ушло у него на то, чтобы занять пост Секретаря. Он низверг всех своих противников и конкурентов во всех странах. А потом спутался со Звездной Лилией. Это называется внешней политикой. Здесь он как стратег дал маху. Знаете, как это называется? Невежество. Молинари провел жизнь, осваивая искусство ставить людей на колени, а с Фреником фокус не проходит. В общении с чужаками он может столько же, сколько мы с вами. А может, и того меньше.

— Я заметил,— вставил Эрик.

— Но Молинари продолжает бороться с ними. Он блефует. Он подписал мирный договор, который втянул нас в войну. И здесь начинается его резкое отличие от всех разжиревших и обнаглевших диктаторов прошлого — Молинари принял вину на себя. Не стал расстреливать министра иностранных дел, списывать свой промахи на кого-либо другого, казнить группу военных советников. Он понимает, что ответственность лежит на нем. И это постепенно, день за днем, убивает его, начиная с желудка. Молинари любит Землю, любит людей, всех до единого, не деля на чистых и нечистых, любит свору ненасытных родственников. Ему приходится казнить, арестовывать, но он делает это против желания. Молинари очень сложный человек, доктор. Настолько сложный, что...

— Смесь Линкольна и Муссолини,— вмешался Дорф.

— Молинари все время разный, все зависит от того, с кем он встречается. На каждого человека у него совершенно отдельное восприятие, и сам он меняется, как актер, примеряющий шляпы.

Эрик вздрогнул при этих словах, вспомнив комика Джонатана Винтерса. «Иногда от его поступков волосы встают дыбом, иногда перед ним хочется снять шляпу».

— Да и что говорить,— продолжал Тигарден.— Если бы мы с вами приняли ответственность за все, что сделали в жизни, то давно бы замучили себя насмерть или сошли с ума. В детстве мне приходилось травить крыс. Вы видели, как мучается крыса, когда она подыхает от яда? Если бы я взял на себя ответственность за те мучения — как бы я жил дальше, с этого момента — хотя бы секунду? Это была бы сплошная агония, доктор Арома. К счастью, человек лишен этого качества — ответственности, как и вся человеческая раса. Все, кроме Мола. Как его называют? — Тигарден хмыкнул.— Линкольн и Муссолини? Я скорее сравнил бы его с другим. Который жил две тысячи лет назад.

— Только не говорите об этом Марии Райнеке,— подал голос Отто Дорф.— Она скажет вам, что он просто подонок, оборзевший боров с ногами на столе,— капитан Олаф рассмеялся.

— Мария воспринимает его таким, как он есть.

Тигарден продолжал рассказывать, а Эрик думал. Разговоры эти вновь наводили на мысли о Кэт. Каким воспринимает она его? Таким, как он есть,— или каким он, по ее мнению, должен быть?

Вертолет уносил их в Шайенн.

Кэт пролежала в полудреме все утро, пока солнце прожигало разноцветные шторы спальни. Эти цвета, давно знакомые, всплывали поочередно в ее мозгу совсем иными, чем она помнила их со времени устройства супружеского ложа. Знакомая обстановка из предметов прошлого разных периодов: лампа из Новой Англии, кленовые шахматы, белый шкафчик ручной работы с резьбой... Она лежала, щурясь, не в силах открыть глаза, боясь встретиться взглядом с каждым предметом, который словно наносил удар своей новизной и неузнаваемостью; как будто ожил сонм старинных призраков.

— Эрик,— сонно протянула Кэт.— Ну по-жа-луй-ста, помоги мне встать. Растолкай меня или разговори.

Она повернулась туда, где обычно лежал Эрик, но там никого не было. Кэт тут же села и выпрямилась. Затем спрыгнула и затопала босыми пятками к шкафчику за одеждой, ежась от холода.

Натянула на голое тело легкий серый свитер, с трудом просунув голову, и только тогда почувствовала, что какой-то мужчина стоит напротив, наблюдая за ней. Он бесшумно вошел в спальню в тот момент, когда она начала одеваться.

— Миссис Арома?

Вид незнакомца не предвещал ничего хорошего. Это был пришелец: весь в сером, вместо лица устройство, напоминающее противогаз,— лильцы не переносили земной атмосферы и даже разговаривали сквозь респираторы. Пришелец даже не поздоровался, что было вполне естественно для секретной полиции Звездной Лилии, в их узнаваемой уныло-серой униформе. Впервые один из их вездесущих агентов вышел на нее.

— Да, это я,— ответила Кэт одними губами. Она автоматически продолжала одеваться, как перед казнью, не чувствуя собственного тела. Присев на край кровати, надела тапки, не поднимая глаз.

— Ваш супруг в Шайенне,— пробубнил незнакомец сквозь противогаз.

— В самом деле? — она встала.— Мне надо приготовить завтрак. Пропустите меня, пожалуйста, в кухню. И предъявите ордер, если он у вас есть.

Кэт протянула руку в ожидании.

— Мой ордер, это запрещенный наркотик JJ-180,— сказал человек в сером.— Фрогедадрин. Так что если у вас остался запас, сдайте его мне, и мы направимся прямиком в военную жандармерию Санта-Моники.

Он сверился с блокнотом.

— Вчера вечером в Тихуане, в доме номер сорок пять на Авила-стрит вы орально употребляли данный препарат совместно с...

— Могу я сделать звонок адвокату?

— Нет.

— Вы не хотите зачитать мне права?

— Сейчас военное время, мадам.

Женщину окатил ледяной страх. Тем не менее она постаралась не выдать голосом свое состояние, говоря как можно спокойнее.

— Разрешите предупредить шефа, что я не выйду сегодня на работу.

Серый полисмен кивнул.

Кэт подошла к видеофону и набрала домашний номер Вергилия Аккермана в Сан-Фернандо. Тут же с экрана выглянула высохшая птичья физиономия, совино моргая в непонимании.

— Кэт? Который час? — Вергилий щурился на нее, словно не узнавая.

— Помогите мне, мистер Аккерман,— заторопилась Кэт.— Это Звездная Лилия...

Она осеклась, потому что серый человек оборвал связь, ловким движением руки вырвав шнур из розетки.

— Миссис Арома, разрешите представить вам мистера Роджера Корнинга,— сказал серый.

Из коридора выдвинулась тень: человек в штатском с небольшой папкой под мышкой.

— Кто вы такой? — вырвалось у Кэт.

— Тот, кто может снять тебя с крючка, милая. Но только с одного. Потому что JJ-180 — это два крючка и разворот на 180 градусов к реальности. Ты сейчас стоишь к ней спиной. Ты наркоманка. И уже не сможешь без этого жить. Может, пригласишь в гости, поговорим о наших делах?

В кухне Кэт заказала на аппарате два яйца всмятку, тост и кофе без сливок.

— Здесь нет никакого JJ-180. Если вы, конечно, не подложили его ночью.

Через минуту завтрак был готов, и она перенесла поднос на стол. Терпкий запах черного кофе прогнал остатки страха и смущения.

— У нас имеется запись вашей встречи на Авила-стрит, дом сорок пять, с того момента, как вы стали подниматься по лестнице следом за Брюсом Химмелем и вошли в квартиру Криса Плавта. Первые ваши слова: «Привет, Брюс. Похоже, весь ТИФФ в сборе...»

— Не совсем,— возразила Кэт.— Я назвала его Брюси. Я всегда его так называю, потому что он гебефреник[1]. Она отпила кофе, стараясь, чтобы рука не дрогнула, когда ставила на поднос чашку.— И что, на вашей записи видно, что было внутри капсул, мистер Горнинг?

— Корнинг,— учтиво поправил он.— Нет, Кэтрин, но у нас есть показания двух участников наркотической оргии. Они будут представлены военному трибуналу, который решит вашу судьбу. Употребление JJ-180 — пояснил он,— не подпадает под юрисдикцию гражданского кодекса. Мы сами занимаемся деталями процесса и наказания.

— Это почему?

— JJ-180 можно получить, лишь имея тесный контакт с врагом. Любое употребление его также рассматривается как пособничество врагу. А в военное время за это полагается смертная казнь.

Обратившись к агенту, Корнинг спросил:

— Показания мистера Плавта захватили?

---

[1] Гебефрения — или впадение в детство, психическое расстройство. Характеризуется дурашливым двигательным и речевым возбуждением, резкой сменой настроения, повышенной эмоциональной возбудимостью.

— Они в вертолете,— серый человек направился к выходу.

— Мне всегда казалось, что в этом Плавте есть нечто нечеловеческое,— заметила Кэт.— Так он тоже агент? А кто из остальных той же породы? Хастингс? Нет. Саймон? Не похоже.

— Всего этого можно избежать,— намекнул Корнинг.

— Я не хочу избегать,— сказала Кэт.— Мистер Аккерман слышал меня по видеофону. ТИФФ пришлет адвоката. Мистер Аккерман — лучший друг Секретаря Молинари. Я не думаю, что мне понадобится кто-то еще для разрешения проблемы.

— Мы можем уничтожить вас, Кэт,— сказал Корнинг.— В течение суток, включая процесс и казнь. Трибунал может собраться уже утром. У нас все оперативно.

Через некоторое время — аппетит внезапно пропал — Кэт спросила:

— Но зачем? Что я вам сделала? Что такого в этом JJ-180? Я...— она колебалась.— То, что я делала вчера вечером, разве это так важно?

«Как плохо, что Эрик не остался. Если бы он остался, всего этого не было бы»,— вдруг поняла она. Они бы не посмели пугать ее.

Кэт заплакала, сгорбившись над тарелкой. Слезы катились по щеками, падая в никуда. Она даже не пыталась вытереть лицо, подперев рукой лоб.

— Ваше положение серьезное, но не безнадежное,— сказал Корнинг.— Мы можем прийти к договоренности... собственно, затем я и прибыл. Прочь слезы, сядьте прямо и послушайте, что я скажу.

С этими словами он расстегнул папку.

— Я знаю,— сказала Кэт.— Хотите, чтобы я шпионила за Мармом Хастингсом, потому что он выступал по телевидению за подписание мирного соглашения с ригами. Господи, да вы уже прибрали к рукам всю нашу планету! Никому от вас не уйти.

Она встала, застонав от отчаяния, и, всхлипывая, направилась в спальню за платком.

— А вы согласились бы следить за Хастингсом? — спросил Корнинг по возвращении.

— Нет,— покачала она головой.

«Лучше смерть»,— подумала она.

— Это не Хастингс,— подал голос серый полисмен.

— Нам нужен ваш муж,— заговорил Корнинг.— Вы поедете в Шайенн и возьмете его под контроль. Как говорится в вашем брачномом кодексе, «за столом и на ложе», не спуская с него глаз. Денно и нощно. Вы должны приступить немедленно.

Кэт посмотрела на агента.

— Нет... Я не смогу.

— Отчего же?

— Мы разорвали отношения. Он бросил меня.

Она не могла понять одного: если они знали все, отчего это осталось им неизвестно?

— Подобные решения, как утверждает ветхая мудрость веков, часто вызваны лишь сиюминутным непониманием и поэтому могут рассматриваться лишь как временные недоразумения. Мы отведем вас к нашему психоаналитику: у нас есть несколько превосходных специалистов на вашей планете. Он научит вас, как исправить отношения с супругом. Не беспокойтесь, Кэт, мы знаем, что произошло в вашей семье. Это даже оказалось нам на руку: появилась возможность поговорить с вами с глазу на глаз.

— Нет,— потрясла она головой.— Мы никогда не сможем жить вместе. Я больше не хочу быть с Эриком, и никакой психоаналитик ничего не изменит. Я ненавижу Эрика и ненавижу все то, что вы затеваете. Перестаньте забивать мне голову ерундой. Я ненавижу вашу Звездную Лилию, и желаю, чтобы вы поскорее убрались с планеты. И еще я ненавижу войну, в которую вы нас втравили.

Она уставилась на пришельцев в бессильной ярости.

— Остыньте, Кэт,— хладнокровно сказал Корнинг.

— Господи, как бы я хотела, чтобы Вергилий был здесь! Он вас не боится, он один из немногих землян...

— Никто из землян не имеет такого статуса. Время посмотреть в глаза реальности. Мы можем, и вы знаете это, не убивать вас, а отправить в систему Лилии. Подумали об этом, Кэт?

«О нет, только не это!» — содрогнулась Кэт. Она была согласна на все, только бы ее не послали на Лилию. Она готова вернуться к Эрику, умолять его взять ее обратно, валяться у него в ногах...

Вслух Кэт сказала:

— Слушайте, мне все равно. Делайте с ним, что хотите. Меня не пугает то, что вы можете сделать с ним.

«Только то, что вы можете сделать со мной»,— пронеслось у нее в голове.

— Нам это известно,— кивнул Корнинг.— Я благодарен вам за то, что вы подошли к вопросу без лишних эмоций. Кстати...— Корнинг вытащил из-под расстегнутой молнии горсть капсул.— Это для вас.

Он положил одну на кухонный столик, и капсула со стуком скатилась на пол.

— Ничего личного, как говорится, Кэт, просто учтите — от этого наркотика невозможно отвыкнуть. У Плавта вам больше не удастся его получить.

Подняв капсулу с пола, он протянул ее Кэт.

— Не может быть,— сглотнула она ком в горле.— Чтобы так, с первого раза... Я перепробовала десятки препаратов и еще никогда...— Она беспомощно посмотрела на них.— Подонки,— вырвалось у нее.— Я вам не верю! И даже если это так, все равно, есть клиника...

— Только не в случае с JJ-180,— положив капсулу обратно в папку, Корнинг добавил будничным тоном: — Мы можем вылечить вас от этой зависимости, но только в клинике нашей звездной системы. Возможно, позже мы для вас это устроим. Или обеспечим вас дозами на всю оставшуюся жизнь. Впрочем, это ненадолго.

— Даже чтобы избавиться от зависимости, я не полечу к вам! Лучше обращусь к ригам — это же их наркотик, как вы утверждаете.

Повернувшись к Корнингу спиной, она подошла к платяному шкафу в гостиной и достала плащ.

— Мне пора на работу. Прощайте.

Кэт открыла дверь в прихожую. Никто из лильцев не шелохнулся, чтобы задержать ее.

«Должно быть, это правда,— подумала она.— Они уверены, что я не смогу жить без наркотика, и знают, что я блефую. Мне придется или сотрудничать с ними, или прорываться за боевые позиции ригов. И неизвестно еще, что они со мной сделают: станут лечить или избавятся от меня выстрелом в затылок, как истребляли наркоманов в Китае».

— Возьмите мою визитку, Кэт,— сказал Корнинг.— Когда вам понадобится доза JJ-180, вы сможете найти меня по этому адресу.

Он сунул карточку ей в нагрудный карман плаща.

— Мы будем ждать вас, дорогая,— и подмигнул.

Закрыв за собой дверь, Кэт слепо двинулась к лифту, в ужасе понимая, что лилец прав.

Внутри она чувствовала только глубокую сосущую пустоту, безнадежный вакуум и осознание полной безвыходности своего положения.

«Но Вергилий Аккерман может помочь мне,— убеждала себя Кэт, подходя к лифту и нажимая кнопку вызова.— Я ни за что не стану сотрудничать со Звездной Лилией».

Но сама уже не верила своим словам.

ГЛАВА 6

Еще до полудня, когда она сидела в своем кабинете в ТИФФе, подбирая в сокровищницу тысяча девятьсот тридцать пятого года хорошо сохранившийся артефакт — достаточно неизношенную запись «Декка», «Эндрю систерс»,— «Bei mir bist du schon», Кэт Арома ощутила первые признаки ломки.

Руки стали странно тяжелыми.

С невероятными усилиями Кэт выключила драгоценную запись, чтобы не повредить. В материальной вселенной произошли явные изменения. На Авила-стрит, сорок пять, под влиянием JJ-180 мир предстал перед ней в виде гирлянды воздушных пузырей, сквозь которые она могла легко проходить, исчезая в одном месте и появляясь в другом: так она прошла сквозь Христиана Плавта. Теперь вчерашние легкость и эйфорию сменило иное чувство.

Сейчас, среди знакомых стен рабочего кабинета, она оказалась свидетелем странной трансформации реальности. Заурядные вещи, которые всегда окружали ее, обретали особую плотность и самостоятельность. Казалось, они могут двигаться сами по себе. Что-то происходило с телом и психикой Кэт. Она ощущала себя катастрофически беспомощной. Десятидюймовая пластинка фирмы «Декка» словно избегала прикосновений, выкручивалась из рук.

JJ-180, как ей удалось выяснить, принадлежал к классу таламических стимуляторов. Теперь, испытывая абстинентный эффект в отсутствие дозы, она нуждалась в этом таламическом воздействии на зрительные нервы. К тому же наркотик вмешался в метаболизм мозга.

Кэт охватила паника. У нее не было сил контактировать с объектами окружающего мира — вместо этого вещи сами угрожающе надвигались со всех сторон. И вещи имели душу! Казалось, они могли наносить раны, колоть, терзать и резать ее тело, нанося смертельные раны. Кэт не смела шелохнуться. С одной стороны грозно навис шкаф; вот на нее стала наползать пепельница, угрожая ей острым углом. Каждая вещь была чревата смертью.

В этот момент зажужжал селектор. Послышался голос Люсиль Шулер, секретарши Вергилия.

— Миссис Арома, мистер Вергилий Аккерман ждет вас в своем кабинете с новой записью «Bei mir bist du schon», которую вам удалось приобрести сегодня. Он выразил к ней интерес.

— Да, сейчас, иду,— сказала Кэт, но едва попыталась сдвинуться с места, как ее бросило в холодный пот. Она с трудом вздохнула и встала, с трудом держась на дрожащих ногах. «Вот они, крючки JJ-180»,— подумала Кэт и попыталась взять драгоценную запись. Не тут-то было. Края виниловой пластинки были точно острый обсидиановый нож, которым инки резали жертв на зиккуратах. Кэт удалось поднять этот враждебный предмет, полыхавший яростью, и донести до двери. Здесь она столкнулась с Ионой Аккерманом, проходившим по коридору.

Иона с улыбкой поднял пластинку с ковра и, посмотрев на круглый ярлычок, передал Кэт.

— Иона, мне плохо,— жалобно простонала она.

— В чем дело?

Он склонился над ней. В его кучерявых кудрях копошились змеи, которые могли ужалить Кэт.

— Первый день без мужа? — понимающе улыбнулся Иона.

— Помогите мне сойти с лестницы,— выдохнула она.— Мне нужно добраться до кабинета Вергилия.

— Слушайте,— заметил вдруг Иона.— Да на вас действительно лица нет. Чего доброго, расшибетесь.— Он подхватил Кэт под руку.— Надеюсь, это не будет рассматриваться как приставание к сотрудникам противоположного пола?

До кабинета Вергилия было минуты две пути, но они показались Кэт растянутыми до бесконечности. Она с облегчением вздохнула, увидев знакомый орлиный профиль.

— Кэт, вам сегодня лучше отправиться домой пораньше,— сказал Вергилий пронзительно птичьим голосом.— Можете почитайте женские журналы в постели, выпейте коктейль...

— Отстаньте от меня,— услышала она свой голос как бы со стороны.— О Господи,— поторопилась она поправиться.— Нет, мистер Вергилий, ни в коем случае, мне нельзя оставаться сегодня одной!

— Я понимаю,— закивал Вергилий.— Эрик уехал, но что ж? — он философски передернул плечами.— Это ведь ненадолго?

Кэт встрепенулась, услышав имя Эрика.

— Я в порядке,— сказала она. Ненависть вдруг придала ей силы.

— У меня прекрасная запись для Вашинга-35,— Кэт повернулась к Ионе, стоявшему за спиной.

---

[1] Зиккурат — древнее культовое сооружение в виде ступенчатой пирамиды или башни.

— Вот это: «Кружатся диски»,— она положила пластинку на стол перед шефом.— Я дам вам знать, если появится еще что-нибудь интересное, мистер Аккерман.

Она села как кукла в кресло у стола, стараясь сохранить последнюю энергию.

— Частная запись. Александр Вулкотт в программе «Городской глашатай».

— «Глашатай»? — радостно воскликнул Вергилий.— Моя любимая программа!

— К тому же я договорилась насчет записи натурального звучания звонка телефона системы «Паккард»,— продолжала через силу Кэт.

— Кэт,— с искренним пылом сказал Вергилий.— Я повышаю вам жалованье.— Милая моя миссис Арома... Кстати, а запись программы Вулкотта на каких волнах, WMAL или WJSV? Сверьтесь на всякий случай, чтобы не ошибиться, с подшивками «Вашингтон пост» за 35-й год. Необходимо извлечь из Вашинга досадные анахронизмы. Например, в детстве мои родители не подписывались на некоторые из газет.

— Мистер Аккерман,— взмолилась Кэт.— Нельзя ли мне съездить в командировку?

— Зачем?

— Мне надо в Шайенн.

— Но для чего? — проговорил Вергилий с теми же отчужденными интонациями.

— Мне надо увидеться с Эриком.

— Зачем? — еще раз выразительно повторил Вергилий.— Вы нужны здесь!

— Ненадолго, ну пожалуйста.

— Поймите, миссис Арома,— торжественным тоном заговорил Вергилий, каким говорил только на юбилейном банкете по случаю основания ТИФФа.— Эрик нужен генеральному секретарю. А вы, моя девочка, нужны Вашингу и ТИФФу.

— Но мне очень нужно! — почти закричала Кэт.

— Понимаете, детка,— пытался образумить ее Вергилий.— Эрик и так мне по гроб жизни обязан. И если я отпустил его, это действительно важно. Вы только представьте, если вдруг со мной случится что-нибудь такое...— он очень натурально изобразил мертвеца. Потом, заметив, что на Кэт представление не произвело впечатления, обратился к родственнику:

— Иона, объясни ей...

Задумчиво потирая подбородок, Иона приблизился к креслу Кэт.

— Вы же не любите Эрика, Кэт. Я говорил с вами обоими на эту тему. Это же, можно сказать, «домашние войны»... Вы далеки друг от друга, как риги и земляне, как лильцы и...

— Знаю,— оборвала она.— Только это не ваше дело.

— Хорошо,— миролюбиво согласился Иона и нажал кнопку портативного видеофона на столе Вергилия.— Давайте посмотрим, что Эрик сам скажет.

— Можно мне уйти? — проговорила Кэт, поднимаясь. Она чувствовала, что ее вот-вот стошнит на ковер.

Теперь у нее действительно оставалось одно — визитка Корнинга. Или переговорить с Эриком: все-таки он доктор. В таком случае надо немедленно, всеми правдами и неправдами, добраться до Шайенна.

— Не окажете ли вы мне одну небольшую услугу,— обратился к Кэт Иона Аккерман.— Это очень важно, дорогая Кэт.

— Да,— раздраженно выговорила она.— Только учтите: у меня нет времени.

— Позвольте мне сопровождать вас, когда вы поедете в Шайенн, при одном условии.

— При каком еще условии?

— Если вы обещаете, что вернетесь в течение суток.

— Почему? — тон ее говорил, что она в самом деле не понимает.

— За это время первоначальная боль разлуки отступит,— отвечал Иона. Он метнул взгляд на Вергилия.— Но я останусь с вами, не беспокойтесь, и утешу вас.

— Утешьте себя сами,— вспыльчиво бросила она.

— По-моему, с вами не все в порядке,— захлопотал Иона.— Вы слишком ценный сотрудник, я не прощу себе, если с вами что-то случится. Погодите, я провожу вас домой. Кстати, надо будет заказать обед из морепродуктов... я знаю, вы их любите...— он бросил взгляд на Вергилия, ожидая одобрения.— Я вас не оставлю,— заверил ее Иона.

Он опять схватился за ее руку.

— Сейчас я препровожу вас в офис, а потом в Лос-Анжелес, к доктору Спиннеру, психоаналитику.

«Я ухожу,— пронеслось в голове Кэт.— Ухожу, Иона, может, сегодня же днем, или ночью, я потеряю вас и уйду в Шайенн. Или, скорее, я ОСВОБОЖУСЬ от вас, ускользнув лабиринтами ночной Тихуаны, где случается что угодно, ужасное и чудесное,— подумала она с нарастающей тошнотой и ужасом.— Там вам меня не отыскать. Тихуана слишком велика для вас, как и для меня, наверное. Я столько жизни отдала ей, этой наркотической столице Мексики!»

«И поглядим, чем это кончится,— мрачно размышляла она.— Я всегда хотела найти в своей жизни,— вихрем проносились мысли,— нечто большое, чистое и мистическое. А вместо этого нашла врагов, желающих истребить наш род. Мы должны с ними сражаться, теперь это очевидно. Если мне удастся встретиться в Шайенне с Молинари — я расскажу ему все о том, какие у нас „союзники“».

— Мистер Аккерман,— обернулась Кэт к Вергилию.— Мне надо встретиться с Секретарем. Это важно, я должна сказать ему...

Вергилий Аккерман сухо оборвал ее:

— Скажите мне, я передам. Вас к нему все равно не подпустят... если вы не из числа его детей или кузин.

— Да,— сказала она.— Я его дочь.

В ее голове сразу созрела легенда. В конце концов, он отец всех народов, Секретарь ООН, отец, который вел человечество к миру и безопасности на Земле. Только что-то сорвалось...

Не сопротивляясь, Кэт последовала за Ионой Аккерманом.

— Я знаю, вы собираетесь воспользоваться случаем, пока Эрика нет дома, а я в ужасном состоянии...— пролепетала она.

— Не будем забегать вперед,— рассмеялся Иона.

Однако смех его был не виноватый, скорее самоуверенный.

— Посмотрим,— сказала Кэт, на миг ощутив его большую тяжелую руку на плече.

— Знаете, если бы я не знал вас, то мог бы решить, что вы сидите на JJ-180,— сказал Иона.— Но этого не может быть, потому что сейчас его нигде не достать,— добавил он.

— Нигде?

— Нигде.

— Погодите,— обернулась Кэт.— Что вы только что сказали? Что еще за JJ-180?

— Наркотик, созданный нашими союзниками,— просто ответил Иона.

— Как, разве не ригами?

— Фрогедадрин, он же JJ-180, был синтезирован в Детройте в прошлом году, фирмой, которую руководство ТИФФа назвало корпорацией Фундук. JJ-180 — главное оружие, на котором делается ставка в войне; этот препарат должны запустить в производство только в следующем году.

— Препарат настолько опасен? — вопросительно пробормотала она.

— Многие наркотики, начиная с производных опия, опасны, потому что вызывают зависимость. Но JJ-180 опасен, во-первых, из-за странных галлюцинаций, как у ЛСД...

— Что за галлюцинации? — спросила Кэт.— Расскажите.

— Не могу. Военная тайна.

С нервным смехом она сказала:

— Что ж, в таком случае узнать можно только одним способом: приняв наркотик.

— Откуда вы его возьмете? Это невозможно. Даже не думайте! Препарат необычайно токсичен, все подопытные мыши сдохли,— Иона посмотрел на нее, удивленно приподняв брови.— Даже не заикайтесь об этой вещи. И вообще забудьте, что я вам говорил. Думаю, Эрик вам рассказывал, что это за наркотик.

— Да ну, престаньте, какая ерунда,— постаралась рассмеяться Кэт.

Мысли бешено вращались в ее мозгу.

— Кстати,— сказал Иона,— вы говорили, будто наркотик произведен нашим врагом. Значит, вы что-то знаете о нем? Наверное, от Эрика. Да, вы правы, не испробовав на себе, не узнаешь, что это такое. Но для каждого, кто испробовал, обратной дороги нет. Поэтому JJ-180 остается «вещью в себе». Известны лишь побочные эффекты. Конечно, риги знают, что человечество давно балуется наркотиками, и они могли подсунуть врагам что-нибудь такое, ни на что не похожее и неотвратимо губительное...

— А как же Молинари...

— Молинари знает. Корпорация Фундук ежедневно извещает его о наших военно-фармакологических достижениях. Только, пожалуйста, ради Бога, никому, ни в коем случае...

— И не собираюсь,— оборвала его Кэт.

«Проще тебя самого посадить на этот JJ-180,— подумала она.— Посмотрим, каким ты тогда будешь смелым и решительным».

— Но, может быть, это и в самом деле оружие победы,— сказала она вслух.

— Еще бы. Единственная ставка в войне на этот продукт...

— Молчите,— оборвала его Кэт.— Больше ни слова. Ведь это же «военная тайна».

«И сам ты сядешь на этот JJ-180. Впрочем, по заслугам: каждый, кто знает, что такое JJ-180, уже заслужил наказания. Останешься со мною. Будешь есть со мной, спать со мной и каждую минуту молить о смерти, как я сейчас. А я тем временем попытаюсь добраться до Эрика».

«Я достану этот наркотик,— мысленно решила она.— И стану пичкать им в Шайенне каждого встречного и поперечного, они это заслужили. В том числе и сам Секретарь, раз он дал согласие на разработку. Это вынудит их искать исцеление от мерзкого наркотика, потому что от этого будет зависеть их

жизнь. А сейчас до меня никому нет дела: ни Эрику, ни Корнингу...»

«Они должны,— мысленно кляла она себя, нажимая на слово „должны", найти средство избавления от заразы. Когда от этого будет зависеть их собственная жизнь, они не будут вести себя столь равнодушно. Тут-то я и достану Эрика».

«Они будут вынуждены разработать противоядие. Их жизнь — и жизнь их близких — будет зависеть от этого. Я стану заражать их всех, до единого, включая генерального секретаря».

— Предполагалось отравить JJ-180 их источники воды — по всей планете.

— Великолепная идея,— выдохнула Кэт.

Лифт остановился.

«Итак, правительство придумало наркотик, превращающий живое существо в робанта. Даже не в робанта, а в нечто более низкое, чем человек. Когда к человеку путь уже закрыт и остается только гадать, где тебе оставлена ступень в эволюционной лестнице»,— думала она.

— Рядом с ящерами Юрского периода,— вслух решила Кэт.— Гигантские хвосты и крошечные мозги. Остались одни рефлексы. Совершенные биомашины, так, что ли?

— Что ж,— уловил ход ее мыслей Иона.— Думаю, мы не будем особо плакать, если риги станут ящерами.

— Я стану плакать о любом, кто связался с JJ-180,— сказала Кэт.

И осеклась.

«Пора увольняться,— пронеслось в голове.— Работа — это трансплантация человека на удобное работодателю место».

Тем временем в своем новом, небольшом, современно обставленном жилище, предоставленном правительством в Шайенне, доктор Эрик Арома закончил читать историю болезни нового пациента — историю громадного загадочного тела под вымышленным именем «мистер Браун». Пресловутый «мистер Браун», думал он, захлопывая толстый том, был больным без диагноза, с различными симптомами, вплоть до метастазов в печени,— и... странным образом до сих пор оставался жив. Судя по всему, метастазы просто растворились — об этом говорили анализы. Почему пресловутый «мистер Браун» до сих пор жив, понять представлялось невозможным.

Артериальное давление двести двадцать при отсутствии диеты и трансплантаций, которыми мистер Браун загадочным образом пренебрегал.

Трижды перенес рак. Каждый раз рак возникал от желания покинуть этот мир. Однако Молинари была нужна только болезнь, а не печальный финал. Имитация самоубийства.

Сложный пациент.

Скрипнула дверь. На пороге стоял человек.

— «Сикрет Сервис», доктор Арома. Вас ждет Секретарь.У него снова разыгрались боли, так что вам лучше поторопиться,— сказал он, извлекая пропуск.

— Само собой,— Эрик метнулся к шкафу, где висел плащ, и спустя секунду шел за телохранителем по коридору.

— Живот? — спросил он, усаживаясь в припаркованный лимузин.

— Боли переместились влево, в область сердца,— отвечал человек из «Сикрет Сервис», выруливая со стоянки.

— Как будто давит большая рука сверху?

— Он не приводил сравнений, только стонал.

Они подъехали к Белому Дому ООН. «Искусственный орган,— думал Эрик, спускаясь в подземный гараж.— Если бы мне только разрешили вставить искусственный орган».

Но из чтения медицинской карты становилось понятным, что Молинари по принципиальным соображениям отвергал трансплантационную хирургию. В самом деле, трансплантация изменила бы положение вещей, которое его вполне устраивало, двусмысленность его существования — между жизнью и болезнью.

— Сюда, доктор,— человек из «Сикрет Сервис» показал на дверь, окруженную людьми в форме. Охранники расступились, и Эрик вошел.

Посреди комнаты на огромной смятой постели возлежал Джино Молинари, глядя в потолок. В потолок был вмонтирован телевизор.

— Я умираю, доктор,— сказал Молинари, поворачивая голову в сторону доктора.— Похоже, эти боли на самом деле исходили из сердца.

По его побагровевшему лицу, исчерченному прожилками, катился пот.

— Сейчас снимем электрокардиограмму,— сказал Эрик.

— Десять минут как сняли, там ничего нет. Моя болезнь слишком тонка для ваших инструментов. Многие инфарктники, как я слышал, делали ЭКГ, но там ничего не было. Разве не так? Послушайте, доктор. Я знаю кое-что, неизвестное вам. Вас, наверное, удивляет, откуда у меня несуществующие боли. Наши союзники замыслили раздавить фирму ТИФФ. Мне уже показывали документы — они все конфиденциальны. В вашу фирму

внедрен агент. Говорю вам на случай, если я скоропостижно... могу оставить вас в любую минуту, сами понимаете.

— Вы говорили об этом с Вергилием Аккерманом?

— Пробовал, но как объяснишь старику? Он не понимает, что в военное время это обыкновенное дело. Разрушение индустрии, поражение изнутри. Это только начало.

— Теперь я понял,— проговорил Эрик.— Вероятно, я сам постараюсь ему объяснить.

— Попробуйте, доктор,— прохрипел Молинари.— Может, у вас получится. У меня в Вашинге...— он со стоном перекатился на другой бок.— Да сделайте же что-нибудь, нет сил терпеть эти муки!

Эрик сделал внутривенную инъекцию морфокаина, и генеральный секретарь ООН утих.

— Вы просто не понимаете, кто такие... пришельцы... из Лилии,— пролепетал Молинари.— Доктор, они кошмарные существа, несмотря на то, что человекоподобны. Спасибо, доктор, боль ушла,— добавил он.

— И когда?

— Что когда?

— Они собираются уничтожить ТИФФ?

— В ближайшие дни. Может быть, неделя. Впрочем, для них это не важно, у них свое понятие времени.

Телохранитель из «Сикрет сервис», стоявший рядом, заметил:

— Страдает...

— Где здесь будка видеофона? — спросил Эрик.

— Не уходите,— прошелестел Молинари.— Не покидайте меня. Сейчас я встану, мне уже намного легче. Пожалуйста, позовите Марию...

— Райнеке?

— Да, ее. Мне надо поговорить... я чувствую себя лучше. Но, доктор... я не могу... я не рассказывал ей, что со мной, примите это во внимание. Не хочу, понимаете, развенчать себя перед ней. Понимаете? — умоляюще зашептал он.

— Но если она увидит вас в таком состоянии, в постели...

«Подожди, может быть, в следующий раз мы увидимся в иных обстоятельствах... Ты, например, будешь лежать на столе...»,— думал Эрик.

Итак, мистер Браун боролся за выживание, а мистер Аккерман ему в этом помогал.

Эрик обернулся к одному из сотрудников «Сикрет Сервис»:

— Здесь есть поблизости будка видеофона?

— Не смейте оставлять меня: боли могут вернуться,— оборвал Молинари из кровати, приподнявшись.— Лучше вызовите Марию как можно скорее. Доктор, она даже не представляет, как я болен. Скажите ей. Ведь женщинам нужен наш идеализированный образ, разве не так, доктор? Понимаете меня?

— Но если она увидит вас в постели, не подумает ли она...

— Нет, ей обо всем известно, она не знает одного: что моя болезнь смертельна...

— В самом деле? — переспросил Эрик.

— Что вы имеете в виду? — отозвался с одра Секретарь.

— Вы перенесли несколько безнадежных раков, и...

Молинари в тревоге посмотрел на него.

— Вы в самом деле так думаете, доктор? Она просто не понимает, насколько это опасно,— продолжал он, будто не замечая подковырок.

Из коридора отозвался приглушенным голосом человек из «Сикрет Сервис»:

— Доктор, тут болезнь на третьем уровне, и с вами хочет переговорить доктор Тигарден. Один из поваров Белого Дома... Доктор Тигарден хочет, чтобы вы освидетельствовали.

— Уже иду,— отозвался Эрик, поднимаясь с постели Секретаря.

В амбулатории Белого Дома он отыскал доктора Тигардена.

— Вы мне просто необходимы,— заверещал тот.— Никуда не денешься без искусственников...

— Что вы имете в виду?

— Вы же хирург по пересадке?

— Ну...

— Трансплантолог?

— О чем мы говорим?

— Ладно, не будем,— рассмеялся доктор Тигарден.— Кстати, вы в курсе: у нас случай острой ангины, angina pectoris. Сердечко-то у вас, небось, припасено,— подмигнул коллега.

— Ну-ну,— пробормотал Эрик,— Небось, найдется. А в чем дело?

— Пару недель назад был приступ. Дорминил, дважды в день. Похоже, пошло на поправку... но вот сегодня опять... результат перед вами.

Эрик догадался, к чему клонит начальник медицинской службы Секретаря.

— Но какая связь между ангиной и болями в сердце? — спросил Эрик.— Разве вам самому не кажется это странным?

— Просто два человека заболели одновременно. Понимаете...— зачастил Тигарден, уводя Эрика к кушетке.

И понес какую-то ерунду. Эрику в самом деле стало казаться, что Секретаря окружают преступники, а не врачи, которые втемяшивают ему в голову все, что придется.

— Понимаете, там в самом деле ангина, только совершенно невозможно понять, отчего ею же заболел Секретарь. Причем подобное происходит регулярно.

— То есть Секретарь заболевает от окружающих болезней, даже если они не заразные?

— Поймите,— мудро взглянул на него сквозь очки Тигарден.— С этой проблемой вам предстоит иметь дело всегда. Даже если вы пересадите ему новое сердце.

«Надо будет просмотреть медкарты всех служащих Белого Дома»,— пронеслось у Эрика в голове. Он нажал на пульт, приводя в действие трансплантационного робанта.

ГЛАВА 7

После операции, на которую потребовалось всего полчаса, доктор Эрик Арома в сопровождении двух сотрудников спецслужб проследовал в апартаменты Марии Райнеке.

— Не обращайте внимания, она сумасшедшая,— предупредили телохранители.

— В самом деле?

— Но никто, кроме нее, не может вывести его из комы.

— Не удивляйтесь, когда ее увидите,— повторил старший охранник — Это ребенок...

Дверь открылась. За ней стояла совершенно неземная женщина. Маленькая, смуглая, с разбросанными косичками, в мужской шелковой рубашке красного цвета. В руке она держала ножницы: очевидно, занималась маникюром. Ногти у Марии были длинные и ухоженные.

— Ваш папа...— чуть не вырвалось у Эрика.

— Поняла,— сказала Мария.— Ему снова плохо. Минуту,— она удалилась за пальто.

— Я же говорил,— сказал человек слева.— Типичная старшеклассница.— Он покачал головой: — Другого бы за это посадили...

— Заткнись,— пробормотал второй.— Не то посадят тебя.

Мария Райнеке возникла на пороге в темно-голубом морском бушлате с большими пуговицами.

— Ну что, ребята, время расстаться,— приветствовала она охрану.— Вашим ушам необязательно слышать, о чем мы с доктором станем говорить.

Ухмыляясь, сопровождающие удалились. Эрик остался в коридоре наедине с девушкой в военно-морском бушлате, обтягивающих ноги леггинсах и домашних тапочках.

В полном молчании они проследовали по коридору.

— Ну как он? — спросила Мария.

— Вообще-то здоров,— вырвалось у Эрика.

— Но умирает. Думаю, это когда-нибудь кончится.

Она замолчала, словно о чем-то задумалась.

— Впрочем, тогда и меня не станет, вместе со всей его прекрасной семейкой. Будет такая чистка, что не позавидуешь. А вы его новый врач?

— Пытаюсь быть им.

— Он все время умирает. Это невозможно. Ему, наверное, просто не хватает этого.

— Не хватает чего? — переспросил Эрик.

— Ну этого,— красноречивым жестом она обозначила удар в грудь.

— Клинка милосердия?

— Не за этим ли вас призвали, доктор? Или вы сами не знаете, зачем пришли? Смущены? — спросила она, пристально глядя ему в глаза.

— Нет,— сказал Эрик через некоторое время.— Не смущен.

— Тогда вы знаете, что делать. Вы трансплантолог, как я слышала? Пересадите ему что-нибудь. Может быть, ухо вместо сердца? Я читала о вас в «Таймс». Но там пишут обо всех... Впрочем, я прочитываю этот орган от корки до корки. Особенно, как вы понимаете, то, что касается научных и медицинских проблем.

— Вы еще посещаете школу? — осторожно спросил Эрик.

— Вас еще что-нибудь интересует? — рассмеялась Мария.— Школу я закончила, но дальше учиться не собираюсь. Меня не интересует то, что называется «высшим образованием».

— И что, в таком случае, дальше?

— Что? — уставилась она на него.

— Но вы же собираетесь чему-то посвятить жизнь?

— Уже посвятила,— сказала она.— И потом, я умею предсказывать будущее. Полагаю, такой способности достаточно для карьеры? — совершенно спокойным голосом отвечала она.

— Вы уверены в этом?

— Конечно. Не испытывайте меня, доктор, я знаю наверняка. Живя рядом с Молинари, и не такому научишься.

— Тогда вам, вероятно, известно, зачем я здесь,— заглянув ей в глаза, заметил Эрик.

— То, зачем вы здесь, меня не касается,— ответила Мария. Делайте свою работу,— она усмехнулась, обнажив ровные белые зубы.

— Я потрясен,— признался он, покачав головой.

— Вот видите, вы сами предсказали собственное будущее. Не спрашивайте меня о том, что знаете наперед. Здесь полно желающих сделать то, что предстоит вам, оттого Джино вечно страдает бледной немочью.

— Это вы называете «бледной немочью»? — переспросил Эрик.

— Ну да. Или болезненная истерия, как вам больше понравится. Только поэтому его еще не убили. Они ждут, когда он завянет окончательно, а он поддерживает эту надежду.

Она рассмеялась.

— Что я вам буду говорить, он же был у вас на осмотре. Там ничего нет.

— А вы сами заглядывали в его медицинскую карту?

— Еще бы.

— В таком случае, вам должно быть известно, что Джино Молинари трижды болел раком.

— Да ну,— отмахнулась Мария.— Истерическим, что ли?

— Насколько мне известно, таких случаев пока не зарегистрировано,— заговорил Эрик.— Уж поверьте мне как профессионалу. Диагноза «истерический рак»...

— Вы верите медицинским справочникам или предпочитаете доверять собственным глазам? — девушка уставилась на него, глаза в глаза.— Если хотите выжить здесь, будьте реалистом. Думаете, Тигарден обрадован вашим появлением? Доктор, не обольщайтесь, у вас много врагов.

— Пока не заметил,— проговорил Эрик.

— В таком случае вам придется плохо, если вы не замечаете того, кто стоит у вас за спиной. Т...

Она оборвала себя: впереди стояла охрана из «Сикрет Сервис».

— Знаете, отчего у Джино эти боли? Ему просто хочется, чтобы о нем позаботились. Чтобы с ним обращались, как с малым ребенком. Хочет вернуться в детство, как будто это возможно, чтобы не принимать на себя ответственности взрослого возраста. Понимаете?

— Теоретически — да,— откликнулся Эрик.

За стройными рядами охраны ожидал Джино Молинари, безмолвно лежащий в кровати.

— А ну вставай,— приказала она.— Чего разлегся, скотина?

Открыв глаза, Джино зашевелился.

— А, это ты. Прости, я тут немного прихворнул...

— Хватит! — оборвала Мария.— Подъем! Позорище! Чего ты ждешь, чтобы тебя пожалели? Я и весь народ?

Через некоторое время Джино откликнулся:

— Не думал, что ты прибудешь так скоро.

Он заметил присутствие Эрика.

— Вы слышали ее, доктор? Так всегда: она приходит в самые трудные моменты моей жизни и говорит, что ей вздумается. Может быть, от этого мне так плохо. Она сведет меня в...— он с опаской потрогал изнывающий живот.

— Какие боли... слушайте, что вы в меня вкололи?

«Тебе бы к патологоанатому обратиться»,— подумал вконец раздосадованный Эрик.

— Так, если ты в порядке...— начала Мария.

— В порядке,— простонал Молинари.— Сейчас я встану, оставь меня на минуту, Бога ради.— Он зашевелился, пытаясь выбраться из постели.— Сейчас, встаю, если ты так этого хочешь...

— Видите? — обернулась Мария к Эрику.— Только я могу вырвать его из кровати.

— Поздравьте с выздоровлением,— пробормотал Джино, обретая ненадежную позу прямоходящего.— Зачем мне медики, когда есть ты? Но в этот раз мне помог доктор Арома. Его чудесный укол...

И он прошествовал мимо них к шкафу, откуда извлек халат.

— Это он про меня,— прокомментировала Мария.— Хотя сам знает, что я права.

Она скрестила руки на груди, глядя, как облачается Секретарь.

— Она здесь всеми заправляет,— пробормотал Молинари, кивнув в сторону Марии.

— И вы всегда ее слушаете? — спросил Эрик.

Молинари рассмеялся.

— Попробуй ее не послушать. Естественно. А вы считаете, должно быть наоборот?

— И что тогда? Небо перевернется?

— Она это может,— усмехнулся Молинари.— С нее станется. Ее особенный талант, который психологи и прорицатели называют «предвидением», заключается в том, что она женщина. Как и ваша, кстати, жена. Мне без Марии не обойтись — она должна постоянно присутствовать. Пусть ругает — она все равно права, потому что помогает мне встать на ноги.

— Симулянт,— прокомментировала Мария.— Я знала это с самого начала.

— Пойдемте со мной, доктор,— обратился к Эрику Молинари.— Есть что посмотреть.

Сопровождаемые охраной из «Сикрет Сервис», они пересекли коридор. Комната, в которую они попали, была демонстрационным залом: на противоположной стороне располагался громадный экран.

— Моя речь,— сказал Молинари, занимая место в кинозале. Он махнул рукой и механик включил видеопроектор.— Завтра это будет транслироваться по всем каналам. Мне нужно ваше мнение.

— Вам нужно мнение доктора?

— Да, именно. Не диктора же.

«Зачем ему потребовалось мое мнение?» — наблюдая, как на экране вырастает изображение Секретаря, подумал Эрик.

Молинари был снят в парадной форме главнокомандующего, с соответствующими регалиями, наградами, шевронами и аксельбантами. Венчала парадный наряд маршальская каска с козырьком, который частично скрывал широкоскулое лицо. Этот мужественный суровый облик совершенно не походил на зрелище, только что виденное Эриком в постели. Джино Молинари предстал с экрана подобным скале, походя на одно из своих изваяний, расставленных по всей планете. Таким Эрик помнил Молинари в молодости, когда Джино только вступил в должность, и груз ответственности еще не раздавил его.

Мол на экране заговорил, и голос его был тем самым голосом из прошлого, десятилетней давности, еще до начала страшной войны.

Молинари со смехом откинулся в кресле.

— Ничего себе зрелище? Ну, как я выгляжу?

— Невероятно,— проговорил Эрик.

С экрана уверенно катилась речь прирожденного политика и оратора, уверенная и спокойная. То, что сейчас восседало рядом, не шло ни в какое сравнение. Молинари на экране не обращался за помощью — он приказывал и руководил, он знал, что делать в период кризиса. Откуда? Как мог инвалид-ипохондрик, сидевший сейчас в кресле рядом с Эриком, обладать такой мощной ментальной энергией, позволявшей ему управлять целой планетой?

Для Эрика это было загадкой, к которой — сейчас, во всяком случае,— он не мог подобрать ответа.

— Это не я,— сказал Молинари.— Двойник.

— Кто он? Откуда взялся?

— Никто. Из ниоткуда. Это робант, изготовленный по заказу фирмой «Дженерал электроникс». Это его первая речь. Забавно полюбоваться на самого себя со стороны: вот они, былые годы.

— Я бы сказал, что ваш двойник больше похож на вас...

— Чем я на генерального секретаря? — рассмеялся Молинари.— Это точно. Хотите, открою государственную тайну? Об этом знают лишь четверо, не считая, естественно, «Дженерал электроникс». Однако они никогда не выдадут тайны. Вот она, загадка власти, прямо перед вами. Любое правительство всегда использует подобные штуки. Почитайте историю — это называется политический имидж. Я использую робанта-оратора для достижения нужного эффекта,— взмахнул рукой Секретарь и похлопал Эрика по спине.

Внезапно он посерьезнел.

— Никуда не денешься. Это реальность.

— А кто пишет речи?

— Я. Обрисовываю ситуацию, где мы находимся, точнее — по пути куда. Разум я еще не утратил,— Молинари постучал себя пальцем по лбу.— Но мне действительно нужна помощь.

— Помощь,— повторил Эрик.

— Я бы хотел, чтобы вы встретились с одним молодым человеком. Великолепный начинающий молодой адвокат, состоит в моем штате советников. Он работает без вознаграждения; имя его Дон Фестенбург. Этот человек умеет извлекать смысл из реальности.

— Он и готовит ваши речи?

— Я иногда затягиваю,— продолжал Молинари, как бы не замечая вопроса.— Ну, это известно всем. Но Фестенбург умеет сократить. Он сам составлял программу выступления для этого робанта. Эта речь — мой будущий политический имидж.

Синтетический двойник Молинари на экране между тем продолжал:

— ...и, собрав волю в кулак, представляя славу наших объединенных наций, мы, земляне, представляем собой больше чем просто планету, с которой предстоит считаться не только нашим противникам, но и союзникам, которые...

— Я предпочел бы не смотреть на это,— решил Эрик. Молинари пожал плечами.

— Может быть, вас возмущает подобное зрелище.— Он посмотрел на Эрика.— Впрочем, вы, как вижу, приверженец моего идеализированного образа прошлых лет. Предпочитаете оставаться в неведении и заблуждении,— рассмеялся Секретарь.— Впрочем, доктор, как адвокат и священник, должен выстоять перед потрясением, которое иногда преподносит реальность, то есть то, что представляет собой жизнь. Ведь правда жизни — ваш хлеб насущный.

Молинари решительным движением склонился к Эрику, кресло под ним протестующе скрипнуло, отзываясь на непомерный вес Секретаря.

— Я слишком стар и уже не могу блистать речами, вообще непонятно, чем еще могу блистать, кроме как протертыми штанами. Но как вы полагаете, разве это не решение проблемы: внезапное омоложение Секретаря? Или было бы лучше просто сдаться без боя, уступив союзникам?

— Нет,— согласился Эрик.— Это не решило бы проблемы землян.

— Потому я и использую механического двойника, говорящего речи, приготовленные Доном Фестенбургом. Впрочем, пожалуй, для первого раза достаточно.

Лицо Секретаря вновь стало непроницаемым.

— В самом деле,— пробормотал Эрик.— Вполне достаточно.

Легонько похлопав доктора по плечу, Молинари доверительно сказал:

— Никто в Лилии не знает о том, что у меня есть двойник. И Дон Фестенбург не должен знать, понимаете, доктор? Я должен производить на них впечатление. Оставаться человеком-загадкой. Эта речь уже находится в пути к соседним галактикам, и скоро Звездная Лилия увидит ее. Хотите правду, доктор? Эта речь на самом деле должна произвести впечатление на их народ, а не на землян. Вас это поразило? Отвечайте честно.

— Еще бы,— сказал Эрик.— Не меньше, чем наше положение, которое вы сейчас осветили.

— Да,— ответил грустным взглядом Секретарь.— Возможно, так оно и есть. Но вы еще не понимаете всего, если бы вы только имели представление...

— Хватит, пожалуй. На сегодня достаточно.

Между тем копия Джино Молинари на экране продолжала в чем-то убеждать народ, призывать к чему-то невидимую аудиторию телезрителей.

— Конечно, конечно,— поторопился Молинари.— Извините, что в первый день нашей совместной работы несколько перегрузил вас своими проблемами.— И снова посмотрел на экран, словно любуясь собой из прошлого.

На кухне Кэт с трудом подняла нож, пытаясь разрезать фиолетовую луковицу, но обнаружила, что это выше ее сил. Она порезала палец и уставилась на него, глядя, как алые капли стекают на запястье. Она уже не могла справиться даже с обыч-

ными кухонными приборами. «Чертов наркотик!» С каждой минутой он брал над нею все большую власть.

«И как я теперь смогу приготовить ужин?» — с бессильной досадой подумала Кэт.

Стоявший за спиной Иона сочувственно сказал.

— Надо что-то с вами делать, Кэт.

Он посмотрел вслед женщине, удаляющейся в ванную за пластырем.

— Смотрите, вы и пластыри рассыпали. Даже с этим не можете справиться.

— А вы лучше помогите.

Она молча смотрела, как Иона заклеивает ей палец.

— Это JJ-180,— вырвалось у нее.

Иона вздрогнул:

— В таком случае, я вряд ли смогу вам помочь. Это новый препарат, и против него не выработано противоядия. Придется обзвонить филиалы, не волнуйтесь, мы подключим к этому всех, в том числе и Вергилия.

— Поговорите с ним сейчас.

— Потерпите до завтра. Ваше чувство времени...

— Я не выдержу до завтра. Подохну, понимаете? — озлобленно бросила Кэт.

— Хорошо,— после некоторой паузы сказал Иона.— Я позвоню ему.

— Видеофон прослушивается.

— Кем?

— Агентами Звездной Лилии.

— Это бредовая идея, вызванная наркотиком. У вас паранойя, милочка.

— Я боюсь,— дрожала она. Ее стало трясти от страха.— Они способны на все. Я думала, хоть вы поможете, но от вас никакого толку. Поймите, если сидеть сложа руки и ничего не делать... Что мне поможет, если я буду бездействовать?

— Успокойтесь, вы просто перевозбудились, охвачены паникой. Это характерные признаки поражения мозга JJ-180. Отнеситесь к ситуации трезво. Если это в самом деле JJ-180.

— Вы думаете, я шучу?

— Спокойно, спокойно.

Иона осторожно взял Кэт под руку и проводил до кушетки в гостиной.

— Надеюсь, с вами все будет в порядке,— на побледневшем лице Ионы выступил пот и застыла тревога.— Дайте мне полчаса, Кэт. Господи, если с вами что-то случится, Эрик мне не простит.

Дверь за Аккерманом захлопнулась; он даже не попрощался.

Кэт осталась одна.

Она тут же подошла к видеофону и набрала номер.

— Такси.

Назвав адрес, она повесила трубку.

Через секунду, набросив плащ, она покинула дом, выйдя на ночной тротуар.

Когда подъехало такси-автомат, она назвала адрес из визитки, врученной ей Корнингом.

«Если удастся прочистить мозги новой дозой, я смогу сообразить, что делать дальше и как выйти из этого положения. А теперь я даже не соображаю, что со мной происходит. В таком состоянии ничего хорошего не придумаешь — каждая мысль может оказаться ложной. Я должна прийти в нормальное состояние. Сейчас же все может окончится лишь одним,— с неожиданным отчаянием подумала она.— Я могу либо сидеть сложа руки, либо наложить руки на себя». Еще несколько часов она продержится,— может быть,— а потом поминай как звали, Иона уже не успеет помочь.

Хорошо, что она сказала ему про JJ-180, иначе бы ей от него не избавиться. А теперь она свободна от назойливых приставаний и может ехать к Корнингу. Правда, зная, что с ней происходит, они уж точно не отпустят ее в Шайенн к Эрику. Может, лучше всего сорваться туда прямо сейчас, не возвращаясь домой? Как только удастся разжиться капсулами. И гори оно все синим пламенем!

Надо же, как ее развезло после одной дозы. Или двух? Сколько она принимала? И что будет дальше, когда начнутся новые ломки?

Будущее было мрачным настолько, что не хотелось о нем думать. Будущее — не для нее, ей остался только путь в прошлое.

— Приехали, мисс.

Такси приземлилось на посадочной стоянке, расположенной на одной из крыш.

— С вас доллар двадцать центов и двадцать пять центов на чай.

— Подавись ты своими чаевыми,— сказала Кэт, открывая сумочку. Руки у нее тряслись, и она едва смогла отсчитать деньги.

— Охотно, мисс,— с готовностью откликнулся автомат.

Уплатив, она выбралась из машины. В каком захолустье обитают эти лильцы! Какая-то тусклая вывеска указывала на вход. Наверное, пытаются замаскироваться под обычных землян. Единственным утешением было то, что пришельцы из Звездной Лилии так же проигрывали в войне. В данный момент, учащая

шаги, Кэт испытывала к ним не только ненависть, но и презрение.

В таком расположении духа она была готова к встрече.

Позвонив в дверь, Кэт подождала.

Открыл сам Корнинг. У него за спиной она заметила еще нескольких пришельцев. Видимо, проходило совещание, а она их потревожила. Опять не вовремя!

— Миссис Арома,— Корнинг обернулся к остальным.— Не правда ли, восхитительная фамилия? Заходите, Кэт.— Он распахнул перед ней дверь.

— Вынесите мне сюда,— она осталась в коридоре, не переступая порога.— Я зашла по дороге в Шайенн. Думаю, вам приятно это услышать. Так что не будем понапрасну тратить время.— Она протянула руку.

Тень жалости — невероятно! — скользнула по лицу Корнинга. Однако это не укрылось от глаз Кэт, и ничто в этот день не потрясло ее сильнее. Если даже пришелец сочувствует ей... сердце Кэт сжалось. «Докатилась! Должно быть, я на верной дороге к концу. Сколько мне осталось?»

— Моя привычка к наркотику — вещь поправимая,— заявила она, не позволяя пришельцу наслаждаться ее страданиями.— Вы, как я недавно узнала, обманывали меня: JJ-180 синтезирован на Земле, а не нашими врагами. И рано или поздно мне помогут. Так что вы мне не страшны.

Кэт ждала, пока Корнинг вынесет капсулы. Ей хотелось сбить с него спесь; он определенно несколько стушевался.

Один из пришельцев, лениво посмотрев на нее, заметил:

— Вы можете сплавлять этот наркотик нам хоть десятилетиями, но в Звездной Лилии никто на него не купится.

— Верно,— сказала она.— В этом и состоит ваше отличие от людей. Наружность у нас одинаковая, но мы внутри слабы, а вы крепки. Господи, как же я вас ненавижу! Куда же он запропастился?

— Сейчас вернется,— успокоил пришелец и заметил товарищу: — А она забавная.

— Забавная, как зверек. Тебе нравятся забавные зверюшки? Может, поэтому ты подписался служить на Земле?

Вернулся Корнинг.

— Кэт, я дам вам три капсулы. Больше одной за раз не принимайте, иначе из-за токсичности препарата может наступить остановка сердца.

— Ладно,— она взяла капсулы.— Принесите стакан воды или чего-нибудь, чтобы запить.

Он вынес ей стакан и подождал, приязненно наблюдая, как она глотает капсулу.

— Я принимаю только для того, чтобы прочистить мозги и найти выход,— пояснила она.— У меня есть друзья, которые помогут мне. Но в Шайенн я поеду, потому что таков наш договор. Вы можете назвать кого-нибудь, у кого я там смогу доставать дозу?

— У нас там нет никого, кто мог бы вам помочь. Боюсь, придется вернуться, как только закончатся эти три капсулы.

— Значит, до Шайенна ваши щупальца пока не дотянулись.

— Думаю, нет,— хладнокровно отвечал Корнинг, которого ничуть не испугала ее атака.

— Прощайте,— сказала Кэт, отходя от двери.— Боже, до чего вы омерзительны. Для чего вся эта конспирация, чего вы добиваетесь,— она осеклась, понимая, что все слова напрасны.— Вергилий Аккерман уже знает о том, что со мной приключилось, и уж он этого так не оставит. Ему плевать на вас, потому что он большой человек.

— Все правильно,— закивал Корнинг.— Поддерживайте в себе эту утешительную иллюзию. Все равно вы никому ничего не расскажете, потому что тогда не получите капсул. Не следовало говорить об этом и с Аккерманом, но за это я вас прощаю: вы ведь были в ужасном состоянии, страдая без дозы. Мы знали, что этот момент наступит. Вас охватила паника. В общем, удачи, Кэт. Думаю, мы скоро о вас услышим.

— Ты не будешь давать ей дальнейших инструкций? — выглянул из-за плеча Корнинга другой пришелец, в противогазе, напоминающем харю земноводного.

— Ей уже пора,— отмахнулся Корнинг.— С нее хватит. Видишь, в каком она состоянии?

— Ну тогда поцелуй ее на прощание, Или, если это не доставит ей удовольствия...

Дверь захлопнулась у Кэт перед носом.

Секунду она постояла и пустилась в обратный путь. Странно, она все больше терялась в действительности, наступала какая-то дезориентация. Если ей удастся добраться до такси, это будет чудом. Главное — залезть в такси. «Господи! — пронеслось в голове.— Что же они со мной делают? Мне надо лечиться, но я не смогу, пока не кончатся эти капсулы. И тогда я приду за новыми». Капсулы были словно живыми существами, и в то же время несли в себе разрушение. «Что за мерзость,— подумала она,— выбираясь на крышу и высматривая в ночном небе красный маячок автотакси».

Вскоре Кэт удалось поймать машину, забраться внутрь и направить водителя в Шайенн,— когда наркотик начал действовать. Первое чувство было обескураживающим. Все в мире вдруг показалось ей странным.

Порез исчез. Кэт озадаченно осмотрела палец: никаких следов. Ни шрама, ни царапины. Палец был таким, как прежде, словно время вернулось назад, не было и пластыря, который наклеивал Иона.

— Посмотрите,— сказала женщина системе управления, протягивая руку.— Вы видите какие-нибудь следы? Невероятно, но часа полтора назад я порезалась.

— Нет, мисс,— сообщило такси, выруливая над ровной пустыней Аризоны и направляясь к северу, в сторону Юты.— Ваша рука совершенно цела.

Вот, значит, как действует препарат, стала догадываться Кэт. Вот почему он превращает людей и вещи в ничто, в невещественные субстанции. Это не магия, скорее нечто вроде галлюцинации. Порез на самом деле исчез с руки — и это не иллюзия. «Интересно, я потом это вспомню? Но с каждым разом капсулы начинают действовать все сильнее, меняя реальность».

— У вас есть ручка? Карандаш? — спросила она водителя.

— Пожалуйста, мисс,— в лоток выпал блокнот с заткнутой в него ручкой.

Морща лоб, Кэт старательно написала:

«JJ-180 каким-то образом перенес меня в прошлое, до того момента, как я порезала палец».

— Какой сегодня день?

— 18 мая, мисс.

Перед ней был чистый листок с невынутой ручкой, помещенной в гнездо. Странно, она же только что писала.

Кэт сделала еще одну попытку:

«JJ-180 перенес меня...»

Она явно помнила, что закончила предложение. Странно.

— Слушайте, такси,— заговорила Кэт, совладав с собой.— Что я только что у вас спрашивала.

— Число.

— А до этого?

— Вы попросили карандаш и бумагу, мисс.

— А еще раньше?

Водитель озадаченно замолк. Хотя, возможно, ей это лишь казалось.

— Нет, мисс, больше вы ничего не говорили.

— О моей руке?

Тогда понятно, наверное, у такси что-то замкнуло.

— Нет, мисс,— проскрипела машина.

— Благодарю,— сказала Кэт и откинулась на сиденье, озадаченно потирая лоб. Значит, действительно, со временем происходят загадочные вещи, в которые вовлечена она и окружающие предметы.

— Мисс, полет продолжается уже несколько часов, не желаете развлечься, посмотреть телевизор? — извиняющимся тоном сообщило такси, словно желая как-то оправдаться — Экран прямо перед вами, только нажмите на педаль.

Кэт надавила носком в самом деле оказавшуюся под ногами педаль, и экран тут же ожил. На нее смотрело с экрана знакомое лицо их лидера, Джино Молинари, который выступал с речью.

— Этот канал вас устраивает? — продолжало лебезить такси.

— Еще бы меня не устраивало,— ответила она.— Когда генеральный секретарь выступает, его речь транслируют по всем каналам.

— Таков закон.

Что-то в выступлении показалось ей странным. Молинари был заметно моложе. Да, именно таким она помнила его в детстве: энергичным, подтянутым, со сверкающим взором. На экране сиял облик человека-легенды, сумевшего пробиться к высшим эшелонам власти.

Неужели JJ-180 уносит ее дальше в прошлое? Ответа не было.

— Вам нравится смотреть Молинари? — поинтересовалось такси.

— Да, мне нравится смотреть.

Как будто сам по себе «Молинари» был какой-то программой, ток-шоу или еще чем... Впрочем, так, наверное, и было, хотя бы отчасти,— ведь именно в этом человеке сейчас сосредоточились надежды всех землян.

— Осмелюсь побеспокоить — продолжало такси.— Как вы думаете, этот многообещающий лидер, наверное, в скором времени займет пост генерального секретаря ООН?

— Отвяжись со своими дурацкими расспросами, глупый автомат. Молинари уже несколько лет назад занимая этот пост.

Точно, в машине что-то заклинило.

— Извини, конечно,— поправилась Кэт: ей стало стыдно за срыв.— Но где ты все это время был, ржавел в гараже?

— Нет, мисс. Всегда на работе. Я давно на службе. А вот вы, судя по голосу, неважно себя чувствуете. Может, вам требуется медицинская помощь? Сейчас мы над пустыней, но скоро достигнем Сент-Джорджа, штат Юта.

Кэт вновь почувствовала внезапное раздражение.

— Вот еще! Я вполне здорова.

Однако такси было право, наркотик теперь целиком господствовал над ее телом. Кэт ощутила приступ дурноты и схватилась за виски, словно пытаясь удержаться в реальности. «Спокойно,— пронеслось в голове.— Только не паниковать».

— Мисс, вы не повторите еще раз, куда мы летим,— внезапно подала голос машина.— Я что-то запамятовал.— Внутри механизма такси озабоченно защелкали контакты.— Помогите мне, пожалуйста.

— Я не знаю, куда направляешься ты,— огрызнулась Кэт.— Это твое личное дело, думай сам. А не можешь, то просто лети вперед, вот и все.

Какое дело, куда лететь!

— Кажется, начинается с «Ша»,— с надеждой спросило такси.— Или с «Че»?

— Чикаго.

— По-моему, другое. Впрочем, если вы уверены,— такси стало разворачиваться в противоположную сторону. Механизм задребезжал.

«Мы оба с тобой в этой наркотической фуге,— поняла Кэт.— Вы ошиблись, мистер Корнинг, дав мне этот наркотик и оставив меня без присмотра. Корнинг? Кто такой Корнинг?»

— Я знаю, куда мы летим,— в Корнинг.

— Такого места нет на карте.

— Должно быть,— ее охватила паника.— Проверь еще раз.

— Нет такого географического пункта, честное слово.

— Значит, мы заблудились. Боже мой, это ужасно. Я непременно должна сегодня быть в Корнинге, а такого места нет даже на карте — что мне делать? Пожалуйста, не бросайте меня, вы же видите, в каком я состоянии.

— Минутку, мисс, я свяжусь с диспетчерской службой в Нью-Йорке.— Через некоторое время он растерянно пробормотал: — Мисс, в Нью-Йорке нет диспетчерской службы воздушных такси.

— А что там вообще есть?

— Только радиостанции, уйма разных радиостанций, но нет ни телевизионных волн в эфире, ни коротковолновых станций. Я поймал станцию, на которой звучит нечто под названием «Мэри Мерлин» в сопровождении фортепианной пьесы Дебюсси.

Кэт хорошо знала историю: в конце концов, это было ее, собирателя древностей, работой.

— Ну-ка дайте послушать,— распорядилась она. Такси включило радио — и в следующую секунду Кэт услышала женский

голос, рассказывающий историю о страданиях другой женщины. «Нет, им не разбить меня изнутри, я знаю прошлое так же хорошо, как настоящее»,— подумала Кэт.

— Отставьте эту передачу,— бросила она.— И держите курс прямо.

И Кэт стала внимательно слушать мыльную оперу в несущемся вперед такси.

ГЛАВА 8

Вопреки природе и здравому смыслу светало. Такси потихоньку сходило с ума, в панике восклицая:

— Нет, вы видели, мисс? Внизу на шоссе — древний наземный автомобиль!

Такси спустилось ниже, чтобы Кэт смогла оценить.

— Вижу,— откликнулась Кэт.— Форд тысяча девятьсот тридцать второго года. Таких моделей давно нет, их пережило несколько поколений.

Кэт быстро соображала, оценивая происходящее.

— Так, мне нужно выйти.

— Где? — такси решительно не понравилась ее идея.

— Вон в том городке впереди. Посади на какую-нибудь крышу.

Она почувствовала внезапное спокойствие. Теперь понятно, что все дело в наркотике. Так будет продолжаться, пока JJ-180 не выработает свой ресурс в обменных процессах и не выведется из нервных клеток мозга. JJ-180 захватил ее врасплох, но в конечном счете она так же неожиданно вернется в свое время.

— Мне нужно найти банкомат,— сказала она.— И не выключай счетчик.

Тут Кэт поняла, что у нее нет денег этого времени, старинных долларов образца тридцатых годов. Без денег здесь все под запретом. Что она может в таком случае сделать? Позвонить президенту Рузвельту и предупредить о Пирл-Харборе, пришло ей в голову. Изменить ход истории. Может, тогда не изобретут атомную бомбу.

Кэт ощутила себя совершенно бессильной, и в то же время наделенной могущественной властью. Ведь она здесь человек из будущего. Ее охватили смешанные чувства. Может, захватить отсюда какой-нибудь артефакт для Вашинга-35?

— Постой,— задумчиво пробормотала Кэт.— Вергилий Аккерман был в это время маленьким мальчиком? Значит... Что это значит? — воспрянула она.

— Ничего,— ответило такси.

— Теперь Вергилий у меня в руках,— она открыла сумочку.— Я дам ему что-нибудь, к примеру, доллары. Назову даты, когда США будет вступать в войну, и Вергилий сможет использовать эти знания. Например, играть на бирже. Найдет, в общем, что делать, он всегда был смышленым мальчуганом, намного умнее меня.

Господи, но что Кэт может сделать? Объяснить Вергилию устройство какого-нибудь прибора, чтобы он мог его изобрести и запатентовать? Посоветовать ставить на боксера Джона Луиса в каждом поединке? Купить землю в Лос-Анджелесе, которая скоро вырастет в цене? Что можно рассказать восьми-девятилетнему пацану, когда знаешь все происходящее на сто двадцать лет вперед?

— Мисс,— погрустневшим голосом напомнило такси о своем существовании.— У меня горючее на исходе.

Кэт покрылась ледяным потом.

— Но у вас же его на пятнадцать часов!

— Бак был неполный,— неохотно призналось такси.— Моя вина. Простите. Я как раз ехал на заправку, когда вы меня остановили.

— Проклятая бандура! — в ярости воскликнула Кэт.

Ничего не поделаешь, до Вашингтона тысяча миль, и им туда не добраться. А такси заправки нужен высококачественный протонекс лучшей очистки, которого не сыщешь в этом веке.

Однако такси подбросило ей другую идею. Протонекс — лучшее горючее всех времен и народов — добывалось из морской воды. Надо было набрать бутылочку протонекса из бака такси и послать отцу Вергилия Аккермана, попросив отдать жидкость на анализ.

Нет, она не сможет послать письмо: у нее даже нет денег на марки. В кошельке Кэт имелось отделение, в котором пряталось несколько мятых почтовых марок, но все они были из ее эры, из две тысячи пятьдесят пятого года.

— Черт! — выругалась Кэт про себя.— Все в моих руках — а я ничего не могу сделать!

— Как я могу отправить письмо в чужом времени, когда таких марок не существовало? — пожаловалась она такси.— Скажите мне, как?

— Пошлите письмо без марки и обратного адреса, мисс,— посоветовало такси.— Тогда марку приклеят на почте.

— Верно,— сказала Кэт.— Как я сразу не догадалась!

Однако протонекс в конверте не отправишь, придется идти на почту и запаковывать бандероль.

— Скажите, есть у вас какие-нибудь транзисторы в вашей микросхеме? — спросила Кэт у такси.

— Есть — отвечала машина.— Но без транзистора я не смогу пользоваться рацией.— Еще я вынужден буду включить транзистор в счет: это очень дорогая деталь, потому что...

— Заткнитесь,— оборвала Кэт.— И приземлитесь в этом городе.

Она торопливо написала на листке:

«Вергилий Аккерман, это радиодеталь из будущего. Не показывай ее никому до тысяча девятьсот сорокового года. Потом принеси в Корпорацию Вестингауза или в «Дженерал электрик» или любую другую фирму. Это сделает тебя богатым. Я Кэтрин Арома. Запомни меня, мы встретимся в будущем».

Такси осторожно опустилось на крышу офисного здания в центре небольшого городка. С тротуара смотрели несколько зевак, разряженных в нелепые костюмы из прошлого.

— Садитесь на землю,— приказала Кэт.— В этом веке нет посадочных площадок на крышах. Теперь мне нужен почтовый ящик.

Поискав в сумочке, Кэт достала конверт, набросала на нем адрес Вергилия, который знала по Вашингу-35, и запечатала, положив в него письмо вместе с транзистором. Под днищем такси медленно ползли старинные авто.

Вскоре Кэт нашла почтовый ящик, такой же допотопный, как и все остальное. Опустив конверт, она остановилась перевести дыхание.

Итак, она обеспечила экономическое будущее Вергилия, а значит, и свое собственное.

«И пошел ты к черту, Эрик Арома, ты мне больше не нужен,— подумала она».

Но тут же с отвращением поняла, что выйти замуж за Эрика все же придется, иначе у нее не будет фамилии — и Вергилий не узнает ее в будущем. Ведь она подписалась фамилией Эрика. Кэт прикусила губу. Перед ней грандиозные возможности человека из будущего, но она никак не может ими воспользоваться.

Медленно Кэт вернулась к припаркованному такси.

— Мисс, вы не поможете мне отыскать горючее? — обратилось к ней такси.

— Здесь ты не найдешь никакого горючего,— ответила Кэт. Ситуация раздражала ее все больше.— В лучшем случае низкооктановый шестидесятый бензин. Сомневаюсь, что тебе он пригодится.

Прохожий в соломенной шляпе, мужчина средних лет и среднего возраста, замер при виде робота-такси из две тысячи пятьдесят второго года.

— Леди, что это? Испытание новой секретной игрушки Военно-Морских Сил?

— Да,— отозвалась Кэт.— Это наш подарок нацистам.

На почтительном расстоянии от Кэт начала собираться толпа.

— Запомните эту дату: седьмое декабря сорок первого года,— сказала Кэт, забираясь в такси, и захлопнула дверцу.— Поехали. А то я им такого расскажу... Впрочем, вряд ли они оценят, эти провинциалы Среднего Запада.

Городок, судя по всему, находился между Канзасом и Миссури. Кэт терпеть не могла провинциалов.

Такси стало набирать высоту, а Кэт продолжала размышления.

«Если бы пришельцы увидели Канзас тридцать пятого года, они вряд ли стали бы завоевывать Землю. Или даже вступать в контакт с землянами: игра не стоила свеч».

— Сядьте где-нибудь в поле,— бросила она такси.— Надо дождаться момента, когда действие препарата иссякнет, тогда мы вернемся в настоящее.

Наверное, оставалось недолго: она уже ощущала призрачность происходящего вокруг. Как и в первый раз.

— Вы шутите? — переспросило такси.— Неужели возможно, чтобы мы...

— Проблема не в том, чтобы вернуться в наше время. А в том, чтобы оставаться под воздействием наркотика, пока не успеешь сделать что-то полезное,— оборвала Кэт.— Однако наше время истекло.

— Что за наркотик, мэм?

— Не твое поганое дело,— ответила Кэт.— Ты просто механическое ничтожество с контактами и проводами вместо плоти и крови, к тому же чересчур любопытное.

Она закурила сигарету и откинулась в кресле, чувствуя, как тело наливается усталостью. Трудный денек — и главное, она знала, что худшее впереди.

Молодой человек с желчным лицом с преувеличенной бодростью ответил на рукопожатие Эрика. Это наводило на подозрения.

— Очень рад нашему знакомству, доктор. Моя фамилия Фестенбург.

Тот самый помощник Секретаря, который редактирует его речи.

— Как вы сказали?

— Дон Фестенбург,— он улыбался.

Молодой человек имел довольно рыхлую комплекцию, но вопреки внешней несостоятельности он излучал силу. Не такую, какой обладал Секретарь Молинари в лучшие годы жизни,— у Фестенбурга была иная энергия. Подобные люди легко поднимаются на вторые роли; перед Эриком стоял типичный «серый кардинал». Заместитель по психологической работе с населением, психотропный лидер, начальник штаба, замполит и так далее — в разные времена таких людей называли по-разному.

Эрик думал об этом, наблюдая за Фестенбургом, который взбивал себе коктейль в шейкере, сладко улыбаясь. От коктейля он отказался. С такими людьми нужно держать ухо востро, поэтому расслабляться не хотелось.

— Поскольку наш разговор протекает конфиденциально, я хочу открыть вам кое-то, доктор Арома,— продолжал Дон Фестенбург.— Я догадываюсь, что у вас на уме; несмотря на пикническое телосложение, я достаточно чувствителен. Этот вялый придурок, этот конченый иппохондрик, которого вы видели, вовсе не Джино Молинари. Это робант, механический двойник. А энергичная фигура, которую вы смотрели по телевизору,— живой человек. Понимаете? Живее всех живых. Весь маскарад затеян ради того, чтобы ввести в заблуждение наших дорогих союзничков-лильцев.

«Вот те на,— подумал Эрик.— Вот это оборот».

— Но как?..

— Пришельцы должны видеть слабость нашего лидера и не бояться нас. В противном случае землянам придется плохо. Если они сожмут кулак, в котором держат нас...

После паузы Эрик выдавил:

— Невероятно...

— Однако факт есть факт,— пожал плечами Дон Фестенбург.— Это любопытная идея из башни из слоновой кости, интеллектуальная позиция. Посмотрите на все с моей стороны, и вам многое станет ясно.

— Однако вы утверждаете нечто противоположное тому, что говорил Молинари. Кого же мне, простите, лечить? Робант не нуждается в моей опеке, а этот, второй, по телевизору,— тем более лишен необходимости обращаться к услугам трансплантолога. Что я в таком случае здесь делаю, и зачем меня приняли на работу?

Дон Фестенбург приблизился к Эрику, мотая содержимое бокала, как будто собирался выплеснуть коктейль ему в лицо. Эрику показалось, будто дохнуло спертым воздухом из шкафа, в котором хранился скелет.

— Хочу сказать еще раз: так МОЖЕТ БЫТЬ. Крошка предположений — пища для ума. Пока не узнаете Джино Молинари ближе, вы не догадаетесь о том, что происходит на свете. Его медицинская карточка тоже может быть чьим-то сочинением, как и его речи, которые, как вы знаете, пишу я.

Он подмигнул:

— Как вам такой оборот событий, доктор? Или думаете, я выжил из ума: играю с вами в кошки-мышки, жонглирую идеями? Вы так подумали? Что ж, может быть, и так. Но вы неспособны доказать мою неправоту, поскольку...— он сделал наконец большой глоток из бокала и скорчил улыбку: — ...вы сами видели эту запись.

— Но вы же сказали, что я смогу убедиться во всем, как только проведу медицинское обследование Секретаря,— начал Эрик.— («Скорее бы»,— пронеслось в голове.) — Так что, если вы позволите, я хотел бы откланяться. Я пока не устроился на новом месте.

— Погодите, еще не все. Ведь вы видели только запись. А где этот человек — или робант,— выступавший с экрана? Доктор, а вы знаете, что в средние века при дворе держали людей, живших в бутылках, всю жизнь проводя в стеклянных стенках? Их помещали туда детьми, и они вырастали карликами. Сейчас иные времена, однако Шайенн — современный королевский двор, и здесь тоже есть чем полюбоваться. Возможно, вас заинтересует, как профессионала, в чисто медицинском отношении...

— Мне кажется, все, что я увижу, не укрепит мою мысль остаться в Шайенне,— отвечал Эрик таким же любезным тоном.— Так что, говоря начистоту, не знаю, стоит ли, в самом деле...

— Погодите,— схватил его за руку Дон Фестенбург, видя, что доктор направляется к выходу.— Просто я хочу показать вам кое-что, имеющее непосредственное отношение к нашему разговору. Так сказать, материальное подтверждение. Оно совершенно безопасно, герметично закупорено, как средневековые уродцы, к тому же плавает в растворе. Пойдемте?

Дон Фестенбург распахнул перед Эриком дверь.

Сунув руки в карманы свободных, чуть мешковатых брюк, он направился по коридорам Белого Дома.

— Нижний уровень, комната «3-С»,— бросил он через плечо.

Они остановились перед металлической бронированной дверью с табличкой.

ВХОД ТОЛЬКО ПО СПЕЦПРОПУСКАМ. ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ.

Дверь охраняли два майора из «Сикрет Сервис».

— Джино доверяет мне,— сообщил Дон Фестенбург. Сунув карточку в электронный замок, он подождал, пока дверь ответит жужжанием и распахнется перед ними.

— Прошу вас. Только предупреждаю: я воздержусь от разъяснений того, что вы увидите.

В центре мрачной холодной комнаты, как бы утопавшей в морозном сером тумане, стоял стеклянный ящик. Как и утверждал Фестенбург, герметически закупоренный. Слышалось жужжание мотора холодильной установки, перегонявшей жидкий газ.

— Взгляните,— вдруг сказал Дон Фестенбург.

Невольно остановившись, Эрик прикурил дрожащей рукой сигарету и подошел ближе.

Там, в хрустальном гробу, словно подвешенное в воздухе, плавало тело Джино Молинари. Лицо его исказила агония. Он был мертв, это определялось невооруженным глазом. Умерщвлен Секретарь ООН был каким-то архаичным оружием — скорее всего, огнестрельным,— о чем красноречиво свидетельствовали кровавые раны. В теле зияло несколько дыр, и прорванная пулями униформа цвета хаки была запятнана высохшей кровью. Руки были подняты и устремлены вперед — словно в последний момент человек пытался остановить убийц.

Перед Эриком, несомненно, предстал факт политического убийства: тело было прострелено пулями, отчего конвульсивно изогнулось, едва не разорванное на части. «Какой дикий, варварский способ умерщвления,— подумал Эрик.— Однако нельзя не признать — крайне действенный и эффективный».

— Ну как? — подал голос стоявший сзади Дон Фестенбург.— Как вам экспонат номер один нашего паноптикума? Давайте предположим, что перед нами робант, дожидающийся момента, когда он понадобится Джино, точно так же сконструированный в «Дженерал Электроникс».

— Но зачем это Молинари?

— Причин может быть несколько,— почесав кончик носа, сказал Дон Фестенбург.— К примеру, на случай неудачного покушения на жизнь Секретаря. Экспонат может быть выставлен как доказательство его смерти, чтобы ввести противника в заблуждение. Есть вероятность, что Джино намеревается рано или

поздно отойти от дел, и готовит себе достойный уход: с покушением и легендарной смертью на глазах у народа. Так сказать, стать памятником при жизни.

— И вы уверены, что это робант?

— Я ни в чем не уверен,— холодно сказал Дон Фестенбург.— Я и думать не смею о том, *что* это — или *кто* это — на самом деле. Понимаете?

Дон Фестенбург отрывисто кивнул. В помещение вошли майоры службы «Сикрет Сервис», охранявшие вход в паноптикум. Эрик понял, что удовлетворить любопытство ему не удастся: тело осмотреть не позволят.

— И давно он здесь?

— Это известно одному Джино, а уж он, будьте уверены, никому не раскрывает своих тайн. На вопросы он отмалчивается и лишь лукаво усмехается в ответ. «Погодите, Дон, эта штука нам еще ох как пригодится,— говорит он мне в своей загадочной манере».

— Но если это не робант...

— Тогда это Джино Молинари собственной персоной, растерзанный градом пулеметной очереди. Примитивное, давно вышедшее из моды оружие, однако оно не дает ни малейшего шанса восстановить организм методами трансплантационной хирургии,— Дон Фестенбург поднял указательный палец.— Видите, повреждена черепная коробка? Часть мозга безвозвратно утеряна. Если бы это был он, не удалось бы восстановить его и вернуть к жизни, никакими методами, разве что клонировать бездумную куклу из плоти. Короче говоря, те, кто устроил покушение, знали, чего добивались,— и добились своего. Итак, вопрос: если это Джино, то откуда он взялся? Из будущего? Если мы поверим в сказки о веществе, сотворенном в одном из филиалов вашей фирмы... то очень может быть, что дело обстоит именно так. А вы что думаете на этот счет? — Фестенбург с интересом уставился на Эрика.

— Ничего,— признался Эрик. Ему были известны только слухи.

— В любом случае, это труп,— сказал Фестенбург.— И день за днем он приводит меня во все большее смятение, не дает мне спокойно жить, ставит все новые и новые загадки. Может, это Джино, которого убили в параллельном мире агенты Лилии? — судя по мрачным оттенкам в голосе, Дон Фестенбург больше не шутил.— Возможно, это альтернативный мир, в котором Земля не вступила в войну на стороне Звездной Лилии, и Секретаря убили агенты их контрразведки. И тогда Джино пытается отыграться, взять реванш в этом мире... как вы думаете, доктор?

Может такое существовать в действительности? Медицина допускает подобное?

«Допускает: двери психушки открыты для всех»,— подумал Эрик. А сам ответил:

— Я слишком мало знаю об этом препарате, чтобы делать выводы...

— Очень жаль. Я надеялся, что хотя бы вы раскроете мне глаза на происходящее. Разочарован. Ведь вы беседовали с Молинари. Для этого я, собственно, и привел вас сюда. Хорошо, попробуем подойти к делу с логической стороны. Предположим, перед нами настоящий труп, из данного измерения, не имеющий ничего общего с этой магией — путешествиями во времени и прочим,— Дон Фестенбург замялся, не уверенный в своих рассуждениях.— В таком случае напрашивается убийственный вывод...

— Продолжайте,— напряженно сказал Эрик, который, казалось, сам начал догадываться.

— Нет никакого Джино Молинари!

Эрик хмыкнул.

— Неплохо придумано.

— Все они робанты. Один с программой здорового и энергичного человека, выставленный на обозрение народу. Второй изображает больного, полумертвеца, для успокоения врагов и так называемых «союзников». И третий — истинный труп в хрустальном гробу — для того, чтобы предъявить в нужный момент, когда игра будет кончена.

Дон Фестенбург ораторским жестом показал на стеклянный ящик с «заморозкой» в подтверждение своих слов.

— И неизвестно, не появятся ли другие варианты Джино Молинари. Логично? Могу себе представить, какие будут двойники. Как думаете?

— Вероятно, здоровяк, супермен,— предположил Эрик.— Такого не хватает в этой логической цепи. На случай, если потребуется доказать миру, что Секретарь выздоровел. Кстати, вы читали его историю болезни?

— Само собой,— кивнул Дон Фестенбург.— Кастати, еще одна интересная деталь бросается в глаза при чтении этого прелюбопытного в своем роде документа. Все анализы брались со стороны: никто из медицинского штата, включая Тигардена, не имеет к ним ровным счетом никакого отношения. Я проверял, не трудитесь спрашивать нашего старого больного доктора, он и так на грани помешательства от того, что происходит вокруг. И вас, доктор, ни к каким обследованиям не подпустят, даже не

думайте. Все, что вам остается,— ваши «умные приборы», которые лечат тело без вашего вмешательства. Вы можете прикасаться к телу Молинари годами, но вам не дадут проникнуть внутрь.

— У вас очень... развитое воображение,— заметил Эрик.

— Это не имеет отношения к делу. У вас, думаю, тоже вращается в голове немало идей, как все это объяснить. Но все они базируются на фактах.

— Ваш ум повышенно возбудим.

— Имеете в виду щитовидку? Да, по цвету моего лица вы вправе вынести подобный диагноз. Но не путайте причину и следствие. Все мои предположения основаны на фактах,— подчеркнул Дон Фестенбург.— Я хочу знать, кто такой Джино и к чему он стремится, чего добивается. Это человек необычайно хитрый и дальновидный, незаурядного склада ума. С возможностями, которые дает должность, с экономическими и человеческими ресурсами, которые находятся в его распоряжении, он способен на многое. Но при этом на стороне Молинари всего одна вшивая планетка, в то время как у них — целая звездная империя, включающая двенадцать планет и восемь лун. Вы сами знаете, доктор, это не дает ему покоя; ситуация вгоняет его в гроб. Понимаете, о чем я? Теперь главный вопрос: что позволяет ему оставаться живым? Вот истинное чудо.

— Думаю, вы правы.

Становилось яснее, почему Молинари принял его на работу.

— А с этой нимфеткой уже встречались?

— Вы имеете в виду Марию Райнеке?

— Только представьте себе, когда планета на грани гибели, Молинари, зная, что мы обречены, что достанемся ригам, если Звездная Лилия не предпримет чего-нибудь,— заводит себе Лолиту. Наглую, надменную, самоуверенную кокотку с изломанной неустойчивой психикой подростка и маньячки. Вы же видели, наверное, как она поднимает его из постели? Как заводную куклу. Вы слышали о дзене, доктор? Так вот, это один из коанов, или парадоксов, потому что Мария должна была стать последней соломинкой, которая утопит Джино. Невольно пересмотришь всю человеческую жизнь: ведь мы никогда не знаем, что такое последняя капля, та, что переполняет чашу. За ней может последовать нечто совершенно новое и невообразимое. Честно говоря, я Марию терпеть не могу,— Дон Фестенбург поморщился при одной мысли о Марии Райнеке.— Она отвечает мне взаимностью, с такой же интенсивностью. Нас связывает только общее дело.

— Какое же?

— Мы оба работаем на Джино. Разве вы не видите результатов?

— Интересно, а Мария видела пленку со здоровым Молинари?

Дон Фестенбург посмотрел на Эрика округлившимися глазами:

— А что? Хорошая мысль. Может, ей стоило бы на него полюбоваться. Впрочем, это меня не касается. Кстати, доктор, к моей теории, что на записи может быть не робант, а человек, магнетический, харизматический лидер. Если Мария увидит его — другие Молинари просто исчезнут, потому что на пленке существует именно такой Молинари, каким Мария хочет видеть Джино в жизни.

«Интересно, а как к этому отнесся бы сам Молинари?» — подумал Эрик. Вероятно, это объясняло, почему Секретарь так долго держит карту с двойником в рукаве.

— Одно только не дает мне покоя: если он робант, как Мария до сих пор не обнаружила этого?

— То есть?

— Как бы помягче выразиться... неужели она могла не заметить, что на протяжении довольно-таки долгого времени является любовницей побочного продукта компании «Дженерал Электроникс»?

— Доктор, меня это начинает утомлять,— поморщился Дон Фестенбург.— Давайте закончим дискуссию. Вам пора осваиваться на новом месте, обустраивать быт, а мне... тоже пора возвращаться к неотложным делам.

Офицеры из «Сикрет Сервис» расступились.

— Я все же не могу поверить... поскольку лично встречался с Джино Молинари и...

Фестенбург обернулся от дверей.

— Но не встречались с тем, кто снят на пленке,— спокойно возразил он.— Который, быть может, происходит из другого мироздания, в котором Земля способна отразить заговоры и агрессию внешних противников и лукавых союзников. Трое или даже четверо Молинари могут составлять целый военный совет. Ничего мыслишка? Представляете, что они способны выработать, к каким результатам прийти? Один ум в четырех ипостасях.

— Как вы разбежались. Не забывайте, что одиниз них — уже труп.

— Не имеет значения,— Дон Фестенбург снова предупреждающе поднял палец, даже напутственно как-то поднял.— Главное — опыт.— И, переступая порог, добавил: — Одна только встреча с инвалидом произвела на вас огромное впечатление, согласитесь.

— Да уж.

— То-то.

На пороге появился служащий — робант в униформе.

— Доктор Арома, вас срочно желает видеть генеральный секретарь Джино Молинари. Мне поручено проводить вас в его кабинет.

— Ой,— сказал Дон Фестенбург, нервничая.— Кажется, я вас задержал.

Эрик без слов проследовал за робантом по коридору к лифту. Он интуитивно чувствовал, что вызов не просто так.

Молинари ждал его в кабинете, сидя в инвалидной коляске на колесиках, с посеревшим, осунувшимся лицом.

— Где вы были? — пожаловался он.— Впрочем, не имеет значения. Доктор, ожидается срочная конференция: прибыли полномочные представители Лилии, и вы должны присутствовать на ней. Я чувствую себя не совсем хорошо, поэтому в любой момент может понадобиться ваше вмешательство.

— Нельзя ли отложить?

— Ни в коем случае. Прилетел премьер. Очевидно, намечается что-то серьезное; лильцы хотят доконать меня. Премьер не может задерживаться более суток — нас разделяют громадные расстояния, парсеки пути.

Секретарь нажал кнопку в подлокотнике, и коляска покатилась за дверь.

— Пойдемте, доктор. Совещание начнется с минуты на минуту.

— Я встречался с Доном Фестенбургом.

— А-а, этот крысеныш... Умный малый, не правда ли? И способный ученик. Что он вам показывал?

Эрик смолчал. Вряд ли стоило рассказывать Секретарю про его труп, особенно после того, как он только что жаловался на здоровье. Поэтому Эрик просто ответил:

— Водил меня по зданию.

— О-о, Дон Фестенбург может работать в Шайенне экскурсоводом: он у меня в доверии, поэтому знает все уголки в Белом Доме.

Они свернули за угол, где Молинари моментально окружила толпа переводчиков, чиновников министерства иностранных дел и вооруженной охраны. Тележка Молинари исчезла среди них, и теперь Эрик только слышал голос вождя

— Прибыл Френик, собственной персоной. Представляю, чего лильцы хотят! Но мы еще посмотрим; лучше не загадывать вперед, они ведь телепаты. Предположениями только облегчаешь им работу.

«Френик»,— внезапно холодом обожгло спину Эрика. Сам премьер-министр Звездной Лилии.

Неудивительно, что Молинари захворал.

ГЛАВА 9

Делегация землян торопливо расположилась по одну сторону длинного дубового стола. Из противоположных дверей конференц-зала стали появляться делегаты-пришельцы, рассаживаясь с деловитым видом. Очевидно, тратить время попусту они не хотели: ход войны заставлял торопиться.

Вот вошел премьер-министр Френик. Немедленно поднялась с мест вся делегация пришельцев и несколько участников конференции из числа землян. Пришельцы зааплодировали лысому костлявому человеку с маленькой, почти идеально округлой головой, который занял самое большое кресло в центре. Без предварительных приветствий он положил на стол папку с документами.

Странные глаза были у премьер-министра лильцев. Эрик заметил его взгляд, когда посол метнул взгляд на Молинари. У него были глаза параноика, холодный, неподвижный взор, словно бы сконцентрированный в одной точке; взгляд человека с топором за пазухой, который знает, что ударит, как только в мозг поступит сигнал.

Премьер-министр дежурно улыбнулся, приветствуя Секретаря, видимо, какое-то формальное соблюдение протокола встречи все-таки предполагалось. Хотя точнее было бы сказать, что Френик показал зубы. Но глаза его при этом оставались неподвижными и холодными, как вход в склеп. Не потому, что Френик бюрократ или считает себя важной шишкой, к которой недостойны приблизиться простые смертные. Френик оставался человеком — в худшем смысле слова.

Молинари, собранный, властный при исполнении обязанностей генерального секретаря, перед министром Фреником был наг и беспомощен.

«Бедный Джино совершенно раскис»,— подумал Эрик.

Премьер-министр пришельцев, Кощей Бессмертный в облике человека, становился все холоднее и бездушнее, он словно вытягивал из Секретаря душу, как упырь.

Становилось понятно, отчего Молинари болел, не умирая. Это была реакция на стресс, защита от внешних сил, давивших на организм; правда, оставалось непонятным, как поведет себя организм Секретаря дальше. Одно выглядело однозначным: дуэль началась.

— Какая духота! — пробормотал один из чиновников поблизости.— Хоть бы открыли окно или включили кондиционеры.

В действительности кондиционеры работали на полную мощь. Ощущение недостатка воздуха создавало напряжение, повисшее в помещении, словно перед грозой.

Молинари пригнулся к Эрику, сказал:

— Сядьте ближе ко мне.

И немного откатил коляску от стола.

— Вы взяли чемоданчик с инструментами, доктор?

— Остался в гостинице.

Молинари вызвал робанта-курьера.

— Немедленно доставьте чемодан доктора из гостиницы,— приказал Секретарь работу.— Я хочу, чтобы вы все время носили его с собой,— пояснил он Эрику.

Молинари прокашлялся и развернул коляску к тем, кто сидел по другую сторону стола переговоров.

— Ваше превосходительство, господин премьер-министр. У меня есть, кхм, заявление. Я хочу зачитать его. В нем рассматривается позиция землян по отношению к...

— Секретарь,— перебил Френик, обращаясь к нему на родном языке Молинари без переводчика.— Прежде чем вы его зачитаете, я хочу обрисовать ситуацию на фронтах.

Френик поднялся с места, и его помощник включил заблаговременно приготовленный проектор. На дальней стене зала высветилось изображение карты военных действий. Комната погрузилась во мрак.

Хмыкнув, Молинари засунул свое обращение в карман униформы. Ему опять не дали зачитать его. Опять заткнули глотку. Любая его инициатива пресекалась на корню; для политического лидера это был полный разгром.

— Наши совместные войска из стратегических соображений стянули линию фронта. Между тем риги перебрасывают большое количество техники и вооружений в этот сектор, между двумя планетами системы Альфа,— премьер-министр показал участок на звездной карте.— Но здесь им долго не продержаться, я предсказываю полный разгром противника в течение месяца по земному календарю. Риги еще не понимают, что мы ведем блицкриг. Наша задача разгромить врага в кратчайшие сроки. Победа придет нам в руки сейчас или никогда. Однако война растягивается не только во времени, но и в пространстве, так как в космосе мы не ограничены территорией боевых действий, как при планетарной войне,— Френик обвел указкой пространство карты.— К тому же риги уже разбросаны по всей звездной карте и предпочитают вести партизанские действия. Они отказываются встретиться с нами единой армией и принять по-

ражение. И если нам не удастся провести генеральную битву вот на этом участке, то они приговорены, потому что будут отрезаны от остальных сил,— показал Френик.— Далее. У нас появится еще двенадцать дивизий к концу года, я вам обещаю, Секретарь. И все же необходимо произвести очередной призыв среди землян.

Премьер-министр сделал красноречивую паузу, ожидая ответа.

Молинари пробормотал:

— Доктор, вам принесли чемоданчик?

— Нет еще,— отозвался Эрик, оглядываясь в поисках робанта-курьера.

Нагнувшись к доктору, Молинари зашептал:

— Знаете, что меня беспокоит в последнее время, кроме живота? Жуткие головные боли. Прямо, знаете, стучит в висках: тук — тук. То есть бах — бах. Что бы значили эти звуки?

Министр Френик, не дождавшись ответа, продолжил:

— Кстати, у нас появилось новое оружие, разработанное на Четвертой планете Империи. Вы знаете, что наши планеты называются по номерам, а закрепленные за ними спутники обозначаются тем же номером с дробью. Вы будете поражены, Секретарь, когда увидите демонстрационные клипы испытаний этого оружия.

Снова повернувшись к Эрику, Секретарь забормотал:

— И когда я поворачиваю голову вот так, из стороны в сторону, какой-то неприятный хруст в основании затылка. Вот, слышите? — Он продемонстрировал, с болезненным видом повернув голову, как человек, желающий ответить «нет» при помощи языка жестов.— Что бы это значило?

Эрик не ответил, он не спускал глаз с Френика, делая вид, что внимательно слушает Молинари.

— Секретарь, предлагаю на ваше рассмотрение вариант уничтожения флота ригов при помощи водородных снарядов,— сказал Френик после очередной паузы.— Вскоре они сойдут с наших конвейеров. Нам уже удалось нанести ими значительный урон в дальнем космосе за передовыми линиями ригов.

В комнату проскользнул робант-курьер с чемоданчиком Эрика.

Не обращая на него внимания, Френик продолжал злым и настойчивым голосом:

— Хочу также указать вам, Секретарь, что военные бригады землян не подготовлены к военным действиям из-за плохого снабжения боекомплектом и поэтому отказываются сражаться. Победа, конечно, все равно останется за нами, это неизбежно. Но каково нам видеть рядом союзника, бойкотирующего военные

действия? Посылать на фронт неподготовленных людей — преступление, разве вы не согласны, Секретарь?

Не останавливаясь, Френик продолжал:

— Вам надо обратить на это самое пристальное внимание, ведь вы верховный главнокомандующий.

Молинари увидел чемоданчик в руках Эрика и облегченно кивнул:

— Наконец-то. Держите его наготове, поближе ко мне. Знаете, я сейчас подумал, наверное, эти боли из-за гипертонии.

Эрик отрывисто кивнул.

— Вполне вероятно, что...— захваченный происходящим, премьер-министр осекся, его рыбьи глаза стали совершенно безжизненными. Поведение Секретаря окончательно вывело его из себя. Его влияние на аудиторию слабело.

— Теперь о самом главном, Секретарь,— заявил Френик.— Мои боевые генералы рассказывают, что оборонительное оружие ригов...

— Погодите,— прохрипел Молинари, перебивая.— Я должен посовещаться с коллегой.— И, склонившись Эрику на плечо, Молинари пролепетал: — И знаете что еще? Кажется, у меня проблемы со зрением. Я просто слепну. Доктор, измерьте мне давление.

— Как? Прямо сейчас?

— Да. Я чувствую, что оно опасно подскочило.

Эрик открыл чемоданчик.

Министр Френик у светящейся карты ядовито заметил:

— Господин генеральный секретарь, следует кое-что уточнить, прежде чем мы продолжим обсуждение остальных вопросов. Войскам землян не выстоять перед новой гомеостатической бомбой ригов, поэтому мне придется снять полтора миллиона рабочих с военных заводов, чтобы отправить на фронт. Их должны заменить полтора миллиона землян, которые будут переправлены в Империю гастарбайтерами. Примите во внимание: им не придется умирать на фронтах; мы бережем ваше население, Секретарь. Рабочие должны быть переправлены как можно скорее. Сейчас или никогда.

Френик повторял последнюю фразу как заклинание. Он добавил:

— Это главный вопрос данного совещания.

Эрик увидел на тестовом диске, что у Молинари невозможное для человека давление — двести девяносто.

— Что, дела мои совсем плохи, доктор? — спросил Молинари, бессильно утыкаясь в Эрика головой.— Вызывайте Тигар-

дена,— приказал он робанту.— Ему требуется срочно посовещаться с доктором Арома. Они должны немедленно диагностировать...

— Секретарь,— повысил голос Френик.— Мы не сможем продолжать, если вы не будете отвечать или хоть как-то реагировать на мои вопросы и предложения. Повторяю: я требую у вас полтора миллиона людей, мужчин и женщин, для работы на имперских военных фабриках. Вы слышите? Они будут транспортированы в Империю на этой же неделе по земному времени.

— Хм-м,— отозвался Молинари.— Да, министр, я слышу вас, я подумаю.

— Думать некогда,— рявкнул Френик.— Или мы утратим позиции на фронте «С», где давление ригов самое высокое. В случае их прорыва землянам придется плохо...

— Я проконсультируюсь с моим военным советником, чтобы получить его одобрение,— после продолжительной паузы отозвался Молинари.

— Нам нужны полтора миллиона ваших людей — и немедленно!

Молинари с усилием вытащил из кармана свернутые листки «заявления»:

— Министр, я хотел бы зачитать...

— Так я могу рассчитывать на ваше согласие? — не отставал Френик.— После этого мы сможем продолжить, и вы будете читать все, что хотите.

— Я болен,— сказал Молинари.

Воцарилась тишина.

Наконец заговорил Френик:

— Боюсь, Секретарь, в вашем здоровье еще долгие годы не наступит улучшение. Поэтому я пригласил на конференцию виднейшее медицинское светило, одного из лучших врачей Империи, доктора Горнела.

С противоположной стороны стола поднялся пришелец с пустым лицом и поклонился Молинари.

— Я пригласил его осмотреть вас. Известно, что правильный диагноз в медицине — половина успеха.

— Благодарю вас, министр,— откликнулся Молинари.— Ваша доброта не имеет границ. Однако у меня есть свой прекрасный доктор Арома. Они с коллегой доктором Тигарденом справятся сами и приготовят все к операции.

— Операция? — первый раз в голосе Френика прозвучала эмоция.— Вы что, собираетесь проводить ее прямо сейчас?

— У меня опасно высокое давление,— объяснил Молинари.— Я с минуты на минуту могу ослепнуть. По правде говоря, я уже сейчас плохо вижу и даже не могу понять, что вы там показывали, на дальней стене.— И вполголоса добавил Эрику: — Доктор, все вокруг как в тумане. Куда провалился Тигарден?

Эрик отвечал:

— Никак не могу выяснить, отчего у вас так подскочило давление. Секретарь, у меня нет при себе необходимых диагностических инструментов,— подыгрывая Молинари, он снова стал рыться в чемоданчике.— Я сделаю вам инъекцию радиоактивных солей, и когда они проследуют по кровяному руслу... по вашей кровеносной системе...

— Знаю,— сказал Молинари.— Все вещество соберется в источнике тромба к месту сужения сосуда. Приступайте.

Они разыгрывали спектакль перед возмущенным премьер-министром, выступая в роли «больного» и «доктора».

Молинари закатал рукав формы и выставил волосатую руку. Эрик приставил к вене шприц — пистолет, настроенный на внутривенный укол в области локтя, и нажал спуск.

Министр Френик хмуро спросил:

— Что происходит, Секретарь? Мы можем продолжать совещание?

— Да, продолжайте,— слабым голосом откликнулся Молинари.— Доктор Арома просто занимается своим делом.

— Во-первых, Секретарь, я настаиваю, чтобы доктор Горнел был включен в ваш штат. Во-вторых, согласно донесениям моей контрразведки, на вас готовится покушение с целью вывести Землю из войны. Поэтому я хотел бы выделить для вашей охраны отряд коммандос из числа войск Империи. Это будет группа в двадцать пять человек, способных защитить вас от любых посягательств.

— Что? — спросил Молинари, вздрагивая.— Что вы нашли, доктор? — Казалось, он растерян оттого, что не может одновременно совещаться с доктором и уделять внимание конференции.— Извините, министр. Прошу вас подождать.— И вполголоса доктору: — Ну как там? Мне показалось, или вы только что говорили мне что-то? Нет? Извините,— он растерянно потер лоб.— Я ослеп! — воскликпул Молинари.— Я ничего не вижу! — в его голосе звучала неподдельная паника.— Сделайте же что-нибудь, доктор!

Эрик, наблюдая движение потока радиоактивной соли по кровяному руслу, обронил:

— Похоже, это сужение канала — стеноз[1].

— Знаю,— кивнул Молинари.— У меня было то же самое с правой почкой. Вы должны оперировать, доктор, или это убьет меня.

Он стал вялым, от слабости не мог поднять голову: ссутулился и обмяк в инвалидной коляске.

— Господи, как же мне плохо,— пробормотал он. Сделал попытку встать, но чуть не вывалился из кресла: Эрик с помощью персонала усадил Секретаря на место. Тело Молинари стало безжизненно тяжелым и каким-то вязким.

— Конференция продолжается,— не терпящим возражений голосом объявил Френик.— Не для того я столько летел...

— Хорошо,— пробормотал Молинари.— Пусть меня оперируют прямо здесь, а вы продолжайте,— он вяло кивнул Эрику: — Не ждите Тигардена, можете начинать.

— Как? Здесь?

— Ничего не поделаешь. Я в смертельной опасности,— Молинари навалился на стол. Ему не удалось самостоятельно вернуться на место, и он лежал мешком.

На дальнем конце стола вице-секретарь ООН Рик Принцл кивнул Эрику:

— Приступайте, доктор. Сами понимаете, операцию нельзя откладывать.

Видимо, для него это было дело достаточно привычное, как и для остальных членов секретарского штаба.

— Секретарь, может быть, в таком случае вы уполномочите мистера Принцла продолжать переговоры за вас? — обратился Френик к Молинари.

Но ответа со стороны Молинари не поступило. По всей видимости, он находился в бессознательном состоянии, каковой факт временно блокировал переговоры.

Из чемоданчика Эрик достал небольшой хирургический блок. Проникая под слой кожи, сальник и ткани, он входил через артериальную стенку, выпуская пластиковый переходник, обходя место тромба. Впоследствии тромб можно будет растворить или изъять хирургическим путем, перевязав этот ставший уже дополнительным участок артерии.

Открылась дверь, в конференц-зал вошел Тигарден. Увидев издалека бесчувственное тело Молинари, он подбежал к Эрику.

---

[1] Врожденное или приобретенное стойкое сужение какого-либо полого органа или отверстия между полостями; затрудняет продвижение их содержимого в левой почечной артерии.

— Вы уже приступили к операции? — торопливо спросил он.

— Да, все необходимое у меня с собой. Я воспользовался инструментом из своего набора.

— Надеюсь, вы понимаете: никакой пересадки органов. Любая пересадка под запретом.

— В этом нет необходимости.

Тигарден прощупал пульс Молинари, расстегнул форму Секретаря, прослушал грудную клетку стетоскопом.

— Сердцебиение слабое и нерегулярное. Его необходимо срочно заморозить.

— И чем скорее, тем лучше,— согласился Эрик, доставая необходимые инструменты.

Френик, глядя на происходящее, спросил:

— Вы что, собираетесь его замораживать?

— Ничего не поделаешь, метаболические процессы,— ответил Эрик.

— Меня не интересуют процессы, по которым разлагается это тело. Меня интересует, как я могу продолжать совещание с замороженным Секретарем, находящимся к тому же под ножом у хирурга. Ради этой конференции я преодолел расстояние в сотни и тысячи световых лет.

Таким разгневанным министра не видел никто и никогда. Пришельцы невольно сжались и побледнели.

— У нас нет выбора, министр,— ответил Эрик.— Молинари умирает.

— Мне все ясно,— сказал Френик и, сжимая кулаки, вышел из зала заседаний.

— Фактически он уже мертв,— заметил Тигарден, продолжая слушать сердце фонендоскопом.— Наступила клиническая смерть.

Эрик застегнул на шее Молинари воротник и сделал укол. Холод через артерию мгновенно начал распространяться по телу Секретаря, замораживая сердце.

Френик, нервничая, вернулся в зал и стал совещаться со своим медиком. Наконец он объявил во всеуслышание:

— Я бы хотел, чтобы доктор Горнел присутствовал при операции.

Вмешался вице-секретарь ООН:

— Это невозможно, уважаемый премьер-министр. Молинари издал указ, по которому оперировать его могут только доктора из числа его окружения. Это его личные доктора, которых он сам набирает в свой штат. И не только оперировать, но и осматривать. И вообще приближаться к его персоне посторонним запрещено. Таков закон Земли.

С этими словами он кивнул Тому Йохансону. Люди из «Сикрет Сервис» окружили место операции и тело Секретаря.

— Но почему?

— Потому что они знакомы с историей его болезни,— деревянным голосом отвечал Принцдл.

— Непостижимо,— прошипел министр.— Если они же довели его до такого состояния...

Тем временем Эрик вполголоса спросил у Тигардена:

— Подобное не в первый раз происходит во время совещания с пришельцами?

— Пятый,— откликнулся Тигарден.

Эрик ткнул в бок Молинари устройство, напоминающее шприц-пистолет, и нажал спуск, производя глубокий выстрел анестетиком. Выпущенный из аппарата зонд стал пробираться к почечной артерии Секретаря.

В зале повисла тишина, слышалось лишь жужжание скальпеля. Казалось, все остальное, в том числе и министр Френик, пропало, утонуло в большом громоздком секретарском теле, заслонившем собой мир.

— Послушайте, Тигарден,— позвал коллегу Эрик, вытирая пот со лба. Он отступил от оперируемого и закурил сигарету.— Пожалуй, стоит проверить, не было ли гипертонического криза у кого-нибудь из сотрудников Белого Дома в последние несколько часов. И, возможно, такого же случая с блокировкой почечной артерии.

— Можете и не искать. У горничной с третьего этажа. Я только что оттуда. Наследственный порок, правда, обостренный непомерной дозой амфетаминов, которые она приняла за текущие сутки. Она как раз тоже начала терять зрение накануне операции. Сейчас все позади.

— Понятно,— сказал Эрик.

— Давайте обсудим позже,— предупредил Тигарден.— Или забудем об этом.

К врачам приближался министр пришельцев.

— Как скоро Молинари сможет продолжить участие в беседе?

Эрик с Тигарденом переглянулись.

— Трудно сказать,— наконец ответил Тигарден.

— Сколько для этого нужно времени по вашему земному календарю? Несколько часов? Дней? Или, может быть, недель? Я не могу задерживаться на вашей планете, на мне лежит ответственность за целую Империю. Последний раз десять дней потратили даром, ожидая, пока он придет в чувство. Я не могу ждать более трех суток.

За его спиной советники, военные и промышленные, складывали бумаги в папки и портфели.

— Есть надежда, что через пару суток он пойдет на поправку,— учитывая крепость организма, совладавшего с таким количеством болезней. Но говорить наверняка я бы не решился.

Обернувшись к Принглу, министр Френик заявил:

— Мне видится в этом какое-то издевательство. Почему вице-секретарь не может работать за Секретаря, который находится в коме? Зачем тогда существует должность? Она что, чисто номинальная?

Тот лишь пожал плечами в ответ:

— Не мне об этом судить. Спросите у Молинари,— он кивнул на бесчувственное тело.— Я всего лишь заместитель, мои функции регламентированы законом, подписанным главой мирового правительства.

Френик пошел на попятный:

— Секретарь Молинари является моим личным другом, которым я очень и очень дорожу. Я хочу быть в курсе его состояния здоровья.

— Вам будут регулярно высылаться бюллетени,— заверил премьер-министра вице-секретарь.

— И все же, почему Империя должна нести главный груз на себе в этой войне? — Френик пожал плечами.— Вы же наши союзники. Отчего земляне так равнодушны к нашей борьбе с ригами?

Ни Принглу, ни врачи не дали ему вразумительного ответа.

Тогда Френик обратился к членам делегации пришельцев на своем языке, и вскоре лильцы покинули зал

— Пришельцы вновь стали ушельцами,— прокомментировал Тигарден.

— На время,— хмуро заметил Принглу.— Поверьте мне, на очень небольшое время.

«Секретарь ООН собственной болезнью и клинической смертью спас полтора миллиона землян, обреченных трудиться на военных фабриках иной звездной системы,— подумал Эрик.— Неведомо в каких условиях и с какими последствиями. Скорее всего, их потом тоже отправили бы на фронт, отдали на растерзание ригам. Или рассадили бы по зоопаркам».

Эрик начинал понимать, что от него требовалось, как от личного врача Молинари.

Джино Молинари под охраной «Сикрет Сервис» находился в спальне, полулежа на подушках, просматривал оппозиционную

«Нью-Йорк Таймс», расположенную перед ним на специальной подставке.

— Читать мне разрешено, доктор?

— Отчего бы нет,— откликнулся Эрик.

Операция прошла успешно, давление вернулось к нормальному уровню (с учетом возраста и физического состояния пациента).

— Посмотрите, что пишут в этой паршивой газетенке.

Молинари передал первый лист Эрику.

СОВЕЩАНИЕ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ БЫЛО ПРЕРВАНО НЕОЖИДАННОЙ БОЛЕЗНЬЮ СЕКРЕТАРЯ. ДЕЛЕГАЦИЯ ПРИШЕЛЬЦЕВ, ВОЗГЛАВЛЯЕМАЯ ФРЕНИКОМ, ОКАЗАЛАСЬ В ВЫНУЖДЕННОЙ ИЗОЛЯЦИИ.

— Откуда они все это берут? — подивился Молинари, чей голос еще не окреп после приступа.— Вы, кстати, понимаете, что Френик хотел вынудить меня подписать протокол встречи?

— Понимаю, не вините себя ни в чем, вы все сделали как надо.

«Сколько он продержится? — размышлял Эрик.— В конце концов, добром это не кончится».

Дверь спальни распахнулась, на пороге появилась Мария Райнеке.

Взяв девушку под локоть, Эрик вывел ее в коридор.

— В чем дело? — недовольно спросила она.— Мне с ним и поговорить уже нельзя?

— Минутку,— Эрик замялся, не зная, как объяснить.— Позвольте сначала спросить вас кое о чем. Молинари когда-нибудь проходил курс психотерапии или психоанализа?

Медкарта больного молчала, но у Эрика имелись определенные подозрения на этот счет.

— А зачем? — Мария зазвенела язычком молнии своего бушлата.— Он сумасшедший?

— Нет, конечно,— втолковывал доктор.— Но его психическое состояние...

— Джино просто невезучий до чертиков, оттого всегда что-нибудь подхватывает. И психолог здесь не поможет: он не влияет на удачу.— Нехотя Мария добавила: — Ну да, был у него однажды какой-то аналитик, консультировал несколько раз в прошлом году. Но вообще-то это государственная тайна, имейте в виду. Если оппозиция что-нибудь узнает...

— Назовите мне, пожалуйста, имя психоаналитика.

— Да чтоб я его помнила! — Глаза Марии зло блеснули. Девушка пристально и с подозрением уставилась на Эрика.— Я

даже доктору Тигардену не сказала, а он мне гораздо симпатичнее, чем вы.

— После того, что случилось сегодня...

— Аналитик давно мертв,— оборвала Мария.— Джино убил его.

Эрик уставился на нее непонимающим взором.

— И знаете за что? — она злорадно улыбнулась с жестокостью малолетки, на мгновение вернув Эрика в воспоминания о собственном пубертатном периоде, напомнив, до чего доводили его тогда вот такие девчонки.— За то, что он сказал о болезни Джино. Я не знаю, что именно, но думаю, тот тип был прав. Что и довело Джино до исступления. Желаете отправиться следом?

— Знаете, кого вы мне напоминаете? — ответил Эрик уклом на укол.— Министра Френика.

Мария оттолкнула его, устремляясь к дверям, за которыми лежал больной Молинари.

— Мне пора, прощайте.

— А вам известно, что сегодня во время конференции он умер?

— Да, он делал это множество раз. Ненадолго, разумеется, не дожидаясь биологической смерти. Ну а вы с Тигарденом были, конечно, тут как тут, и успели его заморозить. Я все эти штучки знаю. Кстати, с чего вдруг я напоминаю вам Френика, эту свинью в скафандре?

Она обернулась, изучая его пытливым взором.

— Я совсем не такая, как пришельцы. Вы просто хотите разозлить меня и вывести из себя, да? Чтобы я в горячке проговорилась, не так ли, господин психолог?

— Проговорились о чем?

— О суицидальных комплексах Джино,— она говорила об этом, как о чем-то обыденном.— Да, они у него есть, известно каждому. Наверное, кроме вас. Потому и притащили меня его родственнички: чтобы я не отходила от Джино ни днем, ни ночью. Особенно ночью, когда он совершенно один. Чтобы прижималась к нему в постели или наблюдала за тем, как он расхаживает по спальне, когда у него бессонница. Джино не может оставаться ночью в одиночестве, ему надо с кем-то говорить. Чтобы поднять его утром на ноги, в четыре утра — или это считается ночью? — она усмехнулась.— Понимаете, доктор? А вы делаете это для кого-нибудь? Или кто-то для вас?

Эрик покачал головой.

— Очень плохо. Вы явно нуждаетесь в этом. Жаль, что не могу сделать этого для вас, меня и на Джино едва хватает. Да и

вообще вы не в моем вкусе. Ну, удачи вам,— может, еще найдете кого-то вроде меня.

Мария исчезла за дверью.

Доктор Арома остался стоять в коридоре, чувствуя собственную ненужность и бесполезность, а более всего одиночество.

«Интересно, не сохранились ли записи психоаналитика о его визитах к Молинари,— механически подумал он, возвращаясь мыслями к работе.— Наверняка Джино все уничтожил, чтобы не попали в руки пришельцев».

Все верно, именно в четыре утра ему хуже всего. Но при нем в этот момент нет никого, Мария права.

— Доктор Арома?

Рядом появился человек из «Сикрет Сервис».

— С вами хочет увидеться женщина, утверждающая, что она ваша жена.

— Вполне может быть,— пробормотал Эрик.

Внезапно он испытал привычный приступ страха, которым сопровождалось появление Кэт в его жизни.

— Не пройдете ли со мной засвидетельствовать, что это именно она?

Эрик безвольно направился следом.

— Знаете что,— остановился было он.— Скажите ей, чтобы она... («Нет, так эту проблему не решить,— пронеслось в голове.— Она все равно подкараулит его где-нибудь. Зная ее темперамент, от Кэт можно было ожидать чего угодно. Я, в конце концов, не ребенок, чтобы прятаться».) Я не сомневаюсь, что это она, проводите ее сюда. Кстати,— обратился он к «Сикрет Сервису».— Вы представляете, что это такое: жить с единственно чуждым тебе на свете человеком?

— Нет,— мотнул головой охранник, удаляясь по коридору.

Очевидно, они все холостяки, как и Отто... как там его...

ГЛАВА 10

Кэтрин стояла в углу большого и просторного вестибюля Белого Дома, читая оппозиционные ведомости «Нью-Йорк Таймс». Она была одета в черный плащ, лицо покрывал слой макияжа. Несмотря на него, в лице Кэт просвечивала бледность, особенно заметная на фоне больших, ставших отчего-то просто огромными, глаз, полных муки.

Издалека заметив Эрика, она оторвалась от газеты:

— Читаю, как ты оперировал Молинари и спас ему жизнь. Мои поздравления.

Она встретила его жалкой и вымученной улыбкой.

— Пойдем куда-нибудь, возьмешь мне чашку кофе, я должна тебе многое рассказать.

— В этом нет необходимости,— ответил Эрик, почувствовав, что голос все же дрогнул.

— После твоего отъезда я пересмотрела нашу жизнь,— произнесла Кэт.

— Я тоже. И пришел к выводу, что самое лучшее для нас приступить к процедуре развода.

— Странно, я пришла к иному решению.

— Поэтому ты здесь, я вижу. Но по закону я не должен жить с тобой, и все, что от меня требуется...

— Сначала выслушай меня,— настойчиво сказала Кэт.— Ты не имеешь морального права бросать женщину, даже не выслушав ее.

Эрик вздохнул; сыграть на его слабости — безотказный прием. Но куда денешься?

— Ладно, пошли.

Он чувствовал, что на него наступает нечто Неотвратимое. Наверное, это и есть Рок: когда сама судьба вмешивается во все твои желания и решения, и даже в поступки. Как в древнегреческих трагедиях. Наверное, такое происходит от заложенного в человеке инстинкта саморазрушения.

Взяв жену за руку, Эрик повел ее по коридору мимо охраны Белого Дома к ближайшему кафетерию.

— Ты скверно выглядишь,— заметил он.— Какая-то бледная и напряженная.

— У меня сейчас не лучшее время,— согласилась Кэт.— С тех пор, как ты уехал, со мной творится неладное. Наверное, у меня выработалась к тебе зависимость.

— Я не наркотик, чтобы ко мне привыкать,— отчеканил он.

— Нет, это другое.

— Тогда симбиоз. Как у гриба, сросшегося с деревом.

— Другое!

— Что еще тут может быть? Учти, Кэт,— к прежней жизни возврата нет.

Эрик ощутил холодную решимость, пусть лишь на мгновение; он был готов сражаться с ней до конца. Храбро заглянув жене в глаза, он вдруг заметил, что с ней что-то произошло.

— Кэт,— сказал он.— А ведь ты больна.

— Ты в каждом теперь видишь инвалида, потому что все время крутишься возле Мола. Со мной все в порядке, просто я немного устала.

Но Эрик видел, что она уже не та самоуверенная дерзкая Кэт, какой он всегда ее знал и помнил. Она словно высохла или раскололась внутри. Похоже на возрастные изменения, хотя не совсем то. Неужели разлука могла привести к таким последствиям? Тоже сомнительно.

— Тебе надо пройти обследование.

— Господи, да отстань ты,— вздохнула Кэт.— Я в порядке. То есть буду в порядке, когда приду в себя. Как только мы с тобой разрешим наше непонимание и...

— Разрушение отношений, уничтожение чувств не называется непониманием. Это приводит к полной перестройке жизни.

Взяв две чашки, Эрик наполнил их из кофейного автомата и расплатился с робантом-кассиром.

Как только они разместились за столом, Кэт закурила и сказала:

— Ну, положим, я соглашусь с тобой: как только мы расстались, моя жизнь покатилась с горы. Что тебе с того? Тебя это волнует?

— Волнует, но не в том смысле...

— Ты оставил меня в ужасном состоянии и смылся.

— У меня больной, который занимает все мое время и внимание. Я не могу заниматься при этом еще и тобой.

«В особенности когда сам не желаю»,— подумал Эрик.

— Все, что от тебя требовалось...— Кэт вздохнула и отхлебнула кофе. Эрик заметил, что рука, которой она держала чашку, трясется.— Ладно, проехали. Просто возьми меня обратно, и со мной все будет в порядке.

— Нет,— сказал он.— Я не верю, что все будет в порядке. И это не поможет твоему состоянию, проблема в другом.

Как медик он с одного взгляда распознал, что с ней происходило: типичный абстинентный синдром[1].

— Ты могла сказать мне раньше, но тянула до последнего, пока не довела дело до безнадежного...

— Да! — воскликнула Кэт.— Я больна, признаюсь. Но это мое личное дело, пусть тебя это не беспокоит.

— Ты хоть понимаешь, что твоя нервная система непоправимо поражена? Ты теперь инвалид.

Голова ее непроизвольно дернулась при этих словах, и краска окончательно схлынула с лица.

— Хотя это, может быть, преждевременный диагноз,— поспешил Эрик успокоить ее.— Посмотрим, как будет развиваться

---

[1] Болезненное состояние, развивающееся у наркоманов при прекращении приема наркотика.

болезнь. Наверное, тебя придется поместить на принудительное лечение.

— Господи, но почему я? Почему все на меня набросились? Разве я причинила кому-нибудь зло?

Кэт охватила паника. Она смотрела на мужа, как завороженная, не в силах вымолвить ни слова.

Эрик подошел к одной из официанток.

— Мисс, вы не могли бы вызвать за мой столик кого-нибудь из персонала «Сикрет Сервис»?

— Да, сэр,— невозмутимо откликнулась она и только кивнула пареньку, убиравшему посуду со столов. Тот тенью скользнул на кухню.

Эрик вернулся за столик. Он отпил кофе, стараясь сохранять спокойствие и невозмутимость, мысленно готовясь к тому, что должно произойти.

— Для тебя это лучший вариант. Я еще не знаю, какие могут быть последствия, но думаю, для тебя все этим и кончится. Наверное, ты и сама понимаешь.

— Подожди, Эрик,— дрожащим голосом произнесла она.— Отпусти меня. Я вернусь в Сан-Диего, ладно?

— Нет,— он покачал головой.— Ты сама захотела, чтобы все так обернулось, иначе бы не заявилась сюда. Теперь мой профессиональный долг обезопасить тебя от самой себя. Придется тебе потерпеть заключение.

Эрик чувствовал, что сейчас он холоден, рационален и полностью контролирует себя. Пусть ситуация из ряду вон выходящая, но он с достоинством выйдет из нее. Пока все не зашло слишком далеко.

— Ладно,— севшим голосом сказала Кэт.— Я села на JJ-180. Я тебе уже рассказывала об этом наркотике; он вызывает зависимость с первой дозы. Тебе ли, как доктору, не понимать, что это такое.

— Кто еще знает?

— О чем? — мстительно спросила она.

— О том, что ты принимала его.

— Иона Аккерман.

— Ты доставала его через ТИФФ?

— Д -да,— Кэт старалась не встречаться с мужем взглядом. Затем добавила: — Иона знает, потому что доставал для меня наркотик. Только, пожалуйста, никому не говори.

— Ладно,— вздохнул Эрик.— Не буду.

Голова снова заработала нормально. Видимо, Кэт пристрастилась к наркотику, о котором туманно намекал Дон Фестенбург? Название JJ-180 будило смутные воспоминания.

— Ты совершила чудовищную ошибку. Насколько я помню, препарат называется фрогедадрином. Наш филиал, «Фундук», действительно производит его.

У столика появился человек из «Сикрет Сервис».

— Вызывали, доктор?

— Я просто хотел подтвердить, что эта женщина действительно моя жена, как она утверждала. И я хотел бы, чтобы она осталась со мной.

— Все в порядке, доктор. Обычная проверка.

Кивнув, человек из «Сикрет Сервис» удалился.

— Спасибо,— выдохнула Кэт.

Эрик покачал головой, раздумывая.

— Пожалуй, отравление столь токсичным существом — самая опасная болезнь в нашем веке, почище рака и инфаркта миокарда. Вряд ли я смогу помочь; тебе надо в лечь больницу. Я свяжусь с «Фундуком», узнаю, что известно об этом препарате... но ты понимаешь, что все может оказаться совершенно безнадежным делом.

— Да,— обреченно качнула она головой.

— Но ты, я вижу, держишься молодцом,— Эрик наклонился через столик и коснулся ее руки, холодной и безжизненной.

— Меня всегда восхищала твоя отвага. Правда, как раз из-за своей бесшабашности ты и влипла в историю, в поисках... как это у вас называется, нового кайфа? Ладно, вернемся вместе.

«Приклеенные друг к другу твоей роковой привязанностью к наркотику,— подумал он с мрачным отчаянием.— Хороший повод возобновить супружеские отношения». Пожалуй, для него это слишком.

— Какой ты добрый,— пробормотала Кэт.

— У тебя есть чем «догоняться»?

Она замялась:

— Н-нет.

— Лжешь.

— Нет,— ее бросило в холодный пот.— Лучше я попробую достать сама, без тебя.

— Не хочешь сказать, кто тебя снабжает?

— Слушай, если меня подцепило на JJ-180, то я не могу раскрыть тебе дилеров, от этого зависит моя жизнь! Я не хочу больше принимать его, но должна, иначе не выжить. Хотя я уже хочу умереть, да и так умираю. Господи, зачем я в это впуталась!

— Что ты чувствуешь? — поинтересовался Эрик.— Что-то связанное с ощущением времени?

— Да. Время становится относительным понятием, как и пространство: ты пролетаешь сквозь него, как сквозь облако. Я пыталась этим воспользоваться, в смысле, принести кому-нибудь пользу. Слушай, может быть, Секретарь даст мне какое-нибудь правительственное задание? Эрик, вдруг мне удалось бы спасти мир от войны. Я могла бы предупредить Молинари, когда он подписывал пакт о мире с лильцами, чем все обернется.

В глазах Кэт засияла надежда.

— Разве этим нельзя воспользоваться?

— Может быть.

Но тут же Эрик вспомнил, что говорил Дон Фестенбург. Не исключено, что Молинари сам принимает JJ-180.

— Ты можешь устроить мне с ним встречу?

— Сейчас не лучшее время, сама понимаешь.

Она замотала головой, схватившись за виски.

— Что, так больно?

— Господи, это ужасно, Эрик. Я не переживу. Дай мне каких-нибудь транквилизаторов.

Доктор покачал головой.

— Неконтролируемый прием транквилизаторов — еще более верный способ отправиться на тот свет.

Кэт умоляюще протягивала ему руку. Рука тряслась сильнее, чем за несколько минут до этого.

— Я временно помещу тебя в местный лазарет,— решил Эрик, поднимаясь из-за стола.— Пока не придумаю что-нибудь. Об этом наркотике ничего неизвестно, поэтому любое лечение может только усилить его действие. Когда имеешь дело с новым веществом...

— А знаешь,— перебила Кэт, и глаза ее засверкали,— пока ты ходил за охраной, я бросила тебе капсулу с JJ-180 в кофе. Не смейся, я серьезно. Теперь ты тоже аддиктивный наркоман. Наркотик начнет действовать с минуты на минуту, так что тебе лучше быстрее уйти домой, последствия возможны самые непредсказуемые. Ты спрашивал меня, как действует препарат,— скоро узнаешь на собственном опыте.

Голос ее был ровным и монотонным.

— Я боялась, что ты меня сдашь. Ты сказал, что сделаешь это, я и поверила, так что сам виноват. Зато теперь у тебя есть повод найти средство, как избавиться от зависимости. Ты должен найти выход, деваться некуда. Сожалею, что пришлось тебя подсадить, но я не могла рассчитывать на твое милосердие, слишком много проблем между нами. Разве не так?

— Я слышал, что наркоманы любят цеплять окружающих на крючок, на котором висят сами,— с трудом выговорил Эрик.— Но ты...

— JJ-180 — куда более могущественный наркотик, чем ты думаешь. Скоро узнаешь.

Эрик промолчал.

— Ты простишь меня? — всхлипнула Кэт.

— Нет,— сказал он, вдруг почувствовав, как закружилась голова от гнева и полной растерянности.— Не только не прощу, но и сделаю все от меня зависящее, чтобы устроить тебе лечение на всю жизнь. Теперь моей главной задачей будет вернуться к тебе, все остальное ничто для меня не значит.

Он яро ненавидел ее; она действительно была его женой.

— Теперь мы снова вместе,— сказала Кэт.— По уши в дерьме.

Преувеличенно ровными шагами Эрик направился к выходу, минуя столики, людей и все остальное, как можно дальше от нее.

Ему почти удалось уйти. Почти.

Все вернулось, но стало новым, совершенно иным.

Эрик снова сидел за столиком, а с другой стороны склонился Дон Фестенбург со словами:

— Счастливчик! Сейчас поймете, почему; смотрите на календарь,— он извлек какую-то медную бляху.— Вы перепрыгнули на год вперед — сегодня семнадцатое июня две тысячи пятьдесят шестого года. Вы один из немногих, на кого наркотик так действует. Большинство скитаются в прошлом либо застревают в многочисленных альтернативных вселенных, которые плодят вокруг себя, разыгрывая местных божков, пока не дойдут до полного нервного истощения.

Эрик подумал, что бы ответить; в голову не приходило ничего дельного.

— Подождите говорить,— поспешил Дон Фестенбург, заметив его потуги.— Я могу рассказать. У вас всего несколько минут, так что поторопимся. Год назад, когда вы приняли JJ-180 в кафетерии, я подоспел вовремя; ваша жена билась в истерике, потому что вы исчезли. Ее взяли под опеку «Сикрет Сервис»; она призналась в наркотической зависимости и поведала обо всем, что с ней и с вами произошло.

Эрик кивнул в ответ, и пространство перед ним поплыло, как неустойчивая реальность. Комната качалась, как палуба корабля.

— Вам лучше? Нынче ваша Кэтрин лечится, впрочем, вопрос не о ней, не так ли?

— А как же...

— Да, ваша проблема. Ведь вы теперь тоже зависимы. Тогда, год назад, противоядия не существовало, однако сейчас, могу порадовать, имеется. Изобретено пару месяцев назад, я как раз собирался вам его продемонстрировать. К этому дню уже многое известно о действии JJ-180, так что, как видите, я смог даже рассчитать время и место вашего появления в будущем.

Дон Фестенбург залез в карман мятой камуфляжной куртки, похожей на балахон, и вытащил небольшую стеклянную бутылочку.

— Это антидот, производимый в одном из филиалов ТИФФа. Нравится? Неплохо? Достаточно двадцати миллиграммов, и вы избавитесь от зависимости раз и навсегда, даже по возвращении в свое настоящее.

Фестенбург улыбнулся — нездоровое желтовато-землистое лицо сморщилось в неестественную гримасу.

— Как идет война? — спросил Эрик.

— Ну вот,— неодобрительно сказал Дон Фестенбург — Вам-то что? Во имя всего святого, Арома, поймите, ваша жизнь зависит от этой бутылочки. Вы еще не представляете, к чему приводит JJ-180!

— Молинари жив?

Дон Фестенбург покачал головой.

— Надо же: у него осталась минута, а он интересуется состоянием здоровья Молинари! Слушайте внимательно.

Он нагнулся к Эрику, с разгоревшимся от возбуждения лицом, обиженно надувая губы.

— Доктор, у меня к вам предложение; в обмен на эти таблетки я прошу ничтожно мало. Давайте договоримся. Поймите, когда вы примете JJ-180 в следующий раз, не получив противоядия, то благодаря свое редкой способности переместитесь уже на десять лет вперед. И это будет слишком поздно, слишком далеко.

— Слишком поздно для вас, как я понимаю, а не для меня. Противоядие, тем не менее, будет существовать. Только что-нибудь произойдет с вами?

— Вы хоть знаете, о какой малости я прошу взамен?

— Нет. Я не буду иметь с вами дела.

— Но почему?

Эрик пожал плечами.

— Вы давите на меня, и мне это не нравится. Предпочитаю отыскать противоядие самостоятельно.

Ему было достаточно знать, что противоядие все-таки существует.

«Очевидно,— размышлял он,— надо употребить наркотик еще пару раз, пока физиологически возможно, глядишь, где-нибудь в будущем отыщется противоядие».

— Даже однократный прием препарата вызывает необратимое разрушение клеток мозга,— процедил Дон Фестенбург.— Чертов дурень! Как вы не понимаете: то, что вы приняли, уже много, слишком много! Вы же видели, что наркотик сделал с вашей женой; хотите, чтобы то же самое произошло с вами?

Задумавшись, Эрик сказал:

— Зато я узнаю о последствиях войны и смогу посоветовать Молинари, как их избежать. Что в сравнении с этим мое здоровье и жизнь?

Он умолк. Все казалось кристально ясным, обсуждать нечего, поэтому он просто сидел, ожидая, когда JJ-180 выдохнется, и он вернется в настоящее, и не слушал искусителя.

Дон Фестенбург высыпал из стеклянной бутылочки таблетки, смел на пол и в отчаянии растоптал в белую пыль.

— А вам не кажется, что за десять лет Земля могла проиграть в войне, оказаться под бомбами — и тогда никакого филиала, производящего противоядие, не осталось бы?!

Подобная мысль не приходила на ум, однако Эрик и виду не подал, что она обеспокоила его.

— Посмотрим,— пробормотал он.

— Честно сказать, я не знаю, что там, в будущем. Зато прекрасно осведомлен о прошлом — то есть о вашем будущем. О том, что случилось за год и что вас ожидает.

Дон Фестенбург развернул перед Эриком толстую газету.

— Через полгода после вашего исчезновения из кафетерия Белого Дома. Это должно вас заинтересовать.

Эрик пробежал глазами заголовок передовицы.

ДОКТОР АРОМА, ВОЗГЛАВЛЯВШИЙ ЗАГОВОР ВРАЧЕЙ ПРОТИВ СЕКРЕТАРЯ ООН ДОНАЛЬДА ФЕСТЕНБУРГА, ЗАДЕРЖАН «СИКРЕТ СЕРВИС».

Внезапно Дон Фестенбург вырвал газету, скомкал и бросил на стол.

— Я уже не говорю, что стало с Молинари — узнаете сами, если не пойдете на контакт.

После паузы Эрик сказал:

— У вас был целый год, чтобы напечатать любую фальшивку, даже «Таймс». Должен напомнить вам, что такое бы-

вало в истории политики. Иосиф Сталин выпускал специально изготовленную для Ленина «Правду» в последний год его жизни.

— А что вы скажете о моем кителе,— с побагровевшим лицом воскликнул Дон Фестенбург.— Смотрите, тужурка Молинари, а погоны? Что вы скажете о погонах? Ну?

— Такое изготовить еще проще. Не сомневаюсь, что вы проследили мой путь во времени и нашли меня в нужном месте, что касается остального,— Эрик покачал головой, с сожалением глядя на советника Секретаря.

Фестенбург, с трудом сдерживаясь, стал увещевать Эрика:

— Понимаю вас, доктор, в будущее трудно поверить. Но станьте же хоть на миг реалистом...

— Будущее — еще не реальность,— отрезал Эрик.— В газете не говорится ни о суде, ни о заключении. Только обвинение. Вполне вероятно, что я избежал и суда, и ареста, поскольку знал о них. Опять же, Сталин аналогичным образом поступил с врачами в последний год жизни.

— Не учите меня! История — моя специальность, занимайтесь своим делом! Я знаю, о чем вы, и о том, как Сталин дурачил Ленина, мне тоже известно, и о заговоре врачей, параноидальном вымысле Сталина, построенном во время его неизлечимой болезни. Ну хорошо,— смягчился Дон Фестенбург.— Признаю, ваша взяла. Газету я подделал.

Эрик проницательно улыбнулся.

— И я не Секретарь ООН,— продолжал Дон Фестенбург.— Но вам никогда не узнать, что случилось в будущем, потому что вы не захотели пойти на контакт. Гадайте сами.

И он враждебно оскалился, глядя на Эрика.

— Я так и знал,— ответил тот.— Я глупец, потому что предпочитаю оставаться в неведении о будущем.

«Тем более о его многообразных вариантах».

— Вы имели шанс возвратиться с совершенно невероятным оружием — знанием — и спасти себя, жену, Молинари. А так... Если вы доживете до следующего календаря... Посмотрим.

Впервые Эрик заколебался. Ведь он даже не узнал, о какой малости просил Дон Фестенбург взамен! Но уже поздно, противоядие растоптано, остальное — пустая болтовня.

Встав из-за стола, Эрик выглянул за окно на Шайенн.

Город лежал в руинах.

И пока он стоял, не в силах оторвать взгляда от страшного зрелища, реальность комнаты стала таять, отступать, как море во время отлива, сколько ни пытался он ее удержать.

— Удачи, доктор,— ехидно сказал Дон Фестенбург, превращаясь в зыбкий туман, сливаясь с частицами рассыпающейся на глазах комнаты.

Эрик попытался сделать шаг навстречу этому туману и вихрю — и почувствовал, что ноги не слушаются, он теряет равновесие... виски сдавила невыносимая боль, и Эрик увидел, что сидит в привычном окружении столиков и посетителей кафетерия Белого Дома.

Вокруг столпились люди. Они странно смотрели: соболезнуя, но со страхом — и не подходили близко.

— Благодарю вас,— проговорил Эрик, кое-как поднимаясь на ноги.

Толпа понемногу разошлась, оставив его наедине с Кэт.

— Тебя не было около трех минут,— сказала она.

Эрик не ответил: не было желания разговаривать и вообще иметь с ней хоть какое-то дело. Тошнило, ноги дрожали, голова раскалывалась. Наверное, то же происходит при отравлении угарным газом, как это описывается в старинных учебниках по медицине. Такое чувство, как будто надышался смертью.

— Могу я чем-то помочь? — спросила Кэт, которой как будто полегчало от вида его страданий.— Я знаю, что такое первый отходняк.

— Я отведу тебя в медизолятор,— сказал Эрик и схватил Кэт за руку, на которой болталась дамская сумочка.

— Должно быть, там у тебя запасные дозы? — прорычал он, вырывая сумочку.

Секунду спустя две капсулы лежали у него на ладони. Сунув их в карман, Эрик вернул Кэт сумочку.

— Спасибо,— сказала она, вложив в слово всю иронию, на которую сейчас была способна.

— Тебе спасибо, дорогая. Мы оба доказали друг другу свою любовь. Наступила новая фаза наших супружеских отношений.

И он увлек ее из кафетерия. Кэт шла, не сопротивляясь.

«Хорошо, что я не стал вступать в сделку с Фестенбургом,— думал Эрик.— Но он не перестанет преследовать меня: такие легко не отступают».

Однако теперь у Эрика было преимущество: он знал о политических амбициях Фестенбурга, который даже форму себе сшил, как у Молинари.

Вполне вероятно, что советник генерального секретаря пока не дошел до этих честолюбивых мыслей, но то, что он открылся Эрику в будущем, было его главной и уже непоправимой политической ошибкой. Особенно если учесть, что еще не сошел со

сцены другой политический стратег с недюжинными способностями.

Которого звали Джино Молинари.

Поместив жену в изолятор, Эрик набрал на видеофоне номер Иона Аккермана.

— Значит, ты уже знаешь о Кэт,— горестно сказал Иона. Вид у него был похоронный.

— Я не собираюсь узнавать, зачем ты сделал это,— сказал Эрик.— Я звоню, чтобы...

— Что сделал? — поразился Иона.— Неужели она сказала, что я достал ей эту дурь? Это неправда, Эрик. Зачем мне, сам подумай.

— Мы не будем сейчас обсуждать это, не время. Для начала скажи, известно ли Вергилию что-либо об этом JJ-180?

— Да, но не больше, чем мне.

— Тогда соедини меня с ним.

Иона с явной неохотой переключил Эрика на офис Вергилия. На экране возник старик, неискренне оскалившийся, увидев, кто его вызывает.

— Эрик! Читал о тебе в газетах — ты делаешь чудеса! Уже спас кому-то жизнь, подумать только, какой молодец. Я всегда верил в тебя. Теперь, если будешь спасать по жизни каждый день...— Вергилий восторженно захихикал.

— С Кэт случилось несчастье.

— В чем дело? — забеспокоился Вергилий, чье лицо моментально покинуло довольное выражение.

— Она села на JJ-180.

— Какой ужас! Чем могу помочь? Кэт нам всем дорога. Ты же доктор, Эрик, сделай что-нибудь для нее...

Эрик прервал поток соболезнований:

— Скажите, как связаться с филиалом, где производят JJ-180.

— Ну конечно! Корпорация «Фундук» в Детройте. Сейчас гляну, с кем ты сможешь поговорить там... Да хоть с самим Бертом Фундуком. Минутку, ко мне зашел Иона, он хочет что-то сказать.

На экране снова возник Иона, заслонив предка.

— Я хотел сказать, Эрик, как только я узнал, что случилось с Кэт, я связался с «Фундук Корпорейшн», и они выслали кого-то. Курьеры сейчас на пути в Шайенн. Я думал, Кэт еще появится здесь после исчезновения. Держи нас с Вергилием в курсе. Удачи!

Он исчез, очевидно, с чувством исполненного долга.

Эрик спустился в вестибюль и спросил, не прибывал ли представитель «Фундук Корпорейшн».

— Да-да, доктор Арома, конечно,— ответила девушка, просмотрев списки посетителей.— Только что прибыли двое, искали вас. Мистер Берт Фундук и мисс Бэчис — если я верно прочитала, фамилия написана неразборчиво. Да, кажется, так, Бэчис. Они направлены в ваши апартаменты.

Добравшись до своего жилья, Эрик увидел, что двери распахнуты и в небольшой гостиной сидят двое: мужчина средних лет в долгополом пальто и блондинка лет под сорок в очках и с умным выражением лица.

— Мистер Фундук? — спросил Эрик.

Мужчина и женщина встали, завидев Эрика на пороге.

— Очень приятно, доктор Арома,— Берт Фундук сердечно потряс ему руку.— Перед вами Хильда Бэчис, из Бюро по контролю за наркотиками. Там уже знают, что случилось с вашей супругой, доктор, таков закон. Однако...

Тут затараторила мисс Бэчис:

— Мы не собираемся заключать ее под арест или как-то наказывать, доктор, мы лишь собираемся помочь ей, как и вы. Мы хотели осмотреть ее, но подумали, будет лучше, если мы сначала поговорим с вами, а затем спустимся в изолятор.

Фундук перебил мисс Бэчис:

— При ней большой запас... кгм... вспомогательного средства? Я имею в виду, JJ-180?

— У нее ничего нет,— быстро ответил Эрик.

— Позвольте объяснить, дорогой доктор,— сказал Фундук, беря Эрика под руку и отводя в сторону.— Между привычкой и аддикцией существует значимая разница...

— Я доктор,— напомнил Эрик.

По-прежнему ломило виски, давило в груди — последствия приема наркотика.

— Тогда вы должны понимать, что наркотик задействован в системе клеточного метаболизма печени, и без JJ-180 все просто застопорится. Иными словами, сейчас жизнь для нее без этого препарата невозможна. Если она перестанет принимать его, то...— Фундук развел руками.— Сколько она приняла?

— Пару-тройку капсул.

— Вы так пренебрежительно говорите об этом, молодой человек...

— Хорошо, две или три.

— В таком случае без наркотика она продержится максимум сутки,— подсчитал Фундук.

— А с ним?

— Худо-бедно протянет месяца четыре. Но к тому времени, доктор, есть надежда найти противоядие. Не думайте, что мы стоим на месте; мы даже испытывали искусственные трансплантанты, способные заменить печень в процессе метаболизма и...

— Значит, ей понадобится... стратегический запас? — мрачно пошутил Эрик и подумал о себе: а ему сколько осталось кувыркаться в будущем?

— Сами понимаете, доктор, JJ-180 изобретен не для медицинских целей, это оружие войны. Он должен вызывать смертельную зависимость с первой дозы, необратимые изменения в нервной системе и мозговом веществе. Он лишен вкуса, цвета и запаха, каким и должен быть идеальный яд. Все добровольцы, принимавшие участие в опытах, мгновенно привыкали и были обречены, после чего препарат решили перевести в разряд отравляющих веществ, используемых против врага. Но...— Фундук взглянул на Эрика.— Ваша жена не пострадала в результате несчастного случая — и не принимала участие в научных экспериментах. Она, как я понимаю, экспериментировала на себе добровольно?

Он бросил взгляд на мисс Бэкис.

— Она не могла достать наркотик через ТИФФ,— сказала очкастая Бэкис.

— Верно,— подтвердил Фундук.— Туда не поступало ни грамма, несмотря на то, что это центральная фирма. Согласно пакту о мире, мы должны представлять нашим союзникам экземпляры любого нового оружия или отравляющего вещества. Поступило распоряжение от ООН направить JJ-180 в звездную систему Лилии.

Мисс Бэкис продолжила:

— Небольшое количество JJ-180 в секретном порядке было направлено в звездную систему Лилии в пяти контейнерах, каждый на отдельном транспорте. Четыре из них достигли Империи, один подорвался на мине ригов. С тех пор распространяются слухи (на которые обратила внимание наша разведка в Империи), что агенты Лилии доставили наркотик обратно на Землю, чтобы использовать против людей, свалив все на ригов.

Эрик кивнул:

— На них это похоже.

— Таким образом, ваша супруга входила в контакт с имперской разведкой, поэтому не может находиться в Шайенне,— продолжала блондинка в очках.— Мы уже сообщили об этом «Сикрет Сервис». Ее отправят обратно в Тихуану или Сан-Диего.

Иного выхода нет, она может оказаться завербованным агентом, или, что хуже всего,— аддиктивным агентом. Наркоман способен на все. Вероятно, она затем сюда и приехала.

— Но как же она проживет без...

— Мы подумали об этом,— ответил Фундук.— Самый верный способ оградить ее от контактов с имперской разведкой — снабдить из наших запасов. Поверьте, доктор, ваша жена — не первая жертва. Но наши запасы не безграничны. Да, и еще одно, доктор. Есть сведения, что ригам также удалось захватить мизерную часть вещества JJ-180 с корабля, подорвавшегося на мине. И они работают над противоядием.

Гостиная погрузилась в молчание.

— Так что, вполне возможно, спасение от JJ-180 есть, но существует оно не на Земле.

— Наркотик позволяет перемещаться в будущее,— медленно проговорил Эрик.

Гости переглянулись.

— Да,— кивнул Фундук — Это сверхсекретная информация, но вы, видимо, получили ее от жены. Ваша супруга обладает весьма редким даром; как правило, все уходят в прошлое.

— Нам рассказывали другие... пострадавшие,— поторопился объяснить Эрик, опасаясь выдать себя.

— Теоретически все возможно. Переместиться в будущее, достать противоядие, которое рано или поздно будет найдено, возможно, даже раздобыть формулу препарата. Запомнить ее и вернуться в настоящее — именно запомнить, поскольку вещи из прошлого не возвращаются, они логически должны исчезать бесследно. Вернуться и передать формулу нашим химикам, в «Фундук Корпорейшн». Все просто, не так ли? Получается, сам наркотик создает эффект, позволяющий избавиться от зависимости, некую неизвестную пока молекулу, заменяющую его в процессе метаболизма в печени. Но первое, что, на мой взгляд, вызывает возражение,— такого противоядия может вовсе не существовать в природе, ни сейчас, ни в будущем. Ведь до сих пор нет противоядия от опиумных производных, героин по-прежнему нелегален и смертельно опасен, как и век назад. Но есть и другое возражение, гораздо более веское. Я присутствовал на всех фазах испытания JJ-180, так вот, по моему глубокому убеждению, все эти перемещения во времени — не более чем иллюзия. Я не верю, что это реальное будущее или прошлое.

— Тогда что же?

— JJ-180 с самого начала замышлялся как дезориентирующий галлюциноген. И псевдореальность, которую он создает,

вызвана отклонениями. Причина — разрушение мозга и нервной системы или стимуляция определенных участков головного мозга. Вы сами знаете, доктор,— под влиянием галлюциногенного препарата человек не просто думает, что он видит,— скажем, апельсиновое дерево, но видит его на самом деле: для него это реально существующий опыт, такой же, как наше присутствие в вашей гостиной. Но имейте в виду, еще никто не приносил из прошлого ни одного артефакта, ни одного доказательства, что он там побывал. Он просто исчезал или...

Вмешалась мисс Бэкис:

— Тут я не согласна, мистер Фундук. Мне приходилось разговаривать со многими жертвами JJ-180, и они рассказывали о прошлом в таких деталях, знать которых просто не могли.

— Вы хотите сказать...

— Я ничего не утверждаю, но и отмахиваться от этого мы не должны. Извините, что прервала.

— Скрытые воспоминания, сохранившиеся на подсознательном уровне.— раздраженно буркнул Фундук.— Наследственная память, кармическая память...

— JJ-180 может дать ригам в руки больше, чем они потеряют,— заметил Эрик.— Что же это за оружие? Понятна ваша вера в то, что наркотик просто галлюциноген, мистер Фундук. Иначе как вы сможете продать его под видом военного заказа правительству?

— Аргумент ad hominem[1],— откликнулся Фундук, нимало не смущенный.— Я удивлен, доктор.— Он помрачнел.— Может, вы и правы. Откуда мне знать? Я никогда не принимал JJ-180, и вообще мы больше никому не давали его, даже добровольцам, с тех пор как открыли его аддиктивные свойства.— Он пожал плечами.— JJ-180 продолжают давать ригам в концлагерях, иначе не определить, как он воздействует на них.

— И как же?

— По большей части так же, как и на людей. Привыкание, разрушение нервной системы, необычайно сильные и яркие галлюцинации, имеющие отношение к перемещению во времени, от которых они начинают с апатией относиться к реальному миру.

И добавил как будто про себя:

— Такие вот вещи приходится делать в военное время. Невольно вспоминаются нацисты.

— Но мы должны победить в войне,— встряла мисс Бэкис.

---

[1] К человеку *(лат.)*.

— Конечно,— поддакнул Фундук.— Вы чертовски правы, мисс Бэкис.— И уставился взглядом в пол.

— Мистеру Арома необходимо выдать запас препарата,— напомнила она.

Кивнув, Фундук залез в карман пальто.

— Вот,— он извлек металлическую коробку вроде той, в какой раньше кипятили многоразовые шприцы, Эрик видел подобную в музее медицины.

— Мы не имеем права выдать препарат вашей жене легально. Мы даем его вам как врачу, а как вы поступите с ним дальше — дело вашей врачебной этики. Здесь хватит, чтобы поддержать ее... до самого конца,— с запинкой выговорил он.

Избегая встречаться с Эриком взглядом, он протянул коробку.

Эрик взял, заметив:

— Вижу, вам не доставляет радости изобретение компании.

— Какая может быть радость? Радость испытывают только риги, пока живут на этом препарате... вы бы только посмотрели на них.

— «Но жизнь коротка»,— напомнил Эрик.

— «И жестока и отвратительна»,— завершил цитату Фундук.— Но я не могу предаваться такому фатализму, доктор.

— И как скоро после принятия JJ-180 наблюдаются симптомы ломки?

— От двенадцати до двадцати четырех часов между дозами,— объяснила мисс Бэкис.— Потом застопоривается система обмена. Весьма неприятное ощущение, мягко говоря.

— Непереносимое! — вмешался Фундук.— Настоящая агония. Наркоман умирает, в отличие от большинства людей, несколько раз за жизнь, хотя рождается только единожды — остальное иллюзия. Кто из нас способен перенести смертельную агонию хотя бы однажды?

— Джино Молинари,— сказал Эрик.— Но это уникум.

Сунув коробку с JJ-180 в нагрудный карман, он подумал о двадцати четырех часах, остающихся ему до принятия новой дозы. Однако ломка может начаться уже сегодня вечером.

«Значит, в перспективе риги могут обладать секретом исцеления... Стоит ли обратиться к ним?»

В любом случае, когда идет война, индивидуальная жизнь не имеет особенного значения. Так что Эрик почти простил Кэт за ее поступок, и теперь думал, как спасти их обоих.

И не только их.

Можно винить войну, так легче. Но Эрик знал, что война здесь не при чем.

ГЛАВА 11

По пути в изолятор перед Эриком вынырнул Джино Молинари. Секретарь ООН сидел в инвалидной коляске, укрытый пледом, его глаза пригвоздили Эрика к месту.

— Ваша квартира прослушивается,— известил Молинари доктора.— Беседа с Фундуком и Бэкис записана и передана мне в распечатке.

— Так скоро? — чуть не вырвалось у Эрика. Слава Богу, он ни словом не помянул о том, что тоже сел на JJ-180.

— Уберите ее отсюда,— застонал Молинари.— Она шпионка. Помните? «На зло, на подлость, на обман — на все способен наркоман»? — его трясло.— На самом деле ее уже нет.

— Как? — от этих слов Эрик чуть не вышиб Секретаря из кресла.

— Ее уже нет здесь. Я отдал распоряжение, «Сикрет Сервис» унесли ее на вертолетную площадку. Нет, вы видите, что они делают? Используют против нас оружие, которым мы с ними поделились. Надо было с самого начала отравить JJ-180 их водохранилища. Но что вы сделали, доктор? Я взял вас сюда, а вы притащили за собой жену — шпионку. Теперь она способна хоть на политическое убийство, хоть на диверсию. Мне все известно о фрогедадрине, я принимал участие в разработке названия для препарата. От немецкого «Froh», что значит радость, греческого «гедо» — корень слова, означающего наслаждение, и «дринк», конечно, по-английски, напиток...— он оборвал сам себя, капризно оттопырив полные губы.— Доктор, вы будете меня лечить или убивать?

— Не знаю.

В голове у Эрика все смешалось: JJ-180, Кэт, Молинари...

— Вид у вас неважный. Не переживайте, вы не при чем, она сама сделала выбор. Ну как, вам лучше? — он пытливо заглянул Эрику в глаза.

— Со мной... все в порядке,— отрывисто кивнул Эрик.

— Как у свиньи в заднице. Вы выглядите ничем не лучше ее. Знаете, не удержался от соблазна лично посмотреть на вашу жену. У дамочки вид — краше в гроб кладут. Даже если ей пересадить новую печень и перелить свежую кровь, не поможет. Уже пробовали — безрезультатно, да вам, наверное, рассказывали.

— Вы говорили с Кэт?

— Я? О чем я буду разговаривать со шпионкой? — Молинари непонимающе уставился на него.— Ну да, поговорили немно-

го. Можно сказать, обменялись парой слов. Очень коротко, буквально конспективно, по пути к вертолетной площадке, пока ее катили на носилках. Понимаете, доктор, меня просто разобрало любопытство, какая жена может быть у такого, как вы, человека. Должен вам сказать, ну вы и мазохист! Это же чистая гарпия, Арома, чудовище! Как вы мне и рассказывали. Знаете, что она говорит?

Он ухмыльнулся:

— Она сама сказала — я даже не спрашивал,— что вы тоже наркоман. Заложила с потрохами. С такой дамочкой хлопот не оберешься, верно?

— Верно,— угрюмо отвечал Эрик.

— Что вы на меня так смотрите? Вас раздражает то, что я говорю правду? Так знайте, она сделала все возможное, чтобы испортить вам карьеру в Белом Доме. Эрик, если бы я поверил, что вы наркоман, то вышвырнул бы вас отсюда в два счета. Поймите, вы мне нужны. В военное время я убиваю, это моя работа. Мы уже говорили на эту тему: может быть, скоро придет время, когда и вы мне окажете подобную услугу...

— Пока они не улетели, я должен дать ей наркотик. иначе она погибнет,— сказал Эрик.— Разрешите идти, Секретарь?

— Нет,— капризно сказал Молинари.— Я не договорил. Министр Френик еще не уехал, вы должны быть в курсе. Он в восточном крыле, в изоляции.

Молинари протянул руку.

— Дайте капсулу JJ-180, доктор. И забудем, о чем мы говорили.

«Теперь я знаю, что у тебя на уме,— подумал Эрик.— Но у тебя нет ни единого шанса — это не Ренессанс».

— Я вручу ему лично...

— Нет,— ответил Эрик.— Я отказываюсь.

— Почему? — Молинари склонил голову набок.

— Это самоубийство. Причем для всех землян сразу.

— Знаете, как русские поступили с Берией? Он не расставался с пистолетом, проносил его в Кремль, хотя это было запрещено. Оружие лежало у него в портфеле; русские выкрали портфель и застрелили Берию из его собственного пистолета. Думаете, политика сложное дело? Гениальные решения просты: только обывателю это невдомек. Главный недостаток так называемого «среднего человека»...— тут Молинари остановился, хватаясь за сердце.— Кажется, оно опять остановилось... Опять пошло, но секунду определенно стояло.

— Я отвезу вас в спальню,— Эрик зашел сзади и взялся за ручки коляски. Мол не протестовал; сидел ссутулясь, растирая

массивную грудь, ощупывал себя и трогал в разных местах с нарастающим страхом, остальное было забыто. Он не думал ни о чем, кроме болезни, своего больного, обессилевшего тела. На время тело стало вселенной Секретаря.

При помощи двух медсестер Эрик водрузил Молинари в кровать.

— Слушайте, Арома,— зашептал Молинари, откинувшись на подушки.— Я могу достать его и без вас, только скажу — и Фундук принесет мне сколько надо. Вергилий Аккерман мой личный друг. И не надо объяснять мне мою работу, я знаю, что должен делать Секретарь.

Он со стоном закрыл глаза.

— О Господи, коронарная артерия чуть не лопнула. Нет, наверное, все-таки лопнула, я чувствую, как по груди растекается кровь. Зовите Тигардена,— он вновь застонал и отвернулся лицом к стене.— Что за день! Но я все-таки достал Френика.— И тут же, открыв глаза, добавил: — Я знаю, это была глупая идея. А что оставалось? — Он подождал ответа.— Молчите? То-то. Потому что нет никакого другого выхода, нет его,— вновь глаза его закрылись.— Как мне плохо. Похоже, в этот раз я по-настоящему умираю, и вы уже не сможете спасти меня своим волшебным чемоданчиком.

— Сейчас я вызову доктора Тигардена,— Эрик бросился к двери.

Молинари неожиданно поднял голову.

— А ведь я знаю, доктор, что вы наркоман, потому что безошибочно распознаю ложь,— и снова опустился на подушку.— Ваша жена не наговаривала на вас.

Помолчав, Эрик спросил:

— И что теперь?

— Поглядим, доктор,— пообещал Молинари, окончательно отворачиваясь лицом к стенке.

Передав капсулы на борт вертолета, Эрик сел в корабль-экспресс до Детройта.

Сорок пять минут спустя приземлился и взял такси до корпорации «Фундук». Теперь Джино Молинари, а не наркотик, торопил его, и не было времени дожидаться вечера.

— Приехали, сэр,— почтительно сказал автомат.

Дверца распахнулась.

— Вот это серое одноэтажное здание, увитое диким виноградом.

— Подождите меня, я скоро,— сказал Эрик.— У вас есть стакан воды?

— Пожалуйста,— из лотка переднего сиденья выскользнул бумажный стаканчик.

Не покидая машины, Эрик проглотил капсулу JJ-180 из запасов Кэт.

Прошло несколько минут.

— Так вы не выходите, сэр? — обратился к нему автомат.— Может, я привез вас не туда?

Эрик подождал еще. Наконец, почувствовав, что наркотик начинает действовать, вылез из такси и двинулся к зданию «Фундук Корпорэйшн» по дорожке, обсаженной калифорнийскими секвойями.

Внезапно здание сверкнуло, словно зеркало, на миг поймавшее луч света, небо искривилось, как тягучее расплавленное стекло. Эрик двигался теперь с трудом, точно вокруг был не воздух, а прозрачное невидимое масло. Шаги его, как и все вокруг, стали беззвучными и мягкими, точно тело целиком состояло из резины.

«Галлюцинации — все равно что другой мир,— пронеслось в голове.— И все же Фундук был неправ, потому что я знаю: это не галлюцинация, а реальный мир».

Ветка зацепила рукав, и Эрик обнаружил, что завяз в клумбе, раздавив бегонию. Перед ним по-прежнему вставал из земли серый бок здания, небо над которым покрывали привычные перистые облака, сносимые южным ветром. Что изменилось? Эрик выбрался из клумбы на тропу, вытер ботинок и оглянулся. Такси больше не ждало его, местность стала смутно неузнаваемой.

Входные двери распахнулись, и Эрик оказался в роскошном офисе с кожаными диванами и креслами, столиками, заваленными иллюстрированными журналами, толстыми коврами с постоянно меняющимся узором и бесцветными силуэтами оргтехники: компьютеров, факсов и прочего. Помещение полнилось привычным рабочим шумом.

Как только доктор собрался сесть, в офис вошло существо с шестью конечностями. Риг. Покрытый отливающим синевой хитином, он двигался на двух выгибающихся назад ногах, остальные четыре конечности исполняли роль рук. Рудиментарные крылышки были сложены на спине. Риг издал нечто вроде свиста, видимо, означавшее приветствие, и пригласил следовать за ним. В соседней комнате трещавший всеми четырьмя конечностями по клавиатуре компьютера другой риг поднялся навстречу во-

шедшим. Оправив что-то на голове, он извлек из-под стола и поставил перед Эриком коробку с экраном.

По экрану пробежала строка:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КОРПОРАЦИЮ ФУНДУК.

Секретарша, понял Эрик. Но как ей ответить?

Риг ждал, терпеливо жужжа. В его теле все беспокойно двигалось: мушиные фасеточные глаза то и дело ритмично выныривали на стебельках из глазниц и прятались в черепе, вновь вылетая оттуда, точно пробки из бутылки. Доктор Арома знал, что это были ложные глаза: настоящие находились в сгибах локтей.

— Я хотел бы поговорить с кем-нибудь из ваших химиков,— сказал Эрик, подумав: «Значит, мы проиграли войну. Земля оккупирована ригами. И промышленность тоже работает на них. Но должны же где-то остаться люди: риг ничуть не удивился, увидев человеческую особь. Видимо, теперь мы просто их рабы».

ПО КАКОМУ ВОПРОСУ? —

появилось в ящике.

Поколебавшись, Эрик ответил:

— По поводу фрогедадрина или JJ-180 — этот продукт известен под разными названиями.

МИНУТКУ, ПОЖАЛУЙСТА.

Женщина-риг торопливо засеменила к двери в контору и скрылась. Эрик стал ждать, попутно размышляя, не галлюцинация ли все окружающее.

Появился крупный риг, судя по всему, мужская особь, на негнущихся суставах — наверное, пожилой. Жизненный цикл ригов был коротким, как у тараканов, и измерялся не годами, а месяцами. Этот, судя по всему, находился в самом конце цикла.

ЧТО ИМЕННО ВАС ИНТЕРЕСУЕТ ОТНОСИТЕЛЬНО JJ-180? ПОЖАЛУЙСТА, КОРОЧЕ.

Эрик нагнулся и взял со стола один из журналов. С обложки смотрели два рига, надпись была сделана иероглифами риговской системы письменности. Это был «Лайф». Журнал потряс его больше, чем неожиданная встреча с врагом в корпорации «Фундук».

Я БЫ ПОПРОСИЛ...

Пожилой риг нетерпеливо затрещал мандибулами[1].

— Я хочу купить противоядие,— заговорил Эрик.— Чтобы избавиться от пристрастия к наркотику JJ-180.

ДЛЯ ЭТОГО НЕ БЫЛО НЕОБХОДИМОСТИ ЗВАТЬ ХИМИКА,

— раздраженно заметил риг.

ВЫ МОГЛИ РЕШИТЬ ЭТОТ ВОПРОС С СЕКРЕТАРЕМ В ПРИЕМНОЙ.

Развернувшись, пожилой риг поспешно заковылял прочь. Служащая вернулась с небольшим пакетиком упаковочной бумаги, в каких в аптеках отпускают порошки. Она протянула его — но не в шарнирной руке, а зажатым в мандибуле, как у собаки. Эрик взял пакетик и заглянул внутрь. Там лежала бутылочка с капсулами. Вот оно. Больше ему ничего и не нужно.

С ВАС ЧЕТЫРЕ ДОЛЛАРА ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЦЕНТОВ, СЭР.

Секретарша смотрела, как Эрик достает бумажник, извлекает пятидолларовую банкноту и передает ей.

К СОЖАЛЕНИЮ, СЭР, ЭТИ ДЕНЬГИ УЖЕ ВЫШЛИ ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ — ДОВОЕННАЯ КУПЮРА.

— Вы не можете принять ее? — растерянно спросил Эрик.

НАМ ЗАПРЕЩЕНО ПРИНИМАТЬ ТАКИЕ АССИГНАЦИИ.

— Да, конечно,— пролепетал он, раздумывая, что же делать. Он может проглотить таблетки у нее на глазах, но тогда она вызовет полицию. Его арестуют — остальное мигом дорисовало воображение: риги выяснят, что он из прошлого, и чтобы он не перенес туда ненужной информации, которая может повлиять на будущее, его просто уничтожат. Несмотря на то, что две расы живут в согласии, скидок не будет.

— У меня есть часы,— Эрик расстегнул браслет и передал ригу.— Семнадцать камней, батарейка на семьдесят лет.— И добавил, подчиняясь внезапному вдохновению: Антикварная вещь, отлично сохранилась с довоенных времен.

МИНУТКУ, СЭР.

---

[1] То же, что жвалы, первая, или верхняя, пара челюстей у ракообразных, многоножек и насекомых; служат для разгрызания и размельчения пищи.

Секретарша вместе с часами удалилась на длинных ногах в деловую часть офиса, чтобы посовещаться с кем-то, невидимым отсюда. Эрик ждал, парализованный происходящим, не зная, то ли запихнуть в себя таблетки, то ли не делать этого.

И вот шаги за дверью направились в его сторону. Показался человек, молодой, коротко подстриженный, в мятом лабораторном халате со следами химических реактивов.

— Проблемы, приятель? — спросил он.

Послышался скрип суставов приближающейся секретарши.

— Простите за беспокойство,— заговорил Эрик.— Нельзя ли побеседовать с вами с глазу на глаз?

Человек пожал плечами:

— Само собой.

Он отвел Эрика в подсобку. Закрыв дверь, человек повернулся и спокойно сказал:

— Такие часы стоят триста долларов; она не знает, что с ними делать. У нее мозг шестисотого типа — сам знаешь, как работают мозги класса D.

Он закурил сигарету, протянув пачку «Кэмела» Эрику.

— Я из другого времени. Из прошлого,— доверительно сказал Эрик, угощаясь сигаретой.

— Ну еще бы,— парень в халате рассмеялся.

— Вам известно действие JJ-180? Его ведь сделали в вашей лаборатории.

Подумав, парень ответил:

— Конечно, всякое бывает, но чтобы на столько лет вперед... А JJ-180 давно не выпускают из-за аддиктивности и токсичности. Его сняли с конвейера еще до окончания войны.

— Так значит, они победили?

— Они? Кто «они»?

— Риги.

— Риги — это «мы»,— сказал парень.— А «они» — это лильцы. И если ты путешественник во времени, тебе должно быть известно это.

— Но мирный договор...

— Не было никакого «мирного договора». Слушай, парень, я учился на преподавателя истории и знаю о последней войне все — моя специализация. Джино Молинари, который был тогда генеральным секретарем ООН, подписал с ригами мирный договор о сотрудничестве и взаимопомощи, после чего началась риго-лильская война. Мы, согласно договору, выступили на стороне ригов и победили,— Он улыбнулся.— А эта штука, на которой ты завис, приятель,— оружие, разработанное корпораци-

ей «Фундук» в 2055 году, во время войны. JJ-180 применялся против Звездной Лилии, но не сработал, поскольку фармакология фреников оказалась значительно сильнее нашей. Ну да они разумные грибы, с них станется. Они тут же изобрели противоядие, которое ты как раз и пытаешься купить. Еще бы не изобрели — мы же им всю воду отравили JJ-180. Это была стратегическая идея самого Мола. В смысле, Молинари, Мол его прозвище,— пояснил парень на всякий случай.

«Спасибо, что просветил»,— подумал Эрик, а сам сказал:

— Ну хорошо. Допустим, теперь я хочу купить противоядие. Возьмете за него часы?

Он в нерешительности держал коричневый бумажный пакетик, не выпуская его из рук. Запустил пальцы внутрь и подцепил заветную бутылочку.

— Вы не дадите мне воды запить лекарство? Я не знаю, сколько еще задержусь здесь, скоро мне предстоит вернуться в мое время. Полагаю, я не совершил ничего противозаконного?

Он с трудом держал себя в руках, его трясло, непонятно отчего: то ли начинался отходняк, то ли просто от волнения.

— Успокойтесь,— парень с приклеенной к губе сигаретой пошел к двери.— Кока-кола сойдет?

— Да,— прохрипел Эрик.

Парень вернулся с початой бутылкой кока-колы и смотрел, как Эрик судорожно глотает капсулы, одну за другой.

В дверях появилась риг-секретарша.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ?

— Да,— откликнулся парень в халате, пока Эрик глотал последнюю пилюлю.

ВОЗЬМЕТЕ ЧАСЫ В УПЛАТУ?

Взяв у нее ранее принадлежащий Эрику хронометр, парень сказал:

— Естественно, ведь теперь это собственность компании,— и направился к выходу.

— А не было ли в конце войны генерального секретаря по имени Дональд Фестенбург? — спросил Эрик.

— Нет,— ответили ему.

ОН ДОЛЖЕН ПОЛУЧИТЬ СДАЧУ —

высветила принесенная секретаршей коробка. Парень в халате остановился, замялся, и, наконец, пожал плечами.

— Сто долларов,— бросил он Эрику.— Хотите берите, хотите нет.

— Возьму,— сказал Эрик и последовал за парнем в офис. Молодой человек отсчитал странные незнакомые банкноты, и тут Эрику на ум пришел еще один вопрос:

— А чем закончилось правление Джино Молинари?

— Он был убит.

— Застрелен?

— Да, из какого-то старомодного автоматического оружия, свинцовыми пулями. Фанатик.

— Причина?

— Чересчур мягкая иммиграционная политика. Мол раскрыл перед ригами дверь на Землю. Сразу появились расистская оппозиция, пошли разговоры о кровосмешении... как будто риги могли совокупляться с людьми,— парень рассмеялся, посмотрев на секретаршу.

«Вот мир, из которого Молинари достал свой труп, нашпигованный пулями»,— подумал Эрик. Мертвый Джино лежал изувеченный и не поддающийся воскрешению, запятнанный кровью, в заполненном гелием стеклянном ящике.

За спиной раздался странный нечеловеческий голос:

— Не хотите ли, доктор Арома, захватить противоядие и для вашей жены?

Эрик обернулся.

В воздухе висел организм без глаз, напоминавший переспелый персик,— такое Эрик однажды видел в траве,— облепленный рыжими муравьями, привлеченными сладким запахом паданца. Создание было почти круглым и точно запряженным в сбрую: его опутывало множество переплетенных ремешков, врезавшихся в податливое тело. Видимо, упряжь была необходима, чтобы держать существо в земной атмосфере. Странным казалось другое: откуда эта штука вообще появилась здесь.

— Он что, в самом деле из другого времени? — спросил парень, выбивавший чек в кассовом аппарате.

Сферический шарообразный организм, втиснутый в кожаную упряжь, произвел вполне членораздельные звуки с помощью механической аудиосистемы из трубок, напоминавших мини-орган:

— Да, мистер Таубман.

Странное существо подплыло ближе к Эрику, отчего доктор стал думать, что это галлюцинации, и остановилось, повиснув в футе над землей, с хрипом и бульканьем всасывая воздух через трубочки, точно принюхиваясь.

— Этот парень с Бетельгейзе,— сказал Таубман растерявшемуся Эрику.— Его зовут Вилли К, один из наших лучших химиков,— парень закрыл кассу.— Он телепат, как и все они. Постоянно лезут в мысли к нам и ригам, впрочем, совершенно безвредны. Мы к ним привыкли.

Таубман подошел к Вилли К, нагнулся к нему, точно к комнатной собачке, и спросил:

— Слушай, если он путешественник во времени, как же мы выпустим его отсюда, ведь он способен разрушить наше настоящее? Или там, в прошлом, натворит дел. Может, на всякий случай, вызвать полицию?

Вилли К подплыл к Эрику ближе, затем вернулся.

— Нет необходимости задерживать его, мистер Таубман, тем более что это бесполезно: действие наркотика скоро кончится, и он окажется в своем времени. Но пока он здесь, мне хотелось бы задать ему несколько вопросов. Если вы не против, сэр,— добавил он, обращаясь уже к Эрику.

— Даже не знаю,— Эрик потер лоб, на котором выступила испарина. В пот его бросило, когда Вилли К спросил о Кэт. Эрика совершенно выбило из колеи, и все, чего ему сейчас хотелось,— покинуть помещение.

— Сочувствую, доктор,— сказал Вилли К.— Да и задавать вопросы — пустая формальность для телепата. Просто хотелось, чтобы ваши ответы были построены в соответствии с моими вопросами, в той же структуре. Например, ваша супруга. В вас прощупывается необыкновенно богатый эмоциональный спектр по отношению к ней: преимущественно страх, потом ненависть, и, как это ни странно, довольно много чистой, неискаженной ненавистью любви.

Таубман скривился:

— Господи, до чего ж эти «бетели» любят корчить из себя психоаналитиков. Должно быть, это в природе у телепатов,— однако уйти не спешил, очевидно, заинтересованный разговором.

— Я в самом деле могу взять противоядие для Кэт?

— Нет, предметы, пересекая границу времени, исчезают, но вы можете запомнить формулу,— ответил Вилли К.— Доставите ее в корпорацию «Фундук» в вашем времени — и все дела. Но, может быть, вы не захотите этим воспользоваться? Не хочу вас вынуждать.

— Так что ж это получается: его жена тоже на крючке, а он не хочет ей помочь? — вмешался Таубман.

— Ты просто никогда не был женат,— сказал Вилли К.— В браке достигается величайший уровень ненависти, какая вооб-

ще возможна между двумя существами, из-за постоянной вынужденной близости — или же оттого, что когда-то была любовь. Потому что близость остается, даже когда любовь исчезает, и этот вакуум необходимо заполнить, например, чувством, сильным, как сама любовь. На смену приходит борьба за превосходство. Так что его чувства легко понять.

— Да минует меня чаша сия,— вздохнул Таубман.— Ненавидеть того, кого ты когда-то любил...

Женщина-риг, которая все это время, пощелкивая, прислушивалась к беседе, тоже вставила слово:

ЛЮДИ ДАЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ, НАСКОЛЬКО СВЯЗАНЫ ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ.

— Не угостите еще сигаретой? — спросил Эрик у Таубмана.

— Само собой,— ответил тот, передавая пачку.

— Самое интересное, что доктор Арома пришел к нам из другой вселенной — в которой существует договор о сотрудничестве между Землей и Звездной Лилией,— продолжил Вилли К.— И в его времени, в две тысячи пятьдесят пятом году, идет война, которую люди медленно, но проигрывают. В его сознании я обнаружил, что бывший военачальник Джино Молинари обнаружил параллельные вселенные и использует свои знания в политических целях.

Вилли К замолк, точно прислушиваясь, затем объявил:

— Нет, доктор Арома, осмотрев труп Молинари, сохранившийся в ваших воспоминаниях, могу вас уверить: он не из нашего мира. Наш Молинари погиб от рук убийцы, но все пули попали в голову, поначалу его даже не могли опознать. А тело, которое видели вы, имеет существенные отличия.

— Вот, должно быть, почему так мало появляется путешественников во времени,— догадался Таубман.— Их разбрасывает по альтернативным будущим!

«Молинари мог запросто предоставить нам с Кэт противоядие в любое время»,— тупо сообразил Эрик.

Правда, вдруг открывшаяся, давалась с трудом. «Самый человечный из людей» оказался подлецом, каких свет не видывал, он играл с ними, как кошка с мышкой. И, судя по сказанному Вилли К, являлся жестоким лицемером.

— Постойте,— упредил его Вилли К.— Мы не знаем, что он затеял и какую игру ведет на самом деле. Не забывайте, положение обязывает: на войне как на войне. И потом, этот измученный болезнями человек еще не знает о том, что вы подсели на наркотик. Может, со временем он бы вам помог...

ВЫ НЕ МОГЛИ БЫ ПОЯСНИТЬ СМЫСЛ ТОГО, О ЧЕМ ВЫ ГОВОРИТЕ?

Не только секретарша-риг, но и сам Таубман уже потерял нить беседы и не понимал, о чем речь.

— Вы готовы приступить к запоминанию формулы? — обратился Вилли К к Эрику.— Это довольно трудоемкий процесс, который займет оставшееся у вас время.

— Давайте,— кивнул Эрик.

ПОГОДИТЕ.

Вилли К замолк, вопросительно вращая своим поддерживающим механизмом.

ДОКТОР УЗНАЛ НЕЧТО, ЧТО ГОРАЗДО ВАЖНЕЕ ЛЮБОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ.

— Что именно? — спросил Эрик.

В ВАШЕЙ ВСЕЛЕННОЙ МЫ ЯВЛЯЕМСЯ ВРАГАМИ, А ЗДЕСЬ ЗЕМЛЯНЕ СПОКОЙНО УЖИВАЮТСЯ С РИГАМИ. ТЕПЕРЬ ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВОЙНА С РИГАМИ НАПРАСНА И, ЧТО ГОРАЗДО ВАЖНЕЕ, ЭТО ЯСНО ВАШЕМУ ЛИДЕРУ.

В самом деле. Неудивительно, что Молинари вел войну без всякого задора, не добиваясь решительной победы, которая была так нужна Звездной Лилии. Джино прекрасно понимал, что воюет не на той стороне и не с тем противником, что это с самого начала была неправильная война. И он убеждался в этом многократно, собственными глазами, с помощью наркотика JJ-180.

Но имелось и нечто иное, настолько зловещее, что Эрик диву давался, отчего запретные барьеры сознания впускали эту мысль из подсознания. JJ-180 был применен на лильцах, причем массово. И существа из Звездной Лилии, опробовав наркотик, догадывались о существовании альтернативной реальности, знали, что земляне готовы их оставить, вступив в союз с ригами, который, как ни крути, в истории человечества оказывался более плодотворным. В обоих вариантах реальности лильцы проигрывали войну вне зависимости от того, выступала Земля на ее стороне или благоразумно воздерживалась. Либо, в конце концов...

«А что если была третья реальность, в которой риги и Лилия воевали против Земли?»

— Пакт между Лилией и ригами — вещь невероятная,— осадил его Вилли К.— Лилия будет побеждена мощью ригов при любом обороте дел.

— Тогда получается, что пришельцам нечего терять.— заметил Эрик.— Им все равно не победить в этой войне.— Тут он представил себе, как бы отреагировал на эту неоспоримую истину премьер-министр Френик. Можно было только гадать, на что окажутся способны поверженные в отчаянье пришельцы.

— Действительно,— согласился Вилли К.— Так что вашему Секретарю приходится быть крайне осмотрительным, чтобы не возбудить подозрений. Теперь вам понятна причина частых приступов болезни, которая овладевает Секретарем всякий раз, когда лильцы на него наседают. Он уже несколько раз пережил клиническую смерть, служа своему народу. Ему постоянно приходится ходить на грани между жизнью и смертью, заглядывая в параллельные миры. Вот почему он не решился предложить вам противоядие от JJ-180: если бы узнала контрразведка пришельцев — а ваша жена, вполне вероятно, завербована ими и является одним из агентов,— так вот, узнав о том, что он обладает таким веществом, они бы могли... они бы...— Вилли К запнулся.— Поведение параноиков непредсказуемо. Одно ясно — они не упустили бы шанса. В руках Молинари страшное оружие, и им достаточно заполучить противоядие, чтобы из наркотика препарат JJ-180 превратился в средство борьбы с другими народами.

— У меня все это просто не умещается в голове,— подал голос Таубман.— Так что извините, вынужден вас покинуть,— и ушел в соседнее помещение.

Секретарша осталась.

УБЕДИТЕ ВАШЕГО СЕКРЕТАРЯ ВЫЙТИ НА ПЕРЕГОВОРЫ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РИГОВ. МЫ СМОЖЕМ ОКАЗАТЬ ВАМ ПОМОЩЬ В ЗАЩИТЕ ОТ ЗВЕЗДНОЙ ЛИЛИИ, Я УВЕРЕНА В ЭТОМ.

Послание высветилось на экране автоматического переводчика, выставленном перед ним многоруким существом.

«Риги-то, может, и захотят помочь. Но лильцы ближе, они занимают ключевые позиции, их руки уже на горле человечества — и успеют ли новые союзники прийти на помощь? При первом признаке того, что земляне вступили в переговоры с их кровным врагом, пришельцы сотрут планету в порошок за ночь, наверняка у них для этого все приготовлено. Такой вариант развития событий они наверняка предусмотрели».

Крошечное государство землян могло некоторое время удерживать Шайенн днем и ночью под бомбардировками лильцев. Но потом все равно придется капитулировать, и Молинари это

прекрасно известно. Земля будет оккупирована и порабощена расой разумных грибов, превращена в одну из колоний Империи, а люди станут рабами и сырьевым придатком. После чего война продолжится.

Ирония ситуации заключалась в том, что именно в таком виде Земля больше всего устроила бы лильцев. Пока же пришельцы вынуждены были считаться с якобы независимым состоянием планеты, которую они фактически прибрали к рукам. Френику приходилось играть в политику, а при таком обороте дел руки у него оказались бы развязаны. И уж кому, как ни Молу было известно, что все произойдет именно так: вполне вероятно, что он видел этот вариант развития сценария в одном из параллельных миров. Чем, собственно, и объяснялись его поступки.

— Кстати,— заговорил Вилли К с заметным смущением в голосе.— Ваш бывший работодатель, Вергилий Аккерман, по-прежнему жив и заправляет ТИФФом. В свои двести тридцать старик достаточно бодр, и на службе у него числится два десятка трансплантологов, готовых мчаться к нему по первому зову с любым необходимым органом. Я читал, что он перенес уже четыре пересадки почек, пять — печени, селезенки и неисчислимое количество пересадок сердца...

— Мне плохо,— сказал Эрик, который вдруг почувствовал, что едва стоит на ногах.

— Действие наркотика заканчивается,— Вилли К подплыл к креслу.— Мисс Циг, помогите ему сесть!

— Я в порядке,— пролепетал Эрик. Голова раскалывалась, желудок сжали спазмы мучительной тошноты. Очертания мира потеряли четкость, линии и плоскости стали двоиться, троиться и множиться дальше, как будто Эрик смотрел через призму. Даже кресло под собой он чувствовал как нечто нереальное — и вдруг в самом деле очутился на полу, кресла как ни бывало.

— Переход труден,— сказал Вилли К.— Мы ничем не можем ему помочь, мисс Циг. Удачи вашему Секретарю, доктор, он служит великую службу своему народу. Возможно, я напишу статью в «Нью-Йорк Таймс» на эту тему.

Все цвета спектра заиграли перед взором Эрика, словно иллюминированный ветер. Не иначе как это был ветер жизни, влекущий его по своему произволу, нимало не интересуясь собственными Эрика ничтожными желаниями. Затем ветер потемнел, потеряв краски, превратился в неподвижный непроницаемый туман смерти.

Эрик ощутил сеть собственной нервной системы — местами изношенной, разорванной и источенной наркотиком. Там, где

повреждения проникли особенно глубоко, они напоминали картину кариеса, только не на зубных, а на нервных тканях. Какая-то хищная птица опустилась Эрику на грудь, хрипло каркая в немую пустоту, оставшуюся на месте исчезнувшего ветра. И Эрик почувствовал, как ее кинжальные когти пронзают легкие, забираются под ребра и разрывают внутренности. Ничего не осталось целого в его теле — все было обезображено наркотиком, и даже противоядие не могло остановить разложения. За всю последующую жизнь не восстановить урона, нанесенного собственному телу, и не вернуться к первозданной чистоте.

Такой ценой Эрик заплатил за опыт.

Медленно приподнявшись на четвереньки, он заметил, что находится в совершенно пустой приемной. Он был один и был волен идти, куда вздумается.

Эрик встал, опираясь о никелевую раму кресла, обтянутую кожей. Журналы на столке пестрели надписями на английском, с обложек улыбались счастливые земляне. Значит, риги еще не пришли.

— Вы что-то хотели? — раздался слегка пришепетывающий мужской голос. Пред Эриком предстал служащий компании Фундук, в цветастых модных одеждах.

— Нет,— откликнулся Эрик. Он понял, что находится в своем времени, в две тысячи пятьдесят пятом году.— Спасибо.

С трудом, превозмогая боль, ему удалось выйти на улицу в направлении шоссе, по дорожке, усаженной секвойями.

Теперь надо было поймать такси, в нем он сможет отдохнуть по пути в Шайенн. Эрик получил то, что хотел; он больше не наркоман и, если постарается, сможет освободить от привязанности к наркотику жену. К тому же он видел мир, над которым не нависает грозная тень пришельцев из Звездной Лилии.

— Подвезти, сэр? — спросило подкатившее такси.

— Да,— отозвался Эрик и залез внутрь.

«Ну а если это чудодейственное снадобье станет общедоступным,— раздумывал доктор, пока такси стартовало в небо.— И его сможет применять каждый на планете? Начнется всеобщее бегство из нашей беспорядочной реальности с узким, ограниченным временем кругозором. Предположим, ТИФФ наладит массовое производство препарата, и JJ-180 будет продаваться в каждой аптеке, вместе с противоядием, согласно правительственной программе...»

Нет, это невозможно. Пришельцы не позволят.

— Куда летим, сэр? — поинтересовалась система управления.

Эрик решил использовать это такси для нескольких поездок, не пересаживаясь. Получится лишь на несколько минут дольше.

— В Шайенн.

— Не имею права, сэр. Только не туда,— нервно ответила машина.— Назовите другой адрес.

— А в чем дело? — встрепенулся Эрик, сообразив, что происходит что-то неладное.

— Сэр, всем известно, что Шайенн занят бунтовщиками. Это территория врага,— помолчав, машина добавила: — А продвижение на вражеские территории запрещено, как вам известно.

— Что за противник там отсиживается?

— Изменник Джино Молинари,— отвечало такси.— Он военный перступник, пытавшийся сорвать военные действия, вам должно быть это известно, сэр. Это бывший генеральный секретарь ООН, который вступил в сговор с агентами ригов и...

— Какое сегодня число? — перебил его Эрик.

— Пятнадцатое июня две тысячи пятьдесят шестого года.

Вероятно, противоядие ослабило действие наркотика, поэтому он вернулся не в свое время, а на год раньше — и не мог ничего с этим поделать. Мгновенно у него созрел план: раздобыть новую дозу JJ-180, которая поможет ему вернуться в свое время, где он еще может воздействовать на события. Проклятье, почему он не оставил капсул про запас, отдал все Кэт? Теперь он надолго застрянет здесь, на территории, оккупированной пришельцами!

И все-таки Джино Молинари был жив! Он продолжал бороться, Шайенн не пал ни за день, ни за неделю — возможно, при поддержке ригов и «Сикрет Сервис».

Это был тот самый период времени, в котором Дон Фестенбург подсунул Эрику сфабрикованную газету и устроил маскарад с переодеванием в костюм Секретаря ООН.

— Летите на восток,— распорядился он.

Любой ценой надо было добраться до Шайенна.

— Хорошо, сэр. Кстати, сэр, вы забыли показать мне ваше разрешение на перелеты. Не соблаговолите ли достать его сейчас — это, конечно, чистая формальность.

— Какое еще разрешение?

Но тут же сообразил: пришельцы перекрыли все дороги в оккупированной зоне, чтобы изолировать мятежный Шайенн. Теперь без пропуска землянин не мог сделать и шагу.

— Будьте добры, сэр, пропуск,— напомнило такси более настойчивым тоном.— В противном случае я вынужден буду доставить вас в ближайший участок жандармерии, это всего миля к востоку, совсем недалеко.

— Да уж,— согласился Эрик.— Теперь они везде недалеко.

Такси заходило на посадку.

— Поторопитесь, сэр. Они как раз поблизости.

Такси выключило двигатель и приземлилось.

ГЛАВА 12

— Слушайте,— сказал Эрик, как только колеса коснулись земли. Такси подкатилось к бордюру, и доктор увидел грозное строение с часовыми у входа. Вооруженные охранники были в серой форме Звездной Лилии.— Я хочу предложить вам сделку.

— Какую сделку? — подозрительно спросила машина.

— Мой пропуск остался в «Фундук Корпорейшн», помните, где вы меня подобрали? Вместе с бумажником, где, как вы понимаете, все мои деньги. Если вы сдадите меня сейчас военной полиции, деньги мне больше не понадобятся, сами понимаете.

— Да, сэр,— согласилось такси.— Вы будете уничтожены в соответствии с новым законом, принятым 10 мая. Несанкционированное перемещение...

— Так почему бы перед этим не передать деньги вам — в качестве чаевых? Вам-то уж они наверняка пригодятся?

— Да, сэр, горючее дорожает с каждым днем, сами понимаете — война.

— Тогда отвезите меня обратно к Корпорации «Фундук», я заберу бумажник, предъявлю вам пропуск, и вы вернете меня сюда. И все деньги достанутся вам. Понимаете?

— Тогда мы оба в выигрыше,— согласилось такси.— Что-то защелкало в электронном мозгу, пока такси соображало, обдумывая предложенную схему.— А сколько у вас там денег, сэр?

— Я работаю курьером в «Фундук», поэтому у меня в бумажнике примерно двадцать пять тысяч долларов.

— Вот это да! В оккупационных чеках или в довоенных банкнотах ООН?

— Само собой, в банкнотах.

— Тогда заметано!

Такси сорвалось с места, оживленно набирая высоту и тарахтя:

— Вообще-то я сразу понял, что с вами что-то не то, как только вы дали адрес вражеской территории. Но поскольку я туда и не собирался лететь, и не повернул даже на секунду, закон не был нарушен,— машина повернула к Детройту, распаленная мыслями о грандиозных чаевых.

Как только они опустились на парковку возле Корпорации, Эрик заторопился:

— Я сейчас! — и, пробежав по тротуару к подъезду, миг спустя оказался в громадной лаборатории, простиравшейся по сторонам.

Отыскав первого встречного служащего, он обратился к нему:

— Меня зовут Эрик Арома, я личный врач мистера Вергилия Аккермана и прибыл по срочному вызову. Вы не поможете мне связаться с ним?

— Насколько мне известно, мистер Вергилий Аккерман находится в Вашинге-35 на Марсе,— испуганно отозвался тот.— Руководство ТИФФом осуществляет мистер Иона Аккерман, а мистер Вергилий Аккерман числится в списке военных преступников в еженедельном бюллетене Комитета государственной безопасности.

— Как так?

— Как изменник: он сбежал на Марс, когда началась оккупация.

— Вы не могли бы соединить меня с Вашингом-35?

— С вражеской территорией?

— Тогда вызовите по видеофону Иону Аккермана.

Ничего другого Эрик придумать не мог. Он направился за клерком, чувствуя, что серьезно влип.

Лицо Ионы на экране вытянулось, едва он увидел Эрика.

— Но... откуда ты? Бог мой, ты же был в безопасном месте, с Вергилием. Я немедленно отключаюсь — это какая-то чудовищная провокация военной полиции.

Экран погас.

Итак, его двойник из этого времени, он-сам-спустя-год, который не путешествовал в будущее, сейчас находился на Марсе вместе с Вергилием.

Значит, он каким-то образом все же смог вернуться обратно в две тысячи пятьдесят пятый год, чтобы потом улететь с Вергилием. И единственный способ попасть туда — достать JJ-180. А единственный источник наркотика находится здесь. Эрик очутился в самой верной точке, единственной на целой планете, волею случая, объегорив жадное до идиотизма автоматическое такси.

— Мне нужен фрогедадрин,— сказал Эрик клерку.— Сто миллиграммов. Я тороплюсь. Вам показать мое удостоверение? Могу доказать, что работаю на ТИФФ, если вы не верите,— тут у него промелькнула еще одна мысль: — Вызовите Берта Фундука, он подтвердит, кто я такой.

Несомненно, Фундук запомнил его после той встречи в Шайенне.

— Но мистер Фундук расстрелян,— растерянно забормотал клерк.— Разве вы не помните: в январе, в самом начале оккупации.

Должно быть, выражение лица Эрика передало потрясение, которое он испытал при этих словах, поскольку поведение клерка моментально изменилось.

— Вы, наверное, были его другом,— понимающе сказал клерк.

— Да,— все, что мог сказать Эрик.

— Берт был хорошим человеком, не то что эти ублюдки пришельцы. С ним приятно было работать.

Тут клерк всполошился:

— Не знаю, что привело вас сюда, но сто миллиграммов JJ-180 я вам достану. Я знаю, где он хранится.

— Буду очень благодарен.

Клерк поспешил вперед. Время бежало. Эрик вспомнил про такси: интересно, оно по-прежнему дожидается у парковки? Или попытается проникнуть следом? Абсурдная ситуация мигом представилась ему: автоматическое такси, сокрушая стены, лезет в здание корпорации за незаплатившим по счетчику клиентом. Видимо, нервы были на пределе: одолевали фантасмагории.

Наконец клерк вернулся с пригоршней капсул.

У ближайшего автомата с газировкой Эрик нашел стакан, наполнил его водой, положил капсулу в рот и поднес к губам жестяную кружку военного образца на цепочке.

Внезапно он заметил, что служащий странно побледнел.

— Это недавно измененная формула JJ-180,— пояснил клерк, не спуская с Эрика глаз.— Мне, наверное, следует предупредить вас, раз вы собираетесь принять препарат.

Опустив чашку, Эрик спросил:

— Что значит «измененная формула»?

— В ней оставлены отравляющие свойства, вызывающие зависимость и разрушающие печень, а галлюцинаторный эффект путешествия во времени изъят,— пояснил служащий.— Сразу после начала оккупации пришельцы приказали нашим химикам усовершенствовать наркотик, который с самого начала мыслился как отравляющее вещество — галлюциногенные свойства являлись побочным эффектом.

— Но зачем оно им в таком виде?

— Для войны с ригами,— последовал ответ.— И...— клерк заколебался.— Для использования против враждебно настроенных землян, которые приняли сторону врага.

Ссыпав капсулы в ближайший лабораторный мусоросборник, Эрик сказал:

— Спасибо, я передумал.

Затем в голову неожиданно пришла еще одна безумная идея.

— Если я получу разрешение от Ионы, вы сможете дать мне космический корабль, принадлежащий компании? Я позвоню Ионе, он мой старый друг и не откажет.

Эрик направился к видеофону, клерк — за ним. Если удастся заставить Иону выслушать...

В этот момент в лабораторию вошли двое жандармов. За их спинами в дверном проеме Эрик увидел патрульный корабль, припаркованный возле автоматического такси.

— Вы арестованы,— сказал один из жандармов, направляя на Эрика дубинку странной формы.— За несанкционированое перемещение и мошенничество. Ваше такси отчаялось ждать и заявило в полицию.

— Какое мошенничество? — удивился Эрик, оборачиваясь к служащему.

Тот, однако, предусмотрительно исчез.

— Я действительно работаю в ТИФФе и нахожусь здесь по делу.

Дубинка странной формы засветилась; Эрик почувствовал, как что-то проникло в мозг, и он беспрекословно направился к выходу из лаборатории. Мысль о сопротивлении жандармерии Звездной Лилии покинула его, даже спорить не было никакого желания — он именно с удовольствием подчинился и прошел на борт патрульного корабля.

Корабль заскользил над крышами Детройта, направляясь в сторону казарм.

— Чего с ним канителиться,— сказал один жандарм другому.— Убьем прямо здесь, а тело выбросим, зачем переть его в казармы?

— Да просто вытолкнуть,— откликнулся напарник, развивая мысль.— Он и разобьется. Смотри, какая высота.— Нажав кнопку на контрольной панели, он открыл вертикальный люк корабля. Эрик увидел проплывающие внизу здания, улицы и жилища города.

— Вспомни о хорошем, когда будешь лететь вниз,— сказал жандарм Эрику.

И, схватив доктора за шиворот, потащил к распахнутому люку. Все было сделано рукой профессионала: миг — и Эрик оказался на краю, когда жандарм выпустил его, чтобы не вылететь следом.

Рядом с патрульным кораблем вынырнул второй корабль: огромное, помятое и проржавевшее межпланетное военное судно

с торчащими во все стороны пушками, походившее на рогатого ящера с гребнем. Выстрел из микропушки сразил жандарма за спиной Эрика, а из большого орудия начисто снес переднюю часть патрульного катера и осыпал осколками Эрика и оставшегося жандарма.

Полицейский катер стал падать камнем на лежавший внизу город.

Очнувшись от транса, жандарм подбежал к стене, дернул аварийный рычаг. Корабль перестал кувыркаться и плавно пошел вниз, управляемый аварийно-спасательной системой. Как будто осенний лист, он пошел спирали до самой земли, врезался в тротуар, разбрасывая припаркованные машины, уткнулся в бордюр и замер, задрав хвост.

Выхватив пистолет, жандарм высунулся из люка и стал стрелять направо и налево. После третьего выстрела лилец дернулся и упал в корабль; пистолет выкатился из руки и загромыхал по обшивке.

Грозный военный корабль приземлился рядом. Из распахнувшегося люка на землю спрыгнул человек. Он устремился навстречу контуженному падением Эрику, выбиравшемуся из-под обломков полицейского катера.

Эрик зажмурился, ожидая выстрела в затылок.

— Привет,— неожиданно сказал человек.— Это я. Не узнал?

— Кто вы?

Человек, сразивший полицейский катер, казался подозрительно знакомым. Эрик как будто видел это лицо много раз — только где? Какое-то оно было неправильное, словно повернутое под другим углом. Волосы противоестественно зачесаны пробором в другую сторону, так что голова казалась кривой и несимметричной, неправильной во всех отношениях. Но более всего Эрика поразила физическая непривлекательность этого человека. Постаревший, одутловатый, заметно поседевший. Встреча с самим собой — без подготовки — явилась потрясением. «Неужели это лицо я вижу в зеркале каждое утро?»

— Как видишь, немного набрал вес,— словно оправдываясь, сказал человек.— Ну так что? Господи, да я же спас тебе жизнь.

— Знаю,— ответил Эрик самому себе.

Они забрались в межпланетный корабль и 2056-й, захлопнув за собой люк, стартовал в небо, за пределы досягаемости военной полиции и лильских зениток. Очевидно, это был продвинутый эскадренный корабль, а не какая-нибудь посудина.

— Не желая нанести оскорбление твоему интеллекту, который я весьма ценю, хочу сразу прояснить ситуацию,— сказал

2056-й.— Во-первых, даже если бы тебе удалось раздобыть настоящий JJ-180, он бы снова перенес тебя в будущее, а не назад, в две тысячи пятьдесят пятый, и ты снова оказался бы под пагубным влиянием наркотика, опять понадобилось бы противоядие. То, что тебе требуется,— и ты скоро это поймешь,— вовсе не JJ, а препарат, балансирующий эффект противоядия,— 2056-й кивнул в сторону магнитной вешалки.— Найдешь его в кармане моего пальто. Корпорация «Фундук» разработала его в нынешнем году.

— Что это за корабль?

Потрясающе, как кораблю удалось прорваться сквозь линию обороны Звездной Лилии.

— Боевой корабль ригов. Вергилий достал его на Вашинге. Мы собираемся перенести на нем Молинари, когда Шайенн падет, что неизбежно случится, может быть, уже через месяц.

— Как его здоровье?

— Намного лучше. Теперь он делает то, что хотел делать.

Эрик порылся в карманах пальто, нашел таблетки и проглотил без воды.

— А что случилось с Кэт? — внезапно вспомнил он.— Надо бы поговорить.

Хорошо когда есть с кем обсудить проблему, пусть хоть с самим собой.

— У тебя все еще есть шанс избавить ее от пристрастия к JJ-180 — пока не произошло непоправимых изменений в нервной системе. Она, конечно, никогда не будет прежней Кэт, даже пересадка органов и восстановительная хирургия бессильны. Кстати, через это она пройдет несколько раз, прежде чем дойдет до нынешнего положения... Слышал о синдроме Корсакова?

— Вообще-то я медик.

— Да, конечно, как и я.

— Классическая картина алкоголизма: патологическое разрушение подкорки в продолжение затяжного периода интоксикации.

— Так вот, представь ту же картину, но в несколько раз хуже, это и есть последствия употребления JJ-180.

— Так у Кэт...

— Помнишь время, когда она употребляла наркотики до трех раз в день? Ее стервозное настроение и навязчивые идеи — это и был синдром Корсакова, только не от JJ-180, а от наркотиков, которые она принимала раньше. Последствия скажутся очень быстро и будут прогрессировать после твоего возвращения в две тысячи пятьдесят пятый. Так что будь готов.— И он добавил: —

Это необратимо, ничего не поделаешь. Очищения организма от токсинов недостаточно.

Оба на время замолкли.

— Врагу не пожелаешь жениться на параноике, к тому же инвалиде,— снова заговорил двойник.— И все же она моя жена. Наша жена,— поправился он.— Правда, после фенотиазина она успокаивается. Удивительно, что я — то есть мы — не смогли диагностировать болезнь в то время, когда жили с ней рядом. Вот оно, ослепление привычностью буден. Конечно, скрытое течение хронической болезни распознается с трудом.

— У тебя есть доказательства, которые получены с помощью JJ-180?

— JJ-180 давно забыт, только Звездная Лилия использует его как клопомор из-за исключительно токсических свойств, как тебе уже известно. Раскрылось столько альтернативных будущих, что с ними еще придется разбираться по окончании войны. Мы победим, можешь не спрашивать. И не благодаря собственным силам — просто ригам понадобилась половина территории Империи Звездной Лилии. Теперь слушай. Я дам тебе инструкции, которые следует выполнить в точности и неукоснительно, смотри не подведи, иначе в мир ворвется альтернативное будущее, мы не сможем встретиться, и я не спасу тебя от патруля.

— Понял,— сказал Эрик.— Говори.

— Итак, в Аризоне, в лагере для военнопленных номер двадцать девять, содержится майор ригской военной разведки. Его кодовое имя Дег Дал Ил. Можешь обращаться к нему так — это имя дано ему на Земле. Лагерная администрация использует его в качестве эксперта в делах по мошенничествам со страховыми полисами, можешь себе представить. И сейчас, несмотря на то, что он фактически пленный, он является одним из самых незаменимых работников лагеря. Этот риг станет связующим звеном между двумя нациями: организует переговоры.

— И что мне с ним делать? Переправить в Шайен?

— В Тихуану, в центральный офис ТИФФа. Выкупишь его у администрации лагеря как раба. Дело в том, что крупные фирмы обладают правом закупать рабочую силу. Значит, запоминай: приедешь в двадцать девятый лагерь, представишься служащим ТИФФа и скажешь, что хочешь присмотреть себе смышленого рига. Они все поймут.

— Да, каждый день узнаешь что-нибудь новое,— пробормотал Эрик.

— Однако главная твоя задача связана с Молинари: тебе предстоит убедить его переговорить с Дег Дал Илом. Это станет пер-

вым шагом на пути освобождения Земли из цепких щупальцев Звездной Лилии, сохранив как можно больше жизней. Но совершить это будет непросто: у Молинари есть свой план. Он занят другой борьбой, выступая один на один против Френика. На карту поставлено его мужское достоинство, и для него борьба эта не абстрактна, а враг видим и осязаем. Ты видел запись здорового и полного сил Молинари, выступающего на экране,— это его секретное оружие, его Фау-2, которым он противостоит врагу. Молинари стал доставать двойников из альтернативных миров. Теперь он находится на грани жизни и смерти, отражая атаки Френика. Именно так, умирая раз за разом и начиная сначала, он противостоит врагу. Но скоро он введет в бой одного из новых, здоровых Молинари, как раз по твоему возвращению в Шайенн. Запись его выступления будет демонстрироваться по всем каналам в вечернем эфире.

— Да,— задумчиво пробормотал Эрик.— Получается, он всякий раз болен ровно настолько, насколько ему необходимо. Сам себе отмеривает болезнь, сам распоряжается своей жизнью — зная, что его столько, сколько окружающих параллельных миров.

— Должен напомнить, доктор, в данный момент это означает только одно.

— Что?

— То, что в данный момент он умирает!

— Да, доктор,— взглянул Эрик на себя 2056-го.— Мы сходимся в диагнозе.

— Сегодня вечером — разумеется, в твоем, а не в моем времени, министр Звездной Лилии Френик потребует новой конференции и присутствия Молинари. Ему ответят согласием. И Френика ждет жестокое разочарование — ему придется встретиться с новым Молинари, полным сил здоровым молодым человеком из альтернативного пространства, параллельной вселенной. В это же время всем нам известный разбитый болезнью Молинари будет находиться под охраной своей секретной службы «Сикрет Сервис», наблюдая за происходящим по телевизору и радуясь придумке.

— Полагаю, этот второй Молинари, прибывший из параллельной вселенной, добровольно взял на себя миссию помочь нашей Земле.

— Конечно, с радостью, как и остальные двойники Молинари. Все они сходятся в одном: в борьбе с Фреником все средства хороши, годится что угодно. Ведь Молинари — человек, живущий ради политики, хотя любимое дело неумолимо убивает его. Здоровый Молинари после конференции перенесет первый по-

чечный приступ и с этого момента тоже начнет разрушаться и умирать. Затем настанет очередь следующего, и так будет продолжаться до тех пор, пока пришельцы во главе с Фреником не поймут, что им все равно не пережить Молинари.

— «Он нас всех переживет»,— вспомнил Эрик слова Ионы о Вергилии Аккермане.

— Мне это напоминает средние века, рыцарский бой. Молинари — это Артур, раненый копьем в бок, само собой понятно, кто такой Френик. Любопытно получается: поскольку Звездная Лилия не знала периода рыцарства — да и откуда им, грибам, его знать? — то и Френику не совсем понятна ситуация. Ему просто невдомек, что Молинари бьется с ним в честном поединке двух лидеров. Френику здесь мнится иное — борьба за экономическое превосходство: кто чьими рабами и фабриками заправляет.

— Говоришь, никакого романтизма? — пробормотал Эрик.— Ну а как же риги? Они-то смогут понять Мола? У них, что ли, был период рыцарства, доспехов и прочей дребедени?

— Рыцари с четырьмя руками и хитиновым панцирем,— усмехнулось «второе я» Эрика.— Любопытное вышло бы зрелище! Исторический боевик ужасов. Видишь, ли, никто не ответит на этот вопрос — мы пока слишком мало знаем о ригской цивилизации, и никто не пытался пока изучать их культуру. Так ты запомнил имя майора военной разведки?

— Дег... какой-то.

— Дег Дал Ил. Запоминай.

— О Господи,— вырвалось у Эрика.

— Довел я тебя до тошноты? И ты меня. Правильно Иона назвал тебя нытиком, и Кэт права, считая тебя тряпкой. Ничего странного, что ты связался с такой женщиной: достойное возмездие твоей мягкотелости и нерешительности. Попробуй хоть в следующем году проявить немного мужества и волевых качеств. И, в конце концов, не пора ли тебе подыскать новую женщину? Сделай это хотя бы ради меня: когда наступит мое время, не будет на душе так мерзко и мучительно больно за прожитый год. Жизнь в две тысячи пятьдесят шестом изменится хоть немного в лучшую сторону.

— Ишь ты. С чего это я должен для тебя стараться?

— Я же спас тебе жизнь! — Двойник с укором посмотрел на Эрика.— Это ведь я вырвал тебя из рук военной полиции.

— И кого предлагаешь? — насторожился Эрик.

— Марию Райнеке.

— Ты сошел с ума!

— Погоди, выслушай. Они с Молинари месяц как в размолвке, у них была настоящая ссора в твоем времени — в моем это происходило одиннадцать месяцев назад. Поэтому у тебя все шансы, пока о размолвке никто ничего не знает и оппозиционная пресса не раструбили об этом. То, что не получилось у меня, должно выйти у тебя, и так мы изменим наше будущее. Все останется прежним, мир не перевернется, а наше семейное положение несравненно улучшится. Разведись с Кэт и женись на Марии Райнеке — или на ком угодно другом.

В голосе двойника зазвенело отчаяние.

— Ты не представляешь, что это такое — провести остаток жизни сиделкой у ее постели. Я не хочу такой судьбы, я желаю свободы. Я знаю, избавиться от нее не так просто: она будет угрожать, отказываться... Но мы же вдвоем! Кэт остервенело боится развода, однако если начать бракоразводный процесс в Тихуане, будет намного проще: мексиканские семейные законы вольнее, чем в Штатах. Пригласи хорошего адвоката... Я тут присмотрел одного, из Энсенады. Его-то имя, надеюсь, запомнишь? Мы еще, правда, не договорились, когда начнем.

Двойник с надеждой посмотрел на него.

— Ладно, попробую,— пообещал Эрик.

— Теперь тебе пора. Препарат начнет действовать через несколько минут, и если мы не сядем, тебе предстоит полет с высоты пяти миль — там ведь не будет корабля в том месте, где ты появишься.

Корабль пошел на снижение.

— Сядем в Солт-Лейк-Сити, столице мормонов, когда-то славных многобрачием. Здесь населенное место, так что ты быстро растворишься в толпе, и никто не обратит на тебя внимания. А как только попадешь в две тысячи пятьдесят пятый год, поймаешь такси до Аризоны.

— Но у меня нет денег,— вспомнил Эрик.

Или есть? Он совсем запутался: в каком году очутился и в какой должен попасть.

— Совсем меня сбили с толку в этом «Фундуке», где я чуть было не купил отраву...

— Ладно, не время болтать,— поторапливал двойник.— Не отвлекайся на детали, я знаю их не хуже тебя.

Полет завершили в молчании, хмуро и презрительно переглядываясь. Это, как понял Эрик, была наглядная демонстрация необходимости самоуважения. В первый раз он самокритично оценил свои суицидальные наклонности — так вот, оказывает-

ся, откуда они проистекали. Чтобы выжить, надо трезво оценивать себя и свои поступки.

— Напрасно теряешь время,— заметил двойник (если так можно было назвать это обрюзгшее и состарившееся существо), после того как корабль сел на орошаемом пастбище в окрестностях Солт-Лейк-Сити.— Вижу, меняться ты не собираешься,— грустно подвел он итог. Двойник явно обижался, что не может за счет Эрика улучшить собственную жизнь. Это ведь ему, Эрику, сейчас бегать, жениться, разводиться, а плодами воспользуется другой Эрик, из будущего, обрюзгший старикан.— Да и ничто тебя уже не изменит.

— Судя по тебе — да,— заключил Эрик, ступая на влажный ковер люцерны.— Но мы еще посмотрим.

Ни слова не сказав, 2056-й захлопнул люк — и корабль выстрелил в небо.

А Эрик направился к шоссе неподалеку.

В окрестностях Солт-Лейк-Сити он поймал такси. В этот раз автомат не стал спрашивать разрешения на полет, и Эрик понял, что сам не заметил, как попал в свое время. Но на всякий случай решил убедиться.

— Какое сегодня число? — спросил он.

— Пятнадцатое июля, сэр,— ответил автомат, с гудением устремляясь на юг над зелеными горами и долами.

— А год?

— Сэр, вы случайно не мистер Рип Ван Винкль? — съехидничал автомат.— Естественно, две тысячи пятьдесят пятый. Надеюсь, вас это устраивает?

Такси было старым и явно нуждалось в ремонте. Наверное, раздражительность объяснялась неполадками в электронной схеме.

— Сойдет,— сказал Эрик, к которому сразу вернулось бодрое расположение духа. Он связался по видеофону, расположенному в кабине, со справочным бюро, где узнал адрес концентрационного лагеря для военнопленных. Информация находилась в открытом доступе.

Теперь такси летело над пустошами и однообразной чередой каменных скал, над пересохшими котлованами озер. И вот посреди голой дикой местности машина пошла на снижение: они прибыли в лагерь номер двадцать девять. Лагерь был устроен в самом недоступном захолустном краю, какой только можно себе представить. Пустыни Аризоны и Невады больше напоминали

инопланетный ландшафт, чем Землю, даже на Марсе, помнится, куда Эрик путешествовал в Вашинг-35, его встретило куда более отрадное зрелище.

— Удачи, сэр,— иронически прогудело такси и взмыло в небо, едва Эрик рассчитался, раньше, чем он успел вспомнить, что обратную машину поймать будет не так просто.

Эрик сразу направился к сторожевой будке у входа в лагерь, где располагался контрольно-пропускной пункт, объяснил дежурившему солдату, кто он и откуда и что ему требовалось закупить рига для офисной работы, требующей крайней аккуратности.

— Всего одного? — спросил солдат, провожая его в барак начальника.— Мы можем продать вам хоть с полсотни. Даже двести. Лагерь битком забит пленными: во время последнего сражения захвачено еще шесть транспортов.

В кабинете полковника, начальника лагеря, Эрик заполнил бланки и подписал их от имени администрации ТИФФа, известил, что оплата за товар будет производиться по обычным каналам в конце месяца после выставления счета.

— Выбирайте сами, какой понравится,— предложил полковник с выражением смертельной скуки на лице.— Вон их сколько. Впрочем, все равно они похожи друг на друга как две капли воды.

— Беру того, который заполняет бумаги в соседней комнате,— кивнул Эрик.

— Почему именно этого?

— Вид у него достаточно деловой.

— Да это же старина Дег,— сказал полковник как о давнем приятеле.— Он у нас как мебель, мы к нему привыкли, с первой недели войны здесь. Сам смастерил говорящую коробку, чтобы облегчить процесс общения. Эх, если бы все риги были такими, с ними бы и воевать не стоило.

— Я беру его,— сказал Эрик.

— В таком случае, придется взять дополнительную плату,— взглянул на него полковник с хитрецой.— Он ведь проходил у нас спецподготовку. И еще причитается за переводное устройство.

— Вы же сказали, что он сам его сделал.

— А материалы откуда?

В конце концов они сторговались, и Эрик прошел в соседнюю комнату. Риг погрузился в работу — просматривал страховые претензии какой-то фирмы.

— Отныне вы собственность ТИФФа,— объявил ему Эрик.— Следуйте за мной.

Оглянувшись на полковника, он спросил:

— А если он попытается убежать или набросится на меня?

— Они никогда так не делают,— откликнулся начальник лагеря, прикуривая сигару и навалившись на стену кабинета, явно пропадая от скуки.— Не хватает умственных способностей — это же просто насекомые, большие жуки с блестящими панцирями.

Вскоре Эрик уже стоял за колючей проволокой, ожидая заказанное по видеофону такси из Финикса.

— Знал бы, что все кончится так быстро, не стал бы отпускать тот потрепанный драндулет,— пробормотал он. Стоя рядом с огромным молчаливым ригом, он чувствовал странную неловкость. Ведь перед ним был враг, от него веяло войной, окопами, подбитыми кораблями землян. Тем более этот жук некогда был офицером и командиром, и по его приказам другие риги уничтожали людей.

Риг тем временем мушиными движениями почистил усики, атрофированные крылья и нижние конечности, не выпуская переговорное устройство, которое было зажато у него под мышкой.

— Рады, наверное, что освободились? — поинтересовался Эрик.

На экране устройства возникли бледные в солнечном свете слова:

НЕ ОСОБЕННО.

Наконец прибыло такси. Эрик с Дег Дал Илом полетели в сторону Тихуаны.

— Я знаю, что вы из разведки,— произнес Эрик.— Поэтому и выкупил вас.

Экран оставался темным, однако риг заметно затрепетал. Непрозрачные темные глаза потускнели еще больше, сделавшись совершенно непроницаемыми, словно покрытые пленкой, а фальшивые ложные глаза стали прыгать так, что чуть не выскакивали из орбит.

— Отважусь сообщить вам прямо сейчас, что я выполняю посредническую функцию для установления контакта между ригами и человечеством,— заговорил Эрик.— Сейчас мы приедем в ТИФФ...

Экран вспыхнул:

ОТВЕЗИТЕ МЕНЯ ОБРАТНО В ЛАГЕРЬ.

— Понимаю,— сказал Эрик.— Вы не должны рассекречиваться. Но поверьте, сейчас нет необходимости хранить конспира-

цию. Я устрою вам конфиденциальную встречу с высокопоставленным чиновником ООН, вы сможете вести с ним переговоры,— после некоторого колебания он добавил: — Без ведома лильцев.

«Я сказал слишком много»,— подумал Эрик и замолчал.

После непродолжительной паузы на экране возникли буквы:

Я УЖЕ СОТРУДНИЧАЮ.

— Речь идет о другом...

Эрик осекся и решил отложить разговор. Остаток пути они провели молча: оба понимали, что разговаривать будут другие, от них зависит только организовать встречу высших представителей власти.

В Тихуане Эрик снял номер в отеле «Цезарь» на центральном проспекте. Портье, мексиканец, только поглядел на рига, но вопросов не задавал. Здесь были свободные порядки, и никто не лез в чужие дела; даже в военное время Тихуана не изменила традициям. Никому и дела не было, зачем он привез рига в отель. Главное — не мешать жить остальным.

Ночная Тихуана превращалась в город, в котором возможно все, и все вообразимое оказывалось здесь, как правило, осуществимым. Когда-то это были незаконные аборты, наркотики, продажная любовь и азартные игры; теперь это были контакты с врагом.

В номере он передал Дег Далу документы — справку об освобождении и квитанцию о покупке. Теперь, если бы возникли какие-то проблемы в отсутствие Эрика, бумаги сослужили бы ригу роль гражданского паспорта. Документами риг мог доказать, что он не беглец и не засланный шпион, то есть не то, чего больше всего боялись вездесущие агенты Звездной Лилии и на чем они строили политику отношений с землянами.

— Если что, немедленно свяжитесь со мной или ТИФФом,— предупредил Эрик.— Вам нельзя выходить отсюда; пищу заказывайте в номер, а сами на это время прячьтесь в ванной.

Риг повел усиками в ответ и кивнул, не прибегая к помощи ящика-переводчика.

Эрик оставил ему деньги — тоже на всякий случай.

— Если хотите, можете смотреть телевизор, но главное — никого не пускать и не отвечать на стук в дверь.

А КАК ЖЕ Я БУДУ ЗАКАЗЫВАТЬ ПИЩУ В НОМЕР?

Эрик задумался. В самом деле — как?

— Слушайте, имейте в виду — Звездная Лилия не должна ничего узнать об этом,— решительно сказал он.

Риг кивнул, и Эрик понял, что разведчик выполнит это условие даже ценой собственной жизни. В некотором смысле Дег Дал вызывал восхищение хладнокровием, решимостью и немногословием — истинными признаками профессионала.

Хотя немногословие могло быть вызвано тем, что в переговорном устройстве выдохлись батарейки. Поэтому Эрик на всякий случай уточнил:

— Вы ничего не хотите мне сказать на прощание? — и он ощутил неприятный осадок от этой встречи. Разговор у них никак не завязывался — то ли риг не признавал в нем разведчика, то ли не доверял до конца.

Наконец, словно бы нехотя, экран осветился:

ПРОЩАЙТЕ.

— И все? — не веря глазам, спросил Эрик.

КАК ВАС ЗОВУТ?

— Прочтете в бумагах, которые я вам оставил,— ответил Эрик и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

На улице Эрик остановил древнее такси на колесах и сказал водителю (на этот раз никаких автоматов, в машине сидел живой человек) отвезти его в ТИФФ.

Когда он пятнадцать минут спустя входил в свой кабинет, мисс Перси растерянно захлопала ресницами:

— Как! Это вы, доктор Арома? Разве вы не в Шайенне?

— Джек Блэйр здесь? — заглянув в комнату по соседству, Эрик не нашел и следа своего помощника, однако в дальнем углу приметил Брюса Химмеля, известного «тележника» ТИФФа, уникума в своем роде.

— Чем закончилось разбирательство с библиотекой?

Химмель испуганно вскочил:

— Подал апелляцию на противоправные действия полиции. Они у меня еще попляшут. А... как вы оказались здесь, доктор? Какими ветрами?

— Мистер Арома,— позвала Тиль Перси.— Джека вызвал шеф.

— Вергилий здесь?

Секретарша кивнула.

— Доктор, какой у вас усталый вид. Наверное, в Шайенне много работы? Еще бы, такая ответственность... лечить самого Секретаря ООН...

В голубых глазах мисс Перси светилась нескрываемая симпатия, а большая грудь подалась вперед, словно в материнском порыве.

— Выпьете чашечку кофе?

— Охотно.

Кажется, его роль миротворца между тремя могущественными расами Галактики на сегодня исчерпана. Даже четырьмя, если учитывать Вилли К с Бетельгейзе. Гора с плеч!

Оставалась последняя проблема — Кэт. То, о чем он не хотел думать, скрывал от себя, оттягивал, как мог, принятие решения.

«Где она?»

С этим вопросом он обратился к секретарше.

— Сейчас узнаю, доктор,— рассеянно повертев пуговку на кофточке, Перси заметила: — Осторожно, кофе у вас под рукой.

Взяв со стола секретарши бумагу и карандаш, Эрик записал по памяти формулу противоядия, которое могло вырвать Кэт и остальное человечество из цепких объятий JJ-180.

— Миссис Арома в изоляторе на пятом этаже,— сообщила мисс Перси, когда он допивал кофе.— Что с ней, доктор? Она больна? Что-нибудь серьезное?

Эрик передал ей сложенный листок бумаги:

— Для Ионы. Он знает, что с этим делать.

И двинулся к выходу.

— Передавайте привет! — запоздало воскликнула секретарша, когда Эрик находился уже за порогом.

Кэт сидела в кресле, скрестив босые ноги, одетая в белую пижаму, и читала какой-то женский журнал. Вид у нее был неважный, постаревший и подавленный, как у человека, который давно сидит на транквилизаторах.

— Тебе привет от Тиль,— сказал Эрик, приближаясь.

Кэт медленно, с трудом подняла глаза:

— Какие новости?

Она с явным трудом зафиксировала на нем взгляд.

— Я достал противоядие. Ты скоро будешь совсем-совсем здорова.

Кэт слабо улыбнулась.

— Правда? Спасибо, дорогой.

Это слово отчего-то чувствительно задело Эрика; он никогда не слышал от нее «дорогой», кроме как в ироническом ключе.

— Вижу, ты еще любишь меня... несмотря на то, что я тебе сделала,— с трудом проговорила Кэт.

— А ты думала, я стану сидеть сложа руки? — вскипел он.

Она считала, что Эрик старался ради нее, и понять не могла, что это делалось для всего человечества. В голове у него

зрела речь, которую он мог бы прочесть в Королевской шведской академии при вручении Нобелевской премии за разработку формулы противоядия от самого страшного наркотика на свете.

«Тот, кто использует этот наркотик против других,— преступник, заслуживающий веревки или пули».

Но вдруг вспомнил, что перед ним сидит именно такая преступница — его собственная жена,— которая чуть не отправила на тот свет их обоих благодаря любопытству и легкомыслию.

— Ладно,— сказал он.— Мне пора.

— Куда ты?

— В Шайенн. Меня ждут дела. Будь здорова. Но... учти, Кэт,— сказал он после некоторой паузы.

Она вопросительно прищурилась, остановив на нем блуждающий взор из-под чуть припухших век.

— Здоровье твое все равно необратимо разрушено. Ты спасена от наркотика, но не от последствий его употребления.

— Должно быть, я состарилась? — печально выдохнула Кэт.

— Ничего подобного,— солгал он.

— Сколько лет ты бы мне дал?

— Столько, сколько их тебе сейчас,— 35.

Она грустно покачала головой:

— Нет. Это не так. Я видела себя в зеркале.

Эрик сменил опасную тему:

— Те, кто был с тобой на этой... оргии,— они тоже должны получить противоядие. Позаботишься об этом?

— Само собой. Это же мои друзья. Брюси, Марм, Христиан, Илд,— она произносила имена, словно перечисляя надписи на гробовых плитах.— Эрик,— внезапно сказала она.

— Что?

— Я понимаю, что теперь ты не станешь жить со мной, когда я стала такая старая и некрасивая,— она замолчала.

— Хочешь развода?

«Может, это единственный шанс, и им стоит воспользоваться?»

Эрик невольно вспомнил своего страдающего двойника из две тысячи пятьдесят шестого года.

Кэт покачала головой.

— Нет. Не хочу.

— Почему?

— Я все еще люблю тебя. Я буду вести себя по-другому, и ты меня не узнаешь.

«Я и так с трудом узнаю тебя в этой постаревшей женщине»,— озлобленно подумал Эрик, сердясь, впрочем, не столько

на нее, сколько на собственную вечную нерешительность. Вот и сейчас он подает ей ложные надежды.

— Я обещаю,— добавила Кэт, и по щекам ее потекли слезы.

— Хочешь, чтобы я ответил честно?

— Да,— шмыгнула она носом.— По-другому и не надо. Ты всегда должен говорить только правду, и ничего кроме правды.

— Тогда отпусти меня.

Кэт вопросительно посмотрела на мужа. Выражение ее глаз было такое, словно он только что выстрелил ей в сердце.

Прежний яд вновь затеплился в ее взгляде, но утратил былую силу — выдохся. Вместе с ненавистью испарилась и ее любовь. А может, это и была ее любовь? Транквилизаторы изменили ее, перед ним сидела совсем не та Кэт.

Пожав плечами, она сказала почти равнодушно:

— Что ж, я этого заслужила.

— Так ты согласна? Мы можем начать бракоразводный процесс?

— При одном условии,— ответила Кэт, и в голосе ее явственно затаились подозрение и обида.

— В чем дело?

— Если здесь не замешана другая женщина.

— Женщина здесь не при чем,— Эрик вспомнил о Филлиде Аккерман; но она не считается: даже в мире Кэт, населенном призраками ревности и подозрений, эта фигура не имела значения.

— Учти,— добавила Кэт.— Если я что-нибудь узнаю, буду биться до последнего. Я опротестую развод и не стану ни в чем помогать твоему адвокату. И тогда тебе никогда от меня не избавиться — это я тебе обещаю. Клянусь, ты никогда...

— Вот и хорошо,— облегченно вздохнул доктор.— Будем считать, что с этим вопросом покончено.

— Видишь, Эрик, как все вышло,— слабеющим голосом произнесла Кэт.— В конце концов, моя наркомания помогла тебе обрести желанную свободу. Нет худа без добра.

Эрик присел на ручку кресла и опустил ей руку на плечо.

— Ты права. Все в порядке.

Вергилий встретил Эрика, выйдя навстречу из-за стола

Не успел старик и рта раскрыть для выражения привычных любезных пошлостей, как Эрик оборвал его, захлопнув дверь.

— Вы можете вызвать Молинари сюда, как в тот раз, когда вы пригласили его на Марс?

— А в чем дело? — тревожно нахохлился его бывший работодатель.

Эрик поведал историю с ригом по имени Дег Дал Ил, не называя кодового имени. Он хоть и доверял Вергилию, но после общения с разведчиком нечто вроде профессиональной болезни перекинулось и на него — привычка к конспирации.

Выслушав его, Вергилий кивнул.

— Если он меня послушается — а он это непременно сделает, потому что мы старые друзья...

— Известите его — это крайне важно. Но как-нибудь так, не обостряя: видеофоны тоже могут прослушиваться.

— Ничего, мне достаточно намекнуть, ведь мы понимаем друг друга с полуслова.

— В таком случае я остаюсь здесь и никуда не еду,— решил Эрик.— Тем более сейчас он совершенно один в гостинице.

— Кто один?

— Риг.

— Непременно прихватите пистолет, доктор,— сказал Вергилий, снимая трубку видеофона.— Соедините меня с Секретарем Молинари, Вергилий Аккерман у аппарата.

Эрик впервые за долгое время расслабился, утопая в одном из роскошных начальственных кресел в кабинете Аккермана.

— Мистер Аккерман! — донесся срывающийся голос с другого конца провода; изображение мелькало и было неразборчивым, как во внезапно испортившемся телевизоре.— Мистер Аккерман, доктор Арома у вас?

— У меня, а в чем дело?

— Мы уже несколько часов не можем его отыскать. Передайте доктору...

Помехи и шипение по связи.

— Что такое? — взволнованно подскочил Эрик.

Тот же вопрос Вергилий прокричал в трубку, только другими словами, не стесняясь в выражениях, в том числе в адрес компании коммуникаций, осуществляющей такой вид связи.

Звук появился вновь, и картинка на экране успокоилась.

— Мистер Молинари мертв,— опустошенным голосом сказал бледный как смерть оператор телефонной станции Белого Дома.— Вот уже два часа. Доктор Тигарден сообщил, что это был разрыв аорты.

ГЛАВА 13

На крыше Белого Дома Эрика встретил Дон Фестенбург.

— Где вы были, доктор,— заикаясь от волнения, выговорил он. Фестенбург поспешил вперед, показывая дорогу.

Эрик, с искусственным сердцем в чемоданчике, торопился следом.

У дверей спальни Секретаря их ждал изможденный Тигарден.

— Куда же вы пропали, черт побери?

«Если бы ты знал, что я сделал для человечества за это время»,— подумал Эрик, но вместо этого сказал:

— Заморозили?

— Да?

— Обмен веществ?

— Почти полностью остановлен. Послушайте, у меня инструкция, нарушать которую мы не имеем права.

Тигарден вручил доктору пачку листов бумаги — завещание Молинари.

Так и есть, запрет на трансплантацию, никаких искусственных органов, даже если жизнь Секретаря будет под угрозой.

— Он случайно, не из секты Свидетелей Иеговы?

— Что, доктор?

— Ладно, проехали. Что мы можем сделать?

— Мы консультировались у верховного прокурора. Орган можно трансплантировать лишь по письменному разрешению пациента.

— Но почему? Зачем ему это понадобилось?

— Не знаю,— удрученно покачал головой Тигарден.

Вмешался Дон Фестенбург:

— Френик уже знает.

— И?

— Выразил соболезнование,— почти с ехидцей сказал «молодой да ранний».

— Сейчас не время заниматься политикой.

Эрик подошел к кровати, где в сплетении проводов и прозрачных трубок с физиорастворами лежало тело бывшего Секретаря ООН. Лицо покрывала специальная маска, считывающая мельчайшие импульсы головного мозга. Мозг следовало сохранить любой ценой: без него оживление окажется невозможным, в лучшем случае удастся разбудить человекоподобный овощ.

Но как его разбудить, если этот параноик собственной волей отменил единственное возможное средство — и тем отбросил медицину на столетие назад?

— Вице-президент Приндл готов к выступлению в прямом эфире,— снова напоминал о своем присутствии Дон Фестенбург.

— Текст речи уже у него. Точнее, два варианта, и от вас зависит, доктор, который ему читать.

— Вы их загодя составили? — хмуро поинтересовался Эрик.

— Мы же профессионалы,— несколько обиженно пожал плечами Дон Фестенбург.

— Что делать, доктор? — заныл Тигарден, которому, видимо, случившееся грозило большими неприятностями

— Выведите двойника,— вдруг сказал Эрик.

— Двойника? — переспросил Дон Фестенбург.

— Двойника? — недоуменно произнес Тигарден.

— Да,— до Эрика стал доходить смысл политического завещания Молинари и предполагаемого Секретарем сценария развития событий.— Там это недвусмысленно указано. Исполните его волю.

— Конечно, можно вывести двойника,— начал Дон Фестенбург,— но...

— Сами увидите, что произойдет дальше.

Вскоре четверо сотрудников «Сикрет Сервис» удалились вместе с растерянным Фестенбургом.

— Но это же противозаконно,— заговорил Тигарден.— Это политический обман. Использовать робота на должности живого человека — это просто...

— Доктор Тигарден, ваша наивность удивляет меня. Неужели вы до сих пор не понимаете, почему Молинари запретил использовать искусственные органы? Он не мог пойти по стопам Вергилия, потому что тем самым нарушил бы собственный закон.

«Теперь ясно,— подумал он.— Принцл никакой не преемник Мола — лишь номинальная фигура для отвода глаз Френика, как и Дон Фестенбург, как бы ему ни хотелось занять секретарское кресло. Молинари — сам по себе династия, династия двойников».

— Так вот зачем его хранили в законсервированном состоянии,— ахнул Тигарден, который начал догадываться.

— Это всего лишь тайный сговор правительственного кабинета — сговор Молинари с самим собой. Сговор двойников.

— Но как же другое параллельное пространство останется без Секретаря? — запротестовал Тигарден.

— Вы еще не поняли? Двойник, которого сейчас разморозит Фестенбург,— из мира, в котором Молинари не был избран на свой пост. Вы же помните, он выиграл выборы с минимальным перевесом, значит, миров, где этот властный человек живет вхолостую, без вожделенной цели, должно быть предостаточно.

В том, другом мире, отсутствие Молинари не будет иметь большого значения: его двойникам там делать нечего, им прямой путь сюда. Он важен там, где избран Секретарем, где идет

война, где лютует Френик, потому что это дело жизни Молинари.

Так что смерть ему теперь не страшна. Как только отживает одно его тело, на смену приходит новое — и еще один посвежевший политический деятель появляется на арене международной борьбы.

— И что дальше? — почти испуганно спросил Тигарден.

— Дальше? Что вы имеете в виду?

— Ну, когда и это тело износится... Я имею в виду, двойник...

— А дальше оно само позаботится о преемнике,— веско сказал Эрик.— Двойники будут множиться до бесконечности, как матрешки.

Впрочем, до бесконечности ли?

Но ведь Молинари в различных мирах старели с одинаковой скоростью, так что весь процесс растянется еще на три-четыре десятка лет, не больше.

Видимо, этого времени вполне хватит, чтобы спасти Землю, вывести ее из войны, и только это имело значение для Молинари. Он вовсе не пытался быть вечным или бессмертным, а просто хотел выполнить долг. Происходило примерно то же, что случилось с Франклином Делано Рузвельтом во Вторую мировую войну.

Через час новый Джино Молинари вызвал Эрика в свой рабочий кабинет.

Румяный, сияющий Мол в новой с иголочки униформе сидел в роскошном кресле генерального секретаря.

— Значит, говорите, эти мерзавцы не хотели меня оживлять? — грозно спросил он и тут же рассмеялся.— Я знаю, Арома, что вам пришлось заставить их сделать это, сами бы они точно не решились. Видите, я не ошибся, приняв вас на работу. Вы и только вы отвечали за мой переход в мир иной. И Фестенбург тоже хорош, примерный малыш, пай-мальчик. Экий тихоня казался! Ну да я ему не по зубам.

Секретарь рыгнул — оказывается, гость из соседнего пространства успел отобедать в этом мире.

— А мне казалось, у него почти получилось опрокинуть вас.

— Меня? Ха-ха... Впрочем, почти удалось,— посерьезнел Молинари.— Ничего не поделаешь, такова политика. Но именно поэтому она является едва ли не самым интересным занятием на свете. Остальное — обыденные будни, гарантированный резуль-

тат, здесь же ты никогда не уверен, добился ты своего — или тебе только показалось. Да, между прочим, ролик уже идет по телевизору. Не хотите посмотреть еще раз, освежить впечатления?

— А как же вице-президент?

— В подвале,— расхохотался Молинари.— До нового звездного часа.

— В вашем мире...

— Мой мир здесь,— перебил Молинари. Он закинул руки за голову, сцепив на затылке, чуть покачиваясь в кресле и прожигая Эрик взглядом, в котором не было ни боли, ни усталости, ни отчаянья. И, тем не менее, это был все тот же Молинари.

— Но в параллельном временном континууме, откуда вы явились...— начал Эрик.

— Какая чепуха! — воскликнул Молинари.

— ...вы потерпели поражение в борьбе за пост генерального секретаря, не так ли? — все же договорил Эрик.— Не подумайте плохого, я спрашиваю из чистого любопытства и не стану обсуждать это с кем-либо еще.

— А если станете, то «Сикрет сервис» выбросит вас с вертолета в Атлантический океан с камнем на шее,— посулил Молинари.— Или с корабля в открытый космос.— Я был избран, Арома,— продолжил Молинари.— Но эти олухи выперли меня из правительственного кабинета, состряпав импичмент, и все из-за неподписания пакта о мире с Звездной Лилией. Сами подумайте: кто поверит, что эти насекомоподобные риги, повсюду таскающие за собой переговорное устройство, словно ночной горшок...

— Но теперь-то вы понимаете, насколько необходимо землянам достичь взаимопонимания с ригами?

— Конечно. Теперь все как на ладони.

Глаза Мола потемнели — он стал внимательнее смотреть на собеседника.

— Э, что у вас на уме, доктор? А ну-ка, посмотрим! Как это говорили в XX веке? Постучим по крыше — вдруг что да вылетит?

— Я все приготовил в Тихуане для начала процесса переговоров.

— Какая еще Тихуана? Не поеду ни в какую Тихуану. Грязный городишко, притон с малолетками.

«Интересно, Мария Райнеке была любовницей Молинари и в другом, параллельном мире? — вдруг подумал Эрик.— Надо попытаться как можно мягче сформулировать вопрос».

— Нас познакомил общий друг,— учтиво отозвался Молинари.— Вы понимаете, о ком я? О том, кого сейчас собираются хоронить,— или что они там еще собираются с ним делать: пепел развеять, чтобы навсегда замести следы? Один у меня уже есть — нафаршированный пулями в стеклянном гробу.

— И что теперь?

Молинари хищно оскалился:

— Скажу по секрету: я не второй из них — я третий.

Он приложил руку к уху:

— Ладно, давайте детали, что там у нас с ригами?

Эрик вкратце рассказал про Дег Дал Ила и предстоящую встречу.

— Теперь вам необходимо появиться в Тихуане,— закончил он рассказ.

— Если Корнинг, главный резидент контрразведки пришельцев, не добрался туда первым. Я немедленно дам приказ «Сикрет Сервис» нейтрализовать это исчадье Франика. Пока они будут заниматься освобождением главаря своей резидентуры, пройдет время. Совершим отвлекающий прием: обвиним его в том, что он сделал вашу жену наркоманкой. Каково? Неплохой предлог, чтобы упечь его на время?

— Хорошо,— ответил Эрик, чувствуя тяжесть земной ноши, которая буквально пригибала к земле.

— Что-то вы сегодня кислый, доктор,— заметил Молинари.— Вам не по душе мое предложение?

— Нет, все в порядке, просто устал.

— Дайте мне адрес этого рига.

Эрик назвал гостиницу и номер.

— Я прослежу, чтобы все было сделано как надо,— уверил его Молинари.— Отдохните, напейтесь или подыщите себе новую подружку. А то примите еще порцию JJ-180 и слетайте в будущее. В общем, найдите способ развлечься. Вам, кстати, удалось избавиться от зависимости?

Получив утвердительный ответ, Молинари покачал головой:

— Не ожидал. Мне казалось, это невозможно. Вышли на ригов?

— Нет, я получил противоядие из будущего.

— Как там развивается война?

— Оккупация.

— Большая территория?

— Почти вся, за исключением Шайенна.

— А что со мной? Впрочем, неважно. Да, как ваша жена, расскажите?

— Лекарство доставлено...

— Нет, я имел в виду ваши отношения.

— Какие могут быть отношения! Мы разводимся — дело решенное.

— Неплохо,— кивнул Молинари.— Давайте, пишите адрес вашего рига, я вам взамен дам другой.

Взяв ручку и бумагу, он черкнул несколько строк.

— Родня Марии, ее кузина. Играет второстепенные роли в сериалах. Ей девятнадцать. Не слишком молода для вас?

— Но это против всех правил...

— Забудьте, доктор. На этой планете закон — я,— он бросил записку Эрику. Бумажка так и осталась лежать на столе.

— В чем дело? — вспылил Молинари.— JJ-180 окончательно спек вам мозги? Или вам невдомек, что вы располагаете крошечным отрезком времени, которое представляет собой ваша жизнь,— и она ждет вас впереди, а не в прошлом, и не в параллельных пространствах? Или вы ждете возвращения прошлого года?

Эрик взял записку.

— Вы правы, так оно и есть, я постоянно жду прошлого года. Но, кажется, он окончательно потерялся и больше не вернется.

— Вот именно,— усмехнулся Молинари.— Не забудьте сказать, что это я вас послал.— Он довольно оскалился, глядя на то, как Эрик прячет записку в бумажник.

Была ночь, и Эрик шел по темной улице в глубине квартала, сунув руки в карманы и гадая, не сбился ли он с пути. Он не появлялся в Пасадене, калифорнийском городке, много лет.

Впереди из темноты выросло высокое здание, окна светились, будто глаза, вырезанные в гигантской тыкве на подоконнике в Хэллоуин. Глаза — окна души, но какая душа у здания? Кто может обитать в таком мрачном месте? Пухленькая (а может, и не пухленькая) черноволосая девчурка, чьи жизненные амбиции укладываются в минутный рекламный ролик пива или сигарет, способная поставить тебя на ноги, когда ты болен, короче говоря, пародия на супружество, взаимопомощь и защиту от невзгод внешнего мира.

Эрик опять вспомнил о Филлиде Аккерман. Эта стервочка способна была привести его жизнь в раз и навсегда заведенное русло. А сравнить ее с Кэт? Филлида столь же привлекательна, чтобы он потерял голову,— и в то же время достаточно непохо-

жа, чтобы вселять элемент новизны. И мы оба понимали это еще тогда, во время разговора в космосе.

Неожиданная мысль посетила его: ведь эта девушка из Пасадены, незнакомого города, в котором он бывал всего пару раз, и не он выбрал ее для себя, а Молинари, стало быть, он сможет уйти от себя, от прежней схемы жизни, в которую все время загонял себя.

Отыскав вход, Эрик достал бумажку с адресом, нашел нужную кнопку среди уймы прочих одинаковых кнопок на большой медной табличке домофона и позвонил с решительностью, которую вдохнул в него Молинари.

Через минуту на экранчике домофона появилось лицо.

— Кто там?

По крошечному изображению трудно было определить, насколько миловидна подошедшая особа, но бархатный голос подкупал. Несмотря на естественное беспокойство одинокой девушки перед неожиданным и незнакомым визитером, в голосе чувствовалась теплота.

— Я от Джино Молинари. Он просил меня заглянуть к вам.

Что он нес, Джино ничего не просил. Опять трусость, опять ложь!

— Вы уверены, что не ошиблись? Ведь мы встречались с Джино лишь раз, и то по случаю.

— Вы разрешите зайти на минутку, мисс Гарибальди? — Эрик назвал ее имя по бумажке.

— Это моя старая фамилия, теперь я Гарри. Патриция Гарри, мой сценический псевдоним.

Замок зажужжал. Эрик толкнул дверь, вошел, вызвал лифт до пятнадцатого этажа. Уже собираясь позвонить, вдруг заметил, что дверь приоткрыта. Патриция Гарри в пестром переднике с двумя уложенными на голове косами встретила его улыбкой. У нее были изящные черты лица, особенно выделялись южные, идеальной формы темные итальянские губы. Лицо ее поражало гармонией, его можно было назвать образцовым. Понятно, почему она попала на телевидение: такие лица производят впечатление на любого зрителя, даже когда появляются в набивших оскомину рекламных роликах. Она была не просто мила или симпатична — она была потрясающе, уникально красива.

— Привет,— весело и непринужденно сказала она.— А вы кто?

— Меня зовут Эрик Арома (какая дурацкая роль — собственного свата!). Я работаю в медицинском штате генерального секретаря.

«Точнее, работал,— подумал он.— До сего дня».

— Может, угостите кофе, поговорим? — Слова давались с трудом.— Понимаете, этот разговор крайне важен для меня.

— Какой странный визит,— заметила Патриция.— Впрочем, почему нет? — Она развернулась — ее длинная мексиканская юбка прочертила в воздухе цветной цыганский след — и проследовала на кухню.

— Вообще-то я уже поставила чайник. И зачем же мистер Молинари прислал вас?

Неужели она не понимает, что ее внешность сама по себе причина любого визита?

— Видите ли, я проживаю в Калифорнии, в Сан-Диего. Я хирург, мисс Пэт. Ничего, если я буду называть вас так? — Эрик сел за кухонный столик, поставив локти на твердую шероховатую поверхность из красного дерева.— Хирург-трансплантолог.

— Хирург? — переспросила Патриция Гарри, доставая чашки.— Но если вы хирург, то почему не на войне? Сейчас все хирурги работают на военных спутниках или при фронтовых госпиталях, насколько мне известно.

Эрик почувствовал, как земля уходит из-под ног вместе со всеми пятнадцатью этажами, которые отделяли его от нее.

— Не знаю,— пробормотал Эрик.

— Ведь идет война, и вы знаете об этом, тем более если вы из администрации президента,— не оборачиваясь она добавила: — Моего парня покалечило вместе с остальными, риги подстрелили их крейсер. Он сейчас лежит в госпитале.

— Мне нечего вам ответить,— удрученно признал Эрик.— Вы указали на основную ошибку моей жизни: она никогда не имела смысла, который ей следовало иметь.

— И кого же в этом винить? Себя или всех остальных?

Девушка разлила кофе по чашкам.

— Наверное, так оно и есть,— сказал Эрик, чувствуя, каким ничтожеством выглядит перед ней. Она в два раза моложе его — и лучше смыслит в жизни, сама устроит свою судьбу, не нуждаясь в посторонней помощи.

— Мне уйти? — ляпнул он ни с того ни с сего.— Вы скажите, не стесняйтесь.

— Вы только что пришли — и сразу назад? Наверное, мистер Молинари не прислал бы вас, не будь какого-то важного дела,— усаживаясь напротив, Патриция воззрилась на него, и взгляд ее был критическим и оценивающим.

Не зная, что сказать, как часто бывает с робкими молодыми людьми на первом свидании, Эрик снова ляпнул:

— А вы любите... смотреть телевизор?

Она пожала плечами:

— Смотря что.

— Видели последнее выступление Мола? Как он вам?

Снова она пожала плечами.

— Не люблю выступления политиков: напыщенные речи, горящие глаза... Скучно все это и... неискренне.

В этот момент зазвонил видеофон.

— Извините,— девушка выпорхнула из-за стола и вскоре появилась вновь.

— Это вас.

— Кто? — сердце сдавило тревожное предчувствие.

— Из Белого Дома.

Эрик подошел к видеофону. Экран был пуст, но через некоторое время появился Джино Молинари.

— Доктор, мы добрались до вашего рига. Он мертв. Эти сволочи растерзали его на части, псы бешеные. Должно быть, они видели вас. Зря не отвезли его прямиком в ТИФФ, отель — дело ненадежное,— Молинари поморщился, словно находясь еще под впечатлением от увиденного.

Вместо ответа Эрик схватился за голову.

— Слушайте, доктор,— отрывисто продолжал Молинари.— Не вините себя. Эти ребята из контрразведки — профессионалы, такое могло случиться с каждым.

Нагнувшись ближе, так что его черты заняли весь экран, Молинари доверительно произнес.

— У нас есть другие возможности. Сейчас мы как раз решаем, которой воспользоваться.

— Ничего, что мы говорим об этом по видеофону?

Молинари мотнул головой:

— Френик со своими шавками отбыли. Они уносили ноги, чувствуя, что пахнет жареным. Увидев меня, они все поняли. Теперь необходимо действовать быстро, мы должны вступить в контакт с ригами в ближайшие часы, пока Френик в дороге,— Секретарь взглянул на часы.— Все, пора. Да, вы остаетесь на прежней должности.

Экран погас и тут же вспыхнул вновь.

— И еще, доктор, запомните: вы сделали главное — заставили их выполнить мое завещание. Они перекладывали эти десять страниц, рылись и копошились, пока не приехали вы. И если бы не вы, меня бы тоже сейчас не было. Запомните это раз и навсегда,— он усмехнулся и изображение погасло, на сей раз окончательно.

Однако провал есть провал. Эрик вернулся на кухню и занял позицию перед нетронутой чашкой.

«Что теперь? Что дальше?» — одна-единственная мысль сверлила мозг.

— Наверное, вы правы, Пэт, мое место в госпитале,— произнес он.— Но скоро — вы этого пока не знаете — фронт будет здесь, на Земле.

Девушка побледнела, еще пытаясь улыбнуться.

— Как это?

— Превратности войны. Сегодняшний союзник завтра может оказаться врагом.

Он выпил кофе и встал.

— Удачи, Пэт (как это имя напоминало другое — «Кэт»!). Надеюсь, война не отразится на вашей карьере. Пока.

Безмолвная, Патриция осталась за кухонным столом, когда Эрик покидал ее квартиру. Ни единого слова или жеста на прощанье: видимо, ее потрясло сказанное человеком, который минуту назад говорил с самим Молинари.

Эрик шел по темным улицам Пасадены, пока не встретил такси. Остановив машину, он сел и только тут понял, что не знает, куда ехать.

— Вы не знаете, где живете? — переспросил автомат.

— Вези в Тихуану,— неожиданно сказал он.

— Как прикажете, сэр,— откликнулся автомат и рванул в южном направлении.

ГЛАВА 14

Ночь в Тихуане. Эрик бесцельно бродил вдоль неоновых вывесок магазинчиков-киосков, прислушиваясь к крикам мексиканских зазывал и наслаждаясь привычным видом потока автотранспорта, от новейших автоматических таксомоторов до древних колесных автомобилей, давно списанных в США и нашедших приют здесь, в приграничной зоне.

— Ищете девочку, мистер? — какой-то мальчишка схватил его за рукав, пытаясь остановить.— Моей сестре всего семь лет, она ни разу не была с мужчиной, мамой клянусь, вы будете первым.

— Сколько? — машинально спросил Эрик.

— Десять долларов и плата за номер в гостинице. Нельзя терять невинность на улице — после этого теряешь уважение к себе.

— Справедливо,— откликнулся Эрик, не останавливаясь. С приближением ночи уличные торговцы-робанты с тележками и

корзинами с тамалем — толченой кукурузой с мясом, наперченным чили,— постепенно исчезали вместе с привычной дневной толпой зевак и пожилых американских туристов. Их сменяла другая публика. Вот мужчина, торопясь куда-то, грубо оттер его в сторону; совсем рядом протиснулась девушка в тесной, чуть не расходящейся по швам, юбке и свитере, коснувшись на миг его своим телом, словно бы на этот миг они стали одним целым. Но девушка тут же исчезла в ночи. Несколько развязных мексиканцев в меховых куртках с отворотами надвинулась на него: они как рыбы жадно разевали рты, словно задыхались в поисках чего-то, остро необходимого; тоже, наверное, под кайфом. Эрик предусмотрительно отошел.

В этом городе, где все разрешено и можно достать что угодно, чувствуешь себя как Вергилий в своем излюбленном детском королевстве — бэбиленде. Как будто находишься в центре вселенной, где любая вещь, словно игрушка в кроватке младенца, в пределах досягаемости, стоит только протянуть руку. Но билет в бэбиленд стоит дорого, плата за него — отказ от взрослого состояния, то есть, собственно говоря, ото всего, что ты есть. И все же Эрик любил это место. У многих Тихуана вызывала отвращение, но только не у него. Заблуждение считать Тихуану скоплением пороков. Беспокойные, слоняющиеся по городу стаи самцов в поисках Бог знает чего, даже не догадывались, что их гонит природа и инстинкты — подсознательный зов самой протоплазмы. Это неотступное беспокойство когда-то вывело жизнь из воды на сушу, и теперь, превратившись в сухопутных млекопитающих, они продолжают слоняться по улицам в поисках незнамо чего.

Перед Эриком возникла вывеска салона татуировок. Сквозь прозрачную витрину было видно, как художник орудует электрической иглой, чуть касаясь кожи, рисует на теле причудливый узор.

Эриком внезапно овладел новый приступ мазохизма. Что бы такое изобразить на себе в память об этом времени? Что бы утешило его в предстоящие годы невзгод и лишений?

Он вошел и сел в кресло.

— Вы можете нарисовать...— он задумался. Хозяин продолжал трудиться над горой мышц солдата ООН, который тупо и бессмысленно смотрел перед собой.

— Выберите в альбоме,— сказал хозяин.

Эрику передали громадный альбом, который он раскрыл наугад. Женщина с двойным бюстом — на каждой груди помещалось целое высказывание. Космический корабль, изрыгающий

столбы пламени из дюз. Эрик сразу вспомнил о себе из две тысячи пятьдесят шестого года, просьбу которого так и не удовлетворил. «Пусть это будет татуировка „За ригов“»,— решил он. Чтобы ни у кого не вызывала сомнений его политическая приверженность, когда его в очередной раз задержит жандармерия. И тогда уже не надо будет принимать никаких решений: его просто поставят к ближайшей стенке.

Кто-то упрекал его в жалости к себе. А существует ли вообще самосострадание? И есть ли смысл в этом слове? Не часто приходилось о нем слышать.

— Ну что, выбрал, приятель? — спросил хозяин, покончив с клиентом.

— Вы можете написать на груди: «Кэт больше нет»? Сколько это будет стоить?

— «Кэт больше нет?» А что с ней?

— Ну, напишите «Кэт умерла».

— Значит, умерла,— автоматически повторил хозяин татусалона.— Умерла от чего?

— От болезни Корсакова.

— Как вы сказали? — татуировщик взял ручку и блокнот.

— Слушайте, где можно достать наркотики? Настоящие наркотики.

— Ну ты даешь, парень. Не туда пришел. В аптеке напротив, конечно,— здесь занимаются только росписью по мясу.

Эрик вышел из салона, снова погружаясь в водоворот уличной кутерьмы. В витрине на противоположной стороне улицы торчали протезы и костыли. Эрик открыл дверь и подошел к прилавку.

— Чем могу помочь? — обратился к нему седовласый аптекарь респектабельной наружности.

— JJ-180,— Эрик положил на прилавок пятидесятидолларовую бумажку.

— Сто долларов США,— сказал аптекарь, посмотрев на деньги.

Эрик добавил пару десяток и две пятерки.

Аптекарь вышел и вернулся со стеклянным пузырьком, в котором болтались несколько капсул. Взяв деньги, он мелодично звякнул старинной кассой, выбил чек и положил деньги в лоток.

— Благодарю вас.

Никаких эмоций, ни удивления, ни испуга,— обычная покупка.

Эрик вышел из аптеки и бродил по улицам, пока не вышел к отелю «Цезарь», не отдавая себе отчета, как у него это получилось: случайно или ноги сами занесли его сюда.

За стойкой стоял тот же самый портье.

— Помните рига, с которым я приходил сюда?

Портье отвечал безмолвным взором.

— Правда, что его порвали на части сволочи под командой Корнинга, который заправляет в местном секторе?

Портье молчал.

— Дайте мне ключ от его номера!

— Деньги вперед,— ответил портье, бездушный, как автомат.

Заплатив, Эрик поднялся на лифте на нужный этаж. Пройдя по коридору, нашел комнату, открыл дверь ключом и на ощупь стал искать на стенке выключатель.

Когда вспыхнул свет, он осмотрелся и понял, что в комнате не осталось ни единого следа от разыгравшейся трагедии, как будто риг просто вышел пообедать.

Не зря Дег Дал Ил просил вернуть его в лагерь — предчувствовал, чем все кончится.

Комната внушала ужас.

Эрик подошел к столу, открыл пузырек, выкатил капсулу и аккуратно разрезал гривенником на три равные доли. В графине оставалась вода; он проглотил треть капсулы и стал ждать у окна. Понемногу ночь превращалась в день. Сколько времени прошло и в каком времени он находился, в своем или будущем? Комната оставалась прежней, да и что здесь могло измениться?

Доктор спустился и спросил свежую газету в ларьке рядом со стойкой. Одутловатая мексиканка протянула ему номер «Лос-Анджелес Дейли Ньюс».

Взглянув на дату, Эрик понял, что прошло десять лет: сегодня было пятнадцатое июня две тысячи шестьдесят шестого года.

Он забрался в кабину видеофона.

— Попросите Вергилия Аккермана.

— Как вас представить?

— Доктор Эрик Арома.

— Минуточку, доктор.

По экрану пробежала рябь и, наконец, вынырнуло осунувшееся, высохшее, как у мумии лицо.

— Эрик! Неужели это ты, глазам своим не верю! Как поживаешь, мальчик? Сколько же лет мы не виделись...

— Что с Кэт? — перебил Эрик.

— Прости, не понял?

— Я спрашиваю, как моя жена. Как она себя чувствует и где она сейчас?

— Твоя бывшая жена,— поправил Вергилий.

— Хорошо, пусть будет бывшая,— уступил Эрик.

— Но откуда я могу знать? Она давно уволилась, лет шесть назад, сразу после войны.

— Как ее разыскать?

Вергилий помолчал.

— Погоди, Эрик, ты же помнишь: она больной человек. Эти припадки... Ты же сам подписывал медицинское заключение. Что, дескать, у нее необратимые изменения в мозгу из-за наркотиков... Саймон Илд говорил, что она в больнице в Сан-Диего, у него там друг лечился от той же напасти.

— Позовите его,— Эрик подождал у опустевшего экрана, пока не появилось вытянутое печальное лицо служащего отдела инвентаризации.

— Кэт? — переспросил Саймон Илд.— Могу передать только, что мне рассказывал мой приятель. Он видел ее в психбольнице имени Г. Брауна, парень лечился там от нервного срыва, как вы это называете.

— Я это так не называю,— сказал Эрик.— Но продолжайте.

— Она совершенно неуправляема: постоянные припадки ярости, вспышки ненависти к окружающим — только щепки летят. Иногда до четырех раз в день. Она сидит на фенотиазине, но во время приступов он как мертвому припарки. Говорят, разрушение лобных долей. С памятью у нее тоже совсем плохо. Видимо, это паранойя — она подозревает врагов во всех,— замолчав, он добавил: — И до сих пор вспоминает о вас.

— Что говорит?

— Считает, что это вы упекли ее в дурдом.

— И зачем же?

— Говорит, что любила вас, а вы хотели жениться на другой, а от нее таким способом избавиться. А сами будто клялись, когда добивались развода, что у вас никого нет.

Повесив трубку, Эрик набрал номер больницы.

— Психоневрологический центр Эдмунда Г. Брауна,— сообщил усталый женский голос.

— Я хотел бы узнать, как здоровье миссис Кэртин Арома.

— Минутку,— женщина зашелестела бумагами.

Вскоре его переключили в палату, пдошла женщина помоложе, почему-то не в халате, а в обычном цветастом платье.

— Сэр, никаких изменений со времени вашего последнего звонка.

— А когда я звонил?

Она улыбнулась:

— На прошлой неделе. Мы делаем все, что можем, так что не беспокойтесь. Сейчас посмотрю ее карту.

Эрик содрогнулся. Получается, даже десять лет спустя он продолжал ухаживать за ней, как заботливый муж. Неужели он обречен, и это будет продолжаться всю жизнь, до самого конца?

Дежурная вернулась.

— Сейчас она проходит курс процедур у доктора Брамельмана. Лечение основано на импульсном восстановлении нервных клеток головного мозга, вызывающем их регенерацию. Впрочем, порадовать пока нечем, результатов почти никаких,— продолжала она, листая медицинскую карту.

— Надежда еще есть?

— О да, безусловно,— дежурная произнесла эти слова, как говорят «надежда умирает последней», так что в ответе ее не было особого смысла.

— Спасибо. Кстати, вы не скажете, что там у вас записано о моем месте работы? Я его недавно сменил, может быть, у вас устарели данные.

— Здесь написано, что вы главный хирург-трансплантолог Кайзеровского фонда в Окланде.

— Верно.

Эрик немедленно позвонил в справочную и узнал номер Кайзеровского фонда.

— Доктора Арома, пожалуйста.

— А кто его спрашивает?

На миг он растерялся.

— Скажите, что это... звонит его младший брат.

На экране появилось его постаревшее отражение, вывернутое наизнанку, где правое поменялось с левым.

Его двойник узнал себя.

— Я ждал твоего звонка. Теперь слушай, я скажу тебе, чего не знает дежурная. Этот прибор на самом деле искусственный мозг, точнее, часть мозга — то, что нам удалось смоделировать. Он вживляется под крышку черепной коробки и заменяет лобные доли до конца жизни.

— Мозговой протез?

— Да, но над ним еще предстоит много работать.

— Так что ничего утешительного?

— Нет,— покачал головой Арома-старший.

— Так ты считаешь, если бы мы с ней не развелись...

— Это ничего не изменило бы. Поверь, в некотором смысле развод накладывает большую ответственность. Тем более ей стало гораздо хуже именно после развода.

— Неужели нет выхода?

Эрик Арома из две тысячи шестьдесят пятого покачал головой.

— Что ж, спасибо за откровенность.

— Всегда нужно быть честным с самим собой. Желаю удачи.

— В чем?

— В оформлении развода, разумеется,— это тягостная процедура. Но все когда-нибудь кончается.

— А чем кончилась война?

Арома-старший усмехнулся.

— Война? Какая война? Ты слишком погряз в личных проблемах, чтобы обращать на это внимание.

Эрик повесил трубку и вышел на залитые солнечным светом улицы.

Вот она, Тихуана десять лет спустя. Никакой войны, никакой Звездной Лилии. Место уличных торговцев-робантов сменили риги, свободно расхаживающие по тротуарам. Вскоре он наткнулся на аптеку, где покупал JJ-180. Все было прежним, только с витрины пропали костыли и протезы — верный признак отсутствия войны. Вместо них Эрик заметил странный аппарат. Наклонившись, он прочел надпись на испанском: прибор гарантировал усиление потенции, позволяя «достигать неограниченного числа оргазмов, один за другим, практически без перерывов».

Усмехнувшись, Эрик прошел к прилавку в глубине аптеки.

Прежнего аптекаря не было, его сменила дама в возрасте, с крашеными черными волосами.

— Si? — она доброжелательно блеснула дешевыми никелированными зубами.

— Нет ли у вас германского препарата «g-Totex blau»? — спросил Эрик.

— Минутку, senior.

Женщина скрылась в подсобном помещении, и некоторое время Эрик ждал, бесцельно скользя взглядом по витринам.

— G-Totex blau? — тревожно переспросила она.

— Да.

— Но это необычайно сильный яд. Вы должны будете расписаться в книге, si?

— Si,— ответил Эрик.

Перед ним поставили черный ящичек.

— Два доллара пятьдесят центов, что-нибудь еще?

— Нет, спасибо. Этого будет достаточно

Женщина извлекла из-под прилавка толстый журнал записи выдачи опасных лекарств и положила рядом с привязанной к стеклу ручкой.

— Вы хотите убить себя, senior?

— Да, пожалуй.

— Этот яд действует совершенно безболезненно,— доверительно сообщила она, как говорят о хорошем испробованном лекарстве, которое помогло многим знакомым.— Я видела, никакой боли, просто останавливается сердце.

— Да, хороший яд,— согласился Эрик.

— Ну что вы, германское качество! — она улыбнулась.— Вы не пожалеете, что купили у нас,— и одобрительно кивнула.

Эрик расплатился купюрами десятилетней давности, которые были приняты без слов, после чего вышел на улицу с покупкой.

Тихуана оставалась прежней. Странно, правда, что не было еще специальных кабинок для самоубийства, где, никому не мешая, можно отправиться в мир иной за десять песо. Хотя, вероятно, и такие уже появились.

Когда Эрик вернулся в гостиницу, навстречу вышел человек в форме охранника, расставив руки по сторонам и заграждая дорогу.

— Сэр, вы здесь не живете. Хотите снять номер?

— Да.

— Десять долларов за ночь. Деньги вперед, поскольку вы без чемодана.

Протянутую купюру портье изучал долго и подозрительно.

— Эти деньги изъяты из обращения, их теперь не обменяешь, так что нам запрещено принимать подобные банкноты,— нахальным взглядом охранник уперся Эрику в глаза.— Гоните двадцатку, и то я подумаю, брать ли.

У Эрик оставалась только одна бумажка в пять долларов. И, как это ни странно, уцелевшая в хаосе всего, что с ним происходило, бесполезная теперь валюта из будущего.

— Что это? — клерк взял бумажку, вглядываясь в сложный многоцветный рисунок.— Сами сделали?

— Нет,— сказал Эрик.— Я...

— Сейчас я вызову полицию...

— Понял,— сказал Эрик.— Ухожу.

Оставив деньги на стойке, он покинул гостиницу.

В послевоенной Тихуане оставалось множество прежних глухих закоулков и тупиков. Эрик нашел между кирпичными строениями проход, засыпанный битым кирпичом и мусором из опрокинутых жестяных бочек, приспособленных под урны. Сел на ступеньки перед заколоченной дверью в заброшенное здание и закурил сигарету. С улицы его не было видно, зато отсюда он мог рассматривать спешивших прохожих; особое внимание привле-

кали девушки. Они ничем не отличались от прежних девушек Тихуаны: на высоких каблуках в свитерах из ангорской шерсти, с блестящими кожаными сумочками, в перчатках, с небрежно накинутым на плечи плащом, открытой высокой грудью, с непередаваемым изяществом во всем, вплоть до бретелек модного лифчика. Чем они зарабатывали себе на жизнь? Где научились так одеваться?

Эрик всегда поражался этому, и особенно теперь, десять лет спустя.

Может, спросить, где они живут и где покупают наряды, здесь или за границей? Бывали ли вообще в Соединенных Штатах? Еще интересно узнать, нет ли у них друзей в Лос-Анджелесе и в самом ли деле они так хороши в постели, как кажутся. И ведь дает же им жить какая-то невидимая сила! Хочется надеяться, что не за счет их страстности и нежности: если бы они платили подобной ценой, делаясь фригидными самками, это было бы издевательством над творениями природы, карикатурой на саму жизнь.

Беда таких девушек, что они быстро стареют. В тридцать они уже толстые, измотанные дамы с сумками. Куда деваются туфли на высоком каблуке, лифчики, сумочки, плащи, перчаточки? Остаются лишь черные, горящие из-под невыщипанных бровей глаза. Прежнее создание живет глубоко внутри, под складками жира и морщин, но больше не способно ни говорить, ни резвиться, ни заниматься любовью. Стук каблучков по тротуару превращается в неряшливое шарканье. Самое ужасное на свете слово — «бывший». То есть — живший в прошлом, увядающий в настоящем и изъеденный червями в будущем. Жизнь в Тихуане течет слишком быстро и вместе с тем остается на месте.

Ситуация Эрика была уникальной. Ему предстояло совершить самоубийство, которое должно произойти через десять лет. Что тогда произойдет? Он совершит суицид в будущем. Или, наоборот, сотрет себя с лица земли в прошлом десятилетней давности — или же здесь и там одновременно? А что станет с Эриком, который работает на Кайзера в Окланде? А десять лет, которые ему еще предстоит ухаживать за больной Кэт,— как его отсутствие скажется на ней, и что она будет без него делать?

Какая недостойная, трусливая месть — месть тяжелобольному, которого невозможно наказать больше, чем он уже наказан. До чего же он был ненавистен самому себе!

Эрик взвесил в руке упаковку со смертельным ядом.

Земля притягивала яд, как и все остальное. Земля отрицала смерть, тем более добровольную.

И тут что-то проехало по ботинку. Эрик отдернул ногу, решив, что это выскочившая из мусора крыса,— и увидел маленькую тележку на колесиках, проворно мелькнувшую в тень. На тележку набросилась другая, точно такая же. Они встретились среди вороха старых газет и груд пустых бутылок, чтобы решить свои проблемы. Гора мусора пришла в движение; соперницы дрались, разгоняясь и с ходу врезаясь друг в друга, пытаясь вывести противницу из строя, выбить батарейку.

То, что тележки Химмеля существовали десять лет спустя, иначе как чудом и не назовешь. А может, Брюс Химмель по-прежнему продолжает их мастерить? Эрик наблюдал за битвой, пока одна из тележек не победила; она с гордым видом откатилась на кучу мусора, напоминая горного козла, выбирающего позицию для последнего удара.

Побежденная тележка воспользовалась моментом и метнулась в убежище — под прикрытие дырявого цинкового ведра. Здесь она затаилась, надеясь переждать опасность. «Не поделили территорию»,— решил Эрик.

Он встал и схватил победительницу. Колеса отчаянно закрутились, и тележке удалось вырваться. Она грохнулась об асфальт и вдруг покатилась человеку под ноги, словно пытаясь раздавить высившегося над ней гиганта. Удивленный, Эрик отступил на шаг назад. Тележка сделала еще один угрожающий выпад, заставляя отойти еще дальше. Удовлетворенная, тележка триумфально объехала человека и покатила прочь, дребезжа колесами по тротуару.

В ведре по-прежнему выжидала проигравшая тележка.

— Не бойся,— сказал Эрик, присаживаясь на корточки, чтобы лучше разглядеть ее.

Раненая тележка не двигалась.

— Ладно,— сказал Эрик, вставая.— Я понял.

Она знала, чего хочет; ей не нужны его утешения.

«Даже эти существа хотят жить. Брюс прав: все имеют право на место под солнцем и на земле. Это все, что они требуют, и это не так уж много». А он не способен занять место под солнцем и приложить все силы, чтобы выжить в замусоренном переулке Тихуаны. У этой вещи, нашедшей убежище в цинковом ведре, нет ни жены, ни работы, ни жилища, ни денег, ни даже возможности обзавестись этим в будущем — и все-таки она существует. По неведомой Эрику причине ее привязанность к жизни сильнее.

«G-Totex blau» уже не казался привлекательным.

Даже если Эрик решился — то почему именно сейчас? Неужели самоубийство настолько неотложное дело?

Внезапно закружилась голова. Эрик зажмурился, пренебрегая тем, что его может атаковать вторая тележка. Потом посмотрел на черный продолговатый ящичек в руке — почему-то ему казалось, что это ящичек, хотя это была обыкновенная картонная коробка. Интересно, в какой упаковке находится яд? Надо хотя бы посмотреть...

Коробка была странно легкой; внутри она оказалась пустой — хотя Эрик мог поклясться, что когда выходил из аптеки, в коробке что-то увесисто шуршало, какие-то пакетики, должно быть, с порошком. Но содержимое коробки исчезло. И слой мусора под ногами стал заметно тоньше. По длинным теням, которые отбрасывали окружающие предметы, Эрик понял, что время близится к вечеру и, стало быть, действие наркотика заканчивалось. Он снова оказался в своем времени. Последний раз он принял треть капсулы ночью, а сейчас было примерно пять часов вечера. Как и в прошлый раз, возвращение пришлось не точно на то время, из которого он исчез. И, значит, Пришельцы уже начали атаку на Землю.

Воздух задрожал, и свет внезапно померк.

Подняв голову, Эрик увидел над собой огромную черную тушу военного корабля, опускавшегося на Землю в жуткой величественной тишине: двигатели корабля безмолвствовали. Этот корабль только что на сверхсветовой скорости пересек пространство Галактики.

Как жаль, что с собой не было хотя бы пистолета!

Эрик шел по улице, глядя на замерших прохожих: все смотрели в небо, завороженные присутствием черного чудовища.

— Такси!

Он поймал низко летящую машину.

— Гони в ТИФФ,— приказал он системе управления.— Мчи как ветер и не обращай внимания на правила и приказы, если тебя станут останавливать по рации.

Машина вздрогнула, отрываясь от асфальта, и нерешительно повисла в воздухе.

— Полеты запрещены, сэр.

— Кем запрещены?

— Имперским Воздушным командованием Звездной Лилии; приказ только что пришел.

— Мне плевать на их приказы, сейчас я управляю ситуацией! — рявкнул Эрик.— И я должен немедленно прибыть в корпорацию ТИФФ: судьба всей войны зависит от моего присутствия там!

— Слушаюсь, сэр,— машина взмыла в небо.— Какая честь для меня, сэр, везти столь важную персону.

— Мое присутствие там вызвано задачей стратегического значения,— продолжил Эрик.

Он останется на фабрике, среди людей, которых знает и которые дороги ему. А когда Вергилий сбежит на Вашинг-35, он последует за ним. Судя по тому, что ему известно, побег произойдет в течение года.

«И там, в ТИФФе, я снова наткнусь на Кэт»,— вдруг вспомнил он.

Машина вздрогнула, когда он спросил:

— Если бы ваша жена была тяжело больна...

— У меня нет жены, сэр,— ответило такси.— Автономные системы не женятся, это всем известно.

— Ладно,— кивнул Эрик.— Тогда представьте себя на моем месте: если бы у меня была больная жена, причем безнадежно, неизлечимо больная, вы бы оставили ее? Или, скажем так, остались бы с ней, если бы знали, что обречены еще как минимум десять лет сидеть у ее постели?

— Понял, о чем вы, сэр,— отозвался автомат.— То есть никакой другой жизни для вас не существовало бы, кроме нее.

— Верно.

— Я бы остался,— решило такси.

— Почему?

— Потому что жизнь устроена из условий реальности, так уж заведено,— ответило такси,— И прерывая эти связи, разрушаешь саму реальность. Создавая тем самым какие-то новые, собственные реальности.

— Наверное, вы правы,— сказал Эрик после некоторого размышления.— Думаю, я в самом деле останусь с ней.

— Благослови вас Бог, сэр,— сказало такси.— Я вижу, вы добрый человек.

— Спасибо,— ответил Эрик.

Такси мчалось в сторону корпорации ТИФФ.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЧТАЮТ ЛИ АНДРОИДЫ
ОБ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ ОВЦАХ?
(Перевод Н. Романецкого) 5

СИМУЛЯКРЫ
(Перевод Н. Романецкого) 183

ВТОРЖЕНИЕ С ГАНИМЕДА
(Перевод П. Киракозова) 383

В ОЖИДАНИИ ПРОШЛОГО
(Перевод С. Фроленка) 531

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны»
«Капитул Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2004 году в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман новой трилогии — «БАТЛЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу: Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-8101, 215-5513 107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 1бa, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метрамаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Литературно-художественное издание

Дик Филип К.

В ОЖИДАНИИ ПРОШЛОГО

Сборник

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Ведущий редактор *В. Гончаров*
Редакторы *С. Федотов, О. Жакова*
Художественные редакторы *О. Адаскина, В. Андреева*
Компьютерная верстка: *А. Яблонская*
Корректоры *Ю. Жукова, В. Иванов*

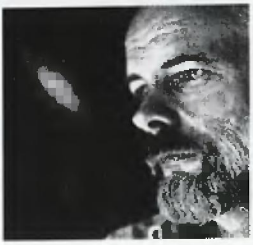
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14



Филип К. Дик (1928 –1982).

Величайший визионер от фантастики XX века.

Один из оригинальнейших писателей прошедшего столетия.

Человек, непрестанно задававший читателям один и тот же вопрос: «Насколько реальна РЕАЛЬНОСТЬ?»

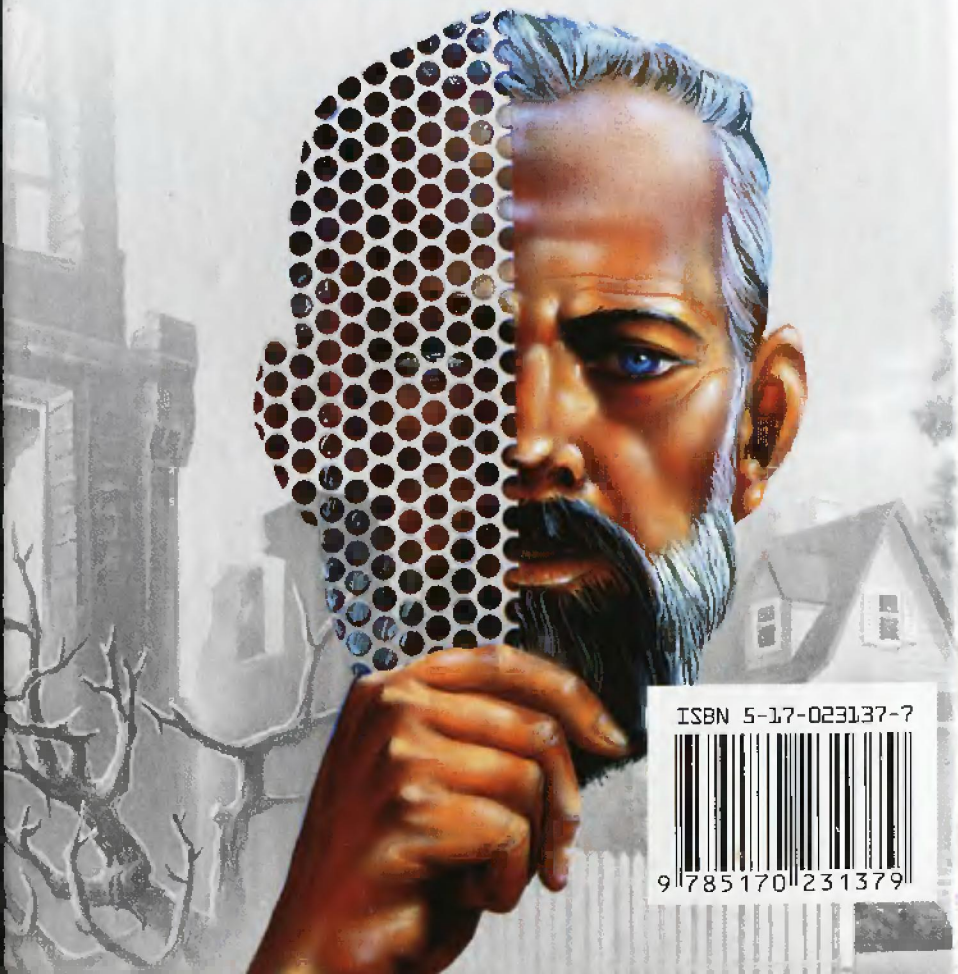
Филип К. Дик. Автор, для творческого наследия которого «не работают» никакие эпитеты!

Перед вами — Филип К. Дик каков он есть.

Разный. Всегда — разный. И всегда — ВЕЛИКИЙ.

Филип К. Дик. Писатель, каждое произведение которого — дверь в иной мир. В мир забавный, но чаще — страшный.

«Мечтают ли андроиды об электрических овцах?»
«Симулякры»
«Вторжение с Ганимеда»
«В ожидании прошлого»



ISBN 5-17-023137-7